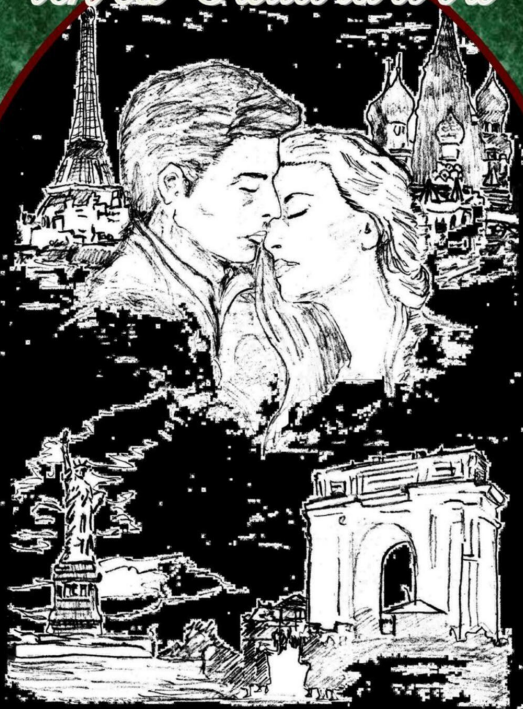

Илья Сашойлова

*На службе Отечеству, или
Пешки в чужой игре*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Инга Самойлова
На службе Отечеству,
или Пешки в чужой игре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69924406

SelfPub; 2023

Аннотация

Глебов Алексей – бывший аферист, которому пришлось принять участие в событиях, происходящих в России и в мире в начале XX века. Кровавое воскресенье, ознаменовавшее начало Первой русской революции, заключение мирного договора с Японией в Портсмуте, террористические акты в России, тайная деятельность масонов... Вымысел сюжета органично вписывается в исторические события того времени, а исторические личности помогают раскрыть особенности эпохи. В романе присутствуют и любовь, и авантюры: чтобы защитить и вернуть свою любимую жену, главному герою придется вернуться к своему прежнему ремеслу – аферам... Исторический приключенческий роман «На службе Отечеству, или Пешки в чужой игре» является продолжением авантурных приключений главного героя романа «Дом там, где ты...».

Содержание

Инга Самойлова

На службе Отечеству, или Пешки в чужой игре

1

От автора

Сюжет романа не претендует на историческую достоверность.

Historia magistra vitae (лат.) – История – наставница жизни

Пролог

15 июля 1904 г.

...Солнечный, ясный летний день. По Измайловскому проспекту на значительном расстоянии друг от друга двигались четыре молодых человека. Каждый нес на себе печать смерти. Каждый готов умереть. Каждый готов убить. На этот раз они не упустят своей жертвы!

Точно в определенный час показалась карета. Высокопоставленный чиновник, сидящий в ней, направлялся с докладом к царю. Первый посланник смерти пропустил карету мимо. Ловушка захлопнулась – если карету повернут обратно, он бросит бомбу.

Второй террорист сбавил шаг, как только заметил приближающуюся цель. Сердце бешено отбивало ритм. Карета приближалась. Около смертника кони замедлили бег – впереди путь преградили дрожки. Смертник сошел с тротуара и бросился к карете. Сквозь стекло дверцы он увидел своего противника – свою жертву, которая, заметив его, метнулась с искаженным от ужаса лицом в сторону. Сердце на миг замерло. В следующий момент в стекло полетела бомба. Раздался взрыв...

* * *

Глава 1. Лопухин

Декабрь 1904 г. Петербург

Директор департамента полиции, Лопухин¹ Алексей Александрович, истинный аристократ и внешне и по манерам, восседал за своим рабочим столом и надменно смотрел через пенсне на своего лучшего служащего Малышева, который стоял перед ним, теребя в руках папку с делом.

– Ну-с, докладывайте, что дал допрос арестованного? – спросил он нетерпеливо.

– Арестованный Тарасов признался, что следил за вами с целью покушения. Он назвал некоторые имена и адреса, но по названным адресам нам никого не удалось задержать.

---

¹ Алексей Александрович Лопухин (1864, Орёл, Российская империя – 1928, Париж, Франция) – судебный и административный деятель Российской империи, директор Департамента полиции в 1902 – 1905 гг.

Сообщники Тарасова успели скрыться.

Лопухин свел брови:

– Плохо! Плохо работаете!

Он гневно сжал губы в тонкую линию. Затем резким тоном спросил:

– Выяснили, кто готовит покушение?

Помощник перевел дыхание:

– Все распоряжения Тарасову передавались от некоего Валентина².

– Валентин?

– Да. – Помощник помялся в нерешительности. – Это имя упоминал террорист Сазонов в бреду, когда был ранен во время покушения на ныне покойного фон Плеве³.

Скулы Лопухина напряглись, а глаза сузились.

– Значит, опять объявился Валентин, – с трудом произнес он. – Что говорит агент Азеф⁴ об этом Валентине?

– Он ничего не знает. О готовящемся покушении тоже ничего не слышал. Но мы усилено работаем в этом направлении, Алексей Александрович.

---

² Прим. автора: Революционеры использовали псевдонимы, подлинные имена знал только близкий круг доверенных лиц.

³ Вячеслав Константинович Плеве (1846, Мещовск Калужской губернии – 1904, Санкт-Петербург) – министр внутренних дел Российской империи с 1902 по 1904 г. Убит боевой организацией партии эсеров.

⁴ Евно Фишелевич (Евгений Филиппович) Азеф (1869, г. Лысково близ Гродно – 1918, Берлин) – российский революционер-provokator: эсер и одновременно – агент Охранного отделения.

Азеф – и не знает! Директор Департамента полиции вскопчил на ноги и напряжено зашагал по кабинету взад-вперед. Затем резко, будто чеканя каждое слово, сказал:

– Надеюсь, вы еще помните, что убийство Плеве застало наш Департамент врасплох! Хотя возможность этого убийства мы давно предвидели. Целый ряд раскрытых подготовок к этому убийству достаточно убедительно подтверждал правильность подобного умозрительного заключения! И все же у Департамента и у самого Плеве прочно держалась уверенность, что удар удастся отвести. Каков же был результат, вам напоминать не нужно?!

Помощник отвел глаза, уставившись в сторону.

– Я не собираюсь повторять судьбу Плеве! Найдите мне Валентина! И в ваших интересах, чтобы это произошло как можно скорее. А теперь, оставьте папку с делом и идите!

Малышев аккуратно положил папку на стол, предусмотрительно развернув в правильное положение и расположив прямо напротив кресла директора. Затем отступил в сторону, отдал честь, шелкнув каблуками, и быстро вышел.

Дождавшись, когда помощник закроет за собой дверь, Лопухин сел в кресло, открыл папку и стал изучать документы. Они содержали акты допросов Тарасова, а также сведения, касающиеся Валентина. Действительно, раненый при взрыве Сазонов в бреду назвал ряд имен, и среди них имя руководителя покушения – некоего «Валентина», неуловимого, будто фантом.

Лопухин оттолкнул документы в сторону. Недовольство накатило новой мощной волной. Все следствие по делу об убийстве Плеве было проведено с величайшей небрежностью! При чтении документов Лопухину временами трудно было отделаться от мысли, что следователи только по обязанности участвовали в поисках виновников и в душе готовы были присоединить свои голоса к хору радующихся гибели министра внутренних дел. Теперь же покушение готовилось на него – директора Департамента полиции – Лопухина.

Лопухин встал и прошелся от стола к окну. Заложив руки за спину, хмуро уставился на заснеженную улицу, не замечая, что там происходит.

В последнее время Лопухин перестал доверять тем людям, которые его окружали. Он их опасался. Он знал этот мир власти, где каждый может предать, переступить через давнишнюю дружбу и службу, чтобы урвать более лакомый кусок. Со смерти Плеве, его наставника, честолюбивые планы Лопухина стали рушиться как карточный домик – пост министра внутренних дел, который прочил ему Плеве, получил Святополк-Мирский⁵, а он – директор Департамента полиции – оказался в опале со стороны императора. И вот теперь, ко всему прочему, над ним нависла угроза расправы.

Лопухин считал, что если уж в Департаменте знали о том,

---

⁵ Пётр Дмитриевич Святополк-Мирский (1857, Владикавказ – 1914, Санкт-Петербург) – русский государственный деятель, князь. С августа 1904 г. занимал должность министра внутренних дел Российской империи, с которой был уволен в январе 1905 г. вскоре после начала массовых беспорядков.

что на Плеве готовится покушение, но не смогли его защитить, то нет никакой гарантии, что теперь его – Лопухина – смогут уберечь от покушения. И захотят ли? Кругом одни Иуды! Ко всему прочему он все больше убеждался в том, что убийство Плеве и готовящееся покушение на него взаимосвязаны. Лопухин стал подозревать, что покушение готовится кем-то, кто не любил Плеве, а теперь старался избавиться и от сторонников бывшего министра внутренних дел – то бишь от него – директора Департамента полиции. Значит, за таинственным Валентином может стоять не некая боевая группа террористов-революционеров, а политические лица или лицо, стремящиеся расчистить себе место во власти. Поэтому верить своему окружению нельзя!

Лопухин вздохнул, снял пенсне и двумя пальцами надавил на переносицу, закрыв глаза.

Необходимо найти такого человека, – убеждал себя Лопухин, – который бы работал только на него. Не те тупые, пустоголовые агенты, что работают в полиции и которых видно за версту. Ему нужен неординарный агент. Человек, который был бы ловок и сообразителен. Внешне интеллигентен. Равнодушен к власти, к которой стремятся сильные мира сего. Не амбициозен. И имеющий уязвимое место – «ахиллесову пяту», с помощью которой Лопухин будет держать агента в своих руках.

Сложность состояла в том, где найти человека, который верой и правдой сослужил бы ему службу и не вонзил, об-

разно говоря, нож в спину.

* * *

Алексей Глебов просматривал газету, периодически поглядывая на дверь спальни, за которой находилась его жена.

Они опаздывали на премьеру концерта американской танцовщицы Айседоры Дункан, а Лиза была еще не готова. Это его нервировало, заставляло выходить из себя, но все же на этот раз он лишь крепче сжал зубы, удрученно вспоминая о том, что раньше он гордился своей выдержкой и хладнокровием. Но это все было до того, как он женился и встал на «путь праведный». Путь праведный заключался в том, что Алексей – авантюрист, аферист, карточный шулер, джентльмен удачи, по наследству получивший титул, не подкрепленный капиталом и землями, женившись на молоденькой взбалмошной провинциалке, покончил с прежней жизнью. На такое его подвигли действительно очень сильные чувства – любовь и страсть, которые он испытывал к ней. Она чувствовала к нему то же самое, он был в этом уверен.

Они были женаты меньше года и, хотя любили друг друга, но без скандалов не обходилось – оба были упрямы, себе на уме, имели разные, не схожие интересы, что приводило к разногласиям. Но чем громче был скандал, тем жарче, страстнее проходило примирение – они не вылезали из спальни сутками. А потом начиналось все сначала: вместо того, чтобы заниматься «домашним очагом», как хорошей

добропорядочной супруге, несравненная Лиз пропадала до позднего вечера вне дома, выполняя поручения эсдеков⁶. Алексея политические увлечения жены удручали, но чем больше он пытался повлиять на жену, тем больше было сопротивление с ее стороны.

Алексей только сейчас сообразил, что уже минут пять ту-по смотрит в газету, ничего не читая. Он судорожно сжал ее края и стал считать до десяти. «Раз, два, три...»

За дверью спальни что-то грохнуло.

Алексей чертыхнулся и шепотом медленно стал считать снова.

– Раз, два, три, четыре... Лиз, черт побери, сколько можно ждать! – Он вскочил на ноги и быстро направился к спальне.

Распахнув дверь, он уставился на жену. Лиза, одетая лишь в панталончики и корсет, стояла возле их обширной кровати, на которой были разбросаны ее платья.

Она взглянула на него своими большими голубыми глазами с мольбой о прощении.

– Ты еще не одета, – с расстановкой произнес Алексей. – Позволь узнать, почему?

Он успел заметить, как в ее глазах полыхнул огонь, прежде чем она прикрыла их длинными ресницами, пряча от него свои эмоции.

– Я не могу выбрать, – ответила она обескуражено, театрально махнув рукой на платья.

---

⁶ Эсдеки (разг.) – социал-демократы.

Уголок рта Алексея недоверчиво изогнулся вверх. Выбрать наряд никогда не было трудностью для Лизы. Она за-теяла игру по каким-то причинам, и он решил подыграть ей.

– Позвала бы меня. Я бы тебе помог, – сказал он, закры-вая дверь. Затем повернулся к жене. Все-таки она чертовски хороша! Ее фигурка песочных часов сводила его с ума.

Лиза наклонилась к кровати за одним из платьев, и Алек-сей уставился на ее аппетитную попку, невольно задержав дыхание.

– Может быть это? – прикладывая платье к себе и поворачи-ваясь к мужу, поинтересовалась Лиза. Одежда скрыла от него – к его глубокому разочарованию – ее восхитительное тело.

– Может быть, – ответил он, вздохнув. – Хотя... Возможно, лучше голубое.

– То, что с белыми лентами? – вновь склоняясь над кро-ватью, спросила она. Алексей снова задержал дыхание. Он с ума сходил по ее стройным ножкам! Кому к чертям нужен концерт?!

Когда Лиза повернулась, он стоял уже рядом, приблизив-шись к ней с грацией хищника. Ей пришлось приподнять го-лову, чтобы посмотреть ему в глаза. Алексей забрал из ее рук платье и бросил его на кровать, затем неторопливо по-ложил горячие ладони на ее тонкую талию, переходящую в крутой изгиб бедер. Притянул к себе, не спеша склонился к ее губам.

– А как же концерт? – прошептала она. Ее руки скользнули по его плечам и оплели его шею.

– Концерт подождет...

Алексей поцеловал жену. Она мгновенно ответила ему с заразной пылкостью. В следующий момент он подхватил ее на руки и опустил на постель. Его губы скользнули по ее шее, коснулись в поцелуях плеч и спустились к так соблазнительно выпирающим из корсета нежным чувствительным грудям. Его руки прошли по ее телу... и неожиданно его рука наткнулась на какие-то бумаги, спрятанные под простыней! Они так явственно хрустнули под его весом, что оба замерли – Лиза от страха, Алексей от неприятной догадки.

Он отстранился от жены и вынул бумаги, спрятанные видимо наспех и не очень удачно. Кинув взгляд на текст, носящий политический характер, и соскользнув с кровати, он встал на ноги. Лиза напряженно смотрела на мужа, который раздраженно провел пятерней по черным, как смоль, волосам.

– Что это? – произнес он, сдерживая раздражение и гнев.

– Ленин. «Шаг вперед, два шага назад»⁷, – вздернув подбородок, ответила Лиза, хотя точно знала, что Алексею не

---

⁷ «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)» – произведение В. И. Ленина, изданное в Женеве в 1904 г. Содержит марксистское учение о пролетарской партии и организационные принципы большевизма, раскрывает политическое значение разделения РСДРП на большевиков и меньшевиков на 2-м съезде партии.

требуется ответа на его вопрос. Лучше было промолчать или мило так извиниться, но она не удержалась от сарказма. Муж не желал вникать в политику, то есть был политически совершенно неграмотен!

Алексей тоже не удержался от язвительности:

– Да! Как у нас – шаг вперед, два назад!

Он резкими движениями поправил воротничок и галстук и вышел из комнаты. У него никак не укладывалось в голове то, что пока он с нетерпением ждал ее в гостиной, его милая женушка изучала труды Ленина! Какого черта! Он надел пальто и шапку и покинул квартиру. Дверь громко хлопнула за его спиной.

Выйдя из дома, он сел в крытые сани, ожидавшие их на улице. Возничий хмуро посмотрел на него. Дожидаясь господ, он промерз до костей.

– Куда прикажете, барин?

Алексей молчал. Поймав лютый взгляд пассажира, возничий отвернулся и предпочел еще подождать.

Через пять минут вышла Лиза, на ходу запахивая меховое манто⁸. Она села рядом с мужем. Он приказал возничему трогать, назвав адрес.

Некоторое время ехали молча. Глебов кипел от гнева, и Лиза не решалась с ним заговорить. Спустя некоторое время Алексей почувствовал теплую ладошку жены на своей замершей руке – он не взял перчатки, когда выскочил из дома.

---

⁸ Манто – широкое женское пальто, обычно меховое.

Ее рука согревала, но Алексей по-прежнему сохранял холодное выражение лица.

– Ну, прости меня, – прошептала она искренне, наклонившись к нему. – Любимый мой. Хороший. Ласковый. Добрый, – нежно с расстановкой шептала она ему на ухо.

– Ты читала, пока я тебя ждал, – произнес он, все еще сердясь.

– Ну, прости меня, – проканючила она, погладив его пальцы. Он повернул к ней голову и посмотрел в глаза. Она виновато улыбалась. Алексею стало совестно.

– Надеюсь, и ты не будешь сердиться на меня, – сказал он, сжимая ее руку.

– Конечно, нет, – поспешила с ответом Лиз. Затем нахмурилась и с подозрением спросила:

– Ты это о чем?

– Мы не опаздываем на концерт.

– Не опаздываем?

– Да. В последнее время мы так часто опаздываем куда-либо по твоей... э... нерасторопности, что я решил немного оставить времени про запас.

– Немного... Сколько?

– Полчаса... – соврал Алексей, но тут же признался. – Час.

– Час! – Лиз ахнула.

– Заметь, что и этого не хватило бы!

– Обманщик! – рассердилась Лиза и попыталась выдернуть свою руку из его руки, но безуспешно. Он притянул ее

к себе и крепко обнял.

– Ты обещала не сердиться, – напомнил он со своей примечательной усмешкой проказника на лице.

– Ты меня обманул! – Лиза упорно сопротивлялась его обаянию и чувственной власти над ней.

– А ты в который раз обещала мне не опаздывать. – Он наклонился к ней поближе.

– И что теперь? Ты намерен мне всегда лгать?

– Ну, как сказать... Надеюсь, ты сама перестанешь меня обманывать.

Лиза молчала, покусывая губы.

– Я не хочу сейчас об этом говорить. – Она оттолкнула мужа и, усевшись как великосветская дама, выпрямилась стрункой.

Алексей насмешливо хмыкнул и, откинувшись на спинку сидения, засунул замершие ладони в карманы пальто.

* * *

В Дворянское собрание прибыли вовремя. Великосветские особы прибывали к парадному подъезду. Алексей выбрался первым из саней и протянул руку жене. Помогая Лизе спуститься с саней, он заметил, что под длинным платьем мелькнули ее голые лодыжки.

– Ты не надела чулки, – обличающе прошипел он жене на ушко.

Она искоса посмотрела на него:

– Конечно. Ты ведь хотел уехать без меня – я торопилась.

На этом перепалка закончилась. Войдя внутрь здания, они оказались в гуще чопорной светской публики. Приглушенные разговоры, шелест пышных женских юбок и дорогих нарядов, запахи изысканных духов и ароматных сигар...

Алексей смотрел на свою жену и испытывал гордость – она была естественна и великолепна и в этом зале дворянского собрания среди светской толпы, и где-нибудь среди обычных обывателей. Лиза, поймав его взгляд, улыбнулась.

– Что? – спросила она шепотом.

– Ты органично смотришься в этой роскоши, моя маленькая революционерка, – заметил он с ухмылкой. – Тебя это не смущает?

Лиза сердито стрельнула на него глазами:

– Опять глумишься над моими убеждениями? К твоему сведению, я борюсь за то, чтобы не было бедных, а не за то, чтобы «не было богатых»!

Алексей рассмеялся:

– Утопия, моя дорогая!

Лиза бросила на него сердитый взгляд, скинула ему в руки меховое манто. Когда он сдал верхнюю одежду в гардеробную и обернулся, Лиза уже исчезла из его поля зрения.

Он сокрушенно покачал головой и отправился ее искать. Приметив жену возле входа в зал, Алексей направился к ней, но нечаянно столкнулся с весьма представительным господином.

– Прошу прощения, – произнес Алексей и удалился к жене.

Господин в пенсне проводил его долгим внимательным взглядом, хмурясь, будто пытаясь что-то вспомнить. Затем отыскал взглядом невзрачного типа в толпе и кивком велел подойти.

– Что прикажете, Алексей Александрович?

– Тот господин, что только что столкнулся со мной. Я хочу, чтобы за ним проследили. Кто он, где живет, чем занимается, – отдал указание Лопухин.

– Будет сделано, ваше сиятельство. – Филер откланялся и исчез в толпе.

Лопухин узнал мужчину, с которым столкнулся. Много лет назад он был наслышан о нем, о его похождениях и талантах, которые он проявлял не только в учебе. Несколько раз сталкивался с ним в доме его дяди – графа Глебова, до разорения того, естественно. Потом некоторое время ходили слухи о том, что племянник покойного графа разбогател за границей, используя непревзойденный талант афериста. За руку его не поймали, но в хорошие дома не приглашали.

Лопухин задумчиво нахмурился. Его заинтересовала персона Глебова. Возможно, племянник покойного графа окажется именно тем, кого он так упорно искал...

Алексей обнаружил жену в компании молодого выскочки-повесы. Тот из всех сил старался произвести на Лизу впечатление, и та даже кокетничала с ним. Алексей жестом собственника обнял жену за талию и чмокнул ее в голое плечо.

– Куда ты пропала, дорогая? – произнес он, с ухмылкой смотря ей в глаза. Хотя он и улыбался, его улыбка не предвещала ничего хорошего. Он скользнул холодным жестким взглядом по собеседнику Лизы. Обескураженный молодчик неловко раскланялся и скрылся из виду. Лиза отстранилась от мужа.

– Тебе не нравится здесь? Может быть, хочешь уйти? – осведомился он.

– Ничего подобного! Мне очень хочется посмотреть выступление мадмуазель Дункан⁹.

– Тебе она понравится. Говорят, она эмансипированная современная женщина без предрассудков. Взбалмошная, как ты, – изрек Алексей, проводя жену в ложу.

– Прошу, не начинай, – предостерегла его Лиза, усаживаясь на предусмотрительно подвинутый Алексеем стул. Он сел рядом. До начала выступления супруги сохраняли молчание.

Наконец Айседора Дункан появилась на сцене, словно ее принесло музыкальной волной – девушка, одетая в прозрач-

---

⁹ Айседора Дункан или Исидора Дункан (1877, Сан-Франциско, США – 1927, Ницца, Франция) – урождённая Дора Энджела Дункан, американская танцовщица, основоположница свободного танца. Разработала танцевальную систему и пластику, которую связывала с древнегреческим танцем.

ную тунику и танцующая под музыку Шопена на фоне голубой шторы. Айседора мгновенно шокировала публику.

– Да она почти голая! – сорвалось с уст Лизы.

Алексей хмыкнул, и она кинула на него сердитый ревнивый взгляд. Затем повернулась к сцене.

На танцовщице не было ни корсета, ни лифа, ни трико. Лишь подвязанный у бедер хитон¹⁰, подчеркивающий женский силуэт. Босоногая греческая богиня парила на сцене, сливаясь с музыкой, в действе отображая эмоции, изливающиеся звуками музыки. Танцовщица кружилась, замирала, парила и умирала... Страсть, боль, протест, борьба, желание... образы мелькали перед замершей публикой...

Замолкла музыка. Зал молчал.

Господин с седыми бакенбардами демонстративно встал и вывел из рядов пожилую даму. Их шаги гулко отдавались в зале, пока они шли к выходу. Танцовщица ждала, застыв на сцене, лишь высоко вздымалась ее грудь, пока она пыталась привести в покой дыхание.

Тишину разрушили очень громкие уверенные хлопки рядом, но Лиза не сразу поняла, что первый нарушил тишину Алексей. словно проснувшись, на хорах вскочил на ноги мужчина и тоже оглушительно захлопал в ладоши. Толпа подхватила аплодисменты, которые нарастающей лавиной понеслись по залу.

---

¹⁰ Хитон – мужская и женская одежда у древних греков, подобие рубашки, чаще без рукавов.

Начался антракт. Лиза не тронулась с места. Она была поражена выступлением до глубины души, но большим потрясением для нее был поступок ее мужа. Ее потрясло, насколько продуманно и просто поступил он тогда, когда вся толпа замерла, не в состоянии определиться – то ли встретить выступление на ура, то ли освистать его. Он подтолкнул толпу. Он заставил ее принять его точку зрения! Она гордилась им и одновременно испугалась. Испугалась того, что и ей он также легко может манипулировать. Или уже манипулирует! Лиза вздрогнула. Нерешительно посмотрела туда, где сидел ее муж, но его на месте не оказалось.

Она глубоко вздохнула. Лишь теперь до нее стал доходить смысл слов, которые произносили люди поблизости.

- Переворот в искусстве...
- Дункан – это Шлиман античной хореографии!
- Да бросьте! Талантлива, не более...
- Ее искусство без будущего...
- Все равно это прекрасно...

В это же время в другой ложе сидел Лопухин, погруженный в раздумья. Во время выступления танцовщицы он наблюдал за Глебовым. И от него также не ускользнул поступок Алексея. Похоже, он не ошибся на его счет.

* * *

Глебов тихонько выскользнул из ложи. Во время выступления ему все время казалось, будто за ним кто-то внима-

тельно наблюдает. Следит. Оценивает. Как только по залу понеслись бурные аплодисменты, он быстро осмотрелся, выискивая своего преследователя. Ему казалось, что из ложи напротив за ним наблюдали, но разглядеть, кто там сидит, Алексей не смог. Он пробежался взглядом по залу и тут же заметил невысокого человека с румяными мясистыми щеками. Филер¹¹ – несомненно. Алексей переместился вглубь ложи. Ищейка отвернулся от сцены и взглянул в их сторону, но, не заметив Алексея, опешил и кинулся к выходу.

Тогда-то Глебов и вышел в коридор. Спустился по лестнице в вестибюль. Шпик стоял возле швейцара, по всей видимости, выясняя, не покинул ли Алексей здание.

Глебов прошествовал мимо него, отчего тот сразу примок, на ходу достал портсигар. На выходе же, похлопав себя по карманам, развернулся, подошел к швейцару прикурить. Швейцар в мгновение ока чиркнул спичкой, услужливо поднес огонек к папироске Алексея. Подкурился, Глебов кинул равнодушный взгляд на шпика, выпустил струйку дыма и вышел на улицу.

Холодный зимний воздух мгновенно пробрался сквозь одежду, однако был приятно освежающим после духоты заполненных помещений. Некоторое время Алексей стоял на террасе и курил. Шпик не заставил себя долго ждать. Явился,

---

¹¹ Филёр – сыщик, агент Охранного отделения или уголовно-сыскной полиции в России конца XIX – начала XX в., в обязанности которого входили проведение наружного наблюдения и негласный сбор информации о лицах, представляющих интерес.

растеряно стал искать папиросы по карманам. Достал их, закурил. Искося наблюдая за ним, Глебов заметил, как нервно подрагивали при этом его руки. Сделав пару затяжек, Алексей вернулся в здание.

Во время антракта многие покинули зал, предпочтя размяться перед вторым отделением, и теперь заполняли окружающее пространство. Алексей поднялся по лестнице, свернул в один из проходов, прошелся по заполненному людьми коридору. Администратор театра с большим трудом удерживал публику, желающую увидеть Айседору Дункан.

– Господа! Господа, прошу вас, мисс Дункан необходимо подготовиться к выступлению. Ей необходимо побыть в тишине, – увещевал он, преграждая толпе путь.

Алексей обошел шумное столпотворение и свернул в еще один коридор. Он знал – шпик по пятам следует за ним. Наконец оказавшись в тишине и одиночестве, Глебов поспешно свернул за угол и прижался к стене. В коридоре раздались приглушенные ковровой дорожкой торопливые шаги. Как только филер оказался на расстоянии вытянутой руки, Глебов схватил его за шиворот, рванул в сторону так, что ударил об стену лицом, а брызги крови остались на красивых узорчатых обоях. Алексей быстро обшарил шпика и, обнаружив оружие, навел ствол ему в лицо.

Филер всхлипнул, из разбитого носа капала кровь.

– Кто приказал следить за мной? – задал вопрос Глебов.

– Вы ошиблись, я не следил за вами, – ответил тот, смотря

на дуло нагана. – Вы ведь не собираетесь стрелять?

– Посмотрим. – Алексей взвел курок и прижал ствол ко лбу шпика. – Рассказывай!

Глаза филера забегали, но он молчал. В коридоре так некстати раздались шаги. Шпик вырвался и бросился бежать. Глебов чертыхнулся, спрятал оружие за спиной. Мимо неторопливо прошел пожилой господин. Когда он удалился, Алексей посмотрел на наган, проверил. Не заряжен. Так вот почему подлец так спокойно себя чувствовал под прицелом!

Глебов зашагал в ту сторону, куда умчался филер. На ходу засунул оружие в кадку с раскидистым тропическим кустом. Коридор был пуст. Сам того не ожидая, Алексей оказался где-то за кулисами. Внезапно дверь одной из гримерок открылась и на пороге возникла миловидная молодая женщина в хитоне.

Увидев Алексея, она растерянно улыбнулась и произнесла на плохом французском:

– Oh, monsieur, je vous en prie, aidez-moi...¹²

Глебов улыбнулся.

– Мисс Дункан, можете говорить по-английски, – произнес он на ее родном языке.

– О! – На ее лице расцвела улыбка. – Как это замечательно! Наконец-то! Какая удача!

Алексей рассмеялся ее непосредственной живости.

– Я к вашим услугам, мисс Дункан.

---

¹² О, месье, прошу вас, помогите мне... (фр.)

– Пойдемте со мной, сэр. Мне нужна ваша помощь. – Она взяла его своими нежными ручками за локоть. Маленькая и очаровательная женщина в образе свободной античной греческой полубогини... из плоти и крови.

– С вами, куда угодно, – ответил с ухмылкой Алексей.

Иностранка заинтересовано кинула на него взгляд и повела в гримерку.

– У меня выступление, сэр. А эта русская гримерша, не понимает, что мне нужно, – произнесла она, кивнув на растеряно смотрящую на них розовощекую девицу. – Она не знает ни английский, ни французский. Она меня не понимает!

– И что же вы хотите, мисс Дункан? – Глебов повернулся к танцовщице.

– Мне для выступления нужен мой алый палантин. Без него сорвется мое выступление! – Она театрально подняла руки вверх, отчего явственно выделились ее полные груди и темные круги сосков под тонкой тканью хитона, которые тут же привлекли внимание мужчины.

– Что ж, – он кашлянул в кулак, затем повернулся к гримерше и произнес по-русски:

– Госпоже Дункан нужен для выступления ее алый шарф. Будьте любезны, найдите его поскорее.

Девушка покраснела и кинулась из гримерной. Как только она исчезла, появился администратор. Кинув на Алексея недоуменный взгляд, он произнес:

– Мисс Дункан, прошу на сцену. Через две минуты мы

начинаем!

Танцовщица ничего не успела ему ответить, так как в комнату влетела запыхавшаяся гримерша, неся на вытянутых руках огромный шелковый палантин ярко алого цвета. Айседора накинула его на свои голые плечи и повернулась к Алексею.

– Спасибо, мистер... – она вопросительно посмотрела на него.

– Глебов. Алексей Петрович, – представился он с легкой улыбкой сатира на губах, и она продолжила:

– Спасибо, мистер Глебов.

– Не стоит благодарностей, – произнес он. – Позвольте вас проводить, мисс Дункан. Никогда не был за кулисами. Хотелось бы взглянуть, как это – находиться по другую сторону сцены – не в зрительном зале.

Айседора рассмеялась.

– Что же, проводите меня, – ответила она, протягивая ему руку.

– С превеликим удовольствием. – Глебов галантно поцеловал ее пальчики.

Администратор вышел первым и зашагал по коридору, Айседора и Алексей шли следом за ним. Американка взяла Глебова под руку, кинула взгляд на его пальцы, примечая, есть ли обручальное кольцо.

– Вы женаты. Давно?

Алексей проследил за ее взглядом, посмотрел на золотой

ободок вокруг своего безымянного пальца.

– Скоро будет годовщина, – ответил он, с тревогой подумав о том, что филер сбежал, а он оставил Лизу одну в ложе. Единственное, что успокаивало, это то, что в ложе находились и другие господа, так что, его жену не стали бы трогать при свидетелях, даже если преследователям пришла бы эта мысль в голову.

– О, думаю, что она счастливица! – высказалась Дункан и сменила тему. – Вам понравилось мое выступление, мистер Глебов?

– Вы великолепны, мисс Дункан! Вы потрясли публику до глубины души. Я не могу найти слов, чтобы выказать вам свое восхищение, – ответил он без слащавого восторга, свойственного ярим поклонникам служителей Мельпомены. – В чем ваш секрет, мисс Дункан?

Айседора, довольная комплиментом красивого обаятельного мужчины, одарила его очаровательной улыбкой.

– Прежде чем выйти на сцену, я должна заставить работать в своей душе моторчик. Иначе я не смогу танцевать. И этот моторчик – мои чувства.

– Мисс Дункан! – позвал ее администратор.

– Мне пора, мистер Глебов. Прощайте.

– До свидания, мисс Дункан. – Алексей вновь коснулся губами ее пальчиков.

Айседора выпорхнула на сцену. Началось выступление.

Улыбка покинула лицо Глебова, и оно вновь стало сосре-

дотоечно серьезным. Пройдя к кулисам, он слегка отодвинул шторы. Место было выбрано удачно – отсюда просматривался весь зал, поэтому-то он и напросился с Айседорой за кулисы.

Алексей посмотрел туда, где должна была находиться Лиза. Увидев ее, он немного успокоился. Значит с ней все в порядке. Затем взглянул в сторону ложи, откуда, как он предполагал, за ним наблюдали. Там явно кто-то был, скрытый шторой и полумраком. Во мраке ложи что-то блеснуло. Что это? Монокль? Пенсне?

Глебов поспешно прошел за сценой, миновал коридор, поднялся по лестнице, вновь прошелся по коридору и оказался возле красивой резной с позолотой двери.

Он осторожно приоткрыл ее. Ложа пустовала.

* * *

Началось второе отделение, а Алексей так и не пришел. Лиза начала волноваться. Не выдержав безызвестности, она решительно направилась к выходу, но в дверях столкнулась с Алексеем. Он моментально обнял ее за талию и прошептал с ухмылкой на губах:

– Соскучилась по мне?

– Где ты был?

Он чмокнул ее в губы, не стесняясь того, что в ложе они были не одни. Лиза ради приличия отстранилась.

– Что-нибудь случилось? – спросила она, почувствовав

внутреннее напряжение мужа.

– Ну что ты, – солгал он, улыбнувшись. – Хочешь уйти?

– Нет, давай останемся. Я хочу досмотреть выступление.

Глебов проводил жену до их мест. Помог сесть. Сел рядом, нежно поцеловал руку супруги. Она улыбнулась ему и повернулась к сцене. Выступление было захватывающим и окончилось настоящим триумфом. Алексей же, охваченный тревожным чувством, во время выступления американки хмуро осматривался, да и после не терял бдительности, когда они отправились домой. Ничего подозрительного он не наблюдал. Но он не мог ошибиться. Опасность реально существовала, только он не знал, откуда она исходит.

_3

* * *

«...Алексей в рубаше, брюках, босой стоял посреди заснеженной улицы. Холода он не чувствовал, лишь ощущал нарастающую тревогу от звенящей тишины. Он оглянулся по сторонам. Раздался шепот. Едва уловимый он стал нарастать как лавина. И вот голоса достигли таких высот, что Алексей заткнул уши. Душераздирающие крики, вопли, стоны, проклятия звучали со всех сторон. Снег, что стелился под ногами белым покрывалом, вдруг стал краснеть на глазах. Поток крови хлынул по улицам, снег таял под этим напором, ненасытно поглощал ее, окрашиваясь в ярко-красный цвет. Эти потоки хлынули к его босым ногам, он попытался уйти

в сторону, но чьи-то руки – множество рук – тянули его обратно в кровавую лавину. И вдруг посреди этого ужаса он услышал голос Лизы. Она звала его, звала, звала. Он рванулся на ее голос и освободился от держащих его рук...»

– Алеша, проснись! – услышал он встревоженный голос жены над самым своим ухом и открыл глаза.

Лиза с беспокойством и сочувствием смотрела на него.

– Что, опять? – спросила она, поглаживая его по щеке.

Алексей глубоко вздохнул, пытаясь выровнять дыхание и унять гулкое сердцебиение. Давненько его не беспокоили кошмары. И вот опять они вернулись.

– Да, опять кошмар, – ответил он охрипшим голосом.

Лиза ласково и заботливо погладила его по волосам. Поцеловала в подбородок, на котором проступила щетина. Ее молодое тело прильнуло к нему, ноги сплелись с его ногами.

Алексей обнял жену, ощущая, как тепло ее тела возвращает его к жизни, заставляет вновь ощущать и чувствовать. Он прижался губами к ее плечу, втянул носом притягательный запах ее кожи. Затем сжал жену в объятиях и, перевернувшись вместе с ней, подмял ее под себя. Его губы жадно впились в ее уста, а пальцы неистово сжали грудь.

Лиза застонала, с готовностью отдаваясь во власть его желания. Лишь только так – в порыве страсти – муж забывал о своих кошмарах, пророчащих беды. Он овладел ею быстро, без прелюдии. Лиза вскрикнула, прикусила губу, чтобы сдержать вопль наслаждения. Страстная вспышка опалила

обоих...

...Алексей еще некоторое время сжимал жену в объятиях, затем откатился в сторону. Лиза поправила ночную рубашку и бережно накрыла мужа одеялом. Затем придвинулась к нему поближе и обняла. Он прижал ее к себе, но уже не страстно, а умиротворенно, наслаждаясь ее теплом.

– Если бы я не был на тебе женат, я бы сделал это прямо сейчас, – пробормотал удовлетворенно он с усмешкой на губах.

– Не знаю, согласилась бы я опять, – поддразнила она его. – Вы так темпераменты, Алексей Петрович. Я чувствую себя такой незащищенной!

– Вот как? – изобразил удивление Глебов, заглядывая ей в глаза. При слабом лунном свете ее голубые глаза казались темными и бездонными.

– Да. – Она кивнула, кокетливо потупившись.

– И что же делать?

– М-м, не знаю... Может быть, если бы вы шли на уступки...

– Уступки? – Алексей насторожился.

Лиза кивнула, игриво проведя пальчиками по его обнаженной груди.

– И какие же уступки тебе нужны, моя несравненная женошка? – поймав ее за руку, поинтересовался он.

Она вздохнула:

– То, что я делаю, для меня очень важно, а в последнее

время ты стал нетерпим к моей партийной деятельности...

– Та-ак! – протянул Алексей, усаживаясь. – Значит, я не терпим? Ты вообще осознаешь всю опасность, которой подвергаешь себя?

Лиза обиженно заморгала:

– Ты совсем меня не понимаешь!

– Думай что хочешь, но не забывай, что ты моя жена!

– Деспот! – выпалила Лиза. – Никогда не думала, что ты станешь таким!

– Каким?

– Приверженцем домостроя!

– Да! Думаю, пора взять за основу в наших отношениях правила, прописанные в «Домострое»¹³. Особенно те, что касаются жен. Начну с того, что запрещаю тебе выходить из дома!

– Ты не можешь запереть меня!

– Еще как могу! – ответил он тоном, не вызывающим сомнения.

Лиза уставилась на него. Губы ее задрожали, а на глаза навернулись слезы. Отвернувшись, она легла к нему спиной. Плечи ее вздрагивали от беззвучного рыдания.

Глебов выругался, соскочил с кровати, натянул штаны и, закурив, вышел. Когда он вернулся, то некоторое время мол-

---

¹³ Домострой («Книга, называемая «Домострой»», XVI в.) – сборник правил, советов и наставлений по общественным, семейным, хозяйственным и религиозным вопросам жизни человека и семьи.

ча смотрел на жену, лежащую все в той же позе. Она не спала – это он точно знал. Алексей лег на своей половине, нерешительно протянул к ней руку. Затем решившись, придвинулся к жене ближе, бережно погладил по плечу.

– Пойми, ты для меня – всё – я не могу тебя потерять, – произнес он.

– Вы думаете только о себе! То, что ВАМ нужно, то, что ВАМ удобно, то, что ВАМ хорошо. Вы, вы, вы! – огрызнулась Лиза. – А как же то, что Я хочу?

– И чего же ты хочешь, чего я тебе не даю? – Глебов вздохнул. Жена всегда начинала обращаться к нему на «вы», когда особо сильно на него сердилась.

– Возможности самой решать, как поступать! Вы всегда вели себя так, словно вольны, свободны, независимы. Это привлекло меня, и я влюбилась в вас! Но чем дольше мы живем вместе, тем больше вы ограничиваете мою волю. Вы... Вы меня подавляете!

Алексей соскочил с кровати и, запустив пятерню в волосы и взъерошив их, зашагал по комнате взад-вперед.

– Думаешь, мне легко? Ты же изменила мою жизнь! – Он остановился. – Я дорожил тобой настолько, что принял перемены. Теперь ты ставишь мне в укор то, от чего я не хочу отказаться: ты – моя женщина, и я всегда буду защищать тебя.

–Если я дорога тебе, дай мне большей свободы!

–Большой свободы?!

Лиза вскочила на ноги:

– Да!

Алексей обвел ее взглядом. Он смотрел на жену, одетую в тонкую ночную рубашку, и хотел крепко сжать ее в своих объятиях – так, чтобы она забыла обо всех своих обидах, – но вместо этого лишь крепко стиснул зубы и, засунув руки в карманы, сжал кулаки.

– Каким же образом? – Он невесело усмехнулся.

– Поступками! – Лиза вздохнула и, осознав, что муж готов пойти на уступки, безоговорочно заявила:

– Я иду завтра на заседание одного из гапоновских кружков.

– Заседание одного из кружков священника Гапона¹⁴? – удивился Глебов. На его лице отразилось недовольство. – За чем?

– Нам нужно узнать, что он из себя представляет.

– Нам? То есть твоим «товарищам»?!

– Опять ты начинаешь! – Она сжала кулачки. – Даже не пытайся отговорить меня, я все равно пойду.

Алексей недобро сверкнул глазами.

– Хорошо. Тогда я пойду с тобой.

– Нет!

– Это не обсуждается.

---

¹⁴ Георгий Аполлонович Гапон (Гапон-Новых) (1870, с. Беляки Полтавской губ. – 1906, Озерки) – православный священник, лидер христианского профсоюза «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга».

Они сражались взглядами. Наконец Лиза сдалась – возможно, если муж будет помогать ей, он проникнется идеями социал-демократов.

– Хорошо. Раз ты этого хочешь.

Глебов обреченно вздохнул. Приблизился к жене, все также стоявшей на кровати. Взяв за талию, приподнял супругу и поставил рядом с собой.

– Вот и договорились! – произнес он. Затем взял за руку и повел за собой. – А теперь давай ложиться спать.

Лиза не стала перечить ему и послушно легла на свою сторону кровати. Алексей разделся и лег рядом. Так они и лежали, уставившись в потолок. Лиза вздохнула, повернулась на бок и некоторое время смотрела на его лицо. Затем вздохнув, повернулась на другой бок и свернулась калачиком. Когда сон сморил ее, она сквозь дрему ощутила, как муж придвинулся к ней вплотную и обнял. Она улыбнулась и крепко заснула в его теплых объятиях.

* * *

По улице шли двое: рабочий и его жена. Алексею и Лизе не впервой было быть ряжеными. Однако на этот раз они направлялись не развлекаться, а на собрание, проводимое священником Гапоном. Лиза вкратце пояснила мужу суть своего задания: побывать на собраниях так называемого «Общества петербургских рабочих», послушать и понаблюдать.

– Зачем это нужно?

– У Гапона собираются сотни рабочих. Поэтому лучше быть в курсе происходящего, чем находиться в неведении, – ответила Лиза.

Глебов усмехнулся:

– И часто «ваши» бывают на его собраниях?

– Гапон не допускает социал-демократов, – Лиза поморщилась, – И у Рутенберга¹⁵ тонкий нюх на эсдеков.

– Рутенберг?

– Земляк и друг Гапона. Он инженер, работает начальником мастерской на Путиловском заводе. Думаю, он из партии эсеров.

Лиза остановилась и с мольбой и беспокойством посмотрела на мужа.

– Алеша, милый, я прошу тебя, постарайся не привлечь к нам внимание. Гапон своих рабочих знает в лицо. Если ты привлечешь внимание, нас выставят вон. И я провалю задание. Ты мне обещаешь?

Глебов покровительственно ухмыльнулся, погладил жену по замершей щеке.

– Не переживай. Я же с тобой.

Она вздохнула:

– Вот это-то меня и пугает. Ты же не можешь без *épatage*¹⁶.

---

¹⁵ Пётр (Пинхас) Моисеевич Рутенберг (1878, г. Ромны Полтавской губернии – 1942, Иерусалим, Британская Палестина) – инженер, политический деятель, активный участник русских революций.

¹⁶ *Épatage* (фр.) – эпатаж, умышленно провокационная выходка или вызывающее, шокирующее поведение, противоречащее принятым в обществе нормам,

Алексей весело рассмеялся:

– Раз уж я пошел с тобой, то постараюсь извлечь удовольствие от происходящего, моя дорогая!

Лиза тяжело вздохнула и первой вошла в парадную. Глебов последовал за ней.

Помещение с большим залом для собраний и вечеров было заполнено людьми – рабочие пришли с женами – после собрания намечался вечер с чаепитием. Как оказалось, темой предстоящего собрания было «Взаимопомощь, все за одного, один за всех».

– ...Ну, а что же тогда нам? – говорил один из рабочих, поблизости от Алексея и Лизы.

– Что? – произнес в ответ другой. – Одиннадцать часов работай, получи свои копейки, живи, как можешь и помалкивай, вот и все наши дела. А если невзначай забурчишь – вон, за ворота, на голодный отдых! У нас двоих рассчитали за то, что прилюдно мастера матюгнули. А у одного из них трое детей и жена в больнице – как он будет жить? На что?

– Надо пускать шапку по кругу. Двое по полтиннику, а ему рубль в дом.

– А что? Он дело говорит.

Лиза и Алексей, пробрались дальше и, устроившись на скамейке возле стены, постарались не выделяться из толпы рабочих и их жен. Вели себя скромно, говорили друг с другом шепотком.

– У Гапона есть помощники – рабочие Петров, Янов, Иноземцев, Карелин. Почти все они из рабочей верхушки, то есть имеют высокую квалификацию, неплохо зарабатывают и находятся на хорошем счету у фабрично-заводской администрации. Серьезные, непьющие, хорошие семьянины, – поделилась сведениями Лиза. – Они-то и должны подавать другим пример...

– А это что за колоритная фигура? – спросил Алексей у любопытного соседа – старичка, прислушивающегося к их разговору. Лиза замолчала.

Старик приставил ладонь к уху:

–А?

Глебов кивком указал на богатыря с окладистой бородкой и трубным голосом, попытавшегося привлечь внимание присутствующих.

–А! – Старичок пошамкал беззубым ртом. – Рабочий Филиппов, истово верующий человек. Отец Георгий для него – высшее слово разума и совести. – Старик со значением поднял скрюченный подагрой палец вверх. – А коли кто беспорядки на собраниях наводит, того поручают его заботам – под белы ручки и вон. – Его палец демонстративно указал в сторону дверей.

– Понятно. – Алексей повернулся к жене. Ну и нахальный же старикан!

В зале, наконец, стихло – появился поп Гапон в сопровождении мужчины лет сорока, как догадался Глебов, Рутенбер-

га. Гапон тепло, по-отечески заботливо поприветствовал рабочих и стал выступать. Алексей некоторое время изучающе наблюдал за ним.

Густые темные волосы священника были зачесаны назад. Аккуратные усы, бородка клинышком на длинном лице. Несомненно, он имеет успех у женщин. Бесформенный нос сдвинут влево, явно когда-то Гапону основательно вдарили в лицо. Длинные руки, стоило их хозяину проявить эмоциональность, взмывали вверх. Он умело пользовался голосом, сводя его то к трубному гласу, то к трагическому шепоту, в котором, тем не менее, было слышно каждое слово. У него, несомненно, ораторский талант, отметил для себя Глебов.

Тем временем священник говорил о силе рабочего товарищества.

– В Сибири говорят, на медведя в одиночку ходить – только сирот плодить. Вы стоите перед ликом Христа каждый сам по себе. А вы возьмитесь за руки, и на душе у вас станет светлее и теплее. Всегда помните: все от Бога. Абсолютно все. Бог дарит нам радости, но Бог посылает нам и испытания.

Среди рабочих прошел одобрителный шумок.

– Вы спрашиваете меня, братья и сестры, откуда обездоленному человеку помощи ждать? Мой вам ответ, уповайте на Бога, уповайте и помогайте друг другу! Не ждите помощи от политиков. Вы знаете об эсдеках, называющих себя рабочей партией. Не верьте им, братья и сестры! Все они – евреи, иноверцы, не заслуживающие доверия! Знаете вы и об эсе-

рах. Да, эсеры готовы делать полезное дело, но нарушают заповедь «не убий». Я же призываю вас, братья и сестры, молитесь Богу, молитесь, чтобы царь сам даровал вам, своему народу, лучшую жизнь...

Чем дольше Глебов слушал Гапона, тем больше понимал, что перед ним стоит самолюбивый тип. «Спрашиваете меня», «мой ответ», «я призываю» подчеркнуто звучали в его речи. Священник чрезмерно тщеславен и потому опасен.

Алексей посчитал, что с него лекций на сегодня хватит, и посмотрел на жену. Однако Лиза сделала вид, что не заметила его призыва удалиться.

Глебов вздохнул. Желая спровоцировать соседа, онглянул в его сторону, но старик, привалившись бочком к стенке, прикорнул. Эх, значит, план с провокацией отпадает. Алексей искоса взглянул на Лизу. «Что же, прости, родная, обещание не сдержу». Он демонстративно зевнул, заерзал на месте, пытаясь устроиться поудобней. Даже расположился бочком к стене, как это сделал старик-сосед, осталось лишь заснуть с громким храпом.

Тем временем Лиза нервничала и злилась. Пару раз она локтем ударила Алексея в бок, чтобы он угомонился, но безуспешно. Когда же Гапон заговорил о том, что борется за лучшую жизнь для рабочих, чтобы не было среди них нищеты и голода, неожиданно и громко на все помещение раздался голос Глебова:

– Скажите, батюшка, что вы намерены сделать? За счет

каких средств произойдет это улучшение жизни?

Лиза вздрогнула и замерла – все смотрели в их сторону. Даже старик проснулся. Многих вопрос чужака заинтересовал, стали перешептываться, кто одобрительно, кто раздраженно.

Гапон взглянул на Рутенберга и, после небольшой паузы, произнес:

– Надо заставить раскошелиться хозяев, наживающих состояние за счет тяжелого труда рабочих.

Глебов наклонился вперед.

– Батюшка, так этого же добиваются и социал-демократы, и эсеры. У эсдеков это называется «взять в свои руки средства производства», а затем и власть. А это значит, – Алексей сделал паузу, – «долой самодержавие».

Гапон побледнел. Кинул взгляд куда-то в угол зала. Затем посмотрел на Глебова. Толпа роптала.

– Самодержавие тут не причем, – заявил Гапон категорично. Но от Алексея не ускользнуло, что голос священника дрогнул, как и его уверенность в себе.

– Как же это не причем, – вошел в роль Глебов, – если Власть всеми силами охраняет существующий в государстве «беспорядок»?

Гапон кинул быстрый взгляд влево, и Алексей краем глаза заметил, как поднялся со своего места Филиппов. Рутенберг же продолжал внимательно наблюдать за Алексеем.

Гапон на этот раз ответил на вопрос вопросом, обращаясь

уже ко всем рабочим и привлекая их внимание:

– Братья и сестры, разве сам самодержец не хочет, чтобы рабочие в его государстве жили лучше? И разве он не в силах сделать что-то для этого? Не предосудительно пытаться привлечь внимание царя к нашим бедам! И вы знаете – большинство рабочих свято верят, что царь верно служит своему народу. Беда в том, что чиновники, окружающие царя, мешают ему знать правду о жизни рабочих...

Глебов, взяв Лизу за руку, поднялся и потянул ее к выходу.

– Идем!

Возле дверей они оказались в одно время с Филипповым. Тяжеловес хмуро смотрел на них.

– Знаю, знаю, «незваные гости – хуже татар», – заявил Алексей. – Да ты, малый, не переживай, мы уже уходим.

Глебов сделал попытку обойти великана, однако тот преградил им дорогу.

Алексей отступил на шаг назад, одновременно спрятав Лизу за своей спиной.

– Хочешь устроить возню при всем честном народе?

Филиппов посмотрел куда-то поверх его головы. Глебов оглянулся. К ним продвигались два типа, не иначе, как ряженные легавые.

– Ба! Да у вас полицейские шпики на службе! – громогласно объявил он, в пол-оборота повернувшись к публике. – Люди добрые, да что же это творится!

Великан сердито засопел. Ряженные в рабочих шпики в нерешительности остановились, заметив интерес толпы.

– Да где ж это видано, чтобы людей насильно удерживали! – раздался звенящий голос Лизы. Филиппов отступил, по-видимому, пронзительные женские вопли пугали его гораздо больше, чем что-либо другое.

– Пусть уходят, – раздался чей-то голос. Алексей и Лиза обернулись. К ним приближался Рутенберг.

– Но, Петр...

– Пусть уходят. Нам не нужен скандал.

Филиппов нехотя отступил в сторону.

Глебов кинул на него взгляд, затем глянул на Рутенберга, и, крепко сжав ладонь Лизы, шагнул за порог.

* * *

– Что же ВЫ наделали?! – сердито заявила Лиза, когда извозчик помчал их по заснеженной дороге. Алексей обернулся, проверить, не преследуют ли их шпики. Затем уселся поудобнее.

– Дорогая моя Лиз, мы узнали достаточно и даже боле, – ответил он отстраненно.

– Объяснитесь!

Тон жены привел Алексея в раздражение. Он повернулся к Лизе, однако промолчал. Ее глаза пылали от негодования. Извозчик искоса с любопытством посмотрел на столь странную пару. Оба высокомерные и напыщенные. Рабочие, как

же!

После очередного поворота Глебов приказал остановить, расплатился и сошел на тротуар. Лиза, проигнорировав протянутую им руку, спрыгнула с коляски. Извозчик укатил. Они же остановились друг перед другом.

– Вы не желаете объясниться? – не унималась Лиза, хотя видела, Алексей тоже недоволен.

– Я объясню. А тебе придется извиняться. – Он шагнул в проулок, Лиза, быстро осмотревшись, последовала за ним. Шли молча, пока не вышли на соседнюю улицу.

– И что же? – не вытерпела она.

Алексей остановился:

– Я устроил там словесную перепалку не просто так, чтобы позлить тебя или обидеть, а для того, чтобы показать, каков Гапон на самом деле. Каков он, когда говорит не заученные слова, а говорит сам, без чей-либо подсказки и научению.

Лиза промолчала, но по тому, как она отвела глаза, Алексей понял – она осознала, что погорячилась.

– Мои наблюдения таковы, – продолжил он, – что Георгий Гапон – амбициозный ловкий демагог, какого поискать. Умственно ограниченный, но умеющий использовать все и всех, кто может ему помочь сделать карьеру. Могу предположить, что за его спиной стоят сильные мира сего.

– Что ты имеешь в виду?

– Самое малое – ему покровительствует охранка.

– Ты думаешь, отец Гапон провокатор? – Лиза заинтересовано посмотрела на него.

– Не хочу быть голословным. Вот скажи, где он взял денежные средства, чтобы в короткий промежуток времени без препон открыть одиннадцать отделений своей организации по всему Петербургу?

Лиза неуверенно пожала плечами.

– Только не говори мне, что это было сделано на пожертвование прихожан. Поверь мне, это невозможно.

– Так он действует по научению охранки? А как же Рутенберг? Он ведь направлен эсерами для наблюдения за деятельностью Гапона и имеет на него сильное влияние.

– Согласен. Однако, думаю, что в своих амбициях Гапон решил пойти дальше, ставя себя выше замыслов Охранного отделения и эсеров. Исходя из его слов, можно предположить, что задумал он что-то масштабное... не знаю что, но явно грандиозную аферу, цель которой – привлечь внимание царя.

– К чему привлечь?

Глебов посмотрел на жену, смотрящего на него с неподкупным доверием, снисходительно улыбнулся и погладил ее по щеке, как несмышленного ребенка.

– Привлечь внимание к своей персоне, и не только царя, а всего народа... – Он нежно сжал ее ручки. – Стремится стать пророком в своем отечестве... Лиза...

– О, мистер Глебов! – раздался поблизости женский голо-

сок. Лиза вздрогнула и обернулась, а Алексей, сохраняя самообладание, спокойно взглянул на американскую диву, выпрыгнувшую из автомобиля и очень быстро приближающуюся к ним.

– Мисс Дункан, – поприветствовал кивком головы Алексей и продолжил на английском. – Позвольте представить вам мою жену. Елизавета Николаевна. Мисс Айседора Дункан.

Женщины холодно окинули друг друга взглядами, приветственно кивнули. Затем знаменитая танцовщица сосредоточила свое внимание на мужчине и опять стала милой и приветливой.

– О, я не поверила своим глазам, когда увидела вас! – заговорила она на родном языке. – Ваш наряд? Вы были на маскараде?

Алексей рассмеялся, окидывая взглядом свою одежду.

– О, да, в каком-то роде!

– Я скоро уезжаю – мне хотелось бы еще раз увидеться с вами. Я приглашаю вас сегодня вечером пойти с нами, – она кивнула в сторону автомобиля, в котором сидел статный мужчина в пенсне, – в ресторан.

Алексей, взглянув на сопровождающего танцовщицу мужчину, поймал на себе его пристальный взгляд.

Лиза взяла мужа под руку и, смотря на иностранку, приторно сладко заметила:

– Сверх неприличия вести разговор на языке не всем по-

нятно! Тем более, – Лиза, прищурившись, пристально посмотрела на мужа, – когда рядом с собеседником стоит его жена.

Глебов с улыбкой смотрел на нее, затем поцеловал ее ручку и обратился к Дункан:

– Мисс, мы обязательно будем – я и моя жена.

Американка недовольно сжала губы.

– Хорошо, – с вызовом произнесла она, затем, назвав адрес ресторана, грациозно направилась к автомобилю.

Как только автомобиль скрылся за поворотом, увозя иностранную диву, Лиза выдернула свою руку из рук мужа и отскочила как ошпаренная в сторону.

– Ну что еще? – с досадой спросил Алексей.

– Когда ты успел с ней познакомиться? Уж не на концерте ли, когда оставил меня одну в ложе?! Ух! – Она гневно топнула ногой и быстро зашагала прочь.

Алексей последовал за ней. Догонять и что-либо объяснить – не было смысла.

4

***

Восторженные поклонники американской танцовщицы устроили ужин в ее честь в верхнем зале ресторана Куба. Все здесь дышало чрезмерной роскошью. Лиза же среди этой роскоши выглядела превосходно: собираясь в ресторан, куда «их» пригласила Айседора Дункан, она приложила значительные усилия, чтобы блистать в этот вечер. И блистала.

Лиза завораживающе смеялась очередной шутке очередного собеседника, кокетничала, но Глебов понимал, ее целью было заставить его ревновать. Он усмехнулся, помышляя о том, что поздно вечером, когда они окажутся в своей спальне, он с лихвой компенсирует недостаток внимания к своей персоне. Затем повернулся к Айседоре, стоявшей рядом.

– Русские женщины столь привычно и повседневно носят на своих плечах целые состояния, – высказалась она, поморщив носик. – Зачем так обременять себя? – Она кокетливо поправила свои легкомысленные кудряшки. – Я не ношу дорогих коле и браслетов и при этом не чувствую себя ущемленной.

Алексей усмехнулся:

– Должен признаться – русские мужчины с любовью преподносят дамам своего сердца дорогие подарки. Это доставляет огромное наслаждение и тем и другим.

– Я в этом вопросе придерживаюсь точки зрения философа Жан-Жака Руссо о том, что человек обязан впитать в естество свое мудрость ограничения желаний. Он не должен всю свою жизнь гнаться за прелестями публичной славы и несметного богатства. Его цель – это поиски истинного счастья и нахождение его в интимных радостях сердца.

Алексей был несколько удивлен таким философским подходом к жизни красивой женщины, казавшейся ему легкомысленной. Айседора же с воодушевлением стала цитировать философа:

– «Червь честолюбия людские души гложет.
В сердечных радостях философ счастье множит.
Блажен, кто смог вкусить от сих простых отрад,
Кто ими, чистыми, довольствоваться рад».

Она вздохнула:

– Я же стать по-настоящему счастливой смогу лишь тогда, когда осуществится моя мечта, давняя и трудновыполнимая.

– Какая же, если это не тайна?

– Создание собственной танцевальной школы. Одного такого колье хватило бы на это благородное дело, – сказала Айседора, взглянув на проходившую мимо величественную даму с пышными ювелирными украшениями.

– О чем вы, моя дорогая мадмуазель Дункан? – Подошедший господин, который задал вопрос, поцеловал танцовщице ручку, затянутую в перчатку.

– О, Алексей Александрович! Здравствуйте! – перешла она на французский. – Вы знакомы? Позвольте вам представить. Месье Глебов. Месье Лопухин.

Мужчины вежливо поприветствовали друг друга кивками. Лопухин вновь обратился к танцовщице:

– Так о чем же вы говорили, мадмуазель Дункан?

– Я говорила о своей мечте, – произнесла она, кокетливо махнув веером. – Вот если бы вы вложили в мою мечту мельчайшую частичку вашей роскоши, я открыла бы танцевальную школу в России. Я научила бы русских девочек движениям Терпсихоры. Не вымученным заученным телодвиже-

ниям, а данной самой природой человеку способности танцевать от рождения. Весь свет должен танцевать, так всегда было и будет.

– Что же, мадмуазель Дункан, я подумаю об этом, – уклончиво ответил Лопухин, улыбнувшись.

Тем временем гости, приглашенные на званый ужин, стали рассаживаться за столы, уставленные разнообразной снедью и дорогими винами. Их примеру последовали Айседора и ее собеседники.

Пробки из-под шампанского возвестили залпами о начале пиршества. Серьезные разговоры прекратились. Исчезли чопорность и величавость, которые прежде чувствовались в поведении гостей. Стали шутить, звучали тосты, признания в пылкой любви и симпатии.

Глебов, немного утомленный своим соседом Яном Ционглинским¹⁷ (в своем почтенном возрасте пылающим юношеским восторгом), взглянул на раскрасневшуюся жену. Она, почувствовав его взгляд, повернулась. Их глаза встретились... и сказали о многом. Алексей накрыл ладонью ее ладонь, спрятанную под столом и покоящуюся на ее коленях. Их пальцы сплелись...

Видя, что Глебов не обращает на него никакого внимания, Ян Ционглинский переключился на Александра Бенуа¹⁸ и,

---

¹⁷ Ян Францевич Ционглинский (Цёнглиньский) (1858, Варшава – 1912, Санкт-Петербург) – польский и российский художник.

¹⁸ Александр Николаевич Бенуа (1870, Санкт-Петербург – 1960, Париж) – рус-

наклонившись через стол к нему, произнес с польским акцентом:

– Ты понимаешь, Александр, что это такое? Айседора Дункан – это не женщина, это ангел, но черт какой-то!

Бенуа попытался возразить:

– Айседора произвела на меня впечатление, однако ее искусство вызвало у меня двоякое ощущение. Некоторые ее движения коробят меня своей неуклюжестью, и в то же время многие позы исполнены красотой. И признаюсь вам, дорогой Ян, что, как женщина она не обладает, на мой вкус, каким-либо шармом...

Алексей поморщился от пьяных рассуждений, но хмельной и влюбленный Ян не позволил Бенуа далее продолжать разглагольствования, он прервал его, вновь повторив свою восторженную фразу:

– Это не женщина, это ангел, но черт какой-то... Не смей говорить о ней в моем присутствии так критично! Ты ничего, как я вижу, не понимаешь в женщинах. Несчастный замороженный судак! Прости... Я в полном восторге от всего, что здесь происходит. Я влюблен в Айседору! – Он вскочил с места.

– Я влюблен в вас, Айседора! – воскликнул Ционглинский на весь зал и поднял бокал с шампанским в честь дамы своего сердца. Айседора засмеялась и приветственно подняла

ский художник, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства». Из семьи известных архитекторов Бенуа.

свой бокал.

После тоста Алексей тихонько увлек Лизу танцевать, но вскоре, к их огорчению, оркестр оглушительно грянул плясовую. «Замороженный судак» Бенуа, никого не видя перед собой, кинулся плясать. Залихватская мелодия подняла Айседору и понесла в круг танцующих. Все постепенно расступились, давая ей большего пространства. Ее заразительные движения заколдовали... Неожиданно кончик туфли танцовщицы зацепился за край ковра, и Айседора упала. Глебов хотел было помочь ей, но она, ничуть не смутившись, поднялась сама и продолжила свой танец, не смотря на насмешливые взгляды некоторых из приглашенных.

Алексей одобрительно ей улыбнулся, затем обернулся к Лизе, но ее и след простыл.

Обходя зал в поисках жены, Глебов вдруг от неожиданности остановился. Неужели?! Он услышал знакомый голос певицы, исполняющий романс, и резко обернулся к сцене. Катарина! Катарина Хмельницкая! Как долго же он ее искал!

Она тоже заметила его и узнала. На мгновение сбилась, однако быстро взяла себя в руки. Дождавшись конца выступления, Алексей подошел к ней.

– Здравствуй, Катарина.

– Здравствуй, – сухо ответила она.

– Нам нужно поговорить.

Катарина окинула его холодным взглядом:

– Хорошо. Идем, – и зашагала к одной из двери, ведущей

в коридор.

Глебов оглянулся в поисках жены, но, не увидев ее, последовал за Катариной.

Алексей и не предполагал, что Лиза, рассерженная тем, что он бросил ее и кинулся помогать Айседоре, захотела уйти без него, однако как раз в этот миг вернулась за забытым ридикюлем¹⁹. Конечно же, она увидела своего мужа, уходящего из зала с певичкой. Ревность захлестнула ее новой волной. Лиза бросилась следом за ними, но ее перехватил пьяный и веселый до невозможности Бенуа. Когда ей удалось отделаться от него, она уже не знала, где искать своего неверного ненадежного супруга.

* * *

Глебов и Катарина вошли в небольшую гримерку. Заметив на тахте спящего пятилетнего мальчугана, Алексей захотел подойти, но женщина его остановила.

– Не буди.

– Я только хотел...

– Не важно. Я получила твое письмо. Что тебе от нас надо, Глебов?

– Я просил тебя дождаться меня...

Дверь резко распахнулась и на пороге, так некстати, возникла Лиза. Она взглянула на Алексея, затем на женщину,

---

¹⁹ Ридикюль – женская сумочка, украшенная вышивкой, на длинном шёлковом шнуре, надеваемом на руку.

потом на ребенка. После этого гневно усталилась на мужа.

– Ты... Ты – подлец! – выпалила она.

Мальчик побеспокоенный, пошевелился, но не проснулся. Лиза резко развернулась, однако Алексей успел ее поймать за руку, прежде чем она убежала.

– Лиза, ты все не так поняла! – прошипел он. Затем вывел ее в коридор и прикрыл дверь. – Катарина – подруга Костика, понимаешь?

Лиза недоверчиво фыркнула.

– Я прошу тебя, иди в зал и подожди меня, хорошо? Я тебе потом все объясню.

Он чмокнул ее в лоб и вошел в гримерку. Как только дверь за ним закрылась, Лиза гневно сжала кулаки. Грудь ее вздымалась, глаза прожигали закрытую дверь. Затем она резко развернулась на каблучках и бросилась прочь...

Глебов тяжело вздохнул, прошел через комнату, сел на стул. Взъерошив волосы, он посмотрел на стоящую перед ним женщину, весь вид которой говорил о том, как она его ненавидит и презирает.

– Катарина, Костик был моим другом...

– Но он погиб из-за тебя, не так ли?

Алексей вздохнул:

– Если бы я мог, я отдал бы за него жизнь, не задумываясь.

– Но не отдал же! – Она подошла к ребенку. – Посмотри на него. У него теперь нет отца.

– Я искал тебя почти полгода не для того, чтобы оправды-

ваться. Я хочу помочь вам.

– Нам не нужна твоя помощь.

Понимая, что разговор не клеится, Глебов встал.

– У Костика осталась доля в игорном доме, денежные сбережения. Все это ваше, не забывай.

– Не забуду, уж не сомневайся.

Алексей взглянул на нее с сожалением, прошел к выходу, остановился, обернулся.

– Ты работала с нами, Катарина. Мошенничества – всегда риск, ты же знаешь.

– ТЫ втянул нас в свои аферы!

– Ты сама сейчас не осознаешь, что говоришь. Не отказывайся от помощи, Катарина. Я крестный Пашки, – Алексей кивнул в сторону мальчишки, – и готов помогать тебе в его воспитании.

– Нам не нужна твоя помощь. Уходи!

Катарина указала ему на дверь. Глебов вздохнул, открыл дверь и вышел. Когда дверь за ним закрылась, молодая женщина опустилась на стул и прикрыла лицо руками. Перед тем как отправиться вытаскивать друга из передраги, Костик Абрамович сказал ей, что по возвращению они наконец-то поженятся. Из поездки Костик так и не вернулся...

* * *

Глебов шел по коридору, подавленный разговором с Катариной. На душе было гадко – Алексею, так же как и Ката-

рине, очень сложно было пережить и принять смерть Костика Абрамовича – для него он был лучшим другом. По крайней мере, он нашел жену и ребенка Кости и постарается им помочь...

В этот момент Глебов вспомнил о том, как расстался с Лизой и поспешил ее найти. Среди приглашенных ее не оказалось. Швейцар, получив от Алексея звонкую монету, сообщил, что госпожа Глебова уже уехала.

Алексей вздохнул. Лиза опять не так все поняла. Дома предстояло объяснение с женой. По-видимому, она не поверила, что Катарина – жена его друга. Надо было раньше рассказать ей, что он занимался поиском Катарины и Пашки все это время.

Честно говоря, он не был готов выслушивать претензии жены – хотелось побыть одному в тишине и покое. Да и ей нужно дать время успокоиться и остыть. Однако задерживаться в ресторане Глебов тоже не хотел.

Он хотел было уже уйти, но к нему поспешила Айседора.

– Куда же вы? Веселье в самом разгаре.

– Я хотел бы откланяться, мисс Дункан.

– Зовите меня, Айседорой. Или Дорой – как вам угодно. –

Она взяла его под руку.

– Хорошо. Дора.

– А я буду звать вас Алексом. Алекс Глебов. – Женщина произнесла его имя так, будто пробовала на вкус что-то новое и очень приятное. Затем она посмотрела ему в глаза.

– Вы чем-то опечалены, Алекс.

– С чего вы взяли? – Глебов надел маску ленивого безразличия.

– О, я вижу и ощущаю это, Алекс.

Глебов улыбнулся.

– Так вот что помогает вам творить – ваша чувствительность, – сменил он тему разговора.

– Знаете, Алекс, – произнесла она, – когда я прибыла в ваш город, я видела на рассвете длинную погребальную процессию. Несли несколько гробов... Это было очень, очень печально. Во время выступления моя душа плакала, вспоминая о ней. Я танцевала так, словно страдала и томилась при трагических звуках прелюдий, протестовала и рвалась ввысь под бравурные полонезы... И вот, моя душа и мой танец пробудили в богатой, аристократической публике бурный отклик.

Алексей поцеловал руку, затянутую в перчатку.

– Вы танцевали божественно, Дора.

Айседора покраснела от удовольствия.

– О, благодарю!

Глебов решил напомнить:

– И все же, Дора, я хотел бы откланяться.

Дункан расстроилась.

– О, нет! Оставайтесь!

Алексей улыбнулся, сжал ее пальчики.

– Не могу. Я всегда буду поклонником вашего таланта.

Прощайте.

Он забрал пальто из гардеробной и уверенно шагнул за порог ресторана. Дункан проводила его раздосадованным взглядом.

– И все-таки я не прощаюсь, – упрямо произнесла она и вернулась в зал.

_5

* * *

Алексей закурил папиросу, затянулся, выпустил струйку дыма в морозный воздух и шагнул на скользкий тротуар.

Он шел по улицам столицы, погруженный в тяжелые воспоминания. Катарина обвинила его в смерти Костика. Да. Это случилось около полугода назад, боль же оживила память, и казалось, что это произошло совсем недавно. Алексей вспомнил, как в тот день со стоном открыл глаза...

...Лиза была привязана к столбу напротив, во рту кляп, а в глазах ужас. Он попытался пошевелиться, но ничего не вышло – руки были связаны, ноги тоже, а сам он был приклонен спиной к стене амбара.

– Ну вот, наш друг и очнулся, – услышал он знакомый голос, не предвещавший ничего хорошего. К Алексею приблизился Сычев.

– Не ожидал? Вижу, нет! Ты недооценил меня, мальчик! – Сычев склонился над ним. – Кстати, как тебя величать, Алексей Глебов или Черкасов? А? – Сычев посмотрел на него и усмехнулся. – А твоя жена знает, что ты мошен-

ник? – Сычев взглянул на молодую женщину.

Алексей встретился с ее тревожным взглядом. Натянул веревки, связывающие руки. Исподлобья взглянул на Сычева. Тот ухмылялся, удовлетворенный тем, что заставил Глебова потерять самообладание. Алексей глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Нужно придумать что-то, чтобы спасти себя и Лизу.

– Знаешь, ты поступил глупо – нужно было самому убить меня, а не проворачивать хитроумный план, – Сычев вновь наклонился к Алексею. Зло усмехнулся. Подал сигнал своим головорезам – те схватили Глебова, резко поставили на ноги.

– Затяну-ка я веревку потуже, – хриплым голосом произнес худой, вставая за спиной Алексея. И тут Глебов почувствовал, как что-то холодит ладонь. Складень!

– Вот и ладненько, – прохрипел парень, с ухмылкой уставившись в лицо Алексея. Он взглянул на него и отвернулся. Глаза! Костик!

Хриплый вальяжно прошелся к Лизе, с похотливой ухмылкой осмотрел ее с ног до головы.

Во дворе раздался лошадиный топот. Сычев настороженно прислушался.

– Алексей, выходи! Нужно поговорить! – снаружи громко позвал Колдобин – отец Лизы.

Сычев обернулся к Алексею. Встретился с ним взглядом.

– Вот и все! – затем резко обратился к головорезу рядом:

– Кончай его! – и направился к двери, на ходу вынимая

револьвер.

Головорез, вынув оружие, шагнул к Алексею, и приставил дуло к его виску. К этому моменту Глебов уже успел воспользоваться ножом и освободить руки – он отклонился в сторону, одновременно выбив оружие из рук убийцы. Поставив подсечку, повалил на пол. Тот грохнулся с шумом – Сычев обернулся. В одно мгновение Сычев вскинул револьвер и выстрелил в поднявшегося Алексея... Костик закрыл его собой. Дверь распахнулась, в амбар ворвался Колдобин. Вскинул ружье, выстрелил. Сычев медленно повернулся к Колдобину и рухнул на землю замертво.

Пока Колдобин занимался другим головорезом, к Алексею подбежала Лиза. Рыдая, ухватилась за его рукав. Он взглянул на нее, затем бережно опустил Костика на солому. Из груди парня хлестала кровь. Он открыл глаза.

– Костик, – произнес Алексей, пытаясь улыбнуться.

Тот сжал его руку.

– Так и знал, что тебя нельзя оставлять одного, – произнес Абрамович. – Он мертв?

– Да. – Алексей попытался зажать рану, но кровь хлестала между пальцев.

– Хорошо. Теперь ты мой должник... – из горла Костика Абрамовича вырвался предсмертный хрип, но он смог выдавить из себя улыбку. – Согласись, я сыграл превосходно?

– Да. Ты лучший актер, – глотая подкативший к горлу комок, ответил Алексей.

Костик удовлетворенно кивнул и... затих.

Глебов не двинулся с места, смотря на друга. Затем бережно прикрыл ему глаза...

...Алексей зажмурился, пытаясь прогнать горестные воспоминания. Глубоко вздохнул, открыл глаза.

Сам того не заметив, он забрел на мост и сейчас стоял возле перил, смотря на покрытую льдом Неву. Месяц выглянул и скрылся за тучами. Газовые фонари тускло освещали улицы и каменную мостовую. Изредка проносились экипажи и сани, сопровождаемые лаем неугомонных собак.

Алексей вновь закурил. И тут понял, что находится на мосту не один! В темноте светились две красные точки – кто-то курил, наблюдая за ним. Находиться поздней ночью на улицах Петербурга – искать на свою голову приключений...

Алексей развернулся в другую сторону, но сделав пару шагов, понял, что пути отступления отрезаны – с противоположной стороны его тоже ожидали. Возле ближайшего к мосту здания стоял экипаж, в котором угадывались силуэты еще двух человек.

Алексей замедлил шаг, обдумывая ситуацию и оценивая обстановку. Затем остановился. Глубоко затянулся, неторопливо выпустил струйку дыма. Приблизился к краю моста. Еще раз сделал глубокую затяжку. Взглянул вниз, затем на месяц, медленно прячущийся за тучами. Опять затянулся. Наконец месяц утонул в мрачных тучах, погрузив улицу в темноту. И вдруг что-то произошло! Преследователи поте-

ряли Глебова из виду. Вот только что он стоял подле перил и вдруг исчез из поля зрения. Они кинулись к тому месту, где мгновение назад находился Алексей.

– Черт! Где он? – воскликнул один из них.

– Прыгнул, наверно, – предположил другой.

– С моста что ли? Какого рожна?!

Оба перегнулись через перила.

– Черт! Ничего не видать!

– Разбился, должно быть. Лед, все-таки...

К этому времени раздался топот лошади и стук колес – подъехал экипаж.

– Где он? – спросил некто, не выходя из экипажа.

Те, что стояли у моста, не нашлись, что ответить. Господин в экипаже что-то буркнул себе под нос, с легкостью выбрался из экипажа и подошел к мосту. Наклонился над перилами, посмотрел вниз. Но месяц не торопился выглядывать из-за туч, поэтому внизу ничего не было видно. Господин из экипажа явно решил не сдаваться. Он наклонился еще ниже, осматривая мост. Прислушался.

– Видите что-нибудь, господин Малышев?

Господин из экипажа шикнул, предупредительно вскинув руку вверх, и вновь прислушался. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он отошел от перил. Сел в экипаж.

– Возвращайтесь в отдел и ждите указаний, – распорядился он и приказал извозчику:

– Трогай!

– Ну все, теперь жди неприятностей, – произнес один, когда экипаж укатил.

– И где ж этот Глебов, а? – спросил другой, опять взглянув вниз на реку.

– Брось, пошли. Я промерз до самых костей!

– Этот парень сумасшедший, не иначе. Поначалу бродил как полоумный по городу чуть ли не всю ночь, затем, – вот те на! – сиганул с моста.

– Молись Богу, чтобы он был живой. Начальство с нас шкуры спустит, если он того... окочурился.

Тот, что смотрел вниз, взглянул на своего напарника, почесал затылок и отошел от перил.

И вовремя. Вовремя для Алексея. Висеть внизу моста, обхватив руками и ногами промерзшую сваю, было уже не выносимо. Ко всему прочему, месяц выполз из-за туч и предательски осветил округу.

Дождавшись, когда двое болтунов зашагают прочь, Глебов стал выбираться из своего укрытия.

* * *

Последнее выступление Катарини закончилось ближе к утру. Уставшая, она вернулась в гримерку, укутала одеялом раскидавшегося на узкой тахте сына и присела на стул. Приход Глебова выбил ее из колеи. Иначе и быть не могло.

...Все началось десять лет назад. Тогда Катарине исполнилось всего лишь четырнадцать лет. Она осталась сиротой

и если бы не ее друг детства Костик Абрамович, который был старше ее всего на три года, то красивая девочка оказалась бы на улицах Одессы. Костик обладал актерским талантом и мечтал стать известным артистом. Хотел уехать из Одессы и обучаться актерскому мастерству, но планы остались планами – взяв на себя обязательство помочь Катарине, он стал зарабатывать выступлениями в местном цирке. Вскоре цирковая труппа должна была отправиться на гастроли, но оставить девушку одну без защиты и поддержки Костик не мог и не хотел. Директор цирка, поддавшись уговорам Костика Абрамовича и оценив голос, красоту и юность Катаринины, согласился взять ее в труппу... Их гастроли проходили в разных уголках Восточной Европы – цирковая труппа, словно цыганский табор, кочевала из одного населенного пункта в другой. Украина, Кавказ, Румыния, Польша...

Со временем Катарина стала замечать, что отношение Костика к ней изменилось: он перестал с ней по-дружески дурачиться и разговаривать по душам. Все чаще она ловила на себе его задумчивый хмурый взгляд...

Когда Костик впервые подарил ей охапку полевых цветов, она посмеялась над ним. Костик рассердился, но ей не составило труда вновь поднять ему настроение – она просто нежно чмокнула его в щеку, и он растаял. И тогда Катарина поняла, что друг детства влюблен в нее.

Вскоре гастроли занесли их в Австрию. Когда же они оказались в небольшом австрийском городке, случилось то, что

перевернуло их жизнь...

На одном из выступлений Катарину заметил богатый влиятельный барон и возжелал обладать юной красавицей. Получив отказ от перепуганной его навязчивостью девушки, старый развратник пришел в бешенство. Костик подоспел вовремя – он бил барона основательно и яростно, не смотря на свою худобу. Как оказалось, внешность бывает обманчива. Костя был жилистым крепким парнем с хорошо развитой мускулатурой – в этом-то и убедился австрийский барон, да и его лакей тоже.

Успокоив рыдающую подругу, Костя сказал, что им необходимо скрыться и как можно быстрее. Но они не успели – явилась полиция и арестовала его. Катарине удалось бежать. Несколько дней она бродила в округе, однако ее выследили слуги барона и насильно увезли к нему в поместье.

Девушки повезло, что Костик основательно отделал барона и в весьма болезненных частях тела. Так что барону ничего не оставалось, как только вымещать на девчонке свою ярость. Он приходил к ней каждый день, бил плетью – до тех пор, пока она не начинала молить его о пощаде, валяясь у него ногах. А затем он говорил, что сделает с ней, когда его изувеченное тело исцелится. Катарине казалось, что этому не будет конца – хотелось умереть...

И вот однажды, когда она совсем отчаялась, появился один человек. Он буквально вынул ее из петли. А через три дня под покровом ночи этот человек и Костик выкрали ее из

поместья. Потом он вывез их из Австрии...

Позднее Костик рассказал ей, что через пару дней после ареста в камеру, в которой он сидел, посадили еще одного арестанта – Алекса Гилмора, который задерживаться в заключении не собирался. Алекс сам завязал с Костику знакомство, узнал, что с ним приключилось, и предложил план побега. Его план предусматривал как минимум два действующих лица и кандидатура Костика как раз подходила. Ко всему прочему новый знакомый пообещал помочь ему найти Катарину. Побег удался, Алекс Гилмор сдержал слово – помог разыскать Катарину и предложил Костику очередной план...

Гилмор явился в поместье барона по приглашению как «известный» лекарь, способный излечить его недуги. Таким образом, ему удалось проникнуть в дом и выяснить положение девушки. А спустя несколько дней, усыпив снотворным барона и его слуг, Алекс и Костик вывезли Катарину. Как впоследствии оказалось не только ее, но и драгоценности, и наличные барона...

Вернувшись на родину, Катарина и Костик перебрались в Херсонес, но ни работы, ни денег не было. Здесь их и нашел Алекс Гилмор, точнее Алексей Глебов, и предложил им немного подзаработать. Так они примкнули к удачливому аферисту...

А потом Катарина влюбилась. Влюбилась в Алексея. Так ей, по крайней мере, казалось. Однако объект ее притяза-

ний остался к ней равнодушен. Костик же не смог простить ее. Они расстались... Лишь потеряв Костика, Катарина стала понимать, как дорог он был для нее все это время. Время шло, а она с тоской вспоминала годы, проведенные вместе, постепенно осозная, насколько счастлива была, когда Костик был рядом...

Их встреча состоялась неожиданно, спустя год, и Катарина решила воспользоваться возможностью вернуть Костика. Она его соблазнила...

Однако за прошедший год Костик Абрамович сильно изменился, стал другим – больше не было того безумно влюбленного юноши, рыцаря, готового на все ради дамы своего сердца. Их отношения были сведены к кратким любовным встречам; признаний в любви он не произносил и не торопился жениться на Катарине. Наладить отношения мешало и то, что Костик надолго исчезал, как только Глебов вызывал его на очередное дело. Доведенная до отчаяния, Катарина считала Глебова виновником всех своих бед. Вскоре Катарина и Костик сильно поссорились и в очередной раз расстались...

Лишь позднее Катарина поняла, что беременна. Костик так и не объявился. Перед глазами представлялось ужасное будущее матери-одиночки – она и ее ребенок станут изгоями. И Катарина решилась – она приняла предложение и вышла замуж за одного приличного, но скучного господина...

Спустя два года она стала вдовой, а через полгода объ-

явился Костик, нарушив ее покой. Он не скрывал свою неприязнь к ее замужеству, быстро избавлялся от ее поклонников, был то холоден, то небрежно ласков. И все. Никаких отношений, никакой любви. Катарина же разрывалась на части: она по-прежнему любила Костика, ее тянуло к нему как магнитом, но сын для нее был всем, поэтому думала она лишь о его благе. Мог ли Костик – вечный «перекати-поле» – стать благом для их сына? Захочет ли он подарить им семью, счастье и покой?

Каким-то образом Костик узнал, что Пашка – его сын. И пришел в ярость. При встрече посыпались обвинения. Костик обвинил ее в том, что она скрыла от него сына. В ответ Катарина обвинила его, что он бросил ее, когда ей так нужна была его поддержка. Он заявил, что она никогда по-настоящему его не любила. Она – что он тоже никогда ее не любил. И что она и ее сын не нуждаются в нем – он им не нужен. На что Костик сказал, что навсегда уйдет из ее жизни...

Он ушел бы, если бы дверь комнаты, в которой они находились, не оказалась запертой снаружи. Двадцать четыре часа, что они провели взаперти, сыграли свою роль. Они объяснились, сблизились как когда-то прежде. Костик пообещал, что он завяжет с аферами, купит дом возле моря, где они, поженившись, поселятся всей семьей...

...Катарина вздохнула, заметив, что сын опять раскрылся. Подошла и вновь его укрыла одеялом. В примерке было холодно, а мальчик и так простыл. Она погладила его по свет-

лой головке. Он так походил на Костика! Точная его копия.

Катарина вздохнула, подошла к трюмо. Взглянула на свое отражение. В последнее время она чувствовала себя неважно: слишком уставала, по ночам мучил сухой кашель, под глазами появились синяки. Катарина коснулась пальцами под глазами, устало провела рукой по щеке. Затем вынула из волос шпильки и потянулась за гребнем. В дверь громко постучали.

Она кинула встревоженный взгляд на сына, нехотя встала и открыла дверь. На пороге стояли господин в черном и два довольно хмурых типа.

– Катарина Хмельницкая?

– Да, это я, – растеряно ответила она.

– Собирайтесь. Пройдемте с нами...

* * *

Мужчина в пенсне налил ей бокал вина. Катарина машинально взяла его в руки.

– Мне сообщили, что у вас есть сын. Это правда?

– Д-да. – Голос Катарины дрогнул.

– Вы воспитываете его одна?

– К чему все эти вопросы?

– В жизни случаются всякие неожиданности, госпожа Хмельницкая. Страшно представить, что будет с мальчиком, если с вами что-то случится.

Руки Катарины задрожали, и часть вина выплеснулась на

руки и платье. Она поставила бокал. Спрятала руки под столом.

– Что вы хотите?

– О, сущую малость! Вам ведь хорошо знаком Алексей Глебов?

Катарина напряглась.

– Нет, я совсем его не знаю.

– Не нужно меня обманывать, госпожа Хмельницкая. Мои люди слышали ваш с ним разговор в гримерной. Так что, вот вам бумага, перо, чернила и пишите все, что о нем знаете.

Катарина уставилась на письменные принадлежности, которые перед ней положил Лопухин. Она думала о Пашке, которого ей пришлось оставить одного в гримерной. А еще, он боится оставаться один в темноте. А если она не вернется, о нем некому будет позаботиться.

Она пристально посмотрела на господина в пенсне.

– Если я напишу, вы отпустите меня?

Лопухин оперся руками о стол и наклонился к ней.

– Конечно же. Вы сможете вернуться к сыну.

Катарина посмотрела на письменные принадлежности. Затем взяла перо, придвинула лист бумаги. И стала писать.

* * *

Глебов вернулся домой лишь утром. Убедившись, что слежки за домом нет, он пробрался в квартиру.

Алексей не знал, что сказать жене, чтобы убедить ее в

необходимости уехать из Петербурга. Каково же было его удивление, когда жены не оказалось дома – ни ее, ни ее вещей. Первоначально он испугался того, что ее схватили, но тут же отмел это предположение.

Глебов позвонил в колокольчик, и вскоре явилась их приходящая рано утром прислуга Арина.

– Моя жена просила что-нибудь мне передать? – спросил он женщину.

– Да, Алексей Петрович, она оставила вам записку. – Арина передала Алексею небольшой согнутый пополам листок.

Глебов развернул его. Всего четыре слова. «Я уехала в Москву».

– Вам что-нибудь угодно? – неуверенно спросила прислуга, выводя его из ступора.

– Нет. Можете идти.

Когда Арина удалилась, Глебов смял листок и швырнул его в угол комнаты. Все отношения свелись к каким-то паршивым четырем словам! Он плеснул в бокал коньяк и залпом выпил. В записке Лиза даже не указала к кому едет и зачем. Значит, она не хочет его видеть. Как все некстати! Алексей встал, подобрал с пола записку Лизы, положил в камин и сжег. Скидал необходимые вещи в чемодан. Выглянул наружу и, убедившись, что слежки нет, вышел из квартиры.

_6

* * *

Москва

Алексей, увидев Айседору Дункан, остановился как вкопанный. Третий день он безуспешно разыскивал жену по многолюдной Москве, а встретил американскую танцовщицу!

Она приветливо помахала ему рукой, «перепорхнула» дорогу и оказалась возле него.

– О, это вы! Я поражена!

– А я-то как поражен! – Он поцеловал ее ручку. – Как давно вы здесь?

– Я прибыла вчера. Составите мне компанию? – скорее попросила, чем спросила Айседора, приглашая его прогуляться.

Глебов мгновение поколебался.

– С удовольствием. Как вам Москва?

Дора шла рядом с Алексеем и улыбалась. Москва казалась ей солнечной, пестрой и крикливой. На фоне голубого неба высились многочисленные золотые купола. Деревья были окутаны воздушными облаками инея, а веточки покрыты снежной коркой. Московские люди же были шумными, нарядными...

– О, это сказка! Солнечная, легкомысленная и совершенно не страшная сказка, которую во всем мире могли придумать только русские люди. – Айседора глубоко вдохнула морозный воздух. – Россия... Вот, оказывается, она какая!

Алексей засмеялся, а Дора улыбаясь, посмотрела на него.

– Здесь, в Москве, кажется невозможным предаваться

мрачным мыслям.

– Вы уже выступили Москве?

– Да.

– Не сомневаюсь, концертные залы были переполнены восторженной публикой.

– Да, так и было. И мне аплодировали известные представители художественного мира Москвы! Я познакомилась с самим Станиславским²⁰!

– Станиславским?

– Да. Он – талантливейший человек! В нем природа соединила все лучшие качества человеческой природы: благородство, талант, интеллект, нравственную чистоту и величественную красоту.

– О, я вижу, вы очарованы им!

– Вы ревнуете?

– Немного.

– Ах, Алекс! Я очарована, околдована совершенно иным мужчиной. – Танцовщица многозначительно посмотрела Глебову в глаза. Он выдержал ее взгляд, лишь улыбаясь в ответ. Айседора вздохнула, отворачиваясь. – Я с радостью приняла дружбу Константина Сергеевича. Я познакомлю вас. А вот и он!

Алексей взглянул на высокого усатого мужчину, идущего

---

²⁰ Константин Сергеевич Станиславский (Алексеев) (1863, Москва – 1938, Москва) – русский театральный режиссёр, актёр и педагог, реформатор театра. Создатель знаменитой актёрской системы.

навстречу к ним. Он, улыбаясь, сделал шаг к нему на встречу и они пожали друг другу руки.

– Так вы знакомы! – догадалась американка.

– Да, и довольно давно, – подтвердил Станиславский. – Алексей Петрович брал у меня уроки актерского мастерства.

Глебов улыбнулся:

– Да, и частенько слышал твою излюбленную фразу...

– «Не верю»! – в один голос произнесли Алексей и Айседора, и все дружно рассмеялись.

– Давно в городе? – поинтересовался Станиславский.

– Несколько дней.

– Один или с супругой?

– Пока что один. Мы должны встретиться на днях, – уклончиво ответил Глебов.

– Обязательно приходите в наш театр. Я знаю, что ей очень понравится новая постановка.

– Непременно.

Айседора взяла Станиславского под руку.

– Мы с Константином Сергеевичем едем кататься по Москве. Он обещал показать мне город. Составьте нам компанию.

Алексей хотел отказаться, но Дора и Станиславский его уговорили, и он отправился с ними на прогулку.

* * *

На главных улицах Москвы, как всегда, было жуткое дви-

женье: транспорт несся в различных направлениях, не признавая никаких правил, и только лишь трамваи двигались по рельсам. Айседора впервые оказалась на знаменитой русской тройке с бубенцами и радовалась как ребенок. Их извозчик – тот еще лихач – мчал их по улицам, ловко управляя лошадьми. Айседора вскрикивала при опасности столкновения, а когда столкновения удавалось избежать, тут же восхищалась виртуозностью возниц.

Их тройка выехала по направлению к Воробьевым горам, где можно было насладиться панорамой Москвы. Тройка летела по заснеженной дороге, из-под копыт взметались комья снега, которые тут же рассыпались в серебристую пыль, бубенцы весело звенели. Айседора, расставляя руки в стороны, смеялась, наслаждаясь свободной ездой.

На Воробьевых горах – свысока – заснеженная Москва казалось чудным зимним миражом. Яркие купола с крестами, длинная белая лента Москвы-реки, сизый густой дым, поднимающийся столбом из труб домов, – и все на фоне белоснежного ландшафта и чистого голубого неба... А потом вновь мчались на лихой тройке под звон бубенцов, возвращаясь в Москву.

Московские торговые ряды были самым шумным и многолюдным местом. Здесь было настоящее столпотворение – однако это место посещал только простой народ. Айседоре же было любопытно наблюдать за ними, находиться среди них. И господа ее сопровождали.

Торговцы и торговки громогласно расхваливали свой товар. Купчихи, и кухарки, укутанные поверх шуб яркими платками, и мужики в теплых тулупах присматривались к предлагаемому товару, торговались, что-то приобретали. Краснощекие от мороза бабы, восседая верхом на коробах со стряпней, голосисто зазывали отведать горячие аппетитные пирожки.

Успев довольно сильно проголодаться, Айседора ела румяный пирожок, надкусывая его маленькими кусочками, чтобы не обжечься. Ее глаза сверкали, и невольно мужчины, сопровождавшие ее, восхищались непосредственностью и простотой Айседоры Дункан.

– А не выпить ли нам чая? – предложил Константин Сергеевич, похлопывая себя по бокам.

Чай налили им из большого пузатого самовара, вместе с чаем подали дымящиеся блины с искристым медом. На морозе казалось, что ничего вкусней быть не может!

Они вновь уселись в сани и тронулись в путь. Айседора желала дальнейших развлечений. После осмотра достопримечательностей Москвы, Станиславский предложил совершить дальнюю поездку в загородный ресторан. Дункан его поддержала.

– Здесь все вокруг дышит чистой первобытной радостью! – прокричала восторженно она, когда сани, запряженные тройкой, заскользили по дороге.

Константин Сергеевич очаровано взглянул на Айседору,

что не укрылось от Алексея. Щеки у нее разругались, на ресницах выросла белая пушистая бахрома и мило покраснел кончик носа.

– Ну что, нравится вам у нас? – спросил Станиславский.

– Очень... Очень! – ответила она...

...Загородный ресторан встретил их ароматом вкуснейших блюд. Это было дорогое заведение, сохраняющее своеобразие русского кабака и потрясающее посетителей обилием яств, приготовленных по старинным рецептам. Половые²¹ – в белоснежных расшитых косоворотках, шароварах, заправленных в сапоги со скрипом, – проворно бегали между дубовыми столами, угодливо сгибались перед посетителями в низком поклоне, да так, что были видны напомаженные гладкие прямые проборы. Улыбаясь, половые предлагали самые разнообразные блюда: стерляжью уху, белугу в рассоле, индюшку, откормленную грецкими орехами, поросенка с хреном, пельмени...

Звучала музыка, исполняемая на русских народных инструментах, главным из которых была балалайка. Отплясывали в народных платьях и кокошниках плясуньи...

Вечер пролетал быстро и незаметно. За последнее время Глебову впервые удалось отвлечься от мрачных мыслей. Ему доставляли удовольствие и обстановка, и общество знакомых – служителей Мельпомены. Все ощущали невероятное опьянение радостью жизни. А может эта бесшабашная

---

²¹ Половой – слуга в трактире, на постоялом дворе или в маленькой гостинице.

радость была результатом неосторожно выпитой очередной рюмки русской водки? Что бы это ни было, но терять ощущение не хотелось!

Однако веселье не помешало Алексею заметить старого знакомого – Савву Тимофеевича. Извинившись перед Станиславским и Дункан, Глебов, направился к нему. Станиславский, заметив, с кем разговаривает Алексей, тоже поприветствовал бородатого господина.

– А с кем беседует месть Глебов? – поинтересовалась Айседора.

– С Саввой Тимофеевичем Морозовым²². Фабрикантом. Представьте, он не только дал средства на строительство здания нашего Художественного театра, но и сам, представляете – сам! – работал на его строительстве маляром и штукатуром.

Айседора вновь взглянула на Глебова. Затем переключила свое внимание на Станиславского. Они довольно оживленно беседовали, когда к их столику вернулся Алексей. Его приподнятое настроение сразу бросилось в глаза.

– Что вас так порадовало? – полюбопытствовала Айседора.

– Хорошие новости. Очень хорошие, – ответил он. Затем разлил водки по рюмкам. – Давайте выпьем за то, чтобы в нашей жизни было как можно больше счастливых случайных

---

²² Савва Тимофеевич Морозов (1862, Зуево, Богородский уезд, Московская губерния, Россия – 1905, Канны, Франция) – русский предприниматель и меценат.

стей...

* * *

Было ли случайностью то, что Алексей и Айседора остановились в одной гостинице, Бог его знает. По крайней мере, Глебов сделал один логический вывод: когда-то Станиславский порекомендовал ему эту гостиницу, и, по всей видимости, он же занимался расселением американской гостыи.

Когда их программа развлечений подошла к концу, Станиславский высадил их возле парадной и укатил домой, где его ждали жена и дети.

Помахав ему на прощанье рукой, Дункан взглянула на Глебова, улыбнулась. Затем пройдя пару шагов, неожиданно пошатнулась. Алексей учтиво поддержал ее за локоток.

– Что с вами, Дора?

– Ничего страшного, просто закружилась голова, – ответила она, касаясь лба тыльной стороной ладони. Слабо улыбнулась. Затем пошатываясь, сделала пару неуверенных шагов.

– Я провожу вас. – Алексей подхватил ее под руку. – Обойдитесь об меня...

Он довел молодую женщину до двери ее номера.

– Как вы чувствуете себя?

– Мне лучше, – прошептала она, продолжая опираться на его руку и прижиматься к нему всем телом.

Осознавая двусмысленность ситуации, Алексей осторож-

но отодвинулся от нее. Взял из ее рук ключ, открыл дверь.

– Я позову вам горничную, – сказал он, вложив ключ ей в ладонь.

– Хорошо, – согласилась Дункан. – До свидания, Алекс.

– До свидания.

Глебов сделал пару шагов, и тут услышал глухой звук позади. Он обернулся. Дора лежала на полу.

Алексей подхватил на руки упавшую в обморок женщину и, внося ее в номер, бережно опустил на диван. Как только ее голова коснулась изголовья, Айседора обвила руками шею мужчины и притянула его к себе. Ее теплые нежные губы прижались к его губам в страстном требовательном поцелуе. Глебов ответил на поцелуй танцовщицы, но затем осторожно отстранился от нее.

– Нет, нет! Не уходите! – воскликнула она.

– Я не могу, Дора. Я люблю свою жену, – ответил он, поднимаясь.

Айседора встrepенулась. В полумраке она не могла видеть выражение его лица.

– Любите? Эту глупую девчонку, которая не любит и не ценит вас?!

Алексей рассердился.

– Дора, вы сейчас не в себе и несете всякие гадости. Не смейте так говорить о моей жене. Вы ничего о ней не знаете.

Глебов развернулся, чтобы уйти, но Дора кинулась за ним следом, обхватила руками, прижалась к его спине.

— О, Алекс, не уходите! Оставайтесь! Я так люблю вас! Так, что мне хочется носить вашего ребенка под своим сердцем! Оставайтесь! Прошу!

Мгновение, пока Алексей молчал, показалось вечностью. Затем он бережно разжал объятия Айседоры, поцеловал ей руку и покинул номер. Закрывшаяся дверь будто подрубила американку. Она упала на пол и зарыдала.

Айседора не заметила, сколько прошло времени, но слезы ее высохли, а на лице отразилась отчаянная решимость. Она твердо шагнула к телефону...

Через полчаса Станиславский уже стучался в ее номер.

— Что случилось, мадмуазель Дункан? — встревожено спросил он и тут же замолчал — Дункан встретила его во все оружие — при свете свечей в легком воздушном пеньюаре, подчеркивающим все ее достоинства.

— О, да, случилось, — мелодраматично ответила она и, опустив ресницы, вздохнула. Затем жестом пригласила его войти.

— Я не вовремя... — засуетился Константин Сергеевич, ища повод ретироваться.

— Нет, нет! Войдите, мне нужно с вами поговорить!

Станиславский принял приглашение.

— О чем вы хотите поговорить со мной, мадмуазель Дункан?

Дора неторопливо, грациозно, словно пава, прошла к столу и стала разливать по бокалам шампанское, которое

несколько часов назад планировала распить с Алексеем. Она заговорила:

– Я приехала на гастроли в Россию, впервые увидела златоглавую Москву, Третьяковку, Большой театр. Я околдована вашим театром, теми реформами, которые пытаетесь принести в театральное искусство вы. А потом я увидела и вас самого – высокого, усатого, породистого мужчину.

Айседора протянула бокал с шампанским Станиславскому и села рядом с ним на диванчик.

Станиславский, пытаясь скрыться от ее пристального взгляда, пригубил шампанское. Он кожей чувствовал, что перед ним разыгрывают сцену. И хотя Дора была прекраснейшей танцовщицей, но как актрисе ему хотелось ей сказать: «Не верю!».

В следующее мгновение Айседора огорошила его:

– Я хочу иметь от вас ребенка. Прямо здесь и немедленно!

Такого поворота Станиславский не ожидал, но все же сохранил самообладание.

– Это интересно! – произнес он. Выдержал паузу, обдумывая ответ, затем продолжил: – Однако, ребёнок для меня – очень ответственный шаг. И я хотел бы знать, под какой юрисдикцией будет находиться наше будущее дитя.

– Естественно, он всё время будет со мной! – воскликнула обескураженная Айседора.

Станиславский с задумчивым видом отхлебнул шампанское, поставил бокал на столик и поднялся.

– В таком случае меня это категорически не устраивает, – заявил он и откланялся.

Когда он ушел, Айседора в сердцах швырнула бокал в дверь. Хрусталь вдребезги разбился и разлетелся мелкими осколками по полу.

– Русские мужики – дураки! – выкрикнула она, и слезы брызнули из ее глаз. А затем она рассмеялась.

* * *

Лизе не спалось. Она встала, зажгла лампу и подошла к окну.

Двухэтажный каменный особняк Шмитов, в котором она находилась, выглядел чужим среди покосившихся домишек с низкими заборами Пресни. Эту окраину города с центром соединял Горбатый мост. Рядом с особняком находилась мебельная фабрика Шмитов, на воротах которой среди золотых корон и медалей виднелась гордая надпись: «Поставщик двора его императорского величества...»

Лиза вздохнула. Почти неделю назад она прибыла в Москву к своей подруге Кате Шмит²³. Это был не только дружеский визит, но и партийное задание – и Катя и ее брат Николай, поддерживали социал-демократов. Хозяева особняка гостеприимно пригласили ее пожить в их доме – благо места всем хватало.

---

²³ Екатерина Павловна Шмит (1884 – 1941) – революционерка, с братом Николаем Шмитом принимала активное участие в революции 1905-1907 гг.

Лиза кинула взгляд на часы, тикающие на каминной стойке. Около двух ночи. В особняке было тихо – все спали. Только Лизе не спалось – ей было тревожно. Она прислонилась лбом к оконному стеклу и лишь теперь заметила светлое пятно на снегу – чуть дальше в одной из комнат через шторы пробивается слабый свет. Она отошла от окна и легла в кровать. Свет горел в комнате Николая Шмита. Он тоже не мог уснуть. Лиза вздохнула, вспомнив, их знакомство...

...Катя встретила свою гостью с восторженным криком, а ее мать – Вера Викуловна – осуждающе покачала головой. Девушка присмирела, представила свою гостью маман²⁴ – та взглянула сурово, кивнула и, опираясь на клюку, удалилась.

Катя провела замерзшую Лизу через приемный зал в кабинет, предложила погреться у пышущего жаром камина, и, сообщив, что на минутку удалится, исчезла за дверью. Сразу стало тихо и покойно. Горящий камин излучал тепло и уют. Лиза протянула озябшие руки к очагу и улыбнулась. В эту секунду дубовая дверь с тихим скрипом открылась, и она обернулась.

В кабинет вошел симпатичный молодой человек в студенческой гимнастерке. Увидев незнакомую девушку, он оторопел и некоторое время смотрел, не отводя глаз. Молчание затянулось, и Лиза смущенно улыбнулась. В кабинете вновь появилась Катя.

– Ах, вот ты где! Я хочу познакомить тебя с моей подру-

---

²⁴ Мама (фр).

гой.

Она схватила молодого мужчину за рукав и подтащила к Лизе.

– Елизавета Николаевна Глебова. Мой брат – Николай Павлович Шмит²⁵.

Лиза протянула ему руку.

– Здравствуйте.

Он с преклонением взял протянутую руку в свою ладонь, но заметив обручальное кольцо на ее пальце, не поцеловал ручку и не пожал. Посмотрел ей в глаза взглядом полным огорчения. Лиза смутилась, освободила свою руку и спрятала в складках юбки.

Возникла неловкая пауза, которую Катя поспешила заполнить, не понимая, что произошло с ее учтивым братом.

– Мы с братом не разлей вода. Возможно потому, что он старше меня всего на год, – пошутила она и, дернув Николая за рукав гимнастерки, шикнула:

– Что ты такой угрюмый? Улыбнись же!

Шмит вымученно улыбнулся, и Катя опять обратилась к Лизе: – С самого детства он такой серьезный. Но очень добрый и отзывчивый. И способный. Вот увидишь...

– Хватит, Катя. Зачем ты меня хвалишь? – попытался он уgomонить сестру.

– Я хвалю?!

---

²⁵ Николай Павлович Шмит (1883 – 1907, Москва) – революционер, член РСДРП, участник первой русской революции 1905-1907 гг.

Лиза улыбнулась:

– Катя говорила мне о вас. Она гордится вами и очень любит вас.

Коля Шмит устремил взгляд на гостью, затем отступил к двери.

– Прошу прощения, я покину вас, – пробормотал он и исчез за дверью.

– Что это с ним? – удивилась его сестра.

Лиза промолчала. В отличие от Кати она догадывалась, что произошло с Николаем Шмитом. Он влюбился с первого взгляда...

После ужина, Вера Викуловна ушла к себе в опочивальню, а Лиза, Катя и ее младшая сестра – Лизина тетка – перебрались в теплый и уютный кабинет. Их младший брат Алеша, некоторое время, покрутившись рядом и сочтя их общество для себя неинтересным, вскоре удалился. Николай вернулся с фабрики довольно поздно, однако, поддавшись на уговоры сестры, присоединился к ним.

В течение вечера Шмит молчал, сестры подтрунивали над ним, пытались расшевелить, но он был слишком рассеян и задумчив. Временами Лиза ловила на себе его взгляд. Несколько раз вежливо улыбнулась в ответ, но в большей мере старалась не пересекаться с ним глазами.

Николай первым решил раскланяться и, извинившись, направился к выходу. Затем неожиданно вернулся, удивив сестер и гостью.

– Елизавета Николаевна, сестра сказала, вы увлекаетесь художественным творчеством.

– Да. – Лиза удивленно посмотрела на Катю, затем вновь на ее брата.

– В Третьяковской галерее новая выставка. Может быть, сходите со мной?

Лиза замялась, не зная, что сказать. Благоразумным было отказать – и она учтиво отказалась. Николай смешался, скрыл свое огорчение за маской учтивости, и ретировался.

В течение трех последующих дней они сталкивались крайне редко и практически не разговаривали. На собрания социал-демократов Лиза и Катя ходили вместе, однако Катя недоумевала, почему брат не ходит с ними.

...Сейчас, лежа на кровати, Лиза прокручивала в голове все, что случилось. Влюбленный взгляд Коли Шмита и та напряженность, что сложилась между ними, беспокоили ее. Она не могла себе позволить флиртовать с ним, хотя часто флиртовала с другими. Искусству невинного заигрывания она научилась после замужества, то ли стараясь заставить Алексея ревновать, то ли пытаясь заглушить собственную ревность.

Лиза вздохнула. В тот вечер в честь Дункан, она безумно его ревновала к танцовщице. А потом он уединился с певичкой!

Лиза поерзала на кровати. Уйдя в тот вечер из ресторана, она вернулась домой, надеясь, что муж скоро явится. Но на-

ступило утро, а Алексей так и не вернулся. Тогда-то, наскоро собрав вещи, Лиза направилась к руководителю их группы и вызвалась поехать в Москву. Тот передал ей документы, которые нужно было отвезти московскому парткому, спросил, где она остановится. Затем разъяснил, что необходимо еще сделать в Москве, и проводил ее на вокзал.

Сейчас Лиза понимала, что позорно бежала, опасаясь того, что как только муж вернется, он, как всегда, убедит ее в том, что она ошибается, напрасно изводит себя; пожурит ее как наивное дитя и заставит опять поверить ему на слово. А он-то умел убеждать!

Лиза вздохнула, закрыла глаза и попыталась уснуть. По щеке сбежала невольная горькая слеза обиды и бессилия.

_7

* * *

Лиза еще долго вертелась в кровати, прежде чем заснуть. Однако сон, сморивший ее, был беспокойным, так что проснулась она ранним утром, когда в доме все еще спали.

Одевшись, Лиза выглянула в коридор. При виде ее жалобно заскулила пятнистая гончая Лорд Байрон. Тихонько, чтобы не побеспокоить хозяев, Лиза в сопровождении собаки спустилась по лестнице и, пройдя мимо когда-то роскошных комнат, очутилась в передней – оделась и через боковую дверь вышла на улицу.

Снег в утренней тишине громко скрипел под ногами. Воздух был холодным и пробирал до костей. Лиза поежилась,

приподняла меховой воротничок и направилась следом за собакой. Поднявшись на вершину Горбатого моста, она в задумчивости остановилась.

С моста открывался вид утренней Москвы. Слева от Зоологического сада тянулась Большая Пресня²⁶, направо в гору Кудринская площадь с красивым Вдовьим домом, стоявшим рядом с безобразной пожарной каланчой и домом Пресненской полицейской части. Новинский бульвар казался лесом, на фоне которого виднелась церковь Девяти мучеников. Правее, на горе, чернели здания женской городской тюрьмы. От Смоленской площади и Арбата спускались к реке маленькие переулочки с низкими деревянными домами. За белым широким полотном излучины реки Москвы, в Дорогомилове среди лачуг и сугробов виднелись бараки, заменявшие еще не построенный вокзал²⁷. На переднем плане, у самого Горбатого моста, расположились высокие корпуса мебельной фабрики Шмитов.

Собака залаяла, призывая идти дальше. Лиза медленно спустилась с моста, пересекла Нижнюю Прудовую улицу²⁸ и через ту же переднюю особняка вышла к аллеям шмитовского сада. Она тихо обошла замерзший пруд – Лорд Байрон бежал впереди – и направилась к низкому строению в глубине заводского двора. Здесь была зимняя оранжерея, соору-

---

²⁶ Прим. автора: Ныне улица Красная Пресня.

²⁷ Прим. автора: Брянский вокзал, ныне Киевский вокзал.

²⁸ Прим. автора: Ныне Дружинниковская улица.

женная Николаем Шмитом – в нее-то Лиза и вошла следом за собакой. В оранжерее было прохладно – в печке догорал слабый огонек. Сторож видимо спал, забыв о своих обязанностях, и растения могли замерзнуть.

Разыскав дрова, Лиза растопила печь. Лорд Байрон, покрутившись, лег поближе к топке и положил морду на лапы. Сидя на корточках, Лиза задумчиво смотрела на яркие язычки пламени, охватившие смоляные поленья.

Неожиданно позади пахнуло холодом, собака насторожилась, и Лиза оглянулась. В оранжерею вошел Николай Шмит.

– Лиза? Что вы здесь делаете? – растерянно спросил он, хотя и попытался скрыть волнение.

Лиза поднялась, смущенно пряча руки, испачканные смолой и сажей.

– Да вот решила прогуляться. Зашла посмотреть оранжерею.

– Здесь прохладно! Сторож опять уснул и не растопил печь. Черт! – Николай принялся разглядывать свои растения, проверяя, не замерзли ли они.

– Зачем вы выращиваете рожь и пшеницу? – не смогла удержаться от вопроса Лиза.

– Я провожу опыты по выращиванию новых сортов. – Убедившись, что с его растениями все в порядке, Николай выпрямился и посмотрел на нее. – Меня интересует вопрос о возможности превращения путем культивирования однолетних растений в многолетние. Такие сорта пшеницы и ржи

значительно облегчат труд крестьян.

– Как вам удастся все успевать?!

Заметив недоуменный взгляд Николая, Лиза пояснила:

– Проводить исследования, управлять фабрикой, помогать рабочим, участвовать в партийной деятельности?

Шмит пожал плечами:

– Ничего странного – я этим живу. Вот только хозяин фабрики из меня никудышный.

– Как так?

– Наша фабрика всегда славилась художественной мебелью. Мой дед, Александр Матвеевич, получил звание придворных дел мастера. Мой отец, Павел Александрович, часто выезжал во Францию для заключения договоров. В ряде парижских и версальских дворцов красовалась наша мебель. Да и сейчас, я думаю, красуется... По завещанию отца фабрику нужно было продать, а все полученные от продажи средства в равных долях разделить между его детьми по достижению их совершеннолетия. Но фабрику никто не покупает. Уже два года она влачит жалкое существование. Часто бывает, что не хватает денег, чтобы выплатить зарплату рабочим.

Он замолчал, задумавшись.

– Вам не хватает отца? – спросила тихонько Лиза, вспомнив о своем отце – купце первой гильдии Колдобине, столь же деятельном и способном дельце, как отец Коли и Кати.

– Да... Но мы не понимали друг друга. Часто бывая на

фабрике, я видел несправедливость, но отец и слушать меня не хотел...

В соседней комнате раздался шум. Лиза вздрогнула. Николай успокоил ее:

– Не бойтесь, – он прошел в комнату и через минуту вернулся, держа на руках нескладное существо – мартышку, радостно цепляющуюся за лацканы его шинели. Обезьянка, повернув волосатую головку, уставилась своими большими черными глазенками на девушку.

– О, обезьянка! – воскликнула Лиза, протягивая к животному руку. Обезьяна вытянула лапу и пожала руку девушки. – О! Какая ты умница!

– Хотите ее подержать?

Лиза нерешительно посмотрела на Шмита.

– Не бойтесь. Она вас не укусит. Позовите ее к себе.

Лиза поманила обезьянку, и она перебралась к ней на руки, обняла за шею. Девушка тихонько засмеялась и погладила животное.

Некоторое время Шмит наблюдал, как гостя нянчится со зверьком.

– Вы любите музыку? – спросил он, вновь присев на край стола.

– Люблю, – ответила Лиза, взглянув на него. Обезьянка же, как маленький ребенок, ухватила за ее палец. – А вы чью музыку любите?

– Чайковского. Особенно мне нравится первый концерт

для фортепиано с оркестром.

– Правда? И мне тоже! – Лиза напела мотив, а Николай подхватил его. У него был довольно приятный голос. Она беззаботно рассмеялась.

– Я любила играть на фортепиано. Когда я жила в родительском доме у меня был этот замечательный инструмент.

– А сейчас?

– Сейчас? – Лицо Лизы померкло. – Сейчас нет. Нет ни фортепиано, ни времени заниматься музыкой.

– Это... из-за вашего мужа?

Лиза вздохнула, вспомнив об Алексее.

– Отчасти.

– Я хочу пригласить вас в Московскую консерваторию, послушать авторский концерт Рахманинова, можно и Скрябина. Пойдете?

Лиза взглянула на Шмита. Он ей нравился – с ним было спокойно, и, оказывается, легко.

– Не хотелось бы в ваших глазах быть навязчивым... –

Шмит отвернулся к топке печи.

– Я пойду.

Николай сразу же обернулся, посмотрел ей в глаза.

– Хорошо. – Он улыбнулся. Подошел к ней, поманил обещанку. Та перебралась к нему на руки, и он отнес ее в соседнюю комнату. Затем вернулся к Лизе.

– У нас есть фортепиано. Вы нам сыграете?

Лиза засмеялась:

– Только не судите меня строго. Мне кажется, прошла сотня лет после того, как я играла в последний раз, – она улыбнулась.

– Уверен, что ваши руки помнят, – ответил он, пожимая ее пальчики. Затем отпустил их. – Пойдемте в дом...

* * *

После завтрака Лиза, как и обещала, сыграла по просьбе Николая его любимые сонаты Шопена – «Лунную», «Аппассионату», и Чайковского – «Времена года».

Он слушал ее, как зачарованный, а сама Лиза испытывала огромное удовольствие от игры. Пальцы действительно помнили, и душу переполняла радость.

Позже Шмит показал Лизе фотографии, которые сделал сам. На твердых листках бумаги были запечатлены бескрайние просторы России, до предела скудный быт крестьян, тяжелый труд рабочих фабрики... Не обошлось и без фотокарточек столь близких ему друзей и родных. Фотографии действительно были хорошими – Лизу они впечатлили.

В полдень Николай ушел на фабрику, а вечером, вернувшись, пригласил девушек на концерт. Московская консерватория Лизе понравилась, понравился концерт Рахманинова, нравилась и компания, с которой она проводила время...

На следующий день Лиза, Катя и Николай направились на сходку в одну из явочных квартир, расположенную в переулке близ Патриарших прудов. Шли пешком, Катя и Лиза

впереди, за ними Николай Шмит, беседовали, шутили, смеялись, не замечая зимнего холода...

Подходя к Большому Девятинскому переулку, они услышали крики и плач: впереди расшумевшиеся женщины с детьми на руках не пускали своих мужей в трактир тратить последние деньги. Дети плакали, напуганные руганью взрослых. Спустя минуту появились городовые и стали отгонять женщин от дверей трактира. Женщины отчаянно не хотели отступать, тогда блюстители порядка учинили побои. Женщины завопили, мужья кинулись вступаться за жен, завязалась потасовка. Раздался выстрел в воздух, к полиции подошла помощь. Смутьянов стали скручивать, арестовывать и уводить.

– Возмутительно! – не удержалась Лиза. – Как они смеют избивать женщин?!

Один из полицейских с подозрением посмотрел в их сторону.

Катя подхватила подругу под руку и повела прочь.

– Почему ты смеешься? – воскликнула Лиза, заметив, как та тихонечко хихикает.

– Прости! – ответила Катя и рассмеялась. Затем утерла выступившие от смеха слезы. – Понимаешь, несколько дней назад случилась такая же история! Мы шли с Колей, и здесь была такая же потасовка. Он не удержался и высказался громогласно по этому поводу. Так после этого за нами полицейский следовал по пятам, так что пришлось срочно свернуть

с пути и зайти в гости к дяде – он живет здесь недалеко.

Лиза взглянула на Николая. Он раздосадовано смотрел на них.

– Придется зайти на Спиридоновку.

– К дяде – Савве Тимофеевичу, – пояснила непонимающей Лизе Катя, беря вновь ее под руку. – Подождем, пока вот тот полицейский от нас не отстанет...

* * *

Войдя в роскошный зал особняка, Лиза сразу увидела внушительную фигуру мужчины лет сорока – сорока пяти. Фабрикант и общественный деятель Савва Тимофеевич Морозов стоял перед креслом с высокой спинкой и, когда они вошли, повернулся в их сторону.

– А, племяннички! – раздался его веселый бодрый голос. – Вместе со своей гостьей – Елизаветой Николаевной, если не ошибаюсь?

– Здравствуйте, дядя. Позвольте представить, – Катя сделала жест в сторону Лизы.

В это момент из кресла с высокой спинкой поднялся не замеченный пришедшими гость Саввы Тимофеевича, – и Лиза беззвучно ахнула. На нее с усмешкой смотрел ее муж.

– ... моя подруга Елизавета Николаевна Глебова.

Морозов склонил голову и представился сам:

– Савва Тимофеевич Морозов, – а затем с усмешкой обратился к племянникам:

– Познакомьтесь и вы с моим гостем. Глебов Алексей Петрович. А это мои внучатые племянники – седьмая вода на киселе: Екатерина Павловна и Николай Павлович Шмиты.

Алексей сдержанно поклонился. Отметил, как нахмурился племянник Морозова, услышав его имя. Затем внимательно с прищуром взглянул на Лизу. Та с досадой смотрела на него. Алексей неторопливо приблизился к жене.

– Здравствуй, дорогая, – сказал он, целуя ее в висок. Взял за руку, усадил рядом с собой на диван.

...Последние полчаса Савва Морозов бурно рассказывал что-то, Катя беседовала с ним, Лиза и Николай молчали, а Глебов, временами вступая в разговор, наблюдал за женой и молодым студентом.

– Как поживает господин Пешков²⁹? – поинтересовался Морозов у Алексея их общим знакомым.

Глебов рассеянно взглянул на него.

– Алексей Максимович? – переспросил он. – Я давно не виделся с ним. Скорее нужно спросить о нем мою супругу. – Он посмотрел на жену.

– Да, – Лиза без желания оторвала взгляд от камина и взглянула на Морозова, – я виделась с ним на прошлой неделе. Он в здравии, в прекрасном расположении духа.

– Я рад. Когда увидите с ним, засвидетельствуйте мое

---

²⁹ Алексей Максимович Пешков (псевдоним Максим Горький) (1868, Нижний Новгород – 1936, Горки) – русский писатель, прозаик, драматург, автор произведений с революционным уклоном.

почтение.

– Несомненно.

Лиза первый раз за весь вечер внимательно посмотрела на фабриканта. Она была наслышана о нем и то, что она знала, вызывало уважение. Он был фабрикантом, миллионером и в то же время прогрессивным деятелем, помогающим социал-демократам денежными средствами.

Савва Тимофеевич тоже с интересом смотрел на госпожу Глебову. Он оказался более прозорливым, чем племянница, и уже догадался, что Николай испытывает огромнейшую симпатию к жене его знакомого. И что госпожа Глебова знает о его симпатии и, по всей видимости, догадывается об этом и Алексей.

– Увидите Алексея Максимовича, засвидетельствуйте ему и мое почтение, – подал голос Николай, бросив безрадостный взгляд на Лизу.

– Непременно, – отозвался Глебов вместо жены. Она сердито поджала губы и отвернулась.

Алексей же, высокомерно смотря на Шмита, отвернувшись к камину, продолжил:

– По всей видимости, вы увлечены... – он сделал паузу (Шмит на мгновение замер, затем продолжил помешивать угли в камине), – ...тем же, чем и моя супруга?

Лиза недовольно поерзала на диване. Морозов хмыкнул и тут же предпочел сгладить возникшую неловкость.

– О, Николая интересует все, чем живет прогрессивная

Россия, – с усмешкой произнес он. – Мой внучатый племянник зачитывается произведениями Чернышевского, Белинского...

– Я читаю произведения и других авторов, – буркнул недовольно Николай, ковыряясь кочергой в камине.

Катя оживилась:

– Лиза, мой брат с чувством читает наизусть стихи ... Коля, пожалуйста, прочти!

Морозов хохотнул:

– Да, племянник, прочти нам что-нибудь этакое, а?

Николай напрягся. Лиза молчала, выпрямившись, как струна, а Алексей, вальяжно откинувшись на спинку дивана, смотрел на Шмита и его выдавали лишь опасно поблескивающие глаза.

– Извольте, – неожиданно решился Николай. Повернулся к присутствующим. Его взгляд остановился на Лизе. – Письмо Онегина к Татьяне.

На мгновение наступила напряженная тишина, но ее нарушил приятный голос тещи:

Предвижу все:

Вас оскорбит печальной тайны объяснение...

Какое горькое презрение ваш гордый взгляд изобразит!

Чего хочу?

С какою целью открою душу вам свою?..

Какому злобному веселью, быть может, повод подаю!..

Я думал: вольность и покой замена счастью.

Боже мой! Как я ошибся, как наказан!

Нет, поминутно видеть вас, повсюду следовать за вами,

Улыбку уст, движенье глаз ловить влюбленными глаза-

ми...

Внимать вам долго, понимать

Душой все ваше совершенство...

Пред вами в муках замирать, бледнеть и гаснуть...

Вот блаженство!..

Я знаю: срок уж мой измерен;

*Но чтоб продлилась жизнь моя, я утром должен быть
уверен,*

Что с вами днем увижусь я!...

Боюсь: в мольбе моей смиренной

Увидит ваш суровый взор затеи хитрости презренной –

И слышу гневный ваш укор.

Когда б вы знали,

Как ужасно – томиться жаждою любви,

Пылать –

И разумом всечасно смирять волнение в крови.

*А между тем притворным хладом вооружать и речь и
взор,*

Вести спокойный разговор,

Глядеть на вас веселым взглядом!..

Но так и быть:

Я сам себе противиться не в силах боле,

Все решено:

Я в вашей воле!..

И предаюсь моей судьбе.

В комнате наступила тишина. Все молчали. Плотнo сжав губы, молчала и Катя, вдруг все осознав. Тем более жуткими показались сухие хлопки аплодисментов Глебова.

– Браво. Чтец вы действительно превосходный. Но безобразно выкинули слова и переверали текст, – сказал он. Посмотрел на жену. – Не правда ли, дорогая? «Пушкин» ведь **ЛЮБИМЫЙ** ваш поэт?!

Лиза промолчала.

– Я несколько дней не видел жену, – произнес Алексей, вставая. – Позвольте нам откланяться.

Лиза кинула возмущенный взгляд на мужа. Опять он решает все за нее!

– Но как же... – попыталась остановить их Катя, но дядя ей помешал.

– Конечно же, Алексей Петрович. Я вас прекрасно понимаю. Не смеем вас с супругой задерживать, – сказал он.

Коля Шмит, бледный как мел, отвернувшись, молчал. Лиза, проигнорировав протянутую Алексеем руку, встала, попрощалась, и вышла. Глебов откланялся и вышел следом.

Спустя некоторое время они уже ехали к гостинице, где остановился Алексей. Оба молчали. Лиза, хотя и ощущала исходящую от мужа тихую ярость и угрозу, упрямо не желала сдаваться и показать слабость. Держаться ей помогали гнев и обида. Хотя откровенное признание Шмита выбило

ее из колеи: оно было неожиданным и высказанным в очень щекотливой ситуации.

Они так же молча проследовали в его гостиничный номер. Лиза осталась стоять посреди комнаты, когда Алексей закрыл дверь и прошел к столу. Он достал портсигар, вынул папироску, чиркнул спичкой. Закурил. Выпустил носом и ртом струйки дыма. Опять затянулся, все также стоя к жене спиной.

Он ревновал ее по-настоящему. Второй раз в жизни. Первый – к Гирченко, который ухаживал за ней после того как они весной чуть было не расстались по стечению невысказанных обстоятельств, о которых было жутко вспоминать. Теперь, второй раз – к Николаю Шмиту. Почему ревновал именно к ним? Да потому что видел в них соперников – жене нравились интеллектуалы-интеллигенты, притом не дурной внешности и подходящие ей по возрасту. Остальные всегда были мелкими сошками, пустышками, на которых не следовало обращать внимание. Эти же двое – вполне могли заинтересовать его жену.

Глебов напряженно потер переносицу. Выходка молодого студента вывела его из себя, но Алексей сдержался: если студент осмелился заявить при всех о своих чувствах, значит, пытался использовать последний шанс и признаться Лизе. Значит, объяснений между ними раньше не было, как и всего остального, исходя из перефразированного стихотворного отрывка. Об этом инциденте нужно пока забыть, иначе сго-

ряча можно наломать дров.

Глебов сделал еще одну затяжку, затем повернулся к Лизе, готовый к словесной баталии. Говорил он спокойно, не повышая голоса.

– Ты уехала из Петербурга, не дождавшись меня и не поговорив со мной. Что случилось, объясни мне?

Лиза кинула на него рассерженный взгляд:

– Объяснить? И вы еще требуете у меня объяснений?!

– Я надеюсь, как твой муж, я все-таки заслуживаю некоторых объяснений.

– А я, разве я не заслуживаю уважения и объяснений с вашей стороны?

Алексей еще раз затянулся и затушил папиросу. Теперь он может спокойно объясниться с ней по поводу Катаринины и отсутствия ночью дома – Лиза не станет затыкать уши или хлопать перед его носом дверью, так как сама потребовала от него объяснений.

– Мне нечего от тебя скрывать. Ты знаешь Костю Абрамовича. Он нам обоим спас жизни. Катарина – женщина, на которой он собирался жениться. Они уже были вместе, когда я с ними познакомился. Оба нуждались в помощи и деньгах. И я помог им заработать. Я стал крестным их сыну Пашке... После смерти Костика, я хотел найти Катарину и Пашку и предоставить им свою помощь. Но она вместе с сыном уехала в неизвестном направлении. А в тот вечер я случайно встретил ее.

Некоторое время они молчали.

– Но это не оправдывает того, что ты не ночевал дома, – сжав кулачки, проговорила Лиза.

– Ты ведь знаешь, чем я занимался раньше. Сычев просветил тебя по этому поводу без лишних слов, помнишь? Так вот, когда я покинул ресторан, то заметил слежку. И это уже не в первый раз. Эти ребята ищут предлог, чтобы арестовать меня. Преследуют по пятам.

– И где же они сейчас? Прячутся в соседней комнате? – фыркнула Лиза.

– Надеюсь, что нет. Но я боюсь, что скоро они вновь выйдут на меня.

– Как у тебя все складно! – Лиза явно не желала ему верить.

Он подошел к ней:

– Лиз, поверь. Все очень серьезно. Нам нужно уехать... скрыться где-нибудь на время.

По ее взгляду Алексей понял, что она все-таки поверила. Но он недолго радовался.

– Я никуда не поеду! – категорично заявила она, вырвавшись из его рук.

– А я не поеду без тебя. И скоро они найдут предлог арестовать меня!

Лиза яростно толкнула мужа:

– Ты опять пытаешься не оставить мне выбора! Уезжай!

– Я без тебя никуда не поеду, – отчеканил он каждое сло-

во.

Лиза вскрикнула и выскочила из номера. Алексей последовал за ней.

И как на беду в дверях они столкнулись с Айседорой и Станиславским.

Лиза взбешенно взглянула на мужа и кинулась прочь по коридору.

– Лиза! – окликнул ее Глебов, но она не желала его слушать.

— 8

* * *

Лиза окликнула извозчика, забралась в сани и назвала адрес Шмитов.

Опять эта американка! Он что, притащил ее сюда с собой?! Лиза была в бешенстве. Но немного успокоившись, она вспомнила, что танцовщица была в обществе Станиславского, с которым, кстати, она даже не поздоровалась, забыв об учтивости.

Лиза судорожно вздохнула. Алексей говорил ей об опасности, требовал срочно уехать с ним. Но она не хотела уезжать! Это означало бы порвать отношения с партийными товарищами, и уехать с Алексеем туда, куда он скажет. Лиза решила остаться. Он подумает, здравый смысл одержит верх и, как только возникнет настоящая угроза, он сам уедет. Лиза вдруг поняла, что такой расклад ее тоже не устраивает. Алексей может и не отступить – останется и тогда его точ-

но арестуют. Но если даже решит уехать – не потеряет ли она его навсегда? Лизе стало вдруг страшно. Что если она больше никогда с ним не встретится и придется прожить жизнь без него? Сердце от такой возможности заныло. Лиза не хотела уезжать, но он опять не оставлял ей выбора! Как же она за это его ненавидит!

Оказавшись у Шмитов, Лиза поднялась к себе в комнату. Села на кровать, бросила шапочку на покрывало, рывками расстегнула пуговицы пальто. Несколько мгновений сидела на месте, затем соскочила и стала собирать вещи. В комнату вошел Николай.

– Лиза, вы уезжаете?

– Я должна, – с отчаянием воскликнула она, запихивая платье в чемодан.

– Вы не должны уезжать. Он опять все решил за вас! – Николай остановил ее, взяв за руки.

– Вы не понимаете...

– Я понимаю то, что он снова навязал вам свое мнение! Он страшный человек. Вы с ним задохнетесь, зачахнете! Стоило ему появиться, как вы перестали быть самой собой – перестали улыбаться, смеяться, говорить на интересующие вас темы! Он душит вас своим авторитетом, своим «я»! Оставайтесь! Обдумайте все без его давления. Примите решения самостоятельно.

– Он мой муж...

– И что? Я безумно вас люблю, Лиза, но я никогда не за-

ставлю вас делать то, чего вы не хотите! Вы вольны принимать решения самостоятельно, как взрослый полноценный человек.

Лиза в отчаянии опустила руки. Николай говорил именно то, что и она всегда думала и предполагала.

– Я ненавижу его! – вырвалось из ее уст.

Молодой мужчина заключил ее в объятия.

– Лиза... – выдохнул он, прежде чем прижался к ее губам своими губами. Лиза вздрогнула, но не оттолкнула Николая: ее ладони лишь легли ему на плечи... Ни один мужчина, кроме ее мужа, так не целовал ее.

Неожиданно Николай отпустил ее из своих объятий. Лиза посмотрела ему в глаза, не зная, что сказать, но он вдруг вздрогнул и взглянул поверх ее головы. Лиза оглянулась.

На пороге стоял Алексей. Стоял видимо давно. Его взгляд арктическим холодом обдал Лизу, так что она поежилась. Затем Алексей презрительно усмехнулся и вышел.

Лиза будто окаменела. Внутри стало холодно. Она хотела было броситься следом за мужем, но Николай удержал ее за руку.

– Вам лучше не ходить за ним, Лиза. Он опасный человек, – предупредил Шмит.

– Он мой муж! – ответила она сокрушенно. – Что же он теперь подумает обо мне?!

Молодая женщина без сил опустилась на стул и закрыла лицо руками.

– Так вы его любите? – удрученно спросил Николай.

– Конечно же, люблю... Безумно... – всхлипывала она, сотрясаясь от рыданий.

* * *

Айседора была всегда уверена, что рано или поздно любой мужчина, если ей этого захочется, подпадет под ее чары и падет к ее ногам. При том довольно красивым ногам. Она смотрела на Алексея, стоявшего на пороге и качающегося в разные стороны. Он был пьян до такой степени, что мог действительно в любой момент рухнуть перед ней и не только на колени.

– Добрый вечер, – произнес он по-английски, с трудом произнося слова. – Вы прекрасны, Дора.

– Вы пришли сказать мне это, Алекс? – с усмешкой спросила она, затем посторонилась, пропуская его в комнату.

Глебов ввалился, зацепился за столик, чудом удержался на ногах, и к счастью Доры, плюхнулся на диван.

– Вы набрались... храбрости, прежде чем прийти ко мне, – сказала она, подходя к нему поближе. – Неужели я так пугаю вас?

– Вы прекрасны, Дора, – повторил Алексей, откинувшись на спинку дивана и смотря на нее сквозь полуопущенные ресницы.

– Да, вы уже говорили это, – сказала она с лукавой улыбкой на губах. Затем присела рядом.

– Вы красивы, добры, душевны. Вы идеальная женщина, Дора, – говорил Глебов, не замечая, что говорит пару слов на английском, пару слов на французском и переходит на русский.

Она коснулась его лба теплыми нежными пальчиками.

– Поцелуйте меня, Дора, – попросил Алексей. Женщина неторопливо склонила к нему свое лицо и поцеловала его в губы. Глебов ответил на ее поцелуй. Они целовались не спеша, пока всего лишь одно тихо сказанное слово не остановило женщину.

– Лиз... – прошептал мужчина.

Дора отстранилась от него. Глаза Глебова остались закрыты. А еще через мгновение он уснул.

Айседора вздохнула. Она была разочарована и уязвлена. При этом в большей степени она ощутила разочарование, чем была уязвлена. Ей стало скучно. Мужчина, уснувший рядом, больше ее не интересовал. Перед глазами встало лицо Станиславского. «Породистый мужчина». Так она его назвала. По сравнению с ним, Глебов был грубым, прагматичным и холодным. Он далек от мира искусства, в нем нет творческой жилки, безумства творческой души. Глебов воин, не поэт. Станиславский другое дело. Другой мужчина. Бог, бог театрального искусства!

Айседора встала с дивана, шарф сполз с ее плеча, запутавшись в руке Алексея. Она скинула его с себя на спящего мужчину и направилась в спальню.

* * *

...Алексей стоял посреди дороги, осматриваясь по сторонам. Он не знал этой местности, не узнавал дома вокруг, не знал, где он. Но вот вдали он увидел Айседору. Ее алый шарф развивался на ветру посреди всего этого – ставшего вдруг черно-белым, серым, холодным.

Дора села в машину, помахала кому-то рукой, завела двигатель. Алексей ощутил холод, страх от предчувствия чего-то непоправимого и ужасного. Он крикнул Доре, желая, чтобы она остановилась, но она не слышала его. Алый шарф змеился в воздухе, трепыхал на ветру. Автомобиль Доры набрал скорость. Алексей бросился на встречу к ней. Шарф взвился вверх, затем кинулся под колеса. Голова Доры резко дернулась назад...

Алексей проснулся. С трудом открыл глаза. Шея затекла и болела от того, что он так и проспал, сидя на диване.

Глебов потер шею ладонью. Заметив на себе алый шарф, сбросил его в сторону. И тут услышал сладкий голос Айседоры.

– Милый, ты уже проснулся? Может быть, кофе?

Алексей взглянул на нее, пытаясь что-либо вспомнить, но ничего не получалось.

– Я... – Он не знал, что сказать. Потер виски кончиками пальцев. – Черт, я ничего не помню.

– О, ты был великолепен!

– Так между нами что-то... – Глебов осекся. – Так, минутку.

Пытаясь собраться с мыслями, он встал, осмотрелся. Пятёрней провел по волосам, пытаясь хоть что-либо вспомнить. Тщетно.

Дора, понаблюдав за ним, пожала плечами и расположилась на диване, где только что спал Алексей.

– У тебя такой вид, будто ты проглотил муху, – сказала она.

Глебов посмотрел на нее:

– Между нами ничего не было, ведь так?

– Это ты так хочешь думать. – Она взяла в руки шарф и, игриво прикрыв им нижнюю часть лица, кокетливо заморгала.

Шарф в ее руках вызвал неприятные ощущения.

– Так ты будешь кофе, дорогой? – Ее голос отвлек его от тревожных мыслей.

Она явно издевалась.

– Нет, лучше я попью его у себя в номере. – Он направился к выходу. Затем остановился, обернулся и сказал:

– Прости меня, Дора. Я не хотел тебя обидеть.

Когда он был уже возле двери, она окликнула его. Алексей обернулся.

– Ничего не было, – произнесла она.

Глебов помедлил на выходе, затем вернулся, подошел к ней. Она по-прежнему держала шарф в руках, наслаждаясь

его шелковистостью.

– Дора, я прошу тебя, – он наклонился к ней и посмотрел в глаза, – если ты дорожишь жизнью, не носи это. – Он стянул с ее шеи шарф и положил на диванчик. – Поверь мне.

Она озадаченно захлопала пушистыми ресницами. Алексей бережно поцеловал ее в лоб и вышел.

Пару минут Дункан смотрела на закрывшуюся дверь, думая о том, какие же странные эти русские, затем посмотрела на длинный шарф, улыбнулась и взяла его в руки.

* * *

Вернувшись в свой номер, Глебов оделся и вышел на улицу. В раннее зимнее утро еще было сумеречно, но ему не сиделось на месте. Тоска и боль в груди гнали его куда глаза глядят. Он не мог простить Лизу. Он не хотел сейчас о ней думать. Но тщетно, мысли о ней безудержно лезли в голову.

Алексей поежился от холода и приподнял воротник пальто. Возникло огромное желание явиться к Шмитам и покалечить дыхателя супруги. Лишь бы только сгоряча не придушить «любимую»!

Глебов зашагал по тротуару, за ночь покрывшемуся снегом. Прийти к Шмитам, неплохая идея!

В какой-то момент Алексей ощутил, что за ним опять слежка. Он скрежетнул зубами. Что за напасть! Не подав виду, что обнаружил преследователей, Глебов продолжил идти дальше. Один слева, другой справа. Держались они на почти-

тельном расстоянии, но старались не упустить его из виду.

Неожиданно Алексей нырнул в проулок и бросился наутек. Позади раздался топот преследователей – пустые улицы звонко оповестили об их приближении. Глебов, сворачивая из проулка в проулок, ускорил бег. Морозный воздух обжигал легкие. От дыхания иней вырос на воротничке пальто коркой. Алексей на миг остановился, тяжело дыша, огляделся по сторонам и нырнул в одну из парадных дома. Поднялся этажом выше.

Преследователи были рядом – он слышал их разговоры и шаги – они искали его. Следы на свежем снегу выдали – преследователи остановились возле входа. Глебов глянул себе под ноги, вытер подошвы ботинок об коврик возле одной из дверей квартир и поднялся выше. Быстро достал самодельную отмычку и осторожно вскрыл замок одной из квартир. Тихонько вошел и прикрыл бесшумно дверь.

Оказавшись в полутемном помещении, он несколько секунд постоял, привыкая к убогому освещению. В углу комнаты стояла кровать и на ней кто-то спал. Стараясь не шуметь, Алексей прошел к вешалке, снял с нее ротонду³⁰ и накинул ее на себя. Затем вынул несколько бумажных купюр из портмоне и положил их на столик. По сдержанному дыханию хозяйки квартиры (в том, что это была женщина, Глебов не сомневался) он понял, что она проснулась и с ужасом на-

---

³⁰ Ротонда – верхняя теплая женская одежда без рукавов в виде длинной накидки.

блюдает за «ночным гостем». Он вернулся к двери, прислушался, тихонько ее приоткрыл и вышел в коридор. Преследователи, по всей видимости, поднялись выше.

Алексей вышел из дома и быстро зашагал прочь.

Через пятнадцать минут он был на вокзале и сел в первый же проходящий поезд.

_9

* * *

Январь 1905 г. Петербург

Алексей, отхлебнув из стакана горячий ароматный чай, – благо подстаканник не позволял обжечься пальцам, – развернул газету и пробежался глазами по статьям.

Несколько дней назад он вернулся в Петербург и явился к Алексею Пешкову. Не вдаваясь в подробности, он попросил его об услуге: найти ему на несколько дней жилье. Писатель не отказал в помощи и поселил его на квартире своего знакомого, уехавшего на воды в санаторий.

Несколько раз Глебов попытался пробраться в свой дом, но постоянно замечал филеров, ожидающих его возле подъезда. Знал он и то, что Лиза вернулась и проживает в их квартире. По-видимому, Лиза совершенно не осознала серьезность того, о чем он ей говорил. Видеть ее он не желал, но не хотел, чтобы она подвергалась опасности. Поэтому попросил Пешкова передать ей, быть осторожной – за домом и за ней следят.

Алексей отложил газету на край стола и задумчиво от-

хлебнул чай. Встал, прошел в спальню, сложил вещи в чемодан. Затем вернулся в гостиную, застегивая на ходу запонки на рукавах. И тут скорее почувствовал, чем заметил, ее присутствие. Поднял глаза и столкнулся с подавленным сокрушенным взглядом голубых глаз.

Глебов плотно сжал губы и отвернулся. Сердце неприятно заныло.

– Зачем пришла?

– Между мной и... господином Шмитом ничего не было, – произнесла Лиза с трудом.

Алексей не выдержал.

– Как официально – «господин Шмит»! – фыркнул он. – Хватит, не будь лицемеркой!

– Был всего лишь один поцелуй! – воскликнула она, делая шаг в его сторону.

– Ты жила в его доме!

– И что? Я гостила у своей подруги, а не у него.

– Но ведь никаких гарантий нет, что все именно так?

Лиза побледнела.

Глебов осознавал, что теряет над собой контроль, но ничего поделать с собой не мог, и от этого еще больше злился.

– Тем более, мне ли не знать, какая ты «горячая штучка». Я помню времена нашего знакомства! Приличные девушки так себя не ведут!

Бледность на лице Лизы сменилась красными пятнами. Она сжала кулачки, подалась вперед.

– Приличные девушки себя так не ведут, говорите? Откуда вам, господин Глебов, знать, как ведут себя приличные девушки! Вините меня в измене, которой не было, а сами! Помните, что произошло после нашей свадьбы? Это мне не забыть тот бордель, в котором я нашла вас среди... всех этих... падших женщин! – Голос Лизы задрожал, как и ее губы. Она готова была разрыдаться. Показать себя слабой перед ним в этой ситуации ей было неприятно, но взять себя в руки она не смогла.

– Ненавижу! – слетело с ее губ, прежде чем слезы брызнули из ее глаз. Лиза резко развернулась на каблучках и бросилась к выходу.

Глебов поймал ее за руку, грубо прижал к себе. Сломив слабую попытку вырваться, он жадно прижался к ее губам, смял их до боли своими поцелуями, заставил раскрыться. Лиза судорожно вцепилась в его плечи. Поддалась бурным эмоциям, охватившим ее. Запрокинула голову, жадно принимая его поцелуи. В этот момент они и злились, и страстно желали друг друга. Алексей оторвался от ее губ, продолжая крепко прижимать жену к себе. Его ладонь прошла по ее шее, спустилась к груди и грубо смяла ее. Лиза изогнулась к нему навстречу, еще теснее прижимаясь к бедрам мужа, ощущая его возбуждение и свое – внутри все горело и ныло от желания.

– Это ничего не значит! – услышала она его озлобленный голос.

Лиза открыла глаза, попыталась отстраниться, но он собственнически прижал ее к себе и вновь страстно поцеловал. От злости она укусила его, он чертыхнулся, грубо смял ее губы своими, затем спустился ниже к ее шее, прикусил нежную кожу, всасываясь до боли. Лиза вскрикнула, схватила его за волосы. Он отступился, поднял голову. Мгновение они смотрели друг другу в глаза, в которых отражались и злость и страсть одновременно. Затем Лиза притянула его голову к себе и жадно поцеловала в губы. Он ответил ей тем же, и она принялась стягивать с него пиджак, затем вытянула края его рубашки, желая прикоснуться к его обнаженному телу...

Алексей не стал церемониться, прижал ее к стенке, задрал юбки. Лиза застонала, обхватывая его за шею, чтобы ему удобно было ее приподнять. И вот он уже овладел ею. Она потеряла над собой контроль, отдалась полностью, без остатка. Рассталась с жизнью...

...Тяжело дыша, он уткнулся в ее шею. Крепко сжал ее в объятиях, будто не желая отпускать. Затем резко отстранился, – так, что она чуть не упала, потеряв опору, – и отошел в сторону.

– Я уезжаю, – произнес он, резкими движениями поправляя одежду и не смотря в сторону жены.

– Куда? – спросила машинально она, уязвленная его отстраненностью. Пуговицы платья не желали поддаваться одревеневшим вдруг пальцам и протискиваться в петли.

Глебов неопределенно пожал плечами.

– Не знаю. В Париж. Лондон. Все равно.

Лиза промолчала. Ощущая слабость в ногах, села в кресло.

– А как же... мы?

– Мы? – Он дернул плечом. – Не знаю.

– Не знаешь... – тихо повторила она.

Алексей стоял к ней спиной, тяжело дыша. Оба молчали. Затем он вышел из комнаты, а когда вернулся с чемоданом, комната была уже пуста. Лиза ушла, не сказав больше ни слова.

* * *

Алексей поправил галстук, задумчиво глядя на свое отражение в зеркале. Губа от укуса Лизы припухла и саднила. Он коснулся ссадины, бросающейся в глаза. Сурово свел брови и отошел от зеркала. Надел пальто, шапку, подхватил чемодан и вышел на улицу.

Глебов не успел сделать и пару шагов, как возле него резко остановился автомобиль. Из машины выскочил мужчина и направился к нему. В том же момент Алексей ощутил за спиной, возле себя, еще двух крепких парней.

– Господин Глебов, пройдемте с нами, – заговорил вежливо, но настойчиво тот, что стоял перед ним. Алексей узнал этот голос – это был голос господина из экипажа на мосту. Альшев? Малышев? Да, точно, Малышев.

Алексей кинул взгляд через плечо, оценивая ситуацию.

– С какой стати? – поинтересовался он.

– Вас хочет видеть один очень влиятельный господин.

– У меня есть выбор?

Тот отрицательно покачал головой:

– Не вынуждайте нас применить силу. Нам приказано доставить вас любым целесообразным способом. – Он кивнул, указывая на своих помощников за спиной Алексея.

Глебов еще раз оглянулся и заметил, как дула револьверов оттопыривают карманы шпиков. То, что это агенты департамента, он уже не сомневался. В любом случае, выбора не было.

Алексей протянул чемоданчик одному из филеров.

– Позаботьтесь, – произнес он спокойно, затем прошел к машине и сел в нее. Рядом с ним по обе стороны разместились двое шпиков. Третий – Малышев – сел впереди рядом с шофером, и автомобиль тронулся с места.

* * *

Стоя у зеркала, Лиза поправила прическу. Засос на шее, оставленный на память мужем, был хорошо виден. Лиза провела по нему пальцами, затем сердито запахнула воротничок платья так, чтобы позорная отметина не была видна посторонним. После того как Пешков передал ей предупреждение Алексея о слежке, она перебралась на конспиративную квартиру, где в данный момент и находилась.

В дверь постучали. После разрешения войти, дверь от-

крылась, и в комнату вошел Макар, поздоровался с ней, сел на предложенный стул.

– Лиза, вам есть поручение от Филиппова, – произнес он. – Отец Гапон пригласил на срочное собрание рабочих делегатов революционных партий. Вы вместе с товарищем Ивановым пойдете туда.

– Гапон стал приглашать революционеров на свои собрания? – удивилась Лиза. – Что происходит?

– На Путиловском заводе было уволено четверо рабочих. Это было последней каплей: рабочие на собраниях стали требовать справедливости. Просто разговорами уже было не обойтись, поэтому-то Гапону ничего не осталось, как допустить на свои собрания представителей ревпартий с их предложениями. Были организованы три рабочие делегации, которые с требованиями пошли: одна – к директору завода, другая – к главному заводскому инспектору Чижову и третья – к градоначальнику, генералу Фуллону³¹. Так вот, сегодня делегации должны отчитываться перед собранием.

– Хорошо, мне все понятно, – ответила Лиза, поправляя воротничок. Что, в конечном счете, ее личные проблемы по сравнению с проблемами других?

---

³¹ Иван Александрович Фуллон (1844 -1920, Петроград) – русский военный и государственный деятель, Санкт-Петербургский градоначальник в 1904 – 1905 гг. Оказывал всестороннюю поддержку «Собранию русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» во главе со священником Г. Гапоном. Уволен после событий «Кровавого воскресенья».

* * *

С утра зал Нарвского отделения гапоновской организации был полностью заполнен. Собралось до шестисот человек. Лиза и Иванов³², пекарь филипповской булочной, с трудом пробрались в первые ряды.

Депутации уже отчитывались. В общем, как стало понятно, они ничего не добились, только лишь одного из четырех уволенных рабочих должны были восстановить на работе.

Депутатов выслушали в полном гнетущем молчании.

Иванов протиснулся вперед и решительно поднялся на подмости.

– Неужели вы всерьез думали, что кто-то прислушается к вашим требованиям? – заговорил он.

Толпа возмущенно загудела, и Иванов поднял руку:

– Погодите, не торопитесь. Сейчас я скажу главное.

Толпа продолжала гудеть. Гапон вышел вперед, поднял руку, призывая собравшихся к тишине.

– Братья и сестры! Послушаем, что нам скажут социал-демократы, какой выход они нам предлагают.

Когда гул затих, Гапон повернулся к Иванову, жестом предлагая говорить. Иванов сурово взглянул на толпу и Гапона.

– Выход очень простой, – заговорил он. – Завтра – всем

---

³² Прим. автора: Псевдоним Василия Андреевича Шелгунова (1867 – 1939) – участника революционного движения в России. Один из первых рабочих социал-демократов.

собраться на заводском дворе и – без крика и шума, без размахивания кулаками – объявить, что путиловцы будут бастовать. Сами увидите, как закрутится ваша администрация.

Зал молчал. Затем загудел. Волна голосов, поддерживающих предложение, Иванова стала нарастать.

– Бастовать! – раздался громогласно голос под ухом у Лизы. Она посмотрела на высокого худого мужчину, стоявшего рядом с ней. Его худая жилистая рука затряслась над головой.

– Бастовать! – подхватили в толпе, сотрясая руками.

Иванов сбежал со сцены и подошел к Лизе. Воодушевление толпы передалось и ей. Сердце гулко билось в предчувствии чего-то важного, масштабного.

– Бастовать! – подхватила она и ее слова слились с общим гулом...

* * *

Алексея продержали в одиночной камере в полной темноте сутки, прежде чем, надев на глаза повязку, повезли в неизвестном направлении.

Сыскарь³³ Малышев – тот самый, что произвел арест – провел Алексея в кабинет и снял повязку. Глебов, привыкнув к свету, осмотрелся. Обстановка кабинета, в котором он оказался, была скромной и несколько домашней, как в не

---

³³ Сыскарь (жарг.) – полицейский, сыщик; тайный агент, занимающийся выслеживанием, слежкой.

очень богатой квартире. Стены оклеены коричневыми обоями, на окнах – плюшевые гардины, на этажерках – горшки с цветами.

Глебов сел на деревянный диванчик. Сыщик молча стоял возле двери. Ждали минут десять, прежде чем в кабинет вошел... Лопухин. Алексей сразу узнал его.

– Так вот кому я обязан гостеприимством! Господин Лопухин, директор департамента полиции, – съязвил с усмешкой Алексей.

– Вижу, вы в прекрасном состоянии духа. – Лопухин сел в кресло. – Как вам кабинет?

– Скромненько, учитывая ваше положение.

– Особый кабинет для встреч сугубо конфиденциального характера. Оказываясь здесь, сразу вспоминаю господина Зубатова³⁴. Это его обитель.

Глебов видел пару раз Зубатова – бывшего начальника охранки. Приятная внешность. Сдержанная улыбка. Голос низкий и мягкий. На самом же деле – нисколько не безобидная фигура.

– Чем заслужил чести присутствовать здесь? – спросил с сарказмом Алексей.

Лопухин наклонился вперед, сцепил руки в замок.

– Что же, перейдем к делу. – Он некоторое время с любо-

---

³⁴ Сергей Васильевич Зубатов (1864, Москва – 1917, Москва) – крупнейший деятель политического сыска и полицейский администратор. Его можно назвать создателем системы политического сыска дореволюционной России. Приобрел известность благодаря созданной им системе легальных рабочих организаций.

пытством смотрел на Глебова. – Надеюсь, вы понимаете, что раз вы находитесь здесь, а не в комнате для допроса, ваше положение отличается от положения заключенного. Однако все может измениться. И это зависит только от вас.

Лопухин сделал паузу, наблюдая за реакцией Алексея.

– И что же вы хотите?

– Я хочу предложить вам сотрудничество.

– Сотрудничество?

– Удивлены?

– Признаться, да. Я не вижу причин, по которым вы мне предлагаете... сотрудничество, и не вижу причин, по которым мне стоит согласиться.

Лопухин улыбнулся:

– О, причины есть, уверяю вас. Вот, ознакомьтесь.

Лопухин вынул из несгораемого шкафа папку и протянул Алексею.

Глебов неторопливо с ленцой взял ее, хотя внутри все напряглось как пружина. Как только он раскрыл ее, то сразу понял, что пропал. Досье было составлено на него и содержало материалы, касающиеся не только его бывшей преступной деятельности, но и личной жизни. Вся подноготная, все!

Алексей медленно закрыл папку.

– Вот видите, господин Глебов, мы знаем о вас все, или почти все. Вам грозит пожизненная каторга, не меньше. Вы же – человек огромнейших способностей! Зачем же ваш талант будет пропадать даром?

Алексей откашлялся – в горле пересохло.

– О каких талантах вы говорите? Я обычный человек.

– Ну что вы! Не скромничайте, господин Глебов. Вы прекрасно образованы, говорите на французском, английском, немецком языках. Объехали всю Европу. Точнее, обокрали... К каждому своему делу подходили творчески. Умны. Находчивы. Предприимчивы. Ловки. Вы один стоите десятых моих агентов.

Алексей откинулся на спинку дивана.

– Вы только что чуть ли не назвали меня сверхчеловеком. Не бойтесь, что я обведу и вас вокруг пальца?

– Нет. Не боюсь. Вы ведь очень любите свою супругу? Да, вижу, что очень – вы сразу напряглись. – Лопухин удовлетворенно улыбнулся. – Мы многое знаем и о ней. К примеру, Елизавета Николаевна имеет связи с революционными организациями. Мы можем в любой момент арестовать ее. На допросе пытаться. Жаль будет испортить такой эталон русской красоты.

– Странно то, что вы ее до сих пор не арестовали.

– Пока в этом нет большой надобности. Мой человек всегда поблизости, а она об этом даже не подозревает. А, может быть, вы хотите, чтобы мы продемонстрировали свои возможности?

Алексей молчал. Хотя его лицо было непроницаемо, но он лихорадочно обдумывал все услышанное. Заявить о том, что они с женой практически расстались? Нет, со своей рево-

люционной деятельностью она сразу попадет в тюрьму. Пока же, по каким-то своим причинам, полиция ее не трогала. Лопухин пытался с ним договориться. Пока – мирно, потом – жестко надавит. Он для чего-то нужен ему, несмотря на все совершенные преступления...

– Я жду ваш ответ, Алексей Петрович.

– Я согласен сотрудничать, – выдал он из себя.

– Что ж, я рад.

– Что вы хотите, чтобы я сделал?

– Сразу к делу? Что же... Найдите мне убийц Плеве. Проникните к ним. Выведайте их планы.

Алексей изумился:

– Удивлен! Я слышал, что вы арестовали убийцу.

– Не все так просто, Алексей Петрович. Мне нужен не просто исполнитель, мне нужен заказчик. Для этого вам нужно найти Валентина.

– И кто же этот Валентин и где его искать?

– Эту задачку предстоит решить вам. – Лопухин протянул Алексею очередную папку. – Вот взгляните. Здесь все, что нужно.

Глебов открыл ее и углубился в чтение. Лопухин наблюдал за ним. Алексей задумчиво потер подбородок. Он вспомнил разговор с Кони³⁵, с которым был очень хорошо знаком.

---

³⁵ Анатолий Фёдорович Кони (1844, Санкт-Петербург – 1927, Ленинград) – государственный и общественный деятель. Юрист, судья, судебный оратор, действительный тайный советник, член Государственного совета Российской империи, Почётный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук,

Тот вскользь упоминал беседу с Плевее. На утренней прогулке на Аптекарском острове Плевее гулял один, без всякой охраны, и Кони спросил его тогда, как может он идти на риск подобных прогулок, зная, что революционеры мечтают о покушении на него. Плевее в ответ самодовольно усмехнулся и сказал, что обо всех их планах будет знать заблаговременно. Как показала жизнь – не обо всех.

– Я так понимаю, у господина Плевее был агент, внедренный в революционную группу эсеров, который должен был предупредить о возможном покушении. Кто он?

Лопухин присел на край стола напротив Глебова. Выдать агента? Почему бы и нет – Раскин был глубоко ему не симпатичен, к тому же Лопухин считал, что департамент напрасно выплачивает Раскину деньги – он их просто не заслуживает.

– Его зовут Евно Азеф. Он член Боевой организации эсеров.

– Департамент доверяет ему?

– Как сказать. Считали, если Азеф ничего не знал о покушении на Плевее, то дело совсем плохо.

– Значит, доверяли. Чем же Азеф объяснил свою неосведомленность?

– Департамент полиции недостаточно, по его словам, осторожно относился к сообщаемым им сведениям, слишком часто пользуясь ими для предупреждения замыслов социалистов-революционеров, которые под впечатлением обу-

словленных таким образом неудач стали исключительно осторожны. Это и пресекло для Азефа источник осведомленности как раз в самое тревожное время.

– Каковы же донесения Азефа сейчас?

– Своей ближайшей задачей боевая группа ставит убийство царя. Это решение, по донесению Азефа, принято на съезде заграничных организаций социалистов-революционеров, и Азеф несколько раз подчеркивает, что «покушение на Его Величество готовится, – это не подлежит никакому сомнению».

Алексей молчал.

– Послужите своему Отечеству, господин Глебов.

– Вы ведь преследуете личный интерес, господин Лопухин? – наконец произнес он.

– Не скрою, да, в некоторой степени, личный.

– А если мне не удастся найти ваших, так скажем, «врагов»?

Лопухин вздохнул:

– Тогда, господин Глебов, полетят головы.

– Ваша, в первую очередь?

– И ваша тоже, уж поверьте мне. Дело пойдет в ход, впрочем, как и дело вашей супруги. Хотите взглянуть и на него?

– Ваше агентство переводит слишком много бумаги, – съязвил Алексей.

– Издержки производства.

– И где же мне искать ваших врагов?

– Вы поедите к Азефу в Париж...

_10

* * *

Глебова несколько дней натаскивали по делу, которое он должен был расследовать. В большей степени этим занимался доверенное лицо Лопухина Малышев.

До отъезда оставался всего лишь день. Алексей, лежа на кровати, задумчиво уставился в потолок. У него не проходило ощущение, что и сейчас за ним следят. Наконец лязгнул замок и дверь открылась. На пороге появился Лопухин в сопровождении Малыша – так Алексей прозвал плечистого немногословного Малышева.

Лопухин стянул перчатки, улыбнулся.

– Сегодня прекрасный день для прогулок, господин Глебов. Одевайтесь.

Алексей нехотя сел.

– Хотите еще чем-то удивить меня?

– Хочу продемонстрировать. Одевайтесь. Жду вас внизу.

Через некоторое время Глебов вышел из здания в сопровождении Малышева и сел в крытый экипаж Лопухина. Кроме них троих в карете находился худощавый мужчина с покрытым глубокими щербинами лицом. Малыш пристегнул наручниками руку Алексея к ручке дверцы, Алексей же презрительно усмехнулся.

Карета покатила по улицам столицы. Ехали молча. Щер-

батый со скучающим видом вынул ножик и стал ковыряться в ногтях. Алексея от разглядывания странного и неприятного типа отвлек Лопухин.

– Я вижу, вас гложут сомнения, – сказал он. – Мне хочется вам помочь.

– В самом деле?

– Вы должны быть уверены в необходимости завершить дело, за которое беретесь. Сейчас в вас я этой уверенности не вижу.

– По-вашему, я должен подпрыгивать от радости в ожидании поездки?

– Вы совсем не думаете о том, как расследовать это дело, а думаете о том, как избавиться от сотрудничества с нами. Неправильные мысли.

Глебов промолчал. Оспаривать слова Лопухина он не хотел. В принципе тот был прав.

Наконец карета остановилась. Через несколько минут в дверное оконце заглянул ничем не приметный парень. Он кивнул в подтверждение вопрошающему взгляду Лопухина и вновь исчез из виду. Лопухин подал сигнал Щербатому с ножом, и тот выскользнул из экипажа. Лопухин повернулся к Алексею.

– Посмотрите в окно, господин Глебов.

Алексей кинул взгляд на директора Департамента и выглянул в оконце. По улице торопливо шла Лиза, не замечая, что за ней следует Щербатый. Алексей похолодел, по телу

пробежали мурашки. Его взгляд приковался к рукаву филера, за которым тот спрятал нож. Щербатый ускорил шаг, приближаясь к Лизе...

Алексей рванулся вперед, забыв о наручниках. Рука заныла от боли. Еще миг и он кинулся к Лопухину, но Малышев был наготове – одним ударом в лицо он свалил Глебова с ног.

– Черт! – сорвалось с губ Алексея. – Остановите его!

Кровь шла носом. Перед глазами плыли цветные круги. Лопухин склонился к нему.

– Успокойтесь, это была лишь демонстрация. Теперь вы понимаете, что мы в воле сделать все, что захотим? Готовы сотрудничать? – Он протянул ему носовой платок.

Алексей дотронулся до разбитого носа. Шмыгнул, взял платок, прижал к носу так, чтобы не шла кровь.

– Готов.

Лопухин сел на прежнее место.

– Вот и прекрасно.

Карета покатила обратно. Алексей напоследок выглянул в окно. Лиза стояла посреди улицы, расстроено разглядывая надрезанный рукав пальто. Щербатого рядом уже не было.

* * *

Дни для Лизы летели стремительно, наполненные политически значимыми событиями, в которых она принимала участие.

Столицу охватила волна забастовок. Все началось с Пути-

ловского завода, затем забастовали другие заводы и фабрики, железнодорожные мастерские. Улицы были наполнены тысячами недовольных возмущенных рабочих. Среди толпы действовали представители революционных партий, агитировали, произнося речи и распространяя листовки.

Но инициатива по-прежнему оставалась за Гапоном – на 9 января планировалось народное шествие к Зимнему дворцу с наивной подданнической петицией царю. Эсдеки не одобряли намерение шествия безоружной толпы, считая, что кровопролития не избежать. Предупреждали народные массы, предлагали продолжать забастовку, но вскоре, убедившись, что Гапон не отступится от своей идеи, приняли участие, как и эсеры, в составлении петиции и настояли на включении в нее политических требований.

Лиза копию этого документа держала в руках, поэтому знала из первоисточника его содержание. Петиция состояла из трех частей, в которых прописывались меры против невежества, бесправия народа, нищеты и гнёта. Документ отражал сознание рабочих, верящих во всемогущество справедливого царя: «Не откажи же в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия и невежества». В петиции содержались требования отмены выкупных платежей, всеобщего равенства перед законом, восьмичасового рабочего дня, нормальной заработной платы, отделения церкви от государства и тому подобное³⁶. Заканчивалась петиция требованием со-

---

³⁶ Прим. автора: Из петиции рабочих и жителей Петербурга императору Нико-

зыка Учредительного Собрания. По мнению Лизы, этой петицией священник Гапон старался угодить всем без исключения...

Лиза, выполняя партийные поручения, носилась, будто белка в колесе. Свободного времени не оставалось. Поздними вечерами, возвращаясь в конспиративную квартиру, где у нее был свой угол, Лиза падала на кровать без сил. В полной темноте перед глазами проплывали воспоминания. Год назад в это время, она была по-настоящему счастлива. Рядом с ней был Алексей и между ними были самые чистые нежные добрые чувства. В то время она не сомневалась в его любви. Теперь же не была уверена, что он ее любит. Горькая слеза скатывалась по ее щеке, Лиза поворачивалась на бок и проваливалась в глубокий беспокойный сон.

За несколько дней до шествия на конспиративной квартире социал-демократов состоялось очередное совещание, на котором Лиза присутствовала и конспектировала обсуждаемое на заседании.

Кто-то высказывался, что Гапон – зубатовец³⁷. Хотя прямых доказательств тому не было, но уже тот факт, что Гапона

лаю П.

³⁷ Зубатовцы – сторонники политики полицейского социализма, заключавшейся в создании в 1901 – 1903 гг. по инициативе начальника охранного отделения С. В. Зубатова легальных рабочих организаций для отвлечения рабочих от политической борьбы. Зубатовцы старались направить рабочее движение в русло узких экономических требований, внушить мысль, что правительство готово удовлетворить требования рабочих.

за его речи не арестовывают, говорил лучше всяких данных. Кто-то выступал в его защиту, говоря о том, что Гапона поддерживают многие рабочие, даже некоторые интеллигенты, считая его идеалистом, бескорыстным защитником народа.

Осознавали, что мирное шествие закончится кровопролитием. Рабочие и их жены слишком доверяли Гапону, не веря словам эсдеков, что будет бойня. Гапон убеждал их в том, что батюшка-царь примет их и выслушает. Эсдеки же предлагали крайнюю меру – не мирное безоружное шествие, а революцию, без которой было невозможно полное и последовательное осуществление демократических, социальных требований народа. Стране нужен не царь со своей монархией, а республика с представителями народных масс. Говорили о том, что на Гапона имеют значительное влияние эсеры – Петр Рутенберг находился подле попа в последние дни ежешестидневия. Обсуждали действия меньшевиков, которые были согласны уступить руководящую роль в революционном движении различным непролетарским элементам и на страницах своей газеты заявляли, что будут рады, если русская революция обогатится священником, генералом или видным чиновником в качестве вожака.

В конечном счете, на собрании постановили: участвовать в развитии забастовки; способствовать революционизированию масс товарищескими беседами, а также публичными выступлениями; распространять прокламации и брошюры. На основании записей, сделанных Лизой, ответственный

секретарь тут же написал письмо с отчетом Ленину в Женеву.

Лизе часто приходилось бывать у Горького (Пешкова), а за два дня до намеченного шествия к Зимнему дворцу на его квартире собрались представители левой печати и революционных партий. Было душно, накурено, и Лиза с трудом сдерживала нарастающую тошноту. Совещались уже довольно долго, обсуждали действия Гапона и скорое его выступление с рабочими и их семьями.

– Мне Гапон кажется подозрительным, нельзя его оставлять во главе нарастающего движения. Нужно, пока не поздно, идти к рабочим, бороться с Гапоном и провокаторами. Гапоновское «Собрание» не что иное, как замаскированная полицейская организация, – говорил Иванов, революционер, с которым Лиза бывала на собраниях священника.

– Думаю, что Гапона остановить невозможно, – сказал Горький, вынимая курительную трубку изо рта, – процесс необратим. Сегодня не вышло ни одной газеты, кроме «Ведомостей градоначальства» и «Правительственного вестника»! Вот послушайте, – он развернул газету, – в них появилось объявление: «Ввиду прекращения работ на многих фабриках и заводах столицы Санкт-Петербургский градоначальник считает долгом предупредить, что никакие собрания и шествия таковых по улицам не допускаются, что к устранению всякого массового беспорядка будут приняты предписываемые законом решительные меры».

Анненский встал со своего места, с серьезным видом обвел взглядом присутствующих.

– Нельзя допустить шествия рабочих с Гапоном, – сказал он. – Это «мирное» шествие к царю ни к чему хорошему не приведет. Вы видели, в столицу прибыли дополнительные воинские части. В рабочих районах – пехота, кавалерия, казаки – в общей сложности не менее 40 тысяч штыков и сабель. Город превратился в военный лагерь.

– Но как? Что вы предлагаете? – раздался голоса.

– Нужно попытаться предотвратить кровопролитие. Нужно создать депутацию представителей передовой части русской интеллигенции и идти к высокопоставленным чиновникам.

Собравшаяся интеллигенция с воодушевлением поддержала предложение.

– Алексей Максимович, предлагаю вам возглавить делегацию. Необходимо завтра же добиться встречи с министром Святополк-Мирским и потребовать отменить некоторые предпринимаемые военные меры.

После обсуждения определили, кто войдет в депутацию. Пешехонов, Анненский, Гессен, Мякотин, Семевский, Кедрин, Кареев и Горький. С собрания разошлись с возникшим чувством тревоги и обреченности.

На следующий день Лиза отправилась на заседание Петербургского комитета РСДРП. Атмосфера заседания была мрачной, тревожной. Было принято решение – участвовать в

шествии к Зимнему дворцу, чтобы быть с народом и по возможности руководить массами. Распределили, кто в какой колонне пойдет. Лизе и нескольким другим эсдекам надлежало утром прийти к Нарвскому отделению собрания, откуда должна была идти одна из колонн.

Возвращалась Лиза к себе довольно поздно, с наступлением сумерек, благо Миша Фрунзе³⁸ вызвался проводить ее.

Город будто замер. Не было слышно привычной переключки, гудков, не дымились заводские трубы. Остановилась конка. Не зажигались уличные фонари.

Шли молча. Каждый думал о своем. Лицо Миши было задумчиво-сосредоточенным, а Лиза думала о том, что может произойти завтра. Мысль о том, что возможно она больше никогда уже не увидит мужа, заставляло ее сердце болезненно сжиматься. Проститься с ним, взглянуть на него, возможно, в последний раз... Лиза остановилась. Михаил, не сразу заметив, что она отстала, сделал еще несколько шагов, затем остановился и обернулся.

– Миша, мне нужно встретиться с одним человеком. Вы идите. И спасибо вам, что проводили, – сказала быстро она.

– Но на улице слишком опасно бродить одной, Лиза.

– Не опасней, чем завтра идти в толпе к Зимнему, – парировала она.

---

³⁸ Михаил Васильевич Фрунзе (партийные псевдонимы Михайлов, Трифоновч, Арсений) (1885, Пишпек, Семиреченская область – 1925, Москва) – революционер, впоследствии советский государственный и военный деятель.

– Позвольте, я провожу вас.

– Не переживайте, здесь недалеко. – Лиза на прощанье махнула ему рукой.

...Пешков был слегка озадачен поздним приходом Лизы, но он был слишком удручен событиями дня, чтобы заострять на этом внимание.

Усадив гостью на стул, он предложил ей чаю. Лиза, устало стянув с головы шапочку и шаль, отрицательно покачала головой.

– Спасибо, Алексей Максимович, я ненадолго. – Она помолчала. – Скажите... вы знаете, где мой муж?

Пешков с долей сочувствия посмотрел на молодую женщину.

– Нет, не знаю... Он с неделю как съехал с квартиры.

Лиза склонила голову. Значит, уехал...

– Что решил ваш комитет? – поинтересовался писатель.

Лиза встрепенулась, выпрямилась, вздохнула, отгоняя заставляющие сжиматься сердце мысли.

– Вы же знаете, удержать рабочих от шествия к царю невозможно. Завтра, в случае столкновения с войсками, мы должны будем призвать массы к оружию, к постройке баррикад; находиться вместе с народом, куда бы он ни двинулся... Мы обратились к солдатам с листовкой отказаться стрелять, не слушать офицеров и перейти на нашу сторону. – Она снова вздохнула, собираясь с силами. – А у вас как прошла делегация?

Пешков раздосадовано махнул рукой.

– Нам не удалось добиться встречи с министром внутренних дел – Святополк-Мирский отказался принять нас. Ни к чему не привела и встреча с председателем Комитета министров Витте. Можно сказать, правительство отвергло всякие попытки помешать готовящейся расправе.

– Значит, власти твердо решили стрелять в безоружных людей, – задумчиво произнесла Лиза.

– Гапон утверждает, что шествие разрешено властями. Да и у нашей делегации сложилось впечатление, что власти полностью информированы о происходящем.

– Самим священником?

Пешков промолчал.

Лиза встала.

– Я провожу вас.

Она мгновение колебалась, затем кивнула.

– Да, прошу вас. Я хотела бы побыть сегодня дома...

...Пешков проводил Лизу до их с Алексеем квартиры.

– Будьте осторожны завтра, Лиза, – на прощание посоветовал он.

Она улыбнулась. Промолчала.

Оставшись одна в квартире, Лиза прошла по пустым комнатам. Взяла с камина рамку с фотографией, на которой она и Алексей были вместе. Затем вернула ее на место и прошла в спальню. Опустившись на кровать, Лиза свернулась калачиком и обхватила себя руками. Однако уснуть ей так и не

удалось.

* * *

Лопухин, на ходу снимая шинель, прошел в свой рабочий кабинет, распорядился вызвать к нему Малышева. Затем закурил и, заложив руку за спину, уставился в окно. Только что он побывал на совещании при императоре, где собрались важнейшие чины для обсуждения сложившейся ситуации в столице.

В дверь постучали.

– Разрешите? – спросил Малышев, приоткрыв дверь.

– Входите. – Лопухин прошел к столу, затушил окурок в пепельнице. Затем сел в кресло.

– Готовьте Глебова к отправке. Рано утром он должен сесть на поезд.

– Алексей Александрович, он не совсем готов, и мы еще не выбрали человека, который будет его сопровождать...

– Дело не требует отлагательств, – отрезал Лопухин. Помолчал, раздумывая. – Вы будете сопровождать агента и проследите за его действиями. Если он выйдет из-под контроля – действуйте по ситуации. Вплоть до устранения. Вам ясна задача?

– Так точно. Разрешите идти?

– Идите.

* * *

Хотя время было раннее – за зарешеченным окном только забрезжил рассвет, – однако Глебов уже давно не спал. Чувство тревоги, охватившее его среди ночи, не уходило. Алексей встал, оделся. Затем закурил, повернувшись к окну. Было тревожно, но не за себя, а за Лизу. Перед отъездом Алексею хотелось убедиться в том, что с женой все в порядке, иначе он не сможет уехать.

Наконец дверь камеры открылась, и на пороге появился Малышев.

– Собирайтесь.

– Мы отправляемся в путь?

– Да.

Алексей сделал затяжку:

– Я должен побывать дома, собрать вещи.

– Ваш чемодан с вещами уже готов.

– Этого недостаточно.

– Обойдетесь-с и этим.

Алексей подошел к Малышеву. Неторопливо затянулся, с прищуром смотря ему в глаза, и сквозь зубы выпустил струю дыма ему в лицо. Малышев поморщился, но стерпел.

– Я никуда не поеду, пока не увижу жену и не буду уверен, что с ней все в порядке.

– Это исключено.

Глебов вновь выпустил струю дыма, бросил окурочок под ноги, раздавил подошвой ботинка, затем прошел к кровати, улегся на нее, сложил ноги на одеяло.

– Либо я увижусь с женой, либо никуда не поеду.

Малышев молчал. Лопухин не простит ему, если он не вывезет Глебова из столицы до начала выступления рабочих.

– Хорошо. Увидеть ее на расстоянии будет достаточно?

– Вполне. – Алексей поднялся, прошел к вешалке, надел пальто. – Чего вы ждете? Идемте. Сударь.

* * *

Экипаж остановился возле дома, в котором жили Алексей и Лиза. Малышев выглянул наружу, глазами отыскивал филера, который был приставлен следить за Глебовой, сел на место и посмотрел на Алексея.

– Мы дождемся, когда ваша жена уйдет, затем поднимемся, и вы возьмете все необходимое вам для поездки, – сухо заявил он.

Глебов молча согласился.

Прошло с полчаса, в экипаже становилось все холоднее, Малышев все больше нервничал, напряженно поглядывая на карманные часы.

Наконец дверь парадной открылась и на пороге возникла Лиза. Его Лиза. Как же хотелось окликнуть ее, подойти, заглянуть в глаза...

– Вы обещали, – раздался предупреждающий голос Малышева. – Не подвергайте ее опасности своими действиями.

Алексей напрягся, сурово сдвинул брови и взглянул на него. Сдержался, хотя желание двинуть здоровяку в физио-

номиию было огромным. Он вновь взглянул на Лизу, шагающую по заснеженной за ночь улице.

– Теперь вы убедились, что с вашей супругой все в порядке?

– Идемте. – Глебов выбрался из экипажа и зашагал к дому. За ним, не отставая, следовал Малышев.

Оказавшись в квартире, Алексей под пристальным взглядом сыскаря собрал нужные вещи, взял с камина семейную фотографию, задумчиво разглядывая ее, остановился перед Малышевым, посмотрел на него.

– Вы давно женаты? – спросил он. Малышев опешил. Откуда Глебов мог узнать о его семейном положении? Но тут же сообразил, что тот заметил белую полоску на пальце, там, где должно было быть снятое им кольцо.

– Думаю, что вы женаты уже относительно давно. – Алексей поставил фотографию на столик и повернулся к сыщику. – Лет семь-восемь, не более. И судя по всему, у вас есть ребенок. Дочь, вероятнее всего.

Малышев не смог скрыть беспокойства: Глебов был во всем прав.

– Вы собрались? Тогда идемте, – раздраженно произнес он.

– Идемте.

Когда они спускались по лестнице, Алексей был доволен собой: ему удалось оставить предупреждение Лизе. Она все поймет.

Наступило 9 января. Утром с заводских окраин для шествия к Зимнему дворцу стали собираться колонны рабочих. Гапон, только что отслуживший молебен о здравии царя в часовне Путиловского завода, перед выступлением из Нарвского отделения «Собрания» делал последние наставления:

— Ну, вот, подам я царю петицию; что я сделаю, если царь примет ее? Тогда я выну белый платок и махну им, это значит, что у нас есть царь. Что должны сделать вы? Вы должны разойтись по своим приходам и тут же выбрать своих представителей в Учредительное собрание. Ну а если... царь не примет петицию... что я тогда сделаю? Тогда я подниму красное знамя, это значит, что у нас нет царя, что мы сами должны добыть свои права.

Лиза поморщилась. Ей вспомнилась точная оценка Гапона, которую дал Алексей. Лицо ее сразу опечалилось: воспоминания о муже были болезненны и отвлекали от дела. Она вновь сосредоточено уставилась на Гапона.

Он продолжал говорить, и его слова магически действовали на наивных слушателей, воспринимавших его как пророка. В неясных очертаниях развивавшейся над толпой рясы, в каждом звуке доносившегося хриплого голоса Гапона, в каждом слове прочитанных из петиции требований окружавшему люду казалось, что приближается избавление от мучений. В толпе раздавалось: «Пойдем!», «Не отступим!», «Стоять

до конца!»...

Как всегда, неподалеку от Гапона находились Васильев и внимательно наблюдавший за происходящим эсер Рутенберг. Лиза предполагала, что Пинхас Рутенберг, в некоторой степени управлявший тщеславным священником, вполне осознает, чем закончится сегодняшнее шествие. Неужели эсеры стремятся к массовому пролитию крови безоружных людей?..

Наконец колонна людей двинулась по улице. Лиза знала, что в этот момент по городу к Зимнему дворцу движутся еще десять подобных колонн, собранных отделами гапоновского «Собрания», в общей сложности примерно 140 тысяч человек. Празднично одетые рабочие с женами и детьми несли хоругви, образа, кресты и портреты Николая Второго в золоченых рамках. Шествие напоминало крестный ход, люди пели молитвы и здравицы государю императору. Раздавалось: «Спаси, господи, люди твоя...».

Их шествие с песнопением, торжественностью с каждой минутой вызывали в Лизе все большую тревогу. Она, продолжая идти в толпе, оглядывалась по сторонам.

Когда же огромная толпа мирно настроенных людей подошла к площади у Нарвских ворот, колонна наткнулась на солдат и остановилась. Лиза встревожено уставилась вперед. Миша Фрунзе взял ее под руку.

– Держитесь ближе к домам и проулкам, – посоветовал он и исчез в толпе.

И тут раздался резкий звук сигнального рожка. Кавалеристы с шашками³⁹ наголо во весь опор двинулись на манифестантов. Люди заволновались и поспешно посторонились, а всадники промчались вдоль колонны, разделив ее надвое. Затем, не дав толпе опомниться, кавалеристы промчались тем же путем обратно. Толпа зароптала, но продолжила движение: устрашающий маневр не подействовал – рабочие по-прежнему не верили, что начнут стрелять.

– Стойте! – закричала Лиза. – Они будут стрелять! Стойте!

Находившиеся рядом тревожно и опасливо посмотрели на нее, обошли стороной, двинулись дальше.

Лиза расслышала, как в толпе то там, то тут призвали остановиться, но на рабочих окрики большевиков, а это были товарищи Лизы, не возымели действие.

Лиза застыла на месте, не в силах сделать шаг к смерти. Рядом проходили мужчины, женщины, дети. Лизу охватила паника.

– Стойте же! Они будут стрелять! – закричала она, схватив одну из женщин за рукав. Женщина остановилась, растерянно посмотрела на Лизу, затем на своего ребенка.

И тут раздался залп. Он прокатился и, замолкая, смешался со стонами и проклятиями. Первыми упали те, кто шел впереди, неся хоругви, кресты и императорские портреты. Лиза выпустила рукав женщины, в шоке наблюдая, как неко-

---

³⁹ Шашка – длинно клинковое рубяще-колющее холодное оружие.

которые бросились бежать к домам, другие, опасаясь быть настигнутыми пулями, прижимались к земле.

Стрельба резко прекратилась. Лиза не верила происходящему! Она успела прижаться к стене дома – то ли пытаюсь укрыться от пуль, то ли не в состоянии удержаться от пережитого на ногах. Все, кто мог, поднялись, понимая, что надо спасаться. И тут грянул второй залп... пауза... третий... четвертый... пятый!... Те, кто был впереди, упали на мостовую. Повалился старик, в руках которого был царский портрет. Портрет подхватил другой старик, шедший рядом, но следующий залп сразил и его. Упал мальчик лет десяти, державший фонарь с лампадой. Десятки смертельно раненых взрослых и детей, женщин и мужчин бились в предсмертных муках на снегу, по которому разрастались пятна крови. Лиза закричала, но от ужаса голос не слушался ее – губы лишь беззвучно раскрылись, хватая воздух.

Ужас охватил толпу. Люди бросились в разные стороны, толкая и опрокидывая друг друга, прыгая через трупы. Вслед бегущим летели пули. Они настигали даже тех, кто успел укрыться в воротах и за заборами домов.

Рядом вновь оказался Фрунзе.

– Уходите же скорее! – кричал он на нее, схватив и потянув за собой.

Фрунзе втащил Лизу в переулок и прижал к стене. Она испуганными глазами смотрела на него, но не замечала – ей по-прежнему виделись убийства, страх и смерть, которые

она наблюдала.

– Лиза, очнитесь!

Фрунзе огляделся по сторонам. Среди спасающихся бегством, он заметил, как двое мужчин уводят отца Гапона в направлении Троицкого моста.

– Вот гад! – прошипел он сквозь зубы и за руку потащил Лизу проулками за собой. Затем остановился, тяжело переводя дыхание.

– Подождите меня здесь! – сказал он и исчез. Прошло несколько минут, прежде чем Лиза осознала, что осталась одна. По щекам ее потекли слезы. И тут страх и шок сменились гневом. Она резко стерла руками слезы с лица и зашагала обратно.

На пути попадались жертвы случившегося.

– За что стреляли?.. По какому закону?

– Вот тебе и царская милость!

– Благодарение Господу, спасли нашего батюшку верные люди...

На опустевшей площади осталось около ста бездыханных тел. Кто-то стонал, истекая кровью. Недавно еще пушистый и белый снег стал багряно-красным, истоптанным, грязным.

Лиза двинулась по площади, ища тех, кому еще можно было оказать помощь. Благо опыт был – около года назад она некоторое время была сестрой милосердия в родном городке, принимавшем раненых в боях русско-японской войны...

Ее взгляд остановился на худеньком студентике, сидящем

на земле. Держась за разбитую голову, он со стоном раскачивался из стороны в сторону. Лиза присела на корточки рядом.

– Я помогу тебе, – произнесла она, привлекая его внимание. Разомкнула его руки, осмотрела рану. – Пойдем.

Она помогла ему встать и повела прочь с места побоища. Внезапно в проулке появился офицер, держа в руках окровавленную шашку. Он неторопливо шел вперед, всматриваясь в жертв, лежащих на земле. И вот остановился, присмотрелся к раненому, занес клинок... и воткнул острие в живую плоть.

Студент с воплем вырвался и бросился к офицеру. Тот оглянулся. Паренок неловко поскользнулся и упал. Золотопогонник быстрыми шагами преодолел разделяющее их расстояние и замахнулся шашкой.

Лиза бросилась к офицеру, успела схватить за руку. Он развернулся к ней всем корпусом, отшвырнул в сторону. Лиза упала, больно ударившись головой, и все же попыталась встать. Паренок тем временем повалил офицера на землю. Лиза, понимая насколько силы не равны, кинулась мальчишке на помощь, но тут же получила сильный удар, вновь сваливший ее с ног.

К ним подскочили двое солдат. Один бросился помогать офицеру, другой развернулся к Лизе и резко замахнулся на нее прикладом. Резкая боль пронзила живот, перед глазами все потемнело, и Лиза потеряла сознание.

* * *

На вокзале Алексея продержали часа два в закрытой комнате. Малышев куда-то ушел. Он был явно встревожен – поезд довольно значительно опаздывал. Когда поезд прибыл, Глебова под конвоем переодетых в гражданское полицейских сопроводили в купейный вагон.

Обстановка на вокзале казалась Алексею несколько необычной: чего-то не хватало, казалось что воздух наполнен тревогой и гнетущим напряжением.

Глебов взглянул на Малышева, сидящего напротив. Еще один сопровождающий их филер сидел рядом с Алексеем. Все молчали. По глазам Малыша Алексей понял, что тот с нетерпением ждет отправления, но поезд не торопился трогаться в путь.

Наконец Малышев встал, прошел к двери, дал распоряжение филеру не покидать купе ни в коем случае, затем вышел и плотно закрыл за собой дверь.

Глебов отогнул край занавески и выглянул в окно.

– Не велено, – услышал он голос филера.

– Что не велено?

– Не велено смотреть в окно.

Алексей окончательно убедился, что что-то происходит. Сел на прежнее место, откинулся на спинку сидения.

– Что вы думаете, сударь, обо всем происходящем?

Филер оторопел:

– Не велено обсуждать!

Глебов наклонился вперед.

– Полноте-с, ведь и вы, и я понимаем, что происходящее значит, – доверительно заметил он.

На лице филера отразилась паника. По-видимому, он поверил в то, что Алексей в курсе происходящего. Но чего «происходящего»?

– Откуда знаете? Вам не положено знать! – сорвалось с губ филера. По всей видимости, его проинструктировали обо всем том, чего Глебову не следует знать.

Алексей некоторое время молчал. Затем достал папироску и закурил. Подошел к окну, приоткрыл створку.

– Не велено!

– Да полноте-с, – отмахнулся он.

Филер не знал, что делать. Пока он в замешательстве обдумывал, что предпринять, Алексей прислушивался к беседе мужчин и дамы, стоящих на перроне.

– Это просто ужасно! – сокрушалась дама, а мужчина тем временем продолжал:

– ...поэтому повсюду расставлены кордоны солдат, которые не должны пропустить колонны рабочих к Зимнему дворцу.

– Неужели будет дан приказ стрелять? – спросил другой.

– Будет? Он дан!

– Это просто ужасно! – вновь воскликнула дама.

Дальше Глебов их уже не слушал: все мысли его были о

жене. Получается, что Лиза с утра пораньше вышла из дома для того, чтобы примкнуть к выступлению рабочих. О том, что произойдет потом, или уже произошло, ему было страшно думать.

Тем временем филер, приблизившись к нему, неуверенно произнес:

– Отойдите от окна, сударь. Не разрешено...

Алексей вновь выглянул в окно, будто наблюдал там что-то интересное и забавное. Усмехнулся, поманил охранника взглянуть. Тот поддался искушению, наклонился к окну, чтобы посмотреть, что происходит на перроне... и тут же со всего маху ударился головой о раму. Глебов еще раз стукнул его головой – охранник обмяк – Алексей подхватил его под мышки, усадил на сидение. Затем прислушался все ли спокойно. Неторопливо приоткрыл дверцу, выглянул в коридор, но неподалеку от двери заметил филеров.

Заперев дверь, Глебов подошел к окну и окинул внимательным взглядом перрон. Убедившись, что этот путь самый безопасный, он полностью раскрыл створку. Не медля, Алексей протиснулся в оконный проем и соскочил на перрон под удивленными взглядами окружающих. На ходу застегивая пальто, стал пробираться сквозь толпу.

Алексей торопился: с минуты на минуту должны были обнаружить его отсутствие и начать преследование. Уже когда он пробирался к выходу с вокзала, то заметил Малышева, оглядывающегося по сторонам. Завидев сбежавшего Глебо-

ва, тот бросился к нему наперерез, но пробраться сквозь толпу оказалось не так-то просто.

Глебов свернул в сторону, побежал, Малышев за ним. Очутившись на открытом пространстве, Алексей на ходу подхватил с тележки носильщика чемодан, а когда сыщик оказался рядом, резко развернулся и, со всего маху, чемоданом сшиб преследователя с ног. Малышев рухнул, Глебов оглушил его поклажей, швырнул ношу в сторону и рванул бежать. Пока сыскарь приходил в себя, поднимаясь и потирая ушибленную голову, беглец исчез из виду.

* * *

Выстрелы гремели по Петербургу. Залпы по демонстрантам были произведены у Нарвской заставы, близ Троицкого моста, на Васильевском острове, близ Гостиного двора и в других местах города.

Войска и полиция свирепствовали. Передвигаться по городу было не безопасно. На Садовой улице Алексей увидел отряд казаков с обнаженными шашками, окруживших конку⁴⁰.

– Кто кричал «убийцы»? – допытывался рассвирепевший казак, размахивая оружием. – Признавайтесь, не то всех порубаем!

---

⁴⁰ Конка – вид общественного транспорта, представляющий собой открытый или чаще закрытый экипаж (иногда двухэтажный с открытым верхом – империл). Вагон по рельсовым путям тянула пара лошадей, управляемая кучером.

Глебов свернул на Мойку и у первых же ворот наткнулся на трупы. На снегу лежал дворник с бляхой на груди, недалеко от него – женщина, державшая за руку девочку. На небольшом пространстве шагов в десять-двенадцать Алексей увидел еще девять трупов, распростертых на заснеженной брусчатке, среди которых были женщины, дети, старики, все ещё державшие в окоченевших руках хоругви и иконы.

Преодолев место побоища, Глебов остановился возле железной решетки, чтобы перевести дыхание, но тут же невольно шарахнулся в сторону – прямо перед его глазами оказался кусок черепа с волосами, примерзший к железным прутьям решетки. Невольно к горлу подкатила тошнота. Алексей отвернулся и быстро зашагал прочь.

Впечатление было удручающее. На лицах встречных людей был виден ужас, у многих – озлобление. Местами встречались уже вооруженные группы рабочих.

Оказавшись возле своего дома, Глебов стремглав промчался по лестнице и стал колотить в дверь своей квартиры.
– Лиза! Лиза, открой!

Его надежды не оправдались – жены не было дома. Алексей в отчаянии еще раз ударил в дверь кулаком и стремительно пронесся вниз по лестнице.

* * *

Алексей Максимович Пешков с любопытством смотрел на непрошенных гостей – в три часа Петр Рутенберг и свя-

щенник Гапон явились к нему на квартиру.

Гапона было трудно узнать: одетый в пальто и шапку, по-видимому, одного из рабочих, остриженный, обритый, он произвел на Пешкова двойственное впечатление человека значительного и одновременно отталкивающего своим нынешним состоянием. Остановившиеся, полные слез и ужаса глаза Гапона, охрипший голос, дрожащие руки, нервозность, возгласы дополняли неприятную картину.

– Что делать? Что я буду делать теперь? Проклятые убийцы! – повторял Гапон, нервно расхаживая из угла в угол, схватившись за голову.

Рутенберг осуждающе посмотрел на попа:

– Довольно, Георгий! Довольно вздохов и стонов. Рабочие ждут от тебя дела. – Он подошел к священнику и крепко сжал его плечи. – Иди, пиши им!

Гапон, поймав его суровый пронизательный взгляд, несколько оправился. Рутенберг отпустил его, прошел к столу, сел, положил перед собой листок бумаги, придвинул чернильницу и перо. Гапон послушно сел на табурет, но затем вновь соскочил, заходил по комнате, хотя больше не роптал. Спустя какое-то время Гапон стал диктовать обращение к рабочим.

– Братья, спаянные кровью... Да, так и пиши – «спаянные кровью»! У нас... у вас больше нет царя...

Пинхас что-то пробубнил под нос, однако писать не перестал.

– Он... убит теми пулями, которые убили тысячи ваших товарищей, жен, детей...

Пешков встал, прошел к окну. Он был удручен тем, что произошло в столице. В его сознании рисовались образы окровавленных трупов, стоны раненых, окрашенный кровью и тающий от нее снег, и безрассудный героизм жертв.

– Кровавое воскресенье... – пробормотал он.

Рутенберг взглянул на него и продолжил писать, не обращая внимания на то, что Гапон замолчал, уставившись в пол.

Пешков оглянулся, не слыша больше отрывистой шумной речи священника. Тот будто опомнился и продолжил:

– И теперь царя, потопившего правду в крови народа, я, Георгий Гапон...

Удары в дверь заставили всех встрепенуться.

Рутенберг потянулся за револьвером.

Пешков прошел к двери:

– Кто там?

– Алексей Максимович, это Глебов, – раздался нетерпеливый голос Алексея.

Пешков обернулся к Рутенбергу и Гапону, отрицательно покачал головой, и Рутенберг убрал револьвер за пояс.

– Одну минуту. – Дождавшись, когда Гапон и Петр уйдут в соседнюю комнату и прикроют за собой дверь, Пешков открыл входную дверь.

– Алексей Максимович, где Лиза? – с порога произнес Алексей.

Пешков с тревогой посмотрел на него:

– Я не виделся с вашей женой со вчерашнего вечера.

– Она что-нибудь вам говорила?

Пешков опустился на стул, снизу вверх посмотрел на встревоженного взбудораженного мужчину.

– Она принимала участие в шествии, Алексей Петрович.

Глебов выругался.

– Где?

Пешков сожалеюще пожал плечами.

Дверь в соседнюю комнату предательски закрипела и, оглянувшись, Алексей мельком заметил мужчину, показавшегося ему знакомым.

Пешков встал, прикрыл дверь и повернулся к Глебову.

– Мне очень жаль, но я не знаю, что с Елизаветой Николаевной.

– А кто может знать? – Алексей заходил по комнате, схватившись за голову, затем рванул в соседнюю комнату. – Я знаю, кто!

Его появление застало Рутенберга и Гапона врасплох. Ударом двери Глебов сшиб Пинхаса с ног и рукой вцепился в горло Гапона.

– Ты! Это все ты!

Гапон захрипел, не в силах разжать пальцы Алексея. Рутенберг выхватил револьвер и наставил на Глебова.

– Не стреляйте! – закричал Пешков. – Алексей, отпустите отца Георгия!

Пинхас внял его словам – выстрел мог привлечь внимание – поэтому бросился к Глебову, схватил его за плечо, рванул к себе...

Алексей пошатнулся, его будто понесло в темноту, закружило. Бледное лицо Рутенберга с веревкой в руках... Гапон с петлей на шее...

Очнулся он от запаха нашатыря.

– Ну вы его и приложили, Пинхас, – раздался рядом осуждающий голос Пешкова.

– Да я его и пальцем не тронул...

Алексей открыл глаза.

– Ну, слава Богу, вы очнулись! – Пешков убрал ватку с нашатырем в сторону.

Глебов кинул взгляд на Рутенберга. Пинхас невольно вздрогнул:

– Я вас вспомнил, – он отступил в сторону, – и ее... Ваша жена, она была сегодня в колонне...

– Где она?! – Алексей вскочил с места. Рутенберг вновь сделал шаг назад.

– Не знаю. Нас обстреляли у Нарвских ворот...

Глебов сжал кулаки, резко развернулся и направился к выходу. Но вдруг вспомнив, оглянувшись, шало посмотрел Рутенбергу в глаза.

– Вы тоже «это» видели?

Пинхас вздрогнул, побледнел.

Алексей развернулся и вышел из квартиры.

– Что видел? – поинтересовался недоумевающий Пешков у растерянного Рутенберга.

– Чертовщина... – непроизвольно слетело с губ Петра.

Из соседней комнаты выглянул Гапон и, убедившись, что неожиданный визитер ушел, вышел из укрытия.

– У вас небезопасно, Алексей Максимович. Завтра переберемся к литератору Батюшкову, от него куда-нибудь еще, – заявил он хриплым голосом, потирая горло.

Рутенберг взглянул на него, отвернулся, отошел к окну. Отодвинув занавеску, увидел спину удаляющегося Глебова. Тряхнул головой, прогоняя наваждение...

– Нужно покинуть пределы империи, – заявил он. – Как только будут необходимые документы, мы выедем за границу...

* * *

Кареты «скорой помощи» развозили раненых по лазаретам, госпиталям и больницам. Полицейские и солдаты подбирали трупы, иногда силой отбивая их у обезумевших от горя людей. Отдельные отряды продолжали наводить ужас на тех, кто ослушался предупреждения властей: проявлял вооруженное сопротивление или бродил по улицам столицы...

Алексей, предусмотрительно избегая ненужного контакта с кем-либо, спешил добраться до Нарвских ворот. Однако вблизи площади, не дойдя всего лишь несколько десятков шагов, натолкнулся на казаков. Отряд со свистом, улюлюка-

ньем, хохотом излавливал арканами попадавшихся им прохожих.

Глебов свернул в проулок, желая дворами обойти неприятное соседство, но пройдя пару шагов, услышал за спиной цокот подков. Он оглянулся – казак, показавшийся из-за угла, пришпорил лошадь. Алексей отскочил в сторону, и вовремя – всадник промчался совсем рядом. Осадив лошадь, казак развернул ее и, усмехаясь, вновь направил на Глебова. Пришпорил.

Алексей быстро огляделся. Схватил с земли металлический прут, выломанный кем-то из ограды, и приготовился. И вот лошадь совсем рядом. Глебов уклонился и со всего маху ударил ее по крупу – лошадь взвилась на дыбы и сбросила седока.

Свалившийся казак быстро оправился и с руганью поднялся на ноги. Смахнув снег с перекошенного от злобы лица, он выхватил шашку и кинулся на Алексея. Глебов отбил удар прутом, но поскользнулся и упал. Казак ударил – Алексей увернулся в сторону, сделал подсечку и опрокинул противника на спину. Не дав опомниться, выбил из руки шашку, прижал его к земле и стал бить по физиономии.

К этому моменту из-за угла вывернули еще двое казаков. Завидев своего товарища на снегу, они оголили шашки и пришпорили лошадей. Когда осталось преодолеть небольшое расстояние, разделяющее их, из проулка, им наперерез, вылетел экипаж и преградил дорогу. Из экипажа выскочил

Мальшев, на ходу выхватывая из-за пазухи документ, вытянул руку вперед, закричал:

– Отставить! Особые уполномоченные Департамента полиции! Отставить!

Всадники осадили лошадей, но шашки не убрали. В один момент, подскочив к Глебову, Мальшев грубо схватил его за ворот, однако тут же получил от озлобленного Алексея удар и отлетел в сторону. Казаки рванули вперед.

– Стоять! – завопил Мальшев. Его филеры схватили Глебова, повалили на землю, завернули руки за спину. Алексей от бессилия яростно зарычал.

Казак, сжимая шашку, поднялся на ноги и, качаясь из стороны в сторону, ринулся к нему.

– Не смей! – В руке Мальшева оказался револьвер. Он предупредительно пальнул в воздух.

Казак остановился, чертыхнулся, сплюнул на снег кровавую слюну. Его товарищи, оказавшись под дулами револьверов одного из филеров, не осмелились двинуться с места.

– А теперь мы, без лишнего шума, разойдемся, – заявил Мальшев. Он кивнул филерам, и они отступили к экипажу.

Оказавшись возле экипажа, Мальшев схватил Глебова за плечо и от души врезал под дыхло. Алексей согнулся, хватая ртом воздух. Его без церемоний запихнули внутрь, Мальшев и филеры заскочили следом, и экипаж быстро помчался по улице, провожаемый мрачными взглядами озлобившихся казаков.

– Что же вы делаете, господин Глебов, – пожурил Алексея Лопухин, хотя во взгляде директора Департамента полиции не было ни капли доброты.

Алексей исподлобья взглянул на него.

– Вы обещали мне, что с моей женой ничего не случится, – сквозь зубы процедил он.

– Не торопитесь с выводами, господин Глебов. При всем том, что я лишь обещал не наносить вред вашей дражайшей супруге, я не обещал вам удерживать ее от всякого рода глупостей. Ваша жена участвовала в антиправительственном шествии... Но не беспокойтесь, с ней все в порядке.

– Где она?

– В одном хорошем месте. О ней позаботились.

– Она арестована?

– Нет. Не арестована. Хотя следовало бы арестовать.

Глебов смотрел на Лопухина и стремительно обдумывал полученные сведения. При всех сложившихся обстоятельствах Лопухину выгоднее было бы арестовать Лизу и тем самым заставить Алексея работать на него. Но Лопухин этого не сделал. Спрашивается, почему?

– Я хочу увидеться с ней.

– Это невозможно.

– Я никуда не поеду, пока не увижусь со своей женой.

Лопухин снял пенсне, неторопливо протер платком. В

стране началась революция, а значит, активизируются Боевые организации. Произойдет ряд политических покушений на видных государственных чиновников. Лопухин считал, что должен заранее знать, откуда ждать предательского удара. Искать же вместо Глебова кого-либо иного – не было времени.

– Хорошо. Завтра с утра вас отвезут к ней. После встречи с женой вас доставят на вокзал, и вы отправитесь за границу. И не пытайтесь бежать. Повторного побега с вашей стороны я не потерплю – вас подстрелят, а ваша супруга окажется в тюрьме. И я обещаю, что в тюрьме смерть привидится ей счастливым избавлением.

– Я сдержу слово. – Глаза Алексея недобро блеснули. – Я найду Валентина. Добуду сведения, которые вам нужны. В обмен на безопасность моей жены.

Лопухин снисходительно улыбнулся:

– Сделайте работу, Глебов. Главное – сделайте работу...

* * *

Перед Лопухиным лежала тощая папочка с надписью «Положение в Петербурге после 9 января». В ней находилось несколько агентурных донесений. Он открыл папку и пробежался глазами по одному из них. Агент по кличке «Ржаной» сообщал: «Положение на заводе спокойное, почти половина рабочих исправно трудится, и разговоры о забастовке притихли. Усилились разговоры о предстоящем захоро-

нении жертв 9 января, которое де следует использовать для демонстрации против кровавого режима дома Романовых и для высказывания проклятья военным, стрелявшим в народ».

Лопухин хмуро свел брови, придвинул к себе письменные принадлежности и сделал надпись на донесении: «Ввиду повсеместного распространения этих разговоров, необходимо рекомендовать генерал-губернатору принять меры, чтобы захоронение происходило на разных кладбищах в разное время». Он отложил донесение в сторону и принялся за другие.

Закончив их прочтение, Лопухин отодвинул папку в сторону, взял чистый лист бумаги и скрепя сердце принялся писать доклад императору.

Слова приходилось подбирать тщательнейшим образом, поэтому скрупулезно продумываемый текст скоро стал содержать жирные поправки. Доклад был ответом на требование царя дать ему исчерпывающую справку о событиях 9 января, Лопухин же находился в очень сложном положении и пытался из него выкрутиться. Он понимал, что означает «царская немилость», так как знал неких лиц, кого коснулась сия кара. Так, Зубатов еще при Плеве по повелению царя получил отставку и был выслан из столицы. Не говоря уже об опале Витте! А вот у Фуллона сдали нервишки, и вечером того же 9 января градоначальник сам передал прошение об отставке.

Лопухин вздохнул. Потерять пост и оказаться в опале наподобие Зубатову или, того хуже, как Витте? Ну уж нет! Лишиться привилегий и власти Лопухин не желал. Однако, ни привилегии, ни власть, ни деньги ему уже будут не нужны, если его убьют террористы. Не свершил ли он глупость всей своей жизни, передав важную миссию в руки афериста?

Лопухин сгоряча толкнул папку – чернильница покачнулась и упала. Черные чернила разлились грязным пятном по деревянной полированной поверхности стола.

Лопухин чертыхнулся, раздраженно позвонил в колокольчик.

– Приберитесь тут, – дал распоряжение он и повернулся к окну.

Вечерело. По улицам Петербурга кружила поземка: поднимаемый ветром снег заметал следы намеренного свершенного преступления...

* * *

За окнами больницы раздавалась песня:

«Побежденный на Востоке,

Победитель на Руси, —

Будь ты проклят, царь жестокий,

Царь, запятнанный в крови!»

Голос кричал:

– Отец провозгласил для нас, братья: «У нас больше нет царя... Берите бомбы и динамит, – все разрешаю!»

Палаты были забиты ранеными. Кто-то стонал, кто-то причитал, кто-то звал доктора. Лиза лежала на одной из кроватей, бледная как мел. Ее без кровинки лицо застыло в глубокой печальной маске. Лизе не хотелось думать. Ей хотелось забыться, не вспоминать, не ощущать. Не ощущать ту пустоту, которая образовалась внутри. Не думать о беременности, о которой она и не догадывалась, не ощущать потерю ребенка, и не только этого ребенка, но и последующих, других...

Рядом послышались шаги, кто-то присел на край кровати. Лиза даже не посмотрела в сторону пришедшего.

– Лиза, доктор сказал, что мы можем забрать тебя, – произнесла Катя Шмит, положив свою теплую ладошку на холодную руку подруги.

Она не шелохнулась.

– Лиза... Может быть все еще обойдется... Может, доктор ошибается... – попыталась приободрить ее Катерина.

Слеза скатилась по щеке Лизы.

– Ничего уже не обойдется... Понимаешь... Не обойдется...

Подруга крепко обняла ее. Поцеловала в плечо.

– Лизонька, ну, не надо, не надо...

Лиза всхлипнула. Она не сможет простить себе безрассудную неосторожность. Алексей всегда хотел, чтобы у них были дети. Теперь этого никогда не произойдет...

* * *

Глебов быстро шел по больнице, заглядывая в палаты. Малышев шагал следом. Низенькая хрупкая сестра милосердия попыталась их остановить:

– Господа! Господа, вам нельзя!

– У нас разрешение, – сохраняя полную невозмутимость, ответил Малышев.

– Чье разрешение?

Малышев сурово взглянул на настойчивую девицу и повторил:

– У нас разрешение.

Тон его голоса заставил ее отшатнуться.

– Может быть, все-таки спросишь меня, в какой она палате? – обратился он к Глебову. Алексей обернулся, с нескрываемой враждебностью посмотрел на него.

– Где?

– Палата в конце коридора. И ее выписывают сегодня.

Последние слова Малышева полетели Глебову вдогонку: Алексей быстро зашагал по коридору.

Заглянув в палату, Глебов увидел Лизу. Она стояла возле кровати одетая в теплое дорожное платье и пальто и в печальной задумчивости натягивала на руки перчатки.

– Лиз! – облегченно воскликнул Алексей, шагнув к ней, однако выражение ее лица остановило его. – Дорогая, с тобой все в порядке?

– Со мной все в порядке, – ответила она. Отвернулась и

отошла к навесной ширме.

Алексей сжал зубы. Жена делала ему больно своей отстраненностью. Лежащие на соседних койках с любопытством смотрели на них.

– Я отвезу тебя домой, – произнес он, делая решительный шаг в ее сторону.

– Не стоит, – упреждающе ответила она и отступила. – Я уезжаю в Москву.

Это был ощутимый удар с ее стороны. Глебов резко задернул ширму, скрывая их от посторонних глаз. Приблизился к жене.

– Со Шмитами? – спросил он с сарказмом.

Лиза молчала.

– Это так?

– Я так решила. – Она напряженно выпрямила спину.

– Решила, значит? – Алексей начал закипать. Глубоко вдохнув, попытался взять себя в руки.

Огромным желанием было взвалить жену на плечо и насильно увезти с собой. Но куда?! Лопухин втянул его в свои грязные игры и ясно предостерег о последствиях, если Алексей не будет с ним сотрудничать. Он не допускал и мысли поставить Лизу под угрозу, а при сложившихся обстоятельствах остаться с ней он не мог. Однако отпустить ее было сверх его сил!

– Ты не забыла? Ты моя жена! – предостерегающим шепотом сказал он.

Она отвернулась. Помолчала. Вздохнула. Затем ответила:

– Я хочу пожить одна – без тебя. Понять, как быть дальше.

– Нонсенс! – Алексей резко развернулся, не находя себе места. Хлопнул ладонью по стене.

Лиза посмотрела на него грустными глазами.

– Ты хотел уехать. Уезжай. Я не держу тебя...

– Так в этом все дело? Ты не можешь простить мне... –

Алексей горько рассмеялся. Затем стал серьезен. – Да, я был очень расстроен тем, что увидел... – он скрежетнул зубами. –

Однако ты дала мне повод.

Лиза заткнула уши:

– Я не хочу это слышать!

Наступила тягостная тишина. Лишь за ширмой кто-то тихо кашлянул и притих.

– Прости. – Глебов обреченно вздохнул. – Сейчас не время и не место выяснять отношения.

Лиза опустилась на край койки. Алексей нервно взъерошил волосы, видя, насколько расстроена его жена. Он вздохнул, подошел к ней, опустился на колено, осторожно взял за руки.

– Все, что мне нужно – это твоя любовь, – сказал он, пытаясь заглянуть ей в глаза.

– И тебе этого будет достаточно? – Лиза с малой долей надежды посмотрела на мужа.

– Да. – Он крепко сжал ее пальцы. Однако Лиза в нерешительности колебалась.

– Но, помимо любви, тебе нужен домашний уют... дети?

Ведь так?

– Да, так... Лиз...

Она резко отвернулась:

– Тогда тебе нужна другая жена.

– Что?

Лиза судорожно вздохнула, встала и отошла в сторону:

– Я никогда не стану такой женой, какую хочешь ты.

Глебов поднялся, раздраженно вздернул подбородок:

– Раз я женился на тебе, значит, такая жена и была мне нужна! Еще есть какие-то сомнения?

– Перестань мучать меня!

– А ты меня!

Лиза замолчала. Замолчал и Алексей.

Глебов вновь заговорил первый:

– Послушай, Лиз, обещаю, у нас все наладится...

Лиза судорожно набрала воздух в легкие:

– Мы должны расстаться...

Ее слова сразили Алексея. Он побледнел.

– Это все из-за Шмита? – Он схватил ее за руку. – Шмит тебе нужен, да? Признайся – Шмит?

– Прекрати! – Лиза вырвалась из его рук, выскочила наружу. Алексей последовал следом, однако, запутавшись в навесной ширме, отстал. Лиза уже выбежала в коридор. Глебов кинулся вдогонку, задев плечом Малышева.

– Лиза!

Она оглянулась. В ее глазах читалась отчаянная решимость:

– Оставь меня!

Лиза подхватила подол платья и бросилась по коридору к идущей ей навстречу Кате Шмит. Лиз схватила ее за руку. Катя взглянула на Глебова, взяла подругу под руку и повела прочь. Незнакомый Алексею господин, сопровождавший Катю, последовал за ними.

Лиза ушла, а Алексей больше не стал останавливать ее. Он все еще смотрел туда, где она скрылась за поворотом, когда Малышев подошел к нему.

Глебов склонил голову. Он сейчас ненавидел их всех: Шмита, Лопухина, Малышева. Сдерживаемая ярость готова была вырваться наружу. Он сжал кулаки. Скажи Малышев хотя бы слово, Алексей бы выплеснул на него всю свою злость. Но сыщик молчал. Глебов кинул на него взгляд исподлобья, однако лицо Малышева было бесстрастным.

– Я готов ехать, – сквозь зубы процедил Алексей и зашагал по коридору. Малышев последовал за ним.

* * *

Лиза в сопровождении Кати вошла в квартиру, где проживала последние месяцы с мужем, и печально осмотрелась, словно была здесь в последний раз. Катя коснулась ее руки, Лиза грустно взглянула на нее и направилась собирать вещи. Подруга помогла ей. Наконец, упаковав вещи, они присели

на дорожку.

В квартиру вошел знакомый Кати – адвокат Андриканис⁴¹, сопровождавший ее в больнице, и взял чемоданы.

Перед входной дверью Лиза остановилась. Затем вернулась к столику в гостиной и схватила фотографию. Алексей переставил ее! А это значит, что ей грозит опасность!

– Что случилось? – спросила встревожено Катя.

Лиза посмотрела на нее:

– Я думаю, за мной следят!

– Почему ты так решила?

– Вот, взгляни. Алексей переставил нашу фотографию с камина на столик. Это наш условный знак опасности.

– Но почему в больнице он ничего тебе не сказал?

Лиза неуверенно пожала плечами.

– Я не знаю.

– И что же теперь делать?

Лиза осторожно выглянула в окно, но слезку не обнаружила. Затем повернулась к подруге.

– Я не могу подвергать вас опасности, – сказала она.

– Тебе нельзя здесь оставаться. Прежде всего, мы уедем в Москву и там решим, что предпринять.

Лиза помолчала. Провела пальцами по изображению мужа. Вернула фотографию на прежнее место.

– Хорошо, – согласилась она и шагнула к порогу.

---

⁴¹ Николай Адамович Андриканис (1876-1947) – юрист, участник революции 1905-1907 гг.

* * *

Спустя час, Алексей, столь же хмурый, как и выдавший-ся морозный январский день, сидел в купе вагона. Малышев читал, или делал вид, что читает, газету «Русское слово» и словно не обращал на Глебова внимание.

На обороте газеты статья гласила:

«Под Мукденом. Чансямутунь. 10-го января. Здесь теперь оттепель. Сильный южный ветер носит облака пыли и песку. Участившиеся залпы осадных орудий раскатываются с необыкновенной силой. Итак, русско-японская война продолжается, а недовольство масс растет».

Попутчик перевернул страницу.

«Официальное сообщение. Петербург, 10-го января.

Фанатическая пропаганда, которую в забвении святости духовного сана вел священник Гапон, и преступная агитация злоумышленных лиц возбуждали рабочих настолько, что 9-го января огромная толпа стала направляться к центру города.

В некоторых местах между ними и войсками вследствие упорного сопротивления толпы подчиняться требованию «разойтись», а иногда даже нападения на войска, произошли кровопролитные столкновения. Войска вынуждены были произвести залпы...

Общее число потерпевших от выстрелов по сведениям, доставленным больницами и приемными покоем, к 8 часам

вечера составляет убитыми 76 человек, в том числе около- точный надзиратель, ранеными 203 человека...»

Глебов отвернулся к окну. Поезд набирал скорость, унося его прочь из Петербурга и... от жены. Алексей хмуро свел брови. Вот также быстро, как этот поезд, он и Лиза отдаляются друг от друга. И нет возможности все исправить, навести мосты. Как так вышло? Она так настойчиво отталкивала его, будто он ничего не значит в ее жизни! Раз так, то пусть... А что «пусть»? Что? Отказаться от нее? Забыть? Можно ли?

Глебов настолько глубоко погрузился в раздумья, что Малышев некоторое время, не таясь, открыто наблюдал за ним. Дорога предстояла неблизкая. Да и работа ожидала не из легких. А подопечный и вовсе непредсказуем. С ним нужно держать ухо востро.

Малышев посмотрел на свою руку, потер безымянный палец там, где белела полоска от снятого с пальца обручального кольца. Каждый раз, выходя из дома, он снимал его. Потому что опасался. Опасался постороннего вторжения в свой уютный семейный мирок...

_13

Глава 2. Азеф

Январь 1905 г. Франция, Париж

Париж! Глебов любил этот город, расположенный по обе стороны реки Сены. Алексей знал каждый проулок, каждое укромное местечко. Его авантюрную натуру притягивала

«колыбель» Парижа – остров Сите: здесь были Консьержери⁴², Сент-Шапель⁴³, Нотр-Дам-де-Пари⁴⁴. «Оцени силу правосудия, понеси наказание и покайся» – так он с усмешкой называл остров...

Особые чувства Алексей питал к свободолюбивому Монмартру⁴⁵. После смерти дяди, оставшись без средств к существованию, изгнанный из университета, в Петербурге он наделал ошибки, чуть не сломавшие его. Прибыв в Париж, Глебов нашел прибежище именно в Монмартре – среди бедных художников и поэтов, снимавших комнатухи в Бато-Лавуар⁴⁶. В этом захудалом общежитии не было света, комнатки отапливались печками-буржуйками, а имеющийся единственный водопроводный кран обслуживал все пять этажей. Однако жители Бато-Лавуар – «парижская богема» – не унывали, веселились и прожигали жизнь в «Проворном кролике» «Чёрном коте», «Мулен Руже»⁴⁷. Глебов сам бывал

---

⁴² Нотр-Дам-де-Пари (Собор Парижской Богоматери) – католический собор, географическое и духовное «сердце» Парижа.

⁴³ Сент-Шапель (Святая капелла) – готическая часовня на территории Королевского дворца (позже Консьержери).

⁴⁴ Консьержери – бывший королевский замок и тюрьма, часть комплекса Дворца правосудия.

⁴⁵ Монмартр (Гора Мучеников) – название холма на севере Парижа и поселения. В конце XIX в. – богемный квартал.

⁴⁶ Бато-Лавуар («Плавающая прачечная») – общежитие на Монмартре, обитель многих знаменитых художников.

⁴⁷ Прим. автора: Известные кабаре в Париже.

здесь не раз: продолжал картежничать, проворачивать мелкие аферы, а затем – тратил, тратил, тратил – в тех же кабаре и на тех же людей, что обманул и обыграл...

А потом Алексей стал частью этого города и этой жизни. Душевные раны затянулись, вкус к жизни постепенно возвращался, обретая нотки беспечности, лихой бесшабашности и веселья...

В Париже – и на шикарных улицах, и в трущобах – сохранялась жажда удовольствий и впечатлений. Здесь мужья говорили комплименты своим женам и в то же время успевали ухаживать за женами других мужей. Неуемное желание испытать полноту жизни зачастую было единственным мотивом, перемещаться от одного салона или кабаре к другому, от одной спальни к другой...

Улицы Парижа затягивали непрерывной сменой впечатлений. Играли музыканты, торговцы навязывали свой товар, бранились извозчики, которые после ссоры обменивались рукопожатием и пропускали по стаканчику вина... На пути встречались словоохотливые девицы, улыбочивые, с лучезарными глазами, часто раздавался непринужденный смех...

Когда одолевала усталость или же хотелось тишины, покой и уют давали укромные терраски кафе, которых имелось тысячи в Париже. Кофе, круассаны, вино, сигареты... При желании можно было написать письмо – учтивый *garçon*⁴⁸ бесплатно приносил бумагу. А потом опять – в городскую

---

⁴⁸ Официант (фр.)

суету⁴⁹...

Париж!.. Париж сделал Глебова таким: излечил, вскормил, испортил. Да, он любил Париж и чуточку презирал и ненавидел... Но не смотря на это, не мог не попасть под его окутывающие чары.

Вот и сейчас, прибыв во французскую столицу, Глебов ощутил его притягательную силу: город манил его, звал окунуться в атмосферу свободы и прожигания жизни, однако для нынешнего Алексея он был ловушкой и таил опасность...

– Эй! – крикнул Малышев, заметив, что Глебов, натянув поглубже шляпу, подхватил чемодан и отправился к выходу с вокзала.

– Поторопитесь, – последовал ответ Алексея, и не думавшего остановиться.

Малышев хмуро последовал за ним – еще не хватало потерять Глебова из виду.

Сев в коляску, Малышев распорядился извозчику следовать в гостиницу, однако Алексей перебил его и назвал другой адрес.

– Господин Глебов, вы забываетесь! – Малышев схватил его за плечо. Алексей смерил его надменным взглядом.

– Сударь, это вы забываетесь, – процедил он сквозь зубы. Сыскарь отпустил его и сложил руки на груди.

---

⁴⁹ Прим. автора: Описание Парижа взято из драмы «Вчерашний мир» австрийского писателя Стефана Цвейга.

Извозчик недоуменно смотрел на двух иностранцев.

Глебов повторил адрес, кучер тронул лошадей, и коляска покатила по выложенной брусчаткой дороге.

– Потрудитесь объясниться, – сказал Малышев. – Надеюсь, мне не нужно вам напоминать, по какому делу мы здесь оказались. В ваших интересах сотрудничать со мной.

– Господин Малышев, – в голосе Алексея зазвучали стальные нотки, – вам не приходило в голову, что находиться в Париже для меня не безопасно?

– Вас ищет французская полиция?

– Не только.

Коляска остановилась возле одного из магазинчиков одежды. Расплатившись с извозчиком, они прошли внутрь. К ним навстречу вышел хозяин магазина. Узнав Алексея, он перевел взгляд на Малышева, затем указал на дверь в подсобку.

– Ждите здесь, – сказав это, Алексей последовал за хозяином магазина. Малышев не стал с ним спорить, однако прислушался к тому, что происходило в соседнем помещении. Глебов разговаривал с французом. Хозяин вышел. Вскоре появился и Алексей с небольшим чемоданчиком в руках.

Малышев вначале его не признал – Глебов изменился: усы и борода прибавили ему лет эдак десять, очки отвлекали от выражения глаз. Напомаженные волосы были тщательно зачесаны назад. Костюм сидел свободно, скрывая подтянутую фигуру. Манера держаться тоже изменилась. Перед ним сто-

ял ничем не приметный среднестатистический мужчина европейской внешности, среднего достатка, каких встретишь на улице и не запомнишь...

Хозяин магазина с ожиданием посмотрел на Малышева.

– Заплатите, сударь, – произнес Глебов, поправляя одной рукой воротничок.

Малышев скрыл, как впрочем, и всегда, свое недовольство, вынул портмоне, извлек из него несколько купюр, но под пристальным взглядом хозяина магазина, добавил еще несколько бумажек сверху. Вдохнул. Хозяин магазина произнес «merci⁵⁰» и вернулся за прилавок.

* * *

Извозчик ловко управлял экипажем, везя двух иностранцев до одной из неплохих, по его мнению, однако, недорогих гостиниц столицы.

Господа молчали. Малышев смотрел по сторонам, не обращая внимания, или стараясь не обращать внимания, на внешне изменившегося Алексея.

– Вам нужно расслабиться. За версту несет, что вы легавый, – констатировал Глебов, даже не повернувшись в его сторону.

Малышев хмуро свел брови, однако, не удостоил «подопечного» и взглядом.

Алексей продолжил:

---

⁵⁰ Спасибо (фр.)

– Я уже не говорю о ваших людях, которые ведут нас с самого вокзала.

На этот раз Малышев внимательно посмотрел на него. Как Глебову удалось их заметить?

Алексей усмехнулся:

– Не будьте предсказуемы. Я блефовал⁵¹.

Малышев вернулся на прежнее место и вновь стал лениво смотреть по сторонам.

– Надеюсь, ваши люди окажут помощь, если возникнет необходимость?

– Нет, – ответил он коротко и бесстрастно.

– Следовало полагать, – Глебов с сарказмом усмехнулся. Значит, его будут непрестанно пасти, а в случае необходимости выкручиваться ему придется самому.

Алексей оставил Малышева в покое и погрузился в раздумья. Еще в пути во Францию он ломал голову над тем, что же подвигло Лопухина выбрать его кандидатуру для столь щепетильного дела. Неужели во всей полиции не нашлось ни одного стоящего агента? А может Лопухин опасался тех людей, которые его окружали и не доверял им настолько, что предпочел его – афериста?

Глебов невесело усмехнулся. А ведь придется играть по их правилам, ведь, не смотря ни на что, Лизу в опасности он не оставит...

---

⁵¹ Блефовать – преднамеренно вводить в заблуждение, обманывать, создавая ложное представление.

Итак, есть цель – найти Валентина. А для этого нужно расколоть Азефа. Лопухин был уверен, что этот осведомитель полиции знает намного больше, чем говорит. Но как заставить Азефа заговорить? По сути, Алексей мало что знал о нем. Какие-либо умозаключения можно сделать лишь только после наблюдения за объектом, выявив его привычки, интересы, слабости. А потом умело ими воспользоваться...

– Осторожно! – крикнул Алексей, заметив, как женщина ступила с тротуара на дорогу поднять откатившуюся шляпную коробку. Возничий замешкался, Глебов схватил поводья, натянул. Хорошо, что экипаж ехал не особо быстро, иначе...

Алексей выпрыгнул из экипажа и подскочил к упавшей женщине.

– Вы в порядке? – спросил он по-русски, помогая ей подняться.

– Je ne comprends pas⁵², – ответила белая как мел женщина и посмотрела на него испуганными глазами.

Она была красива. Брюнетка с большими выразительными глазами и притягивающими взгляд яркими губами. А ее стройное гибкое тело было приятно придерживать за талию.

– Pardon⁵³, – Глебов перешел на французский. – С вами все в порядке?

Он отстранился от нее, однако женщина покачнулась, и,

---

⁵² Я не понимаю (фр.)

⁵³ Извините (фр.)

закатив глаза, стала оседать. Алексей, подхватив ее за талию, прижал к себе.

Рядом засуетился возничий, что-то бормоча, схватился за голову. Малышев же стоял совершенно спокойный.

– Что с вами? – Алексей легонько похлопал женщину по щеке.

Она открыла глаза.

– Мне плохо... У меня кружится голова...

– Сотрясение, – сделал вывод Малышев, засунув руки в карманы.

Глебов кинул на него взгляд, подхватил женщину на руки и осторожно усадил в экипаж.

– Мы доставим вас к доктору, – сказал он, однако женщина отрицательно помахала изящной ручкой.

– Нет, нет... Лучше отвезите меня в гостиницу. – Она мимолетно коснулась пальчиками лацкана его пальто. Глебов проследил за ее жестом.

– Хорошо, мадам, – уступил он.

Малышев промолчал, хотя ему явно не понравилось его решение. Возничий же был рад подобному исходу дела, быстро подобрал с дороги шляпную коробку незнакомки и занял свое место на козлах.

Его пассажиры расположились в экипаже. Женщина назвала отель, где проживала.

– Гранд-отель? – повторил Алексей и посмотрел на Малышева. – Нам тоже стоит остановиться там. – Затем повер-

нулся к прекрасной незнакомке.

Она была все еще бледна, однако шок прошел, и теперь она смущенно смотрела на них.

– Прошу простить меня за доставленное неудобство, – произнесла она.

– Ну что вы, – Глебов слегка наклонился в ее сторону, – это мы приносим свои извинения за случившееся.

Женщина улыбнулась.

– Позвольте представиться. Меня зовут Глебов Алексей.

Она взглянула на его попутчика, и Алексей вскользь представил и его.

– Месье Малышев.

– Леди Маклеод, – назвалась она.

– Леди Маклеод, – повторил Глебов, смотря ей в глаза и улыбаясь. Фривольно поцеловал ей ручку. Женщина улыбнулась и ответила ему кокетливым взглядом.

* * *

Алексей сидел в уютном кафе и неторопливо попивал кофе. За столиком неподалеку с газетой в руках расположился Малышев.

Глебов вздохнул. Отвернувшись к окну, он задумчиво уставился на улицу. Уже несколько дней он следил за Азефом. Он – за Азефом, а Малышев – за ним. Хотя Алексей и старался не обращать внимания, все же присутствие полицейского угнетало и тяготило его.

Единственным, что не обременяло Глебова и доставляло ему удовольствие, было знакомство с леди Маклеод. Маргарет умело пользовалась своей красотой и обаянием. Когда она находилась рядом с Алексеем, он отчетливо замечал, как мужчины с завистью смотрят в его сторону. Порой казалось, что в обществе Греты он забывал о Лизе и о той ране, что она ему нанесла. Ему хотелось бы вовсе забыться... Но Малышев всем своим видом напоминал Глебову, почему и для чего они прибыли в Париж.

Алексей вздохнул, оторвавшись от своих размышлений. Взглянув на массивные часы в углу, он вновь посмотрел на улицу. Как всегда в это время – из дома напротив вышел крупный мужчина. Это и был Евно Азеф.

Плотный, широкоскулый, с круглым лицом и торчащими ушами, с плоским носом и толстыми губами Азеф своим внешним видом мало располагал к себе. С его крупным телом нелепо соединялся писклявый тонкий голос. И все же, несмотря на свой непривлекательный вид, Азеф умел с удивительным тактом и мастерством располагать к себе собеседников. Натура его была двойственной: с одной стороны образцовый супруг, нетерпимый моралист – окружающие считали, что он не прикасается ни к табаку, ни к спиртным напиткам, ни к женщинам, – с другой стороны гуляка и развратник. Он был завсегдатаем мюзик-холлов, кафе-шантанов, кабаре и вертепов, где его можно было встретить в обществе экстравагантных роскошных дам, на которых он тра-

тил деньги. Не обошлось и без наличия любовницы – танцовщицы кабаре, которую он содержал и одаривал дорогими подарками...

Глебов расплатился за кофе и, когда Азеф зашагал по тротуару, вышел из кафе и последовал за ним. Как тень, к нему присоединился Малышев. Раздражение вновь нахлынуло на Алексея – Малышев мешал ему работать.

Спустя какое-то время Азеф свернул к ювелирному магазину и исчез за его дверьми. Выждав немного, Алексей вошел внутрь.

Стоя у витрины, Евно Азеф основательно, придирчиво выбирал предлагаемые ювелиром украшения. Помощник ювелира, завидев Глебова, переключил все свое внимание на него, и, подобострастно улыбаясь, поинтересовался, что ему желает.

Алексей взглянул на выложенные в стеклянной витрине драгоценности. Вспомнил о Маргарет. Вчерашний вечер он провел у нее. Грета была потрясающей в постели, выполняла любые прихоти. Пластичная, гибкая, податливая... При этом уязвимая и потерянная. Алексею инстинктивно хотелось ее защитить. А это был сигнал не затягивать отношений. Он всегда умел вовремя и красиво распрощаться с любовницами. Расставание предстоит и с Гретой. Довольно скоро. Нужно сделать так, чтобы это не было для нее мучительным и горьким...

Алексей попросил показать ему золотой с драгоценными

камнями браслет. Грете он понравится...

Тем временем Евно Азеф приобрел великолепное (а в этом-то Глебов хорошо разбирался) жемчужное ожерелье.

– Прекрасный выбор, месье, – одобрил заискивающе ювелир. – Дама вашего сердца будет в восторге.

Азеф смешался, кашлянул:

– Это для моей жены...

– Да, конечно, месье. – Ювелир и глазом не моргнул.

Глебов в душе готов был посмеяться – объяснение Азефа позабавило его. Он видел его жену. Она была непритязательная, простенько одетая женщина. Дорогое жемчужное ожерелье явно предназначалось не для ее шеи.

Уголок рта Алексея неодобрительно дернулся – Азеф ему не нравился. Подлость его натуры проявлялась уже в том, что семья Азефа жила очень скромно в маленькой квартирке на Монруже с серой мещанской обстановкой – все это, конечно, не позволяло предполагать, что Азеф располагает огромными суммами, – зато на любовницу Азеф тратился основательно. Она имела прекрасную квартиру с видом на Елисейские поля, восхитительные наряды и украшения.

Пока покупку Азефа упаковывали, Алексей тоже сделал выбор. Браслет для Маргарет. Забрав покупку, он последовал за Азефом.

Вскоре тот свернул к кабаре, в котором выступала его любовница. У барной стойки заведения Азеф поинтересовался о Мадлен. Бармен ответил, что она занята – готовится к вы-

ступлению, Азеф недовольно поморщился, попросил бумагу. Бармен положил перед ним письменные принадлежности и занялся своим делом.

Азеф начеркал две записки. Одну передал бармену – для Мадлен, дополнил купюрой, другую вручил мальчику-рассылному. Получив монету, мальчишка пулей вылетел на улицу, унося записку. Азеф взглянул на часы, сполз с высокого стула и нехотя вышел на улицу.

Глебов занял его место, одновременно незаметно стянув оставшийся лист бумаги под барную стойку. И вовремя – бармен повернулся к нему.

Алексей сделал заказ, бармен убрал письменные принадлежности, ловко наполнил бокал вином и поставил перед клиентом. Тем временем Глебов свернул листок и спрятал в карман. Взяв бокал, он перебрался за один из дальних угловых столиков и некоторое время не спеша пил вино, наблюдая за выступлением иллюзиониста. Затем подозвал жестом официантку. Когда девушка подошла к нему, он, улыбнувшись ей, взял протянутое меню.

– У меня к вам просьба, мадмуазель, – произнес с улыбкой он, подкрепляя свою просьбу довольно крупной купюрой, которую вложил в меню.

Девушка, заметив деньги, услужливо улыбнулась в ответ:

– Я слушаю вас, месье.

– За столик у входа сел мужчина. Когда он направится ко мне, отвлеките его, – Алексей протянул девушке меню. Она

кивнула, улыбнулась и удалилась.

Глебов повернулся к Малышеву спиной, неторопливо закурил, положил лист на стол, расправил, стряхнул на него пепел, затем еще раз, легонько растер. Отпечаток текста напоминал шараду из букв и слов. Алексей хлебнул вина, изучая головоломку. Наконец ему удалось разобрать написанное. В одной записке Азеф приглашал Мадлен на ужин в ресторан, в другой сообщал, что будет ждать известий от Павла Ивановича в тот самом ресторане, куда он собирался пойти с любовницей.

Краем глаза Алексей заметил, как официантка с подносом в руках направилась в сторону Малышева. Она неловко повернулась, когда тот проходил мимо, задела его, чуть не опрокинув на него поднос. Всего лишь на мгновение Малышев отвлекся, но когда взглянул туда, где должен был сидеть Глебов, того уже и след простыл.

* * *

Воспользовавшись моментом, Алексей выскользнул из кабаре, поймал экипаж и укатил прочь. Выскочивший на улицу Малышев огляделся по сторонам. Он упустил Глебова. Но и его человека, который незаметно приглядывал за Глебовым, тоже не было.

Малышев неторопливо натянул перчатки, махнул рукой извозчику. Забрался в остановившуюся перед ним коляску, откинулся на спинку сиденья и назвал адрес...

Грета, несомненно, ждала прихода Алексея. Игриво улыбаясь, она отступила в сторону и впустила его в номер. Глебов не поцеловал ее, как она ожидала, а сразу же прошел в гостиную.

– Хочу пригласить вас в ресторан, – произнес он и сел в кресло. – Составите мне компанию?

– Конечно. – Сложив руки на груди, Маргарет мило улыбалась, однако в ее глазах была насмешка. – Тяжелый день? Вы выглядите уставшим.

Она его провоцировала, несомненно.

– Это не совсем то, что я сейчас чувствую, – ответил Глебов пространно.

Маргарет плавной походкой приблизилась к нему. Положив ладонь Алексею на плечо, она склонилась к его уху:

– Да. Вы напряжены.

Глебов не ответил, а Маргарет, не спеша, встав за его спиной, опустила обе ладони на его плечи и стала неторопливо массировать. Глебов удовлетворенно вздохнул:

– Где вы научились этому?

– В буддистском храме на Дальнем Востоке.

Алексей рассмеялся.

– Почему вы смеетесь?

– Солнце, я восхищен! Вы умело переплетаете вымысел с реальностью.

– Вы мне не верите? – улыбаясь, Грета заглянула ему в глаза. – Если бы не английская армия, освободившая меня,

я по сей день жила бы в буддистском храме, где меня воспитывали. Там я научилась не только искусному массажу, но и божественно танцевать...

Алексей поцеловал ее руку:

– Несомненно.

Понимая, что Глебов ей не верит, Маргарет воскликнула:

– О, я докажу вам! Ждите.

Она упорхнула в спальню. Поборов желание последовать за ней, Алексей стал терпеливо ждать.

Спустя некоторое время Грета предстала перед ним в восточном одеянии. На ней был хлопковый бюстгальтер с орнаментом, вызывающим ассоциации с Индией. Блестящие ленты, опоясывающие ее талию, придерживали саронг, который скрывал ее бедра и колени. На голове – индийская диадема, охватывающая густые черные волосы, а руки украшали изящные браслеты. Все остальное было открытым, обнаженным. Этот наряд будил воображение и возбуждал...

Маргарет завела граммофон, заиграла восточная мелодия, и Грета начала танцевать. Наблюдая за ее танцем, Алексей невольно сравнил ее с Дункан. Айседора олицетворяла античную Грецию, Маргарет – таинственный Восток. Айседора во время танца демонстрировала лишь свои обнаженные ноги и руки, а Маргарет была почти обнажена...

Алексей сомневался, что это и есть восточные танцы. Но сомнения меркли перед ее движениями: стройная госпожа Маклеод двигалась в наряде баядерки с несравнимой гра-

цией и пластичностью. Невероятная гибкость и магический шарм, и достойное восхищения тело. Он ощутил себя богом, нет, павшим воином в раю, пред которым предстала Апсара⁵⁴, сестра нимф, наяд и валькирий, со всем своим клоко-чущим экстазом в танце сбрасывающая с себя вуали. И какими феерическими движениями! Она создана заманивать мужчин к греховной гибели.

Глебов поймал ее за край полупрозрачного саронга и потянул к себе. Она упала в его объятия, и его руки стали изучать изгибы ее тела.

– Твое тело достойно восхищения, – пробормотал Алексей, касаясь губами ее разгоряченной кожи. Он резко поднялся, подхватил ее на руки и понес в спальню.

_14

* * *

Маргарет раскурила сигарету и протянула ее лежащему рядом Глебову. Он затаился и носом выпустил струйку дыма. Маргарет игриво провела пальчиком по его плечу, но Алексей, погруженный в свои мысли, не обратил на нее внимания.

– Когда мы занимались любовью, ты назвал меня «Лиза», – растягивая слова, сказала Грета. – Кто она?

Алексей на мгновение замер, затем вновь затаился сигаретой, сел, спустив ноги с кровати, докурил и затушил оку-

---

⁵⁴ Апсары – полубогини, духи облаков или воды. В индуистской мифологии также являлись небесными танцовщицами и куртизанками.

рок в резной пепельнице на столике. Повернулся к Маргарет. Она с легкой улыбкой на губах смотрела на него.

– Она – твоя возлюбленная?

– Она – моя жена.

Маргарет откинулась на подушки:

– Значит, ты ее любишь.

Алексей некоторое время молчал, злясь на себя. Лиза! Опять Лиза! Она стала его наваждением, его проклятием. Как могло случиться, что он стал зависеть от нее? Нет, он избавится от этой зависимости...

Глебов вновь взглянул на Маргарет, нахально усмехнулся:

– Если тебя это обидело, я готов загладить свою оплошность.

Маргарет улыбнулась.

– Не пытайтесь плыть против течения, Аликс, – сказала она ласково и с пониманием в голосе. – Не нужно все усложнять. Поверьте, все разрешится со временем.

Маска развязности исчезла с его лица – Глебов, измотанный душевными терзаниями, стал серьезным. Возможно, она права. Чего он добьется? Время все расставит на свои места.

Стремясь разогнать его грусть, Маргарет рассмеялась, села в кровати и спросила:

– Как вам мой танец? Я восхитительна?

Глебов улыбнулся:

– Несомненно. Солнце, ты обязательно станешь известной

танцовщицей и покоришь Париж.

Маргарет уселась напротив Алексея и с улыбкой посмотрела в его глаза. Затем протянула руку, пальчиком провела по его бородке и усам.

– А ведь они не настоящие, – промолвила она. – Вы скрываетесь?

Алексей взял ее руку, поцеловал.

– Да. Скрываюсь. От толпы обманутых женщин.

Маргарет со смехом оттолкнула его, выбралась из кровати.

– Обманщик! – Она скрылась за дверь.

– Кто бы говорил, – пробормотал Глебов.

* * *

По дороге в ресторан Алексей распорядился извозчику захватить по одному адресу неподалеку.

В доме Глебов пробыл недолго. Вернувшись в экипаж и приказав возничему трогаться, он протянул Маргарет небольшой прямоугольный кусочек картона, на котором витиеватыми позолоченными буквами было написано «салон мадам Киреевской», и – ниже – адрес.

Маргарет удивленно посмотрела на Глебова.

– Мадам Киреевская? Певица?

– Мадам Киреевская организует благотворительные вечера. Твой дебют состоится в ее салоне. Киреевская тебе поможет в этом. Гарантирую, Солнце, тебя ждет успех.

– О, Аликс! – Маргарет обхватила его за шею и поцеловала. – Спасибо!

Они прибыли в ресторан, и администратор услужливо проводил их до столика. Не обошлось без продолжительных мужских взглядов в сторону Маклеод – она была в элегантном вечернем платье, которое подчеркивало ее красоту, грацию и заставляло задуматься о том, какое потрясающее тело скрывается под ним.

Сделав заказ и дождавшись ухода официанта, Алексей взял свою спутницу за руку и поцеловал ее пальчики.

– Вы прекрасны, леди Маклеод.

Маргарет тихонько рассмеялась:

– Леди Маклеод? А как же Солнце?

– Солнце... Око дня, – сказал он, проникновенно смотря ей в глаза.

Маргарет шаловливо рассмеялась:

– В тех местах, где я жила это звучит как... «мата хари».

– Мата хари?

– Это по-малайски...

Глебов на секунду отвлекся, заметив, как в ресторан вошел Азеф в сопровождении любовницы. Они сели за один из столиков, сделали заказ.

Продолжая беспечную беседу с Маргарет, Глебов улыбался, но не выпускал Азефа из виду.

Спустя некоторое время к Азефу подошел официант и, вежливо склонившись, передал ему записку. Как только

официант удалился, Азеф прочел ее, что-то уклончиво ответил на вопрос Мадлен, сложил записку, положил в карман.

Когда же Мадлен и Азеф вышли на площадку для танцев, Глебов пригласил на танец Маргарет. В том, что Глебов прекрасный танцор, Грета не сомневалась, но была глубоко разочарована, когда по вине Алексея они несколько раз натолкнулись на соседние пары.

Глебов извинился, усадил Маргарет на место и, еще раз извинившись перед своей спутницей, вышел из зала. Оказавшись в холле, Алексей развернул записку, вынутую у Азефа во время танца. В записке указывался адрес и время встречи. Встреча была назначена в одном из жилых домов Мон-мартра на 23-00.

Алексей спрятал записку в карман и вернулся за свой столик. Нужно было придумать, как вернуть ее в карман Азефа. Как ни в чем не бывало, Глебов положил салфетку себе на колени и принялся за изысканное блюдо.

Маргарет смотрела на Алексея с нетерпением и любопытством.

Он поднял глаза от тарелки и взглянул на нее.

– Аликс, вы следите за кем-то? Вы шпионите? Это так интересно!

– Вы очаровательное создание, Солнце. Вы меня удивляете!

– Не уходите от темы. Скажите правду.

– Правду? – Алексей неторопливо промокнул губы сал-

феткой, наклонился, взял Маргарет за руку, заглянул ей в глаза. – Правда в том, моя дорогая, что у меня для вас есть подарок.

Он отпустил ее руку, взял бокал вина и откинулся на спинку стула. Прежде чем отпить, он многозначительно отметил:

– Ваши кисти изящны. Украшения на них смотрятся просто потрясающе.

Маргарет только теперь заметила на своей руке подарок Алексея – браслет тонкой искусной работы.

– О! Он просто потрясающ! – Не удержалась она от восторга.

Алексей усмехнулся:

– Браслет ничто в сравнении с вами, мое Солнце.

– О! – раздался неожиданно разочарованный возглас. Маргарет взглянула на Алексея, затем выпрямила спину, расправила плечи и посмотрела на него слегка с прищуром. На ее губах заиграла усмешка.

– Вы отправляете меня в отставку, месье Глебов? Ведь так принято расставаться любовникам?

Алексей поставил бокал на стол и улыбнулся.

– Нет.

– Тогда что же?

– Мне хотелось сделать вам подарок. Порадовать вас, увидеть блеск ваших чудесных глаз.

– О... Тогда что я могу сделать для вас, Аликс?

– Солнце... Вы можете мне помочь?

– Вам нужна помощь?

– Ваша – несомненно. – Он проникновенно посмотрел ей в глаза.

– Для вас – что угодно.

– Видите того крупного господина за столиком возле колонны?

– Да. И что вы хотите?

– Если пожелаете, то вас ждет приключение. Нужно незаметно положить записку в правый карман его пиджака.

– Я сделаю это!

– Справитесь?

– Без сомнения. Дайте ее сюда.

Они поднялись. Глебов задержался возле столика, оплачивая счет, а Маргарет неторопливо зацокала каблукочками к выходу. Возле столика Азефа она оступилась, стала падать, ухватилась за край стола. Азеф поднялся, помог прекрасной незнакомке встать. Маргарет, смотря ему в глаза, улыбнулась, поблагодарила. Затем направилась к выходу. Через пару минут Глебов присоединился к ней. Он поцеловал ее ручку.

– Солнце, я восхищен.

– Это было несложно... Но вы все же заметили!

– Заметил, потому что наблюдал за вами тщательнейшим образом и знал, что вы должны сделать...

Неожиданно Глебов замолчал, взглянув поверх плеча

Маргарет, затем взмахнул рукой, привлекая внимание извозчика.

Когда они сели в экипаж, Алексей, обернувшись, усмехнулся:

– Похоже, мой друг Малышев чудесным образом выследил меня.

Он посмотрел на Маклеод, и она отвела глаза, нервно теребя браслет.

– Я должна вам признаться, Аликс... Вы такой... интригующий и замечательный... – она не заметила, как Алексей иронично усмехнулся. – Я не хочу, чтобы вам было плохо... Господин Малышев нанял меня следить за вами и обо всем докладывать ему.

Алексей наклонился к ней, пристально смотря в глаза. Затем усмехнулся:

– Я знаю.

– Знаете? Как?!

– Просто знаю.

– И вы простили меня? – Она была поражена. – И при этом сделали мне дорогой подарок? – Она показала браслет. – О, я не могу его принять!

Глебов не позволил ей снять браслет с руки.

– Не нужно, Солнце.

– Но что тогда мне делать?

– Делайте то, за что вам платят. – Алексей откинулся на спинку сиденья. – Малышеву нужны сведения. Так убедите

его сегодня в том, что я нахожусь в вашем номере.

– А вы?...

– А я немного прогуляюсь...

* * *

В номере Грета завела граммофон и расположилась на кровати. Призывно посмотрела на Глебова.

– Может быть, присоединитесь ко мне?

Алексей надел пальто, набросил белый шарф на шею.

– С удовольствием, но позже.

Он взглядом раздел любовницу, прищурился с ухмылкой.

С грацией кошки Грета перевернулась на живот, сквозь полуопущенные ресницы стрельнула глазками на Алексея.

– Я буду ждать...

Когда Глебов ушел, Маргарет приоткрыла входную дверь. Прошло немного времени, прежде чем Малышев появился в коридоре. Маргарет прикрыла дверь и скользнула на кровать. Стала подсакивать так, что заскрипели пружины. Застонала в такт:

– О, Аликс, да, да, да!..

Малышев, остановившись за дверью, сквозь зубы выругался. Стукнув перчатками по ладони, он резко развернулся и зашагал прочь.

* * *

Глебов выбрался на крышу. Холодный ветер вмиг подхва-

тил концы белого шарфа, и тот затрепыхался на шее Алексея. Глебов заправил шарф за ворот, застегнул пальто и стал спускаться по покато́й скользкой кровле. Соскользнув до огромной кирпичной трубы, он обогнул ее и аккуратно прошел до края крыши.

Оценив расстояние до крыши соседнего дома, Алексей отступил на несколько шагов назад, разбежался и прыгнул. Пару мгновений в воздухе, затем его ноги коснулись кровли соседнего дома, однако поверхность под ногами оказалась ненадежной. Глебов поскользнулся, рухнул и соскользнул вниз. В последний момент он уцепился за край крыши и повис в воздухе. Пот мгновенно выступил на его висках. Все мышцы напряглись. Алексей несколько мгновений находился в неподвижности, затем стал медленно забираться наверх.

Оказавшись на крыше, он сел, рукавом стер испарину со лба и посмотрел вниз. Внутри все похолодело от мысли, что еще немного, и он бы расшибся в лепешку из-за своей неосторожности. Мышцы от напряжения болели, пальцы одеревенели от соприкосновения с замерзшей кровлей.

Глебов поднялся и стал карабкаться наверх. Нужно больше уделять внимание физической подготовке, решил он. В последнее время он забросил занятия.

Обнаружив люк, Алексей выбрался на чердак...

* * *

Малышев раздраженно мерил коридор шагами. Глебов

выводил его из себя. Резко развернувшись, он вернулся к номеру Греты. Свои обязанности она восприняла чересчур буквально! Мадам Маклеод мешает делу. Пора покончить с этим фарсом.

Малышев громко постучал в дверь. Безрезультатно. Он вновь забарабанил по ней. Наконец, щелкнул замок, и через небольшую щель приоткрытой двери выглянула Грета.

– Вы? Уходите, я не одна!

Малышев бесцеремонно распахнул дверь и быстро вошел в ее номер. Прошел в спальню, но Глебова там не оказалось.

Он резко обернулся к Грете:

– Где он?

– Ушел... – призналась Маргарет, испуганная грозным видом непрошенного гостя. Она плотней запахнула пеньюар и обхватила себя руками.

– Ушел – куда?

– Я не знаю... Я, правда, не знаю!

– Ты ему рассказала?

– Нет, он сам догадался.

Малышев приблизился к ней вплотную. Грета сжалась, будто затравленный зверек. Он сдавил ее шею рукой:

– Рассказывай все, что знаешь. Если ты мне солжешь...

* * *

Глебов открыл окно. Холодный воздух ворвался в помещение с роем белых пушистых снежинок. Алексей осмот-

релся, встал на подоконник и выбрался наружу. Ступив на скользкий узкий выступ, он стал пробираться вдоль стены до балкона. Ухватившись замерзшими руками за перила, Глебов взобрался на них, затем дотянулся до выступа верхнего балкона, подтянулся, и хотел было взобраться на него, но в этот миг к окну подошел сухощавый мужчина с папиросой в зубах. Алексей замер. Мужчина приоткрыл форточку, затаился и выпустил струю дыма в окно.

– Что вы предлагаете? – услышал Глебов его голос. Мужчина повернулся к окну спиной. Аккуратно, стараясь не шуметь, Алексей подтянулся и взобрался на балкон, затем, прижимаясь к стене, приблизился к окну.

– Павел Иванович⁵⁵, у меня потрясающие замыслы! – услышал Алексей голос Азефа. – Мы разработаем для Боевой организации грандиозный план против Охранного отделения в Петербурге.

– Вы, в самом деле, считаете, что такое возможно? – усомнился его собеседник.

– Конечно!

– Коль так, разъясните.

– План таков. Боевая группа должна будет в определенный час и день проникнуть в Охранное отделение. На каждом из участников дела будет начиненный динамитом пояс. Это даст им большую свободу действий и отвлечет подозре-

---

⁵⁵ Прим. автора: Один из псевдонимов Б. В. Савинкова (1879, Харьков – 1925, Москва) – русского террориста, одного из лидеров партии эсеров, писателя.

ние, которое непременно вызвал бы сверток в руках каждого из них. По условному знаку бойцы одновременно должны будут взорвать себя и разрушить своим героическим поступком вековой оплот царизма.

– «Живые бомбы»?

– Это будет достойным акт деятельности нашей организации.

Собеседник Азефа сомневался. Некоторое время он молчал.

– Все это слишком... Погибнет много наших товарищей, – сказал он наконец. – Нет, Валентин Кузьмич⁵⁶, я с вами не согласен. По крайней мере, на данный период, пока готовится покушение...

Он развернулся и, закрыв форточку, отошел от окна. Глебов свободно вздохнул – еще немного и возможно «Павел Иванович» заметил бы его. Алексей придвинулся поближе к окну, но господа в эту минуту уже покидали комнату.

Глебов тем же путем вернулся назад в квартирку этажом ниже. Он основательно замерз, пока находился вне помещения. Плеснув коньяк в бокал, он сделал пару глотков. Горячительная жидкость обожгла горло и теплой жгучей волной прошла по пищеводу к желудку. Осторожно выглянув в коридор и, убедившись, что его никто не заметит, он покинул чужую квартиру...

Алексей узнал очень многое, и многое нужно было еще

---

⁵⁶ Прим. автора: Один из партийных псевдонимов Е. Ф. Азефа.

обдумать.

* * *

«Итак, – думал Глебов, сидя в экипаже, катившемся по улицам Парижа, – во-первых, я нашел Валентина. Черте что, но Валентин и Азеф это один и тот же человек. Неужели никто не замечает очевидного?»

Алексей вынул папиросу и закурил.

«Во-вторых, Азеф замыслил грандиозный план – совершить террористический акт в самом Департаменте полиции. Зачем такой неоправданный риск? Или оправданный?» – Алексей нахмурился. – «В России нарастает революция. Неужели Азеф предполагает, что триумф революции вполне возможен? И тогда, при новом режиме, разоблачение будет почти неизбежно. Неужели единственное спасение он видит в уничтожении всех следов и живых свидетелей своего предательства? Громадные здания, хранящие документы политического сыска, вместе с его обитателями должны быть уничтожены, дабы похоронить личную тайну Азефа».

Экипаж остановился возле гостиницы, Алексей расплатился с извозчиком и направился в номер.

«В-третьих, есть некий Павел Иванович, участвующий в подготовке покушения. Вопрос: кем оно будет совершено, где и на кого?»

_15

* * *

Малышев, несколько часов потративший на поиски Глебова, нашел его в боксерском клубе. Алексей ритмично боксировал на ринге со спарринг-партнером⁵⁷. Физические упражнения помогали не только вернуть тонус мышц, но и привести мысли в порядок. То, что произошло на крыше, не должно больше повториться...

Малышев, олицетворяя собой тихую угрозу, перелез через натянутый канат и одним взглядом заставил партнера Глебова по спаррингу удалиться.

Чудеснейшим образом они остались в помещении один на один. Малышев повернулся к Глебову.

Алексей усмехнулся:

– Побоксируем?

– Что ты здесь делаешь? – с тихой угрозой в голосе произнес Малышев.

– Разве не видно?

– Не играй со мной, Глебов. Ты прибыл сюда по делу и времени у тебя очень мало. Развлекаться будешь, когда выполнишь работу. Тебе ясно?

Глебов хмыкнул и с пренебрежением отвернулся. Малышев без раздумий, вынул из-за пазухи револьвер и наставил на своего «подопечного». Алексей обернулся.

– Ты слышал, что я сказал? – Сыщик был настроен весьма решительно.

Глаза Глебова на мгновение яростно вспыхнули, но затем

---

⁵⁷ Спарринг-партнер – соперник в тренировочных состязаниях.

ОН ВНОВЬ УСМЕХНУЛСЯ:

– Зачем же так нервничать?

– Я задал вопрос!

Алексей снял боксерские перчатки:

– Я не делаю ничего того, что тем или иным образом не касается дела. Теперь понятно?

– Выкладывай, что узнал?!

Глебов с сарказмом хмыкнул:

– Ничего, что стоит тебе говорить.

Малышев взвел курок:

– Может прострелить тебе голову?

– Валяй. И всю работу будешь выполнять сам. – Глебов расстегнул защитный шлем и снял. Провел пятерней по волосам. – Твоя слезка за мной утомляет и мешает работать. Не нравится – делай все сам.

Щелкнув затвором, Малышев убрал револьвер.

– Сутки, Глебов, затем ты мне докладываешь о проделанной работе. И не вздумай бегать от меня, иначе я тебя найду и пристрелю.

Малышев пролез между канатами и, спрыгнув на пол, зашагал к выходу.

Алексей усмехнулся:

– Вот и поговорили.

Малышев же в ответ громко хлопнул дверью.

* * *

Алексею снилась Лиза. Она улыбалась, строила ему глазки, смеялась. Он протягивал к ней руки, хотел обнять ее, ощутить тепло ее тела... Но она ускользала от него, тая в его руках, как дым, затем вновь появлялась, и все повторялось вновь и вновь...

Глебов открыл глаза и уставился в потолок. За окном светила яркая луна, а лунный свет, проникая в комнату, квадратным пятном отражался на стене. Алексей закрыл глаза, попытался уснуть, но сон сняло как рукой. Он поднялся с кровати, подошел к окну. Вдалеке на Марсовом поле возвышалась Эйфелева башня. Это громоздкое сооружение человеческого прогресса высилось над другими строениями Парижа, будто заявляло о своем превосходстве.

Алексей оделся и покинул номер. В тот же миг дверь соседней комнаты отворилась, и на пороге появился Малышев. Убедившись, что Глебов ушел, он быстро оделся и последовал за ним.

...Перейдя Йенский мост, Алексей двинулся на Марсово поле к Эйфелевой башне. Оказавшись вблизи нее, он задрал голову и посмотрел вверх.

Вся выполненная из железа, башня состояла из трех ярусов. Каждый ярус представлял собой пирамиду, образуемую четырьмя колоннами, с платформой наверху. На верхней платформе высился освещающий округу маяк с куполом, над которым находилась узкая площадка.

На башню вели лестницы и подъемная машина, но Алек-

сея они не интересовали. Он с прищуром оценивающе посмотрел на колонны, затем расстегнул пальто, снял его и бросил на бордюр. Подтянув на руках черные кожаные перчатки, он вновь изучающе посмотрел на башню – снизу вверх – мысленно прокладывая путь. Затем ухватился за металлический остов и стал забираться.

Первоначально подъем давался Глебову без особого труда. Но чем выше он взбирался, тем сложнее было передвигаться. Металл был холодным и скользким, холод сковывал движения... Оказавшись на второй платформе, Алексей остановился, чтобы передохнуть и взглянуть на город. Перед ним – как на ладони – лежал Париж, залитый серебристым лунным светом...

Шум вывел Глебова из задумчивости, и он успел укрыться за металлической колонной прежде, чем появился охранник. Какое-то время пришлось ждать, пока охрана не удалилась, затем Алексей продолжил свое восхождение.

Прошло достаточно много времени, когда он, наконец, взобрался на балкон третьей платформы. Маяк освещал район в десять километров, не меньше, но рассвет уже набрал свою силу, и перед Алексеем предстала еще одна потрясающая панорама города. Все, что находилось внизу, казалось мелким, ненужным, несущественным...

Выбравшись на лестницу и убедившись, что охрана отсутствует, Глебов стал спускаться вниз. «Одна тысяча семьсот девяносто две», – насчитал он ступени, спустившись вниз, и

тут же, на входе, столкнулся с Малышевым. Тот грубо втолкнул его обратно и прикрыл дверь. Мимо, не заметив их, прошла охрана.

– Я не удивлен, – заметил с усмешкой Глебов, когда охранники удалились, – моя тень всегда при мне.

Сыщик грубо сунул ему в руки пальто. Алексей оделся.

– К чему все это? – спросил раздраженно Малышев.

– *Mens sana in corpore sano*⁵⁸! – ответил Глебов.

– *Скорее beata stultica*⁵⁹!

Алексей приподнял бровь:

– Ба, какие познания латыни!

Малышев смерил его недобрый взглядом:

– Только идиоту придет в голову взбираться на такую высоту.

– В следующий раз обязательно позову тебя с собой.

Малышев сжал кулаки, но сдержался.

– Башня охраняется, – сквозь зубы процедил он.

– Военные. Проводят опыты с какой-то техникой. – Глебов осторожно выглянул на улицу.

– Какой техникой?

Алексей взглянул на Малышева:

– Беспроводное радио, предполагаю.

– И когда же ты...

Они притихли – рядом вновь прошла охрана.

---

⁵⁸ В здоровом теле – здоровый дух! (лат.)

⁵⁹ Блаженная глупость! (лат.)

Глебов тихонько выскользнул наружу, Малышев последовал за ним.

Как назло на улице залаяла собака, привлекая внимание охранников. Они бросились в их сторону. Алексей отступил в тень. Зато крупная высокая фигура Малышева попала в поле зрения охранников, и они накинулись на него.

Первым желанием Глебова было поскорее смыться, оставив сыщика в одиночку выкручиваться из передрыги. Однако, передумав, он вырубил одного из охранников, а затем, убедившись, что Малышев вполне справится без него, бросился бежать.

Позади раздавались крики, противные звуки полицейского свистка, но Алексей беспрепятственно вскочил на запятки⁶⁰ проезжающего мимо экипажа. Напоследок он обернулся, наблюдая, как мощная фигура Малышева спасается бегством от своры французских полицейских. Глебов засмеялся. Да уж, во Франции легавых значительно больше, чем в России!

* * *

Алексей возвращался в гостиницу ближе к вечеру, потратив все это время на слезку и наблюдение за Азефом.

«Итак, – рассуждал он, сидя во мчащемся по улицам экипаже, – Валентин и Азеф – одно и то же лицо, но Лопухин не поверит в это без доказательств. А доказательств нет, и

---

⁶⁰ Запятки – место для слуги, лакея на задке экипажа.

время идет».

Глебов вынул папироску и закурил.

«А может позволить Азефу подорвать Департамент? Возможно, не останется тех документов, которые компрометируют меня и Лизу. Но не факт. Бросить все и бежать? Но Лиза связала меня по рукам и ногам! Как бы ни складывались наши отношения, я не оставлю ее в беде».

Алексей швырнул окурок на тротуар. Перед глазами предстал образ Лизы в объятиях Шмита. Глебов сжал кулаки. Все внутри закипело от гнева. Когда же он вспомнил о представленном к Лизе филере, больше похожем на убийцу и маньяка, то ему стало не по себе. Он попытался взять себя в руки. Закурил очередную папироску, глубоко затянулся. «Нужно хорошенько все обдумать. Прежде, стоит расположить к себе Малышева – если он будет верить мне, поверит и Лопухин».

Экипаж остановился возле гостиницы. Глебов расплатился с извозчиком, выбрался из экипажа. Сделав затяжку, он швырнул окурок в мусорную урну и зашагал по лестнице. В фойе навстречу к нему кинулась Маргарет. Увидев ее встревоженное лицо, он отвел женщину в сторону от любопытных взглядов.

– Что случилось?

– О, Аликс! Где вы пропадали?! После того как вы ушли тогда, приходил Малышев. Он чуть не убил меня, когда понял, что мы его обманули!

– Он обидел вас? – Голос Глебова зазвучал грозно.

– Он чуть не придушил меня! О, Аликс, он заставил меня признаться во всем. Простите меня!

Глебов взглянул на Маргарет:

– Вы не виноваты.

– Он опасный человек, Аликс. Себе на уме. Будьте с ним осторожны!

Глебов усмехнулся:

– За меня не переживайте. Вы сами, Солнце мое, не увлекайтесь авантюрами и шпионскими играми. Это очень опасно. Я уже жалею о том, что втянул вас.

Маргарет признательно улыбнулась:

– Вы беспокоитесь за меня? Значит, вы не сердитесь на меня. Я этому несказанно рада.

Маклеод на мгновение чувственно коснулась его руки, затем отстранилась и сообщила:

– Еще, я хочу попроситься с вами, Аликс.

– Вы уезжаете?

Она кивнула:

– Да, можно и так сказать. Благодаря вам скоро состоится мой дебют. Поэтому я должна исчезнуть и появиться вновь, с новой легендой, чтобы разжечь к себе интерес публики... Я благодарю вас за этот шанс... и за прекрасное время, что мы провели вместе.

Глебов поцеловал ее ручку:

– Я вам тоже благодарен.

– Обещайте, что придете на мой дебют.

– Я не могу вам этого обещать.

Маклеод вздохнула, затем улыбнулась:

– Прощайте, Аликс. И будьте осторожны...

* * *

Распрощавшись с леди Маклеод, Алексей поднялся в номер. Когда он вошел, Малышев встал из кресла. В руках его был револьвер, дуло которого он навел на Глебова.

Бровь Алексея поползла вверх.

– Опять?! Я могу хотя бы закрыть дверь? – спросил он с усмешкой. Затем неторопливо закрыл ее и повернулся к Малышеву. – Чем вновь обязан столь теплому приему?

– Я предупреждал тебя, Глебов, – сквозь зубы процедил тот. На этот раз Малышев был настроен весьма решительно.

– О чем? Ах, да, да, помню, ты обещал прострелить мне голову.

Малышев промолчал.

– Я ничуть не сомневаюсь в твоей принципиальности, но здесь существует довольно весомое «но». – Алексей неторопливо снял пальто и повесил его на вешалку. Туда же отправился и шарф. – Позвольте, господин полицейский? – Он указал на стул, будто просил разрешения сесть. Так и не дождавшись ответа, усмехнулся, прошел и сел.

– Дело в том, – продолжил Алексей, – что вот в этой самой голове находится исключительно важные сведения, которые было бы невозможно получить, если бы некий пред-

ставленный ко мне сыщик постоянно мешался под ногами. Пристрелишь меня – ничего не узнаешь.

Малышев какое-то время размышлял. Наконец он убрал револьвер в кобуру.

– Рассказывай. – Он встал совсем рядом с Глебовым, так что тому пришлось приподнять голову, чтобы смотреть сыщику в лицо.

Алексей усмехнулся:

– Э, нет, господин полицейский. Так дело не пойдет. То, что я узнал – гарантия моей безопасности.

– Что ты узнал? – повторил с угрозой Малышев. Его внушительная широкоплечая фигура нависла над Глебовым.

Алексей с интересом наблюдал за ним. «Лопухин хорошо выдрессировал своего агента и тот подчиняется только его приказам. Перейдет ли Малышев грань дозволенного? Как только Лопухин получит свое, вполне возможно, что Малышев пустит меня в расход. Но, не сейчас».

– Хочешь знать, что я узнал? Хорошо, – ответил Алексей, неторопливо вынимая из кармана портсигар. Похлопал по карманам в поисках спичек. – Подкурить не найдется?

Малышев нахмурился, но Глебов не собирался говорить, пока не закурит – он кивнул в сторону столика, на котором лежал коробок.

– Спички.

Сыщик смерил его уничижительным взглядом, глаза его зловеще вспыхнули, однако он сделал шаг в сторону столи-

ка, взял спичечный коробок, подержал его в руках, затем неторопливо повернулся, прошел к Алексею. Недобро смотря ему в глаза, протянул спички. Глебов не спешил брать. Они вызывающе смотрели друг на друга, понимая – схватки не избежать. Алексей усмехнулся, достал папироску и всем видом показал, что ждет, когда ему подкурят.

Это стало последней каплей. Малышев сжал коробок в руке и занес кулак над Алексеем. Уклоняясь, Глебов поставил блок, однако удар вскользь прошелся по лицу. В одно мгновение Алексей оказался на ногах – стул упал, громко брякнув о пол.

Их взгляды вновь встретились. В следующий миг они бросились друг на друга. Завязалась ожесточенная драка. Бились неистово, яростно, нанося друг другу безжалостные удары, круша и переворачивая все, что оказалось на пути.

Малышеву все же удалось свалить Глебова на пол, он схватил его за горло и сжал. Алексей попытался разжать его руку, сдавившую глотку как тиски, но безуспешно. Он задыхался. Малышев мог праздновать победу, однако Глебов, что было сил, вдарил ему по ушам. Взревев от боли, Малышев ослабил хватку. Алексей резко ударил ладонью по его челюсти снизу вверх и опрокинул на спину. Пока Малышев, оглушенный болью, приходил в себя, Алексей, покачиваясь, встал на ноги.

– Это тебе за Маргарет, – прохрипел он.

Малышев приподнял голову. Перед глазами плыли цвет-

ные пятна. Он закрыл глаза, вновь открыл, коснулся рукой лица.

Глебов не унимался:

– И не только. Терпеть не могу легавых!

Он пропустил выпад сыщика – Малышев рванул его за ногу, и Алексей рухнул на пол. Как же больно! Глебов не сдержал вырвавшийся стон.

Силы иссякли у обоих. Алексей не в состоянии был подняться, да и Малышев прекратил попытки встать – тяжело дыша, он уставился в потолок. Затем проговорил:

– Как же мне хотелось набить тебе физиономию!

– Взаимно, – последовал ответ. Алексей, морщась, коснулся рукой плеча.

– Чего тебе в жизни не хватает? Голубая кровь – все на блюдечке с голубой каемочкой. Ан, нет – вор, мошенник, шулер!

– Тебе то что? – Глебов слегка подвигал больным плечом. Благо, обошлось ушибом.

– Тебе место – в тюрьме.

Алексей презрительно фыркнул.

– А ты филер и легавый! – Он с трудом, но поднялся. – Что же вы, такие «святые», явились ко мне и принудили на вас работать?

Малышев сел. Голова закружилась, а перед глазами вновь поплыли цветные пятна. Когда он посмотрел на Глебова, то увидел, что тот протягивает ему руку.

Алексей ждал. Наконец Малышев ухватился за его ладонь, и Алексей помог ему подняться.

Теперь они стояли напротив друг друга.

– Заключим перемирие, – сказал, наконец, сыщик. – Нам еще работать вместе.

– Согласен.

Алексей захромал к опрокинутому стулу, поставил, сел. Потер колено – старая травма, полученная год назад в результате произвола жандармов, после нынешней драки напомнила о себе.

Малышев, покачиваясь, прошел к умывальнику.

Тело Глебова предательски заболело от побоев, синяков и ссадин, он с трудом вздохнул.

– Надо выпить, – буркнул он себе под нос.

– Неплохо бы, – раздался голос Малышева. Алексей взглянул на него. Тот с осторожностью прикладывал полотенце к опухшему лицу, где на челюсти набухал багровый синяк, а на губе кровоточила рана. «Этот Малышев не так прост, и, по всей видимости, решил мне подыграть. Ну, что ж, господин полицейский, посмотрим, кто кого!»

– Было бы желание, а выпить всегда найдется, – осторожно произнес Алексей.

– Есть предложение?

Глебов не удержался от сарказма:

– Боже упаси, чтобы я пил по доброй воле с легавым!

– Мне тоже особо компанию выбирать не приходится.

Глебова ответ повеселил от души.

– Что ж, вноси предложения.

Малышев осторожно опустился на стул:

– Всегда хотелось побывать в «Мулен Руж».

Алексей засмеялся, что болезненно отдалось в ребрах.

– «Мулен Руж»! Ты растешь в моих глазах! Что ж, едем.

– Куда?

– В «Мулен Руж», конечно...

_16

* * *

– Добро пожаловать в «Мулен Руж» – карнавал жизни, атмосферу праздника, флер таинственности, красоты и порочности, – произнес Алексей, когда он и Малышев оказались в небезызвестном парижском кабаре.

В Мулен-Руже стоял разгул веселья: отплясывали сногшибательные красотки в перьях и блестках, гремела заводная музыка, вино лилось в бокалы нескончаемым потоком, шумела хмельная публика, одурманенная табачным дымом и абсентом⁶¹...

Спустя час Глебов и Малышев уже основательно были пьяны.

– Вот ты говоришь, потомок дворянского рода, – наклонившись к Малышеву, говорил подвыпивший Алексей, –

---

⁶¹ Абсент – крепкий алкогольный напиток, имеющий горький вкус и аромат полыни, фенхеля, аниса, мяты и других трав. Чаще всего изумрудного цвета. Благодаря этому получил прозвища «Зелёная фея» и «Зелёная ведьма».

Мой дед был младшим в семье – его уделом стала служба. Офицер Лейб-гвардии Гренадерского полка. Несмотря на заслуги, был сослан в Сибирь... Женился на инородке... Моя мать... матушка... карымка⁶² – вышла замуж за моего отца – приезжего чиновника...

Малышев плеснул абсент в стаканы, частично пролив мимо – на скатерть, попытался поставить на ободок ложечку, потом махнул рукой и поджег жидкость прямо в стаканах. Посмотрел на Глебова:

– Выпьем?

Алексей взглянул на пылающий напиток. Хмыкнул. Задув огоньки, выпили, и Алексей продолжил:

– Родители мои погибли... Я рос в приюте, пока меня не отыскал дед... А потом он отправил меня к своему брату – графу, у которого не было наследников... Понимаешь, мне этого не надо было, а дед меня отправил!

Малышев пьяно кивнул.

– Граф разорился, потом меня выгнали из университета... Ну а я, в один миг я оказался свободным, но голодным и без средств существования изгоем. А ты говоришь «дворянин – голубая кровь»!

– А моя мать – прачка, – сказал Малышев. Слова давались ему с трудом – заплетался язык. – Всю жизнь стирала, гла-

---

⁶² Прим. автора: В Забайкалье карымами называли потомков русских и бурят или тунгусов (эвенков), смешавшихся в браках. Слово имеет происхождение от монгольского «хари, харым» – чужой, инородный.

дила для господ. А я смотрел на них и думал, вырасту и буду жить не хуже, все для этого сделаю.

– Ну как, получается?

– Что получается?

– Жить не хуже?

– Сомневаешься? Я многого добился. У меня дом, жена, дочка. Мать обеспечил. К тому же, тс-с, – он приложил палец к губам и наклонился вперед, – я Мастер...

– Мастер?

– Что?

– Ты сказал, что ты мастер.

– Ах, да... Мастер своего дела...

Мальшев схватился руками за голову, потряс ею, затем посмотрел на Алексея:

– А ты, ты мастер своего дела?

– Какого?

– Воровского...

– Э, я не вор.

– Пардон! – Мальшев поднял руки. – Аф-ф... феристского.

– Сомневаешься?

Мальшев замолчал – можно сказать – глубоко задумался.

– Нет... В чем секрет?

– Секрет?

– Секрет твоих удач в аферах.

Глебов хмыкнул, наклонился вперед.

– Понимаешь, главное – это подобрать себе маску. Маску того человека, которому бы обыватель поверил.

– И все? Не сработает.

– Работает! Все гораздо проще, чем ты думаешь. Сейчас убедишься. – Алексей, огляделся, щелкнул пальцами в воздухе. – Гарсон!

К ним незамедлительно приблизился официант.

– Что желаете, месье?

– Счет.

– Сию минуту. – Официант удалился.

– Мы что уже уходим? – спросил Малышев. – Я еще не видел знаменитого канкана!

– Увидишь. Я хочу продемонстрировать тебе свое мастерство.

–?

Вернулся официант, протянул папку, с вложенным в нее счетом.

Глебов равнодушно взглянул на конечную цифру, раскрыл портмоне, полное крупных купюр – так, чтобы от официанта не укрылось его содержимое.

Затем зацепил двумя пальцами три купюры, значительно превышающую сумму счета, и посмотрел на официанта. Тот выпрямился в стойке смирно.

– Сдачи не надо. – Также смотря на него хмельным и барским ленивым взглядом, Глебов небрежным жестом вложил купюры в папку и протянул ее официанту. Тот растерялся

от столь значительных чаевых, взял папку, подобострастно раскланялся перед посетителями и собрался уходить.

Малышев смотрел на Глебова недоумевающе.

Алексей с ухмылкой пожал плечами, досчитал до трех, прежде чем к их столику примчался бледный как мел официант.

– Месье, произошла ошибка...

– Ошибка? – Глебов убийственным взглядом посмотрел на назойливого официанта.

Тот покачнулся, но папку раскрыл.

– Вы положили не те купюры...

– Разве? – Глебов уставился на деньги – три рублевые купюры – значительно меньшая сумма, чем они потратили на пьянку в кабаре. – Да, точно, так и есть, – согласился он, чем вызвал облегченный вздох официанта – тот, по-видимому, вообще не дышал до этого момента.

– Мы с приятелем решили еще немного задержаться. Приноси-ка бутылочку отличного вина. А деньги оставь себе – чаевыми.

Официант поблагодарил и удалился.

– Я и не заметил, когда ты подменил деньги, – признался Малышев. Он даже немного протрезвел. – Ловкость рук!

– Не только. Я заставил парня поверить в то, что я богатый пьяный кутила, дающий хорошие чаевые... А вот и канкан!

Они уставились, впрочем, как и все остальные мужчины, на сцену. Фирменный танец «Мулен-Руж» в исполнении

сногсшибательных девиц, задирающих длинные ноги «до потолка», на некоторое время отвлек Глебова и Малышева от разговора.

Пришел официант, расставил чистые бокалы, вскрыл принесенную бутылку вина... Когда он уходил, перед их столиком возникли две танцовщицы. Алексей поднял голову и расплылся в улыбке.

– О, Рэйон д'Ор⁶³! Светлый лучик в темной царстве моей жизни!

– Я вижу, ты вернулся, Аликс! – сказала она. – Что привело тебя в Париж?

– Какими бы не были причины, которые привели меня в Париж, важно лишь одно – я вновь упиваюсь зрелищем твоих прекрасных ножек, моя дорогая! – Алексей поймал девушку за руку и усадил к себе на колени.

– Лгунишка, – произнесла она, игриво проводя пальчиком по его щеке и губам. – Ты совсем не смотрел в мою сторону, когда я выступала.

– Устроишь мне личный показ? – пробормотал Алексей в ответ, нахально улыбаясь.

– Я подумаю, – Рейон игриво улыбалась, затем обернулась к своей подруге.

– Это Мелинит, моя подруга, – представила она. – Садись, Мели, господа угостят нас шампанским.

Яркая девица устремила свой томный взгляд на Малыше-

---

⁶³ Прим. автора: Золотой луч (фр.).

ва, который был не в состоянии не пялиться на ее полуогоренную грудь.

Она улыбнулась ему и села рядом.

– Вечер обещает быть интересным, – заметил с ухмылкой Глебов и подал знак официанту. – Гарсон, шампанского!

* * *

Спустя час парочки встали из-за стола, готовые покинуть кабаре. И тут случилось непредвиденное: на входе появилось трое парней, озирающихся по сторонам – они заметили Рейон, затем узнали Алексея.

В одно мгновение девицы исчезли, оставив кавалеров одних.

– Ну, что же, здравствуй, Ал, – произнес один из парней, подходя к Глебову поближе.

– Жан. – Алексей сразу стал серьезным, весь подобрался. Встреча не предвещала ничего хорошего.

– Решил изменить облик? Думал, тебе это поможет? – Жан с ухмылкой рассматривал Глебова.

– Рейон меня сдала?

Парень почесал подбородок, ехидно ослабившись.

– А ты думал, что по-прежнему неотразим для девиц?

– Уверен. – Алексей колко ухмыльнулся.

Видимо, такое заявление о чем-то напомнило Жану – он немедленно изменился в лице.

– Ну, всё, хватит разговоров! Ты пойдешь с нами!

– Это плохая идея? – поинтересовался Малышев, стоявший рядом.

– Несомненно, – ответил ему Алексей. Его несколько успокоило то, что Малышев был не так пьян, как казалось несколько минут назад.

– Хватит болтать! – Жан протянул руку, желая схватить Глебова, но Алексей мгновенно вывернул ему кисть. Жан взвыл от боли. Его головорезы кинулись к ним.

Алексей пихнул Жана в их сторону, и они чуть не рухнули под его тяжестью.

– Уходим! – крикнул он Малышеву, кинувшись к выходу. Однако и тут их ждали – перед ними возникли еще два амбала. Отступить было некуда – позади возникли разъяренные Жан и его приятели.

Алексей и Малышев заняли оборонительную позицию, стоя спина к спине. Их покачивало, особенно Малышева – все-таки они были пьяны, однако без боя сдаваться не собирались.

Банда окружила их со всех сторон, готовясь кинуться в любой миг.

– Ну, держись, приятель, – произнес Алексей.

– Валите их, ребята! – сквозь зубы скомандовал Жан, парни кинулись... и тут раздался выстрел.

Свора отступила.

– Стоять! Пристрелю первого же, кто двинется! – заорал Малышев, в руках которого мгновение назад возник револь-

вер.

Наступила тишина во всем кабаре. Стихла музыка и смех. Все устали на них.

Нарушил напряженную тишину резкий звук полицейского свистка.

Банда метнулась врассыпную.

– Легавые! Уходим! – крикнул Алексей и бросился к черному ходу. Малышев последовал за ним.

* * *

Малышев с трудом разлепил опухшие глаза и осмотрелся. Поднялся с кровати, заглянул в комнату Алексея, вернулся в гостиную и плюхнулся на диван. Глебова нигде не было.

– Черт, – выругался он, потирая лицо. Побег Глебова грозил кучей неприятностей...

Однако, к его облегчению, входная дверь открылась, и на пороге с бумажным пакетом в руках появился Алексей. Он прошел в комнату, поставил пакет на стол.

«Свеж и подтянут, будто не было ни драки, ни ночной попойки», – отметил про себя Малышев с долей раздражения.

– Доброе утро. – Алексей кинул оценивающий взгляд на сыщика.

– Кому как, – отозвался тот хриплым голосом. Кашлянул в кулак.

Глебов неопределенно кивнул, подумав о том, где ему пришлось сегодня побывать.

– Точно подмечено, – буркнул он себе под нос.

В комнату постучались, Алексей разрешил войти, и на пороге возникла служанка с подносом в руках. Поставив кофейник с чашечками на стол, молочницу и сахарницу, она сделала книксен⁶⁴ и удалилась.

– Тебе кофе с коньяком? – спросил Глебов, видя плачевное состояние Малышева. Сейчас ему был нужен сыщик с ясной трезвомыслящей головой.

– Без, – отозвался тот.

– Без коньяка?

– Без кофе.

Алексей вздохнул.

– Шутишь, значит не все так плохо, – заметил он, разливая кофе по чашкам. Молча принялся завтракать.

Малышев сел на соседний стул.

– Где был? – спросил он.

– Да так, «пригласили» с утра в одно место.

– Кто?

– Те самые, с которыми вчера столкнулись в кабаре.

Малышев некоторое время молча смотрел на Алексея, мирно поглощающего хрустящий круассан, намазанный сливочным маслом. Булочки были еще горячими – масло быстро таяло на них. Но, несмотря на мнимое спокойствие Глебова, Малышев понимал – обстоятельства складываются скверно.

---

⁶⁴ Книксен – почтительный женский поклон с легким приседанием.

– Твои знакомые не представились, – наконец сказал он. –

Что они хотели?

Глебов вздохнул:

– Учитывая род деятельности, которой я занимался год назад, можно и догадаться – я не только круассанами наслаждался, когда был в Париже.

– Ты их провел?

– Мягко сказано.

Алексей не пожелал вдаваться в подробности, Малышев не стал настаивать.

– Так они нас все-таки выследили, – сказал он.

Глебов кивнул:

– Да, а утром я невольно побывал у Валета – главаря их банды. Валет считает, что ты и я готовимся провернуть аферу. И посему предпочел получить отступные.

– Сколько?

– Сорок тысяч франков⁶⁵.

Малышев, нахмурившись, промолчал. Алексей сделал еще пару глотков кофе и сказал:

– Если Валет верит в то, что мы хотим кого-то кинуть, то мы кинем.

Малышев откинулся на спинку стула, затем категорично заявил:

– Я не намерен нарушать закон.

---

⁶⁵ Прим. автора: Сумма составляет чуть более 15 тысяч рублей (в начале XX века 1 рубль = 2,66 франка).

Алексей бросил на него недобрый взгляд, сделал еще глоток кофе.

– Воля твоя, – ответил он, пожимая плечами. – Значит, умрешь законопослушным подданным Его Величества. Они не выпустят нас из города.

Малышев покрутил чашку на блюдечке, затем оттолкнул блюдце с чашкой в сторону. Некоторое время оба молчали.

– Уж лучше пусть думают, что мы хотим кого-то ограбить, чем узнают, чем мы тут на самом деле занимаемся, – наконец сказал он.

Алексей хмыкнул:

– Рад, что ты можешь думать здраво.

Малышев пропустил его сарказм мимо ушей:

– Есть идеи?

– Да, есть некоторые задумки. – Глебов закончил завтрак. Коснулся салфеткой губ. Бросил ее на край стола и откинулся на спинку стула. – Скажи, сколько департамент платит Азефу за сведения?

Малышева вопрос Алексея озадачил.

– Не так уж много, если ты его собрался обобщать.

– Тогда откуда у него такие деньги – он тайком от всех кутит, спускает деньги в рулетку, тратит на роскошные драгоценности для своей любовницы, снимает ей дом?

Малышев вздохнул:

– Я уже думал об этом.

– Что скажешь?

– Предполагаю, что Азеф не просто рядовой член партии эсеров, как думают в департаменте. Он один из ее лидеров.

– И имеет доступ к партийным деньгам, – закончил за Малышева Глебов. – Он оперирует крупными денежными средствами партии, часть которых оседает в его карманах.

– Ты считаешь, что сможешь заставить его воспользоваться партийной казной?

– Да. И я не сомневаюсь, что он воспользуется своей любимой копилкой. – Алексей усмехнулся. – Да и ты не запятнаешь честь мундира. Лишив эсеров с их террористической организацией значительных денежных средств, ты даже исполнишь долг перед Отечеством.

Малышев сурово нахмурился.

Тем временем Глебов добавил уже без шуток:

– Возможно, так мы даже сорвем планы Азефа.

Малышев внимательно с прищуром посмотрел на Глебова.

– А ты ведь многого не договариваешь.

– И ты тоже, – парировал Алексей. Однако Малышев молча ждал разъяснений.

– Ну, хорошо, – пошел на уступки Глебов. – У Азефа в планах крупный террористический акт – совершить взрывы в Петербургском департаменте полиции.

– Нонсенс, – в голосе Малышева прозвучало недоверие. – Откуда ты это узнал?

– Сорока на хвосте принесла, – съязвил Глебов.

– А ты меня не пытаешься провести?

Алексей усмехнулся, наклонился к агенту.

– Была, конечно, у меня такая идея: кинуть тебя и твоего хозяина – господина Лопухина. Да вот только много козырей у вас на руках.

Малышев молчал.

Глебов выпрямился:

– Ты в деле или нет?

– В деле. Излагай.

_17

* * *

Как обычно, ранним утром Любовь Григорьевна Азеф – небольшая, стриженная женщина в легких веснушках, и ее шестилетний сынишка Миша пили чай. Мальчик увлеченно облизывал леденец, полученный от матери за полностью скушанную кашу, а Любовь Григорьевна с обожанием смотрела на свое чадо, придерживая чашечку чая у рта.

Во входную дверь позвонили, женщина встрепенулась, затем неторопливо поставила чашку на блюдце и вышла. Когда она вернулась с утренней газетой в руках, то увидела, что ее сын уже успел перемазаться липким леденцом, стараясь прилепить его к своей щеке. Леденец на пару секунд прилип, затем соскользнул с щеки. Миша засмеялся и вновь повторил попытку.

Любовь Григорьевна с улыбкой покачала головой, положила газету на комод и подошла к сыну.

– Ах, глупышка, глупышка, – она обтерла маленькие, грязные пальцы и выставленные губы ребенка.

В комнату вошел Евно, кинул на них взгляд, потрепал сына по волосам и сел за стол. Любовь Григорьевна оставила Мишу в покое, проворно расставила перед супругом посуду, налила чай.

– Где газета? – слегка раздраженно напомнил Азеф.

Любовь Григорьевна тотчас подала ему газету, которую он тут же развернул, и погладила мужа по большому плечу.

Как и супруг, Любовь Григорьевна состояла в ПСР⁶⁶, но активной роли там не играла, потому что не хотел Евно. Никто из товарищей даже не догадывался, что читанный Азефом доклад «Борьба за индивидуальность по Михайловскому», который все партийцы встретили с одобрением, писала ему она. Но Любовь Григорьевна об этом не жалела – лишь бы все шло впрок супругу...

Чтобы не мешать мужу, она отошла к сыну, а Азеф, отхлебнув чаю, пробежался глазами по заголовкам.

На первой странице была помещена статья под броским названием «Правительство США намерено конфисковать имущество политика Смита на сумму 20 миллионов долларов⁶⁷». Газета сообщала, что американский политик Генри Смит нажил имущество, злоупотребляя своим должност-

---

⁶⁶ ПСР – партия социал-революционеров.

⁶⁷ Прим. автора: Курс русского рубля к американскому доллару в 1905 году был 1 к 1,95.

ным положением. Федеральные службы проводят расследование, однако сам Смит не может быть призван к ответу, так как скоропостижно скончался. На имущество Смита наложен арест. По предварительным оценкам, семья Генри Смита – его наследники лишатся имущества в размере 20 миллионов долларов США.

Азеф вздохнул, с завистью представив, какую жизнь можно вести, имея такие деньги, и принялся за чтение другой статьи. Можно сказать, что он забыл о статье, но лишь до следующего происшествия, которое произошло в этот же день.

Днем, как обычно, Евно Азеф зашел в кафе «Роше». За соседним столиком сидели два джентльмена, одетых с иголочки, с дорогими швейцарскими часами на запястьях. Пили кофе. Один из них подозвал мальчишку-продавца, предлагающего газеты, приобрел одну и, развернув, обратился к своему знакомому.

– Макс, газетчики опять упоминают вашу семью. Сожалею, – произнес он сочувственно.

– Что на этот раз, Аликс? – резко произнес его собеседник с явным акцентом, да так громко, что привлек внимание окружающих, в том числе и Азефа. Джентльмены замолчали, пока не убедились, что посетители кафе вернулись к своим занятиям.

– «Правительство США намерено конфисковать имущество политика Смита на сумму 20 миллионов долларов», – понизив голос, прочитал Аликс.

Макс выругался по-английски.

– Отец умер, не перенеся травлю, устроенную против него, а власти решительно настроены разорить мою семью. Они не оставят нам и цента!

– Нужно срочно действовать, Макс. Есть один способ... Нужно только подыскать надежного международного партнера, который согласился бы сотрудничать с нами и содействовать выведению миллионов вашей семьи из страны.

– Двенадцати миллионов долларов США наличными? – Американец нервно пощелкал костяшками пальцев.

– Да, тех самых наличных, которые вам приходится скрывать.

– Эти деньги принадлежали моему покойному отцу, и, соответственно, принадлежат семье!

– Я ни в коей мере не оспариваю ваше право, Макс. Однако долго скрывать такую наличность в Америке вам не удастся.

Смит вновь пощелкал пальцами.

– Мы вынуждены скрывать. Ведь швейцарское правительство заморозило все счета семьи в швейцарских банках, и официальные лица ряда других стран выразили намерение последовать примеру Швейцарии.

– Именно поэтому необходимо вывести деньги в другую страну. Я бы вам посоветовал вывести капитал в Россию. Эта страна не столь щепетильна, если дело дойдет до требования правительства США вернуть деньги.

– Значит, нам нужен надежный человек – подданный России, – произнес Смит. – У меня так мало времени – власти вот-вот нас разорят! Я готов хорошо заплатить такому человеку. Не жаль отдать десять процентов от той суммы, что оставил отец. Это, по крайней мере, спасет мою семью от нищеты!

– Я постараюсь найти такого человека, – пообещал Аликс, и в этот момент Азеф решительно подошел к их столику.

– Прошу прощения, месье, что вмешиваюсь, – заговорил он, – но я невольно услышал ваш разговор.

Максимилиан и Аликс переглянулись, затем с подозрением уставились на него.

– Позвольте? – Он кивнул на свободный стул за их столиком. Затем сел, от чего стул страдальчески заскрипел под его тяжестью. – Разрешите представиться, меня зовут Евно Фишеливич Азеф, я подданный России. Думаю, я могу быть вам полезен.

Мистер Смит окинул Азефа недоверчивым взглядом и надменно уставился на него.

– Не думаю, что это хорошая идея. Мы не берем людей с улицы, – заявил он.

Аликс положил ладонь на его локоть:

– Прошу, успокойтесь, Максимилиан. Будьте благоразумны. – Он повернулся к Азефу. – Месье... Азеф, не так ли? Мы, конечно же, благодарны вам за то, что вы желаете оказать нам услугу. Но поймите, не каждый подойдет под эту

роль. Мы вас совсем не знаем. Кто вы и чем вы занимаетесь.

– Я инженер крупной электрической компании. И у меня есть довольно влиятельные знакомые в России, – заявил Азеф. Наследник крупного состояния ему не понравился – импульсивный глуповатый мужчина вызывал у него неприятное чувство.

– Это плохая идея, – вновь сказал Максимилиан и поднялся. – Я ухожу, Аликс. К вечеру жду от вас новостей. – И он удалился.

Азеф, раздраженный до глубины души, поднялся со стула.

– Подождите, месье Азеф, – остановил его Аликс, – прошу вас, сядьте.

Когда Азеф сел, он продолжил:

– Я прошу прощения за своего друга, месье Азеф. Он находится в очень сложной ситуации, и кидаться в крайности в таком деле, как вы понимаете, не позволительно. Я вижу, вы человек честный и положительный, и потому прошу вас, сохраните конфиденциальность информации, которую вы сегодня услышали. Никто не должен знать, что наследник промышленника-монополиста Смита находится здесь, во Франции. В знак признательности, я хочу оплатить ваш обед, месье. – Аликс подзвал жестом официанта и попросил счет, распорядившись внести в него оплату и за обед Азефа.

* * *

На следующий день Азеф получил письмо от некоего

Аликса де Го. Раскрыв его, Евно сразу понял, от кого оно пришло.

«Дорогой месье Азеф», – говорилось в письме, – «Я очень надеюсь, что мое письмо не причинит Вам никаких неудобств. Ваш адрес я получил от своего хорошего друга, который работает в русском посольстве. Еще раз прошу прощения за вмешательство в Вашу частную жизнь и за беспокойство. А также прошу прощение за то недоверие, которое мы выказали вам вчера. Получив от вас некоторую информацию о себе, я имел наглость навестить о вас справку. Скажу вам честно, вы зарекомендовали себя в обществе с самой лучшей стороны – как человек честный и принципиальный. И, к слову, мистер М. Смит приносит вам свои извинения за грубость, но не сможет принести вам их лично – по срочному делу он отбывает из столицы.

Как вы уже знаете, меня зовут Александр де Го, я представляю интересы мистера Максимилиана Смита, сына скандально известного промышленника и политика США (если вас интересует информация о нем, вы можете ознакомиться с ней в американских газетах).

Мистер Смит скончался полгода назад, и с тех пор его семья несет существенные финансовые потери из-за мстительной политики властей. В связи с этим семья Смит обратилась ко мне с просьбой подыскать надежного международного партнера, который согласился бы сотрудничать с нами и содействовать выведению из страны двенадцати

миллионов долларов США, находящихся в настоящее время в распоряжении наследников. Эти деньги принадлежали покойному политику и хранятся семьей в секретном месте. Швейцарское правительство уже заморозило все счета семьи Смит в швейцарских банках, а официальные лица ряда других стран выразили намерение последовать примеру Швейцарии. Именно поэтому мы вынуждены просить Вас оказать содействие по вывозу капитала, а также дальнейшей инвестиции денег в интересах семьи.

Сделка будет носить характер совместного предприятия, и нам потребуются высокий уровень координации усилий. Все деньги представлены в форме наличности, поэтому очень важно принять дополнительные меры безопасности, чтобы предотвратить их кражу либо захват.

Я уже полностью разработал план действий. Без всякого сомнения, выведение денег следует осуществлять поэтапно. Первый транш составит 7 000 000 (семь миллионов) долларов США. Мои клиенты высказали пожелание предоставить Вам за оказанные услуги разумный процент этой суммы по завершению сделки. Думаю, будет целесообразно, если мы с самого начала обсудим Вашу долю.

Я готов выслушать Ваши пожелания. Сразу после этого предоставляю Вам все подробности сделки, необходимые для ее успешного проведения.

Прошу Вас не испытывать никаких сомнений по части безопасности нашей совместной работы: все меры предо-

сторожности будут своевременно приняты, поэтому я могу гарантировать Вам успех мероприятия. Однако должен обратить Ваше внимание на необходимость соблюдения абсолютной конфиденциальности нашей сделки до момента окончательного выведения капитала из Штатов.

Если Вас заинтересовало наше предложение, пожалуйста, сообщите мне о своем согласии оказать содействие моему клиенту.

В случае отсутствия интереса прошу Вас оценить степень доверия, которое мы Вам оказали, и не предавать огласке содержание настоящего письма.

С надеждой на дальнейшее сотрудничество и благодарностью, Аликс де Го»

Далее был указан адрес, по которому Азеф мог, при желании, обратиться.

Азеф еще раз перечитал письмо и вслух повторил сумму, которая заставила его задрожать.

* * *

Для проведения аферы Глебов и Малышев сняли дорого меблированный домик в престижном местечке Парижа. Пришлось немного обновить гардероб, изменить внешность. Малышев нехотя, но исполнил роль богатого наследника мистера Смита. Ключевая роль досталась Алексею. Именно он, как доверенное лицо богатого семейства, должен был вступить в контакт с Азефом.

– Существуют пять основных условий предпринимательской аферы, которым необходимо следовать, – объяснял Алексей Малышеву, собираясь на назначенную встречу с Азефом. – Первое, наличие псевдо-документации – статей в газетах, деловых писем. Зная, какую газету по утрам читает Азеф, мы сделали так, чтобы написанная мной статья попала в эту газету. Присланное же ему письмо было основательно продуманно – в скромном послании было заложено много ценной информации.

Малышев присел на край подоконника, сложил руки на груди.

– Каково второе условие?

– Второе условие, наличие рекомендаций и элитарность, – Алексей застегнул запонки и поправил галстук. – Подлинный смысл рекомендаций в афере всегда один: раздуть самолюбие жертвы, дать ей почувствовать собственную важность, которая ставила бы ее вровень с такими богатыми людьми, как вы, «мистер Смит»... Третье условие, умопомрачительные суммы сделок. Никогда аферы не делаются ради десятка-другого долларов, фунтов и тому подобного. Чем больше нулей, тем охотнее жертва попадает на удочку.

Алексей взял тросточку и повертел в руке.

– Четвертое условие, акцент на не легитимность сделки. В афере всегда подчеркивается пикантность ситуации, ее закрытость и та или иная степень незаконности. Деньги Смитов хранятся в «секретном месте», главное в сделке – «со-

хранение ее конфиденциальности».

– Создать иллюзию «отмывания денег»? Расчет делается на то, что жертва, когда поймет, что ее обманули, не обратится в органы правопорядка из-за страха оказаться соучастником противозаконного деяния.

– Так и есть, – Алексей оперся на палочку, по-франтовски скрестив ноги и уткнув носок остроносой обуви в пол. – И, наконец, пятое условие – малые усилия.

– Гарантия того, что жертве не придется прилагать много усилий для выполнения поставленной перед ней задачи.

Глебов кивнул:

– Это условие даже обязательно, поскольку в сети мошенников попадает люди не столько глупые, сколь ленивые. Поэтому-то Аликс де Го настойчиво повторяет в письме, что вся операция им уже продумана и рассчитана до малейших деталей, так что от Азефа потребуются всего ничего: определить свою долю в прибыли и выполнить кое-какие необременительные телодвижения. – Алексей сделал тростью круг в воздухе.

– Хитро. Но Азеф не так прост.

Глебов улыбнулся:

– От этого игра еще интересней...

* * *

Аликс де Го, увидев приближающегося Азефа, встал и с приветственной улыбкой протянул ему руку.

– Здравствуйте, месье Азеф.

Евно ответил на приветствие, де Го учтиво предложил ему присесть. Когда мужчины расположились за столом, де Го заговорил:

– Благодарю вас, месье Азеф, за проявленное желание оказать нам помощь. Мы планируем депонировать⁶⁸ оговоренную сумму денег в авуары⁶⁹ одной крупной русской компании. Я подготовлю депозитарный сертификат на ваше имя, а также сообщу координаты человека в России, ответственного за транспортировку груза. Вам нужно связаться с ним по телеграфу. Пожалуйста, сообщите мне о себе данные, а также ваше полное имя, чтобы я мог правильно заполнить документы.

Он вынул из портфеля бумаги, которые протянул Азефу. Пока тот записывал данные о себе, Аликс продолжил говорить:

– Еще раз хочу заверить вас в полной безопасности нашей сделки, месье, – все документы будут подготовлены в должном порядке, поэтому вам не о чем беспокоиться. Мы решили отблагодарить вас суммой, составляющей десять процентов от общей величины сделки. Наш интерес составит восемьдесят процентов, и десять процентов будут выделены в специальный фонд на покрытие прямых расходов обеих сто-

---

⁶⁸ Депонировать – передать на хранение.

⁶⁹ Авуары – денежные средства, активы, которыми можно производить платежи и погашать финансовые обязательства.

рон, которые могут возникнуть в процессе выполнения сделки: телефонные и телеграфные счета, транспортные расходы и тому подобное.

Азеф кивнул. Его глаза алчно загорелись.

Аликс продолжил:

– Мне необходимо получить ваши банковские реквизиты, месье Азеф, чтобы обозначить их в нашем договоре для последующего перевода на ваш счет обусловленной компенсации. Текст договора я вышлю вам с посылным сегодня вечером. Вам надлежит ознакомиться с его содержанием, подписать и выслать обратно.

Евно нахмурился. Сказанное де Го ему не понравилось. Ведь после того, как он подпишет соглашение, у де Го на руках окажется копия его подписи, каковую можно использовать для любой незаконной операции с его банковским счетом, коий он также должен был сообщить.

Алексей же с удовлетворением отметил про себя, что Азеф попался на уловку: запрос подписи на договоре – это был так называемый ложный след, сосредотачивающий внимание Азефа на вещах, по сути, не столь важных.

– Здесь есть определенный риск для меня, – заявил Евно.

Аликс де Го изобразил удивление, затем мило, снисходительно улыбнувшись, сказал:

– Ну что вы, месье Азеф, ни в коей мере! Но все же, если вас беспокоит данное обстоятельство, я обсужу его с мистром Смитом. Сегодня же отправлю ему телеграмму и, воз-

можно, он изменит некие условия.

На этом они и распрощались.

На следующий день вновь состоялась встреча. Де Го опоздал, но явился воодушевленный и оптимистично настроенный. После обмена приветствиями он сообщил:

– Мне удалось обо всем договориться, месье Азеф, так что вам больше нет нужды подписывать соглашение – как только деньги будут доставлены в Россию, вам нужно будет приехать в эту страну и собственноручно подписать отпускной ордер, что произойдет в присутствии независимого нотариуса. Расходы на нотариальное заверение будут, как мы уже говорили ранее, покрыты из специального фонда.

– Меня это устраивает, – Азеф кивнул.

Де Го смотрел на него, улыбаясь. Если вчера он намеренно пошатнул доверие Азефа, то сегодня он своим сообщением развеял страхи и сомнения жертвы. Однако Алексей не доверял Евно – тот явно продумывал способ, как нагреть глупого америкашку Смита и его поверенного де Го.

– У меня для вас замечательные новости, месье Азеф. Вчера мне удалось, наконец, оформить депозитарный сертификат, так что в самом ближайшем времени сделка придет к успешному завершению, и мы все сможем вздохнуть с облегчением.

– Замечательно.

Аликс де Го кивнул и продолжил:

– Однако возникают некоторые сложности, месье Азеф.

Как вы знаете, мистер Смит уехал и на данный момент не имеет возможности вернуться в Париж. У меня же осталась совсем небольшая сумма из оставленных мистером Смитом денег. Мне пришлось наличными заплатить за сертификат, сегодня предстоит заверить аффидевит⁷⁰ на ваше имя в суде. Предстоят еще некоторые расходы, связанные с оформлением документов – для ускорения дела приходится оказывать финансовую помощь госслужащим... – де Го сделал своеобразный жест – потер большим пальцем средний и указательный пальцы. – Вы меня понимаете?..

Евно стушевался, а его собеседник продолжил:

– Нам придется ждать возвращения мистера Смита или же найти необходимую сумму сейчас и не терять время на ожидание.

Азеф напряженно молчал. Алексей решил его подтолкнуть:

– Из последней телеграммы мистера Смита, я понял, что власти намерены конфисковать имущество Смитов. Если мы не сможем вывести деньги из страны, то все наши усилия пойдут прахом.

– Какая сумма вам необходима, месье де Го?

Аликс назвал сумму, отчего Азеф запыхтел:

– Это большие деньги!

---

⁷⁰ Аффидевит (экон.) – нотариально заверенное показание или заявление, подтверждающее факт владения ценными бумагами и объясняющее способы их приобретения.

Де Го вздохнул:

– Ну, что же, будем ожидать средств от мистера Смита...

Азеф беспокойно заерзал на стуле. Стул опасно закрипел, а де Го замолчал.

– Я дам вам необходимую сумму, – выдавил из себя Евно, – но при условии, что вы гарантируете мне возврат.

– Несомненно, месье Азеф. Ведь десять процентов капитала Смитов выделены в фонд на покрытие прямых расходов обеих сторон. Вы сможете получить ваши деньги из этого фонда, когда деньги будут перечислены на специальный счет, – заверил его де Го.

– Мне нужна расписка, – потребовал Евно.

Де Го осторожно кивнул.

– Справедливо. Что ж, месье Азеф, мы увидимся с вами пополудни здесь же. Вы привезете деньги, а я передам вам расписку...

В полдень Азеф привез необходимую сумму, а де Го передал ему расписку, которую Евно принялся досконально изучать. Аликс ловко просчитал скрепленные в пачку купюры и положил в портфель.

– Теперь мы сможем полностью подготовить всю документацию, необходимую для перевода денег в Россию, – произнес он.

Азеф взглянул на портфель, сложил расписку пополам и аккуратно положил во внутренний карман.

Они пожали друг другу руки и на этом распрощались.

Азеф увидел де Го, сидящего на высоком стуле возле барной стойки, и поначалу не узнал этого, как ему казалось, оптимистичного господина. Де Го был пьян. Не просто пьян, а пьян в стельку, вдрабадан. Одежда его была неопрятной, галстук съехал набок, на манжетах отсутствовали бриллиантовые запонки, которые Евно видел у него несколько раз, а взлохмаченные волосы напоминали гнездо нерадивой птицы.

В полнейшем недоумении Азеф подошел к нему и остановился рядом. Пьяный де Го даже не заметил его, хотя не заметить грузного Азефа было невозможно. По крайней мере, вменяемому человеку, но Аликс де Го к разряду «вменяемых» сейчас не относился. Между тем тот смотрел на свой пустой бокал и продолжал донимать бармена.

– Жак, ты понимаешь... Казино... Казино это такая штука... Зашел и п-фу, – он развел руки, как фокусник, – всё – денег нет! Я все проиграл, ты понимаешь, все... Даже запонки... Я банкрот!

– Месье де Го! – окликнул его раздраженный Азеф.

Де Го повернул голову, некоторое время непонимающе смотрел на Евно, затем на его лице расплылась пьяная улыбка:

– Ба, месье Азеф!

Затем лицо де Го сморщилось, он отвернулся, плечи его

дрогнули и он заплакал.

– Перестаньте, де Го. На вас смотрят! – сквозь зубы прошипел Евно. – Пойдемте. – Он подхватил Аликса под руку и бесцеремонно увел в укромный тихий уголок помещения – подальше от посторонних глаз. И тут же накинулся на него с расспросами:

– Потрудитесь объяснить мне, что происходит!

– Что происходит? Меня посадят, вот что происходит! Денег больше нет: моих, ваших, тех, что дал Максимилиан! Ничего нет!

– Вы проигрались! – прогромыхал Евно.

– Вы даже не представляете, на сколько! – Аликс схватился за голову.

– Вы, низкий мерзкий букашка, верните мне мои деньги! – завопил Азеф.

Де Го уставился на него остекленевшими глазами.

– Но у меня нет денег. Нет! Нет ничего! – Он вновь схватился за голову.

Азеф разъяренно накинулся на него, схватил за грудки, прижал к стене. Де Го смотрел на него все такими же шальными глазами.

– Я хотел выиграть деньги... Вернуть долги... Если бы у меня было сорок тысяч, я смог бы заполучить деньги Смитов... – будто в бреду сознавался он.

– Ты хотел обокрасть Смитов?

– Обокрасть? Они обворовывали своих же соотечествен-

ников. Роскошествовали на эти деньги! Хватит им жировать, пусть поживут, как все! Думаете, Макс Смит заслуживает эти деньги? Он глуп, бездарен, жаден! Такие же – всё семейство Смитов! Они не заслуживают этих денег! А я могу воспользоваться ими достойно! Если бы у меня было сорок тысяч... тогда я смог бы оформить документы так, что все досталось бы мне! Нет, нам! Нам, месье Азеф! Двенадцать миллионов! Двенадцать! Но ни у меня, ни у вас нет сорока тысяч! Мы всегда будем бедными! А я окажусь в тюрьме. Через день-другой меня арестуют и деньги уйдут навсегда. А ведь был шанс! Нужно всего лишь сорок тысяч...

Азеф отпустил де Го. Он лихорадочно думал.

– У меня есть такая сумма, – сказал он.

Де Го поднял голову и посмотрел на него с надеждой, затем его взгляд потух.

– Невозможно.

– У меня действительно есть такая сумма.

– Если так... Я могу сделать вас богатым!

– Где гарантии?

Де Го лихорадочно думал.

– Максимилиан Смит мне доверяет. Я его официальное доверенное лицо. Я передам вам часть очень ценных бумаг, и мы вместе будем владеть целым состоянием, которое заберем у Смитов... Мы получим все деньги, месье Азеф, все деньги Смитов! – убеждал де Го, взяв Азефа за плечи и смотря ему в глаза. И Азеф поверил. Поверил, что так и будет.

Он увидел себя миллионером, которому уже ничего не надо бояться: не надо лгать эсерам и полиции, и опасаться, что либо те, либо другие отмстят за предательство.

– Думаете, я поверю такому мошеннику, как вы? – Азеф презрительно рассмеялся. Затем заявил:

– Завтра я приеду в ваш дом с деньгами. Со мной будет нотариус. Не вздумайте меня обмануть!

* * *

Азеф явился в полдень вместе с щуплым нотариусом. При нем была нужная сумма.

– Месье Густав проверит документы и составит договор. Деньги должны быть переправлены на мой счет в российский банк.

– Э, нет, месье Азеф. Мы откроем общий счет и сможем снять с него деньги только вместе! – заявил де Го.

– Я хотел бы взглянуть на документы, – отметил нотариус. Де Го и Азеф посмотрели на почтенного старичка.

– Конечно, месье, – ответил де Го. – Надеюсь, месье Азеф сказал вам, насколько все происходящее конфиденциально.

– Да, месье.

Аликс де Го расстегнул портфель и вынул папку с документами.

– Я хотел бы видеть деньги, – заявил он, не выпуская папку из рук.

Азеф открыл саквояж.

– Позвольте, – Аликс аккуратно вынул из саквояжа пачку банкнот и, убедившись, что это не кукла⁷¹, кивнул. Затем передал нотариусу документы.

Месье Густав расположился за столом, поправил очки на носу и открыл папку.

– Что здесь происходит?! – раздался громогласный голос позади, все обернулись и в дверном проеме увидели крупную высокую фигуру Максимилиана Смита.

– Максимилиан? – изумился де Го, и в его глазах отразилась паника. – Но ты же...

– Что здесь происходит, черт возьми! – повторил Смит, и, не дождавшись ответа, прошел к столу. Быстро перебрав документы, он посмотрел на де Го. – Вы решили меня обокрасть?! – завопил он, сметая документы со стола.

Нотариус поспешно вскочил на худые ножки, сжимая в руках свой портфельчик.

Смит грозно и гневно посмотрел на него.

– Вы кто? Уходите прочь! Вон!!!

Старикашка поспешно юркнул к выходу.

Смит смерил гневным взглядом Азефа, затем де Го.

– Как ты мог, Аликс? Ты был моим другом все эти годы!

– Другом? – Де Го нехорошо, не по-доброму рассмеялся. –

О какой дружбе можно говорить, когда дело касается таких денег?

---

⁷¹ Кукла (жарг.) – пачка бумаги, нарезанная по формату денег, вложенная между настоящими денежными купюрами.

Почуяв, что дело пахнет жареным, Азеф потянулся к своему саквоюжу.

– Стоять! – завопил Максимилиан Смит.

– Я хочу уйти, месье. Разбирайтесь тут между собой сами.

– Никто отсюда не уйдет! – заявил Смит, вынимая револьвер из-за пояса и наводя на Азефа. – Я вызвал полицию, они будут здесь с минуты на минуту!

Евно побледнел. Смит держал их обоих под мушкой.

– Ты ведь помнишь, Аликс, моего друга комиссара Жюстена? Он сгноит вас в тюрьме! – затем он посмотрел на Азефа. – Кидай саквоюж сюда!

Евно не двинулся с места.

– Отдайте ему саквоюж, Азеф! – услышал он тревожный голос де Го.

Азеф нехотя швырнул саквоюж к ногам Смита и когда тот, опустил взгляд на сумку, потянулся к револьверу за пазухой.

Де Го опередил его. Выхватил из-за пазухи револьвер. Раздался выстрел. Смит схватился за грудь, его рубашка окрасилась красным, и он рухнул на пол.

– Черт, ты убил его! – воскликнул Азеф. Де Го с безумным видом приблизился к убитому.

– Ты сам виноват! Сам! – вопил он как безумный, махая револьвером.

Азеф сделал шаг в его направлении, но де Го резко навел на него дуло. Глаза его были безумными, лицо искажено.

Евно предусмотрительно поднял руки.

– Я только хочу забрать свои деньги, – сказал он.

– Если ты сделаешь хоть шаг ко мне, я убью тебя, жирная свинья! – де Го безумно рассмеялся. – Сейчас здесь будет полиция! Полиция! Я слышу их! Они уже за окном, они уже здесь! Ты слышишь их, Евно Азеф?

Азеф прислушался, покрывшись холодным потом. Нащупал рукоятку револьвера. Он не хотел быть пойманным полицией, но и не хотел уходить без своих денег!

– Давай спрячем труп, Азеф?! Да, давай, спрячем! Я думаю, он войдет в шкаф! Придет Жюстен, а мы просто будем пить кофе! Он ничего не заподозрит, я обещаю!

– Ты спятил, – просипел Азеф. Его руки вспотели и пальцы, сжимающие рукоятки револьвера не хотели слушаться.

– У тебя есть револьвер? Ты хочешь пристрелить меня, Азеф? – Де Го затряс оружием в сторону Евно, готовый в любой момент выстрелить. И выстрелил. Но мимо.

Азеф поднял руки.

– Я отдам, отдам тебе оружие, – сказал он. – Вот возьми.

Он двумя жирными пальцами вынул оружие и положил его на пол. Пнул его ногой, но не совсем к де Го.

Когда Аликс де Го потянулся за оружием, Азеф схватил стоящий рядом стул и швырнул его в сумасшедшего. Раздался удар, выстрел.

Азеф кинулся к выходу. Побежал по лестнице, перескакивая ступеньки. А вслед раздалось еще несколько выстрелов.

* * *

Алексей выстрелил еще пару раз, оружейные хлопки громыхали, но не оставляли отверстий. Холостые патроны. Затем прислушался. Шаги Азефа стихли. Засунув оружие за пазуху, он подошел к лежащему на полу Малышеву. Тот открыл глаза.

– Вставай, все закончилось. – Алексей протянул ему руку. – Ты несколько раз забывал говорить с акцентом.

– Продолжаешь учить «ремеслу»? Уволь, надеюсь, мне больше подобным не придется заниматься.

– Кто знает. – Алексей присел на корточки и открыл саквояж. Деньги. Почему они не вызывают чувство удовлетворения и радости?

– И что теперь?

– Покончим с бандой. Старикашка наверняка доложил полиции. Устроим небольшую встречу...

* * *

Валет получил записку от Ала. Тот сообщал, что ждет его в доме, снимаемом им последние несколько дней. Наглость афериста привела Валета в бешенство, усилив желание самому собственноручно пустить кровь наглецу.

В доме, куда Валет пришел со своими головорезами, было тихо. Быстро прошерстив комнаты, но никого не обнаружив, собрались в гостиной, где на столе, выставленный на вид, стоял саквояж. Валет кивнул Жану, тот открыл саквояж

и передал боссу. В сумке были деньги и какие-то бумаги.

Валет жестом подал сигнал всем уходить. И тут раздался шум, и в комнату ворвались флики⁷². После короткой потасовки полиция скрутила банду.

Комиссар полиции открыл саквояж:

– Деньги и поддельные документы? Хотел проверить аферу, Валет?

– Да, что ты, комиссар, я этим не занимаюсь.

– А бумаги-то заляпаны в крови! Замочил уже кого-то? Где труп?

– Какой труп, начальник?

– Не юли, Валет! Все равно сознаешься. Грузите их, парни. – Комиссар с ухмылкой посмотрел на главаря банды. – В участке поговорим.

– Меня подставили, начальник! – злобно прорычал Валет, когда его и его ребят повели к выходу.

– Как же! – буркнул себе под нос комиссар. Даже если Валета и подставили, все одно: лучше посадить этого мерзкого гада вместе с его бандой, натворивших уйму грязных дел, чем отпускать их на свободу.

* * *

– Теперь де Го и Максимилиана Смита считают покойниками. По крайней мере, какое-то время, – произнес Алексей,

---

⁷² Флик (фр. жарг.) – полицейский (Flic – «Federation Legale des Idiots Casques», буквально «Легальная федерация идиотов в шлемах»).

расположившись удобно в кресле и попивая из бокала дорогое французское вино.

– Нас могут подать в розыск, – заметил Малышев, в руке которого тоже был бокал – он сделал глоток и отставил его в сторону.

– Поэтому необходимо изменить внешность и поскорее убраться из города.

– А как же Азеф? – в голосе Малышева послышалось неодобрение.

Глебов кинул на него взгляд, затем отвернулся.

– Азеф – предатель. Работает только на себя.

– Нет доказательств.

– И не будет.

– Мы не закончили дело. – Резкость в тоне Малышева раздражала. Звучала как предостережение.

Алексей вздохнул. Посмотрел на искрящееся на свету красное вино. Для кого он это делает? Лиза оставила его и ушла к идеалисту Шмиту. Он же – может скрыться так, что его не найдут. Тогда зачем? Защищает Лиз, хотя и не может простить? И не простит. Даже если она будет умолять его об этом. Он доверял ей, верил в ее искреннюю любовь к нему, настоящую любовь, а она...

– Так что? – вывел его из задумчивости Малышев.

Глебов слегка вздрогнул, затем вздохнул и неторопливо сделал глоток из бокала.

– У нас мало времени... Но есть один метод. – Он посмот-

рел на Малышева.

– Какой?

– Шантаж.

Малышев нахмурился.

– Шантаж?

– Да, шантаж. Если Азеф действительно таков, каким я его считаю, он запаникует. Вот тогда его можно прижать к стенке, и он расколется...

* * *

Азеф паниковал. Который день он получал разоблачительные записки от неизвестного или неизвестных. Они всё знали о нем! Евно боялся. Боялся по-настоящему, как никогда в жизни не боялся.

Получив очередное письмо и прочитав его, он тут же сжег его в камине. Его трясло. Он не знал, кто это и что от него хотят. Невидимый враг. Если бы это были сотоварищи по партии, то они давно бы явились по его душу и совершили бы расправу. Если это полиция, то незамедлительно последовал бы арест. А автор или авторы писем не выдвигали никаких требований. Кто же? Кто?! Азеф решил бежать – бежать как можно дальше. Лучше в Америку – там его не достанут ни те, ни другие, ни третьи.

Собравшись, он выскочил на улицу. Он заберет с собой Мадлен. Жена ему наскучила, к тому же была истиной революционеркой – наивная! А вот Мадлен – яркая, страстная

Мадлен – он заберет ее с собой!

Азеф шел быстро по улице, временами оглядываясь. Хотя Алексей и был осторожен, Азеф чисто интуитивно ощущал слежку, и вскоре ему удалось ускользнуть, заскочив в проезжающий трамвайчик.

Алексей чертыхнулся. Поразмыслив, он предположил, что Азеф придет на квартиру, где тайно встречался со своей любовницей.

Поймав пролетку, он назвал адрес извозчику.

* * *

Алексей уже час стоял в тени переулка и наблюдал за домом, где находилась Мадлен, явившаяся на встречу к любовнику. Азефа еще не было. Темнело. Небо заволокло темными густыми тучами, и вскоре начался снегопад, застилая все вокруг пушистыми хлопьями.

Алексей укрылся под навесом и, прислонившись спиной к стене, прикрыл глаза. Сказывались усталость и напряжение последних дней. Ветер подхватывал и кружил снежинки. Также... Также, как и тогда... Он и Лиза гуляли по улице, счастливые и беззаботные. Ветер подхватывал и кружил вокруг них в легком вальсе пушистый снег... Личико Лизы запорошили снежинки, она засмеялась, попыталась смахнуть их с ресниц. Алексей сам сделал это: медленно, нежно, околдованный сиянием ее небесно-голубых глаз, улыбкой на слегка пухлых губах... А потом он поцеловал ее. Она отве-

тила на его поцелуй с потрясающей любовью, и он забыл обо всем. Он только знал, что любит ее, и что она нужна ему. Нужна как воздух, как свет, как жизнь...

Алексей вздрогнул, открыл глаза и быстро взглянул на окно. В освещенном окне промелькнул силуэт Евно Азефа. Алексей отстранился от стены и направился к дому.

* * *

Алексей остановился у двери и прислушался. Он уловил отрывочные фразы, из которых понял, что Азеф готов был бросить все и умолял Мадлен уехать с ним в Америку. Скорее всего, Мадлен наотрез отказалась и вскоре вышла из квартиры. Дверь не успела захлопнуться – Алексей проскользнул внутрь и прикрыл дверь.

Глебов прислушался. Казалось, что помещение опустело – не звука, ни шороха. Алексей надел черную маску, полностью скрыв за ней лицо, поправил шляпу, затем вышел из своего укрытия и тихо прошел в комнату.

В полумраке, на широкой кровати, лежал Евно Азеф. Его горой вздувшееся жирное тело тряслось, как зыбкое болото, а потное, дряблое лицо с быстро бегавшими глазами втянулось в плечи. Это большое, грузное существо дрожало как осиновый лист, испытывая невероятный страх.

Алексей приблизился к нему. Азеф замер и уставился полными ужаса глазами на видение во всем черном: смерть – то ли в виде фантома, то ли человека, но все равно смерть.

– Кто вы? – спросил он сипло, не в состоянии от страха совладать с голосом.

– А кого ты ждешь? – по-русски спросил Алексей, усмехаясь. Он демонстративно наставил револьвер на Азефа.

Тот вновь затрясся.

– Вы пришли убить меня? Кто... Кто вас подослал?

– А ты как думаешь?

Глаза Азефа забегали по сторонам. Алексей уловил краешком глаза, как одна рука Азефа погрузилась под матрац.

– Даже не пытайся! – резко предупредил он. Азеф замер, уставившись на него. – Встать!

Азеф подчинился.

– Сядь в кресло!

Евно не стал перечить и сел в кресло. Алексей засунул руку под матрац, не отводя взгляда от Азефа, и вынул из-под него револьвер.

Засунул себе за пояс.

– Хотел убить меня? – спросил он, приблизившись к Азефу и прижав дуло к его лбу.

Евно задрожал. Превыше всего в жизни он ценил жизнь. Свою жизнь!

Склонившись к лицу Азефа, Глебов пренебрежительно произнес, будто выплевывал каждое слово:

– «Суровый террорист» и «непреклонный революционер», глава Боевой организации социал-революционеров и одновременно провокатор, доносчик, вор. «Азартный иг-

рок» человеческими головами. – В глазах Азефа появился панический страх. Алексей зло рассмеялся. – В глубине души же жалкий трус, влюбленный в маленькие радости жизни и судорожно за них цепляющийся.

Азеф сжал пальцами подлокотники стула, так что побелели костяшки.

– Что вы хотите? – дрожащим голосом спросил он.

– Ты расскажешь мне обо всем. Кто стоит за вами? Кто приказал убить Плеве? На кого готовится покушение, когда произойдет? – Глебов взвел курок.

– Я не знаю. Богом клянусь, не знаю! Я общался только с Рачковским⁷³.

– Рассказывай!

– Рачковский Петр Иванович. Был начальником заграничной агентуры. Мы встретились с ним в Варшаве. Он сказал, что следующей целью Боевой организации должен быть Плеве.

– Дальше!

– Я давно не виделся с Рачковским. Знаю только, что он вернулся в Россию. Но кто стоит за ним, я не знаю! Клянусь!

– Боевая организация готовит очередное покушение. Кто цель?

---

⁷³ Петр Иванович Рачковский (1853, Дубоссары, Херсонская губерния – 1910, Режица, Витебская губерния) – организатор политического сыска в России. Заведующий заграничной агентурой Департамента полиции в Париже, Женеве в 1885-1902 гг. Вице-директор и заведующий политчастью Департамента полиции в 1905-1906 гг.

– Я не знаю!

– Не знаешь?! – Алексей прижал дуло к виску провокатора. – Глава Боевой организации эсеров и не знает! Да я прострелю твою башку и избавлю мир от множества проблем за раз! Говори, сволочь!

– Хорошо, хорошо! – Азеф поднял трясущиеся руки вверх. – Осенью в Женеве я встречался с членами Боевой организации. Мы разделили организацию на три отряда. Во главе первого Швейцер⁷⁴. Он отправился в Петербург для исполнения приговора над генерал-губернатором Треповым и князем Владимиром.

Азеф судорожно вздохнул.

– Дальше!

Евно вздрогнул и продолжил:

– Второй отряд Бориса Савинкова, послан в Москву. Его цель царский дядя, князь Сергей. Третий отряд отправлен в Киев – он должен организовать казнь генерал-губернатора Клейгельса. Во главе Боришанский⁷⁵. Они переправились через границу...

– Когда состоится ближайшее покушение?

– Второго февраля, – нехотя признался Азеф, – На великого князя Сергея.

---

⁷⁴ Максимилиан Ильич Швейцер (1881, Смоленск -1905, Санкт-Петербург) – участник революционного движения в Российской империи, член партии социалистов-революционеров и её Боевой организации.

⁷⁵ Давид Боришанский – террорист, член Боевой организации эсеров, один из участников покушения на министра внутренних дел В. К. Плеве.

– А Лопухин? Чего он опасается?

Азеф задрожал:

– Вы не из полиции... Тогда от кого же?

Алексей наотмашь ударил Азефа по лицу рукояткой револьвера:

– Это не твое собачье дело! Отвечай на вопросы, если не хочешь, чтобы я вышиб тебе мозги!

Азеф дрожащими пальцами коснулся покрасневшей щеки.

– Ну?!

– Лопухин боится... за свою жизнь. Думает, что на него готовится покушение, как на Плеве.

– Почему он так думает? Ты ему сообщил? Ну?!

– Я опасался, что он поймет, что я... – Азеф замялся.

– Предатель?

Евно не ответил, отведя глаза.

Алексей хмуро посмотрел на свое оружие.

– Что вы хотите сделать? – Азеф напряженно уставился на Алексея, и тот взглянул на него. Присмиривший поникший провокатор вызывал у него неприязнь и презрение.

– Ты поедешь со мной в Россию.

Одна лишь фраза о предстоящей поездке в Россию привела Азефа в дрожь и состояние истерии.

– Вы не можете так со мной поступить! – задыхаясь, проговорил он. Толстыми, как сосиски, пальцами, Азеф подергал тугой воротничок.

Алексей огляделся в поисках чего-нибудь, чем можно было связать руки Азефа, передвинулся к кровати, чтобы взять брошенный галстук. Он наклонился, и тут раздался звук, напоминающий щелчок взводимого курка.

Алексей обернулся, успел лишь увидеть оружие в руках террориста, направленное на себя дуло, и в этот момент раздался выстрел.

_19

* * *

Россия, Москва

Лиза с криком проснулась вся в поту. Села на кровати, судорожно обхватив себя руками. Ей опять снился кошмар – воспоминания Кровавого воскресения в Петербурге. Ей снились выстрелы, крики, стоны, трупы, раненые и кровь на истоптанном снегу. Но теперь, в этом сне убивали не ее. Ей снился Алексей, лежащий в луже крови, и эта кровь растекалась под ним все большим и большим пятном.

В комнату постучали. Затем раздался нерешительный голос Николая.

– Лиза, с вами все в порядке? Вы кричали.

Она судорожно вздохнула, пытаясь взять себя в руки.

– Все х-хорошо, – отозвалась она.

Николай какое-то время постоял за дверью, затем ушел. Лиза откинулась на подушки. Сердце по-прежнему сжималось от предчувствия. Алексей в луже крови – картинка сна вспоминалась, как будто Лиза видела это наяву.

– Алеша, – прошептала она, и капелька слезы скатилась по ее щеке.

* * *

Катя Шмит сидела в кресле, прямая как струнка, и вышивала. Иголка с ниткой в ее руке взметалась вверх, затем вновь погружалась в ткань, закрепленную в пальцах, и все повторялось снова.

Лиза, сидевшая напротив, задумчиво перевела взгляд от подруги на слегка покрытое морозным узором окно их нового дома. Еще неделю назад Катя предупредила ее о том, что они переезжают из особняка Шмитов. Было решено перебраться во флигель дома Плевако на Новинском бульваре, так как Николая тяготила богатая обстановка особняка, мешавшая простоте общения с рабочими, когда те к ним приходили. Новое жилье в сравнении с особняком было скромным, но уютным. И до фабрики было недалеко – нужно было пройти лишь Девятинский переулок.

Лиза тягостно вздохнула. Если бы Алексей ее искал, он давно бы нашел, независимо от того, куда она уехала и где проживает. Она ничего не знала о нем – где он, что с ним. Отсутствие известий угнетало и тревожило ее.

Катя в очередной раз взглянула на подругу:

– Что случилось? На тебе лица нет.

Лиза обернулась к ней:

– Не знаю... Что-то меня тревожит.

– Хочешь поговорить?

Лиза вздохнула.

– У меня снова был кошмар, – призналась она. – Но в этом сне... погибает мой муж. Я боюсь, Катя, вдруг с ним что-нибудь случилось?

– Да с чего ты взяла! Успокойся. – Катя отложила шитье. – Это был всего лишь сон.

Лиза вновь вздохнула, нервно заламывая пальцы.

– Не знаю... Он ведь не дает о себе знать.

– Вот и прекрасно. Твой Алексей Петрович совершенно тебя не заслуживает. – Катя пересела к ней на диван и взяла подругу за руки. – А твой сон можно очень просто объяснить.

– Как?

– Ты переживаешь разрыв. А сон говорит, что муж для тебя умер и пора его «похоронить и забыть». Господи, прости, – Катя перекрестилась.

– Да что ты такое говоришь! – Лиза высвободила руку из руки подруги. – Такие слова вообще не надо говорить!

Катя фыркнула:

– Когда разговор заходит о твоём супруге, ты становишься на его защиту. Скажи, ты действительно хочешь расстаться с ним?

Лиза отвернулась к окну и кивнула.

– Да. Хочу.

– Мой брат тебя очень любит.

Лиза покраснела.

– Катя, прекрати! Я замужем.

– Ну вот, опять! Ты что забыла? Сама только что говорила о том, что хочешь расстаться с мужем.

Лиза поникла, затем тихо напонила:

– Ты ведь знаешь, почему я должна от него уйти.

– О, Лиза! – Катя сочувственно сжала ее руку. – Я знаю. Но на все воля Божья. И то, что случилось с тобой, не должно быть причиной, по которой ты должна уйти от мужа! Понимаешь?

Лиза смахнула наворачнувшуюся слезу тыльной стороной ладони.

Они не успели договорить – в дверь постучали, вошла прислуга, нанятая совсем недавно, и внесла поднос с давно ожидаемым чаем и ватрушками. На подносе стояла три чайные чашки.

– Барышня, барин пришел, – сообщила она. – Сказал, чтобы вы погодили, он в опочивальню прошел, скоро спустится.

– Аглая, я же вам говорила не называть нас «баринами». Николаю Павловичу это не понравится, – нахмурившись, сделала замечание Катя.

– Да как же вас называть-то? Ведь принято «барин», «барыня»...

– Барин тот, кто ничего не делает, Аглая, – послышался за дверью голос Николая. Он вошел – умытый, причесанный, в свежей рубашке. Сразу же устремил свой взгляд на Лизу.

Катя подмигнула ей, и она отвела взгляд в сторону, а Николай посмотрел на прислугу и продолжил: – А я, Аглая, работаю. Называйте нас по имени и отчеству...

Пока пили горячий чай, Николай рассказывал о том, что произошло за день на фабрике. Говорил о знакомом Лизе Карпе – рабочем Карасеве⁷⁶, с виду тихом, но на деле настойчивом и упрямом. Карп сколачивал революционную боевую дружину, в том числе и из рабочих фабрики Шмитов. Рабочие фабрики готовились принять активное участие в нарастающей в стране революции. Нужно было оружие...

Вскоре пришли Лиза и Алексей Шмит, и все дружно перебрались в столовую ужинать. При семнадцатилетней Лизе и пятнадцатилетнем Алексее старались не говорить о серьезных партийных делах, но вопросы о преобразованиях на фабрике обсуждали вместе: в шутку и всерьез каждый вносил свои радикальные идеи.

– Нужно вместо одиннадцати с половиной часового рабочего дня ввести девятичасовой...

– А может шести?...

– Да ты, брат, хочешь фабрику разорить на радость конкурентам?! Хорошо, что Коля, а не ты ею управляешь...

– Заработную плату рабочим также выплачивать и во время болезни...

---

⁷⁶ Иван Васильевич Карасев (партийный псевдоним «Карп») (1881, д. Павловка, Веневский уезд – 1905, Москва) – революционер, участник боев на Красной Пресни во время революции 1905-1907 гг.

– Ага, и во время забастовок! А что?!

– Нужно стариков, проработавших по двадцать-тридцать лет, освободить от работы, а жалованье продолжать им выплачивать...

– А хорошая идея!

– При фабрике нужно открыть амбулаторию, чтобы лечить рабочих и их родных...

– Отлично! Может быть, ты этим займешься, ты же работала в больнице?

– Я всего лишь была сестрой милосердия. Нужен настоящий доктор. А вот открыть амбулаторию я, конечно, помогу.

– Еще нужно требовать с администрации, чтобы они вежливо, на «вы» обращались к рабочим...

Их посиделки прервала Аглая.

– К вам, Катерина Павловна, пришел барин...

Бровь Кати поползла вверх: Аглая была неисправима!

– ...Николай Адамович.

– Так зови!

– Он поначалу хочет побеседовать с вами.

Катя переглянулась с присутствующими и поторопилась к гостю.

Не усидели на своих местах Лизонька и Леша: последовали за Катей, чтобы подглядеть и подслушать ее разговор с адвокатом Андриканисом. Коля даже не остановил их, предпочтя остаться с Лизой наедине.

Некоторое время они помолчали.

– Лиза, я бы тоже хотел поговорить с вами.

– О чем?

– Уж простите Катю, но между нами никогда не было секретов... Это правда, что вы хотите развестись с мужем?

– Вы задаете личные вопросы!

– Я спрашиваю не из праздного любопытства, а потому что вы мне не безразличны, и вы об этом знаете. Как порядочный человек я не буду посягать на ваше внимание, но когда вы разорвете брачные узы, которые вас связывают, я хотел бы надеяться, что смогу сделать вам предложение руки и сердца.

Лиза напряженно уставилась в сторону.

– А Катя случайно не говорила вам, почему я хочу с ним разойтись?

– Говорила.

Лиза, резко развернувшись, посмотрела на Николая.

– И вы все равно хотите сделать мне предложение?

– Да, хочу.

– Но я уже никогда – никому – не смогу родить наследника. – Слова давались ей нелегко.

– Я понимаю.

– И вы все равно хотите жениться на мне?

– Да, хочу. Я люблю вас. Я сделаю все, чтобы вы были счастливы.

Лиза ничего не ответила: раздались шаги, смех убегающих Лизоньки и Леши, и вскоре в столовую вошла сияющая

от счастья Катя.

– Николай Адамович сделал мне предложение, – сообщила она. – Коля, он хочет просить у тебя моей руки.

Шмит чмокнул сестру в макушку, прошептал «поздравляю» и отправился к ожидающему его Андриканису.

– А ты не хочешь поздравить меня? – Катя приблизилась к подруге, и Лизе пришлось перебороть свое негодование по поводу болтливости подруги.

– Конечно. – Лиза обняла подругу. – Поздравляю!

– Спасибо. Я так счастлива!

– Когда свадьба?

– Мы еще не решили. Пойдем, мне не терпится услышать...

...Андриканис ушел довольно поздно и после его ухода все разбрелись по своим комнатам. Приготовившись ко сну, Лиза затушила свечу и подошла к окну. Ночь была темной и холодной. Год назад была точно такая же ночь, когда Алексей, которого держали в тюрьме, пришел к ней после освобождения. Он забрался в окно, она кинулась к нему в объятия, и ночной мрак перестал быть беспросветным и холодным. В тот момент Алексей сделал ей предложение...

Неожиданно Лиза вздрогнула, заметив силуэт мужчины, стоящего на улице и смотрящего на ее окно. Худой и длинный как жердь с копной белых волос. Лиза отшатнулась от окна. Она вспомнила о предупреждении, оставленном Алексеем. За ней действительно следили!

* * *

Франция, Париж

Раненый, лежащий в кровати, бредил...

...Лиза и Шмит целовались. У него на глазах!

– Лиза! – резко окликнул он. Она посмотрела поверх плеча Шмита. – Как ты могла?!

– Я не твоя жена, – упрямо повторяла как заведенная Лиза.

– Что ты несешь! – Алексей протянул к ней руку, но силуэты Лизы и Шмита расплылись, будто Алексей погрузил руку в отражение на воде...

– Лиза! – отчаянно крикнул он и зажмурил глаза.

– Как ты мог? – вдруг совсем рядом услышал он голос жены и открыл глаза. Она стояла очень близко, но между ними была с железными прутьями решетка. – Как ты мог? – Лиза обличительно ткнула пальцем в сторону, и Алексей увидел Айседору.

– Между нами ничего не было.

– Как ты мог? – упрямо и обличительно повторила Лиза и на месте Айседоры возникла Маргарет.

– Между нами ничего не было, – произнесла вместо него любовница. Она заговорщически улыбалась.

– Ложь! – Лиза бросилась в сторону.

– Ложь! – подтвердил с улыбкой Шмит, подступая ближе.

– Я убью тебя! – прорычал Алексей.

Шмит рассмеялся:

– Не сможешь. Я уже мертв.

Шмит обернулся к Маргарет, протянул ей руку. Они удалялись от него все дальше и дальше по темному коридору, пахнущему сыростью и плесенью... Алексей задыхался. Опять тюрьма. Его опять избивают и топят в баке с ледяной водой. Он приходит в себя в полной темноте. Мокрая одежда примерзла к холодному полу. Он с трудом поднимается на ноги. Но не все как в прошлый раз – дверь открыта. Алексей шаг за шагом, ступенька за ступенькой поднимается наверх к открытой двери. Яркий свет бьет в глаза... И вот он в коридоре. Дверь одной из камер открывается, и из нее выходят трое. Уходят. Тяжело дыша, Алексей идет дальше. Заглядывает в открытую камеру. На кровати лежит Шмит, на тюремной рубашке расплывается красное пятно, а на пол капают капли крови. Алексей зажмурил глаза...

Рядом шаги. Открыв глаза, он увидел старую монашку со скрипом отворяющую дверь камеры. Камеры №12. На железной кровати в утренних сумерках лежит женщина. Следом заходят чиновники. Женщина садится на кровати. Спина выпрямлена, плечи расправлены. Маргарет.

– Я умру с достоинством. Вы увидите прекрасную смерть.

Солнечный свет бьет в глаза. Осенний лес шумит. Двенадцать солдат по команде вскидывают ружья, целясь в Маргарет, одетую в меховое пальто и шляпку. Она смотрит на Алексея, улыбается ему и шлет воздушный поцелуй. Разда-

ются залпы. Все окрашивается ярко красным цветом крови...

* * *

Глебов со стоном очнулся и попытался сесть. Перед глазами поплыли цветные пятна, а грудь пронзила невыносимая боль.

– Лежи, – услышал он голос Малышева. Затем тот поднес к его губам кружку с водой. Алексей сделал несколько жадных глотков и опустил голову на подушку. Окинул сумрачную комнату взглядом, убеждаясь, что они в гостиничном номере.

– Как я здесь оказался? – хриплым голосом спросил он.

Малышев поставил кружку на стол, сел на стул, стоящий рядом с кроватью.

– После твоего очередного исчезновения, Глебов, я с трудом, но нашел тебя. Немного не успел. По крайней мере, спугнул Азефа, иначе он бы тебя добил.

– Что ж ты такой неповоротливый...

– Ну уж, прости, надо предупреждать заранее из какого переплета тебя вытаскивать...

Алексей усмехнулся, затем прикоснулся к забинтованной груди рукой.

– Где медальон? – встревожился он, обнаружив отсутствие на шее футлярчика с фотографией Лизы.

Малышев встал, прошел к шкафу, взял что-то с полки и

вернулся. Подарок жены – медальон на цепочке – закачался перед глазами Алексея. Он был искорежен, по всей видимости, пулей.

– Ты везунчик, – заметил Малышев.

Алексей молча смотрел на поломанную вещицу.

– Возьмешь?

– Нет.

Малышев пожал плечами, положил медальон на прикроватный столик.

– Давай поговорим о деле.

– Так вот для чего ты меня спасал, а я-то уж подумал...

– Алексей усмехнулся.

– Ты совершенно прав, именно для этого, – не остался в долгу Малышев.

– Ну что ж... В России готовится ряд покушений на высокопоставленные лица. Ближайшее – 2 февраля, на московского генерал-губернатора Великого князя Сергея.

Малышев прищурился, кивнул:

– Что еще?

Алексей с передышками рассказал все, что узнал от Азефа о покушениях. Внимательно выслушав его, Малышев вскоре ушел, посоветовав Глебову хорошенько отдохнуть. Что, в принципе, Алексей и сделал – как только дверь за Малышевым закрылась, он провалился в глубокий сон.

Малышев оказался довольно терпеливой сиделкой. Пару раз приходил доктор, чтобы осмотреть рану, хотя все проходило без осложнений. Алексей быстро шел на поправку. Было решено в скором времени отправиться в Россию.

– Что ты знаешь о Рачковском? – спросил Алексей у Малышева в ходе одной из их бесед.

Малышев вздохнул.

– Петр Иванович одна из самых ярких и темных личностей охранного отделения. Авантюрист по натуре: занимается бесконечными интригами, – Малышев усмехнулся. – Как и ты, находит в авантюрах истинное удовольствие.

Глебов пропустил его замечание мимо ушей.

– У него были причины недолюбливать Плеве?

– Самые, что не на есть. Рачковский в своем сыскном усердии зарывался и временами затрагивал вопросы, непосредственно относившиеся к внутренней жизни царской семьи. За это получил жесточайший нагоняй и при жизни Александра III не рисковал больше соваться в эту область. Нынешнему императорскому Величеству он был лично представлен, и тот к нему благоволил. Рачковский вновь осмелел и рискнул вмешаться в дворцовые интриги. На этом Петр Иванович сломал себе шею. Плеве давно его недолюбливал и воспользовался случаем, чтобы окончательно его похоронить. Лопухиным были собраны точные данные обо всех «подвигах» Рачковского, Плеве лично составил доклад царю, и согласие на устранение было получено.

– Значит, Лопухин тоже причастен к фиаско Рачковского? Малышев кивнул.

– Лопухин еще раз приложил к этому свою руку: он так отредактировал извещение об увольнении Рачковского, что оно звучало оскорбительно, и переслал его таким образом, что с содержанием ознакомился широкий круг лиц из чиновного мира. Этой обиды Рачковский Лопухину не простил.

– Теперь приходит время реванша, – подытожил Алексей. – Думаешь, за Рачковским никто не стоит, и он действовал самостоятельно?

– Думаю, что так.

Алексей устало закрыл глаза. На губах Малышева мелькнула усмешка.

– Отдыхай, – произнес он, вставая. – Я позабочусь обо всем остальном. Как только тебе станет лучше, мы вернемся в Россию...

* * *

Маргарет готовилась к выступлению. Ей было страшно. Все, что она говорила о себе, было выдумкой: не была она не высокородной леди, не исполнительницей восточных танцев. Она вообще никогда не была танцовщицей.

Однако когда Аликс Глебов сказал, что, танцуя, она покорит Париж, Маргарет поверила, что так и будет. И вот теперь, стоя за кулисами, Грета запаниковала.

– Нет, я не буду выступать, – прошептала она.

Позади кто-то учтиво кашлянул, и Маргарет резко обернулась. Перед ней стояла худая высокая женщина лет сорока.

– Леди Маклеод?

Маргарет кивнула.

– Я Анна Линтъенс. Я ваша камеристка и компаньонка.

Маргарет удивленно вскинула брови.

– Но...

– Месье, который нанял меня для вас, просил передать вам вот это.

Женщина протянула Маклеод довольно увесистый сверток, к которому была прикреплена записка. «Солнце, обозначь каждое мгновение своего восхода. Я верю в твой успех». Положив сверток на столик, Грета быстро сняла тканевую подарочную упаковку.

Внутри были альбомы, прекрасно переплетенные в кожу, с золотым теснением. Маргарет с благоговением взяла один из них в руки и с трепетом провела пальцами по золотым витиеватым буквам имени.

– Мата Хари⁷⁷, – прочла она шепотом.

Только один человек мог придумать ей такое имя. Тот, который называл ее «Солнце» – око дня.

– Спасибо, Аликс, – прошептала Маргарет. Она с улыбкой

---

⁷⁷ Мата Хари (Маргарет Гертруда Целле) (1876, Леуварден, Нидерланды -1917, Венсен, Париж, Франция) – экзотическая танцовщица, одна из первых звезд стриптиза. Известна своими любовными приключениями. Считается, что во время первой мировой войны работала одновременно на французскую и германскую разведки. Была арестована и расстреляна французами за шпионаж.

погладила тонкими пальцами альбомы⁷⁸:

– Ты подарил мне не только шанс, но и новое имя.

В этот момент на сцене громогласно провозгласили:

– ...Итак, дамы и господа, встречайте несравненную бо-
жественную Мата Хари!

Маргарет вздрогнула, поймала взгляд улыбающейся ей мадам Кириевской, улыбнулась в ответ и выпорхнула под звуки восточной мелодии на свою первую публичную сцену...

20

* * *

Февраль 1905 г. Россия, Москва

После той ночи, когда она увидела неприятного человека под своим окном, Лиза была предельно внимательна и осторожна, но больше не замечала, что за ней кто-то следит. Возможно, и показалось, наконец, решила она, хотя неприятное впечатление осталось.

Вопреки всем разговорам Лиза не торопилась с разводом. Ее не пугала людская молва: разводы не воспринимались ни обществом, ни церковью, но все же имели место. Просто Лиза не могла вот так взять и разорвать отношения с Алексеем.

Когда в квартире на Новинском бульваре их навестил Пешков, она надеялась хоть что-то узнать о муже, но Пеш-

---

⁷⁸ Прим. автора: Мата Хари на протяжении всей своей карьеры собирала в альбомы касающиеся ее статьи, фотографии, письма. После ее смерти альбомы находились у ее камеристки и компаньонки Анны Линтъес.

ков опередил ее, поинтересовавшись «как поживает Алексей Петрович», которого он не видел «аж с кровавого воскресенья».

Лиза опять стала тревожиться об Алексее. Хотелось съездить в Петербург, чтобы все о нем разузнать. Но на плечи упали заботы о подготовке к свадьбе подруги, а также обустройстве на фабрике медицинской амбулатории.

Как-то раз, прогуливаясь с Катей возле Спасской башни, Лиза увидела мужчину, похожего на ее преследователя. Худой долговязый неопрятный тип с корявым лицом и грязными белесыми волосами стоял возле стены и наблюдал за прохожими.

Лиза схватила Катю за руку:

– Катя, это он!

– Кто он?

– Человек, который следит за мной!

– Ты уверена?

– Да! Не знаю. Что делать?

– Пойдем! – Катя потащила ее за собой.

Завидев, что девушки направились в его сторону, щербатый даже не тронулся с места. Когда они приблизились к нему достаточно близко, он протянул свою безобразную потрепанную шапку.

– Подайте, дамочки, сколь не жалко, – осклабившись, произнес он.

– Бог подаст, – отрезала Катя и быстро повела подругу

через Спасскую башню в Кремль.

– Видишь, он не следил за тобой, – сказала она.

– Да, похоже...

Они прошли некоторое расстояние молча, но вскоре Катя дернула задумавшуюся подругу за рукав.

– Смотри, у дворца карета бывшего генерал-губернатора, князя Сергея⁷⁹, – с презрением кивнула она. Лиза кинула рассеянный взгляд на карету. Великого князя многие недолюбливали: и простые люди, и представители либеральной интеллигенции, считая виновным в массовом расстреле 9 января...

– Знаешь, говорят, что он предпочитает особ своего пола, – прошептала Катя ей на ушко.

– В смысле?

– Ну, понимаешь, они живут с женой как брат и сестра, – видя, что подруга не понимает, к чему она клонит, Катя продолжила, – князю нравятся мужчины.

Лиза покраснела.

– Что за глупости, – буркнула она.

– И вовсе не глупости. – Катя рассмеялась. Затем предложила:

– Пойдем к Сиу?

---

⁷⁹ Великий князь Сергей Александрович (1857, Царское Село -1905, Москва) – пятый сын Александра II, московский градоначальник, генерал-губернатор, при котором произошла Ходынская трагедия. 1 января 1905 г. Покинул пост московского генерал-губернатора, но остался во главе войск округа, став Главнокомандующим войсками Московского военного округа.

Лиза кивнула. Выйдя из Кремля на Кузнецкий мост, они направились в кофейню к Сиу, популярную среди москвичей, отводивших душу покупкой безделиц поблизости.

Подруги расположились за столиком в глубине кофейни, заказали пирожные и кофе. Пока Катя с большим удовольствием поглощала сладости и о чем-то рассказывала, Лиза рассеянно помешивала ложечкой в чашке с кофе.

– Лиза, да что с тобой сегодня?

– Прости, – Лиза аккуратно опустила ложечку на блюдце. – Я тут решила... Хочу съездить ненадолго в Петербург.

– Понятно, хочешь увидеться с мужем.

Лиза не успела что-либо ответить: вдалеке что-то бухнуло, дрогнули стекла витрины.

– Ты слышала? Что это было? – спросила она.

– Не знаю...

В кофейню, озираясь, вошел высокий молодой господин, очень бледный, и быстро подсел за соседний столик к красивой стройной даме, перед его приходом печально смотревшей в окно. Лицо мужчины показалось Лизе знакомым. Наконец она вспомнила его. Это был Савинков, бывший эсдек, примкнувший к эсерам – так, по крайней мере, говорили.

– Пойдемте отсюда, – сказал он женщине, странно скаля зубы в попытке изобразить улыбку.

Женщина взглянула на него, будто хотела что-то спросить, но не произнесла ни слова. Мужчина же утвердительно кивнул, и она поднялась. Ее взгляд вновь упал на витри-

ну окна, и она замерла. Лиза подвинулась, чтобы взглянуть, что происходит – по улице в сторону Кремля бежали люди, встревоженные, любопытные, испуганные. Кто-то махал руками... один споткнулся, упал, тяжелый господин смешно перепрыгнул через него, понесся дальше, за ним вихрем пробежали какие-то мальчишки.

– Что такое? – спросила Катя, когда Лиза устремилась к выходу. Публика из кофейни посыпалась на улицу.

Кузнецкий мост заполнялся человеческим потоком, раздавались голоса:

– Кого?!

– Что?!

– Убило?!

– Кого?!

Кто-то задел Лизу плечом и обернувшись, она увидела, что это Савинков. Крепко держа печальную даму за руку, он проскользнул мимо Лизы и Кати, и потащил ее сквозь толпу. Подруги стали пробираться в том же направлении.

У Никольских ворот площадь заполнилась людьми. Все молча лезли куда-то. Толпа, сквозь которую нельзя было пробиться, казалась трясинной. Лиза заметила, как Савинков усадил спутницу в экипаж.

– Слышали? – произнес извозчик.

– Нет.

– Я стоял недалеко. Великий князь убит, – сказал он, дернул вожжами, и стегнул кнутом лошадку. Женщина упала на

плечо Савинкова и зарыдала. Но это были слезы не печали, как казалось на первый взгляд, а облегчения: она взглянула на спутника, и Лиза увидела улыбку на ее губах. Савинков улыбнулся ей в ответ и крепче обнял.

Почувствовав жгучую неприязнь, Лиза отвернулась. Поток же толпы влек ее с Катей к месту происшествия. Мимо в санях четверо жандармов провезли полулежавшего связанного окровавленного террориста.

– Да здравствует свобода! – старался кричать он, смеясь и рыдая как сумасшедший.

На месте происшествия уже образовался кордон. Пахло дымом и гарью. В нескольких десятках шагов стояла черная карета с желтыми спицами, точнее то, что от нее осталось. На мостовой – щепки кареты, лужа крови, посреди которой лежали останки Великого князя. Можно было рассмотреть только часть мундира на груди, руку, закинутую кверху, и одну ногу. Голова и все остальное было разбито вдребезги и разбросано по снегу.

Рядом ахнула Катя. Лиза отвернулась и потянула подругу прочь из толпы.

– Ужасно, ужасно! – твердила Шмит, как заведенная.

Лиза, плотно сжав губы, шагала прочь, не отпуская впечатлительную подругу.

– Я знаю, кто к этому причастен, – сказала она спустя какое-то время.

– З-знаешь? – У Кати зуб на зуб не попадал от волнения,

и слово далось ей с трудом.

– Да. Это Савинков. Ты должна была видеть его в кофейне рядом с печальной брюнеткой.

– Д-да, кажется, помню.

– Смотри!

Возле решетки сквера стоял окруживший кого-то любопытствующий люд. Неподдалеку находилась ошарашенная пара лошадей с передней осью кареты великого князя. Лиза пробралась сквозь толпу и увидела окровавленного кучера, чудом державшегося на ногах.

– За каретой медицинской помощи отправили? – спросила она стоявших рядом.

– Отправили, – ответил кто-то.

– Как вы себя чувствуете? – Лиза осмотрела раненного взрывом кучера. Его израненная спина выглядела ужасно.

– Умру я, жутко больно... Умру, сердце не выдержит...

Он застонал, закатив глаза.

– Говорите со мной! Как вас зовут? – Громкий четкий голос девушки вывел его из полузабытья.

– Андрей... Андрей Рудинкин.

– Хорошо, Андрей Рудинкин. А я Елизавета Глебова. Говорите со мной. Скоро прибудет помощь.

– Умру я, – повторил он.

– Не умрете. Держитесь...

Лиза впоследствии не могла вспомнить, о чем она далее говорила с раненым. Прибыла карета «скорой медицинской

помощи», израненного кучера погрузили и повезли в Яузскую больницу.

– Как думаешь, он выживет? – спросила Катя Лизу, взяв ее под руку. Ее впечатлила выдержка подруги.

Лиза промолчала. Катя вздохнула:

– Это не метод для борьбы. Если Великий князь и заслужил смерти, то кучер-то в чем виноват?

Через несколько дней Лизе на глаза попала заметка в газете:

«7-го февраля в 10 ч. вечера, в Яузской больнице скончался кучер Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича Андрей Рудинкин. Он до последней минуты не терял сознания и говорил, что умрет: «Сердце не выдержит». Спина его вся израна...»

Лиза не дочитав, отложила газету в сторону.

* * *

Петербург

Алексей и Малышев прибыли в Петербург ранним морозным утром. Их встречала пара молчаливых и неприметных филеров. Попутчик Глебова был напряжен и замкнут – Алексей тоже предпочел безмолвие, а не разговоры. Он понимал, что Малышев обязан по долгу службы доставить его в Департамент.

Однако Малышев сделал знак водителю, и автомобиль, на котором они ехали, свернул к дому Алексея. Высадив Гле-

бова и одного из филеров, Малышев уехал.

Алексей, засунув руки в карманы, проводил машину долгим взглядом. Затем посмотрел на филера, отсалютовал ему и, подхватив чемоданчик, отправился домой.

Открыв дверь квартиры, он сразу понял, что она давно уже пустует – Лиза так и не вернулась. Узнала ли она, что за ней следят? Фотография, оставленная им на столике как условный знак, находилась на прежнем месте.

Распорядившись вызвать прислугу, Алексей удалился в кабинет. Закурив, он выглянул в окно. Филер караулил на улице, подпрыгивая на морозе и похлопывая себя руками.

Глебов докурил папиросу, затушил окурок в пепельнице, основательно смяв его, и сел в кресло. Глаза Алексея сомкнулись от усталости. Путешествие выдалось тяжелым, напоминала о себе рана, и еще мгновение спустя он провалился в тяжелый тревожный сон...

...Алексей шел по бесконечно длинному коридору, с обеих сторон которого было множество закрытых дверей. Шел долго и не мог дойти до конца. Но вот среди мрака и тишины едва уловимо зазвучали слова венской песенки:

Durch die Gassen

*Zu den Massen...*⁸⁰

Он остановился у двери, за которой раздавалась песня. Взялся за ручку, повернул, дверь бесшумно открылась. Песенку напевал себе под нос, стоя спиной к двери, молодой

---

⁸⁰ По переулкам к массам... (нем.)

с внешностью ангела парень – его белокурые кудри светились, освещенные лампой, а светлая кожа отливала синевой. Алексей сделал шаг вперед. Руки ангела непрерывно что-то делали, но в его движениях ощущалась усталость. Почувствовав присутствие постороннего, он медленно обернулся. Глаза! Глаза черные как бездна, темнота, мрак. Ангел смерти! И вдруг раздался взрыв, ангела рвануло изнутри, пламя вырвалось наружу, обдало Алексея...

Алексей вздрогнул и проснулся. В дверь стучали. Прогоня остатки сна, он потер рукой заспанные глаза и лицо, затем открыл. Пришла Арина.

– Здравствуйте, Алексей Петрович, – произнесла с теплой улыбкой прислуга. – Я приготовила вам ужин. Будете ужинать в столовой или принести вам в кабинет?

– Нет. Лучше здесь, – ответил он, не желая сидеть в одиночестве за длинным столом.

– Хорошо. – Арина ушла и вскоре вернулась. Принесла поднос с ужином и доставленное только что письмо.

Когда дверь за ней закрылась, Алексей вскрыл конверт. Записка была от Малышева. Он назначал ему встречу в парке через час.

Глебов недоуменно приподнял бровь, затем нахмурился. Тревожное предчувствие вновь вернулось. Он выглянул в окно. Филера уже не было.

Через полчаса Глебов и Малышев встретились в парке в назначенном месте. Малышев уже ждал его, сидя на скамейке. Алексей, осмотревшись по сторонам, подошел и сел рядом.

Хмурый Малышев молчал. Глебов ожидающе посмотрел на него.

– Великий князь был убит 4 февраля в Москве. Бомба брошена неким Каляевым, – произнес тот.

Алексей откинулся на спинку скамьи. Новость не удивила его. Во время возвращения в Россию, в одном из ночных кошмаров ему привиделась гибель князя. Вот и сейчас ему вспомнился этот сон – зимний день, карета Сергея Александровича приближается к Сенатской площади, раздается взрыв, и тело князя разрывает в клочья... Алексей тряхнул головой, прогоняя наваждение.

– Как же так вышло? Лопухин не поверил полученным сведениям? – с сарказмом спросил он.

Малышев мрачно посмотрел на него.

– Господин Лопухин сейчас в Москве, я с ним не виделся. Что касается покушения, то московские сыщики вели наружное наблюдение за террористами, однако им дали распоряжение – ничего не предпринимать до получения специальных инструкций из столицы. Приказ об аресте Бориса Савинкова и его сообщников пришел, но в тот же день, когда состоялось убийство Великого князя. Арестовать удалось лишь исполнителя – Каляева.

Алексей холодно усмехнулся:

– Похоже, у господина Лопухина действительно есть серьезные враги.

–Х-м... Пока мы были в Париже, он попытался противостоять Рачковскому: извлек из архива старый доклад Плеве, на котором некогда Его Величество начертал резкую резолюцию о Рачковском, и вновь представил царю. Не помогло. Сейчас господин Лопухин пытается вернуть благосклонность императора и лично произвести расследование о наличии небрежности в деятельности московского Охранного Отделения, которое имело данные о подготовке покушения на Великого князя Сергея, но не использовало их... И еще... новый генерал-губернатор Петербурга Трепов⁸¹ назначил Рачковского чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел, с возложением на него особой миссии по руководству деятельностью петербургского Охранного Отделения.

Глебов в задумчивости неопределенно качнул головой:

– Лопухину поездка в Москву не поможет. Мы не привезли Азефа в Россию, а полученные мной сведения бездоказательны и ничего не значат. Лопухин не сможет их использовать.

– Как бы то ни было, при его возвращении я подтвержу,

---

⁸¹ Дмитрий Федорович Трепов (1855, Петербург –1906, Петербург) – московский обер-полицмейстер в 1896–1905 гг., генерал-майор с 1900 г., петербургский генерал-губернатор с января 1905 г.

что ты исправно выполнил свои обязательства.

– Премного благодарен, – Алексей усмехнулся, – но думаю, что Лопухин будет недоволен проделанной работой, и мои трудности не решатся. Я все еще у него на крючке.

– Есть один выход... Ты уже показал свои способности. там, где другие потратят месяцы, ты находишь решение за короткий срок.

Алексей вопрошающе посмотрел на него:

– К чему ты ведешь?

Малышев устремил на него внимательный с прищуром взгляд.

– Покушения. Те, что должны произойти в Петербурге, и довольно скоро. Времени осталось очень мало.

– И от меня ты хочешь...

– Чтобы ты нашел террористов.

Глебов удивленно приподнял бровь, затем хмыкнул:

– А ты предотвратишь покушения, и все будут довольны?

Малышев промолчал.

Алексей вздохнул и продолжил:

– Я уже говорил тебе, Азеф сообщил, что отряд некоего Швейцера отправился в Петербург для исполнения приговора над генерал-губернатором Треповым и князем Владимиром. Другой отряд – Боришанского – отправлен в Киев, он должен организовать убийство генерал-губернатора Клейгельса.

– Вопрос, когда и где? Возможно, их планы изменились.

Террористы очень осторожны, их до сих пор не обнаружили.

Глебов невесело усмехнулся:

– Ты возлагаешь на меня такие надежды! Не боишься ошибиться?

Малышев внимательно смотрел на него:

– Выбора нет. И... я никогда не встречал такого везения и чутья, что есть у тебя. Мистика, однако, работает. Не поверил бы, если бы сам не наблюдал.

– Мистика? – Глебов развеселился от души. – Уж точно, никогда бы не подумал, что услышу такие признания от закоренелого прагматика!

На лице Малышева не дрогнул ни один мускул – что сказать, дисциплина и выдержка...

– Мне нужно больше сведений, – наконец заговорил о деле Глебов. – Данные на террористов, маршруты передвижения предполагаемых жертв, где бывают, чем занимаются... То есть все, что сможешь разузнать.

Малышев кивнул:

– Будут. Завтра я свяжусь с тобой.

Он встал и ушел, а Алексей еще некоторое время сидел, в задумчивости уставившись перед собой.

* * *

По дороге домой Глебову пришла в голову неожиданная идея, он остановился у газетного ларька и выбрал несколько газет.

– Наконец Великому князю пришлось пораскинуть мозгами! – услышал он злобную шутку и хмуро посмотрел на говорившего. Многие не любили Великого князя. И по заслугам. Но бездушность, прозвучавшая во фразе, вызвала у Алексея холодное презрение к «шутнику».

Расплатившись за газеты, Глебов шагнул в сторону от прилавка, и чуть было не столкнулся с прохожим – молодой человек шарахнулся от него, крепко стиснув в руках саквояж, и устремил испуганный взгляд на Алексея. В задумчивости буркнув дежурные слова извинений, Глебов зашагал по тротуару, и молодой человек поспешил прочь.

...Вернувшись домой, Алексей уже несколько часов подряд просматривал статьи и сообщения в газетах, но стоящего ничего не попадалось. Он и сам точно не знал, что же он ищет.

Алексей закурил папиросу, подошел к окну и, открыв форточку, некоторое время устало смотрел в ночную мглу. За окном стемнело – убогие фонари не могли осветить улицу, превращая тени в проулках в зловещие химеры⁸². На небе мерцали звезды, а Алексею невольно вспомнились небесно-голубые глаза Лизы, в которых вспыхивали, загорались подобные огни в минуты радости и счастья...

Нахмурившись, Глебов перевел взгляд на тлеющую папиросу, затем нещадно смял ее в пепельнице, и вернулся к столу. Не садясь, он отхлебнул кофе и развернул очередную га-

---

⁸² Химеры – фантастические существа.

зету. И неожиданно его осенило. Он нашел в газете то, что искал!

* * *

На следующий день Глебов и Малышев встретились в парке на том же месте.

– Вот, взгляни, – Алексей протянул Малышеву газету. Тот развернул ее и уставился на обведенное карандашом объявление. – Уверен, что удар Боевой организации эсеров назначен на 1 марта. В этот день видные сановники соберутся в Петропавловском соборе к гробу императора Александра II для очередной панихиды. По крайней мере, четыре цели Боевая организация сможет сразу уничтожить: Великого князя Владимира, генерал-губернатора Трепова, министра внутренних дел Булыгина и его товарища⁸³ Дурново.

– Думаю, что ты прав... Осталось всего несколько дней. Если их не остановить, то будет много жертв – пострадают все, кто будет на панихиде во время взрыва. – Сложив газету, Малышев положил ее в карман, затем посмотрел на Глебова. – Боришанский, руководитель «киевской» группы, был замечен в Петербурге. Думаю, от покушения в Киеве террористы отказались: преследование провинциального генерал-губернатора – дело второстепенное в сравнении с тем,

---

⁸³ Товарищ министра (председателя) – в Российской империи заместитель министра или председателя, заведовавший наиболее важными структурными частями министерства (учреждения) и выполнявший ответственные поручения.

что они готовят проверить здесь. Мы распространили ориентировки на Боришанского, Швейцера и Савинкова, однако пока поиск не дал результатов.

Малышев протянул Алексею три фотографии из архивов охранки:

– Вот. Это Савинков. Боришанский. Швейцер.

– Думаешь, Савинков – здесь, в Петербурге? – спросил Глебов, разглядывая фотографии. Савинков имел худощавое вытянутое лицо. Простое лицо Боришанского не обладало запоминающимися чертами. Швейцер же отличался яркой внешностью и был красив «аки ангел» – Алексею невольно пришлось на ум это сравнение. Он сложил фотокарточки в стопку. Все молоды, идеалисты – отсюда самонадеянны, отчаянно смелы и тем паче⁸⁴ опасны.

– Возможно. Однако стоит большее внимание обратить на Максимилиана Швейцера – он руководит этой группой, при том химик по специальности. У него должно быть укромное место, где он делает бомбы. Лицо у него приметное, поэтому вряд ли он часто покидает свое убежище.

Алексей еще раз взглянул на фотографию Швейцера.

– Максимилиан Швейцер, – повторил он. Лицо вдруг показалось ему знакомым.

– Что-то не так? – окликнул его Малышев.

– Нет. Все так. – Глебов вручил ему фотографии и поднялся со скамьи. – Мне нужно проверить кое-что. Позже уви-

---

⁸⁴ Тем паче (устар.) – тем более.

димся, – сказал он и зашагал прочь.

_21

* * *

Лиза вынула из ридикюля ключ от своей петербургской квартиры, и некоторое время постояла в нерешительности. За дверью не было слышно ни звука. Она вставила ключ в замочную скважину и повернула. Открыв дверь, Лиза вошла. В квартире было тепло и прибрано. Лишь на столе в гостиной стояла чашка из-под кофе, лежали газеты, в пепельнице окурки. Постоянная манера Алексея все разбрасывать на столе! Где же прислуга?

Лиза прошлась по комнатам. На столике для корреспонденции лежали нераспечатанные письма. Она просмотрела стопку: несколько уведомлений, счета, ей – письмо из Верхнеудинска от невестки, три нижних – Алексею.

Лиза стремительно просмотрела имена отправителей: Катарина, Айседора Дункан, Мата Хари... Она гневно вскрикнула, и, повинуясь первому порыву, сложила письма вместе и потянула за концы, намереваясь разорвать. Затем, закусив губу, остановилась и спустя мгновение решительно вскрыла одно из них.

«Здравствуй, мой милый Аликс!» – гласили строки на французском языке. Дальше Лиза читать не стала – отшвырнула письма в сторону, и, обессилено опустившись на стул, прикрыла лицо руками.

«Как ты мог?!» – Она погасшими глазами уставилась впе-

ред. – «Это никогда не прекратится! Что на этот раз может тебя оправдать?!»

Лизе вспомнилось то, что произошло с ними год назад...

...После недели замужества, когда они уже собирались отправиться в свадебное путешествие, Алексей вдруг пропал. Она еще не знала тогда, что Алексей заподозрил ее отца в убийстве своих родителей. Она не могла понять, что случилось, что происходит, везде искала мужа. И вот ей сообщили, что видели ее супруга в публичном доме. Она не хотела в это верить! Но пошла туда... Вызывающе накрашенная, с низким декольте хозяйка заведения не пустила ее на порог. Одетый в поношенную ливрею мужичок выставил ее за калитку и запер ворота. Не смотря на уговоры сопровождавшей ее знакомой, она перелезла через ограду. Через черный ход прокралась внутрь, прошла, таясь по темному коридору, стораая от стыда от звуков, раздающихся за закрытыми дверями, и вдруг случайно услышала голос мужа. Она потянула ручку двери и заглянула внутрь. Ее обнаженный муж сидел в ванне, наполненной водой, а полуголая девица ласкающе обтирала его мочалкой. Алексей был пьян, он что-то говорил ей, девица смеялась. Затем он схватил ее за талию и сгреб в ванну, та вскрикнула и расхохоталась. Он страстно припал к ее прелестям, ее рука спустилась ниже... Лиза вскрикнула от гнева и бессилия, девица оглянулась. Затем расхохоталась ей в лицо. Лиза, не помня себя, выскочила на улицу...

...Лиза вздрогнула, как от удара, и очнулась. Все его слова

о любви – только лишь слова! В его жизни всегда будут другие: замужние дамы, певички, танцовщицы, потаскухи. Он лгун и лицемер! Он будет врать всегда – врать и манипулировать ею! Нет, хватит! Нужно уехать... и больше никогда, никогда сюда не возвращаться!

Лиза вскочила со стула и выбежала из квартиры, забыв запереть дверь. Остановив на улице коляску, она приказала извозчику ехать на вокзал.

* * *

Глебов еще раз описал продавцу газет внешность парня – того, с которым столкнулся вчера вечером у газетного ларька. Тот лишь отрицательно покачал головой, пожал плечами. Получив же хорошее вознаграждение, посоветовал обратиться к владелице цветочного магазина напротив.

Алексей перешел дорогу и вошел в магазин. Над головой брякнул колокольчик. Слева от входа в клетке чирикали пестрые птицы, а все помещение утопало в цветах и зелени. Аромат цветов будоражил, раздражал.

Алексей прошел к прилавку, за которым находилась милостивая стройная белокурая дама, скрупулезно составляющая букет.

– Что желаете, сударь? – спросила она, отвлекаясь от своего занятия.

Глебов улыбнулся ей самой очаровывающей из своих улыбок.

– У вас райский уголок, мадам!

– Благодарю. – Дама зарделась от удовольствия. – Так что же вы желаете? Букет или, быть может, вас интересуют горшечные цветы?

– Букет. Для прекрасной дамы.

Цветочница кивнула:

– Розы, тюльпаны, нарциссы?

Глебов окинул взглядом пеструю цветочную палитру. Его взгляд остановился на синих причудливых цветах, так напоминающих цвет глаз Лизы...

– Сударь?

Алексей очнулся. Лиза? Вспомнилась совсем не к месту...

Он кашлянул в кулак и осмотрелся по сторонам, будто выбирая.

– Я совершенно в растерянности... – Он вновь с улыбкой посмотрел на хозяйку цветочного магазина. – Скажите, а что предпочитаете вы?

– Я? О, я предпочитаю розы. – Она плавным жестом указала на корзину с цветами. – Взгляните, они прекрасны, будь то красные, белые...

– Черные?..

Цветочница рассмеялась:

– Сударь, черных роз не бывает!

– Наверняка, когда-нибудь они будут. – Алексей, поставив ногу на подставку, наклонился к даме поближе. – Сделайте мне букет на ваш вкус...

Цветочница очаровательно улыбнулась и стала составлять букет из роз.

– Знаете, мадам, я хотел бы посвятить вас в маленький секрет, – сказал он, не сводя с нее глаз.

Она посмотрела на него:

– Секрет?

– Да... Один господин доставляет моей сестре неприятности. Он тайный ее поклонник и постоянно присылает ей цветы. Но главное то, что сестра замужем. А ее муж – суровый человек, военный...

– И что? – История цветочницу заинтересовала. Алексей видел это по выражению ее глаз.

– И только вы мне можете помочь...

– Каким же образом?

– Я знаю, что этот молодой повеса приобретал цветы в вашем магазине. Возможно, вы вспомните его. Высокий белокурый юноша с ангельским лицом и голубыми глазами.

– Мак-Куллох? – Дама выпрямилась в струнку.

Алексей пожал плечами:

– Я имени его не знаю.

– По описанию подходит только он. Он англичанин. Актер, – отчеканила она, продолжая собирать цветы в букет. Движения выходили резкими и злыми. – Но у меня цветы он покупал всего лишь раз, а так интересовался, можно ли приобрести их на большое мероприятие.

По всей видимости, этот парень захаживал сюда, чтобы

ближе познакомиться с этой дамой. Хотя, что за мероприятие? Не к поминальной ли панихиде по императору Александру готовятся цветы?

– Все, готово, – возвестила дама.

Расплатившись, Глебов протянул букет блондинке:

– Возьмите, прекрасная мадам, он для вас.

К хозяйке магазина вернулось хорошее расположение духа. Она приняла букет. Поблагодарила. Понюхала цветы, как будто раньше не вдыхала их аромат.

Алексей улыбнулся, и уже хотел задать вопрос, как вдруг что-то заставило его обернуться. Однако он ничего необычного не заметил – за окном мелькали экипажи и передвигались прохожие. Алексей вновь повернулся к цветочнице.

– Скажите, где его найти?

– Кого? Ах да, – она пожала плечами. – Не знаю. Хотя, постойте. Он говорил, что знает один хороший ресторан, в котором частенько бывает. Название, по моему, «Европа»...

* * *

Лизе казалось, что экипаж едет слишком медленно. Она уже была готова обратиться к извозчику, но неожиданно увидела Алексея, переходящего дорогу. Сердце замерло, а потом болезненно сжалось. Алексей вошел в цветочный магазин. Зачем?

Поддавшись порыву, Лиза попросила извозчика остановиться и быстро направилась к витрине магазина. То, что

она увидела в окно, окончательно разбило ее сердце. Алексей флиртовал с белокурой цветочницей, преподнес ей цветы, нежно сжал ручку...

Кучер несколько раз окликнул Лизу, она вздрогнула, развернулась и побежала к экипажу. Сердце больно сжималось... Все! Прочь из этого города, прочь от него! Она не позволит ему увидеть свои страдания... Лиза стерла слезы. Как же быть? Она ведь больше так не может...

* * *

«Европа» был не столь уж шикарным заведением, хотя обслуживание было не из плохих: служащие всегда заискивающе улыбались, учтиво говорили, интересовались пожеланиями клиентов, естественно, не за просто так, а за звонкие монеты и хрустящие банкноты.

Вот и сейчас метрдотель любезно улыбнулся вошедшему в ресторан посетителю: Глебов лениво осмотрелся, затем поинтересовался, здесь ли господин Мак-Куллох. Метрдотель с извинениями ответил, что никакого господина Мак-Куллоха здесь нет, и услужливо предложил столик.

Проводив Алексея до свободного столика, он удалился – вскоре явился с наклеенной услужливой улыбкой официант. Сделав заказ, Глебов вновь поинтересовался Мак-Куллохом, но видя недоумение на лице обслуги, вкратце описал его и «оживил» память официанта с помощью монеты. Ловко спрятав деньги, официант доверительно сообщил, что

некий господин подходит под описание. Кто он таков, чем занимается – не известно. Как правило, бывает по субботам или воскресеньям – поэтому возможно и будет нынче.

Ожидая заказ, Алексей осмотрелся. Вход в зал хорошо просматривался – если Мак-Куллох явится, то он его непременно заметит.

Время шло, а Глебов не торопился уходить: блюда оказались вполне удобоваримые, пианист играл легкую музыку, посетители ресторана неспешно поглощали пищу за приятной беседой... Алексей взглянул на часы. Ждать дальше не было смысла. Он жестом подозвал официанта – попросил счет. И в эту минуту заметил у входа разыскиваемого им блондина – тот выглядел уставшим, под глазами синяки – то ли от недосыпания, то ли от начинающейся лихорадки, а белокурые немые волосы слиплись.

Да, это был тот самый парень, с которым Глебов столкнулся, когда покупал газеты. Мак-Куллох. И хотя изображение Швейцера на фотографии, что приносил Малышев, было давним, у Алексея не осталось сомнений – Мак-Куллох и Швейцер – один и тот же человек.

Тем временем, поговорив с метрдотелем, Швейцер сделал шаг в зал и осмотрелся, затем, вернувшись к метрдотелю, пожал плечами, что-то сказал и ушел.

Глебов быстро расплатился и последовал за ним. Выскочив на улицу, он огляделся – Швейцер-Мак-Куллох стремительно шагал по тротуару. Алексей, соблюдая осторожность,

последовал за ним. Однако вскоре удача подвела его: из-за промчавшейся мимо кареты, Алексей упустил Швейцера из виду. На улице быстро темнело. Поиски не имели смысла. Он остановил экипаж, назвал извозчику адрес...

* * *

Поднявшись в свою квартиру, Глебов обнаружил дверь незапертой. Стараясь не шуметь, он вынул револьвер из-за пояса, зашел внутрь, прислушался и медленно двинулся дальше. Луна светила в окна, ложась серебряными трапециями на пол. В квартире – полная тишина. Никого.

Глебов включил в гостиной свет, еще раз осмотрелся, убрал оружие. И тут же вспомнил, что оставил входную дверь открытой. Он вышел в коридор и в тот же миг – резкий удар по голове, Алексей качнулся и рухнул на пол...

... Кто-то плеснул воду в лицо, и Глебов с трудом разлепил глаза. На него смотрел Швейцер-Мак-Куллох.

– А, очнулся. Хорошо. – Швейцер выпрямился во весь рост.

Сидящий на полу возле стены Алексей пошевелился, но руки и ноги были крепко связаны. Он вздохнул, взглянул на Швейцера и спросил:

– Кто ты такой? Что тебе надо?

Швейцер рассмеялся:

– Дурака не корчи. Ты следил за мной. Мы засекали тебя еще в ресторане!

Глебов вздохнул. Он просчитался, допустил ошибку, которая может стоить ему жизни.

Алексей пристально посмотрел на Швейцера:

– Метрдотель?

– Метрдотель тут вовсе не причем.

Тогда кто эти мы? Неужели кто-то ждал Швейцера в ресторане, и сразу вычислил его?

Швейцер ухмыльнулся:

– Теперь моя очередь задавать вопрос. Кто ты такой и что тебе от меня надо?

Сейчас его лицо вовсе не было ангельским – на нем отражались угроза и жестокость.

Алексей невесело усмехнулся:

– Мое имя? Тебе оно ничего не скажет.

Удар ботинком в бок заставил перестать дышать от боли. Оправившись, Глебов попытался сесть поудобней, что заставило его снова поморщиться.

– Будешь говорить?

– Смотря о чем...

Очередной удар ботинком...

– Ах, ты..., – выругался сквозь зубы Алексей. Думай, Глебов, думай! Думай, что делать...

– У нас мало времени. Нельзя допустить, чтобы наш план сорвался, – раздался знакомый голос совсем рядом. Алексей повернул голову и увидел сухощавого мужчину, выглядывающего в окно. – Одна жертва ничто. Надо его устранить.

Да, скверный оборот. Голос... Чей же это голос? Вспомнился Париж, балкон, Азеф и «Павел Иванович». Да, точно. Это тот тип, с которым встречался Азеф.

Швейцер сомневался:

– А если он из полиции? Возможно, они у нас на хвосте. Нужно выяснить, что они знают. И кто их информатор.

– Оставь его мне. Я все выясню. – Мужчина обернулся, и Алексей узнал его. Человек на одной из фотографий, что принес Малышев. Борис Савинков. Один из лидеров Боевой организации ПСР. И где эти филеры, когда они так нужны? Впервые Алексей пожалел, что полицейские не следят за ним.

– Тебе нужно закончить работу, – продолжал Савинков.

– Да, нужно, – согласился Швейцер. Он прошел к стулу, на котором висело его пальто, оделся. Кивнул в сторону Глебова. – Что с ним будешь делать? Убийство – сразу бросится в глаза.

Савинков размышлял с холодным выражением лица.

– У тебя спички есть?

Швейцер без лишних вопросов пошарил в кармане и кинул коробок Савинкову.

– Ну, я пошел, – сказал он, надевая шапку.

Когда Швейцер ушел, Савинков приблизился к Алексею. Присел перед ним на корточки:

– Что молчишь? Говорить будем?

– А о чем нам говорить? – Глебов усмехнулся. – Ведь все

равно убьешь? Защитник революции!

– Ты прав, убью. Защищая революцию. Вопрос в том, как я это сделаю. Если по-хорошему, ты умрешь легко и быстро. Если по-плохому, умирать придется долго и болезненно.

– Предпочитаю долго.

– Что ж, как пожелаешь. – Савинков поднялся и оглядел комнату. Взял подсвечник с камина и зажег свечу. Поставил его на пол возле дивана так, чтобы пламя начало лизать обивку. Рядом расположил полупустой бокал, разлил коньяк из бутылки на обивку, поставил ее на пол. Посчитав, что не достаточно – чиркнул спичку и поджег там, где плеснул спиртное.

– А знаешь, Борис, я тебе все же скажу одно, – произнес Глебов, пытаясь тихонько растянуть узлы. Услышав свое настоящее имя, Савинков вздрогнул, обернулся.

– Что же?

– Кто информатор.

Савинков взглянул на обивку дивана, которая с трудом, но разгоралась. Приблизился к Алексею:

– И кто же?

Губы Глебова расплылись в усмешке.

– Евно Азеф.

– Врешь!

– У меня есть доказательства. Нужны? Так они в сейфе в спальне. По такому случаю могу и код назвать.

– Что ж, посмотрим. – Савинков прошел в спальню. – Где

сейф?

Глебов натянул веревки, но все бесполезно. Диван чадил, а потом вдруг полыхнуло пламя. Алексей на секунду прикрыл глаза, тяжело сглатывая. В детстве во время пожара погибли его родители. Он сам задыхался от дыма и видел, как языки пламени пожирают его дом. Детские страхи вернулись...

– Эй, что молчишь?

Алексей открыл глаза, стараясь больше не смотреть на разгорающееся пламя.

– За ковром. – Еще пара минут выиграно. Савинкову потребуется время, чтобы убрать тяжелый турецкий ковер.

Глебов сделал несколько глубоких вдохов и огляделся. Вспыхнул ковер, лежащий на полу... Взгляд Алексея остановился на фотографии Лизы. Когда в соседней комнате раздался шум, он толкнул ногами столик, рамка покачнулась и упала на пол. Раздался глухой звук треснувшего стекла.

– Что дальше? – крикнул Савинков. – Говори комбинацию.

Подтянув рамку к себе, Глебов взглянул на фотографию жены. – Семь влево. – Сдвинул рамку, разломал и вынул осколок стекла. – Два вправо. – Изловчившись, стал резать веревку.

– Дальше.

– Четыре влево. – Черт, какая же толстая веревка! – Девять вправо... Семь влево... Один вправо... – Руки свобод-

ны.

– Ни черта не сработало! – выругался Савинков.

– Еще раз. Попробуй. Семь влево, два вправо. – Глебов развязывал веревку на ногах. – Четыре влево. Девять вправо. – Еще немного. – Восемь влево...

Савинков выругался:

– Ты говорил «семь»!

Что ж, у Савинкова прекрасная память!

– Ты не расслышал. Во-семь!

– Дальше!

– Один вправо.

Все, Савинков открыл дверцу сейфа. Но и веревка была уже снята. Вооружившись каминной кочергой, Глебов бесшумно стал пробираться к спальне.

Савинков рылся в сейфе, переворачивая бумаги, ища то, чего там не было. Глебов на цыпочках приблизился к нему, держа кочергу наготове:

– Эй!

Савинков резко обернулся, Алексей ударил.

– Один – один, – удовлетворенно произнес он. Обыскал Савинкова. Забрал револьверы – его и свой. Сунул себе за пояс. Затем выгреб из карманов все остальное: спичечный коробок, ключи, дорогие папиросы, портмоне, документы. Распихав предметы себе по карманам, взял жертву за шиворот и вытащил в гостиную. Пламя пожирало здесь все с нарастающей скоростью.

Алексей чертыхнулся. Должны же жильцы дома почувствовать запах дыма и гари?! Наскоро связав Савинкова, он вытащил его в коридор, распахнул входную дверь и проорал:
– Пожар!

Убедившись, что его услышали, Глебов вернулся в гостиную. На секунду зажмурил глаза, затем схватил плед и стал сбивать пламя... На помощь примчалась пара добровольцев из obsługi дома...

Кашляя, Глебов вышел в коридор и обнаружил, что Савинков исчез!

– Черт! – выругался Алексей, запуская пятерню в волосы. Ушел! И где теперь их искать? Он стал усиленно вспоминать все, что могло подсказать, где нужно искать террористов. И тут его осенило. Спички! Глебов вывалил из карманов предметы, принадлежащие Савинкову. Вот они! Фирменный коробок отеля «Бристоль».

Алексей выскочил на лестничную площадку, на которой столпилось несколько напуганных дымом жильцов дома. Увидев погорельца, жильцы невольно расступились. Глебов же, перескакивая через ступеньки, помчался вниз.

* * *

Алексей мчался к отелю, опасаясь, что Савинков предупредил Швейцера, и они сумеют скрыться.

Прибыв в отель «Бристоль», Глебов разбудил портье. Тот недоуменно уставился на незнакомца, затем возмущенно

воскликнул:

– Что вам нужно?

– Мне нужно знать, в каком номере проживает Швейцер!

– У нас нет никакого Швейцера! Вы знаете, сколько сейчас времени?! – Портье посмотрел на часы. – Еще нет и пяти!

Глебов ухватил его за лацканы пиджака.

– Послушайте! В вашем отеле проживает террорист. Здесь он изготавливает бомбы, которые могут рвануть в любой миг!

Глаза портье испуганно расширились.

– Но у нас действительно нет никого с таким именем!

– Тогда Мак-Куллох! Блондин с голубыми глазами!

Портье похлопал ресницами.

– У нас есть Артур Мак-Куллох...

– В каком он номере?

– Двадцать семь.

Алексей отпустил лацканы пиджака портье.

– К нему кто-нибудь приходил ближайšie полчаса?

Портье испуганно моргал.

– Нет, – ответил он, – ночь ведь... Что теперь, а?

– Что и должны сделать, сообщите в полицию, – сказал Глебов и устремился вверх по лестнице.

* * *

Швейцер стоял перед столом. Лампа тускло освещала то, что лежало перед ним – материал, необходимый для бомбы.

Швейцер устало начинал очередную бомбу. Он сонно потер глаза. Нужно торопиться – ведь время поджигало.

Швейцер достал папиросу и огляделся в поисках спичек. Затем вспомнил, что отдал их Савинкову. Нахмурился. Он осуждал такие убийства, что совершил или совершит сегодня Савинков. Но время, революция требовали таких жертв. Со злом нужно бороться любыми способами, жертвы себя оправдают. Взять, к примеру, французские революции...

Швейцер зевнул. Вернулся к своему занятию. Его не покидала тревога. Чувство опасности. Чтобы отогнать сонливость и дурные мысли, он стал напевать куплетик венской песенки, всегда вертевшейся у него на языке:

Durch die Gassen

Zu den Massen...

...Глебов шел по коридору, освещенному лишь двумя тусклыми лампами. Двадцать седьмой номер. Где же этот чертов двадцать седьмой номер?! На каком этаже? Ничего невозможно было разглядеть в полумраке.

И тут Алексей услышал куплет песенки, звучавший совсем тихо, едва уловимо... Он медленно двинулся по коридору, приблизился к двери, прислушался. Положил руку на ручку двери. И вдруг вспомнил сон. Фрагменты кошмара пронеслись перед глазами: Швейцер возле стола, напевает песенку, затем оборачивается, из его рук выскользывает капсула, падает, разбивается и...

Алексей развернулся и кинулся прочь. Раздался оглуша-

ющий грохот, взрывная волна подхватила его и бросила на стену...

22

* * *

Взрыв прогремел как гром среди ясного неба. С четырех этажей «Бристоля» полетели стекла, камни, доски. Из дыр, образовавшихся в стенах, повалилась ломаная мебель, кучей вниз ухали кирпичи, смешанные с пылью. Рядом со скрипом рухнула решетка...

Случайные прохожие, оправившись от испуга, устремили любопытствующие взгляды на последствия взрыва. Из отеля стали выбегать полураздетые жильцы. Портье, схватившись за голову, метался из стороны в сторону. Вскоре подъехала полиция и стремительно создала оцепление.

Из прибывшей кареты вышел Малышев. На ходу запахивая пальто, он окинул взглядом пострадавший от взрыва «Бристоль» и направился к портье...

* * *

Москва

Прибыв из Петербурга, Лиза вела себя сдержанно и замкнуто, но стоило ей остаться одной в своей комнате, она упала на кровать и зарыдала. Слезы лились из глаз нескончаемым потоком. Все, что было, рухнуло, от брака остались одни обломки...

В дверь тихонько постучали. Она зажала рот ладошкой.

– Лиза, вы плачете? – услышала она голос Николая.

Лиза молчала.

– Лиза, я слышал, как вы рыдали, – настаивал он. – Я позову Катю.

– Нет, я не плачу, – смогла ответить она.

– Зачем вы говорите мне не правду?

– Хорошо. – Лиза встала и открыла дверь. Шмит увидел ее заплаканное лицо. – Довольны?

– Чем я могу быть доволен?! Тем, что вы несчастны?

Лиза отвернулась. Шмит молчал, затем вошел в ее комнату.

– Это не допустимо, – воспротивилась она.

– Недопустимо то, что вы плачете.

– Вы подаете плохой пример своим младшим сестрам и брату.

Шмит не ответил, сел на подоконник и задумчиво уставился на нее. Лиза вздохнула, поправила помявшееся платье и опустилась в кресло.

– Лиза, выходите за меня замуж.

Лиза вздрогнула и обернулась.

– Зачем вы так... опять?

– Я хочу сделать вас счастливой. Вы созданы, чтобы вас любили... носили на руках... боготворили...

Лиза невольно рассмеялась:

– Вы так влюблены, что заговорили стихами?

– Вы достойны того, чтобы о вас говорили стихами, –

упрямо ответил он.

Лиза горько вздохнула, но на душе от его слов полегчало.

– Спасибо вам.

– За что?

Лиза не ответила. Шмит повернулся к окну. Помолчал.

– В фабричной амбулатории сегодня были первые пациенты, – сказал он.

Лиза оценила то, что он сменил тему разговора.

– Да? И как? – Ей действительно было интересно.

– Доктор сказал, что без помощницы будет очень тугоვა-то. Он спрашивал о вас в надежде, что вы не оставите его в столь трудные минуты, а может месяцы...

Лиза улыбнулась:

– Конечно же, нет, как вы могли только подумать!

...Они проговорили до утра. Когда за окном стал оживать город, Шмит отправился к себе. Открывая ему дверь, Лиза улыбнулась. Он повернулся к ней:

– Желаю вам спокойной ночи.

Лиза хотела ему ответить, но вдруг побледнела: сердце в ее груди замерло, скакнуло, ударилось о ребра так, что отда-лось по всему телу болью. В глазах потемнело, и она стала падать.

Шмит подхватил ее...

* * *

Петербург

...Глебов, откашливаясь, поднялся на ноги. С него сыпалась штукатурка, щепки, пыль. Тело болело от удара, в голове звенело, но, по крайней мере, он остался жив.

Проталкиваясь среди жильцов, покидающих в панике отель, Алексей пробрался к номеру Швейцера. Внутри все было уничтожено взрывом. Стены частью были разрушены, частью выпирали наружу...

Возле капитальной стены он увидел обезображенное тело. Труп мужчины лежал на спине, голова была неестественно запрокинута. Грудная клетка разорвана так, что даже виден был позвоночник. Руки без кистей и части предплечья валялись рядом. В обломках мусора лежали куски мяса, внутренности, сердце...

Алексей отвернулся и прислонился к стене, преодолевая дурноту. Всего лишь пару минут назад парень был жив, а теперь превратился в куски рваной плоти. В проеме появилось еще несколько любопытствующих лиц. Алексей прошел мимо, не понимая, почему все перед ним расступаются, и спустился по пыльной лестнице вниз. На выходе столкнулся с Малышевым.

– Жив! – воскликнул тот. Затем окинув взглядом с ног до головы, подхватил под локоть. – Пошли.

Малышев провел его через толпу, усадил в свой экипаж и сел рядом. Алексей молчал. Экипаж тронулся с места.

– Куда ты меня везешь? – спустя некоторое время спросил Глебов.

– Ну, наконец-то! Заговорил.

Алексей недоуменно посмотрел на него.

– Неужели я так плохо выгляжу? – уныло усмехнулся он.

Или ему показалось, что усмехнулся? Тело не желало больше слушаться.

– Да, вид у тебя еще тот.

– Так куда ты меня везешь?

– В клинику...

– Мне не нужен доктор.

– Нужен, уж мне поверь. Клиника хорошая, частная, уединенная. Побудешь там несколько деньков, пока все не уладится. Выспишься, подлечишься.

Глебов хотел возразить, но Малышев настоял:

– Так нужно.

Спорить больше не хотелось. Точнее сил не было. Алексей закрыл глаза.

* * *

Март 1905 г. Петербург

Алексей две недели провалялся на больничной койке. Обслуживание было на высшем уровне: в палате он находился один, за ним ухаживали симпатичные сестрички, доктор был терпелив, но настойчив. Глебов же оказался несносным, раздражительным пациентом и требовал скорейшей выписки. Думается, все вздохнули с облегчением, когда доктор выпи-сал его...

Алексей вышел на улицу и втянул ноздрями холодный весенний воздух. Прищурился с непривычки от солнца, бьющего в глаза.

В этот момент к крыльцу подкатил открытый экипаж и из него выскочил Малышев.

– Пройдемся?

Глебов кивнул.

Они свернули в сквер. Малышев протянул ему небольшой сверток.

– Что это?

– Держи. На память.

Алексей взял подарок. Распаковал. Внутри оказалась серебряная инкрустированная коробочка с гравировкой.

– «Memento mori», – прочитал он вслух. Усмехнулся. – Помни о смерти?

Глебов открыл коробку. В ней на бархатной основе лежал его медальон, пробитый пулей. Оказывается, Малышев сохранил его.

– В тебе просыпается чувство юмора? – Алексей закрыл коробочку.

– Нет. Это напоминание, предупреждение. – Малышев был серьезен.

– А я-то думал... Что ж, премного благодарен. – Глебов убрал подарок в карман. – Но я бы предпочел что-то вроде «Veni, vidi, vici»⁸⁵ или «Meliora spero»⁸⁶.

---

⁸⁵ Пришел, увидел, победил (лат.)

– Рад, что к тебе вернулось прежнее расположение духа. Они некоторое время молча шли по скверу.

– С твоей жены сняли слежку, – сообщил Малышев. Глебов промолчал, и он продолжил:

– И еще... Хочу тебя поблагодарить.

– С чего бы?

– Покушение, намеченное на 1 марта, не состоялось: смерть Швейцера внесла расстройство в работу отряда Боевой организации. Нам удалось выйти на след террористов. Было обнаружено место хранения взрывчатых веществ и бомб⁸⁷. Сейчас проводятся аресты.

– Можно поздравить тебя с повышением?

Малышев не ответил.

– Савинкова арестовали?

– Нет. Ему удалось скрыться. Скорее всего, он уже покинул Россию. – Затем сообщил, – Лопухин снят императором с должности.

– Как же мое дело? – Они остановились напротив друг друга.

Малышев некоторое время молчал.

– О тебе знает ограниченный круг людей. В большей степени я и Лопухин. Ты работал лично на него. Он опасался, что кто-то может узнать об этом... Предполагаю, твое дело

---

⁸⁶ Надеюсь на лучшее (лат.)

⁸⁷ Прим. автора: Бомбы и взрывчатые вещества были обнаружены на квартире дочери владимирского губернатора Татьяны Леонтьевой.

по-прежнему хранится на конспиративной квартире, где ты с ним встречался.

– На Фонтанке?

Малышев невольно удивился.

– Как ты узнал?

– Просчитал, когда вы меня туда возили.

Малышев кивнул. Вздохнул:

– Извини. Больше ничем не могу тебе помочь.

Алексей усмехнулся и протянул ему руку:

– Что ж, прощай.

Малышев ответил крепким рукопожатием.

– Прощай. – Помедлил. – Жаль, что так получилось... То, что мы не можем быть в одной команде.

Затем зашагал прочь.

* * *

Глебов не терял время зря и ночью того же дня пробрался в конспиративную квартиру на Фонтанке. Вскрыть замок квартиры было не столь сложно, зато пришлось помаяться с несгораемым сейфом. Однако Алексея ожидало разочарование: сейф оказался пуст. Глебов мысленно чертыхнулся. Дело принимало скверный оборот. Лопухин мог... да как угодно он мог поступить!

– А, господин Глебов. – Неожиданно услышал Алексей за своей спиной. Внутри все похолодело. Он медленно обернулся.

Перед ним стоял довольно высокий крупный мужчина лет пятидесяти-шестидесяти, с седеющей бородкой и гладко зачесанными назад волосами. В глаза бросались его слегка заостренные вверх уши.

– Господин Витте⁸⁸, если не ошибаюсь? – произнес Глебов.

– Да. Вы не против, если я присяду? – спросил Витте, проходя к дивану и садясь. – Позвольте узнать, не это ли вы ищете? – Он похлопал ладонью по папке.

Алексей замер. Да, это была та самая папка с компроматом на него и на его жену!

Между тем Витте продолжил:

– Я знал ваших опекунов, господин Глебов. Славные были люди – всегда по-доброму ко мне относились. – Он положил папку на стол. – Знаете, моя супруга очень хорошая радушная хозяйка. Я приглашаю вас к нам завтра на обед. Обязательно приходите. – Он поднялся с места. – Имею честь.

Витте вышел из кабинета.

Алексей медленно подошел к столу, открыл папку и пролистал. Дело было на месте. Все, что было собрано Лопухиным на него и на Лизу. Взяв документы, он поспешно вышел из квартиры...

---

⁸⁸ Сергей Юльевич Витте (1849, Тифлис – 1915, Петроград) – государственный деятель, министр финансов (1892—1903 гг.), председатель комитета министров, председатель Совета министров Российской империи (1905—1906 гг.).

* * *

Москва

Щербатый нервно покуривал папироску, сжимая ее по тюремному – тремя пальцами. Неделю назад ему дали указание снять наблюдение с объекта. Как же! Так он это и сделал! Да кто такой этот Малышев, чтобы давать ему указание! Щербатый сплюнул. Завидев Лизу Глебову, вышедшую из дома в сопровождении Андриканиса и Кати Шмит, он сделал последнюю затяжку. Затем отщелкнул пальцами папироску, она, кувыркаясь, полетела в сторону, и он неторопливо двинулся следом за Глебовой и ее друзьями. Наверняка идут в контору поверенного, которого посоветовал Глебовой Андриканис. Дамочка собралась разводиться. Аппетитная дамочка! Такие формы: грудь, бедра, осиная талия... Щербатый ощутил, как возбуждается. Представил, как долбит эту девицу – грубо, сильно, быстро... Он стиснул зубы, чтобы не застонать. Остановился. Затем свернул в проулок. Нет, так не должно больше продолжаться. Он получит то, что хочет...

* * *

После посещения поверенного, Лиза в сопровождении Кати направилась на фабрику Шмитов. В амбулатории ее радостно встретил доктор.

– Как вы себя чувствуете, Елизавета Николаевна? – поинтересовался он. – Вы позволите? – Он взял ее за руку, чтобы

послушать пульс.

Лиза сдержанно улыбнулась:

– Я чувствую себя хорошо.

Две недели назад, когда ей стало плохо, Лиза стала его пациенткой.

– Нервы, – вывел доктор тогда диагноз и прописал ей постельный режим в полном покое.

Первую неделю Лиза действительно провалялась в постели, в большей мере спала, к началу второй – стала подниматься и выходить гулять. У нее было время подумать... Она приняла решение по поводу своего неудачного брака и сказала о нем Шмитам. Они восприняли ее намерение развестись с безмолвной поддержкой: Катя поостереглась проявлять бурную радость, опасаясь очередной хандры Лизы, а Николай отвернулся к окну, будто что-то там разглядывал, однако уголки его губ тронула улыбка...

– Прекрасно, – объявил доктор. – Я бы сказал, что вы здоровы. Однако...

Лиза с улыбкой поспешила его остановить:

– Доктор, пожалуйста, я больше не могу сидеть без дела!

Могу я приступить к своим обязанностям в амбулатории?

Доктор улыбнулся:

– Раз вы того желаете, то... Когда сможете приступить?

– Прямо сейчас. – Лиза с готовностью поднялась.

Доктор выделил ей белый фартук, и они взялись за работу: прием больных, прививки, посещение барачков, где жили

семьи рабочих...

К вечеру Лиза валилась с ног, но чувствовала себя вполне умиротворенной. Она работала с полной отдачей, а доктор, видя ее интерес, предоставил ей для изучения некоторые медицинские книги. Вечером, сидя на диванчике в своей спальне, Лиза пролистывала одну из них, однако глаза слипались... Сегодня, посетив поверенного, она сделала первый шаг к разводу. Выдержит ли она? Пути назад нет...

23

Глава 3. Витте

Петербург

Алексей сидел в гостиной напротив Витте и его жены и наблюдал за ними. В большей степени, за Витте – ведь неизвестно с каким умыслом тот пригласил его в гости. Можно было и не приходить, однако Глебов понимал – Витте неспроста появился на Фонтанке и слишком много знает о нем. Почему же не воспользоваться возможностью и не изучить его поближе?

Алексей слышал, как петербургские аристократы презрительно сравнивали Витте с купцом-выскочкой, насмешничали над его украинским выговором и «плебейским» французским. Да, Витте имел повадки провинциала, однако Глебов считал, что человека нужно оценивать не потому, как он говорит, а по тому, ЧТО говорит и КАК поступает.

Он знал, что Витте много лет служил в правительстве. И за это время за счет его усилий вдвое удлинилась россий-

ская железная дорога, выросла промышленность, в порядок пришли финансы – значительно благодаря винной монополии, им введенной. Витте обладал хозяйственной хваткой и без стеснения говорил о своих заслугах. Поговаривали, что Витте крал, хотя никем уличен не был. А еще Витте считали скрытным и беспринципным.

Да, в обществе о Витте говорили, судачили, считали карьеристом – «из титулярных советников да махом в статские»! Но не все так было гладко, как могло казаться. Витте был бесцеремонен буквально со всеми, в том числе и с самим императором Николаем II – больше поучал того, чем внимал. Этим самым и заслужил его немилость. Должность председателя комитета министров, которую Витте получил около двух лет назад, по сути, была почетной отставкой – комитет не имел ни влияния, ни значения. А для деятельного Витте это было высшее наказание – оказаться не у дел.

Конечно же, Витте был известной личностью, но Алексей предпочитал составлять собственное мнение, поэтому, сидя напротив супругов Витте, наблюдал и слушал больше, чем говорил.

– Я слышала, что с вами приключилась страшная оказия, – разливая чай, сказала Матильда Ивановна.

Глебов взглянул на Витте. Принял чашечку из рук хозяйки.

– Хотелось бы узнать, какую из бед вы имеете в виду? – спросил он, пригубив предложенный ею чай.

– Ваш дом сгорел.

– Ах, это... Это была съемная квартира в доходном доме⁸⁹.

– Однако. – Мадам Витте окинула Алексея пытливым взглядом. По-видимому, он показался ей не совсем здоровым. – А знаете, у нас довольно редко останавливаются гости. И мы были бы очень рады, если бы вы воспользовались нашим гостеприимством.

Глебов вновь кинул взгляд на ее мужа, который лишь добродушно улыбнулся. С чего бы чете Витте ему так доверять?

– Простите, я не могу, – вежливо ответил он хозяйке дома.

Однако Витте решил ее поддержать.

– Ну что же вы, Алексей Петрович. Соглашайтесь. От всей души вам предлагаем, – посоветовал он. – Я знал ваших опекунов. Они не раз оказывали мне помощь и поддержку, особенно ваш дядя. А я ценю дружбу тех, кто и меня ценит. Я перед ними в неоплатном долгу. А вами они дорожили.

Глебов молчал. Супруги Витте настаивали на своей настойчивости и, возможно кажущейся, простотой.

– Прошу прощения, я ненадолго вас покину, – сказала мадам Витте и поспешно удалилась.

Оставшись наедине с Витте, Глебов наклонился вперед и тихо произнес:

---

⁸⁹ Доходный дом – многоквартирный жилой дом, предназначенный для сдачи в аренду отдельными квартирами. Возникновение доходных домов было вызвано началом бурного роста европейских городов в XVIII в. А впоследствии – в XIX в. – они уже составляли основу застройки крупных городов Европы и России.

– Столько доверия моей персоне? Вы ведь знаете, кто я.
Витте также подался вперед:

– Я – знаю.

– И доверяете?

– Да, доверяю.

– А я вам нет. – Алексей откинулся на спинку дивана.

Витте усмехнулся:

– То, что вы честны со мной – это уже о многом говорит. – Он тоже облокотился на спинку кресла. – И я хочу быть с вами честным. Господин Лопухин, с оным вам довелось пообщаться, человек недобросовестный, я отношусь к нему неприязненно.

– Но этого ведь мало, чтобы верить мне, – гнул свое Глебов. В конце концов, он пришел сюда не чай гонять, а выяснить, что Витте от него надо. Бескорыстный политик – нонсенс!

– Чего вы боитесь, господин Глебов? Кому-то доверять? И будьте так любезны, не расстраивайте мою супругу. Она прекрасный душевный человек. И предлагает вам гостеприимство от всего сердца. К тому же, – Витте вновь наклонился поближе, – у вас появиться возможность самому разобраться, что к чему, раз вы не доверяете моим словам.

Глебов не ответил.

Вернулась мадам Витте:

– Что же вы скажите мне, Алексей Петрович? Для вас уже и комната готова.

Алексей решил им подыграть.

– Раз на то пошло, я согласен. – Он улыбнулся. – Благодарю за гостеприимство.

«Лишь бы потом не оказаться, как рыба, на крючке».

* * *

Москва

Лиза пришла на работу рано. Доктор еще не пришел, однако ей было чем заняться: необходимо было тщательно прокипятить медицинские инструменты, разложить в шкафу закупленные вчера микстуры и пилюли...

Дверь амбулатории открылась и в помещение без разрешения вошли. Лиза оглянулась. У входа стояла женщина, бледная, как мел, и напряженно заламывала руки.

– Прошу вас, помогите!

– Что случилось?

– Моему ребенку очень плохо! Прошу вас! Вы должны пойти со мной!

– Но я не доктор, я всего лишь ему помогаю.

– Если вы не пойдете – он умрет!

Лиза взглянула на настенные часы. Доктор придет через час, не раньше.

– Что случилось?

– Я не знаю... Он весь горит, его лихорадит, рвет.

Лиза кивнула. В последнее время многие были больны кишечной инфекцией. Особенно страдали дети. Уже был

смертный случай... Лиза сложила в медицинский ранец лекарства, которыми доктор отпаивал больных с подобными симптомами.

– Пойдемте.

...Покинув пределы фабрики, они направились к баракам. Женщина показывала путь, очень торопилась, так, что Лиза едва поспевала за ней. Пройдя рабочий поселок, незнакомка свернула к речным докам. Лиза замедлила шаги:

– Куда же мы идем?

– Здесь недалеко.

Наконец они достигли своей цели. Возле реки на отшибе стоял неказистый почерневший от времени домишко, вокруг него – гнилой накренившийся забор. Пройдя мимо сидящей на привязи худой собаки, они оказались перед обшарпанной дверью дома. Женщина, не останавливаясь, вошла первой, за нею Лиза.

Дверь тут же закрылась, Лиза оглянулась и увидела перед собой испещренное оспой лицо мужчины. Его желтоватые глаза пылали пугающим триумфом. Лиза вздрогнула. Это был тот самый тип, что следил за ней!

– Где мой ребенок? – раздался голос женщины за ее спиной. – Вы мне сказали, что отдадите мне ребенка!

– Заткнись! И убирайся. Получишь его через три дня. Если, конечно, будешь держать язык за зубами.

– Я привела ее, отдайте мне ребенка! – Женщина в отчаянии кинулась к нему, упала на колени.

Щербатый ударил ее наотмашь, она вскрикнула, растянулась на грязном полу. Он пнул ее, затем еще раз. Лиза бросилась вперед, Щербатый развернулся и ударил ее в челюсть. В глазах потемнело...

* * *

Придя в себя и с усилием открыв глаза, Лиза поняла, что привязана к кровати. Стараясь не паниковать, она попыталась освободиться... Раздался шум – Лиза притихла и повернула голову на звуки. Из подполья показался Щербатый: он неспешно поднялся, опустил крышку, застегнул замок. Затем обернулся...

Лиза закрыла глаза и притворилась, что все еще без сознания. Нужно выиграть время! Раздались шаги. Он приближался. Некоторое время стоял рядом и наблюдал. Его дыхание участилось... Под тяжестью его тела заскрипела и просела кровать. Щербатый протянул к ней руку, провел шершавыми пальцами по шее, грубо смял грудь. Навалился телом, потным, грязным. Лиза готова была закричать...

– Умоляй, проси меня ничего тебе не делать. Давай, проси же, умоляй!

Лиза посмотрела на него с безумной ненавистью – он отшатнулся, будто взглядом можно было убивать.

– Сука!

Лиза молчала. Он замахнулся, чтобы ударить. Лиза не отвернулась, не отвела глаза. Он не ударил. Сплюнул на пол.

Поднялся, стал снимать штаны.

Лиза сжала кулачки. Боже, помоги мне, Боже! Алеша...

* * *

Петербург

Алексей Глебов воспользовался гостеприимством супругов Витте. Комната была просторной и по-домашнему уютной. Кровать была удобной, но он не мог уснуть. Несколько раз вставал, курил, ходил по комнате и вновь ложился. Забыться сном удалось лишь к утру.

...Приснилась Лиза. Она смотрела на него с холодом и укоризной. Он шел за ней, а она все дальше удалялась. По грязным улицам, среди халуп... Он бросился за ней, но потерял из виду... Его манила грязная облезлая изба... Флюгер в виде одноглазой кошки, поворачиваясь, скрипел. Солнечный луч, просвечивая через дыру вместо глаза, ослеплял... Еще один шаг... Худая псина, с обтянутыми облезлой шкурой ребрами, повернулась, посмотрела, залаяла, а затем завывала...

* * *

Москва

Псина во дворе залаяла. Щербатый смачно выругался и с опаской выглянул в окно. Собака продолжала лаять, затем завывала – отчаянно и скорбно. Ей стали вторить по поселку чуть ли не все псы. Щербатый матерно заорал, застегнул так

и не снятые штаны. В чем был, выскочил из дома. Хлопнул дверью, запер на замок.

О, Боже! Боже! Лиза от страха и отвращения быстро задышала, и попыталась высвободиться, но не смогла. В отчаянье она готова была разрыдаться... Нет, нельзя плакать! Нельзя!

* * *

На фабрике потеряли Лизу. Первой на ее отсутствие обратила внимание Катя, которая в этот день работала в фабричной библиотеке и зашла в амбулаторию позвать подругу попить чаю.

– Да где же она может быть? – спросил тревожно Шмит, ходя по амбулатории из стороны в сторону.

Доктор пожал плечами.

– Николай Павлович, она без сомненья была здесь утром до моего прихода. Вот только теперь нет медицинской сумки...

– Может быть, ее похитил Глебов? – разгневано предположила Катя. – По собственной воле она с ним не пойдет.

Шмит явно расстроился, но постарался не показать и виду.

– А если нет? Ведь нет медицинской сумки...

– Да, конечно, – согласилась Катя. – Тогда нужно опросить рабочих, может быть, кто-то видел.

Она поднялась, ожидая решительных действий от мужчин.

– Ты права.

...Ушло два часа на то, чтобы хоть что-нибудь узнать. Двое рабочих видели, как приходила в амбулаторию какая-то женщина. А вот работница из набивного цеха смогла дать сведений побольше: она видела, как госпожа Глебова шла с посторонней женщиной на окраину рабочего поселка.

Итак, с момента исчезновения Лизы прошло примерно семь часов. Нужно было срочно организовать поиск. Через четверть часа удалось собрать рабочих – Шмит объяснил им, что к чему, и попросил помочь. Из фабрики вышли гурьбой и распределились группками по поселку.

* * *

Щербатый был в полном бешенстве. Собака спятила – не иначе. Он кинулся к ней, хотел прогнать, но псина убежала и снова возвращалась. Не просто лаяла, а выла. На дом уже и так поглядывали – кого-то могло заинтересовать, что же происходит.

Щербатый вынул револьвер и стал пулять по псине. Бежал за ней, как сумасшедший вдоль берега реки... И на свою беду нарвался на жандармов. Его отколошматили дубинками, скрутили, отволокли в кутузку.

Щербатый от злобы сам готов был выть. Когда он выйдет – эта глебовская потаскуха поплатится за все его напасти! Он изобьет ее и отымет. Затем еще раз изобьет и снова отымет... грубо, жестко, так, что пусть визжит...

* * *

Лиза разомкнула глаза. В полной темноте она слышала, как из-под пола раздавалось глухое завывание и слабый детский плач.

– Не плачьте, – произнесла она, но слишком тихо, и повторила громче из последних сил. – Не плачьте!

Внизу притихли.

– Мы выберемся отсюда, – сказала, пытаясь больше убедить себя, чем их...

Настало утро. Было ужасно холодно. Дом весь остыл. Но это было лучше, чем, если бы вернулся Щербатый. Лиза попыталась раскачать кровать, но безуспешно. Стала кричать, звать на помощь! Женщина в подвале тоже закричала. И вдруг заскрипело крыльцо под тяжестью ступавшего на него человека. Лиза притихла, затем снова закричала:

– Помогите!

– Лиза, это вы?! – раздался за дверью голос Шмита. Он дернул дверь.

– Да, да, это я! Помогите!

– Ребята, сюда! Ломайте дверь!

За порогом слышались шаги, дверь толкали, она скрипела, затем слетела с гнилых петель. Все на мгновение застыли на пороге, затем Шмит ринулся к Лизе, скинул пальто, накрыл ее и торопливо стал развязывать узлы.

– Лиза, Лиза! С вами все в порядке? Ребята, доктора зо-

вите! Как вы? – Он крепко обнял ее, прижал к себе, пытаясь согреть.

– Со мной все хорошо, – ответила Лиза, пытаясь улыбнуться синими от холода губами. – Там женщина с ребенком, в погребе!

Рабочие уже кинулись открывать подполье. Взломали замок, один из них спустился, чтобы помочь матери с ребенком выбраться наружу.

– Что же случилось? – встревожено взглядываясь в лицо Лизы, спросил Шмит.

– Я не знаю. Меня похитили, закрыли здесь. А похититель ушел еще вчера куда-то... Коля, я хочу домой.

– Да, конечно. – Он подхватил ее на руки и понес на улицу. Рабочие расступились.

* * *

– О чем задумались, Алексей Петрович? – поинтересовался Витте, раскуривая трубку.

– Да так... – ответил Алексей, которому не хотелось делиться с Витте переживаниями, вызванными утренним сном. Как бы ни складывались его отношения с женой, но он по-прежнему думал о ней и тревожился. – Хочу уехать на несколько дней.

– В Москву?

– С чего вы взяли?

– Ведь там ваша супруга? Я ведь прав?

– Возможно.

– Молодо – зелено, – заметил Витте. – Но как говорит моя супруга «Все поправимо».

– Вы хотите обсудить мою семейную жизнь? – с сарказмом спросил Глебов.

– Нет, что вы! Упаси Боже! Судить со стороны, почему муж хорошо живет с женой и почему часто брак является несчастным, очень трудно, даже зная все обстоятельства дела. – Витте затянулся трубкой. Попыхивая, выпустил дымок. – На вас свалилось столько бед: шантаж Лопухиным, разрыв с женой, пожар, раненья. Вам в пору отдохнуть, набраться сил, подумать. – Он вновь подымил. – А что касается рассказов о семье, то я люблю поговорить о своей... Я был женат дважды: удачно и очень удачно. И оба раза на разведенных женщинах. Моя первая супруга, упокой Господи ее светлую душу, была замечательной женщиной. И я любил ее всем сердцем. Но так было угодно Богу, она скончалась. – Он помолчал, отдавая дань уважения усопшей. Затем оживившись, продолжил: – Новая любовь застигла меня в театре! Как-то раз в театральной ложе я заметил даму с выразительными серо-зелеными глазами. Я нашел способ с ней познакомиться. Матильда Ивановна оказалась замужней женщиной и матерью маленькой дочки. И что же сделал я? Я уговорил госпожу Лисаневич разойтись с мужем и выйти за меня. Вот так.

– И всего-то?! – госпожа Витте вошла к ним в библиоте-

ку. Присела на подлокотник кресла, в котором сидел ее муж, положила руку ему на плечо. Затем посмотрела Глебову в глаза. – Вы ведь понимаете, Алексей Петрович, брак чиновника его ранга с разведенной женщиной был скандалом. К тому же я еврейка, и уже лишь только это могло поставить крест на всей его государственной службе.

– Ну что ты, дорогая. – Витте похлопал ладонью по ее руке.

А мадам Витте продолжала:

– Сергей Юльевич заплатил моему первому супругу двадцать тысяч рублей отступного. Брак благословил сам император – Александр III.

Витте рассмеялся:

– Да, император был очень добр!

Мадам Витте улыбнулась:

– Он сказал «По мне, женитесь хоть на козе. Лишь бы дело шло». С Лисаневич меня развели в три дня.

– Брак, тем не менее, не повредил моей карьере. Уже через год я был произведен в тайные советники и министры финансов... Для нашего времени, Алексей Петрович, характерна новая порода женщин. Они умны, деловиты, живут интересами мужа и просекают их выгоду моментально, на несколько ходов вперед. При этом обольстительны, но не жеманны, – изрек Витте, подняв указательный палец вверх. – И такова моя супруга.

– Но полно-те, Сергей Юльевич, – пожурила его жена. Он

взял ее ручку и запечатлел на ней благодарный поцелуй. – Ни один государственный деятель России не был предметом столь разнообразных и противоречивых, но упорных и страстных нападков, как мой муж. При дворе его обвиняют в республиканизме, в радикальных кругах ему приписывают негибемый монархизм.

Алексей почувствовал себя ущемленным: он подумал о Лизе и их отношениях, и позавидовал браку Витте. А он уж думал, что такого взаимопонимания и взаимоподдержки в браках не бывает! А еще Алексей решил повременить с поездкой. Не в том он был душевном состоянии, чтобы вести беседы с Лизой. Они бы все равно закончились скандалом...

Вечером прибыли приемная дочь Витте Вера со своим малолетним сыном Львом. Приехала специально из Брюсселя, чтобы навестить родителей. Муж Веры – дипломатический чиновник Кирилл Нарышкин по долгу службы приехать не смог. Но и без него идиллия была полной. Семейство Витте, а вместе с ними и Алексей, сидели у самовара, играли в безик, душевно разговаривали, смеялись. В углу храпел сеттер Арапка, а Левушка пытался до него добраться. Матильда Ивановна пела цыганские романсы – Вера аккомпанировала на фортепиано, Витте дул в флейту...

Витте был так уверен в своих музыкальных дарованиях, что совершенно не смущался, когда фальшивил. Но когда запел! Выходило пискляво и звучало неприятно. Алексей потер переносицу, чтобы скрыть за ладонью невольную усмеш-

ку на своих губах.

Вера, заметив это, тихонечко ему сказала:

– Это еще что! Когда мы были в Крыму всем семейством, и отпраплялись гулять в горах, он часто прислонялся к скале, клал руку на сердце и пел арию Русалки «У этих грустных берегов». Вы себе представить не можете, как скалы разносили эти звуки! Терпеть их не могла!

Алексей взглянул на нее с любопытством:

– Он вам симпатичен?

– Я считаю его своим отцом, так как собственного отца почти не знаю. А он полюбил меня как собственную дочь. Теперь вы понимаете, какой он человек?

К большому счастью, Витте закончил петь и принялся возиться с внуком.

Вера улыбнулась их играм, затем тихонечко вновь заговорила с Алексеем:

– Мою маму не принимали ни во дворце, ни в так называемых «хороших» домах. И это было очень неприятно для нее. Сергей Юльевич довольно чувствителен к таким вещам. Родители решили проблему довольно просто. Маменька сама стала устраивать у себя приемы, поражая гостей их великолепием... Ради нее он рискует быть смешным. На сплетни не обращает внимания. Матан – помощница и советчица ему в делах. Он делится с нею радостями и переживаниями. Я бы хотела, чтобы мои отношения с супругом были такими.

К ней подбежал Лева:

– Мама, мама! Дедушка будет моим пони! Смотри!

Мальчишка разбежался, запрыгнул Витте на руки, тот мигом подсадил его себе на шею. Сам рассмеялся, как ребенок.

Что ж за человек такой вы, господин Витте?

_24

* * *

Прошло несколько дней, прежде чем Глебов, поблагодарив хозяев за гостеприимство, сообщил им, что снял меблированную квартиру в доходном доме и намерен переехать.

– Что же, воля ваша, – пожав плечами, сказал Витте. – Но мы с супругой будем рады видеть вас у себя. Обязательно к нам заходите.

Переехав, Алексей назначил встречу с господином Рерихом – своим поверенным. Решив с ним накопившиеся деловые вопросы и дав соответствующие распоряжения, он попросил подыскать хорошего сыщика для розыска Катарины Хмельницкой и ее сына.

После ухода поверенного, Глебов прошелся по своей новой квартире. Чего-то здесь не хватало. Точнее, кого-то... Очередная холостяцкая обитель коих в его жизни было предостаточно. А ведь ничего не стоит покинуть вещи в чемодан и отправиться в Москву. Что его держит? Гордыня? Самолюбие? Страх? Или все вместе взятое? Перед глазами так и возникал образ Лизы, когда она ему говорила, что им нужно расстаться. Расстаться! И ради кого? Ради этого молодкоса Шмита?

Алексей в сердцах пнул пуфик. Затем сел. Нет, на измену Лиза не способна – брачные узы для нее святы, однако полюбить другого она может – и тогда как быть? Не может он держать ее подле себя насильно, не может. И что же делать? Семейные отношения не заладились – их брак превращается в катастрофу. И Лиза изменилась – стала невыносимой, что ни слово, то наперекор... Однако, как же он желает ее видеть, прикоснуться к ней, ощутить ее тепло... Алексей вздохнул. Может быть, стоит вынудить ее приехать? А это мысль. Стоит подумать...

* * *

Через пару дней во время пешей прогулки Глебов вновь встретился со своим новым знакомым – рядом остановилась карета, и в окошко выглянул Витте.

– Здравствуйте, Алексей Петрович.

– Здравствуйте, господин Витте.

– Садитесь, я вас подвезу.

Глебов раздумывал недолго и вскоре уже сидел напротив Витте.

– Как ваши дела? – вежливо поинтересовался тот.

– Прекрасно.

– С супругой виделись?

– Пока что нет.

– Понятно. – Витте помолчал, опираясь двумя руками на набалдашник трости. – Прошу простить меня за расспросы,

все моя супруга. Она так близко к сердцу приняла ваши напасти, что постоянно задает про вас вопросы. Особенно ее волнует ваше душевное состояние.

– Передайте, что не стоит волноваться.

Витте улыбнулся. На улице раздались крики – какая-то толпа устроила погром. Витте задернул шторку на оконце. Вздыхнул:

– По мере наших неудач на фронте⁹⁰ смута в России все более и более растет. Вот вам и «маленькая победоносная война», предложенная фон Плеве!

От Алексея не ускользнуло, как поморщился его собеседник, упомянув злосчастного министра.

– Вы его не жаловали?

Витте фыркнул, затем посмотрел на Глебова и невесело улыбнулся:

– Многие осуждают меня за мою прямолинейность. Однако не считаю нужным юлить и прикрываться ложью. Познакомившись с Плеве, я убедился, что это человек, сделавшись министром, будет преследовать только свои личные цели и принесет России несчастья. Я старался убедить его, что принятый им курс политики кончится дурно и для него и для государства. Что при той политике, какую он ведет, он неизбежно погибнет от руки какого-нибудь фанатика.

Витте помолчал.

– Плеве же думал, что я хочу занять его место. Он так

---

⁹⁰ Прим. автора: Речь о русско-японской войне 1904-1905 гг.

долго добивался поста министра, что, добившись, готов был задушить всякого, кого мог подозревать в способствовании его уходу с министерского места. Я же оказался прав.

– Я слышал, что при покушении на Плеве были похищены некоторые документы из его портфеля, – вставил Алексей.

– Сплетни! – Витте недовольно насупил брови. – Вы хотите меня обидеть?

– Ни в коей мере.

Витте вздохнул:

– До меня дошел слух о документах. Известие об убийстве Плеве я получил в Берлине, в то время я заключал с канцлером Бюловым новый торговый договор. Когда же я приехал в Петербург, то узнал, что в портфеле Плеве якобы было найдено письмо агента тайной полиции, какой-то еврейки из Германии, которая сообщала, что готовится революционное покушение на Его Величество, и что будто бы я принимаю в этом деле живое участие! Очевидно, Плеве этим письмом желал более вооружить чувство Государя Императора против меня.

– Между вами были серьезные разногласия.

– Плеве был злопамятен и мстителен. Мы с ним расходились по большинству государственных вопросов. В течение более чем десятилетнего моего управления финансами – а я их привел в блистательное состояние! – я очень мало мог сделать для народа, ибо встречал в правящих кругах противодействие – и во главе оно всегда стоял Плеве. Я расхо-

дился с Плеве по поводу политики на Кавказе, по еврейскому вопросу. Я не могу сослать человека в Сибирь только за то, что он мыслит не так, как мыслю я, и не могу лишать его гражданских прав только потому, что он молится Богу не в том храме, в котором молюсь я.

Витте был раздражен, поэтому предпочел некоторое время помолчать, чтобы успокоить нервы.

Глебов его не торопил. Спустя какое-то время он заметил: – *У вас интересные взгляды, господин Витте.* Однако политика наполнена коварством, ложью и цинизмом. Разве политик может остаться «чистым»? Стоит выглянуть в окно, и можно увидеть к чему приводит такая политика.

– Вы правы. В нашей стране нет порядка. Порядок может основываться только на законности. И до тех пор, пока уважение к закону не войдет в плоть и кровь не только населения, но в первую очередь чиновников всех рангов и положений, можно будет всегда ожидать самых невероятных сюрпризов – вот, наподобие беспорядков, что мы наблюдаем.

– Однако, как вы сами и признали, в России уже беспорядки. До законопослушности явно далеко. Да и чиновники не только не желают меняться, но и что-либо предпринять.

– Эх, Алексей Петрович, вы бы знали, как много мне хотелось бы сделать! Недавно я направил императору всеподданнейшее письмо со своими предложениями. Ведь первым делом нужно устранить первопричины нынешних беспорядков, а одна из первопричин – война с Японией. Продолжение

войны становится опасным, и дальнейшие жертвы страна при существующем состоянии духа не перенесет без страшных катастроф. – Витте горько усмехнулся. – Однако, так как я в немилости у императора, он не счел нужным прислушаться к моим предложениям.

Некоторое время ехали молча. Витте, в задумчивости хмурясь, смотрел в окно.

Глебов был с ним согласен, русско-японская война оказалась тягостным бременем для России, ибо народ не желал и дальше терпеть свалившихся на него невзгод.

– Да уж, после ряда военных неудач этой зимой число оптимистов, верящих в благоприятный для России исход войны, заметно уменьшилось, – сказал он.

Витте обернулся. Его взгляд был печальным.

– Я не помню ни одного такого поражения русской армии как то, которое мы потерпели в Мукдене⁹¹, – произнес он. – После того, как мы позорно проиграли бой и отступили, для здравомыслящих людей стало ясно, что следует употребить все усилия, чтобы по возможности достойно покончить войну. Государь по свойственному ему оптимизму ожидает, что Рождественский⁹² перевернет все карты войны. Ведь сам Се-

---

⁹¹ Прим. автора: 19 февраля – 9 марта 1905 г. в Манчжурии разыгралось наиболее масштабное, продолжительное и кровопролитное сухопутное сражение русско-японской войны. Ни одна из сторон не одержала в этом бою решительную победу, но захват японцами Мукдена позволил заявить им о своей победе.

⁹² Зиновий Петрович Рождественский (1848, Санкт-Петербург –1909, Санкт-Петербург) – вице-адмирал, участник русско-японской войны. В апреле 1904 г.

рафим Саровский предсказал⁹³, что мир будет заключен в Токио, значит только одни жида и интеллигенты могут думать противное. – Последнее прозвучало с явной насмешкой. – Между прочим, я предупреждал, советуя не доводить нашу эскадру до боя с японским флотом.

Нахмурившись, он помолчал, затем продолжил:

– После хотели вслед за эскадрой Рождественского послать наш скромный черноморский флот, совершенно оголив Черное море. Я высказался, что посылка этой эскадры ничем не поможет на Дальнем Востоке, совершенно обессилит нас в Черном море.

Алексей заметил:

– Если российский флот покинет Черное море, в него сразу же войдет флот нашего давнего соперника – Англии.

Витте кивнул:

– К слову, наши политиканы пытались найти иной путь. Решался вопрос о покупке аргентинского флота. Флот, конечно, приобретен не был, но были затрачены и украдены многие миллионы.

Карета остановилась, и собеседники замолчали.

– Что ж, рад был с вами повидаться, – произнес Глебов. В

возглавил 2-ю Тихоокеанскую эскадру, отправленную на помощь российским соединениям на Дальнем Востоке и погибшую в Цусимском сражении.

⁹³ Прим. автора: С. Ю. Витте в своих воспоминаниях упоминает предсказания Серафима Саровского (1754 (или 1759) – 1833) – иеромонаха Саровского монастыря, причисленного Российской церковью к лику преподобных по инициативе Николая II. Один из наиболее почитаемых русских святых.

последнее время он стал ловить себя на мысли, что общество семейства Витте ему приятно.

– Знаете, что, Алексей Петрович, а приходите-ка к нам сегодня вечерком. Матильда Ивановна будет вам рада.

– Благодарю за приглашение, – Алексей хотел было отказаться, но неожиданно передумал: – Я обязательно приду.

* * *

Май 1905 г. Москва

После похищения Лиза проболела целый месяц. Полиция искала похитителя, но его и след простыл. В конце концов Лиза устала бояться: нельзя же вечно сидеть дома, трясясь от страха, что маньяк вернется, чтобы закончить свое дело! Однако за нее опасались Шмиты и старались ни на миг не оставлять одну. Им помогали оберегать Лизу их общие партийные друзья. Но время шло, а ничего не происходило.

За это время Катя вышла замуж за Андриканиса, и Лиза переехала жить в их дом – находиться в доме Николая Шмита стало неприличным. Постепенно жизнь вошла в свое русло. Как бы то не было, революция разрасталась, а Лиза не хотела ставить свои личные интересы выше общих.

В Москве с начала апреля велись сборы на вооружение, распространялись листовки, состоялись массовки. А несколько дней назад, 28-30 апреля, полиция арестовала активных деятелей РСДРП и партии эсеров, разбрасывавших листовки на улицах Москвы. Были арестованы некоторые

члены Военной организации московского комитета эсдеков, проводившие агитационные беседы с солдатами Московского гарнизона.

Прошли первомайские митинги рабочих в Сокольниках, в Марьиной роще, в Петровско-Разумовском, в Останкинском лесу и других местах. Ораторы говорили о приближении решительного боя с самодержавием, о необходимости объединения пролетариата под красными знаменами революции, о политических требованиях.

«Долой самодержавие!», «Долой войну!» – раздавались повсеместно призывы революционно настроенных масс. Митингующие пели революционные песни. Общее настроение было взбудораженным, возбужденным. За порядком пыталась следить полиция и солдаты. На общем фоне возникали выходки хулиганов и пьяных – куда же без них! Полиция стала разгонять демонстрантов, начались аресты. Задержали примерно до двухсот пятидесяти человек.

На фабрике Шмита происходили перемены: как Николай и планировал ранее, он ввел новые правила на своем предприятии. Вместо одиннадцати с половиной часового рабочего времени ввел девятичасовой рабочий день с повышением заработной платы. Рабочим выплачивалось жалование и в случае болезни, а также старикам, проработавшим на фабрике по двадцать – тридцать лет с освобождением от работы. Не считая амбулатории, где вся медицинская помощь оплачивалась хозяином, при фабрике существовала библиотека,

велось обучение. Николай требовал от администрации вежливого культурного обращения к рабочим на «вы».

Объявление о новом распорядке рабочие встретили шумно, с ликованием. Но на следующий день в пять часов вечера, когда на фабрике раздался гудок и прозвучали первые слова «Кончай работу, ребята!», никто не решился уйти, по-прежнему находясь у верстака.

Наблюдая за всем этим и недоумевая, Лиза попросила одного из работников позвать Николая Павловича. Обескураженный увиденным, Шмит принялся отправлять всех по домам. Он ушел с фабрики лишь после того, как выпроводил за ворота последнего рабочего...

Рабочие фабрики оценили действия Шмита. Девятого мая они устроили собрание в одной из мастерских. Увидев столпившихся работников, Лизе стало любопытно, и она вышла из амбулатории посмотреть, что происходит. Все ждали, тихонько перешептываясь. Лиза спросила Федора Григорьева – работягу, что происходит. Тот улыбнулся, ответил: «Сами все увидите», и дальше пояснять не стал. Шмит прибежал с тревогой на лице, на ходу застегивая студенческую тужурку.

– Что случилось? Несчастье?

Она поспешила его успокоить, что на фабрике ничего не произошло. Он прошел дальше, и Лиза последовала за ним.

К Шмиту решительно приблизились представители от рабочих: Федор Григорьев, Шлыгин и Егор Федотов. Егор, торжественно раскрыв кожаный переплет, на котором была

бронзовая пластинка с выгравированным текстом, запинаясь и путаясь от волнения, стал читать:

– «Гуманному и сердечному хозяину Николаю Павловичу Шмиту. На добрую память от благодарных рабочих придворной мебельной фабрики П. А. Шмит. Москва, 9 мая 1905 года».

Федотов перевел дыхание и, подбадриваемый рабочими, кашлянув, продолжил:

– «Глубокоуважаемый Николай Павлович! В немногих словах позвольте нам, Вашим рабочим, высказать те благоприятные чувства, которые идут из глубины наших сердец, и признательность за все Ваши сердечные к нам, рабочим, отношения как введение 9-часового рабочего дня, так и в многих Ваших покровительственных деяниях, и да послужит Вам сей наш адрес постоянным и приятным воспоминанием, как сердечному хозяину, видящему в лице своих рабочих не только работников дела, но и как человека. – Егор Федотов сделал паузу, затем продолжил: – Мы же, Ваши рабочие, соединяясь воедино, обещаем Вам, что теперь с большей энергией и старанием отнесемся к обязанностям нашим для Вашего предприятия. Вашим покровительством и нашими общими силами процветать ему на многие, многие годы во славу и честь Вашей фирмы. Ваши благодарные и признательные рабочие Ваши».

Прочитав, он шагнул вперед и торжественно вручил послание рабочих Шмиту. Николай был смущен и тронут. Улы-

баясь, он посмотрел на поздравительный адрес с подписями рабочих фабрики, повертел его в руках.

– Спасибо за теплые слова... Вы можете быть уверены, что я всегда пойду навстречу вашим нуждам и желаниям. – Он помолчал. – Спасибо.

Шмит пожал руки делегатам, рабочие стали расходиться.

– Поздравляю, вы заслужили доверие рабочих, – произнесла Лиза.

– А сколько я из-за этого пережил! – Николай улыбался.

– Что-то случилось?

– Местные фабриканты пригласили меня на общее собрание и устроили головомойку. Говорили, что я молод и неопытен, не знаком с производством, не сведущ в коммерческой стороне дела и прочее. Когда же я сказал, почему все это сделал, то есть принял новый распорядок, такое началось! То ли смеяться, то ли плакать. Они повскакивали с мест. Левинсон, самый крупный фабрикант, кричал, что я развращаю рабочих, что не делец, не понимаю, как создается капитал. Что так дела ведут лишь дураки, а умный коммерсант сразу видит, что выгодно, а что нет.

– Несложно все это представить! И что дальше?

– Я сказал им вполне спокойно, что если вам невыгодно, то можете свои предприятия закрыть, а я свои расширю.

Лиза засмеялась:

– Наверно, начался такой скандал!

– Не то слово! Ругательства посыпались градом. Я ушел с

собрания под крики, угрозы доносом и вмешательством властей. Они назвали мою фабрику «Чертовым гнездом».

Лиза вздохнула:

– Надеюсь, вы не столь беспечны, как пытаетесь казаться. Все, что мы делаем, опасно. Можно дать небольшой совет?

Николай кивнул:

– Конечно, Лиза, говорите.

– Вам нужно не показывать полиции своего единомыслия с рабочими. Вам необходимо сказать Карпу, хотя бы для вида предъявлять к вам требования и объявлять забастовки. Нельзя привлекать к фабрике пристального внимания. Вы ведь сами знаете почему. – Лиза намекала на нелегальную школу для политического воспитания рабочих, открытую при фабрике и боевую дружину, которая здесь же создавалась.

– Знаю. Я стараюсь быть осторожным. А как же вы, Лиза?

– Я?

– Я хочу оберегать вас, Лиза, – проникновенно произнес Шмит и взял за руку. – Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

В Шмите стала проявляться уверенность в себе, чего Лиза раньше в нем не замечала. Она отняла руку и медленно, осторожно, чтобы не обидеть, сказала:

– Вы мне нравитесь, но я не готова говорить с вами об этом. Я замужем...

– Вы хотели сказать – пока замужем.

– Да. – Лиза замолчала. – Пока замужем. Но...

– Не убивайте во мне надежду, Лиза, – остановил он ее. Затем спрятал руки за спиной: – Давайте пока не будем говорить «об этом».

Лиза молча согласилась. Шмит почтительно кивнул и направился к себе в контору.

Лиза вздохнула. Сегодня вечером ее ждал поверенный, который занимался ее разводом. Поверенный отослал все необходимые бумаги Алексею, но сообщил, что по данному адресу никто не проживает, а чтобы начать бракоразводный процесс, необходимо получить согласие супруга.

* * *

Петербург

Глебов сидел напротив Витте в его кабинете и попивал из бокала скотч. Он был слегка рассеян: посыльный, которого он отправил с письмом к Лизе, вернулся, сообщил, что письмо передал, однако ответа от нее так и не последовало. Алексей нахмурился. Лиза не могла не отреагировать на его послание – она должна была что-то предпринять, но никак не играть в молчанку.

Тем временем Витте внимательно за ним наблюдал.

– Алексей Петрович, вас что-то беспокоит? – поинтересовался он.

Глебов вздрогнул, вздохнул.

– Нет... Ничего. Сущие пустяки, – отмахнулся он от расспросов и перевел разговор на излюбленную тему Витте: –

Вы уже слышали о Цусимском сражении⁹⁴?

– Да. Вся наша эскадра была похоронена в японских водах! – Витте сокрушенно покачал головой. – Боле пяти тысяч моряков погибли и примерно столько же попали в плен. – Он помолчал. – Надеюсь, до трона дошло, что необходимо покончить войну миром. Вы видите, что творится в столице? Беспорядки! При том они усиливаются с каждым днем. Генерал-губернатор Трепов сделался негласным диктатором! Он грубой силой желает задавить революцию, не идя на какие-либо уступки. Но ведь это невозможно!

Глебов невольно рассмеялся:

– А Трепов-то чем вам не угодил? – Его удивляло нежелание Витте скрывать свои антипатии к неприятным ему лицам.

Витте сдержанно улыбнулся:

– Вы меня поймете, когда я вам расскажу. Впервые я услышал фамилию Трепов в 1896 году на похоронах Его величества императора Александра III. Вы знаете, как я его уважал. Так вот, когда траурная процессия поравнялась со строем солдат, некий ротмистр скомандовал: «Смирно! Голову направо! Смотри веселей!» Представьте мои чувства! «Смотри веселей!». Я спросил, кто этот идиот, и мне ответили, что это ротмистр Трепов.

---

⁹⁴ Прим. автора: Морское сражение во время русско-японской войны, состоявшееся 14—15(27—28) мая 1905 г. в Корейском проливе у островов Цусима. Японский флот разгромил 2-ю российскую Тихоокеанскую эскадру под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского.

– Я слышал, – вернулся к прежней теме Алексей, – среди возвращающихся в Россию военнопленных наблюдается брожение, вызванное распространением японцами революционных прокламаций и изданий.

– Да, японцы целенаправленно проводят противорусскую агитацию среди пленных поляков, евреев и финнов. Что черт-то. Япония выдохлась в войне, однако использует сложную ситуацию, что сейчас в России. А Государь не видит опасности. Он уверен, что Япония с некоторыми усилиями будет разбита. Вы знаете, первое время обыкновенное выражение Государя в резолюциях было не японцы, а «эти макаки». Цивилизованнейший человек! После это название начали употреблять так называемые патриотические газеты.

Глебов улыбнулся. Все-таки Витте своими критичными замечаниями его веселил. Витте любил говорить, ему нужны были свободные уши, так что Алексей мог спокойно молча слушать, ответов Витте требовал редко. А тот тем временем продолжал:

– Мы к войне не были приготовлены, а Япония к ней приготовлена была. К тому же, театр военных действий находится почти под рукой Японии и в громадном расстоянии от Европейской России, центра всех наших, как военных, так и материальных сил.

– А кто в Японии посланник от России? Неужели в своих докладах императору он не обрисовывает сложившуюся ситуацию как таковую?

– Посланник от России – барон Розен⁹⁵. Человек он честный, рассудительный, но с немецким мышлением. Он советовал правительству войти в соглашение с Японией относительно Кореи. Но держится того мнения, что Манчжурия должна быть наша. Между тем, я уверен, Манчжурия не может быть нашей; было бы хорошо, если бы за нами осталась восточно-китайская дорога и Квантунский полуостров с Порт-Артуром. Ни Америка, ни Англия, ни Япония, ни все их союзники явные или тайные, ни Китай никогда не согласятся нам дать Манчжурию. А потому держась убеждения что, так или иначе, а нужно захватить всю Манчжурию, устранить войну будет невозможно.

– Если так, то барон Розен не может быть удобным дипломатом для ведения переговоров с Японией.

– Совершенно верно! Однако не может быть удобным и Алексеев⁹⁶ – оный по натуре мелкий и нечестный торгош, а не государственный дипломат.

– Как бы то ни было, необходимость мирных переговоров назрела. И в сложившейся ситуации – не в пользу России. Зная мнение Императора, а он ведь не желает идти на

---

⁹⁵ Роман Романович Розен (1847, Ревель – 1922, Нью-Йорк) – барон, русский дипломат, тайный советник, гофмейстер.

⁹⁶ Евгений Иванович Алексеев (1843 – 1917, Ялта) – русский военный и государственный деятель, адмирал (с 1903 г.). В качестве главного начальника Квантунской области способствовал развязыванию русско-японской войны. Наместник провинции Дальнего Востока России и командующий российских войск в Порт-Артуре и в Маньчжурии во время русско-японской войны.

уступки, многие не рискнут взять на себя столь сложное обязательство. – Алексей перевел взгляд от бокала на Витте. – Скажите, а вы бы хотели быть тем самым человеком, который заключит мирный договор и окончит неудавшуюся «маленькую победоносную войну» Плеве?

Витте совершенно не смутился, ибо Алексей не ошибся в своих догадках, наклонился к нему и посмотрел в глаза:

– Как вы думаете, я могу это сделать?

– Конечно. Почему бы нет?

25

* * *

Катарина Хмельницкая вышла из лечебницы и рассеяно огляделась по сторонам. Ей нужна помощь. Ей и сыну. Но где же искать помощь? Это мысль не давала ей спать уже несколько недель – с того момента как она узнала, что больна. Чахотка. Она закашлялась и прикрылась платочком. На бывшем когда-то белом платке появились капельки крови. Катарина зажала его в руках и зашагала к дому, где снимала комнату для себя и сына. В течение недели за Пашкой должна была присматривать домохозяйка, не бесплатно, конечно.

Расстояние до дома было приличным, но Катарина не имела права тратить последние копейки, поэтому побрела пешком. Рядом проходили люди, проезжали экипажи, коляски, изредка автомобили, оставляя за собой пыль, и Катарина, задыхаясь, покрывалась потом.

И тут она увидела его. Глебов! Алексей сел в экипаж и

приказал трогать. Катарина кинулась следом, закричала, но Глебов ее не услышал. Экипаж скрылся за поворотом. Из ее глаз хлынули слезы. Прошло три месяца, как она отправила ему письмо, прося прощения за предательство, которое совершила. Теперь он на свободе. Он обязательно поможет. Он не может не помочь.

Катарина все же решила потратить деньги на экипаж, чтобы добраться до квартиры, где, как она знала, проживал Глебов со своей женой.

* * *

Привратник остановил Катарину на парадной лестнице, когда та намеревалась войти в дом:

– Мадам, вы к кому?

Катарина оглянулась. Ее бледное лицо и темные синяки под глазами выдавали, насколько она тяжело больна.

– Я? Мне нужны господа Глебовы.

– Господа Глебовы? Таки тут не проживают-с.

– Нет, я точно знаю. Они здесь живут. Квартира 8. – Она сделала шаг к входу, считая, что разговор окончен.

– А-а, это там, где был пожар!

Катарина оглянулась:

– Пожар?

– Да, пожар. Жильцы квартиры больше здесь не живут-с. Господам пришлось оплатить ремонт и съехать.

– Как же так? – Катарина закрыла лицо руками, затем

вновь посмотрела на привратника и спросила: – Может быть, вы знаете, куда они съехали?

Тот пожал плечами:

– Нет, не знаю. Они-с не оставили адрес. Вот и почта приходит господам, копится...

Больше Катарина его не слушала. Последняя надежда растаяла как дым. Просто невозможно найти Глебова в столице. Катарина покачнулась.

– Что с вами? – Привратник поддержал ее за локоть. Отвел к скамье, помог сесть. – Вы больны-с?

Катарина прикрыла рот платком.

– Вам нужна помощь.

– Мне уже больше ничто не поможет, – ответила она.

Привратник смотрел на бледную красавицу с сочувствием.

– Подождите, – произнес он, – я дам вам один адрес. Там проживает сердобольный человек. Он лечит, очень больных лечит. Он вам поможет. Его зовут Григорий Ефимович Распутин⁹⁷...

* * *

Глебов застал Витте в задумчивости.

---

⁹⁷ Григорий Ефимович Распутин (Новых) (1869, с. Покровское, Тобольская губерния -1916, Санкт-Петербург) – крестьянин, имел репутацию «старца», прозорливца и целителя. Приобрел известность благодаря близости к семье императора Николая II. По мнению некоторых современников, играл значительную роль в принятии кадровых и политических решений императора.

– Здравствуйте, Сергей Юльевич, – произнес он.

Витте пожал руку, пригласил жестом присесть в кресло.

– Вас что-то тревожит? – поинтересовался Алексей.

– Я нахожусь перед трудным выбором, Алексей Петрович.

Мы с вами так часто говорим о войне с Японией, что вы в курсе всего, что происходит.

– Судя по вашему виду, не совсем. – Глебов улыбнулся.

– Президент американской республики Теодор Рузвельт предложил свои услуги для того, чтобы привести Россию и Японию к примирению.

– Да, это новость.

– Это еще не все, – продолжил Витте, расхаживая по кабинету. – Когда явился вопрос о назначении главного уполномоченного для ведения мирных переговоров, то граф Ламсдорф⁹⁸ словесно указал Его Величеству на меня, как человека, который, по его мнению, мог бы иметь шансы привести это дело к благополучному концу.

– И что же Его Величество?

– У Его Величества в отношении меня «особые» чувства... Его Величество не ответил графу Ламсдорфу в утвердительном смысле, хотя и не сказал «нет». – Витте сел в кресло и осмотрительно добавил: – В конечном счете, достаточно знать крайне мягкий, деликатный характер Государя Им-

---

⁹⁸ Владимир Николаевич Ламсдорф (Ламздорф или Ламбсдорф) (1844 [1845], Санкт-Петербург – 1907, Сан-Ремо, Италия) – граф, русский дипломат, министр иностранных дел Российской империи в 1900 – 1906 гг.

ператора, чтобы понять, что после всего происшедшего Его Величеству было не особенно удобно приблизить меня к себе, назначив главным уполномоченным по такому государственному делу, как ведение переговоров с Японией.

– Подождите, вы сказали «Его Величеству было неудобно»? Я правильно понимаю, что вас все же назначили уполномоченным?

– Думаю, что назначение вскоре последует, – улыбнувшись, ответил Витте. – Никто не желает рисковать карьерой, взявшись за столь сложное дело. Нелидов⁹⁹ отказался, ссылаясь на свои лета и здоровье. Извольский¹⁰⁰, наш посланник в Дании, также отказался. Государь решил поручить эту миссию Муравьеву¹⁰¹...

– ...А Муравьев приезжал к вам на днях.

– Да. Он провел у меня целый вечер, говорил, что Государь поручил ему ехать в качестве уполномоченного в Америку вести мирные переговоры с японцами... А вот сегодня ко мне явился граф Ламсдорф в ленте, что дало мне осно-

---

⁹⁹ Александр Иванович Нелидов (1835, с. Дубровки, Смоленская губерния -1910, Париж) – русский дипломат, действительный тайный советник (с 1896 г.), посол в Италии (1897 – 1903) и во Франции (1907 по 1910).

¹⁰⁰ Александр Петрович Извольский (1856, Москва – 1919, Париж) – русский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел России в 1906-1910 гг.

¹⁰¹ Николай Валерианович Муравьев (1850, Кострома -1908, Рим) – русский государственный деятель, министр юстиции и генерал-прокурор Российской империи, посол Российской империи в Италии.

вание думать, что он приехал от Государя. Я оказался прав, граф заявил мне, что приехал от Государя, дабы из частной беседы узнать, не соглашусь ли я взять на себя переговоры о мире с Японией.

– А что же Муравьев? Чем он объяснил свой отказ от возложенной на него миссии?

– По словам Ламсдорфа Николай Валерьянович вчера был у Государя и сказался совсем больным. Его Величеству действительно показалось, что Муравьев болен... Ламсдорф взывал к моему патриотизму, дабы я не отказался.

– Поздравляю, Сергей Юльевич. Вы ведь этого хотели.

– Хотел, не спорю. Но понимаю, что на меня возлагается самая неблагоприятная задача. Ибо, заключу я мир или нет, меня будут терзать: одни, уверяя, что, если бы мир не был заключен, то мы бы победили, а другие, в случае не заключения мира, что все последующие несчастья произошли от того, что я его не заключил.

– Не думаю, что вас волнует общественная молва. Для вас всегда особо важно достичь цели.

– Поэтому я ответил Ламсдорфу, что, не считая по моему положению возможным уклониться от этой миссии, я ее приму, но если Государь лично меня попросит или прикажет.

Алексей промолчал. Витте играл с огнем, делая такое заявление – государь обиды не прощал, а Витте опять не преминул показать императору свое к нему пренебрежение.

В дверь постучали, затем на пороге возникла прислуга и сообщила Витте о приходе нарочного¹⁰².

– Я оставлю вас ненадолго, – обратился Витте к Алексею и вышел. Оставшись один, Глебов неторопливо прошелся к окну, как раз вовремя, чтобы увидеть посыльного его Величества, вскакивающего на лошадь. Спустя некоторое время в кабинет вернулся Витте, держа в руке развернутый лист бумаги со сломленным отпечатком императорской печати.

– Я получил приглашение Его Величества завтра приехать к нему, – сообщил он.

– Что ж, дело пошло. Можете приказывать прислуге готовить чемоданы, – пошутил Глебов.

Витте улыбнулся:

– Ну уж нет, такое ответственное задание нужно поручать супруге. Лучше Матильды Ивановны никто меня в дорогу не соберет.

* * *

Москва

Лиза находилась в тревожащем ее неведении. Ее поверенный выслал необходимые документы в контору господина Рериха, занимающегося делами ее мужа, однако время шло, а ничего не происходило. От Алексея не было известий.

В один из вечеров, когда Лиза с Катей вдвоем сидели в

---

¹⁰² Нарочный – гонец, посылаемый с каким-нибудь важным и спешным поручением.

гостиной и ожидали прихода Андриканиса, Лиза сказала по-друге:

– Мне нужно съездить в Петербург.

На лице Кати отразилось беспокойство:

– Тебя нельзя отпускать одну. Тот тип, что на тебя напал, на свободе. От полиции нет никакого толку. По-видимому, своей основной задачей они считают усмирение интеллигенции, рабочих и студентов.

Лиза улыбнулась, но улыбка вышла вялой и неуверенной.

– Уже прошло почти два месяца, а этот... тип не объявился. Возможно, я была его случайной жертвой.

– Что ты говоришь! Случайной?! Да он следил за тобой несколько месяцев, а потом напал! Какая тут может быть случайность! Нет, одна ты не поедешь! Я попрошу мужа съездить с тобой.

– Но он же очень занят. У него сейчас очень важный процесс...

– Тогда тебе придется подождать! И не спорь. Развестись ты всегда успеешь.

Лиза промолчала. Вошла служанка и сообщила, что пришел Николай Павлович. Девушки переглянулись – сегодня Николая у себя они не ждали. Николай вошел подавленный, обескураженный – по-видимому, произошло что-то плохое.

– Что случилось, Николаша? – спросила встревожено Катя.

– Да, случилось... – он снял фуражку, скомкал ее в руке,

посмотрел на Лизу, затем на Катю, – дядя, Савва Тимофеевич... умер.

Девушки ахнули.

– Как так? Не может быть!

Николай сел на стул, опустил голову:

– Сообщили, что самоубийство. Но я не верю. Не мог он такого сделать!

– Но как же... Ведь он поехал во Францию... в Канны отдыхать... Как так? – Катя села рядом с братом.

– Да не мог Савва Тимофеевич покончить с собой! Не мог! Не таков он человек... Дядя помогал денежными средствами социал-демократам. Помнишь, он говорил, что к нему приходили некто, предупреждали, чтобы он подобного не делал?

– Но кто?

Лиза предположила:

– Полиция? Черносотенцы¹⁰³?

– Кто-то из них.

Все одновременно замолчали. На камине громко тикали часы.

– Тело выслали на родину. Прибудет 28 мая...

– Нужно все подготовить. Очень многие его любили и захотят с ним проститься.

---

¹⁰³ Черносотенцы – члены крайне правых организаций в России в начале XX века, выступавших под лозунгами монархизма, великодержавного шовинизма и антисемитизма.

Лиза вздохнула. Алексей тоже захочет с ним проститься. А значит, приедет в Москву на похороны. Если конечно, его судьба опять не занесла в какие-нибудь дали...

* * *

Петербург

К Глебову прибыл посыльный от Витте – Сергей Юльевич приглашал отобедать в его доме. Ничего необычного – Алексей был его частым гостем, однако удивляла некая поспешность.

Через два часа он был уже у Витте. Тот встретил его с дружеской улыбкой, однако заводить серьезные разговоры не торопился. Обед прошел в привычной для семейства теплой обстановке.

После обеда Витте, по обыкновению, пригласил Глебова в свой кабинет. Разлив виски по бокалам, он протянул один из них Алексею и произнес:

– У меня есть к вам предложение, Алексей Петрович.

– Да? И какое?

– Мне предстоит путешествие по делу государственной важности.

Алексей вскинул бровь и усмехнулся.

– Вы приняли предложение Его Величества?

Витте кивнул:

– Да, принял. И хочу, чтобы вы поехали со мной.

– Я? – Глебов удивился. – Позвольте спросить, зачем я

вам нужен?

Витте сел на диван и неторопливо, обстоятельно пояснил:

– Вы один из тех редких людей, которым я доверяю. Только не смейтесь, я говорю серьезно. Никто из нас не безгрешен. Познакомившись с вами, я понял, насколько вы способны и умны. Господин Кони считает, что в свое время вы подавали надежды, как самый лучший студент-юрист, ему встречавшийся. Он пророчил вам блестящую карьеру. Надеюсь, что при старании вы станете дипломатом.

Глебов пожал плечами:

– Как видите, подобного не произошло.

– Что не отменяет ваших талантов, Алексей Петрович. Мне хотелось бы, чтобы рядом со мной в Америке находился толковый человек, друг, способный помочь в сложном деле. И скажите, положив руку на сердце, разве вам не интересно поучаствовать в этом деле? Да к тому же побывать в столь отличных от России американских Штатах?

Глебов усмехнулся:

– Вы играете со мной, господин Витте!

– В никакой мере.

Некоторое время помолчали, неторопливо отпивая из своих бокалов. Глебов взглянул на Витте. Все же что-то кроется за его поступками, но что?

– Почему именно Америка? – поинтересовался Алексей, не торопясь с ответом на предложение Витте. – Ведь было бы удобнее съехаться для переговоров где-нибудь недалеко

от театра военных действий.

– Согласен с вами, но выбор таков – или Америка, или Европа. А при таком выборе – удобнее в Америке, чтобы по возможности отстраниться от интриг европейских государств.

Алексей понимающе кивнул.

– Государь выдвинул условия по заключению договора? – спросил он.

– Его Величество желает, чтобы переговоры пришли к мирному решению, но не допускает ни копейки контрибуции, ни уступки даже пяди земли. Великий князь Николай Николаевич¹⁰⁴ как председатель Совета государственной обороны пояснит мне нынешнее положение нашей армии на Дальнем Востоке. – Витте помолчал. – Со мной поедут все те лица, которые были назначены для Муравьева. Я считаю ненужным кого-либо менять, так как сомневаюсь, что на чье-либо мнение буду опираться... За исключением вас.

– Вы принуждаете меня принять поспешное решение? – Взгляд Алексея стал суровым.

– Алексей Петрович, у вас есть выбор. Вы можете согласиться, можете отказаться. Но мне бы очень хотелось видеть вас в делегации.

---

¹⁰⁴ Николай Николаевич Романов (младший) (1856, Санкт-Петербург -1929, Антиб, Франция) – великий князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., в 1905-1914 гг. – командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, одновременно (в 1905-1908 гг.) – председатель Совета государственной обороны.

Глебов помолчал:

– Я хотел бы обдумать ваше предложение.

– Что ж, я буду ждать вашего ответа.

Алексей поднялся и, распрощавшись, ушел.

После его ухода Витте взял трубку телефона, назвал телефонистке номер. Вскоре на другой стороне провода ответили.

– Есть срочное дело...

* * *

Прибыв домой, Алексей нашел на подносе для писем телеграмму от Станиславского. Тот сообщал пренеприятнейшие новости – в Каннах во Франции покончил жизнь самоубийством Савва Тимофеевич Морозов. 28 мая прибывало на вокзал его тело.

Алексей, недолго думая, стал собирать чемодан. Затем написал пару строчек для Витте о том, что ему нужно срочно уехать по делам в Москву, и попросил прислугу отправить письмецо с посыльным. А также распорядился поймать коляску, чтобы уехать на вокзал.

Подхватив чемодан, Алексей вышел из квартиры. На улице уже ждал извозчик.

_26

* * *

Москва

Прибыв в Москву, Глебов снял номер в гостинице, затем

навестил Станиславского. Тот был опечален, сообщил, что завтра утром прибывает тело Саввы Тимофеевича. На вокзале будут многие, кто его любил и уважал.

На следующий день на вокзале полиции было больше, чем всегда – нужно было охранять порядок, так как собрался многочисленный люд, ожидающий прибытия поезда с телом Саввы Тимофеевича. Толпа была разношерстной: многочисленные родственники Морозова, актеры Художественного театра, рабочие и их семьи с орехо-зуевских предприятий, принадлежащих ранее Савве Тимофеевичу... Были здесь и Шмиты. А вместе с ними Лиза. Сердце Алексея замерло и защемило. Он так давно ее не видел! Лиза...

Лиза повернулась, увидела его, на мгновение растерялась, затем, высоко подняв подбородок, отвернулась. Глебов упрямо сдвинул брови и решительно направился к жене, но не успел сделать и пары шагов, как его остановил подошедший поздороваться Станиславский. Алексей взглянул на Лизу. Однако она так и не смотрела в его сторону. Через минуту сообщили о прибытии поезда, на котором был гроб с телом Морозова.

Поезд гудел, свистел, подходя к перрону, затем остановился, выпустил пары. Несколько рабочих забрались внутрь указанного им вагона и осторожно вынести цинковый гроб. Женщины заплакали. Сняв головные уборы, склонили головы мужчины. Рабочие подняли гроб, поставили себе на плечи, затем неторопливо понесли с вокзала, следом двинулась

траурная процессия...

В этот день Алексею так и не удалось поговорить с женой. Скорей всего, она ушла, как только гроб погрузили на катафалк.

...На следующий день на Рогожском кладбище состоялись похороны. По столь печальному событию собралось еще больше народу, чем в день прибытия тела на вокзал. Среди присутствующих нельзя было не заметить пришедших проводить в последний путь Морозова именитых служителей искусства: Чехова, Шаляпина, Врубеля, Серова, Левитана, Рахманинова...

После похорон, когда Глебов, осматриваясь, пытался найти жену среди присутствующих, к нему подошел маленький пухлый лысеющий мужчина. Представился – его имя Алексей и не запомнил – затем сказал, что является поверенным его супруги Елизаветы Николаевны. Только тогда Глебов взглянул на него. Поверенный заговорил о необходимости встретиться завтра по важному делу.

– Я не собираюсь ждать до завтра, – раздраженно ответил Алексей. – Я жду вас к трем часам сегодня. Гостиница «Дрезден».

Поверенный не стал с ним спорить и быстро удалился.

* * *

Лиза хочет развода! Алексей шагал из угла в угол в гостиничном номере как разъяренный лев в клетке. И было от че-

го: в назначенное время к нему явился поверенный его жены и заговорил о ее намерении расторгнуть брак, при этом предлагая ему подписать документы. Алексей испытал такое потрясение, что готов был вышвырнуть дурного вестника за порог. Бросив документы на край стола, он холодно заявил злосчастному поверенному, что желает переговорить со своей супругой и что он ждет ее сегодня вечером в шесть у себя. Тон был столь категоричным, что поверенный, несколько раз беззвучно открыв рот, наконец, его закрыл, сгреб бумаги и, откланявшись, удалился.

Хотя и прошло несколько часов с его ухода, Глебов до сих пор не мог смириться с услышанным. Развод – немыслимо! Как ей в голову вообще могло такое прийти?! Значит, Лиза хочет развестись и выйти замуж за этого малахольного владельца фабрики! Как бы ни так! Что ж, дорогая женушка, не все так просто!

Стрелки часов подходили к пяти сорока пяти, когда раздался стук в дверь. Алексей резким движением распахнул ее, но на пороге была не Лиза – довольно привлекательная служанка, улыбаясь, держала на руках поднос.

– Ваш ужин, сударь.

Алексей, раздраженно передернув плечами, пропустил ее в комнату. Кокетливо поглядывая на него, девица неторопливо расставила на столе столовые приборы, затем грациозно покачивая бедрами, направилась к двери. Она была довольно симпатичной. Глебов был вынужден это признать.

Открыв дверь, девица обернулась и посмотрела сквозь полуопущенные ресницы на Алексея, затем очаровательно улыбнулась.

В этот момент на пороге появилась Лиза. Глебов вздрогнул. Супруга презрительно взглянула на него, проводила прислугу пренебрежительным взглядом, вошла и закрыла дверь. В ее глазах было столько холода и неприязни, что Алексей, первоначально забывший о причине ее прихода, сразу все вспомнил и озлобленно взглянул на жену.

Он жестом предложил ей сесть. Она не стала это делать, а осмотрелась, затем повернулась к нему и решительно произнесла:

– Я хочу развод.

Глаза Алексея сузились, скулы плотно сжались, и Лизе вдруг стало страшно от мысли, что муж сейчас задушит ее в припадке гнева. Таким, наверно, был Отелло, когда душил Дездемону¹⁰⁵. Но Глебов отвернулся и прошел к столу.

– Ты пришла рано. Раньше назначенного времени. Я еще не поужинал, – сказал он тоном, не допускающим возражений. Усевшись на стул, он демонстративно взял салфетку. Игнорируя гневный взгляд Лизы, принялся за еду.

Поджав губы, Лиза взглянула на настенные часы – стрелки показывали без десяти шесть, – затем с достоинством опустилась на предложенный ранее стул.

Он трапезничал, она смотрела на него и ждала. Когда

---

¹⁰⁵ Прим. автора: Герои трагедии У. Шекспира «Отелло».

стрелки часов показали шесть, из них выглянула кукушка и принялась раздражающе противно куковать.

Алексей пригубил бокал вина, поставил его на стол, неторопливо взял салфетку, вытер рот, затем по-барски бросил ее на край стола. Потянул шнурок, вызывая прислугу.

– Время вышло, – предъявила Лиза, когда кукушка скрылась в теремке часов.

Он поднял палец вверх, призывая подождать.

– Ты умышленно тянешь время? Что тебе...

В этот момент в дверь постучали, и Лиза замолчала.

– Войдите.

Вошла прислуга – та же самая кокетливая девица, и улыбнулась господину.

– Что желаете?

– Унесите. – Он кивнул на стол.

Девица вплыла в комнату, собрала посуду на поднос и, покачивая бедрами, направилась к выходу. Лизу она раздражала. И с каждой мгновением все больше!

– Да, и еще, – Глебов остановил прислугу. Нарочно. Девица с улыбкой оглянулась, он кивнул на настенные часы. – И их тоже заберите. Они меня нервируют.

– Как это ужасно! – посочувствовала она, вынесла поднос в коридор и вернулась за часами. Сняв их со стены, направилась к выходу и, прежде чем закрыть за собой дверь, кокетливо улыбнулась Алексею.

Когда дверь закрылась, Глебов посмотрел на супругу.

– Прости, дорогая, но кукушка просто выводит меня из себя.

«А ты выводишь меня», – прочитал он в ее взгляде.

Лиза протянула Алексею бумаги:

– Так не может больше продолжаться. Подпиши согласие на развод.

Глебов откинулся на спинку стула. Сцепил пальцы в замок.

– Ты ведь понимаешь, что разводы не приветствуются ни обществом, ни церковью. На сто браков приходится один развод, и такова возможность, что нас разведут.

– Ты подпишешь?

– Зачем?

– Развод нужен нам обоим.

– Правда? И зачем же он мне нужен? – не удержался Алексей от сарказма.

Лиза судорожно вздохнула, набираясь смелости.

– В любом случае я не вернусь к тебе. А после развода ты сможешь вновь жениться. Заведешь себе полноценную семью: любящую жену, детей... и еще любовниц.

Алексей все же не выдержал – вскочил с места, подошел к окну, уставился в него, повернувшись к жене спиной. По тому, как были напряжены его плечи, Лиза поняла, насколько он не приемлет ее слова.

– Во-первых, – произнес он сухо, – я хотел создать семью с тобой. Во-вторых, мне развод не нужен.

– Мне нужен, – настойчиво ответила она.

Алексей молчал некоторое время. Наконец спросил:

– Ты так сильно его любишь?

– Кого? – Она не поняла, о ком он говорит.

Глебов оглянулся, посмотрел на супругу и усмехнулся.

– Я непонятно выразился?

Лиза смутилась, пойманная на слове.

Алексей расслабился, вальяжно прошелся по комнате, встал напротив жены. Смотрел на нее долго и пристально сквозь полуопущенные ресницы. Лиза отвернулась.

– Знаешь, я готов подписать эту чертову бумагу, но с одним условием, – сказал он наконец.

– С каким? – голос Лизы прозвучал глухо. В горле пересохло.

Он наклонился к ней. На губах заиграла улыбка искусителя, а в глазах заплясали огоньки.

– Проведи со мной эту ночь...

Лиза вспыхнула, вскочила на ноги. Он поймал ее за руку, резко притянул к себе и сжал в объятиях. Она попыталась оттолкнуть мужа, но безуспешно...

– Ты сводишь меня с ума... – Алексей поцеловал ее. От гнева и бессилия Лиза застонала. Еще раз попыталась его оттолкнуть. Напрасно... Он нежно целовал ее и сжимал в объятиях. Невольно наслаждаясь, она ослабла в его руках... Вся задрожала, когда его руки, лаская, заскользили по ее спине.

– Ты все еще хочешь уйти? – спросил он проникновенно,

коснувшись губами ее ушка. Сердце его отбивало бешеный такт, и Лиза слышала это. Ее собственное сердце вторило ему...

Лиза опомнилась, испуганно оттолкнула мужа, отступила и стремительно выбежала из номера.

Оставшись один, Алексей тяжело вздохнул, запустив пальтерню в волосы. Затем крепко выругался. Подошел к столу, плеснул из графина в бокал вина – руки предательски дрогнули, и часть жидкости расплескалась по поверхности стола. Пить не стал, прошел к окну и, оперевшись рукой о раму, уставился на улицу.

Из мрачной задумчивости его вывел звук открывающейся двери. Решив, что вернулась прислуга, Алексей нехотя оглянулся и... увидел Лизу. Напуганная чем-то, она быстро закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Алексей сам не заметил, как оказался рядом.

– Что случилось, Лиз? – заволновался он.

–Эт-от тип, – от страха она стала заикаться.

Алексей взял ее за плечи:

– Успокойся.

Лиза подняла голову и посмотрела на него большими от ужаса глазами. Она готова была рыдать.

– Я боюсь его...

– Кого боишься?

– Этого подонка. В прошлый раз... он на меня напал! И вот сейчас опять вернулся!

Лиза закрыла лицо руками. Зарыдала. Глебов стиснул зубы:

– Где он?

– На улице... Стоял у входа.

– Как выглядит?

– Такой щербатый... худой, жилистый... Не знаю. Гадкий, отвратительный!

Алексей открыл дверь:

– Оставайся здесь. Закройся.

Лиза, судорожно глотая слезы, кивнула, он вышел, дождался, когда она замкнется, и затем быстрыми шагами направился по коридору вниз. Выйдя на улицу, осмотрелся, но, не обнаружив никого с подобными приметам, вернулся к номеру. Постучал в дверь:

– Лиза, это я.

Она открыла. В глазах ее стоял немой вопрос.

– Нет там никого.

– Куда же он делся?!

Алексей прошел внутрь, закрыл дверь. Затем усадил расстроенную жену на стул, присел на корточки рядом. Взял за руки.

– Расскажи мне все по порядку. Хорошо?

Лиза кивнула. Стала рассказывать о типе, который следил за ней, а затем похитил и хотел изнасиловать.

Алексей задавал наводящие вопросы, слушал внимательно, и в его глазах по мере рассказа жены разгорался недоб-

рый огонь.

– Где он тебя держал? – спросил он.

– За фабрикой. На окраине рабочего поселка. Там есть ветхий домик у реки. Он стоит поодаль от других домов. На доме флюгер в виде кошки.

Алексей вздрогнул. Вспомнился фрагмент тревожного сна. Флюгер скрипит, поворачиваясь на ветру, солнечный луч просвечивает через дыру вместо глаза. Он отвел взгляд от Лизы, поднялся.

– Оставайся здесь, – сказал он. – Дождись моего возвращения. Поняла?

Лиза растерянно заморгала. Встала:

– Я...

– Никому не открывай, кроме меня. Ясно?

Она кивнула. Все же хорошо, когда можно на кого-то положиться и не пытаться всегда быть сильной.

Алексей ободряюще ей улыбнулся.

– Все будет хорошо. Обещаю, – сказал он и направился к выходу. Лиза последовала за ним до двери.

– Будь осторожен, – попросила она. Он посмотрел на нее, хотел что-то сказать, но передумал. Выйдя, он дождался, когда Лиза закроется на замок, и только потом зашагал по коридору...

* * *

Алексей все-таки нашел этот заброшенный домик. Флю-

гер в виде кошки скрипел, поворачиваясь из стороны в сторону. Он открыл столь же скрипучую калитку и пошел к дому. Из-под перевернутой дырявой лодки вылезла худая ободранная псина и посмотрела на него. Алексею от ее взгляда стала дурно – он видел эту собаку – во сне... Глебов отвернулся и зашагал к дому.

Внутри, как и следовало ожидать, никого не оказалось. Пыльно, грязно, сыро. На спинках кровати по-прежнему болтались веревки, которыми маньяк привязывал Лизу. Глебов злобно стиснул зубы. Отвернулся. Прошелся по дому, осматриваясь, и пытаюсь найти хоть что-то, что может подсказать, где нужно искать маньяка. Во дворе залаяла собака. Алексей выглянул наружу, но сквозь пыльное окно ничего не возможно было разглядеть. Он прошел к двери, взялся за ручку. Открыл. Собака стояла возле крыльца и лаяла в его сторону. Но не на него! Он успел отклониться – нож скользнул по груди, распарывая тонкую ткань воротничка рубашки. Щербатый кинулся на него из укрытия, вновь взмахнул ножом. Алексей опять отступил. Маньяк сделал выпад, Глебов уклонился, одновременно ухватился руками за его кисть – резко вывернул. Кисть хрустнула, Щербатый взвыл от боли. Нож звякнул, упав на пол.

Маньяк толкнул Глебова и бросился бежать. Алексей кинулся за ним – дверь захлопнулась перед его носом. Он распахнул ее, ринулся за перескакивающим палисадник Щербатым. Побежав наперерез, выскочил на дорогу, однако не

успел. Понесся за ним по улице. Еще немного и цель была бы достигнута. Рывок – Щербатый сиганул через забор, Алексей кинулся за ним, забор предупреждающе скрипнул, затем раздался треск, и вся конструкция вместе с Глебовым опрокинулась на землю.

* * *

В дверь постучали. Лиза соскочила с кресла и подошла к ней. Вновь раздался стук.

– Лиза, это я, – узнала она голос мужа. Быстро повернула ключ, распахнула дверь. На пороге стоял Глебов в пыльной, запачканной грязью одежде. Он вошел в номер, запер дверь.

– Что случилось?

– Познакомился с этим гадом. – Глебов заходил по комнате из угла в угол.

– Он...

– Он сбежал. Я сломал ему руку.

– Что же делать? Он не оставит меня в покое!

– Нужно подумать. – Алексей остановился посреди комнаты. Его взгляд упал на свое отражение в зеркале.

– Черт, – он потер ладонью щеку, на которой осталась грязь. А еще нужно было переодеться.

Глебов прошел в соседнюю комнату – Лиза последовала за ним. На ходу он скинул пиджак, открыл шкаф, достал чистую одежду, швырнул ее на спинку кресла.

Лиза ждала, что он скажет. Но что сказать? Он рывками

растянул разрезанную сорочку, скинул ее с себя. Потянулся за чистой.

Лиза очень быстро оказалась рядом.

– Что это? – Голос ее дрожал. Она коснулась пальцами его покрытой шрамами спины. От ее прикосновения Алексей вздрогнул и застыл на месте, забыв о рубашке.

– Что это? – очень тихо переспросила она.

– Да так...

Лиза провела рукой по его спине. Хотелось плакать. Что же произошло с ним за последние месяцы? Где он был? Что делал?!

Она отдернула руку, испугавшись тех чувств, которые нахлынули на нее. Алексей медленно повернулся. Он стоял очень близко. Совсем рядом. Лиза чувствовала его дыхание на своем лбу, а ее глаза смотрели на еще один новый шрам на его теле – пулевое ранение – несомненно. Она подняла на него полные слез глаза и увидела, что он смотрит на нее смятенно, потерянно.

– Лиза...

Она обняла его, поцеловала шрам, провела ладонями по спине. Глебов обнял ее, потянулся к ее губам. Она ответила на поцелуй нежно, затем страстно. Он целовал ее, ласкал ее тело. Он так скучал по ней! Ужасно скучал! Лиза крепко прижималась к нему, гладила по обнаженным торсу, спине, плечам... Он стал освобождать ее от одежды: жакет, блуза, юбка – все оказалось на полу под их ногами. Лиза осталась

лишь в белье – лямка сорочки скатилась вниз, оголяя волнистые округлости груди. Он погладил их руками, коснулся горячими губами сквозь тонкую ткань. Лиза с тихим стоном наслаждения вздохнула, запустила пальцы в его волосы, погладила шею.

– Лиза... – Он подхватил ее на руки, отнес в кровать, положил на покрывало. Склонился над ней, смотря жадно в глаза. Лиза потянулась к поясу его брюк, расстегнула. Он разделся быстро и вернулся к ней. Снял с нее последнюю одежду.

– Лиза... – Их губы слились в сладостном поцелуе. – Лиза...

* * *

Казалось, весь мир исчез, перевернулся. Вся ночь, чудная волшебная ночь. Им было не до сна. Как хорошо, волшебно и чудесно! Лиза потянулась в кровати, открыла глаза.

Алексей уже был на ногах – принес завтрак, поставил поднос на кровать, склонился к ней и поцеловал в губы.

– Отдохнула?

Он ухмылялся своей улыбкой сатира.

– Как никогда!

– Продолжим?

Лиза вспыхнула – на лице заиграл румянец. Она кокетливо улыбнулась:

– Сейчас?

– Почему бы и нет?

Но у желудка были свои желанья – он предательски заурчал. Лиза смущенно рассмеялась.

Алексей наигранно сокрушено вздохнул:

– Понятно.

Он поставил поднос ей на колени.

Лиза стала кушать: бутерброды, горячий вкусный чай с молоком, рядом Алексей – больше для счастья ничего не надо.

– После завтрака, родная, мы заедем и заберем твои вещи, – сообщил Глебов, отходя к окну.

– Зачем? – Бутерброд повис в руке, так и не оказавшись у рта.

– Ты едешь в Петербург со мной. – Голос Алексея был категоричен.

Лиза положила бутерброд на тарелку. Аппетит исчез. Она ведь обо всем забыла в одно мгновение, как только оказалась в плену его сильных рук! Как она могла? Лиза закрыла глаза, тяжело вздохнула:

– Я не поеду.

– Поедешь. Так лучше для тебя.

Лиза промолчала. Убрала поднос, соскользнула с кровати и стала одеваться.

– Ты будешь под моим присмотром. Я защищу тебя. Я обещаю.

– Алексей, я не поеду. – Голос ее звучал глухо, но твердо.

Он обернулся:

– Лиза, ты поедешь!

Она вспыхнула от его приказного тона, решительно вышла из спальни.

– Лиза! – Глебов последовал за ней.

Она взяла со стола документы:

– Вчера я тебя просила подписать бумаги. Ты должен подписать!

– С какой стати?!

Лиза судорожно вздохнула:

– Ты опять?! Мы ходим по кругу! Ты делаешь мне больно! Ты должен подписать!

– Нет!

Лиза была на грани истерики. Он не понимает, как ей плохо! Лиза закрыла глаза и закричала:

– Самонадеянный дурак! Я тебя ненавижу!

– Ты спишь с ним, да? – Глебов тоже дошел до гневного злого крика. – Спишь?!

– Замолчи! Я тебя ненавижу!

– Я тебя тоже! – Он вырвал из ее рук бумаги, прошел к столу, схватил перо. На секунду остановился, затем быстро макнул в чернила и расписался на листах. Выпрямился, расправил плечи. Несмотря на нее, прошел к двери и вышел, хлопнув ею.

Лиза разрыдалась. Утерев слезы ладошкой, она собрала волосы в узел, поправила одежду. Затем взяла бумаги и вы-

шла из номера.

_27

* * *

Алексей ходил по коридору назад-вперед. Лиза тихонько выскользнула на лестницу и вышла из гостиницы.

Глебов не знал, что ему делать. Ну почему она не хочет его понять?! Она нужна ему, он ее любит... Алексей выругался, взмахнув рукой. Какого черта он влюбился? Так привязался к бабе, что сносит голову! Дурак!!! Да он ее не отпустит, пусть не мечтает!

Глебов вернулся в номер и быстро понял, что Лиза уже ушла. Он в сердцах ударил кулаком о дверь и кинулся вдогонку.

* * *

Лиза шла по улице и не замечала, что по ее щекам бегут слезы, а прохожие с удивлением и неодобрением смотрят на нее. Ей было все равно. Она их не замечала. Ей было плохо. Все. Конец. Она его отпускает... Она ведь даже не может родить ему детей...

Кто-то резко ударил ее в спину и затащил в проулок. Лиза закричала, увидев лицо Щербатого. Он ударил ее по лицу, прижал к стене.

– Что, сука, получила?! Заткнись, иначе сразу прирежу. – Щербатый вынул нож. Приставил к ее горлу. Лиза замерла. Маньяк ослабился, развернул ножик и опустил острие меж-

ду ее груди. Стал медленно резать лиф блузки.

Он практически не держал ее, и это было странно. И Лиза вспомнила. Алексей сказал « Я сломал ему руку». Она отчаянно схватила маньяка за больную кисть и, что был сил, сдавила. Щербатый заорал, замахнулся ножом. «Все!» – Лиза закрыла глаза...

Удара не последовало. В следующий миг, она увидела рядом Алексея, избивающего маньяка. Он его бил так стремительно и сильно, что тот не успевал сопротивляться. Лиза покачнулась и стала сползать по стенке. Глебов оглянулся, Щербатый вырвался и бросился бежать. Глебов ринулся за ним. Щербатый выскочил из проулка, на ходу оглядываясь, далеко ли Алексей, и не заметил мчащуюся упряжку лошадей. Он закричал, когда лошади сбили его, и еще раз крикнул, когда копыто одной из них ударило ему в лицо и раскололо череп.

* * *

Лиза, стягивая рукой разрезанный лиф, вышла из проулка и столкнулась с Алексеем. Он закрывал собой то, что происходило за его спиной. Там что-то случилось, и собирались люди.

Он взял ее за локоть, повел назад, по пути подобрал принадлежащий ей ридикюль, в котором торчали свернутые документы. Они вышли на соседнюю улицу, Алексей поймал коляску, посадил Лизу и сел рядом.

– Адрес.

Лиза назвала. Коляска тронулась вперед. Они молчали.

Подъехали к дому Кати.

Лиза посмотрела на Алексея, он даже не повернулся, так и смотря перед собой.

– Он...

– Он больше тебя не побеспокоит. Никогда. – Голос Алексея звучал жестко. Лиза подняла руку, неосознанно желая коснуться мужа, но передумала, сжала пальцы в кулак и опустила руку на колени.

– Ты должна сделать выбор, Лиза. Сейчас. Раз и навсегда. – Его голос звучал напряженно и категорично. Алексей ждал.

По щеке Лизы стекла одинокая слеза.

– Прости. – Она спрыгнула с коляски и отошла на тротуар. Алексей даже не посмотрел на нее.

– Лиза! – из дома выскочила Катя, за ней следом Шмит и Андриканис.

Алексей посмотрел на них, затем холодно на Лизу и приказал извозчику:

– Трогай.

Коляска рванулась с места и покатила по каменной мостовой.

* * *

Прошло несколько дней, как Алексей уехал. Лиза тоско-

вала, и это видела не только Катя, но и Шмит. Отношение Николая к Лизе, после того, как она провела ночь с мужем, изменилось. Возможно, он по-прежнему ее любил, но мириться с тем, что Лиза может вернуться к своему супругу, он не хотел.

– Лиза, когда у тебя встреча с поверенным? – спросила как-то Катя.

Она вздохнула:

– Я к нему схожу. Алексей... Он подписал бумаги.

– Может быть, тебе не стоит разводиться?

Лиза посмотрела на подругу.

А Катя неуверенно продолжала:

– Твой Алексей не так уж плох. Он показал себя как настоящий мужчина. И если ты его любишь...

– Ты ведь знаешь, почему я развожусь!

– Лиза, это не причина! Расскажи ему...

– Я не могу. – Лиза отвернулась. – Мне не нужна его жалость. Давай не будем говорить об этом.

Катя тоже горестно вздохнула:

– Но, все-таки, ты подумай.

Прошло три дня и Лиза, наконец, решила приехать к поверенному. Она передала ему документы и подошла к окну. Вот и все.

Поверенный снял пенсне и положил документы на стол.

– Мадам, вы уверены, что развод вам нужен?

– Почему вы опять спрашиваете об этом? – с грустью про-

изнесла она.

– Потому что развести вас практически невозможно.

– Но вы говорили, что если муж подпишет согласие на развод, то вы найдете возможность это сделать.

– Да, говорил.

– Так, что же? Он подписал.

Бровь поверенного пошла вверх.

– О! Вам стоит на этого взглянуть, мадам.

Лиза подошла к столу и взяла бумаги. Руки задрожали от охватившего ее волнения. На документе, там, где должна была стоять подпись мужа, было написано размашистым уверенным почерком: «Лиз, я тебя люблю».

Она закрыла глаза. Слезы покатались по ее лицу.

– С вами все в порядке?

Она кивнула. Мой муж – мошенник!

* * *

Июнь 1905 г. Подмосковье – Петербург

После расставания с женой, Алексею нестерпимо захотелось уехать как можно дальше. Дальше от неверной Лизы, от городского шума... и душевной боли.

Вернувшись в гостиницу, он собрал чемодан и уехал в Подмосковье. Снял меблированную комнату, и, как в ранешние беззаботные времена, каждый день ходил на реку удить. Когда надоедало рыбачить или же одолевали мысли о жене, нырял в июньскую холодную воду. Плыл против течения, а

улав, ложился на спину и позволял течению себя нести... А затем греб к берегу, падал на мелкий прибрежный песок и смотрел в небо. Голубое чистое или пасмурное – все равно... Как глаза Лизы... И так день изо дня. Июнь шел к исходу, и Алексей решил вернуться в Питер: ждали неотложные дела.

Возвратившись в Петербург, Алексей не ожидал повстречать у себя дома, ни кого иного, как уполномоченного Департамента полиции.

– Малышев?

Тот улыбнулся:

– Удивлен?

– Не то слово. Мне казалось, что наши пути разошлись.

Окончательно.

Малышев протянул ему руку, Глебов пожал, предложил Малышеву сесть в кресло, сам сел на диван напротив. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

– Догадываешься, почему я к тебе пришел?

– Понятия не имею, – солгал Глебов.

– В Москве более двух недель назад под экипаж попал наш бывший сотрудник, – начал Малышев, смотря ему в глаза. – Тот, что следил за твоей женой какое-то время.

Алексей невольно сжал кулаки, выдавая свое напряжение.

Затем усмехнулся:

– Знаешь, мне нет до этого никакого дела.

Малышев не поверил:

– Полиция расследует дело. Есть свидетели, который мо-

гут тебя опознать. На тебя выйдут, начнутся дознания. Много всплывет... У тебя в запасе неделя. Тебе лучше на какое-то время уехать. И как можно дальше. За границу – лучший вариант.

Малышев поднялся, надел шляпу, кивнул на прощание и удалился, оставив Глебова размышлять.

* * *

– О, дорогой мой Алексей Петрович! – Витте дружески пожал руку Глебова, который к нему пришел. – Вы вернулись. Как ваша поездка в Москву?

– Увы, я ездил не по приятному делу. На похороны хорошего знакомого, – ответил Алексей.

– Сожалею. – Витте предложил Глебову присесть.

– А как продвигаются ваши дела?

– Ведем подготовку к поездке. Поездка обещает быть захватывающей. Не без приключений.

Глебов усмехнулся:

– Хотите меня завлечь?

– Я? Несомненно.

Алексей смотрел на носки своих ботинок и, мнимо рассеянно улыбаясь, молчал. Он не торопился с ответом, а Витте его не торопил.

– Мне нужно уладить массу дел... Когда отбывает делегация?

– Шестого июля.

– Хорошо. Я буду иметь это в виду. – Алексей посмотрел на Витте. Тот кивнул.

* * *

Москва

Лиза и Катя были у Николая на Новинском бульваре, когда пришел Шанцер¹⁰⁶. Поприветствовав всех, Марат развернул газету.

– Это первый номер новой большевистской газеты «Пролетарий», – пояснил он. – В ней опубликованы извещение о третьем съезде РСДРП и его важнейшие резолюции! – Он поискал по тексту нужное место. – Вот, послушайте: «...принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности особые группы из партийных работников».

– Вот это настоящее дело! – воскликнул Николай, вставая с места и запуская пятерню в волосы, затем прошелся по комнате. – Деньги на оружие у нас будут! А преданные люди давно имеются: как на нашей фабрике, так и на других фабриках и заводах. Мы проведем собрание на фабрике сегодня. Ты должен выступить, *Виргилий*.

К концу рабочего дня на фабрике в большом цеху собра-

---

¹⁰⁶ Виргилий Леонович Шанцер (партийный псевдоним «Марат») (1867, Шабо, Бессарабская область – 1911, Москва) – революционер, большевик, руководитель МК большевиков в 1905 г.

лись рабочие. Кто сидел на стульях, кто-то стоял, облокотившись на станки, иные присели на сложенные одна на другую доски. Лиза пришла вместе с Катей, Николай уже был здесь и беседовал с Маратом и Карасевым – руководителем большевистской организации фабрики.

Марат начал выступление. Пока он зачитывал резолюцию РСДРП о вооруженном восстании, в цехе стояла полнейшая тишина. Он закончил, посмотрел на рабочих, но все по-прежнему молчали, понимая, к чему приведет восстание с оружием в руках. Перед рабочими встал и заговорил Карасев. Он говорил долго и, по сути, без прикрас и бравады. Затем выступил Николаев и, обычно молчаливый на собраниях, Егоров¹⁰⁷.

Один из рабочих поднялся.

– Что же... Мы все понимаем. Без вооруженного восстания уже никак нельзя. Но нужен основательно продуманный план. Как, братцы?

Он повернулся к рабочим. Они одобрительно зашумели, некоторые закивали головой. Марат и Николай перекинулись взглядами, радуясь пониманию со стороны рабочих. Последующие несколько часов обсуждали, что нужно сделать, предпринять.

Когда рабочие разошлись, Лиза с Катей вместе с фабричными работницами размножили на печатном станке резолю-

---

¹⁰⁷ Прим. автора: Николаев Михаил Степанович и Егоров Матвей Егорович – революционеры, большевики, участники революции 1905 г.

цию третьего съезда.

Работу окончили далеко за полночь. Лиза устало опустилась на табурет.

– Устали? – участливо спросил Николай.

– Да, немного, – Лиза замучено посмотрела на него снизу вверх покрасневшими глазами.

Он протянул ей кружку чая.

– Спасибо.

Лиза отпила чай и задумчиво обхватила кружку ладонями.

Некоторое время Николай не решался заговорить.

– Я должен вам сказать, – начал он. – Я взял на себя смелость и дал распоряжение вашему поверенному.

– Что сделали...? – не поняла Лиза, но с подозрением уставилась на него.

– Ваш поверенный отправился искать Глебова, чтобы оформить ваш развод.

Лиза вскочила на ноги, как ошпаренная. Кружка выскользнула из ее рук и упала на пол.

– Как вы могли! Вы не имели право!

Шмит тоже поднялся.

– Я сделал это для вас. Вы не можете заниматься разводом самостоятельно. Это лишает вас сил и здоровья.

– Кто вас просил? Вы.. Вы...! – Лиза сжала кулачки. – Вы не имели право!

– Разве должно быть какое-то право для того, чтобы лю-

бить и оберегать небезразличного вам человека? Я хочу заботиться о вас, Лиза, оградить от неприятностей. Возможно, я поступил своевольно, но сделав это, я приблизил вас к той самой свободе, которую вы добиваетесь так долго. Но если вы считаете, что я поступил неправильно, вам ничего не стоит отозвать своего поверенного и оставить все как есть.

Сказав это, Шмит развернулся и зашагал прочь. Лиза обессилено опустилась на табурет и закрыла лицо ладонями. Шмит принял за нее важное решение. Чем же тогда он лучше ее мужа? В ее жизни всегда было так – мужчины принимали за нее решения, не считаясь с тем, чего хочет она. Вначале отец и братья, затем Алексей, теперь вот Шмит.

– Боже, как я устала! – прошептала она отчаянно. – Как же я устала от них всех вместе взятых!

* * *

Июль 1905 г. Россия, Петербург – Франция, Шербург

Алексей решил поехать с Витте, таким образом, убив двух зайцев сразу: скрыться от неприятностей со стороны полиции и от поверенного Лизы, который обивал его порог. Но прежде нужно было повидаться со своим поверенным для обсуждения деловых вопросов, а также с сыщиком, разыскивающим для него Катарину.

Если с Рерихом не возникло никаких сложностей, то сыщик Алексея разочаровал: Катарину с сыном он не обнаружил, однако узнал, что госпожа Хмельницкая лежала в ле-

чебнице, а затем забрала сына и уехала в неизвестном направлении. Глебов дал распоряжения сыщику продолжать поиск и стал собираться в путь.

Витте выехал из Петербурга в Париж 6 июля в сопровождении жены и прислуги. Семейство Витте должно было доставить своего внука Льва его родителям, Нарышкиным, ждавших их во французской столице. Ехать же Глебову в Париж было нельзя ввиду его последней туда поездки. Поэтому он предпочел отправиться в Шербург, откуда 12 июля должен был отплыть в Америку пароход с российской делегацией.

Гостиница, в которой поселился Глебов, являлась воплощением местного мещанского уюта, имела вид на пристань и сад с всевозможными цветами и кустами. Однако спокойному размеренному пребыванию Алексея нашлась помеха в лице надоедливого немца из соседнего номера. Швайгер совал везде свой нос и не давал прохода. Он сам подсаживался к Алексею за столик на мансарде, был поблизости на пристани, частенько встречался в саду и на улицах города. Гаркающая речь немца начинала раздражать.

Одиннадцатого, перед отъездом, в номер Глебова постучали. Открыв, он увидел Швайгера, который предложил ему вместе отобедать. Алексей вежливо отказался. Спустя час, придя на мансарду, он сел за один из столиков и заказал обед.

Швайгер сидел немного поодаль в компании азиата – господина с квадратным лицом. Говорили они весьма тихо.

Незнакомец положил на край стола газету, немец поспешно ее забрал и спрятал во внутренний карман.

Глебов нахмурился. Швайгер еще та темная лошадка! Щурясь солнцу, Алексей надел очки с затемненными стеклами, приобретенные им на днях. Главная польза таких очков, по его мнению, была в том, что они скрывали глаза и не позволяли определить, куда же смотрит их хозяин.

Устроившись поудобней, будто он наслаждался солнцем, Глебов между тем попытался прочесть по губам, о чем говорили немец и его собеседник. Он давно не практиковался – чтение давалось с трудом, урывочными фразами и только то, что отвечал собеседнику Швайгер.

– Да, я уверен. Личный помощник Еттив... У нас нет времени... Нужно найти способ склонить его к сотрудничеству...

Гарсон принес заказ и закрыл для Алексея обзор. Глебов взглянул на него снизу вверх, вздохнул и снял очки. Когда официант ушел, господа, за которыми он наблюдал, разошлись.

* * *

Алексей собирал вещи в чемодан, когда в дверь громко постучали. Он нехотя открыл – на пороге оказался немец.

– Позвольте, господин Глебов, войти, – произнес он по-русски. – У меня к вам очень серьезный разговор.

– Господин Швайгер, я собираюсь в дорогу...

– Я не займу у вас много времени, господин Глебов.

Алексей нехотя его впустил:

– Что ж, входите.

Он вновь принялся складывать вещи в чемодан, показывая тем самым, что не намерен вести длительные беседы.

– Господин Глебов, вы человек риска?

Алексей удивленно вскинул бровь:

– Что за блажь, господин Швайгер?

– Вовсе нет. Не юлите. – Иностранец вел себя бесцеремонно. Присел на край стола, держа руки в карманах. – Деньги и риск – вот что вам интересно.

Глебов, стараясь снять внутреннее напряжение, рассмеялся:

– Вы хотите предложить мне посетить казино где-нибудь в Монте-Карло?

– Я хочу вам предложить намного больше.

– Ума не приложу – чтобы это могло бы быть! Деньги и риск? Хм, – Алексей снова повернулся к чемодану. Разговор с Швайгером становился опасным. Неужто угораздило вляпаться в шпионские дела?

– Вы ведь помощник господина Витте?

– Это не совсем так. Точнее, совсем не так. – Алексей дотянулся рукой до револьвера. Неужели придется стрелять? Убрал руку. Поправил вещи.

– У нас есть информация о вас, господин Глебов. Не нужно со мной играть. Я знаю, кто вы, чем занимались. Я знаю

то, что Витте взял вас с собой для каких-то личных целей. Он ценит вас и даже доверяет. А мы готовы вам платить. За информацию. И двойную игру.

Алексей повернулся к нему. Посмотрел в глаза:

– Это что, вербовка?

– Предложение к сотрудничеству.

– Ах, да, точно. Сотрудничество. – Он захлопнул чемодан, закрыл замки. – А что, если я не согласен?

– Полиция будет рада вас задержать. Она вас, кстати, ищет во многих государствах. Даже у нас в Германии. Ограбление ратуши в предместье Берлина. Помните?

Алексей усмехнулся:

– Вы меня с кем-то путаете, господин Швайгер! Да, я бывал в Берлине. И в его предместьях. Знаете, немецкое пиво, сосиски и грудастые немки. Только все равно тоскливо у вас в стране. *Die Ordnung und die Arbeit*¹⁰⁸ – основа вашей жизни. Негде развернуться русской душе! Поэтому русских там так мало, в отличие от Франции. Вот где для нас простор! Если не считать России...

Желваки на лице немца нервно заходили.

– Вы хотите мне зубы заговорить, господин Глебов?

– Нет, я просто издеваюсь.

Швайгер вскочил, вытягивая револьвер из кармана, но Алексей был быстрее. Он со всего размаху чемоданом ударил немца по голове, и тот рухнул на пол. Меткий удар!

---

¹⁰⁸ Порядок и работа (нем.)

Немец потерял сознание. Осталось только перетащить его в соседний номер и тайком покинуть гостиницу.

* * *

Шербург

Пароход, на который должна была сесть российская делегация, опаздывал из-за бури. И к лучшему, решил Витте – Глебов не объявился. Так как пароход еще не прибыл, российской делегации пришлось расселиться в гостинице, которая оказалась переполненной настолько, что им едва достались две некомфортабельные комнаты.

Витте угнетало отношение французов. Не было прежнего почтения, большинство относилось равнодушно, иные с чувством какого-то соболезнования, другие со злорадством. Газеты левого толка отзывались о Государе и России недостойно и оскорбительно. В Париже президент Лубе¹⁰⁹, хотя и встретил его тепло и говорил с искренней симпатией к российскому Государю, однако настоятельно советовал заключить мир на любых условиях со стороны японцев. Первый министр Рувье¹¹⁰ убеждал не противиться, даже если японцы потребуют контрибуции, обещая при этом финансовую

---

¹⁰⁹ Эмиль Лубе (1838, Марсанн, департамент Дром – 1929, Монтелимар, департамент Дром) – французский государственный деятель, президент Франции в 1899 -1906 гг. Способствовал образованию Антанты.

¹¹⁰ Морис Рувье (1842, Экс-ан-Прованс – 1911, Нёйи-сюр-Сен) – французский политик и государственный деятель, министр финансов, дважды возглавлял кабинет министров.

помощь. Их позиция, хотя и была неприятна, но понятна – и президент, и министр, осознавая опасность внешней политики Германии, нуждались в России как союзнице и поэтому не желали дальнейшего ее ослабления из-за войны.

Если в Париже отношение к нему – как представителю России – его несколько коробило, то чувство это еще более усилилось в Шербурге: делегации было выказано полное пренебрежение. Пока его подчиненные обустроивались на ночь, Витте мрачно раздумывал по поводу отсутствия Глебова. Поездка начиналась крайне неудачно.

Ближе к ночи служанка предала Витте записку. Некий раввин¹¹¹ желал встретиться с ним. Витте недоумевал.

– Что это?

– О, простите, месье, за беспокойство. Но этот человек сказал, что знаком с вашей женой и хочет передать вам от нее небольшой напутствие в дорогу.

– И где же этот раввин?

– Он ожидает вас в холле.

Спустившись в холл, Витте сразу заметил раввина: как и положено иудею-ортодоксу он был в черной долгополой одежде, шляпе, имел бороду и пейсы, сплетенные в косички¹¹².

---

¹¹¹ Раввин – в иудаизме служитель культа, духовный наставник, руководитель религиозной общины.

¹¹² Прим. автора: Внешние признаки ортодоксального иудея – пейсы (длинные неподстриженные пряди волос на висках), усы и борода, широкополая шляпа, длиннополая верхняя одежда – лапсердак. Приверженцы ортодоксального иуда-

– Вы меня искали? – спросил Витте незнакомца.

Раввин обернулся – широкие поля шляпы скрывали его глаза – кивнул и плавным жестом предложил Витте пройти. Они вышли в сад.

– Господин раввин, что вы хотели мне сказать?

– Оставайтесь спокойным и не показывайте вида, господин Витте, – раздался тихий голос.

Витте на секунду опешил, сбился с шага, но быстро взял себя в руки:

– Алексей Петрович? Этот маскарад ... Что случилось?

– Меня хотели завербовать. Немцы. Кто-то поделился с ними моими «секретами» и сообщил, будто я ваш помощник. Будьте осторожны, господин Витте, против вас ведется грязная игра. Я счел необходимым вас предупредить, однако в виду произошедшего не могу поехать с вами.

– Поздно. Мне нужна ваша помощь. – Голос Витте был серьезным и удрученным.

Они вошли в повитую плющом беседку.

– Что значит «нужна помощь»?

– Я был у Лубе. Выкрали переписку, которую я с ним вел. Если письма обнародовать – разразится скандал, который может привести к перестановке сил в Европе.

– Вы были столь неосторожны? Неужели все настолько серьезно?

– В мире начинались войны под менее значительными

предложениями...

– И кто же выкрал переписку? С какой целью?

– Агенты американского президента. Он имеет свои интересы на Дальнем Востоке, и на переговорах будет поддерживать японцев. Он желает повлиять на исход мирного договора.

– Откуда вы знаете?

– Есть достоверные источники, поверьте. Мне сообщили, что в ходе подготовки к мирным переговорам Япония условилась о поддержке со стороны Великобритании и США. В январе этого года президент США Рузвельт¹¹³ и посол Великобритании Дюранд¹¹⁴, тайно естественно, договорились о передаче Порт-Артура и Ляодунского полуострова Японии. Помимо всего Германия не желает скорейшего окончания войны между Россией и Японией.

– А ей, какой интерес?

– Когда началась война, в которую нас, в некоторой степени, вовлек император Вильгельм¹¹⁵, то Германия от этого

---

¹¹³ Теодор (Тедди) Рузвельт (1858, Нью-Йорк – 1919, Сагамор-Хилл, Ойстер Бей) – американский политик, представитель Республиканской партии, 26-й президент США (1901—1909 гг.).

¹¹⁴ Генри Мортимер Дюранд (1850, Бхопал, Индия – 1924, Сомерсет, Англия) – британский дипломат и чиновник колониальной Британской Индии. Известен тем, что в 1893 г. подписал договор об установлении государственной границы между Афганистаном и Британской Индией (так называемая «линия Дюранда»). В 1903-1906 гг. был послом в США.

¹¹⁵ Вильгельм II (1859, Берлин – 1941, Дорн, Нидерланды) – германский император и король Пруссии в 1888 – 1918 гг.

больше всех выиграла, так как война нас ослабила и обессилила. Сейчас Германия опасается того, что после подписания мирного договора Россия выступит на стороне Франции как ее союзница. Лубе обеспокоен, грезит о том, чтобы мы скорейшим образом заключили договор на любых условиях.

– Но что вы от меня хотите?

– Мне нужна ваша помощь, Алексей Петрович. Переписка, которую выкрали – это бомба замедленного действия. Я говорю не о себе – после того, как документы пустят в дело, со мной будет покончено раз и навсегда. Однако знайте, я действовал исключительно в интересах государства. – Витте помолчал. – Если вы не поможете, для России будет заключен весьма невыгодный договор. Союзники от нас отвернутся, появятся новые враги. Возможно, потеряем Дальний Восток. Начнется экспансия. Не уверен, что мы удержим эти территории. Последствия могут быть плачевными... Я знаю, Алексей Петрович, вы любите своё Отечество. Вам не безразлична судьба России.

Глебов тихо рассмеялся, выглянул в щель между решетками беседки и осмотрелся по сторонам:

– Вы шутите?

– Нет. Я совершенно серьезен.

– Я аферист, для меня ценными являются только риск и деньги.

– Деньги? Вы довольно состоятельный человек.

– Денег никогда не бывает много.

– Не пытайтесь казаться циничным. Я вам не поверю. Риск – я согласен, он вам нужен. Как воздух. В этом деле риск будет. Прошу вас, помогите мне и рискните во имя интересов Отчизны.

– Я – на службе Отечеству? – Глебов покачал головой. – Не могу поверить, что вы серьезно! Кто внушил вам эту глупость?

– Не знал, что вы считаете меня глупцом.

– Раньше не считал. Но судя по тому, что вы мне сейчас предлагаете, господин Витте...

– Если вы сможете вернуть переписку, а также добудете документы, подтверждающие, что американцы имеют тайный договор с японскими властями, мы избавим Россию не только от войны. Станет возможным успокоить массы – Государь примет общенародный Манифест. Революция пойдет на спад.

– Господин Витте, вас не пугает то, что меня ищут? Если не полиция, так германские или японские шпионы. Что им стоит заявить в газете, что российскую делегацию сопровождает вор и мошенник?

– Это не так страшно, как то, что уже произошло. Вам не нужно быть в делегации, чтобы быть полезным. Я знаю, вы сможете решить эту проблему.

Алексей молчал. Витте говорил убедительно. У него непревзойденный талант – убеждать.

– Я подумаю, – сказал Глебов и вышел из беседки. Вскоре

Витте уже не слышал его шагов.

_28

* * *

Утром делегация покинула негостеприимную гостиницу и отправилась на пристань. Возле берега собралась толпа зевак, мешая пройти к пароходу.

– Что там случилось? – поинтересовался Витте у полицмена.

– Ночью был убит мужчина, труп сброшен в воду. Лица не опознать. Но он не местный.

Из толпы появился еще один полицейский, держа в руке промокший документ.

– Сержант, я обнаружил во внутреннем кармане пиджака документы. Выданы российскому подданному Глебову Алексею Петровичу.

Витте покачнулся. Передал саквояж помощнику и стал пробираться сквозь толпу.

На земле лежало тело молодого человека, у которого вместе лица было сплошное месиво. Опознать Глебов ли это или нет – он не мог. Витте отвел глаза от трупа и натолкнулся на пытливый взгляд блондина с внушительным синяком на левом виске. Агент германской разведки? Один из тех, о ком говорил Глебов. Витте отвел глаза и снова посмотрел на тело. Снял шляпу, перекрестился и на несколько секунд почтительно склонил голову. Затем развернулся и стал пробираться сквозь толпу.

Члены делегации недоумевали, что с Витте, но вопросов задавать не стали.

– Идемте, господа, – сказал он, забирая саквояж из рук помощника, и зашагал вперед. Члены делегации переглянулись, некоторые пожали плечами, и пошли за ним следом.

Поднимаясь по трапу на немецкий пароход «Wilhelm der Grosse¹¹⁶», Витте был рассеян и вздрогнул, когда при его появлении командный оркестр заиграл русский гимн «Боже Царя храни».

Витте посмотрел на публику. Снял шляпу, и все русские и многие не русские пассажиры последовали его примеру. Он улыбнулся, помахал рукой и прошел дальше. Такое отношение к России было для него отраднo, но лишь на мгновение приподняло ему настроение. Черeda неудач продолжалась...

* * *

Атлантический океан, пароход «Wilhelm der Grosse»

Наступили вторые сутки морского путешествия. Осталось еще четыре. Море было довольно спокойное, и Витте почти не укачивало. На пароходе он обедал отдельно со своими сопровождающими, и только раз с другими пассажирами. Часто Витте совершал прогулку по палубе. Оказалось, что на пароходе едут многие люди просто из любителей сенсаций для того, чтобы быть на месте во время предстоящего поли-

---

¹¹⁶ Вильгельм Великий (нем.)

тического турнира между Витте и Комурой¹¹⁷. Были здесь и любопытствующие корреспонденты.

Витте, поприветствовав одного из них – Диллона¹¹⁸, прошел к краю борта и оперся на перила. Глубоко втянул носом воздух. Порывистый ветер нес запах солено-горького океана...

– Здравствуйте, господин Витте, – услышал он голос протестантского пастора¹¹⁹, остановившегося минуту раньше рядом и также наблюдавшего за океаном. Витте слегка вздрогнул, затем неторопливо повернулся к священнику в черной одежде с белым воротничком – колораткой¹²⁰.

Глебов в строгом сюртуке и черной фетровой шляпе смотрел на него сквозь стекла круглых очков. Вкупе с коротко подстриженной бородкой и тонкими усами, они делали его лицо неузнаваемым. Библия в руках мешала думать об этом

---

¹¹⁷ Дзютаро Комура (1855-1911) – барон, японский дипломат, министр иностранных дел в 1901-1906 гг. и в 1908-1911 гг. Играл видную роль в заключение англо-японского союза, в дипломатической подготовке русско-японской войны и в последующих мирных переговорах в Портсмуте.

¹¹⁸ Эмиль Джозеф Диллон (Эмиль Михайлович) (1854, Дублин, Ирландия – 1933, Барселона, Испания) – английский журналист. Лингвист, магистр восточных языков Петербургского университета, профессор Харьковского университета. В 1904 – 1905 гг., состоя корреспондентом в «Daily Telegraph», сочувственно относился к освободительному движению в России, но затем стал высказывать одобрение репрессивной политике правительства.

¹¹⁹ Пастор – священник, руководитель паствы.

¹²⁰ Колоратка (от лат. collum — шея) — воротничок с белой вставкой, имеющем вид квадрата под подбородком, ошейника (у англикан) или галстука с двумя свисающими концами (у лютеран).

человеке плохо и заставляла невольно доверять ему.

– Ужасно рад вас видеть, – сказал Витте и снова повернулся к океану. – Поделитесь секретом, как вам удалось себя похоронить?

– Здесь нет особого секрета. У меня есть знакомые, которые помогли. За хорошие деньги, разумеется. Одни подобрали в морге подходящий труп, одели в мою одежду, положили мой паспорт, а другие выправили мне новый документ. Теперь я Густав Астер. Прошу любить и жаловать.

– Вы потрясающий трюкач! Но вы осознаете, что теперь и в России вас будут считать мертвым?

– Что ж, если я не вернусь, моя жена окажется довольно состоятельной вдовой. – Хотя Алексей и шутил, но в голосе послышалась горечь. Затем он сменил тему: – Нам не нужно встречаться на людях, господин Витте. В девять ждите меня в своей каюте. А сейчас я вас попрошу уйти – один из журналистов направляется к вам.

Витте без лишних слов развернулся и не спеша пошел прочь. Через несколько минут к нему присоединился молодой любопытный журналист, по всей видимости, которого Витте знал и не особо жаловал.

Глебов оперся руками о перила. Океан олицетворял мощь и силу. Ясная погода была обманчива: на горизонте виднелась серость, грозящая навалиться сильным штормом.

Алексей вновь подумал о Лизе. Что произошло с ними?

До знакомства с Лизой аферы, которые он проворачивал,

делали жизнь интересной, захватывающей, опасной. Когда же он повстречал ее, многое переменилось. Он стал думать о том, что может изменить свой образ жизни: стать достойным мужем, отцом семейства, вести дела, приносящие честный доход.

Однако грезы о семейном счастье оказались самообманом. Их брак не выдержал житейских испытаний и распался на глазах, принося боль и горечь. И что теперь? Теперь вкус к жизни возвращал азарт, вызываемый риском. Риск будоражил кровь, заставлял мозг усиленно работать, принимать быстрые решения, продумывать на несколько ходов вперед. Алексей вздохнул полной грудью. Что ж, он готов к новым испытаниям, готов играть...

* * *

Как и условились, Витте ждал Глебова в своей каюте. Для этого ему пришлось уйти из ресторана, сославшись на утомление и головную боль.

Когда Алексей постучал, он быстро открыл дверь и впустил его в каюту.

– Мне нужно как можно больше сведений, господин Витте, – расположившись в кресле, сказал Глебов.

Витте сел напротив.

– Что вас интересует?

– Все. Рузвельт и его окружение. Японская делегация. Журналисты на пароходе. Кому из вашей делегации можно

доверять.

Витте кивнул. В течение последующего часа он рассказывал Алексею обо всем и всех, как тот и просил. Благо Витте любил говорить, а Глебов умел слушать. Слушал он внимательно, не перебивал и лишь задавал наводящие вопросы.

Когда вопросы закончились, Глебов кивнул:

– Предлагаю разработать тактику поведения, господин Витте. Ваши письма могут быть обнародованы. Поэтому нужно заранее кардинально поменять мнение окружающих по поводу вас и делегации. Все считают Россию проигравшей стороной. Вы же должны вести себя так, что мы не проиграли. С Россией произошла небольшая неприятность. Будьте демократичны, доступны для американцев – они это любят. Найдите подход к журналистам. Пусть напишут о вас и делегации, но только хорошие отзывы. Можно осторожно дать им совет воспользоваться воздушной связью, чтобы распространить статьи по миру. Чем скорее вы приметесь за дело, тем лучше.

– Все это хорошо, Алексей Петрович... – Витте поправился, – Густав. Но зачем же столько сложностей?

– Как я понимаю, японцы люди скрытные и не будут искать контактов. Американцы, да и вообще многие европейцы, любят контактных, общительных людей. Симпатии будут на вашей стороне. Когда же американцы будут на вашей стороне, президенту Рузвельту ничего не останется, как поддержать Россию и посоветовать японцам пойти на уступки.

– Что же, разумно. – Витте предложил закурить, но Алексей отказался. Витте закурил. – Итак, давайте обсудим тактику по пунктам. Во-первых, ничем не показывать, что мы желаем мира, вести себя так, чтобы создать впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена. Во-вторых, держать себя так, как подобает представителю России – представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность. В-третьих, имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя предупредительно и доступно ко всем ее представителям. В-четвертых, чтобы привлечь к себе население, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства. Это все?

– Добавьте пятый пункт. В США значительное влияние имеют евреи, в особенности в Нью-Йорке. Не относитесь к ним недружелюбно, как порой относятся к ним в России. Тот же совет дайте и членам своей делегации. Наладьте с американскими евреями добрые уважительные отношения.

– Это вполне соответствует моему к ним отношению.

– Но вы бываете резки в высказываниях. Будьте актером, господин Витте.

Витте пытливо посмотрел на Глебова.

– Странная особенность! Как только вы согласились заняться этим делом, вы чудеснейшим образом взяли все под свой контроль, – заявил он с нотками недовольства.

Алексей оценивающе смотрел на него.

– Это всего лишь дельные практические рекомендации, господин Витте. Как только мы сойдем на берег, наши пути разойдутся. Мы с вами будем крайне редко соприкасаться. Но нельзя забывать о том, что действия каждого из нас определяют исход. Нужно снизить риск до малого.

Витте хмуро молчал. Затем вздохнув, сказал:

– Вы единственный человек в моем сопровождении, мнение которого мне не безразлично. Я в вас не ошибся.

* * *

Путешествию подходил конец: пароход бороздил атлантические просторы уже пятые сутки. Глебов, облокотившись о перила, наблюдал, как белые «барашки» несутся по волнам, подгоняемые ветром. Небо, хоть еще и отливало синевой, но неминуемо затягивалось серыми тучами, сбивающимися в кучу, превращаясь в гнетущую серую массу на горизонте. Должен был разразиться шторм – это было несомненно.

Алексей задумчиво смотрел вдаль, хмурясь своим мыслям. Война с Японией обострила противоречия в российском обществе и спровоцировала революцию, резко ослабила позиции России и на Востоке, и на Западе. России приходилось весь свой военный потенциал постоянно делить на две части, разрываясь между западной и восточной границами. Следовательно, очень многое зависело от исхода мирных

переговоров.

Алексей усмехнулся и покачал головой. Это был редкий случай, когда важную дипломатическую миссию профессиональные дипломаты под разными предлогами отказались выполнять. В результате царю пришлось против своего желания доверить миссию Витте. Задача, поставленная Государем, не могла не вызывать озабоченности: Николай требовал добиться мира, не уступив ни пяди русской земли и не выплатив даже символической контрибуции. Были и другие сложности: переговоры проходили в США, где президент и общественное мнение откровенно симпатизировали японцам.

Сейчас Витте уже осуществлял тактику, предложенную Алексеем. Человек он был инициативный и не откладывал решение проблемы в долгий ящик: он давал интервью известному в Штатах и Великобритании публицисту и корреспонденту «Дейли телеграф» Эмилю Диллону. Интервью должно было стать первым, данным по воздушному телеграфу посреди океана. И это обстоятельство уже привлекало внимание общественности. Хорошо осознавая, какую роль играет пресса в жизни Америки, первое свое интервью Витте начал с комплиментов в ее адрес, воздав должное «великому американскому народу» и в конце назвав президента Теодора Рузвельта «гениальным вождем».

Витте был не только равнодушен к «государевым инструкциям», но и к своей свите, которая подбиралась для Мура-

вьева, когда думали, что поедет он. Витте твердо знал, что будет делать только то, что сам посчитает нужным, тогда, не все ли равно, будет ли при нем Розен, Плансон¹²¹, Коростовец¹²², Набоков¹²³, или вместо них будут другие.

Равнодушный со всеми остальными, Витте прислушивался только к Алексею. Что это – искреннее доверие или попытка усыпить бдительность? Глебов не мог дать однозначного ответа. Как это бывает, он неосознанно чувствовал к нему симпатию. Однако Алексей редко кому доверял. Бывало, что ему приходилось разочаровываться в человеке. А Витте... Время покажет, стоит ли ему доверять.

* * *

Июль 1905 г. Франция, Шербург

Ночной сторож морга спал крепким сном. Его склоненная на бок фигура была хорошо видна сквозь окно. Швайгер, отошел от окна, свернул за угол, взломал замок черного входа и проскользнул внутрь. Пробираться приходилось

---

¹²¹ Георгий Антонович Плансон (Плансон-Ростков) (1859, Харьков – 1937) – русский дипломат. С 1888 г. в Министерстве иностранных дел. Старший чиновник Азиатского департамента. В 1903 – 1905 гг. – дипломатический чиновник при наместнике на Дальнем Востоке Е. И. Алексееве.

¹²² Иван Яковлевич Коростовец (1862, Полтавская губерния -1933, Париж) – русский дипломат, востоковед. Многие годы был на дипломатической службе в странах Востока.

¹²³ Константин Дмитриевич Набоков (1872, Ростов-на-Дону – 1927, Лондон) – русский дипломат. Службу начал в 1894 г. в министерстве юстиции. В сентябре 1896 г. переведен в Министерство иностранных дел России.

в темноте, но он шел осторожно и бесшумно. Оказавшись в холодном подвальном помещении морга, он чиркнул спичкой и осветил помещение. Несколько тел лежали на столах, прикрытые белыми полотнищами, были еще и боксы, где, возможно, находились тела покойников. Швайгер искал тело русского: он приподнимал простыни и всматривался в безжизненные застывшие лица мертвецов. Наконец, он нашел то, что искал. Мертвого русского. Оказывается, он напрасно сомневался. Это Глебов. Значит, он не ошибся, когда докладывал начальству, что русский погиб. Немец накинул простыню на распухшее разбитое лицо покойного и сделал шаг в сторону, но неожиданно остановился. Чиркнув спичкой, он осветил оголенные ступни мертвеца. У трупа отсутствовал мизинец. Немец вспомнил один из дней, когда он следил за Глебовым на побережье. У прогуливавшегося босиком Глебова не было подобного дефекта, а у мертвого человека, лежащего на столе, палец был отрезан по всем признакам много лет назад.

Немец развернулся и пошел к выходу. Глебов жив! Нужно сообщить начальству.

Он вышел из морга тем же путем, что и проник. Свернул за угол и столкнулся с человеком. В тоже время он почувствовал резкую боль в боку, вцепился пальцами в плечи незнакомца. Затем замятво рухнул к его ногам.

Атлантический океан, пароход «Wilhelm der Grosse»

Во время путешествия Витте заочно познакомил Глебова со своей свитой. Вторым уполномоченным являлся посол в Америке барон Розен. Витте характеризовал его, как человека «хорошего, благородного», но с «посредственным умом», который не будет принимать активного участия в переговорах, а лишь окажет полное содействие, что уже неплохо. Профессор Мартенс¹²⁴ был «хорошим человеком с громадным багажом знаний», однако, может быть, случайно пользовался известностью за границей, так как был «крайне ограниченной» особой. Плансон был угодлив и, в пору службы чиновником при наместнике Дальнего Востока Алексееве, угодливо исполнял его политику, в результате приведшую к войне. Покотилов¹²⁵, который должен был прибыть на переговоры прямо из Китая, являлся «весьма умным, талантливым и отличным человеком, прекрасно знающим Дальний Восток»; он был противником войны и сторонником заключения мира, однако не имел больших полномочий в переговорах, но мог, по крайней мере, оказывать влияние на Розена.

Витте без подробностей упомянул двух секретарей, чиновников министерства иностранных дел Набокова и Коро-

---

¹²⁴ Федор Федорович (Фридрих Фромгольд) Мартенс (1845, Пернов, – 1909, Валк) – российский юрист, профессор, дипломат. С 1885 г. вице-президент Европейского института международного права.

¹²⁵ Дмитрий Дмитриевич Покотилов (1865, Сакт-Петербург – 1908, Пекин) – русский дипломат, посол в Китае, предприниматель.

стовец, а также директора департамента казначейства Шипова¹²⁶, опять же, по словам Витте, «умного, талантливое и недурного», и двух чиновников при нем.

От военного ведомства в делегацию был определен генерал Ермолов¹²⁷, заведующий заграничными военными агентами, «человек умный, хороший, культурный, приличный, но немного слабый характером». Он выражал мнение, что мир желателен, мало верил в то, что Россия может иметь успех на театре военных действий, однако весьма заботился, чтобы при переговорах и, в особенности, в мирном договоре не было задето достоинство русской армии. Со вторым уполномоченным военного ведомства, полковником Самойловым¹²⁸, Алексей уже сталкивался, когда пароход тронулся из Шербурга. Витте говорил, что Самойлов – сторонник мира, «весьма умный, культурный и знающий», до войны он был военным агентом в Японии, а после находился при Главном штабе действующей армии. От морского ведомства должен был прибыть из Маньчжурии капитан Русин¹²⁹, который

---

¹²⁶ Иван Павлович Шипов (1865, Нижний Новгород – 1920, Ростов-на-Дону) – государственный деятель, министр финансов в 1905—1906 гг.

¹²⁷ Николай Сергеевич Ермолов (1853 – 1924, Лондон) – русский генерал, военный агент в Великобритании с 1891 по 1905 гг. С марта 1905 г. по май 1906 г. – начальник военного статистического отделения Управления генерал-квартирмейстера Главного штаба.

¹²⁸ Михаил Константинович Самойлов (1868 – 1940, Ницца) – русский полковник. Служил на Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке. Участвовал в Китайском походе, русско-японской войне.

¹²⁹ Александр Иванович Русин (1861, Тверь – 1956, Касабланка) – русский ка-

заведовал канцелярией по морским делам при главнокомандующем.

Мнения Витте были субъективны, однако Глебову стало ясно, что в большей степени российские делегаты имели пораженческие взгляды, и Витте в Америке придется рассчитывать только на себя.

Алексею тоже придется рассчитывать только на себя. Не шутка ли выкрасть документы у самого президента Рузвельта! Глебов усмехнулся. Задача не из простых, но решить ее можно.

* * *

Шоу началось! По приближению к Нью-Йорку «Вильгельма Великого» встретили несколько пароходов с корреспондентами различных американских газет. Когда эти корреспонденты поднялись на пароход, Витте, давая интервью, выказал радость по случаю своего приезда в страну, которая «всегда была в дружественных отношениях с Россией», и свою симпатию к прессе, которая играет такую «выдающуюся роль в Америке».

Глебов наблюдал с верхней палубы за действиями и речью Витте. Первый уполномоченный вел себя как заправский актер, так что постоянное внимание со стороны прессы ему бы-

---

питан. Служил на Балтийском море и Дальнем Востоке. В 1899—1904 гг. морской агент в Японии. Принимал участие в Китайской войне 1900—1901 гг. и русско-японской войне.

ло обеспечено – американцы любят show и showmen¹³⁰!

Поймав на мгновение взгляд Витте, Алексей прищурился, затем оттолкнулся от перил и вернулся в свою каюту. Нужно было собрать вещи: вскоре судно пришвартуется к пристани и, под всеобщий ажиотаж вокруг делегации с Витте, он неприметно покинет пароход.

29

* * *

США, Нью-Йорк

Нью-Йорк встретил прибывших статуей Свободы – символом Соединенных Штатов Америки. Дама на постаменте высилась над берегом более чем на девяносто метров и поражала своим видом так же, как Эйфелева башня в Париже. Немудрено, подарили-то ее французы!

Нью-Йорк представлял собой центр промышленности, торговли, связи, однако неотъемлемой его частью были нищета и преступность. Манхэттен, Бронкс, Бруклин, Квинс, Статен-Айленд – районы города – отличались друг от друга благосостоянием, зависящим от благополучия населяющих их людей. В городе проживали многочисленные иммигранты, прибывшие сюда в поисках лучшей доли. Как и любому «белому» европейцу, Глебову было необычно видеть «чернокожих», которых в Нью-Йорке было много. Город оказался шумным. Повсеместно раздавались тревожные звуки

---

¹³⁰ Зрелище, постановщики публичных зрелищ (анг.)

свистков, лай собак, стук колес и шелест шин, будоражащие перезвоны медных колоколов спешащих на пожар машин...

Глебов поселился в довольно неплохой гостинице Нью-Йорка. От облачения священника пришлось отказаться и принять вид обычного среднестатистического обывателя ничем не приметного в разношерстном Нью-Йорке. Прежде чем приняться за дело, Алексей должен был получить «весточку» от Витте. А пока было время, он его зря не терял: практиковался в «американском» английском и изучал образ жизни нью-йоркцев.

Как он заметил, зачастую американцы улыбались, говорили: «How do you do?»¹³¹, ждали в ответ подобной же улыбки и единственного ответа: «I'm fine»¹³². И не дай бог кому-то начать говорить о своих делах и заботах!

Обслуживать в гостинице в большей степени были студенты, желающие подзаработать. Работы они не стыдились. В России подобного и быть не могло: русские студенты порой голодали, но, тем не менее, не мыслили прислуживать кому-то.

Отличались здесь и нравы. Даже добропорядочные американцы не считали предосудительным, если девушки их семейств находились с молодыми людьми тет-а-тет: в лесу, в парке, на прогулках в лодках и во время темноты. Насколько это было благоразумно, Алексей мог судить по тому, что порой наблюдал у «пообщавшихся» помятые одежды, неудач-

---

¹³¹ Как ваши дела? (анг.)

¹³² Все хорошо. (анг.)

но поправленные прически и блеск в глазах.

Американки находили Глебова довольно интересным и привлекательным – ему же не помешало бы развлечься, только на «подвиги» они не вдохновляли. Прямолинейные, порой нахальные, без таинственности, исход с такими и так был ясен – скучно, никакой тебе интриги и желания завоевать.

Из газет Алексей в подробностях узнавал о деятельности Витте. Популярность главы российской делегации росла не по дням, а по часам.

Витте поселили в одной из лучших гостиниц Нью-Йорка, где над балконом его номера развивался громадный российский флаг. Но Витте на месте не сидел, а активно действовал: побывал у президента в загородном особняке на острове Ойстер-Бей, в Нью-Порте у губернатора, тем же днем выехал в Бостон, где с утра посетил Бостонский университет. Пообщавшись с тамошними профессорами, он скорым образом вернулся в Нью-Йорк, так как прибыли оппоненты – японские делегаты – Комура со свитой.

В течение последующих дней Витте был словно заведенный: встречался с банкирами, посетил бедные эмигрантские кварталы, побеседовал с соотечественниками, особо уделил внимание евреям.

На радость репортерам он пожимал руки кочегарам и механикам парохода, машинистам поездов, простым американцам, его встречавшим, и даже вызвал радостный ажиотаж, подняв на руки маленькую девочку и поцеловав. Съемка по

просьбе на «кодаки»¹³³, раздача улыбок, автографов, рукопожатий и интервью стала важнейшей частью его миссии. Витте был открыт для всех, жил в номере, не закрывая окон, чтобы его мог сфотографировать любой репортер или прохожий. Он окончательно завоевал симпатии прессы, предложив сделать переговоры открытыми, доступными для газетчиков и журналистов.

Витте стал популярным. Угрюмая японская делегация на фоне вечно улыбающегося и общительного Витте проигрывала в глазах публики вчистую.

Очередной раз купив утреннюю газету, Глебов сразу заметил на первой странице статью о переговорах. Встреча делегатов была назначена на яхте президента Рузвельта около Ойстер-Бея, после чего намечался отъезд на военных судах в Портсмут для начала проведения конференции. Итак, Витте отправляется на переговоры.

Вернувшись в гостиницу и поднявшись к себе, Глебов нутром ощутил, что в его номере кто-то побывал. Внешне все выглядело как прежде, однако обойдя комнаты и вернувшись в гостиную, он обнаружил на столе запечатанный бумажный пакет. Не адресата, не отправителя.

* * *

Зашторив окна, Алексей вскрыл посылку. В ней было досье на американского президента. Досье было подробным:

---

¹³³ Кодак – фотографический аппарат простой конструкции.

биография Рузвельта, его привычки, наклонности, данные на его семейство, места его пребывания и тому подобное.

Алексей развернул на столе рабочие чертежи летнего особняка президента, напоминающего дом небогатого бюрогера. По всей видимости, чертежи были изъяты из архивов бюро технической инвентаризации или архитектурно-планировочного управления. Каждое лето Рузвельт проживал со своим семейством в особняке Сагамор-Хилл. Прислуга в основном – негры, о них мало, что известно, однако думается, что отбирали их с особой тщательностью. Охрана – бдительная, хорошо обученная, ведь охраняли главу государства и его семью. Алексей задумчиво потер подбородок. Витте уверен, что Рузвельт держит похищенные документы в загородном доме. Попасть же в дом Рузвельта и выяснить, где находятся документы практически невозможно.

Глебов открыл личное дело президента и еще раз пробежался по нему глазами. В октябре Рузвельту исполняется 47 лет. Два раза женат. Первая жена умерла при родах, оставив Рузвельту дочь. От второго брака четыре сына, дочь. Епископал¹³⁴. Окончил Гарвардский университет. Примкнул к республиканской партии. Был шефом полиции города Нью-Йорк. Затем заместителем военно-морского министра в ад-

---

¹³⁴ Епископал – верующий, посещающий Протестантскую епископальную церковь. С конца XIX в. к ее верующим относилась значительная часть американской политической и финансовой элиты.

министрации президента Уильяма Маккинли¹³⁵. Был губернатором Нью-Йорка, вице-президентом, а после покушения на Маккинли, стал президентом США. Рузвельт активен: с энтузиазмом отдается работе, регулярно занимается теннисом, греблей, водным поло, верховой ездой. Боксировал, пока не получил травму и не ослеп на один глаз. Теперь занимается дзю-дзюцу. Когда Глебов закончил изучать документы, он откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

«Что ж, не нужно недооценивать Рузвельта, все-таки он был шефом полиции, а у таких – особый нюх на тех, кто вне закона, – размышлял Алексей. – Но у него, как и у всех людей, имеется слабое место... Как говорил Архимед? «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир»? Нужно найти такую точку у недостижимого Рузвельта – его слабое место, и тогда можно проникнуть в его мир, в его дом, несмотря на то, что он президент».

Глебов закурил, еще раз внимательно изучил переданные ему бумаги, затем подошел к камину и поджег их. Дождавшись, когда листы догорят, он перемешал пепел кочергой, затем стал укладывать вещи в чемодан.

* * *

Июль 1905 г. США, Ойстер-Бей

---

¹³⁵ Уильям Мак-Кинли-младший (1843, Нилс, штат Огайо – 1901, Буффало, штат Нью-Йорк) – политический деятель и 25-й президент Соединённых Штатов Америки (1897—1901 гг.).

Прибыв на остров Ойстер-Бей, где находился Сагамор-Хилл – имение президента, Глебов поселился в «Таунсенд Инн» – гостинице одноименного острова городка.

Городок Ойстер-Бей, в сущности, оказался провинциальным, однако был уютным и находился недалеко от побережья. Как и другие отдыхающие, Алексей ежедневно совершал пешие и конные прогулки по округе, бывал на пляже, несколько раз на лодке проплывал вдоль побережья, посещал кафе и рестораны. Все мирно, чинно, однако если первые отдыхали, то Глебов наблюдал.

Прожив несколько дней в Ойстер-Бее, в скором времени он точно знал, кто живет и работает в Сагамор-Хилле, кто часто там бывает. Слухи, которые ходили среди местных жителей и постояльцев, сыграли в этом существенную роль, ведь, как правило, многое из того, что говорят, является правдоподобным и нередко – достоверным. Конечно, Алексей относился к слухам предельно осторожно, никогда не забывая о стремлении людей выдавать домыслы за правду.

Следующим шагом в его деле стало знакомство с Мэри – горничной из Сагамор-Хилл. Девушка часто бывала на местном рынке, делая закупки для кухни и домашнего хозяйства; она любила поболтать, построить глазки, поэтому Алексею не составило особого труда завязать с ней знакомство.

Мэри в самом прямом смысле оказалась находкой «для шпиона». При очередной встрече, когда Алексей катал де-

вушку на лодке, она болтала без умолку – ему оставалось только направлять словесный поток Мэри в нужное русло.

– Мистер Рузвельт был женат на Элис Ли Хатуэй. Говорят, что он ее очень любил. После ее смерти он в одиночку занимался воспитанием дочери, пока вновь не женился. На Эдит Кермит Рузвельт¹³⁶, с которой был знаком с детства. От второго брака у них несколько детей: Теодор младший, Кермит, Этель, Арчибальд, Квентин¹³⁷, – Мэри поморщила носик, – но лишь старшая Элис – дочь президента от Ли Хатуэй, для всех словно «принцесса». Президент обожает ее и спускает с рук все ее выходки!

– Выходки? – мнимо рассеянно спросил Глебов, отложив весла в сторону и позволяя лодке раскачиваться на тихих волнах.

– О, да! Когда Элис Рузвельт узнала о предстоящем переезде в Белый дом, – болтала Мэри, – она издала дикий крик и пустилась в пляс по газону. И это леди?! Это еще что! Когда мистер президент распорядился о том, что ни одна из его дочерей не будет курить под его крышей, знаете что она сде-

---

¹³⁶ Эдит Кермит Кароу Рузвельт (1861, Норвич, Коннектикут – 1948, Сагамор-Хилл, Ойстер-бей) – вторая жена [Теодора Рузвельта](#) и [Первая леди США](#) во время его президентства с 1901 по 1909 г.

¹³⁷ Прим. автора: общие дети Теодора и Эдит Рузвельт. Теодор мл. (1887, Ойстер-бей, штат Нью-Йорк – 1944, Нормандия, Франция), Кермит (1889, Ойстер-бей, штат Нью-Йорк – 1943, Ричардсон, Аляска), Этель (1891, Ойстер-бей, штат Нью-Йорк -1977, Ойстер-бей, штат Нью-Йорк), Арчибальд (1894, Вашингтон, округ Колумбия – 1979, Стюарт, Флорида), Квентин (1897, Вашингтон – 1918, Шамри, Франция).

лала?

Алексей пожал плечами:

– Что же?

– В знак протеста, она забралась на крышу и закурила.

– Так она бунтарка?

Мэри фыркнула:

– Элис Рузвельт пытается подражать новомодному образу – хочет быть как девушки Гибсона¹³⁸!

– Девушки Гибсона?

Мэри округлила глаза:

– Вы не знаете?

Алексей с очаровательной улыбкой посмотрел на нее:

– Нет.

Мэри сверкнула глазками, сложила кокетливо ручки на коленках и стала объяснять:

– Гибсон – художник. Он рисует девушек столь соблазнительными, что все молодые парни хотят влезть внутрь картины и сесть подле неё!

– И как же должна выглядеть «девушка Гибсона»?

Глаза Мэри загорелись:

– О, девушка Гибсона – хорошенькая, высокая, выше, чем

---

¹³⁸ Прим. автора: Чарльз Гибсон (1867, Роксбери, Бостон – 1945, Нью-Йорк) – американский иллюстратор. В начале XX в. красивыми и идеальными стали считаться девушки, изображенные на его полотнах. Леди, мечтающие походить на образ, занимались спортом – теннисом, гольфом, верховой ездой, ездили на велосипеде; а также утверждались в мужском обществе: завоевывали лидирующие позиции, стремились к независимости, носили брюки, курили.

девушки в модных журналах, с осиной талией, затянутой в корсет, – Мэри провела руками вдоль своей талии, – и с подчёркнутыми пышным платьем округлостями. – Она игриво захлопала ресницами.

Алексей облокотился на спину сидения, с прищуром смотря на молоденькую кокетку.

А Мэри продолжила:

– Девушка Гибсона – активная, независимая, но женственная. Она носит накрахмаленные английские блузки, ее мягкие шелковистые волосы уложены в шиньон, на голове огромная шляпа с перьями. – Мэри изобразила над своей головой что-то немыслимо больших размеров. – А ниспадающая свободными складками юбка, – девушка провела рукой по своей юбке, – собрана сзади в турнюр¹³⁹.

Она вздохнула:

– Эта девушка всегда хорошо воспитана, уравновешенна и аристократична.

– Однако в ее глазах за благовоспитанностью таится озорство? – спросил Алексей, чуть наклонившись вперед.

Девушка рассмеялась.

– Так значит, тебе нравится, как себя ведет Элис?

– Еще чего! – Мэри фыркнула: – Девица – испорченная отцом и его деньгами, вот и все!

Глебов достал сигареты, предложил девушке:

---

¹³⁹ Турнюр – элемент женской одежды, расположенный сзади ниже талии и придающий силуэту большую рельефность.

– А что бы ты делала, будь у тебя много денег?

– О, много чего. – Она взяла сигарету, Алексей услужливо дал подкурить. Сделав затяжку, Мэри, элегантно держа сигаретку в руке, пожала плечиками и печально вздохнула: – Но денег-то нет.

Алексей неторопливо закурил:

– Есть способы, как их можно приобрести.

Мэри заинтересовано и кокетливо посмотрела на Алексея:

– А у вас они есть?

Корыстная девчонка!

– Не так много, – ответил он с легкой усмешкой. Подкупить такую – только себе навредить.

Мэри вздохнула, поправляя свою юбку.

– Может быть, мне повезет, и я отхвачу себе богатого папика, одного из тех, что ошиваются в доме хозяев. – Она повернулась к Глебову и посмотрела на него сквозь полуопущенные ресницы. – А пока такого папика нет, ничего не вижу плохого в том, чтобы немного развлечься, – промурлыкала она.

Губы Алексея дрогнули в улыбке. Он неспешно наклонился к ней, смотря в глаза, и шепотом сказал:

– Не будем торопить события, малышка.

Затем затушил сигарету и, взявшись за весла, стал неторопливо грести, смотря на океан за спиной Мэри. Итак, значит, Элис.

* * *

Россия, Москва

Лиза находилась в фабричной амбулатории, когда доктор сообщил ей, что ее разыскивает некий господин. Закончив зашивать рану повредившему руку столяру, Лиза вышла к незнакомцу. Его напряженный вид не предвещал ничего хорошего.

– Госпожа Глебова? – уточнил незнакомец, снимая шляпу-котелок.

– Да, – ответила Лиза. – С кем имею честь?

– Господин Юдич, помощник господина Рериха, поверенного вашего мужа.

Лиза криво улыбнулась:

– Вы по поводу развода?

Юдич на мгновение растерялся, затем надел шляпу.

– Нет, мадам. Я прибыл сообщить вам печальные, гм, вести. Господин Глебов скончался несколько недель назад в Шербурге во Франции. Он оставил вам довольно большое состояние...

Но Лиза не слышала его.

– Что? – спросила она онемевшими губами.

Юдич оторопел, вновь снял шляпу.

– Я соболезную вам, госпожа Глебова.

– Я вас не понимаю...

Юрист не знал, что сказать.

– Госпожа Глебова...

Однако Лиза не слышала его – коснувшись закружившейся головы, она покачнулась и без сознания рухнула на пол...

_30

* * *

Июль (август)¹⁴⁰ 1905 г. США, Ойстер-Бей

«Американская принцесса» – так Элис Рузвельт называли за глаза. В отличие от всех других детей президента она была своевольна и практически не управляема. Окружающие ей не противоречили: президент настолько любил дочь, что позволял ей очень многое, а мачеха Элис – Эдит была тактична и терпелива ради спокойствия и благополучия своего супруга.

Глебов несколько дней наблюдал за девушкой. Он изучил ее манеры, характерный распорядок дня, предпочтительные маршруты, круг общения. Элис частенько совершала прогулки по поместью и навещала в Ойстер-Бее подругу, ни на миг не расставаясь со своей собачкой.

Настало время знакомиться с дочерью президента.

День выдался жарким, благо с моря дул освежающий ветерок. Неторопливо перекусив бутербродами и выпив кофе, Алексей направился на обычную для него ежедневную про-

---

¹⁴⁰ Прим. автора: До 1918 г. в России использовали Юлианский календарь, что составляло разницу в 13 дней с Григорианским календарем, принятым большинством стран Запада.

гулку.

– Здравствуйте, миссис Макдауэлл! – поприветствовал он на террасе пожилую даму, сидящую в кресле-качалке. Затем наклонился и почесал за ушком ее подвижного спаниеля Султана. Тот приветливо завил хвостом и стал напрашиваться на прогулку. Алексей рассмеялся – собака за последние дни к нему действительно привыкла.

– Султан, постыдись! – строго заявила собаке хозяйка, однако Глебов ее успокоил:

– Ничего, миссис Макдауэлл, я с ним прогуляюсь. Если не возражаете.

– Мистер Астер, вы так часто прогуливаетесь с моим безобразником, что мне, честное слово, неудобно перед вами, – ответила она. – Все этот ужасный радикулит, я не могу разогнуть спину, а моей собаке требуется хорошая прогулка!

Глебов с улыбкой посмотрел на пожилую даму:

– Нет проблем, миссис Макдауэлл. Мне не в тягость.

Он размотал поводок, привязанный к ручке кресла.

– Что ж, благородный Султан, не соблаговолите ли прогуляться со мной? – обратился он к собаке. Пес радостно завил хвостом и закружил на месте. Алексей улыбнулся пожилой даме, вежливо коснулся рукой поля своей шляпы и повел собаку на прогулку.

В сопровождении Султана Глебов неторопливо направился по главной улице вдоль особняков к городскому скверу. Его интересовал особняк юной миссис Гудвин. Свернув в

сквер, Алексей некоторое время прогуливался с собакой, наблюдая за ее домом... Как и в предыдущие дни он вежливо поприветствовал жильца гостиницы Огюста Ламерье, охотившегося в кустах за бабочками для своей коллекции, чуть позднее появился Генри Макфлай, который, держа лошадь под узды, увлек беседой миловидную девушку Кортни Смит из Нью-Айленда... Вскоре к ограде особняка подкатил экипаж, ворота открылись, и экипаж въехал внутрь. Итак, к миссис Гудвин прибыла ее подруга Элис.

Глебов взглянул на Султана – пес был смышленный и легко поддавался дрессировке. Отведя его в сторону, так, чтобы никто их не видел, Алексей присел на корточки перед собакой.

– Вся надежда на тебя, – потрепав пса по загривку, произнес он.

Собака завиляла хвостом.

Алексей отстегнул поводок:

– Пошел, вперед! – дал он команду, Султан перепрыгнул через низкую ограду, бросился через дорогу и проскочил во двор особняка, прежде чем охранник успел закрыть ворота.

Глебов оказался тут как тут.

– Простите, но моя собака забежала, – сказал он и заглянул через его плечо. Дочь президента стояла рядом со вторым охранником, как обычно, держа на руках свою любимую собачку Лео. Песик недовольно тявкнул, глядя раздраженно глазками-пуговками на охранника – тот чуть посто-

ронился, по-видимому, не понаслышке знакомый с дурным нравом псины.

– Тише, Лео, тише, – пожурила ее Элис и нетерпеливо посмотрела в их сторону.

Тем временем руки охранников оказались на расстегнутых кобурах... На пороге дома появилась миссис Гудвин:

– Здравствуй, Элис, – подруги поцеловали друг другу в щечки.

– Здравствуйте, мистер Астер! – поприветствовала Алексея хозяйка дома.

– Здравствуйте, миссис Гудвин. – Он улыбнулся.

– Что случилось?

– Султан опять забежал к вам в сад, – ответил он.

– О! Проказник! Пропустите мистера Астера, прошу вас!

Охранник нехотя посторонился после того, как Элис жестом указала ему пропустить знакомого подруги, однако по долгу службы продолжил за ним наблюдать.

Алексей вошел, поблагодарил миссис Гудвин и посмотрел на Элис. По этикету хозяйка дома должна была их представить друг другу. Миссис Гудвин открыла рот, чтобы это сделать, как вдруг из-за угла выскочил Султан, собачка Элис взбеленилась, с лаем вырвалась из ее рук и метнулась к нему. Султан бросился наутек, собаки сделали круг по лужайке, под окрики хозяев проскользнули мимо охранника у ворот и выскочили на дорогу.

Элис вскрикнула, все бросилась догонять собак. Выско-

чив на улицу, Алексей кинулся наперерез, перескочил через ограду сквера, окликнул Султана. Тот развернулся, бросился к нему, однако проскочил мимо и помчался в сторону гостиницы. Собака Элис, меньшая размером, но столь же прыткая, с диким лаем продолжила преследование спаниеля. Глебов приготовился перехватить ее, но псина резко развернулась, проскользнула в щель ограды и с прытью понеслась по улице. Чертыхнувшись, Алексей выглянул за ограду: Лео несся навстречу выехавшему из-за поворота мчащемуся автомобилю... Если собака погибнет...

Время пошло на секунды. Глебов бросился в сторону Макфлая, вскочил на его лошадь. Перехватив узду, пришпорил, промчался мимо запыхавшихся охранников и Элис к Огюсту Ламерье, выхватил из его рук длинный сачок и поскакал следом за собакой.

Лео, сменив цель своего преследования, с лаем бросился к автомобилю, Алексей пришпорил лошадь, перевернул сачок сеткой вниз, склонился, как игрок в поло, приготовился...

Словно издалека Глебов услышал испуганный крик девушки, взмахнул сачком и, накрыв собачку... выдернул из-под носа автомобиля.

Водитель затормозил машину, испугано взирая на всадника и его добычу. Алексей остановил лошадь, успокоил, держа собаку в вытянутом в сторону сачке. Лео тявкал, крутился, пытаясь вырваться наружу. Глебов спешил, схватил собачку, чтобы она не сбежала, но неблагодарная псина тягну-

ла его за палец. Он выругался, но крепко зажал Лео в руках, развернул мордой к себе, пристально посмотрел в его круглые пуговики-глаза:

– Тихо! Фу!

Собака выпучила на него глазенки. К ним подбежала Элис Рузвельт, следом шел охранник. По одному взгляду на него можно было понять, что он бы предпочел, чтобы автомобиль переехал эту несносную псину.

– Лео! О, Лео! – Элис Рузвельт выхватила собачку из рук незнакомца и прижала к груди. – Плохая собачка! Как ты мог? Ты же мог погибнуть! – Она поднесла песика к лицу, он лизнул ее в нос, затем девушка вновь прижала его к груди и гневно посмотрела на Алексея:

– Вы... Вы...!

– Не стоит благодарностей за то, что я спас вашу собаку, мисс, – ответил он с раздражением и разочарованием.

Вынув платок, Алексей обмотал укушенный и кровоточащий палец. Ни слова не говоря, он развернул лошадь и повел к спешащему навстречу Макфлаю. Знакомство с Элис Рузвельт не удалось.

* * *

Макфлай был поражен ловкостью и находчивостью соседа по гостинице, и предложил ему совместно вечером наведаться в бар. Профессор Ламерье был расстроен, но не слишком долго – Алексей не только пообещал возместить ущерб,

но и поведал ему – пока местный плотник ремонтировал сачок – о замечательных большекрылых чудесницах, обитавших на северных лугах близ леса, куда тот собственно и отправился спустя полчаса.

По возвращению в гостиницу Глебов застал Султана на террасе в компании своей хозяйки.

– Прошу простить меня, миссис Макдаэлл, – подходя и снимая шляпу, произнес Алексей.

– Я все видела, мистер Астер! – заявила дама и под пледом, лежащим на ее ногах, он увидел бинокль. На сердце похолодело. И много ли видела дама?! Каким же беспечным он оказался!

– Да, мэм?

– Вы отпетый мошенник, мистер Астер! – сказала она, прищурившись. – Вы используете Султана, чтобы знакомиться и наведываться к молодым дамам?

«В таком случае мне следует слегка смутиться и покраснеть». По тому, как изменился взгляд пожилой дамы, ему все же удалось провести ее ложным смущением. Она погрозила ему пальцем, покореженным артритом. Затем рассмеялась, почти по девичьи.

– Но все же, не смотря на то, что вы рисковали безопасностью Султана, вы устроили такое зрелище, которого я давным-давно не видела! Bravo! Я думала, что такие храбрецы давно уже канули, после той ужасной войны конфедератов и

юнионов¹⁴¹! Жаль, что вы не американец!

– Спасибо, мэ, – только и смог ответить Глебов столь эксцентричной даме. Взглянул на Султана, который, встав на задние лапы, поставил передние на его бедро и, преданно смотря ему в глаза, вилял хвостом.

– Эх, ты! – сказал Алексей с легкой досадой, затем дружески потрепал собаку по голове.

* * *

Весь оставшийся день все только и говорили о его героическом поведении и о спасении собаки Элис Рузвельт. Ненужная «слава», привлекающая не нужное внимание. Впредь надо быть предельно осторожным, так как в округе не только миссис Макдауэлл могла развлекаться, наблюдая за всеми через бинокль. Не один он тут такой – соглядатай!

Вечером этого же дня Алексей наведлся с мистером Макфлаем в бар, где они пропустили рюмочку другую. Туда же явился и профессор Ламерье – сияющий, как начищенная монета, и хвастался своей добычей – бабочкой, название которой трудно было не то, что запомнить, но и произнести!

Впрочем, день закончился не так плачевно, как могло оказаться, если бы собака Элис погибла по его вине. Глебов не намерен был сдаваться. Новый день – новые возможности. С этой мыслью он и засыпал, оказавшись поздно вечером в своей гостиничной кровати. А когда он уснул, ему приснилась

---

¹⁴¹ Прим. автора: Дама упоминает гражданскую войну 1861-1865 гг. в США.

Элис... Нет, Лиза... Она опять от него отдалялась. Опять отдалялась!..

* * *

Доска под парусом, управляемая Алексеем, неслась по волнам, подпрыгивала, затем делала разворот и вновь неслась вдоль берега, вызывая восхищение наблюдающих – на пляже было довольно многолюдно.

– Что это? – удивленно спросила Элис у подруги, в то время как ее братья и сестра тыкали пальцем в сторону доски под парусом и восторженно «городили», по ее мнению, всякую чушь.

– Впервые вижу такое развлечение, – ответила миссис Гудвин, приставив ладонь козырьком к глазам и вглядываясь. – Но это захватывающе интересно! И как ловко держится пловец! Нужно обладать не дюжей силой, чтобы удержать конструкцию на воде!

– Да, несомненно, – согласилась Элис, наблюдая за пловцом на парусной доске.

– О! – воскликнула ее подруга. – Это же мистер Астер! Тот, что спас твою собаку!

Элис присмотрелась. Да, похож. Та же статная подтянутая фигура. Столь же отчаянный и бесстрашный вид.

– Нет, Джози, ты ошиблась! – отворачиваясь, ответила она.

– Ничего подобного, Элис! Я уверена. У него такая фигу-

ра!

– Не то, что у твоего Гарри?

– Ну уж, знаешь! – обиделась миссис Гудвин, и, взмахнув юбками, пошла прочь.

Элис догнала ее:

– Прости, Джози, я не хотела.

Та сердито покосилась на подругу.

– Мой муж, конечно не Аполлон, но он прекрасный человек, – заявила она.

– Да. Конечно, – пошла на мировую Элис.

– Ты молодая неотесанная злючка! И тебе явно пора замуж!

Элис рассмеялась:

– О, нет! За что ты меня так ненавидишь?!

Затем снова рассмеялась. Миссис Гудвин, которой самой минуло лишь недавно девятнадцать лет, топнула в сердцах ножкой, и тоже засмеялась.

* * *

Когда Алексей причалил к берегу, свора мальчишек помогла вытащить доску на берег, где его тут же окружила толпа любопытных молодых господ постарше. В том числе подошли и братья Элис – Тэд и Арчи.

Несколько раз Элис Рузвельт и миссис Гудвин прошлись рядом. Спустя какое-то время, взглянув на Элис, Глебов увидел, что она разглядывает его. Щечки девушки порозовели

от замешательства, затем она задрала подбородок и отвернулась к океану.

Алексей продолжил разговор с господами, объясняя, откуда он позаимствовал «это новшество»¹⁴², и лишь спустя полчаса его оставили в покое. Принявшись за разборку конструкции, Глебов вновь поймал взгляд Элис, сидящей в шезлонге. Он ненавязчиво улыбнулся и продолжил откручивать парус. Девушка поднялась, некоторое время постояла на месте, затем решительно двинулась в его сторону. Когда Элис подошла поближе, Глебов поднялся.

– Здравствуйте, – произнесла она.

– Здравствуйте, – ответил он.

– В прошлый раз... – начала Элис, – вы так быстро ушли...

Алексей молчал.

– ...что я не успела поблагодарить вас, – произнесла она.

Глебов готов был рассмеяться. Поблагодарить? Да она отблагодарила его так же, как и ее собака! Он кашлянул в кулак, пряча усмешку, и участливо спросил:

– Как ваш песик?

– Что? – Элис не ожидала подобного вопроса. – О, с ним все хорошо!

– Простите, меня зовут Густав Астер, – представился

---

¹⁴² Прим. автора: Парусными досками с незапамятных времён пользовались жители Полинезии. Однако патентное право признано за британцем Питером Чилверсом, который в 1958 году в возрасте 12 лет создал прототип современного виндсёрфа.

Алексей.

– Элис Рузвельт, – она протянула ему руку, и он ее пожал, впрочем, чрезмерно долго задерживать в своей руке не стал.

– Рузвельт? – переспросил он.

Девушка замялась и посмотрела на своих братьев и сестер.

– Да, Рузвельт, – нехотя повторила она.

– Дочь президента?

Она кивнула. Глебов тоже неопределенно кивнул и продолжил заматывать канат, как ни в чем не бывало.

– Вас это смущает?

– Нисколько. – Алексей посмотрел ей в глаза.

Элис облегченно вздохнула:

– Мало найдется молодых людей, которых не пугает мой отец!

– Можно дать совет? – Глебов, склонившись к ее ушку, перешел на шепот. – Вы общаетесь не с теми мужчинами, Элис Рузвельт. – Он выпрямился и произнес: – В первую очередь они должны думать о вас, а не о вашем отце.

Она смутилась. Алексей отложил канат в сторону и принялся за другой.

Элис его разглядывала. Этот иностранец ее интриговал...

– Элис! – окликнули ее. Она обернулась, затем вновь посмотрела на Алексея.

– Вы спасли Лео. Не хочу быть неблагодарной. Скажите, чем я могу вас отблагодарить?

Глебов все также улыбался уголками губ:

– Хотелось бы сказать, что вашей прекрасной улыбки будет достаточно, но тогда я солгу.

Элис зарделась, а он продолжил:

– Я хочу пригласить вас на свидание. Вы придете?

Она посмотрела на Алексея уже совсем по-иному – в глазах заплясали чертики.

– Приду, если вы дадите покататься на этой штуковине, – она кивнула на парусную доску.

Рискованно. Ее снова окликнули, но Элис даже не оглянулась.

– Что ж, встретимся завтра на пустынном пляже. Чтобы нам не помешали.

Элис на мгновение ступешалась, но тут же приняла вызов.

– Хорошо, я приду.

Алексей назвал ей час и место, она лишь таинственно улыбнулась и побежала к своей семье.

_ 31

* * *

Было около пяти вечера, когда Глебов на небольшой прогулочной коляске приблизился к земельным владениям Сагамор-Хилл и повернул в сторону океана. Оказавшись в нескольких шагах от деревянной лестницы, ведущей вниз по склону, он выбрался из повозки и подошел к перилам смот-

ровой площадки, откуда можно было наблюдать за океаном. Осталось лишь ждать, придет ли Элис.

Алексей устремил взгляд на океан. Альбатросы кружили над водой, то взмывая в хмуращееся небо, то окунаясь в отливающее свинцом воду в попытках отловить рыбу. Ветер с океана дул довольно сильный, обещая шторм.

Глебов в задумчивости облокотился о перила. Его не оставляла гнетущая мысль, что за ним следят. Утром, когда он был на пляже, кто-то побывал в его номере – об этом говорили определенные «ловушки», оставленные Алексеем. Хотя обыскивали с мастерством – казалось, что вещи все на своих местах. Но кто же следит? Он подозревал, что это может быть и Макфлай, и Ламерье, и даже миссис Макдауэлл. Уж больно эти люди часто попадались ему на глаза.

Он закрыл глаза и вздохнул. Нужно сосредоточиться, заставить мысли течь спокойно... Неожиданно до него донесся, едва уловимый, полный страдания голос Лизы. «Алексей! Алеша!» Глебов вздрогнул и открыл глаза. В небе кружили альбатросы, временами издавая крики, шумело разбушевавшееся море, ветер колыхал ветви деревьев. Конечно же, ему показалось, но почему же так бешено бьется и болит сердце, словно израненная птица, попавшая в силки? Необъяснимая тревога охватила Алексея. Он сжал кулаки. И тут увидел вдали на пляже приближающуюся всадницу, которую ждал. Глебов вздохнул, неспешно оттолкнулся от перил и стал спускаться по лестнице. К последней ступеньки вниз все его мыс-

ли сосредоточились на Элис Рузвельт.

Всадница остановила лошадь вблизи Алексея, но спешиться не торопилась.

– Элис, – приветствуя, Глебов с усмешкой приподнял шляпу.

– Здравствуйте, мистер Астер.

– Для вас – Густав.

Девушка промолчала. Некоторое время Алексей изучающе смотрел на нее, затем со скучающим видом посмотрел на хмурящееся небо.

– Что ж, Элис, вам не следовало приходить, – сказал он, засунув руки в карманы.

– Это почему же? – с вызовом спросила девушка.

Он посмотрел на нее:

– Если вы боитесь меня или опасаетесь гнева своего отца, вам не стоило приходить.

Элис поджала губы.

– Помогите мне спешиться, – слегка холодно и сердито сказала она. Алексей протянул к ней руки, и девушка соскользнула с седла прямо в его объятия. Он неторопливо поставил ее на землю, и некоторое время продолжал держать за тонкую талию. Затем отступил в сторону, взял лошадь под узды и привязал к лестничным перилам.

– И где же вами обещанная парусная доска? – спросила она вызывающе.

Алексей обернулся и с улыбкой ответил:

– Я не забыл. Но погода не располагает для водных катаний. В следующий раз, Элис. Я обещаю.

– В следующий раз? – Элис заносчиво усмехнулась. – Вы уверены, что следующий раз будет?

Глебов приблизился к ней, не сводя самоуверенного взгляда с ее глаз:

– Уверен.

* * *

Россия, Москва

– Как она, доктор? – Николай Шмит устремился к врачу, как только тот вышел из комнаты Лизы. Уже три дня как Лизу пичкали успокаивающими средствами и пытались заставить поесть и попить.

– Нужно уповать на Бога и молиться, чтобы произошло что-то, что заставило бы ее захотеть жить.

– В последнее время с ней столько произошло неприятного, плохого. – Катя, подошедшая следом за братом, тревожно смотрела на доктора. – Неужели ничего нельзя сделать?

Доктор пожал плечами:

– Елизавета Николаевна всегда казалась мне такой сильной, крепкой. Однако сейчас она сама не хочет жить. Она так сильно любит своего мужа?

Шмиты промолчали. Николаю было неприятно, Катя кинула на него взгляд и поспешила в комнату к подруге.

– Катя, – окликнул ее брат.

– Я заставлю ее есть! – кинула через плечо девушка и, взметнув юбками, вошла в комнату.

Лиза лежала ничком, уткнувшись лицом в подушку.

– Лиза, – позвала ее подруга, но она даже не шевельнулась. – Лиза! Ты должна поесть!

Никакой реакции.

– Он никогда бы не захотел, чтобы ты вот так – умерла!

Лиза зарыдала. Катя села рядом, погладила ее по спине.

– Я прошу тебя, я тебя умоляю – поешь. – Она решительно потянулась за шнурком, вызывая прислугу. Та явилась уже с подносом и поставила его на прикроватную тумбочку.

– Если ты не будешь есть сама, мы накормим тебя силой! И будем делать это всякий раз. – Катя решительно открыла крышку супницы и по комнате понесся аромат горячих жирных щей.

Лиза вдруг замолкла, замерла, и в следующее мгновение ее подкинуло, она кубарем скатилась с кровати и бросилась к умывальнику. Рвотные позывы пустого желудка болезненными спазмами отдавались внутри. Во рту осталась горечь. На глаза вновь накатились слезы. Руки и коленки предательски дрожали.

Катя уже стояла рядом, протягивая стакан с водой и полотенце. Это было впервые, когда Лизу стало тошнить.

– Убери еду, я не могу, – дрожащим голосом сообщила она и вновь склонилась к умывальнику.

В комнату вернулся доктор, которого позвала встревожен-

ная служанка.

Он помог Лизе умыться и вернуться в кровать. Слабая, она дрожала как осенний лист.

Доктор посмотрел ее глаза, оттягивая нижнее веко пальцем, прощупал пульс, прощупал живот. Попросил Катю выйти и закрыть дверь. Прошло минут пятнадцать, когда дверь открылась, и на пороге появился доктор.

– Думаю, теперь будет все в порядке, – сообщил он, улыбувшись, и попрощался.

Катя первая влетела в комнату к Лизе, затем вошел Николай и остался на пороге. Лиза, опираясь спиной на подушки и изголовье кровати, сидела, крепко обхватив себя за плечи.

– Что, Лиза? – спросила Катя, присаживаясь рядом. Та рассеянно посмотрела на подругу:

– Я не знаю...

– Не знаешь?

– Не знаю, верить ли...

Катя с надеждой схватила ее за руку:

– Ты беременна, да?

Лиза отрицательно закачала головой, но без особой уверенности.

– Это ведь не может быть правдой?

– Не может? Может! Да так и есть!

– Но ведь тогда доктор сказал мне ...

– Да забудь этого доктора – верь нашему. Ведь он же сказал, что ты беременна?

Лиза не ответила. Она уставилась на свой еще плоский живот. Память о муже... На ее глаза навернулись слезы. Она не может без него! Несправедливо, нечестно, что он умер!

Лиза заплакала, уткнувшись в ладони, а Катя крепко обняла ее и тоже зарыдала.

Николай незаметно покинул комнату, оставив подруг наедине.

Катя утерла слезы, затем промокнула платком лицо подруги. Поток слез как быстро начался, так быстро и иссяк.

– Катя, посиди со мной, – попросила Лиза, устало уткнувшись в ее плечо.

– Конечно. – Катя вновь обняла подругу и погладила по волосам. Спустя десять минут, Катя по ровному дыханию подруги поняла, что она уснула. Посидев еще несколько минут, молодая женщина осторожно уложила ее и накрыла одеялом. Лиза, коснувшись головой подушки, забылась глубоким сном.

* * *

В комнату нерешительно постучали, но лежащая в постели Лиза, молчала, надеясь, что непрошенные посетители уйдут. Дверь все равно открылась – Лиза молча наблюдала, как прислуга, так и не дождавшись ответа, вошла и внесла черное платье. Увидев, что хозяйка не спит, она смущенно произнесла «доброе утро» и пояснила, что госпожа Андриканис распорядилась разбудить ее и передать просьбу спуститься к

обеду. Девушка быстро избавилась от мрачного платья, положив его на спинку стула, и вышла.

Лиза неторопливо села в кровати, затем отвернулась от траурного одеяния, на которое смотрела несколько минут, спустила ноги с кровати, обулась в домашние туфли и прошла к окну. Черное платье удручало.

«Вдова», произнесла она мысленно и невольно прикоснулась ладонями к своему животу.

«Нет» – это отрицание факта сразу же родилось в ее голове. Лиза затаила дыхание. Она погладила живот. За ночь с ней произошла странная метаморфоза: осознав в полной мере, что беременна, Лиза одновременно стала ощущать, что ее муж жив. Ничем не обоснованная мысль сидела в ее голове и все прежние страдания куда-то исчезли. Лиза была спокойна, как никогда. Она вновь взглянула на платье, в которое должна была облачиться. «Он жив», – в очередной раз пронеслось в ее голове. Лиза погладила живот, затем подошла к платью. «Он жив». Она отвернулась от траурного одеяния и прошла к платяному шкафу.

Через полчаса Лиза спустилась вниз, и Катя с удивлением посмотрела на ее голубое легкое платье.

Лиза высоко задрала подбородок:

– Если ты хочешь спросить меня, почему я не в черном, хочу сразу сказать – я не верю в то, что мой муж мертв.

Глаза Кати стали большими, но она промолчала, хотя рот невольно открылся и губы растянулись в непроизвольную

«О».

Лиза села на стул напротив и взялась за вилку и нож. Ужасно захотелось есть! И пусть Катя думает, что она окончательно спятила, но уже никто не убедит ее в том, что Алексей мертв. И он обязательно вернется, а пока нужно позаботиться о малыше, который растет у нее внутри и требует, чтобы его мать хорошенько подкрепилась.

Поглощая без лишней скромности еду, Лиза уже не обращала внимания ни на подругу, ни на недоумевающую прислугу, с которой переглядывалась Катя. Пусть думают, что она сошла с ума. Пусть думают, что хотят.

* * *

США, Ойстер-Бей

Итак, дружба с Элис Рузвельт завязалась. Через день они встретились в открытую в одном из ресторанчиков Ойстер-Бея. Охранник, сопровождавший дочь президента, стоял в отдаленности с непроницаемым лицом, но разговор, который вели Алексей и Элис, он слышать не мог, так как для этого находился слишком далеко.

Дружеская обстановка, вкусная пища, приятная музыка и все прочие моменты, продуманные Глебовым заранее, привели Элис в благодушное настроение. Алексей умело делал ей комплименты, чем окончательно расположил ее к себе.

Позже Глебов познакомился и с братьями Элис, которых учил кататься на доске, пока в один прекрасный день они ее

не сломали.

Если контакт с Элис и семейством Рузвельт устанавливался, и Элис в ближайший уикенд¹⁴³ пригласила его в Сагамор-Хилл, то определить, кто обыскивал его комнату, Алексей не смог. По всей видимости, бдительный присмотр со стороны службы безопасности президента, под который он попал, заставил «тех, иных» временно уйти «на дно». Но Глебов не сомневался, что скоро они заявят о себе, и что не следует расслабляться.

Наступила долгожданная суббота, и Алексей прибыл в Сагамор-Хилл.

Внутреннее убранство помещений дома изобиловало шкурами и головами убитых животных, которые взирали стеклянными глазами на обитателей дома и их гостей. Впрочем, дом был светлый и уютный, чем напоминал свою хозяйку Эдит Рузвельт – жену президента, которая с приветливой улыбкой и добрыми глазами встретила нового знакомого падчерицы.

Спустя какое-то время в холл спустился Теодор Рузвельт и встретил гостя дочери с неким недоумением и неодобрением. Заложив руку за спину, высоко подняв голову и выставив подбородок, он всем своим видом показывал уверенность и превосходство. Все же под пристальным настойчивым взглядом дочери и жены Рузвельт сдался и протянул ру-

---

¹⁴³ Уикенд (англ. week end – конец недели) – выходные дни (суббота и воскресенье); время отдыха с вечера пятницы до утра понедельника.

ку при знакомстве. Алексей спокойно и твердо пожал ее. Рузвельт отнял руку и пригласил гостя в гостиную.

Как оказалось, президент не собирался оставлять нового знакомого дочери в покое – и во время учтивой беседы перед обедом, и во время обеда Рузвельт задавал каверзные вопросы гостю, но Алексей давал достойные, но неизменно доброжелательные ответы.

Обед проходил в кругу семейства Рузвельта: президент, его жена, дети. Хозяин дома сидел во главе стола, Глебов чуть поодаль рядом с Элис.

Блюда подавались к непокрытому скатертью столу, были более чем просты, для Алексея, как европейца, очень трудноваримы и непривычны, хотя он и не подал виду. Ко всему прочему запить такое угощение было особо нечем – вместо вина была ледяная вода... Когда очередное блюдо оказалось перед Алексеем, он едва сдержался от вздоха. От невеселых мыслей о еде, его отвлек очередной язвительный вопрос президента.

– И чем же вы занимаетесь, мистер Астер? – Рузвельт смотрел на него пристально, не переставая пережевывать мясо.

– Папа! – возмутилась Элис учиненному допросу.

– Я писатель, мистер Рузвельт, – ответил Глебов, кинув успокаивающий взгляд на девушку и повернувшись к ее отцу.

– И что же вы пишете?

– Книгу об Америке.

– О Соединенных штатах? – вновь язвительная недоверчивая ухмылка.

– Да.

Глебов заметил, как Элис взглядом попросила мачеху остановить допрос отца. Супруга Рузвельта положила ладонь на его руку и что-то ему шепнула. Президент нахмурился, но все же оставил Алексея в покое.

После обеда мужчины перебрались в библиотеку и, когда мальчишка-негритенок разлил им в бокалы виски, Рузвельт, закурив, продолжил свой допрос:

– Итак, что же вы хотите написать, мистер Астер? – Рузвельт выпустил дым из сигареты вниз – явный признак негативного настроения, вызванного подозрительностью по отношению к собеседнику.

– Меня интересуют американцы, их образ жизни. – Алексей старался держаться спокойно, сдержано, понимая, что Рузвельт пытается спровоцировать его.

– И что же вы узнали о нас, американцах?

– Американцы молодая нация, но довольно богатая, с большим будущим.

Рузвельт усмехнулся, выпустив дым из сигареты вверх, проявив признак одобрения.

– Да, мы – американцы – великая нация. И великой нас делает не наше богатство, а то, как мы его используем.

Глебов кивнул, доброжелательно улыбнувшись:

– Резонно.

– А кто вы по происхождению, мистер Астер? – Президент не сводил с Алексея взгляд слегка прищуренных глаз.

– Я – француз, однако наш род имеет британские корни.

– Неужели? – Опять недоверчивый сарказм.

Глебов повертел бокал в руках, задумчиво глядя на коричневою жидкость, искрящуюся на свету.

– Не важно, кто человек по национальности, – заговорил он осторожно, взвешивая слова, – важнее всего, сумма достоинств, делающих мужчину хорошим мужчиной, а женщину хорошей женщиной.

Рузвельт крикнул:

– По мне, так нужно придерживаться правила: «Не повышай голоса, но держи наготове большую дубинку, и тогда далеко пойдешь». Вы понимаете, о чем я?

– Вам свойственно жестокосердие? – с легкой усмешкой задал встречный вопрос Алексей на выпад президента.

Рузвельт фыркнул:

– Думаю, что хуже, чем жесткость сердца, может быть лишь одно качество – мягкость мозгов. Я этим, поверьте, не страдаю. – Опять намек, опять проявление недоверия. – Мистер Астер, вы считаете, что женщина может сделать своего мужа миллионером?

Опять камень в его огород! Неужели Рузвельт считает его брачным аферистом? Глебов кашлянул, стряхнул пепел в пепельницу:

– Несомненно, мистер Рузвельт, – заметив, что вверг собеседника в ступор, Алексей закончил фразу: – Если он мультимиллионер, конечно.

Рузвельт побагровел, но затем сухо рассмеялся:

– Шутить изволите?

– Что остается делать? Вы же считаете меня кем-то вроде брачного афериста, ухлестывающего за вашей дочерью из-за связей и денег. Я вполне обеспеченный человек и не гоняюсь за состоянием. А ваша дочь не заслуживает недоверия – она, конечно, бунтарка, но девушка умная и порядочная. Воспитана безукоризненно.

– Но она юна. Я могу управлять Соединенными Штатами и могу управлять своей дочерью Элис, мистер Астер, сложно делать то и другое одновременно. В политике приходится делать много такого, чего не следует делать. Со своей дочерью я так поступать не могу. Но, несомненно, если я сочту, что что-либо или кто-либо представляет угрозу для нее, а также для моей семьи и их чести, я приму крайне жесткие меры.

– Понятно, – Алексей сделал глоток виски из бокала. – Будь у меня дочь, я поступил бы точно также.

– Но у вас нет дочери.

– Нет. И сыновей тоже. В этом плане вам повезло, мистер Рузвельт. У вас прекрасная семья.

– Почему же вы, мистер Астер, до сих пор не обзавелись семьей?

Глебов молчал, уставившись в сторону.

– Моя супруга покинула меня, мистер Рузвельт, – ответил он наконец. На лице Алексея и в голосе отразилась скорбь по понесенной утрате.

Президент замолчал, на его лице мелькнула печаль, по всей видимости, вызванная воспоминанием по собственной утрате – первой любимой всем сердцем супруге – матери Элис, затем произнес:

– Мои соболезнования, мистер Астер.

Глебов попытался взять себя в руки, отмахиваясь от печальных воспоминаний, затем сказал, посмотрев на президента:

– Простите, мне до сих пор тяжело об этом вспоминать, мистер Рузвельт. После своей потери я не смог сидеть на месте и стал путешествовать по миру, узнаю новое, познаю мир. Так легче, понимаете.

– Да, я понимаю. Движение – жизнь, не так ли?

_ 32

* * *

Элис нетерпеливо расхаживала в гостиной из угла в угол. Братья, влетевшие в комнату, устроили возню, но поймав сердитый взгляд сестры, выскочили в коридор. Она прошла следом за ними и остановилась, уставившись на лестницу. О чем же так долго беседуют отец и Астер? Отец, как правило, ставил «выскачок», как он порой называл ухажеров дочери, сразу же на место, и те быстро ретировались. Элис порой это

забавляло, а порой выводило из себя. Но долго на отца она сердиться не могла, так как очень его любила, и по-прежнему считалась с его авторитетом.

Но новый знакомый вызывал у нее большой интерес, и на этот раз Элис решилась высвободить своего гостя из цепких рук отца. Она быстрым, но по возможности бесшумным, шагом прошла к библиотеке и приотворила дверь.

– Достоин счастья лишь тот человек, кто готов в любое время рискнуть своим телом, своим благополучием, своей жизнью за великое дело, – заявил ее отец.

– Но согласитесь, воспитать человека интеллектуально, не воспитав его нравственно, значит вырастить угрозу для общества, – возразил Алексей.

Рузвельт с прищуром посмотрел на него, краешки его губ изогнулись вверх – по всей видимости, фраза, произнесенная Глебовым, ему понравилась. Затем он рассмеялся и пошутил:

– Да, совершенно необразованный человек может обчистить товарный вагон, а выпускник университета может украсть аж целую железную дорогу!

Алексей рассмеялся.

– Благими намерениями выложена дорога в ад.

Рот Элис от удивления приоткрылся. Астер и ее отец увлеченно вели беседу, шутили и смеялись! Непостижимо. Она была в замешательстве. Решив разрушить их идиллию, Элис постучала по дверному косяку. Мужчины обернулись. Алек-

сей ей улыбнулся, а отец пригласил войти.

– О, я ненадолго, папа. Всего лишь хочу забрать своего гостя, – сказала она капризно.

– И в самом деле, мистер Рузвельт, мне пора. – Глебов поднялся. Президент нехотя тоже встал с кресла. – Было очень приятно с вами побеседовать.

Рузвельт протянул ему руку:

– И мне, как ни странно. Приходите еще, мы побеседуем с вами об Америке.

– Непременно. Сочту за честь, – ответил Алексей, пожимая протянутую руку.

Они распрощались, и Элис повела Глебова к выходу. Судя по ее прямой напряженной спине и надменно поднятой голове, Элис не понравилось благосклонное отношение ее отца к ухажеру.

– Когда вы сердитесь, вы еще прекрасней, – с ироничной усмешкой сказал Алексей. Элис не ответила, сама передала Глебову шляпу и трость, открыла перед ним входную дверь. Но Алексей не торопился переступить порог.

– Вы ведь спешили, мистер Астер, – напомнила надменная Элис.

– Предпочитаю еще немного задержаться, – все также усмехаясь, ответил Алексей, делая шаг к девушке.

– Не стоит.

– Что вас так расстроило, Элис? То, что я так мало уделил вам сегодня внимания, или то, что вам не удалось досадить

отцу, так как мы нашли с ним общий язык?

Элис фыркнула:

– Думайте, что хотите. Прощайте.

Алексей, оперевшись рукой о дверной косяк над ее плечом, наклонился к ней.

– Вы кое-что забыли, Элис, – произнес он ласковым тоном, с желанием смотря на ее губы. Элис вспыхнула, когда она предположила, что он хочет сделать.

– Что же? – Она невольно облизала внезапно пересохшие губы.

– Во-первых, вы забыли, что ваш отец умный человек. Как он легко смог убедить вас не встречаться со мной! Ему лишь пришлось просто по-дружески побеседовать со мной, и ваш интерес ко мне утих.

– А что, во-вторых? – поняв, что целовать ее он не собирается, язвительно заметила Элис.

– Во-вторых?

– Да. Во-вторых?

– Во-вторых, – Алексей нежно взял ее за подбородок и неторопливо погладил большим пальцем. Наклонился к ее губам, – я хотел бы поцеловать вас, Элис, – губы девушки приоткрылись в ожидании поцелуя, – но вы так сердитесь на меня, что не позволите это сделать. Тогда я попытаюсь сделать это в следующий раз. – Он отстранился.

Глаза Элис распахнулись и загорелись сердитым огоньком.

– Уверены, что будет «следующий раз»? – съязвила она.

Глебов не ответил, нахально смотря ей в глаза с самоуверенной усмешкой на губах, учтиво поклонился и пошел прочь, чувствуя, как Элис Рузвельт провожает его пристальным взглядом.

* * *

Прошла пара дней. За Алексеем следили. Он это точно знал, хотя вели они себя довольно профессионально. Этого и следовало ожидать – президент не был наивен и был осторожен – мало ли кто может втереться в доверие к его дочери и к нему самому.

В наблюдении участвовало от трех до шести человек и парочка экипажей, которые вели его «цепочкой»: непосредственно надзирал лишь один человек, а все прочие растянутой цепочкой размещались позади, причем каждый из последующих ориентировался по предыдущему. Общение между звеньями осуществлялось по визуальному кодовому сигналу. На запустелых улицах расстояние между следящими становилось больше, на многолюдных – уменьшалось. При случайном выявлении агента, он сейчас же уступал свое место другому, уходя от визуального контакта.

В следующий раз вели «с опережением»: следящие периодически обгоняли Алексея, таким образом, он оказывался между ними, что давало им предельно плотный, а, следовательно, и более эффективный контроль за ним.

Спустя какое-то время Глебов даже стал разбираться в их специальных визуальных кодах, с помощью которых они информировали друг друга. Если агент левой рукой упирался в левое бедро, то это означало, что Алексей повернул налево и наоборот, если правая рука опиралась в правое бедро, то объект повернул направо. «Объект пересекает улицу» – по-любооборот в сторону со сгибанием одной руки у груди; «объект развернулся и идет в обратном направлении» – одна рука подносится к голове; «меня надо сменить» – пристальный взгляд на часы с имитацией удивления.

Глебова так и подмывало узнать сигнал, обозначающий «объект ушел из-под контроля», но разумно посчитал, что если Рузвельт установил за ним слежку, нужно вести себя, как обычный законопослушный гражданин.

Вернувшись как-то после очередной такой «прогулки» в гостиницу, Алексей получил от портье небольшой аккуратный конвертик. Взглянув на имя отправителя, Глебов улыбнулся и направился в свой номер. Бросив шляпу и трость на кресло, он скинул на спинку стула пиджак, растянул узел галстука, а затем лишь вскрыл письмо. Он усмехнулся. Что ж, Элис от имени отца приглашала его в гости. Завтра. При первом визите ему не удалось особо много приметить, но завтра у него будет еще один шанс и он его не упустит.

* * *

На этот раз Рузвельт благодушно приветствовал Глебо-

ва. Алексей вновь обедал в кругу семьи Рузвельта, но не в пример предыдущему разу и еда была лучше, и атмосфера за столом доброжелательней и располагающей к оживленной беседе. После обеда Рузвельт, сославшись на неотложные дела, извинился и удалился в свой кабинет. А Элис предложила Алексею прогуляться и осмотреть Сагамор-Хилл.

Элис сегодня была несравненно прекрасна. Она улыбалась, смеялась, откликалась на остроты и сама шутила, и ни разу ее лицо не омрачалось печалью, грустью, гневом.

Глебов любовался ею. Она ему определенно нравилась, даже очень нравилась. Она привлекала его, интересовала, также как и он ее. Когда-то это уже было с ним. Когда? Когда-то с Лизой. Ощущение, что это было давно... Он взглянул на дочь президента. Она посмотрела в его сторону, улыбнулась. Алексей ответил улыбкой.

Элис продолжила что-то рассказывать ему о скором бале, намеченном в Сагамор-Хилле, но он слушал ее в пол уха, продолжая размышлять. Элис, несомненно, увлечена им, но не чрезмерно. Возможно, Элис просто пытается доказать отцу свое право делать так, как ей заблагорассудится. Немного неприятно ощущать себя пешкой в чей-то игре. Он слегка усмехнулся. Рассмеялся шутке Элис. Что-то сказал, отчего она легко вспыхнула и рассмеялась... Он-то тоже хорош – использует вздорность девушки в своих интересах, чтобы ближе подобраться к ее отцу. Элис вновь посмотрела в его сторону, стрельнула глазками. Алексей ответил ей столь же

заигрывающим взглядом и улыбкой. А ведь ему ничего не стоит по-настоящему влюбить в себя Элис. Стоит только захотеть это сделать...

* * *

Если с раннего утра было относительно прохладно, то в послеобеденное время уже припекало так, то если бы не ветер с моря, можно было бы зажариться заживо. Элис шла чуть впереди, обмахиваясь на ходу шляпкой. Ее длинные шелковистые волосы, перехваченные синей лентой, непослушно развивались на ветру.

– А вот здесь – гараж, – сказала она, указывая на внушительную постройку, напомиравшую конюшню. – У папы несколько моделей автомобилей. Хотя он и предпочитает лошадей.

Девушка махнула рукой мальчишке-негритенку, и он распахнул ворота гаража. Алексей с любопытством прошелся вдоль новеньких блестящих на свету машин, осмотрел их.

– Впечатляет.

– А это моя, – сказала Элис, останавливаясь возле одного из автомобилей. Она лукаво посмотрела на Алексея. – Вам нравится?

Алексей лениво растянул губы в легкую улыбку и неторопливо приблизился к Элис, не сводя с нее взгляда сквозь полуопущенных ресниц.

– Да. Ничего подобного в жизни не встречал, – заворажи-

вающе произнес он.

Элис опустила глаза и покраснела от удовольствия. Его слова она поняла правильно.

– Вот только я совершенно не умею водить машину, – сказала она, проведя пальчиком по капоту автомобиля.

– Хотите попробовать со мной? Я научу вас, Элис.

Девушка кинула на него взгляд и улыбнулась.

– А вы отличный шофер?

– Самый лучший...

Алексей накрыл ее ладонь своей. Девушка не убрала руку, продолжая смотреть ему в глаза. Зрачки ее слегка расширились, а взгляд понемногу переместился на его губы.

Выждав еще несколько секунд, Алексей приблизил ее руку к своим губам, запечатлел на ее пальчиках поцелуй, затем отвел девушку к водительскому месту. Галантно усадив ее, он занял соседнее с водительским место.

– И что мне делать? – спросила Элис, положив изящные руки на руль, пока мальчишка-негритенок крутил на капоте рычаг, заводя двигатель.

– Нажмите на педаль. – Элис выполнила его наставления, а когда двигатель завелся, сказал:

– Потихоньку отпустите педаль. Нет, не так, – автомобиль дернулся, заглох. – Давайте снова.

Спустя полчаса Элис освоила автомобиль и, как только они выехали на проселочную дорогу, прибавила скорость.

«Боже!», – пронеслось в голове Алексея, и он на секунду

зажмурил глаза.

Элис оказалась лихачкой. Автомобиль «несся» по трассе, поднимая клубы пыли. Но руль девушка держала уверенно, вела себя спокойно, поэтому Глебов невольно пришлось согласиться, что Элис способная ученица.

Оказавшись близ побережья, Элис остановила автомобиль и заглушила мотор.

– Ну как? – спросила она, повернувшись к Алексею.

Он улыбался ей.

– Превосходно.

– Я так и думала.

Они с минуту смотрели друг другу в глаза. Затем Алексей медленно наклонился к ней и поцеловал. Элис ответила на его поцелуй. Обняла за шею.

– Элис, – выдохнул он ее имя, прежде чем вновь страстно припасть к ее губам.

«Элис. Лиз» – вспыхнуло в его голове. И тут он понял. Понял и замер. Элис многим напоминает ему Лизу. Но она не Лиза. Он вздрогнул и отстранился.

– Что случилось? – спросила непонимающе Элис, видя, что хмурый Алексей не смотрит на нее.

Он неохотно взглянул на нее, лицо его смягчилось:

– Нам пора возвращаться. – Он ободряюще погладил ее по щеке кончиками пальцев. – Я заведу мотор, – и ловко выскочил из автомобиля.

Девушка выпрямилась, провела рукой по волосам. Гле-

блов достал рычаг, вставил его со стороны капота в двигатель и стал крутить ручкой. Прошло еще несколько неприятных минут ожидания, прежде чем автомобиль завелся. Автомобиль тронулся с места, а Алексей на ходу запрыгнул в еще столь несовершенный транспорт. Элис разогнала автомобиль и погнала его в обратном направлении.

* * *

Алексей сердился на себя. Ну надо же допустить в голову такие бредовые мысли: думать об отношениях с Элис и о Лизе, когда времени для решения проблемы осталось очень мало!

Вернувшись в гостиницу, погруженный в свои мысли Глебов столкнулся на входе с Макфлаем, тот смущенно извинился и проскочил мимо. Алексей проводил его задумчивым взглядом, взял у портье ключи от комнаты и поднялся по лестнице. На встречу шла миссис Макдауэлл, на его приветствие ответила лишь холодным кивком и прошла дальше. Глебову некогда было задумываться о странностях в поведении дамы, он свернул к своему номеру и открыл дверь.

Уже с порога Алексей понял, что его номер снова обыскали. Он закрыл дверь и, встав посередине комнаты, неторопливо осмотрелся. Так и есть. Он прикрыл глаза, потянул носом. Легкий цветочный запах? Духи? Он открыл глаза, и, пройдя по номеру, внимательно осмотрел его. На полу песчинки пляжного песка, еще сырые на ощупь. Значит,

ушли совсем недавно. Алексей внимательно оглядел предметы. Заметив что-то на поверхности комода, провел по ней пальцем, растер пальцами желтую пыль. Понюхал. Пыльца? Откуда?

– Думайте, Шерлок, думайте, – пробурчал он себе под нос.

Итак, Макфлай проскочил мимо и явно растерялся, когда его увидел. Глебов не раз наблюдал, как Макфлай, не жалея дорогой обуви, бродил вечерами по пляжу. Слышал он и ворчание обслуги по поводу частого песка в номере Макфлая. Доказывает ли это, что Макфлай побывал в его номере? Нет, не доказывает. А легкий цветочный запах – не духи ли миссис Макдауэлл? Пожилая дама прошествовала мимо него по коридору с надменным превосходством. Английская шпионка? Доказательно? Нет, не доказательно. Остался еще один подозреваемый – Ламерье, любитель флоры и фауны. Вот его-то Алексей сегодня еще не видел. Но зато отчетливо помнит, что на брюках и на локтях пиджака профессора после очередного забега на поляну за бабочками всегда оставалась цветочная пыльца.

Глебов взглянул на свои руки. Что ж, раз дедуктивным методом Шерлока Холмса ничего не выходит выяснить, остается старый испытанный способ вора. Забраться в номера подозреваемых и устроить самый что ни на есть настоящий шмон¹⁴⁴. Соответственно, воочию убедиться, кто чем дышит из его соседей.

---

¹⁴⁴ Шмон (жарг.) – обыск.

Спустя пару минут Глебов, вышел в коридор, убедился, что его никто не видит, затем вскрыл номер Макфлая. Через несколько минут он столь же осторожно покинул номер, и прошел к номеру миссис Макдауэлл. Благо, дама ушла с собакой, иначе беспокойный пес помешал бы Алексею. Спустя еще несколько минут Глебов покинул ее номер и прошел к номеру профессора. Осталось только постучать, чтобы убедиться, что профессор тоже отсутствует, как и его соседи по этажу. Алексей постучал, осмотрелся и потянулся к отмычке. На лестнице слышались глухие шаги. Алексей вскрыл номер и нырнул в помещение. По коридору промчался Султан, затем остановился, вернулся к номеру Ламерье и заскреб дверь когтями.

– Фу, перестань, – скомандовала дама, и псина отступила. Когда слышалось, как дверь ее номера закрылась, Алексей начал обыск. Спустя несколько минут он благополучно вернулся к себе.

Не раздеваясь, вытянулся на кровати, заложив руки за голову. Итак, обыск дал много чего интересного. Как много у людей тайн, своих скелетов в шкафу.

Дело усложняется. Алексей закрыл глаза. Нужно все обдумать. Просчитать. Опасность будила в нем азарт и заставляла интенсивно работать мозг. Алексей усмехнулся. Что ж, господа, поиграем!

* * *

США, Портсмут

Вернувшись в гостиницу после очередного заседания на переговорах, Витте узнал, что в кабинете его дожидается некий господин, явившийся по важному сугубо личному вопросу.

Витте посмотрел на сопровождающего его Самойлова. Тот все понял, кивнул головой и быстро вышел.

Российский уполномоченный перед зеркалом поправил галстук, причесал волосы, вздохнул и, выпрямив осанку, направился в кабинет.

Ему навстречу поднялся невысокий, но статный мужчина с легкой ничему не обязывающей улыбкой.

– Здравствуйте, господин Витте.

– С кем имею честь?

Незнакомец вновь улыбнулся, без дозволения вновь сел в кресло.

– Если хотите, зовите меня мистер Смит, господин Витте. Право, это не важно, кто я, важно лишь то, от кого я.

– И от кого же?

– Присаживайтесь, господин Витте. Разговор будет недолгий, но не из легких. Вы выглядите неважно. Плохо спите?

– Отвратительно кормят, а сплю я превосходно. – Витте сел в кресло напротив. – Но вы ведь пришли не для того, чтобы справиться о моем здоровье? Что вам нужно, говорите.

– Некий господин поручил мне передать вам вот это. –

Незнакомец подтолкнул к уполномоченному папку.

Витте открыл и обнаружил копии своей переписки. Он закрыл папку и посмотрел на Смита.

Тот продолжил:

– Вижу, вы не удивлены, господин Витте. Ожидали чего-то подобного, не так ли?

– Ожидал. И что дальше?

– Вам предлагается сделка. Ваши письма будут вам возвращены в обмен на некоторые уступки с вашей стороны.

– Уступки?

– Россия должна согласиться на условия японцев.

Витте вскочил с кресла:

– Вы с ума сошли!

– Сядьте, господин Витте.

Тот сел:

– На моей карьере, да и на жизни будет поставлен крест, если я пойду на такое! Император четко наложил резолюцию: «Ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек». Вы хотите, чтобы я собственноручно признал себя изменником?!

– Вы проделали большую работу, господин Витте, чтобы стать популярным среди американского народа. Так что вам и такое по силам.

Витте молчал.

– Мы не хотим публикации ваших писем, господин Витте. Поднимется большой скандал, будут опорочены многие вли-

ательные люди. И вы в том числе. Да и в большей мере. Ваш император признает вас изменником, как только все всплывет наружу. Если вы не пойдете на то, что мы вам предлагаем, нам ничего не останется, как только опубликовать переписку.

– Я должен подумать.

– Вы должны принять решение прямо сейчас.

Витте некоторое время молчал, склонив голову.

– Я не могу вот так разом пойти на соглашение с японцами. Это будет выглядеть подозрительно. Ходом конференции интересуются буквально все. Это вызовет резонанс. Все желают видеть борьбу. Я не могу без боя идти на уступки!

Смит улыбнулся:

– От вас этого и не требуется. Первоначально уступите японцам Сахалин.

Витте помолчал, вздохнул:

– Хорошо. Но сначала я отправлю телеграфом императору письмо и сообщу, что японцы настаивают на оставлении за ними Сахалина и на получение денежной контрибуции, и что продолжение войны будет величайшим бедствием для России. Без его резолюции у меня будут связаны руки.

– Добавьте еще для острастки, что едва ли России удастся победить Японию, Сахалин в руках японцев и отобрать его невозможно. – Смит поднялся. – Что ж, господин уполномоченный, пока всё. Но не расслабляйтесь, мы встретимся с вами и довольно скоро.

Он надел шляпу, взял со стола трость и вышел из кабинета.

Витте вздохнув, потер лицо рукой. Вошел Самойлов, он посмотрел на него:

– Вы все слышали?

Самойлов кивнул.

– Организуйте встречу с нашим агентом. Время поджимает, нужно предупредить Глебова, как можно скорее...

* * *

Август 1905 г. США, Ойстер-Бей

Алексей сидел в летнем кафе и, откинувшись на спинку стула, неторопливо попивал кофе.

Утром он получил зашифрованное послание от Витте, в котором сообщалось, что дело не терпит отлагательств – нужно срочно решать вопрос с документами. Да, пришло время действовать. На днях он слышал разговор президента с неким мистером Смитом. Они говорили о редакторе газеты «The New York Times» как о человеке, который «в случае необходимости раскрутит это дело быстро и четко». Глебов повертел чашку и сделал небольшой глоток. Похоже, Рузвельт планирует передать редактору документы. Письма были в доме, пока, по крайней мере – Рузвельт в скором времени намерен был переправить их в Нью-Йорк.

Алексея настораживала и сдерживала слежка, что за ним учинили. И это были не только спецслужбы президента. Гос-

пода шпионы пока лишь наблюдали, и он не знал, что от них ожидать.

Вдруг Глебов вздрогнул – ему показалось, что он услышал знакомый голос. Малышев?! Алексей обернулся, однако среди посетителей не увидел знакомого лица.

* * *

Вернувшись в гостиницу, Глебов получил от ожидавшегося его посыльного записку: Элис приглашала его в Сагамор-Хилл на предстоящий бал. Итак, через три дня все решится. А пока нужно подстраховаться и подготовить «отступные пути».

Вечерами жильцы гостиницы устраивали на террасе игру в покер, и Глебов направился туда.

Миссис Макдауэлл и Ламерье играли, Макфлай сидел на перилах, попивал виски и с безразличием наблюдал за ними. Завидев Алексея, миссис Макдауэлл предложила ему присоединиться – он принял предложение и, придвинув стул, расположился за столиком.

– Почему вы не присоединяетесь к игре? – спросил он у Макфлая. Однако прежде чем тот ответил, миссис Макдауэлл вызывающе заметила:

– Этот молодой человек – трус и лжец.

Макфлай расхохотался:

– Миссис Макдауэлл, вам не удастся заманить меня в игру!

Затем он предупредил Алексея:

– Миссис Макдауэлл жульничает. Она столь умело передергивает карты, что мистер Ламерье до сих пор ничего не заметил и надеется отыгаться.

Дама стукнула своей тростью по полу:

– Я же говорила вам, мистер Астер, что он – трус, потому что боится играть, и лжец – потому что распространяет о пожилой даме гадости.

– Пожалуй, я тоже пас, – поднимаясь, произнес Огюст Ламерье.

Макдауэлл презрительно фыркнула.

Глебов сосредоточился на картах. Пожилая дама действительно умело передергивала карты. Он проигрывал – сумма проигрыша росла – кошелек на глазах у всех пустел.

– Вы с ума сошли, мистер Астер! – не выдержал Ламерье, вновь подходя к столу.

– Ничего не могу с собой поделаться, – Алексей сокрушенно пожал плечами. – Пока хоть раз не отыграюсь – не остановлюсь!

Ламерье хотел было что-то ответить, но передумал, лицо его просветлело, и он с воодушевлением предложил:

– Если вы желаете отыгаться, может быть, одолжить вам денег? Я хотел бы видеть, как кто-нибудь одолеет эту женщину в карты!

– Это как раз то, что нужно! Вы добрейший человек, мистер Ламерье!

Огюст Ламерье без лишних слов передал Алексею довольно крупную сумму денег. Но как только собрались раздавать карты, вмешался Макфлай:

– Подождите. Давайте сменим колоду. – Его предложением все остались недовольны, хотя каждый в определенной мере попытался это скрыть.

Макфлай вскрыл совершенно новую пачку карт, которую по его просьбе принес слуга.

Глебов взглянул на пожилую даму, и та сразу же заметила смешинки в его глазах. Началась игра – за ними пристально наблюдали Макфлай и Ламерье. Глебов выложил на стол свои карты, которые были отнюдь не плохой комбинации. Миссис Макдауэлл пристально смотрела на него, затем выложила свои.

– Флэш-роял¹⁴⁵! – Ламерье ударил кулаком по ладони и стремительно отошел от стола.

Макфлай прищурился и с чисто английским спокойствием вернулся на свое прежнее место – к перилам – допивать виски.

Глебов и миссис Макдауэлл смотрели друг на друга. Наконец пожилая дама наклонилась к нему и произнесла так, чтобы не слышали ни Макфлай, ни Ламерье:

– Считаете себя умнее всех?

---

¹⁴⁵ Роял-флаш (англ. «королевская масть»), или «Роял-флэш», «Флэш-роял» – один из вариантов стрит-флэша, состоящий из комбинации пяти карт одной масти (туз, король, дама, валет, десять). Данная комбинация часто выигрышная.

– Услуга за услугу. Ведь вы мне не откажете в услуге, миссис Макдауэлл? – сказал Алексей столь же тихо. Затем сокрушенно произнес, чтобы слышали все: – Это непостижимо, но вы вновь обыграли меня, миссис Макдауэлл!

К столу вернулся Ламерье и посмотрел на Алексея.

– И что теперь? Вы продолжите игру?

Но Глебов не успел что-либо ответить – миссис Макдауэлл тяжело поднялась, опираясь на трость:

– Не забывайте, господа, я пожилая дама. Никакой игры сегодня, я хочу отдохнуть.

Она покидала выигранные деньги в свой ридикюль, пожелала всем доброй ночи и, опираясь на свою трость, отправилась к выходу.

Алексей устало провел рукой по волосам и посмотрел на Ламерье.

– В скором времени я получу довольно приличную сумму денег, мистер Ламерье. И сразу же верну вам долг.

Тот сухо улыбнулся:

– Не сомневаюсь, мистер Астер. – Он отсалютовал ему бокалом и направился к выходу.

Глебов налил себе виски и сделал глоток.

Приблизившись, Макфлай с прищуром посмотрел на него, недоумевая по поводу произошедшего, затем вежливо произнес:

– Спокойной ночи, – и удалился.

Алексей вновь отпил из бокала. Итак, дело сделано. Каж-

дый из присутствующих сегодня в той или иной мере проявил свою суть. И каждый получил то, что хотел.

* * *

США, Портсмут

Конференция зашла в тупик и оказалась на грани срыва. Ее участники дважды укладывали и раскладывали чемоданы.

Смит не заставил себя ждать и явился к российскому уполномоченному.

– Как это понимать, господин Витте?

– Мне нужно еще время. Российский император не согласился с предложениями японцев, заявив, что Россия не может признать себя побежденной. Япония же хочет, во что бы то ни стало, получить контрибуцию¹⁴⁶ и поэтому склонна продолжать проливать кровь. Барон Комура высказал мнение, что продолжать переговоры нет смысла. – Витте хлебнул воды из стакана. Затем обратился к Смицу: – Если уж вы действуете в интересах Японии, поспособствуйте и окажите на них влияние. Японцы нагнетают обстановку и торопят события. Когда у меня будет достаточно времени, я смогу убедить императора пойти на уступки.

Смит молчал, задумчиво пережевывая жвачку. Затем посмотрел на Витте:

---

¹⁴⁶ Контрибуция – платежи, налагаемые на побежденное государство в пользу государства-победителя.

– О'кей. У вас два дня.

Он провел ладонями по вискам, встал и вышел.

* * *

США, Ойстер-Бей

Глебов направлялся в свой номер. Дело осталось за малым, но наиболее опасным – выкрасть документы и вовремя смыться. Хотя это «самое малое» и доставляло Алексею огромное удовольствие – азарт охватывал все его существо, мозг работал с молниеносной быстротой. В Сагамор-Хилл будет бал, устраиваемый дочерью президента, и он надеялся, что ему удастся сработать слажено, прежде чем его объявят женихом «вашингтонской принцессы» – а именно это, по мнению Алексея, планировала сделать своевольная Элис в разрез желанию своего отца.

Он открыл дверь номера и уже на пороге почувствовал чье-то присутствие.

– Закройте дверь, – услышал он ломанный английский и повернулся на голос. Крупного телосложения азиат с квадратным лицом держал его на прицеле. Глебов неторопливо закрыл дверь. Тот кивком указал ему пройти вглубь комнаты, Алексей подчинился.

Послышались шаги, и из соседней комнаты вышел... Ламерье.

– Добрый вечер, мистер Астер, – сказал он с усмешкой. От былого рассеянного любителя флоры и фауны не осталось и

следа.

– Добрый... Пришли получить с меня долг?

– Сядьте. – Огюст указал на стул.

Алексей сел, посмотрел на азиата, засовывающего оружие за пояс, затем на Ламерье.

– Вы хотите денег?

– Мы хотим предложить вам продать нам документы, мистер Астер.

– Документы? Какие документы?

– Те, которые вы подрядились выкрасть у Тэдди¹⁴⁷. – Ламерье наблюдал за реакцией Алексея. – Вот видите, мы все знаем. Мистер Глебов.

Его ухмылка была холодной и недоброй. Неожиданно Алексей сорвался с места, сбил с ног Огюста, но азиат одним быстрым ударом опрокинул его на пол.

– Глупо, – заметил Ламерье, склоняясь над хватающим ртом воздух Глебовым.

Алексей и сам так думал. С трудом дыша, он безмолвно указал на стул, испрашивая разрешения сесть, Огюст кивнул, и Алексей вернулся на прежнее место.

Ламерье на японском бросил пару фраз азиату, тот кивнул и переместился за спину Глебова. Алексей напряженно сглотнул.

– Продолжим, мистер Глебов? – Ламерье скрестил руки на груди и свысока посмотрел на него.

---

¹⁴⁷ Прим. автора: Прозвище Т. Рузвельта.

– На кого вы работаете, Ламерье?

Тот усмехнулся:

– А разве непонятно?

– В прошлый раз вот тот, – Алексей кивнул в сторону азиата, – был с германским агентом Эрихом Швайгером.

Ламерье усмехнулся:

– Германия оказалась ненадежным партнером. Ее интересы изменились...

– Вы – француз...

– Я двадцать пять лет прожил в Японии! – резко заметил Ламерье. – Япония стала моей родиной. Я верно служу императору Мэйдзи¹⁴⁸. Я сделаю все, чтобы отстоять честь и достоинство своей страны. – Он склонился над Глебовым, оперевшись руками о подлокотники стула. – Мы считали вас мертвым, мистер Глебов. Вы ловкий обманщик и вор. Витте нанял вас выкрасть для него документы, так?

– Д-а, – нехотя ответил Алексей.

– Мы заплатим вам больше.

Глебов молчал. Ламерье взглянул на азиата, и Алексей почувствовал, что тот вплотную приблизился к его стулу. По спине неволью побегали мурашки. Глебов встревоженно посмотрел на Ламерье:

– Но у меня нет документов, о которых вы говорите.

---

¹⁴⁸ Император Мэйдзи (Муцухито) (1852, Киото, Япония – 1912, Токио, Япония) – император Японии, взошедший на престол в 1867 г. В период его правления Япония прошла через политическую, социальную и индустриальную революции и стала одной из сильнейших держав.

– Но вы ведь их хотите добыть? Вам останется только продать их нам, как только вы их получите. Итак?

– Я хочу задаток.

Ламерье смерил его насмешливым взглядом:

– Вы его получили.

– Те, что я проиграл старой ведьме? Но этого мало!

Алексей был весьма убедителен в своей корысти, так что Ламерье презрительно сморщился. Он вынул толстую пачку банкнот и бросил ему на колени:

– Этого хватит сполна. После работы мы заплатим вам в два раза больше.

Глебов взял деньги и, отогнув краешек пачки, прошеле-стел купюрами, ловко их подсчитав. Удовлетворенно кивнул, затем нагло посмотрел на Огюста:

– Деньги действительно мне не помешают.

Ламерье вновь наклонился к нему:

– Хорошо. Но имей в виду, если ты захочешь нас обмануть, то...

Удавка, накинутая азиатом, сдавила Алексею шею, он стал задыхаться, попытался ослабить... Японец столь же неожиданно освободил его.

Ламерье сухо спросил:

– Мы все вам понятно объяснили?

Глебов кивнул, потирая горло.

– Понятней некуда, – просипел он.

– Хорошо. У вас два дня.

Ламерье произнес это столь категорично, что Алексей даже не попытался оспаривать сроки. К тому же оба непрошенных гостя уже покидали его номер.

_ 34

* * *

США, Портсмут

Когда в очередной раз явился Смит, Витте без слов протянул ему секретное письмо, прибывшее из Петербурга.

– Ознакомьтесь. Здесь ответ императора. В виде крайней уступки Его Императорское Величество соглашается на уступку японцам занятой ими южной части Сахалина. Однако император настаивает, чтобы японцы обязались не укреплять ее, а северную половину оставить во владении России без какой бы то ни было уплаты за это денежного выкупа.

Смит, ознакомившись с письмом, отложил его в сторону.

– А вот еще одно сообщение. – Витте развернул его и прочел дословно: – «Настаивать же на других денежных обязательствах напрасно. Его Императорским Величеством сказано последнее слово, и от него Государь ни за что не отступит... По Высочайшему повелению вы уполномочены передать завтра японским делегатам ответ России». – Он протянул письмо Смицу. Тот мельком взглянул на содержание, затем посмотрел на Витте.

– И что из того? – произнес он равнодушно. – Вы должны выполнить свою часть сделки, вот и все. Больше меня ничего

не волнует. Все остальное – ваши проблемы.

– Я ни от чего не отказываюсь, мистер Смит. Я всего лишь ввожу вас в курс дела, дабы избежать поспешных действий с вашей стороны.

Смит хмыкнул, а Витте продолжил:

– Посланник Японии в США Такахира¹⁴⁹ еще не получил ответа из Токио, а потому просил назначить заседание не завтра, а послезавтра. Думаю, что российский император это известие воспримет с негодованием и даже заявит, что предпочтет продолжать войну, нежели дожидаться милостивых уступок со стороны Японии.

– Ваш император настолько неблагоприятен?

Витте поморщился:

– Я вам этого не говорил. Но я смогу убедить его. Нужно только время.

– Переговоры не могут идти вечно. Через два дня на конференции вы должны согласиться с условием Японии о выплатах контрибуции. Вам понятно?

Витте молчал, опустив глаза и смотря на свою руку, пальцы которой вдруг невольно сжал в кулак.

– Да, – наконец ответил он. Смит встал с места и вышел.

* * *

---

¹⁴⁹ Такахира Когоро (1854, префектура Ивате – 1926) – японский дипломат. Посланник Японии в Нидерландах, Италии и Австро-Венгрии (1892-1899 гг.), в США (1900-1905 гг., 1908-1909 гг.); посол в Италии в 1907-1908 гг.

США, Ойстер-Бей

Ночью, когда вся гостиница погрузилась в глубокий сон, Глебов выскользнул из своего номера и прокрался к двери миссис Макдауэлл. Дверь она оставила отпертой, как просил ее Алексей в записке, которую он ей подбросил ранее.

Пробравшись в ее номер, бесшумно закрыл дверь и тут же почувствовал острие на своей шее.

– Миссис Макдауэлл, – произнес он.

– Старая ведьма, – ответила она и включила свет. Алексей взглянул на острие. Как он и думал, в ее трости оказался встроенный наконечник, острый как бритва. Он посмотрел на пожилую даму и осторожно попытался отодвинуться от острия.

– И как вы умудрились услышать эту фразу?

– «Старая ведьма»? – Макдауэлл слегка надавила на трость.

«Что за напасть! Почему все так и норовят добраться до его горла?!»

– Уберите, пожалуйста.

– С какой стати?

– Вы же не хотите меня убить?

– Почему бы и нет. Если непрощенный гость не впервой проникает в ваш номер, возникает такая мысль.

– Вы тоже считаете меня вором?

Дама рассмеялась:

– Я считаю тебя дураком. Но они еще глупее! – Она убрала

трость от шеи Алексея. – Не пытайся делать резких движений, мальчик, – предупредила она и цыкнула. Султан в один момент оказалась рядом и зарычал на Алексея. – Моя собака вцепится тебе в горло и отпустит только тогда, когда ты перестанешь дышать.

Глебов взглянул на Султана. У него не было сомнений, что собака способна выполнить такой приказ хозяйки, несмотря на то, что он вбухал в псину кучу бифштексов и выводил на прогулку.

– Иди вперед.

Когда они оказались в комнате, и пожилая дама зажгла свет, Алексей обернулся. Миссис Макдаэлл стояла перед ним, опираясь на свою трость с инкрустированным набалдашником, и взирала на него сквозь полуопущенные веки. Султан уселся возле двери.

– Итак, что тебе нужно?

– Позвольте? – Алексей без резких движений вынул из внутреннего кармана деньги – половину той суммы, что ему передал Ламерье. Положил их на край столика. – Мне нужна ваша помощь.

– С какой стати я должна тебе помогать?

– Как вы правильно заметили, я уже бывал в вашей комнате, миссис Макдауэлл. И обнаружил очень интересную вещь. Ваш перстень в виде змейки с изумрудными глазами.

– И что с того?

– Этот перстень принадлежал Пандоре, которого я очень

уважал.

Миссис Макдауэлл молча смотрела на него некоторое время, будто оценивала.

– Не знаю никакого Пандору, – ответила она.

Алексей усмехнулся:

– Пандора – король воров, лучший из лучших. Никто не мог украсть у него перстень. И если это кому-то удалось бы, он стал бы королем воров вместо Пандоры. Или королевой. Позвольте оказать вам свое почтение, моя королева. – Алексей преклонил колено.

– Я была о тебе лучшего мнения! – услышал Глебов раздраженный голос пожилой дамы и, подняв голову, посмотрел на нее снизу вверх. Она сердито стукнула тростью по полу и направилась к креслу. Собака насторожено уставилась на них. Алексей кинул взгляд на Султана и тот положил голову на лапы.

– Теперь я поняла, кто ты! Ты тот кретин, который двенадцать лет тому назад украл у Пандоры перстень, а потом вернул его обратно. И вот теперь ты вновь умудрился взять перстень в руки и вновь положить на место! – Она снова зло ударила тростью о пол и цыкнула на оскалившегося на гостя пса.

– На что вы сердитесь, моя королева? – улыбнулся Глебов. – Вам стала в тягость ваша корона?

– Шутить вздумал?

– Нет.

– Встань. Сядь в кресло.

Алексей выполнил ее распоряжение. Макдауэлл некоторое время молчала, смотря на Глебова и что-то обдумывая.

– Ты – мальчишка, но мне нравишься, – сказала она. – Почему же ты не хочешь быть коронован?

Алексей вздохнул и честно ответил:

– Это большая ответственность, которая связала бы меня по рукам и ногам. Вы ведь меня понимаете?

– Да, понимаю. Но я стара. И опасаясь, что перстень может оказаться в руках недостойного его.

– Я не достоин.

– Не тебе решать! – рявкнула дама.

– Но я действительно его не достоин. Перстень не должен оказаться в России. А Россию покинуть я не хочу.

Макдауэлл молчала. Наконец произнесла:

– Ладно. – Поджала губы. – Теперь говори, что тебе надо?

– У меня к вам дело. Барыш – пополам.

– Продолжай...

* * *

Сагамор-Хилл наполнялся прибывающими гостями. Глебов прохаживался среди гостей, изредка попивая из своего бокала. Время шло. Пора действовать. Где же Элис?

– Куда же вы от меня спрятались, Густав? – Элис оказалась рядом. Алексей вздрогнул от неожиданности, обернулся к ней.

– О, вы пролили на себя вино! – воскликнула она. Глебов посмотрел на свою рубашку.

– Да. Точно, – ответил он и попытался платком промокнуть алое пятно на белой ткани.

– О, как же это неприятно!

– Не переживайте, Элис. Ничего страшного.

– Как ничего страшного? Как же вы предстанете перед гостями? Вам нужно срочно переодеться. Пойдемте, я все устрою. – Она потащила Алексея за рукав из гостиной, проводила в ванную комнату на втором этаже.

– Ждите здесь. Я принесу вам другую рубашку. Ждите.

Глебов поймал ее за ручку:

– Вы прекрасно выглядите, Элис.

– И вы хотите поцеловать меня? – прошептала она, улыбаясь.

– Несомненно. – Глаза Алексея остановились на ее губах. – Но я боюсь размазать вашу помаду.

Элис рассмеялась:

– Лучше я вернусь к гостям, мистер Астер.

– А как же рубашка?

– Я пришлю к вам кого-нибудь из слуг.

Глебов вздохнул:

– Вы разбиваете мне сердце!

Элис вновь рассмеялась. Затем приблизилась к Алексею вплотную и прошептала:

– Через пятнадцать минут я буду ждать вас в саду. При-

ходите.

Она кокетливо улыбнулась и выпорхнула из ванной комнаты.

Убедившись, что Элис ушла, а коридор пуст, Глебов быстро прошел к кабинету президента. Ключом – дубликат он сделал заранее – открыл дверь, вошел и аккуратно прикрыл ее за собой. Не зажигая свет, двинулся к стене с тайником, снял картину. Принялся за дело. Вскрыл сейф. Быстро осмотрел содержимое. Нужных документов внутри не оказалось. Алексей чертыхнулся. Но они ведь точно были здесь! Неужели Рузвельт уже передал их своему человеку?

Глебов закрыл сейф, вернул картину на место, и, проводя рукой по волосам, осмотрелся. Затем принялся обыскивать стол. Вскрыть отмычкой простейший замок не составило труда.

В столе, среди прочих бумаг, он обнаружил конверт, подписанный «От мистера Смита», который его заинтересовал. К счастью конверт был вскрыт, и не пришлось заморачиваться по поводу того, чтобы не оставить после себя следов. Внутри оказалась квитанция от сего дня, в которой указывалось, что на вокзале Нью-Йорка была арендована камера хранения. На обороте подпись рукой «Дело сделано. Ждем указаний».

Алексей задумчиво потер подбородок. Документы должны быть там. Возможно они там. Он вернул квитанцию и конверт на прежнее место, запер замок. Затем убедившись,

что оставил все как прежде – до своего прихода, осторожно выглянул в коридор. Из ванной комнаты, где должен был находиться в данный момент Алексей, вышла Мэри с чистой рубашкой в руках. Она хлопнула дверью и зашагала по коридору, сердито поджав губы. Когда она стала спускаться по лестнице, Глебов выскользнул из кабинета, повернул ключ в замке и, обернувшись, столкнулся с Мэри.

– Что вы здесь делаете?

– Конечно же, жду вас, Мэри, – улыбаясь, Алексей сделал шаг к ней.

Мэри отступила на шаг назад. После того, как он стал встречаться с Элис, с Мэри он порвал отношения – за это она его недолюбливала. Поэтому презрительно произнесла:

– Вы роетесь в чужих комнатах?

Алексей рассмеялся, оперевшись рукой о стену рядом с ее головой. Затем наклонился к ее лицу:

– Ты хочешь сказать, что я вор? – спросил он завораживающим тоном. Взял ее за кисть, прижал к своей груди: – Тогда обыщи меня. Может быть, что-то найдешь...

– Ну нет... – Она не успела закончить, Глебов припал к ее губам, опалив их жарким долгим поцелуем.

Мэри сдалась очень быстро, обхватила его за шею, крепко прижавшись к нему всем телом. Целуя девушку, Алексей, тем не менее, слышал шаги на лестнице. Скандальчик – то, что сейчас надо!

Мэри первая оттолкнула Глебова, заметив кого-то за его

спиной, отвесила пощечину и бросилась бежать.

Потирая щеку, Алексей обернулся и увидел перед собой Элис и ее отца. На лице президента отразилось торжество, лицо же его дочери было бледным, губы плотно сжаты, а глаза предательски блестели от навернувшихся слез. Но Элис к чести взяла себя в руки, высоко вздернула подбородок и высокомерно произнесла:

– Мистер Астер, вы не желанный гость в этом доме.

Она отступила в сторону, давая ему проход. Отец в знак поддержки сжал ее руку.

Алексей сделал шаг к лестнице, на мгновение остановился рядом с девушкой, но сдержался от извинений, и пошел прочь. Не время для сантиментов...

Рузвельт нагнал Глебова, когда он вышел из дома.

– Преподобный¹⁵⁰!

Алексей обернулся. Рузвельт сбежал по ступенькам и быстрым размашистым шагом приблизился к нему.

– Мистер президент?

Рузвельт протянул ему конверт:

– Примите в знак благодарности.

Глебов лишь кинул взгляд на конверт:

– Не стоит, мистер президент. Я поступил так, как и обещал вам при нашей первой встрече.

– Однако вам пришлось поступиться принципами, препо-

---

¹⁵⁰ Прим. автора: «Преподобный» – одно из возможных устных обращений в США к любым христианским священнослужителям.

добный...

Алексей прервал его:

– Элис – хорошая девушка. Я надеюсь, что не напрасно уступил вашим уговорам.

– Горькое разочарование послужит для Элис уроком, и она не будет столь опрометчива, – сухо ответил Рузвельт. – Здесь чек, преподобный. Для вашего будущего прихода – существенная материальная помощь.

– Я не могу принять.

Рузвельт помолчал:

– Ну что же, – он убрал конверт в карман, – прощайте.

– Прощайте, мистер президент.

* * *

Коляска, в которой сидел Глебов, выкатила за пределы владений Сагамор-Хилл и устремилась в сторону гостиницы. Возничий, которого приставил к Алексею Ламерье, должен был проследить за его возвращением – Огюст опасался, что Глебов скроется, заполучив документы.

Возница всю дорогу молчал. Да и Алексею не было до него никакого дела. Он задумчиво смотрел на пробегающую под колесами дорогу.

Тот первый день знакомства с президентом оказался для Глебова удачным. Рузвельту уже предоставили сведения о нем, так что пришлось и дальше играть роль священника. Президент сам попросил его оказать ему услугу, а получив

отказ, не погнушался пойти на шантаж. Все сложилось как нельзя лучше, и Алексей успешно исполнил свою роль. Однако документы все еще не были в его руках.

Мысли Алексея переключились на квитанцию, которую он обнаружил в кабинете президента. С огромной долей вероятности документы находятся в привокзальной камере хранения Нью-Йорка, и необходимо, как можно быстрее, их оттуда забрать. Жаль, что не удалось обнаружить ключ. А еще, его ожидало дело в гостинице. Вот только нужно до нее добраться...

Когда их коляска, мчащаяся по проселочной дороге, преодолела открытую местность и въехала в лес, впереди показался всадник. Ехал он неторопливо. Вначале Глебов не узнал его, когда же седок приблизился ближе, Алексей понял, кто это. Макфлай лениво улыбался, в знак приветствия поднял руку. Их взгляды встретились...

– Гони! – крикнул Глебов возничему. – Гони, черт возьми!

Однако было поздно – Макфлай резко поднял правую руку, в которой оказалось оружие, и выстрелил.

Возничий замертво рухнул с повозки на землю. Лошади испуганно заржали, затопав копытами на месте, однако не понесли.

– Без глупостей! – предупредил Макфлай, целясь в Алексея.

– У меня нет оружия, – Глебов настороженно покосился на направленное на него дуло револьвера.

– Слазь!

Алексей подчинился.

– Руки!

Он поднял руки.

– Отдай документы.

– У меня нет документов.

– Где они?

Алексей молчал.

– Ну?

– Не вижу смысла говорить. Если скажу, ты меня убьешь.

Макфлай бесстрастно смотрел в глаза Глебова, затем сухо произнес:

– Ты создаешь проблемы, Астер. Однако нет человека, нет проблем.

Он нацелился в голову Алексея. Раздался выстрел, заставивший Алексея вздрогнуть. Макфлай, сраженный пулей неизвестного стрелка, рухнул на лошадь. Испуганное животное встрепенулось и кинулось прочь, унося мертвого седока.

Глебов присел и огляделся. Никого. Установившаяся тишина сменилась чириканьем птиц и шелестом листвы деревьев.

Алексей еще раз осмотрелся, затем вскочил в коляску и пришпорил лошадей.

* * *

Вернувшись в гостиницу и убедившись, что за ним не сле-

дят, Алексей первым делом побывал у миссис Макдауэлл, затем прошел в свой номер и стал быстро скидывать вещи в чемодан.

Вскоре в его комнату постучали. Глебов не торопился открывать. Вынул из чемодана револьвер, проверил патроны в барабане, засунул оружие за пазуху.

В дверь вновь настойчиво постучали. Алексей открыл. На пороге возникли Ламерье и его угрюмый помощник.

– Ну наконец-то! – с нетерпением обратился Ламерье к Алексею. Затем вошел в комнату, за ним следом японец.– Принесли?

– Прежде всего, я хотел бы получить деньги, – ответил Глебов бескомпромиссно.

Ламерье кивнул помощнику и тот, достав из внутреннего кармана пачку плотно перевязанных банкнот, протянул их ему.

Ламерье помахал ими перед Алексеем:

– Бумаги.

– Всею свое время. – Алексей взял пачку, снял ленту, выбросил ее и не торопливо стал считать деньги. Затем кивнул:

– Да, все правильно. – Он быстро убрал деньги в карман.

Ламерье схватил Глебова за руку:

– Документы?

Алексей улыбнулся:

– Все в порядке. Я оставил их на сохранение у портье.

Идемте.

Ламерье и японец перекинулись взглядами.

Глебов подхватил чемодан и пояснил:

– Съезжаю.

Все втроем вышли в коридор и спустились по лестнице вниз. Портье на месте не оказалось. Алексей позвонил в колокольчик.

Через некоторое время вышел портье, заискивающе улыбаясь.

– Приятель, я оставил у вас небольшой сверток на хранение. Неси его. – Глебов протянул портье купюру. Тот ловко ее подхватил и мгновенно засунул в свой карманчик. Затем ушел в подсобку. Пришлось вновь ждать. Алексей взглянул на своих «сопровождающих», изобразил искусственную улыбку. Молча дождались возвращения портье, который вынес небольшой серый сверток и положил его на стойку.

Алексей протянул его Ламерье. Тот взял его, надорвал упаковку.

И тут началось движение – в холле появились полицейские, кинулись в их сторону.

– Мистер Астер? – обратился один из полицейских к Алексею. Ламерье и азиат отступили в сторону.

– В чем дело? – Глебов проявил недовольство.

– Как хорошо, что вы вовремя явились! – возвестила о своем приходе миссис Макдауэлл, спускаясь по лестнице и стуча своей тростью по застеленным ковровой дорожкой ступеням. – Иначе этот негодяй скрылся бы с моими драгоцен-

ностями!

Полицейские стали обыскивать Алексея.

– По какому праву?! – возмутился он.

Один из полицейских вскрыл его чемодан. И вот они нашли то, что искали. На дне чемодана находился мешочек, в котором оказались драгоценности пожилой дамы.

– Да, да! Они! – воскликнула она и от радости и облегчения даже прослезилась.

Полицейские скрутили Глебова.

– Мне их подкинули! Это произвол! – кричал он, когда его поволокли к выходу. Прихватили и его чемодан. Миссис Макдауэлл следовала за ними, проклиная подлого обманщика и вора.

Ламерье из окна наблюдал, как полицейские посадили Глебова в повозку, в которую помогли сесть и миссис Макдауэлл.

Когда они уехали, Ламерье отошел в сторону, облегченно вздохнул. Хорошо, что легавые не связали его с Глебовым как соучастника. Вора арестовали, но важно то, что документы теперь у них.

Ламерье вскрыл пакет и.., разразившись гневными тирадами, швырнул его на пол. На паркете рассыпались его собственные зарисовки цветов и бабочек, которые он на днях потерял...

* * *

Повозка подъехала к вокзалу и остановилась. Алексей посмотрел на миссис Макдауэлл, передал ей часть денег. Один из мнимых полицейских подал Глебову его чемодан.

– Прощайте, миссис Макдауэлл, – сказал Глебов и запечатлел на ее руке поцелуй. Затем соскочил с повозки.

– Будут идеи, обращайся, – сказала она и дала знак своим людям трогать.

* * *

США, Нью-Йорк

Глебов вышел на Нью-Йоркской станции и направился в здание вокзала. Осмотревшись и оценив ситуацию, он поправил галстук, застегнул плащ на все пуговицы, и затем твердой походкой заправского военного направился к камерам хранения. Подойдя к железной двери нужной ему камеры, Алексей засунул руку в карман в поисках несуществующего ключа, затем в другой карман, но безрезультатно. Он повернулся в сторону дежурящего возле камер хранения охранника и, насупив брови, решительной походкой военного направился к нему. Охранник, как Глебов правильно определил – бывший военный, завидев мнимого «генерала» выпрямился и одернул китель. По его выправке Алексей понял, что произвел положительное впечатление.

– Извини, солдат, что приходится беспокоить, – твердо сказал он, подойдя к держащему руки по швам охраннику, и продолжил, чеканя каждое слово: – Произошла оказия. До

отправления поезда осталось пять минут. Только что объявили. Я пришел за своим пакетом и тут обнаружил, что в моем кармане дырка, ключ выпал и потерялся. А в пакете командировочное удостоверение и документация из министерства. Прошу помочь мне, так как времени осталось совсем мало.

Под уверенным и пристальным взглядом мнимого «генерала» охранник оробел, чувствуя себя виноватым в случившемся, и, как только Глебов закончил свою речь, он позвал работника вокзала в униформе и они проследовали к камерам хранения. Когда работник вокзала открыл ключом нужную дверцу, охранник извлек – к счастью пакет, а не что-то иное – из ячейки. Он приоткрыл рот, желая что-то сказать, но в этот момент Глебов поднял правую руку, согнутую в локте, и тут же выпрямил ее, чем акцентировал значение поступка бывшего солдата. Тот посмотрел на его ладонь, направленную для рукопожатия, и инстинктивно протянул свою. Когда их руки соединились, охранник почувствовал хруст новенькой банкноты в своей руке.

– Большое спасибо за оперативность, – сказал Глебов.

Высвободив свою руку, он потянулся за пакетом. Охранник, испытывая противоречивые чувства по поводу долга и полученного четвертака, протянул пакет Алексею и промолвил:

– Честь имею быть вам полезным.

Глебов, резко кивнув головой, по военному цокнул каблук-

ками, и зашагал к выходу. Он уже видел в стеклянном оконце двери лицо приехавшего на встречу Самойлова, когда услышал за спиной чей-то голос:

– Остановитесь, сэ...р...

_ 35

* * *

США, Портсмут

Ночью Витте не спал. Самое ужасное состояние человека, находящегося награнице провала. Если Глебову не удастся выкрасть документы, то все усилия окажутся напрасными. Неужели он переоценил его? Лично его убеждали, что Алексей в этом деле будет лучшим. Но так ли это? Ждать было невыносимо тяжело. Витте привык контролировать ситуацию, а здесь всецело приходилось положиться на Алексея – авантюриста и игрока. Самойлов, который должен был принести вести, не появлялся.

Витте вышел на балкон и вдохнул ночной воздух. С моря наносило легким бризом и морской свежестью. Он так устал. Ночь стала кошмаром. Витте взглянул на месяц и... стал молиться.

* * *

Утро наступило, как казалось, очень быстро. Самойлов так и не появился. Витте с тяжелым сердцем стал собираться

в адмиралтейство на заключительную встречу. Такой провал ему не простят.

Витте поправил галстук и взялся за шляпу. С минуту подержал ее в руках и когда уже собрался надеть, в дверь постучали.

– Войдите, – с замиранием сердца сказал он. Дверь открылась, и на пороге возник уставший, но спокойный Самойлов. Витте выдохнул.

– Вы вовремя. Докладывайте, – сказал он, когда полковник вошел в его апартаменты.

Самойлов сдержанно улыбнулся.

– Все в порядке, – он на ходу вынул из внутреннего кармана перевязанную стопку писем и протянул Витте.

– Слава Богу, – выдохнул уполномоченный, беря документы. – Вы добрый вестник, господин Самойлов.

– Вы знаете, Сергей Юльевич, кого нужно благодарить. Как человек разведки я впечатлен его методами работы. Нам таких людей не хватает.

– Да. Но он птица не нашего полета... Что же, пора ехать! – Витте залихватски надел шляпу. – Это конечно не поле боя, к каковым вы привыкли, но мы сегодня разобьем японцев!

* * *

США, Нью-Йорк

Глебов стоял на пирсе и, задрав голову, смотрел на чаек,

летающих в облачном небе. Итак, мир состоялся. Состоялся на тех условиях, которые выдвигал Витте.

Алексей засунул руки в карманы брюк. Ему так и виделось – делегация выезжает из адмиралтейства и отправляется в церковь. По всему пути их встречает толпа американцев и приветствует. «Шоу» подходит к концу. Вся публика стремится пожать русским напоследок руки – зрелище, длившееся несколько дней, доставило им массу удовольствия. Чего стоит господин Витте, который привлек их внимание и затмил президента Тедди!

– Весь мир театр, а люди в нем актеры, – процитировал Шекспира Алексей. – Точнее не скажешь.

Насвистывая веселый мотивчик, Алексей зашагал по пирсу.

* * *

Глебов не стал торопиться покидать Соединенные штаты, предпочитая отсидеться, пока все не утихнет. Ведь, возможно, его караулили в порту. Поговаривали, что и на Витте, который отправился путешествовать по Америке, готовится покушение со стороны японцев, поэтому американское правительство усилило для него охрану. Алексей же предпочел не встречаться с Витте до возвращения в Россию.

Глебов несколько дней провел в столице штатов Вашингтоне, затем вернулся в Нью-Йорк. Слежки за собой он не наблюдал.

Поселившись в одной из лучших гостиниц Манхэттена¹⁵¹, Алексей побродил по его улицам и ознакомился с его особенностями. Манхэттен являлся центром Нью-Йорка, в нем сосредотачивались улицы, олицетворявшие всю суть той или иной стороны американской действительности. Уолл-стрит – был средоточием финансовой жизни, Пятая авеню – символом престижа и дорогих магазинов, Седьмая авеню – центром американской моды, Бродвей¹⁵² – театральной жизни и американской индустрии развлечений. В Гринич-Виллидже¹⁵³ проживало много известных людей, а Гарлем¹⁵⁴ был известен национальной пестротой – здесь селились бедные еврейские и итальянские эмигранты, негритянские общины. Многие «белые» были недовольны тем, что после спада на рынке жилья с прошлого года в Гарлем потянулись чернокожие не только из окраин Нью-Йорка, но и из южных штатов США. Ситуация с правами чернокожих американцев оставалась напряженной... Были здесь и опасные бандитские трущобы, такие как Малберри Стрит¹⁵⁵ и Нижний

---

¹⁵¹ Манхэттен – историческое ядро города Нью-Йорка.

¹⁵² Бродвэй – самая длинная улица Нью-Йорка, протянувшейся через весь Манхэттен, Бронкс и далее на север через небольшие городки.

¹⁵³ Гринвич-Виллидж (Гринич-Виллидж, Виллидж) – квартал на западе Нижнего Манхэттена.

¹⁵⁴ Гарлем – район в северной части Манхэттена.

¹⁵⁵ Малберри-стрит (букв. Шелковичная улица) – одна из улиц Нижнего Манхэттена (Нью-Йорк), центральная улица «Маленькой Италии».

Ист-Сайд¹⁵⁶, населенные иммигрантами, беднотой и отбросами общества. Здесь орудовали банды, творящие беспредел...

В первый же день своего проживания в гостинице Глебов познакомился с весьма эксцентричной богатой американкой Дженни Меллон, которая предложила ему свою компанию для «совместного бесшабашного времяпрепровождения». С ней он посетил лучшие увеселительные места Нью-Йорка, в том числе и шумные вечеринки богатых снобов.

За день до запланированного отъезда из Америки, Дженни Меллон пригласила его на «пафосный благотворительный вечер» на яхту Морганов.

Гостей было немного, пару раз Алексей замечал Витте, но оба делали вид, что не знают друг друга. Дженни где-то пропала, а Глебов с равнодушным видом наблюдал за происходящим. В какой-то момент его внимание привлек худошавый мальчишка-официант, который крутился рядом. Юнец уронил бокал и разлил воду на его столик.

– Прошу прощения, сэр, – пробормотал он растерянно и посмотрел на Алексея покрасневшими от слез глазами. Плакал?

– Все нормально, – ответил Глебов, и мальчишка быстро стерев жидкость с поверхности, наполнил бокал водой и удалился.

---

¹⁵⁶ Нижний Ист-Сайд – район в юго-восточной части Манхэттена. Традиционно был иммигрантским, рабочим районом.

Алексей выпил вина, продолжая рассеянно слушать вернувшегося за столик соседа. Он окинул ленивым взглядом гостей и его внимание вновь привлек худощавый длинный как шпала мальчишка. Тот осматривался по сторонам, явно кого-то ожидая.

Вскоре на палубе появились отец и сын Морганы и разместились за столиком неподалеку. В следующий момент юнец оказался возле них.

– Сэр! Мистер Морган! – позвал он. Морганы, которых паренёк оторвал от беседы, недоуменно уставились на него. Джон Морган обернулся к своему отцу и пожал плечами.

– Сэр, я Гарри, иногда работаю на вашей яхте, – пояснил мальчик, заикаясь от волнения.

Морган-старший кивнул и нахмурился.

– Сэр, прошу вас, помогите, сэр! Моя мать больна, сэр! Ей необходимо лечение!

– Такова жизнь, мальчик, – ответил Морган, лицо которого стало непроницаемым. Он сделал жест рукой, как будто отмахивался от назойливой мухи и повернулся к своему сыну, чтобы продолжить прерванный разговор.

– Умоляю вас, сэр! – взмолился юнец.

Морган-старший окинул его раздраженным взглядом, между тем как младший с любопытством смотрел на докучливого мальчишку.

– Если нужны деньги – заработай их, но никогда не попросайничай! – ответил Морган категоричным тоном. – А

теперь уйди, пока я тебя не уволил!

Морган-младший с усмешкой взглянул на юнца, и мужчины вновь вернулись к своей беседе. Официант постарше оттащил подростка за рукав в сторону, затем отчитал за неподобающее поведение.

Прошло полчаса, за столик вернулась Дженни и сообщила, что прибыла Элис Рузвельт в компании кавалера. Глебов попросил Дженни избавить его от знакомства с подругой, но было уже поздно – к их столику шла дочь президента, о чем-то весело беседуя с молодым респектабельным мужчиной. Но тут Элис увидела Алексея и на мгновение опешила. Он поднялся. Лицо ее стало непроницаемым холодным, когда Дженни представила их друг другу.

– Мы уже знакомы, – сказал Алексей, с легкой усмешкой смотря на дочь президента.

Дженни удивленно посмотрела на Элис.

– Да, мы знакомы, – холодно подтвердила она, затем с язвительной улыбкой посмотрела на подругу, – Сочувствую тебе, моя дорогая, этот господин чрезмерно увлекается слушанками.

Дженни открыла рот, он превратился в довольно милую буковку «о», Элис же с презрительной усмешкой посмотрела на Алексея, взяла своего приятеля под руку и направилась в другую сторону. Глебов рассмеялся, поцеловал ручку ошарашенной Дженни и усадил ее рядом с собой.

– Что это было? – прикрыв ротик ладошкой, спросила она,

уоставившись на Алексея.

– Понятия не имею, – ответил он.

– Наша принцесса не в духе? – Дженни повела плечиками, затем лукаво спросила: – Ты действительно увлекаешься служанками?

Глебов рассмеялся, откидываясь на спинку стула, а Дженни продолжила:

– У меня, конечно, есть служанки. Две пигалицы – престарелые девы, две дамы пожилого возраста, три негритянки. Есть вообще-то симпатичные мужчины-слуги... не интересуешься?

– Нет уж, уволь, – ответил Алексей. Кто, кроме американок может так по-хамски предложить ему связь с женщиной? – Раз у вас, моя дорогая, такой скудный выбор, предпочту воздержаться, – ответил он и наклонился вперед, – оставьте мужчин-слуг себе.

Дженни фыркнула, покраснела, как дитя, пойманное за поеданием конфет.

– Хам!

– Развратница.

Дженни стукнула его по плечу кончиками пальцев.

– Вы несносны! Но в этом ваше очарование, – промурлыкала она.

– И вы хотите пригласить меня к себе?

– Возможно, – ее слова звучали больше как согласие, а не отказ.

– Хотите познакомить меня со своими слугами?

Дженни рассмеялась звонко и мелодично.

– И не только!

Продолжая флиртовать с американкой, Алексей все же не пропустил того момента, когда мальчишка-официант оказался возле столика, где еще недавно сидели Морганы, и, пока они отсутствовали, стянул портмоне со стола.

Деликатно отделившись от Дженни, Глебов направился в том направлении, где скрылся парнишка. Он спустился по лестнице, поплутал по закоулкам в полумраке, прежде чем натолкнуться на воришку.

– Когда крал, ты подумал о том, что Морганы сразу поймут, кто это сделал? – спросил он. Мальчишка, вздрогнув, выронил портмоне и обернулся. Бежать было некуда – он находился в закутке, из которого можно было выбраться – только лишь пройдя мимо Алексея.

– Ну, ты думал? – настойчиво переспросил Глебов, засунув руки в карманы и широко расставив ноги.

Мальчик напряженно сглотнул.

– Да, – ответил он.

– И, конечно же, понимал, что они вызовут полицию и тебя посадят за кражу?

Юнец, опустив голову, молчал.

– Я не слышу ответа!

– Да, – ответил он, шмыгнув носом. На палубу упали капли слез и расплылись темными пятнышками по идеально от-

полированной поверхности.

Алексей поджал губы.

– Иди и верни кошелек, и мы забудем об этом происшествии, – сказал он. Мальчишка не тронулся с места.

– Если тебя посадят, твоей матери лучше от этого не станет.

Юнец посмотрел на него полными слез глазами, затем поднял портмоне и, вынув деньги из кармана, сложил их обратно. Пока они поднимались на верхнюю палубу, Алексей шел позади парнишки на случай, чтобы он не сбежал.

На входе мальчишка в нерешительности застыл на месте. Еще мгновение и он задрожал, как осиновый лист на ветру. Глебов подтолкнул его, взглядом указал на поднос. Юнец послушно взял его, перекинул через руку белое полотенце и направился к столику Морганов.

К несчастью в это время за столик вернулись Морганы. Мальчишка застыл на месте в шаге от них. Алексей мысленно чертыхнулся, направился в их сторону, случайно задел мальчишку, высокомерно заявил ему «быть порасторопней и не мешаться под ногами». Затем, проходя мимо столика Морганов, наклонился и якобы поднял из-под стула Морган-старшего кожаный предмет.

– Я думаю, это ваше, господа? – спросил он совершенно простодушно. Морганы уставились на портмоне.

– Несомненно, мой! – заявил Морган-старший, взял его с полным недоверием, открыл и проверил, все ли на месте.

– Надеюсь, ничего не пропало? – со смущенной улыбкой спросил Глебов.

– Да, все в порядке, – удивленно ответил Морган. – Спасибо.

– О, совершенно не за что, – Алексей улыбнулся.

Он взглянул на Дженни, которая окликнула его по имени и помахала ручкой. Морганы проследили за его взглядом.

Алексей дружелюбно посмотрел на них:

– Не буду вам мешать, господа, – затем откланялся и вернулся к ожидающей его Дженни.

После благотворительного вечера Алексей проводил Дженни до дома. Распрощавшись так, чтобы не задеть ее самолюбие отказом «выпить чашечку кофе», он вернулся к пристани. Расположившись там, где хорошо просматривалась пришвартованная яхта Морганов, Алексей закурил.

Прислуга и матросы наводили на яхте порядок. Среди них был и Гарри, который прибирался на столах, складывая на поднос грязную посуду. Прошло часа два, прежде чем мальчишка спустился на берег. Алексей последовал за ним.

Первым делом Гарри направился в пансионат, где, по всей видимости, жил и учился. Но вскоре вышел из здания, побежал в бакалейную лавку, купил молока и хлеба, затем заскочил в аптеку, откуда спустя несколько минут вышел с небольшим бумажным пакетом и быстро зашагал по улице, уворачиваясь от столкновения с вечно спешащими нью-йоркцами.

Алексей следовал за мальчишкой. Он и сам не мог понять,

зачем ему это нужно – тратить время и следить за ним, но что-то в душе не позволяло ему оставить все как есть.

Вскоре Гарри свернул с людной улицы и зашагал, петляя в грязных проулках, так что Алексей стал опасаться заплутать в большом и опасном городе из-за мальчишки.

Наконец парнишка свернул в бедный квартал, где не было ни одного «белого», что сразу бросилось в глаза. Алексей с опаской осмотрелся – двигаться дальше было нельзя. Если белые американцы с пренебрежением относились к черным, к «цветным», то нужно было быть полным идиотом, чтобы сунуться к тем в кварталы, да еще в позднее время.

Его насторожило и то, что «белый» мальчишка уверенно передвигается по улице, словно бывал здесь не раз. К счастью подросток скользнул в ближайший дом и спустился вниз по лестнице на цокольный этаж. Глебов нырнул в сумрак следом за ним и едва успел заметить, как Гарри скрылся за одной из многочисленных дверей.

Подойдя к двери, Алексей прислушался. За дверью раздавались приглушенные голоса мальчишки и отчитывающей его матери. Алексей постучал, голоса стихли, затем женщина спросила:

– Кто там?

– Друг.

За дверью наступила тишина. Затем мальчишка напряженно спросил:

– Мистер Астер?

А юнец наблюдательный, раз запомнил его имя!

– Да.

– Что вам нужно?

Что ему нужно? Алексей и сам не знал, что ему нужно.

– Я хочу помочь, – наконец сказал он. Опять тишина. Спустя долгие мучительные мгновения раздался щелчок замка и дверь открылась.

На пороге стоял Гарри и впускать Алексея внутрь не торопился.

– Вам нельзя здесь находиться, – произнес он.

Алексей кивнул:

– Я понимаю. Но ты ведь можешь здесь находиться. Почему?

Мальчик растерялся, оглянулся назад, затем обернулся к Алексею.

– Мама не хочет, чтобы вы знали, – ответил он.

– Потому что твоя мама негрityанка?

Мальчишка вздрогнул, вновь обернулся, напряженно вцепился пальцами в дверь.

– Я хочу помочь, – с нажимом сказал Алексей, убеждая его в правдивости своих слов.

Юнец опустил голову, затем отошел в сторону, пропуская непрошенного гостя внутрь. Алексей вошел.

Убранство помещения было убогим. На одиноком узком окне, висела застиранная занавеска, которая не могла скрыть печальный вид снаружи. Старая потертая потрепанная ме-

бель: шкаф, две кровати, стол и три калечных стула. Серые стены, местами покрытые плесенью, желтыми водяными пятнами и трещинами. Скрашивали же безрадостную обстановку лишь три картины, копии произведений известных художников, выделяющиеся на общем фоне яркими пятнами.

На одной из кровати, Алексей увидел худую негритянку, совершенно больную, но смотрящую на него с невероятным недоверием и даже угрозой. Пока он осматривался, она молчала.

Алексей снял шляпу:

– Замечательные копии! Чьих рук дело?

– Они – мои, – раздался неуверенный ответ Гарри. Он взглянул на мать с опаской.

Глебов посмотрел в его сторону и похвалил:

– Молодец.

– Что вам нужно от моего сына? – спросила грубо женщина, но тут же закашлялась.

Когда кашель ее стих, Глебов ответил:

– Я уже сказал, я хочу помочь.

– Не верю я в бескорыстную помощь! Что вам нужно?

Алексей взглянул на Гарри. Тот стоял возле двери, опустив голову.

Глебов посмотрел на негритянку. Мальчишка ему не простит, но нужно его остановить, пока не поздно.

– Ваш сын украл сегодня большую сумму денег, – сказал он жестко.

– Гарри!

– Мама! Я не дам тебе умереть! – закричал мальчишка в ответ.

– Перестань! Ты никогда не добудешь ту сумму, которая нужна, но сядешь в тюрьму! Не для того я положила столько сил, чтобы ты мог отсюда убраться! – Она вновь закашлялась, попыталась сесть на кровати. Ей это удалось. – Не смей, слышишь, не смей этого делать!

Мальчик заплакал.

– И не смей плакать! Ты меня слышишь?! – Женщина была непреклонна.

Юнец всхлипнул, стер тыльной стороной ладони слезы с щек. Глаза его гневно горели.

– Я попросил деньги у мистера Моргана. А он сказал, научись их зарабатывать. Я сказал, что у меня больна мать и необходима помощь, а он ответил, что такова жизнь. У него столько денег, мама! Он самый богатый человек! Он просто не хочет помочь.

– Ты хочешь закончить как твой брат, Гарри? – Голос женщины дошел до шипения. Затем она повернулась к Алексею. – Вы работаете на Морганов?

– Нет. – Алексей с любопытством смотрел на нее. – Чем вы больны?

– Чахотка. Врач сказал, если не перевезти меня из города ближе к морю и не обеспечить хорошее питание и медицинский присмотр, я не доживу до зимы. Довольны?

– Вы колючая. Позвольте присесть? – Алексей не стал ждать ее ответа, сел на скрипучий стул, положил шляпу на колено. – Вы со всеми так разговариваете, или только с белыми и с Гарри, из-за того что он белый...

– Как? Белый? Черт, я и не заметила! – Женщина закашлялась, а на платке остались красные капли крови. Она быстро скомкала платок, так чтобы сын не заметил. Затем посмотрела на Гарри. – Иди к Сэму, Гарри, нам нужно поговорить с твоим гостем.

Мальчик упрямо смотрел на мать, затем сжал кулаки и вышел из комнаты. Когда дверь за ним закрылась, женщина посмотрела на Алексея.

– Вы не один из тех, кому нравятся маленькие мальчики?

– Я похож на извращенца?

– Кто вас – белых – знает.

– Странно это слышать от женщины, которая родила от «белого»!

Она пристально смотрела на него некоторое время. Затем губы ее изогнулись уголками кверху.

– А ты тоже полукровка!

– Теперь я могу помочь?

– Помочь?! Эта помощь требует целого состояния. Пока я не выплачу долги, нас никто отсюда не выпустит. А проценты изо дня в день растут как на дрожжах.

– Кредиторы?

– Хуже! Думаю, это все из-за того, что Гарри – белый...

Мой старший сын задолжал очень крупную сумму местной банде. Поэтому и пошел на ограбление. Теперь сидит в тюрьме. И нас никто отсюда не выпустит, пока мы не расплатимся с долгами. Предпочтут, чтобы мы здесь сгнили заживо в этой плесневелой комнатухе!

– Какова же сумма?

Женщина назвала. Алексей присвистнул.

– Вот поэтому я запретила Гарри здесь появляться. А он, дурачок, вернулся. Думаете, вам дадут спокойно покинуть квартал? Мышеловка захлопнулась, но вместо одной мышки – Гарри, в нее попало две. Завтра ваш труп найдут в подворотнях или реке.

– И что вы предлагаете?

– Ничего. Боже упаси, что-либо предлагать белым!

– Еще пару раз скажете «белый» и я начну чувствовать себя ущемленным.

– Не все же нам это чувствовать! Белые ставят себя на несколько голов выше всех остальных.

Алексей не успел что-либо ответить – дверь неожиданно открылась, и в комнату вошел темнокожий мужчина. Он кинул взгляд на Алексея, затем на женщину.

– Все в порядке, Сэм.

Мужчина закрыл дверь и прижался к ней спиной.

– Ты что творишь, сестра? Почему он здесь?

– Это ты спроси у своего племянника!

– Что ему нужно?

– Он хочет помочь.

– Помочь? – Сэм с язвительностью посмотрел на Алексея.

Затем рассмеялся. – В наши края забрел аболиционист¹⁵⁷? Или нет, Иисус Христос! – Он ударил себя ладонями по коленкам и еще громче рассмеялся собственной шутке.

– Не богохульствуй! – предупредила его женщина и снова закашлялась.

– Но нет, Мария, это же действительно смешно. Этого парня сегодня распнут, ты же знаешь!

– Вот поэтому я и хочу просить тебя вывести его из квартала.

– Ты что, спятила?! – Сэм разозлился.

– Ты выведешь его, Сэм!

– Нет!

– Да!

– Иди к черту, сестра! – Сэм повернулся к двери, собираясь уйти.

– Я и так скоро у него буду!

Брат и сестра сверлили друг друга непреклонными взглядами. Алексей встал, нарушая тишину:

– Не беспокойтесь. Я сам найду дорогу.

– Сядь! – рывкнули они одновременно. Алексей поднял руки вверх, сдаваясь на их милость, и сел.

– Ты выведешь его и Гарри, – сказала женщина брату, за-

---

¹⁵⁷ Аболиционист – сторонник отмены рабства, в отдельных случаях – сторонник отмены какого-либо закона.

тем повернулась к Алексею. – А ты, раз уж вызвался помочь, сдержишь слово и позаботишься о будущем моего мальчика.

– Надеюсь, ты понимаешь, на какой риск мы идем, спасая твою шкуру? – процедил сквозь зубы Сэм. – Это не ты сделаешь нам одолжение, позаботившись о будущем Гарри, а отплатишь за спасение своей жизни.

– Так уж захотел Бог, Гарри родился с белой кожей. И ему не место среди нас, – продолжила Мария. – Я не обязываю тебя заботиться о Гарри всю оставшуюся жизнь. Я лишь только хочу, чтобы он смог получить достойное образование и никогда бы не вернулся в трущобы. Он смысленный мальчик, ему нужен только старт, а дальше он сам справится.

Сэм фыркнул:

– Этот мир принадлежит WASP, сестра!

– Что за WASP? – поинтересовался Глебов.

– Белые протестанты англосаксы. Элита, твою мать... А ты знаешь, как живется нам, «цветным», как они нас называют? Мы, – он кивнул на сестру, – перебрались сюда из южных штатов – из Миссисипи. Там приняты законы, по которым «цветные», а в большей степени чернокожие, отделены от белых всюду: в транспорте, столовых, отелях, больницах, в местах для жилья, даже в судах и тюрьмах. Почему моя сестра без мужа? Браки между белыми и черными запрещены и уголовно преследуются... Справедливости мы не нашли и здесь, в Нью-Йорке¹⁵⁸.

---

¹⁵⁸ Прим. автора: Первый США закон о натурализации, принятый в 1790 г. раз-

Глебову нечего было сказать в ответ. Когда Сэм умолк, молчание затянулось.

– Я должен по этому поводу что-то сказать? – произнес Алексей.

– Лучше молчи, – предупредила Мария. Затем обратилась к брату. – Уводи их, Сэм. Да поможет вам Иисус.

_ 36

* * *

Гарри не хотел оставлять мать, но она, сыпля проклятиями, заставила его уйти. Сэм вел их темными проулками, временами останавливаясь и прислушиваясь, а затем продолжал идти.

Несмотря на все старания и осторожность избежать встречи с бандой не удалось: впереди возникла группа парней, вооруженных кто кастетами, кто битами, кто ножами; позади тоже возникло несколько бандитов.

– Эй, парни! Парни, – Сэм сделал несколько шагов в сторону банды. – Вы же меня знаете. Дайте им уйти. Можно обципать этого белого парня, но не убивать же.

– Заткнись, Сэм! – рывкнул один из банды, по-видимому,

решал предоставлять гражданство только свободным белым людям, что подразумевало англо-саксонское происхождение. Их иногда называли WASP – «White Anglo-Saxon Protestant» (Белый Протестант англосакс). У белых иммигрантов социальный статус был выше, чем у чернокожих, но ниже, чем у американских англосаксов.

главарь, и сплюнул на землю.

– Уилл, и это говоришь мне ты? – Он сделал шаг вперед и задрал вверх рубашку, показывая на животе шрам. – Забыл, как я подставил себя под удар ради тебя?! А?

– Вот поэтому, Сэм, я и дам возможность тебе уйти. Пацан пусть идет к матери и не высовывает из дома нос, пока я не решу, что с ним делать.

– А как же он? – Сэм кивнул в сторону Алексея.

– А мы тут немного перетрем с этим «белым». – Уилл вновь сплюнул.

Сэм захотел было что-то сказать, но Глебов остановил его:

– Послушай, Сэм, я переговорю с ними.

Тот посмотрел на него, как на полоумного.

– Ты сделал достаточно. Отойди.

Глебов отстранил Сэма в сторону и пошел к банде. В нескольких шагах от них Алексей остановился. Сэму и Гарри оставалось только догадываться, что белый говорит главарю. Уилл помахивал дубинкой, но продолжал слушать и односложно отвечать. Наконец Глебов развернулся и зашагал в их сторону. У Сэма было опасение, что иностранцу нанесут удар в спину, но банда лишь взглядом проводила непрошенного гостя.

Лицо Глебова было суровым и непроницаемым. Он посмотрел на мальчика и сказал голосом, не терпящим возражения:

– Гарри, иди к матери.

Мальчик нерешительно зашагал в сторону, оглянулся на них, затем на парней в банде, и направился к дому.

Алексей взглянул на Сэма.

– И что теперь? – процедил тот сквозь зубы.

– Мальчик и мать останутся в заложниках, а мы добудем деньги и покончим со всем этим.

– Добудем денег? Хочешь, чтобы я поверил тебе?!

– Нет, но деньги мы добудем.

* * *

Целью Глебова стали Морганы – одни из самых богатых людей Америки.

Нью-Йоркский банкирский дом «J.P. Morgan & Co.» совместно с зависимыми от него банками в Филадельфии, Париже и Лондоне являлся крупнейшей финансовой компанией в мире. Дом Морганов обслуживал Асторов, Дюпонов, Гоггенхаймов, Вандербильтов и Рокфеллеров¹⁵⁹.

Как лондонские банковские компании «Rothschild & Sons» и «Barings Bank», Морганы стали частью структуры власти во многих государствах. Дом Морганов кредитовал Центральный банк Египта, финансировал железные дороги в России, способствовал обороту бразильских государственных облигаций и финансировал аргентинские проекты об-

---

¹⁵⁹ Прим. Автора: Промышленный бум в США произвел на свет плеяду самых богатых и влиятельных магнатов: Рокфеллеры, Морганы, Асторы, Меллоны, Карнеги, Дюпоны, Бельмонты, Гарриманы, Гутгенхаймы, Хантингтоны, Вандербильты и другие купались в роскоши и распространяли влияние на весь мир.

щественных работ. Морганы были движущей силой мощной экспансии на запад США, финансируя и курируя Западное направление железных дорог путем создания трастов. Банкирский дом Морганов контролировал поток золота, как в Штаты, так и из них.

Морганы были настолько богаты, что, с «философской» точки зрения Алексея, пришло время делиться с обделенными судьбой...

Несколько дней Глебов и Сэм собирали информацию о Морганах, вели за ними наблюдение и слежку.

Морган-старший был менее доступным и более суровым и жестким, чем его сын – Джек Морган-младший. Морган-старший любил свою яхту, большую часть свободного времени проводил на ней, не перенося постоянного нытья своей жены, любил искусство и женщин, но не забывал, что женщин притягивает его сказочное миллионное состояние, но никак не внешность. На носу у миллионера увеличивался нарост, похожий на свеклу, и, не смотря на все миллионы, эскулапы излечить Моргана не могли. Но Морган всегда оставался дельцом – дельцом безжалостным и властным.

Что касается Джона Пирпонта Моргана-младшего, или Джека, как его называли, то он находился в тени своего влиятельного и сильного отца, и даже опасался его. Он был в семейном бизнесе, был женат, но, достигнув 38 летнего возраста, стал считать свою жизнь скучной, пресной. В конечном счете он увлекся игрой в покер и стал понемногу спус-

кать деньги на ветер...

Стоя на Бруклинском мосту и наблюдая за водной гладью, Алексей думал. Итак, Джон Морган-старший любит искусство и может часами говорить о скульптурах и картинах. Джон Морган-младший – безумно увлекся карточной игрой... Времени мало. Время – деньги...

– Что ты надумал, Астер? – не вытерпел Сэм, стоящий рядом.

Алексей стряхнул невидимую пылинку на рукаве и посмотрел на него.

– Уязвимыми людей делают их слабости, – сказал он.

План в общих чертах сформировался в его голове, но для начала Алексею нужно было навестить одну «благоклонную» к нему даму.

* * *

Султан, радостно подскакивая, вилял хвостом. Глебов присел на корточки и потрепал собаку по загривку:

– Как дела, приятель?

Султан лизнул ему руку.

– Что тебя привело ко мне? – раздался позади голос хозяйки собаки.

Алексей оглянулся. Пожилая дама опиралась на трость, но вид у нее был грозный и надменный.

– Здравствуйте, моя королева, – поднявшись, произнес Алексей. – Разве вы забыли?

– Что именно?

– Вы сказали, что если у меня возникнет идея, обращаться к вам.

– Сейчас не время, – отказала она.

Глебов не собирался отступить:

– Мне нужны толковые люди, миссис Макдауэлл. В этом-то вы можете мне посодействовать?

Макдауэлл с прищуром смотрела на него, затем произнесла:

– Хорошо, если ты готов платить.

– Деньги будут.

* * *

На закрытом аукционе присутствовало не так уж много господ. Но это были очень богатые люди, которые увлечено скупали предметы настолько редкие и бесценные, что «простым смертным» коллекционерам было не по карману присутствовать на данном мероприятии.

Возле Моргана-старшего находилась его доверенное лицо, Белль да Коста Грин – молоденькая и хорошенькая, блестяще образованная американка португальского происхождения, готовая в любой момент выполнить его распоряжения. Весь антиквариат и предметы искусства, приобретаемые Морганом, проходили через ее руки.

Лот такой-то, начальная цена такая-то и так далее и так далее. Морган уже приобрел несколько произведений искус-

ства, потратив бешеные деньги. Но в данный момент его волновали вопросы по бизнесу: многих крупных финансистов в последнее время интересовал некий принц Абу Али Джалил, точнее, его небольшое арабское государство, богатое нефтью и алмазами. В ходе ослабления влияния Османской империи завязать деловые партнерские отношения с принцем было бы чрезмерно выгодно, но царственная особа предпочитала не подпускать к своей стране иностранцев.

Аукцион подходил к концу, последний лот ушел с молотка. Морган собрался уходить, когда аукционист провозгласил:

–А теперь, дамы и господа, необычное для аукционов явление. Наша задача не продать, а купить. – В помещение внесли полотно, на котором был изображен арабский принц, на шее которого красовался украшенный драгоценными камнями амулет. – Принц Абу Али Джалил желает приобрести находящийся в частной коллекции некий предмет, – ведущий аукциона указал на изображенное украшение, – амулет, утерянный символ государства и королевской власти. За ценой принц Абу Али Джалил не постоит. Его благодарность будет безмерной... Господа, возможно у кого-то из вас есть в коллекции данный предмет. Господа?

В зале раздались шушуканье: кто-то шептался об амулете и безмерном богатстве принца, кто-то проявлял недовольство смуглым цветом кожи царственной особы, но утвердительного ответа на вопрос аукциониста не последовало.

– Белль, узнай все об этом амулете, – дал распоряжение Морган-старший, поднимаясь.

– Хорошо, господин Морган, – ответила она, последовав за ним.

* * *

Алексею без труда удалось организовать случайную встречу с Морганом-младшим. Это произошло за игорным столом. Пришедшая с ним Дженни представила их друг другу, что послужило началом их знакомства. Несмотря на странную привычку Астера во время игры всегда держать при себе амулет, приносящий по его словам удачу, он оказался Джеку компанейским парнем, и у них завязались приятельские отношения, основой которых была страсть к игре.

Спустя два дня Алексей привел Джека Моргана в подпольное казино, где им предоставили уединенную комнату для игры в покер. Кроме Астера и Джека Моргана за их столом сидели еще два игрока – Томас Гордон и Элиот Смит. Шла игра, пили виски, курили сигары.

Гордон оказался неудачливым игроком – его деньги планомерно переместились в карманы его партнеров по игре. Гордон злился, но продолжал игру и, в конечном счете, после незначительного замечания со стороны Моргана, сорвался и накинулся на него с кулаками. Перепуганного Джека Моргана спас Алексей: он скрутил проигравшегося в пух и прах Гордона, а затем с помощью Элиота Смита вышвырнул за

пределы помещения.

Смит выругался по поводу инцидента, Глебов предложил всем успокоиться и выпить. Наполнив бокалы, один из них он протянул еще не оправившемуся от шока Моргану:

– Выпейте, Джек.

Морган выпил, затем поблагодарил Астера:

– Я вам обязан, Густав. Драки – не мой конек.

– Джек, Джек, – Алексей присел напротив Моргана на подлокотник кресла, потирая пальцами свой медальон, который держал в руке, – хочу сказать вам, что всегда нужно быть на чеку, мало ли что бывает за игорным столом. Вы хотели настоящую азартную игру, а люди здесь играют «не простые», даже опасные. Или становятся таковыми. Но, вы, я вижу, тоже не робкого десятка. В вас есть характер.

Джек нервно рассмеялся, но резко замолчал, когда увидел, что Астер вынул из-за пояса револьвер.

Глебов взвесил его на руке, затем протянул Моргану:

– Это может в какой-то момент стать вашим единственным другом, Джек.

Он сунул в руки растерянного Моргана оружие:

– Всегда носите его с собой, когда идете на игру.

* * *

Джек Морган собирался в казино, но прежде нужно было повидаться с отцом – старик хотел его видеть по поводу бизнеса.

На столе Моргана-старшего как всегда лежала куча бумаг, секретарь записывал под диктовку в блокноте распоряжения хозяина. Пока отец отдавал последние распоряжения, Джек расположился в кресле напротив. Его внимание привлек рисунок, лежащий на папке с документами.

Секретарь удалился, а Морган-старший взглянул на сына.

– Зачем он вам? – спросил Джек, указывая на рисунок.

Морган отмахнулся и нехотя ответил:

– Да так, хочу приобрести.

– Астер согласился его продать?

– Астер?

– Да, Густав Астер. Он никогда не расстается со своим амулетом. – Джек вернул листок на место.

– Послушай, сынок, сведи-ка меня с этим... Астером. Завтра днем приводи его ко мне на яхту.

Джек пожал плечами:

– Хорошо, как скажешь, папа.

* * *

Яхта покачивалась на волнах. День выдался ясным, и господа расположились за столиком на палубе. Их было трое: Морган-старший, Джек Морган и Густав Астер. Вкусная еда, дорогое виски, услужливый стюард¹⁶⁰, приятная легкая беседа. Говорили о предметах искусства: Морган-старший похвалился своей разнообразной коллекцией – от картин до

---

¹⁶⁰ Стюард – официант или коридорный на морском пассажирском судне.

фарфоровых ваз, Астер невзначай показал медальон, выигранный им в карты, и заверил, что он приносит удачу.

Морган-старший заметил, что не верит в магические силы предметов, но попросил:

– Могу я взглянуть на амулет поближе?

Рассмотрев предмет, он вернул его владельцу, и они продолжили беседу о предметах средневекового искусства. Джек Моргану разговор вскоре наскучил, он извинился, сказал, что его ждут дела в банке. Астер тоже засобирился, но Морган-старший предложил ему остаться.

Когда Джек ушел, банкир завел разговор об интересующем его предмете:

– Господин Астер, я хочу приобрести у вас амулет. Я готов заплатить за него крупную сумму денег.

– Странно, господин Морган, что вы заговорили об этом. Амулет приносит мне удачу, что было не раз проверено.

– Я согласен, что амулет приносит удачу, ибо самой большой удачей будет являться та сумма, которую я вам заплачу за него.

Астер молчал.

– Итак?

– Зачем он вам? – Астер взглянул на Моргана.

– Вы же знаете, я заядлый коллекционер, – ответил уклончиво банкир.

– И вы не отступитесь, пока не заполучите то, что хотите. Что ж, я могу подумать?

– О, несомненно. Только прошу, не затягивайте с ответом. Ответом, какую сумму вы хотите.

* * *

Игра была в разгаре. Играли в том же помещении подпольного казино, тем же составом, за исключением Гордона. Морган-младший выигрывал. Наконец, Алексей, устало потерев глаза, объявил, что амулет не приносит былой удачи, и что хотел бы ненадолго прерваться, а затем покинул комнату. Смит потянулся, заметил, что не прочь еще промочить горло, и занялся откупориванием бутылки коньяка.

Джек Морган самодовольно хмыкнул, прошелся по комнате, чтобы размять ноги, затем взял предложенный бокал. Дверь вдруг резко распахнулась, с силой ударилась о стену, так что посыпалась штукатурка, и на пороге возник пьяный и неопрятный Томас Гордон.

Гордон уперся пьяным взором на Элиота Смита и Джека Моргана.

– Ты обокрал меня, пузатая свинья! – завопил он и затем, пошатываясь, ринулся к Джеку. Морган обомлел, бокал выпал из его руки. Смит преградил Гордону путь, пытаясь успокоить, ухватил его за плечо. Все произошло очень быстро: Гордон дернулся, затем в его руке блеснуло лезвие ножа, и он ударил Элиота Смита в живот. Тот согнулся пополам и рухнул на пол. Под ним стала растекаться лужа крови.

– Ну, сука, – оставившись безумным взглядом на Джека,

прошипел Гордон, – держись!

Он крепче сжал окровавленный нож и ринулся к Моргану. Джек отступил назад, бледный как полотно, и огляделся в поисках спасения и защиты. Астер куда-то запропастился. И тут Морган вспомнил о револьвере. Он отступил в сторону от надвигающегося на него Гордона и выхватил из-за пояса оружие.

– Не подходи! – закричал он, наводя его трясущимися руками на Томаса.

– Ах, ты, тварь! – разозлился тот еще больше и бросился на него. Раздался выстрел, затем второй. Гордон качнулся, отступил назад и уставился на свою окрасившуюся кровью рубашку, затем посмотрел широко раскрытыми глазами на Моргана. Нож выпал из его руки и, упав на паркет, звякнул. Затем Гордон еще раз качнулся и рухнул на пол.

В наступившей тишине быстрые шаги приближающегося Астера показались оглушительно пугающими. Глебов выхватил из рук Моргана револьвер, склонился к Гордону, под которым образовалась кровавая лужа. Прикоснулся к его шее, проверить пульс.

Посмотрел хмурым взглядом на Моргана:

– Пульса нет.

– Что... Что теперь? – неуверенно и слабо пробормотал Морган, смотря не на Алексея, а на мужчину, вошедшего вместе с ним.

Алексей выпрямился, передернул плечами.

– Делай что-нибудь, это ведь ты сделал!

– Астер, я тебя умоляю, помоги! – завопил Морган-младший, хватаясь руками за голову.

Алексей молча прошел к Смиуту, осмотрел. Взглянул на незнакомца, затем на Моргана:

– Тоже мертв. Черт, нужно вызывать полицию!

– Нет! Нет, только не полицию! – Джек пришел в еще больший ужас. Если узнают об этом, всему придет конец: и карьере, и деньгам, всему!

Алексей плеснул виски в бокал и сунул его в руки Моргана:

– На, выпей!

Джек Морган с трудом поднес трясущийся в руках бокал ко рту.

Глебов взглянул на незнакомца:

– Что будем делать?

Тот неопределенно пожал плечами:

– Скверное дело, но проблему решить можно. Нужно хорошо заплатить ребятам, чтобы они все здесь почистили.

– Да, да, я заплачу! – ожил Морган. Сразу потянулся к портмоне, трясущимися руками стал вынимать деньги.

– Не скупись, все отдай, – посоветовал Алексей. Забрал портмоне из рук Джека и бросил его незнакомцу. Тот поймав, заглянул внутрь, кивнул и сунул себе во внутренний карман. Затем вышел. В комнате наступила тишина, лишь тикали настенные часы, и глухо звучали музыка и голоса из

главного зала.

– Джек, иди в машину. Встряхнись, у тебя вид, как у мертвеца.

Морган вздрогнул. Его губы задрожали. Он затравлено посмотрел на Глебова.

– Только дождись меня, понял?

Морган, словно за ним гнались черти, кинулся к выходу.

Прошла минута. Глебов выглянул в коридор, затем закрыл дверь и повернул в замочной скважине ключ. Обернулся.

Смит и Гордон, посмеиваясь, поднялись с пола.

* * *

Прошел день, прежде чем Глебов заявился к Джеку Моргану. Тот сидел в своем кресле, но вид у него был отнюдь не веселый.

– Плохи дела, Джек, – заявил Алексей с ходу. – Кто-то наверху слышал выстрелы. Стукнул полиции. Они начали следствие. Назавтра вызывают какого-то свидетеля. У тебя есть знакомые легавые, ты водишь дружбу с прокурором. Ты должен замять это дело, пока не поздно. Я пас.

Морган побледнел:

– Если ты захочешь сдать меня полиции, Астер, знай, у тебя нет ни единого шанса. Во-первых, соучастие в преступлении. Ты молчал об убийстве, а должен был сообщить сразу. Во-вторых, это ты дал мне оружие!

Алексей поморщился.

– А-а, вот как ты запел?! – протянул он, нависая над Морганом. Вид его был устрашающим, опасным.

Морган струхнул. Сжавшись, он исподлобья взглянул на Алексея:

– Извини, Астер, я не то имел в виду. Я с ума схожу от того, что случилось.

Алексей отступил от него:

– Знаешь, Джек, у тебя кишка тонка! Решай-ка свои проблемы сам.

– Нет, постой! Астер! – Морган уцепился в его рукав. Глебов остановился. – Ты ведь поможешь мне?

Алексей повел бровью:

– Помочь?

– Да, Астер, я тебя прощу, сделай все возможное! Я денег дам, сколько нужно. Только не надо, чтобы меня хоть как-то касалось случившееся. Я не хочу разговаривать по этому поводу с прокурором и вообще с кем бы то ни было. Я умоляю тебя, Астер!

Глебов высвободил свою руку:

– Ладно. Постараюсь что-нибудь сделать. А ты сиди в загородном доме и не высовывайся, пока я не появлюсь.

Как человек богатый и влиятельный, Джон Пирпонт Морган-старший считал, что это к нему должны являться по первому зову. И потому расценил, как безмерную наглость приглашение Астера встретиться у него в номере. Однако для такого дельца бизнес был прежде всего, и Морган незамедлительно направился к нему в гостиницу.

Когда Морган вошел в его номер, Астер просматривал газету.

Они поприветствовали друг друга, пожали руки, Астер предложил Моргану присесть.

– Итак, господин Астер, сколько вы хотите? – начал сразу с дела бизнесмен.

Астер назвал сумму в целое состояние. Морган молчал.

– Заметьте, я не спрашиваю, для чего вам сдался именно мой амулет. Мне, по крайней мере, он приносит удачу.

– Я согласен, – ответил Морган, вставая. – Мой специалист проведет оценку и определит подлинность предмета. Встретимся завтра.

На этом и разошлись. После встречи с Астером, Морган распорядился секретарю связаться с представителем принца Абу Али Джалила.

* * *

Встреча должна была произойти в самом фешенебельном отеле Нью-Йорка. Моргана встретил помощник и переводчик принца и проводил его в апартаменты.

– Мистер Морган, будьте любезны подождать. Принц вскоре будет, – произнес он на ломанном английском, предлагая Моргану присесть.

Тот опустился в кресло, но не успел он осмотреться, как в комнату вошли два амбала-телохранителя – чернокожие в черных шароварах и рубашках с кривыми саблями на поясах, расступились, и Морган увидел принца – в золотой маске на лице, белом одеянии и драгоценностях он величественно вошел в комнату.

Морган поднялся. Тем временем переводчик, подобострастно поклонившись принцу, что-то пролопотал на своем языке и обернулся к Моргану.

– Мистер Морган, имею честь представить вас наследнику Его Величества короля Майсула Абу Али Джалила Седьмого Храброго, принцу Абу Али Джалилу Неуязвимому.

Морган слегка склонил голову в вежливом поклоне. Принц кивнул и жестом указал Моргану на кресло, сам же царственно опустился в кресло напротив. Охранники встали рядом с ним, положив руки на рукоятки сабель. Их лица сохраняли бесстрастное каменное выражение. Морган посмотрел на принца – сквозь прорези маски на него смотрели темные холодные пронизательные глаза.

Принц заговорил четко и уверенно на непонятном Моргану языке. Когда он замолчал, переводчик начал переводить:

– Его Высочество Абу Али Джалил, узнав, что вы владеете информацией об амулете, решил лично встретиться с вами,

мистер Морган.

– Скажите принцу, что для меня честь встретиться с ним лицом к лицу, – сказал миллионер и кашлянул. Переводчик смешался, но передал слова принцу. Тот кивнул, заговорил, переводчик перевел:

– Принц сказал, чтобы вас не смущала его маска – никто не вправе лицеизреть Его Величество дабы не потерять свою голову. Таковы наши законы.

Пояснив, переводчик вежливо поклонился, прижав руку к груди. Принц вновь заговорил и переводчик продолжил:

– Принц хочет знать, где амулет и что вы за него хотите.

– Прежде всего, я хотел бы удостовериться, действительно ли это тот амулет, который разыскивает Его Высочество. Мне не хочется подавать принцу ложных надежд, не будучи до конца уверенным в том, что могу принести ему пользу.

Переводчик открыл было рот, чтобы заговорить, но принц махнул рукой и произнес жутко коверкая слова:

– Амунета – символ власти в наша страна. Старшая сына в семье должна хранить его до восшествия на престола. Можешь сохранить амунета – можешь сохранить свою властя. Моя воля суров. Когда амунета была утерян, ее хранитель была оторван голова. – Принц ожесточено хлопнул кулаком по ладони, а на его пальцах заблестели золотые кольца с драгоценными камнями.

– О, – Морган потер подбородок.

– Но мой охрана зная амунета, – принц кивнул на одного

из своих охранников. – Он пойдетя с тобой.

Принц тут же дал указание охраннику на своем языке, затем посмотрел на Моргана и, коснувшись рукой своей груди, произнес:

– Если амулета будет моя, проси, что хочешь.

Морган улыбнулся:

– Его Высочество, позвольте сделать мне для вас такую малость.

Принц помолчал, затем кивнул:

– Ты будешь для меня первым человека среди других.

Клянуся своимя предками.

Сказав, он поднялся. Затем кинул пару фраз переводчику, кивнул Моргану и вышел в сопровождении одного из охранников.

– Мистер Морган, Его Высочество сказал, что сказанное под угрозой смертной казни должно остаться тайной. И еще, он хочет видеть амулет к вечеру.

– Что?!

Переводчик припал на колено и склонил голову:

– Я не хотел разгневать вас, покорнейше простите!

– Но принц так сказал?

– Да.

Морган перевел дыхание. Его взгляд упал на охранника принца, сохраняющего бесстрастный каменный вид. Покрутил массивное кольцо на пальце. Что же, придется терпеть выходки этого восточного тирана ради своей цели. Принц

сдержит слово и сделает для него практически все, если он вернет ему амулет. Майсул, хоть и маленькая страна, но очень полезная для бизнеса Морганов. А ради этого стоит потерпеть выходки наследника престола. Тем более известно, что его отец очень болен и скоро умрет.

Морган взглянул на переводчика, который до сих пор стоял перед ним с преклоненным коленом.

– Передайте принцу, сегодня вечером я привезу амулет. И пусть ваш охранник оставит оружие здесь, я не хочу, чтобы он разгуливал с ним по городу.

* * *

Передав Моргана-старшего «охраннику» – Сэму, Глебов «сменил» облик принца на облик Астера и направился к Моргану-младшему.

Алексей явился к Джеку Моргану в загородный дом как раз вовремя: в холле стояли чемоданы – их хозяин собирался уезжать, по всей видимости, довольно далеко. Выглядел Морган-младший весьма потрепано и уныло.

Как только слуга оставил их наедине, Алексей заявил:

– Полицейские нашли труп Гордона!

У Моргана подкосились ноги, Глебов же успел подхватить его под локоть.

– Но ты не отчаивайся, Джек. Один мой приятель готов уладить дело. Он знает парня, которого на днях взяли за двойное убийство. Так вот, он с ним перетер, то есть, пого-

ворил, и тот согласился взять на себя и это убийство. Одним больше, одним меньше. – Алексей сделал паузу, чтобы Джек смог переварить свалившуюся на него информацию – от страха тот туго соображал. – Но парень хочет, чтобы позаботились о его семье. То есть нужны деньги. Легавый, занимающийся делом, тоже согласен – мой приятель договорился. Но, как ты понимаешь, не бесплатно... Ты понимаешь, о чем я, Джек? Я говорю о больших бабках. Пришлось соглашаться НА ЛЮБЫЕ суммы. Ты ведь меня заверил, что ДЕНЬГИ будут.

– Да, да, – закивал головой Морган и с потерянным видом вынул чековую книжку.

Глебов его остановил:

– Эй, постой. Только наличкой.

Джек заморгал, спрятал книжку:

– Да, да. Сейчас. Сколько?

Глебов назвал сумму, равноценную той, что запросил с Моргана-старшего. Морган-младший оцепенел.

– Сейчас я могу дать только половину, – наконец произнес он, – ту сумму, что есть у меня в сейфе. Остальное, может, завтра?

– Деньги нужны сегодня... – Глебов будто задумался, затем махнул рукой. – Хорошо, остальное можешь выписать чеком...

Когда деньги и чек оказались у Глебова в руках, уходя, он взглянул на чемоданы:

– Джек, тебе действительно нужно на время уехать. Куда-нибудь подальше. Пока дело не разрешится. Отдохнешь, успокоишься, обо все забудешь... Тебе это сейчас ой-как нужно...

* * *

Портье в гостинице сообщил Глебову, что его уже давно дожидается мистер Морган. Алексей поблагодарил и попросил направить мистера Моргана к нему в номер, а сам поднялся к себе. Спустя какое-то время в дверь его номера постучались. На пороге стоял Морган-старший с негром в восточных шароварах и рубахе, повязанной красным поясом. На мгновение их взгляды встретились, губы Сэма дрогнули, но на лице Алексея сохранилось прежнее выражение.

Он поприветствовал Моргана и пригласил войти.

– Готов предположить, что вы пришли по поводу амулета, – сказал он, когда его гость расположился в кресле.

– Да, вы правильно предположили, мистер Астер. И этот... установит подлинность амулета. – Он кивнул в сторону негра, стоящего позади него.

Алексей заметил искорку гнева на лице Сэма, но тот сдержался.

– Но где же деньги?

– Мой секретарь должен вскоре привезти их.

– Что ж, давайте подождем. Не желаете ли выпить? Виски, коньяк?

– Виски.

Алексей направился к буфету. Достал бутылку и бокалы, посмотрел в отражение в зеркале. За спиной хорошо было видно и Моргана-старшего, которому было неудобно сидеть в узком для него кресле, и лицо презрительно смотрящего на него Сэма. А ведь Морган может увидеть в отражении то же самое. Черт, Сэм не осторожен!

Алексей вернулся с бутылкой и бокалами к Моргану и предложил ему пересесть на более удобный диван. Морган согласился и с удовольствием пересел.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем в дверь постучали.

Алексей открыл дверь – на пороге стояла секретарь мистера Моргана – фанатично ему преданная мисс Белль да Коста Грин – с саквояжем в руках.

Глебов улыбнулся молодой женщине и услужливо пропустил ее в номер.

– Что же, мистер Астер, время показать нам амулет, – сказал Морган, отставляя бокал в сторону.

– Непременно, – Алексей расстегнул ворот рубашки, снял с шеи амулет. Затем положил его на столик. Охранник принца приблизился к столику, встал на колени и некоторое время смотрел на предмет, не прикасаясь к нему. Затем пал ниц и, склонив голову и сложив ладони, начал что-то громко бормотать.

Алексей с любопытством смотрел на него.

– Итак, это то, что вы ищите, мистер Морган? – спросил он.

Банкир не ответил, охранник поднялся, на его лице вновь было бесстрастное выражение. Он посмотрел на Моргана, кивнул и отошел в сторону.

Морган жестом подозвал помощницу, и она протянула саквояж Алексею. Он поставил его на стол, заглянул внутрь. Убедившись, что там деньги, Алексей взглянул на присутствующих. Сэм с явной заинтересованностью пялился на него и саквояж, Морган ждал, а мисс Грин пыталась что-то разглядеть за плечом Алексея. Черт, опять это зеркало!

Он с улыбкой шагнул к ней навстречу, встав перед ней довольно близко. Она широко распахнула глаза, в которых отразилось недоверие.

– Мисс, ваш босс ждет, – сказал Глебов с чарующей улыбкой и вручил ей амулет.

Она ретировалась, отступив назад, и передала предмет Моргану. Он бережно обернул его платком и спрятал во внутреннем кармане. Затем поднялся.

– Что ж, приятно было иметь с вами дело, – сказал Алексей, протягивая ему руку.

– О, да, это дело обошлось мне в крупную сумму, – рассмеялся Морган, обмениваясь рукопожатием.

– Что ж, что-то теряешь, что-то находишь, – философски заметил Глебов.

Когда «гости» ушли, он быстро собрался, вышел через

черный ход на улицу, где его ждал нанятый экипаж. Вскочив в экипаж, он сказал извозчику, что заплатит вдвое больше, если тот доставит его до нужного места в два раза быстрее. Экипаж сорвался с места и помчался по мостовой.

* * *

«Переводчик принца» ждал Глебова у входа. Алексей, на ходу скинув ему на руки пиджак, прошел в спальню.

– Они приехали? – Он сбросил жилет и рубашку, стал наносить кремовую коричневую краску на лицо, шею и руки. Переводчик уже протягивал расшитый золотистыми узорами восточный наряд.

– Да. Звонил портье минуту назад. Они поднимаются. Алексей кивнул, переодеваясь.

В дверь постучали.

– Иди, открывай. Займи их чем-нибудь. И отправь ко мне Сэма.

Переводчик кивнул, направляясь к выходу из спальни.

Алексей взглянул на себя в зеркало, проверяя все ли, как положено, поправил длинноволосый парик, затем открыл саквояж и принялся выкладывать деньги на серебряный поднос.

В комнату осторожно постучали, и в дверном проеме возник Сэм. Прикрыв дверь, он подошел к столу. Его взгляд остановился на деньгах, которые совсем недавно получил от Морганов Алексей.

– Что ты собираешь делать? – спросил он с подозрением.

– Когда я подам сигнал, ты должен будешь поднести поднос с деньгами к Моргану.

– Собираешься отдать их толстосуму?! Ты что, белый, спятил?!

– Я знаю, что делаю.

Сэм схватил Алексея за рукав:

– Деньги уже у нас! Не проще было бы...

– Нет. Тебе придется довериться мне.

Некоторое время они безмолвно смотрели друг на друга. Наконец Сэм убрал руки от Алексея и нехотя отступил назад.

Алексей стал одевать маску.

Сэм опустился на стул, вновь уставившись на банкноты.

– А если Морган возьмет деньги, что тогда?

– Не возьмет. Ему нужно от принца больше, чем эта «подачка». А так мы выиграем время – время, в течение которого нас никто не будет искать... Пока Морган не поймет, что его обманули.

* * *

Морган при виде принца поднялся с места, его примеру последовала мисс Грин. Принц вновь «царственно воссел» в кресло, а мистер Морган, присев напротив, торжественно передал платок с амулетом переводчику, который на вытянутых руках с благоговением протянул его принцу.

Его Высочество развернул платок, и амулет предстал на всеобщее обозрение – слуги принца преклонили колени, почтительно опустив головы. Принц, взяв амулет в руки, коснулся им своего скрытого маской лба, что-то забормotal, и только лишь после этого подал сигнал охраннику. Тот поднес инкрустированный драгоценностями ларец, принц бережно положил амулет внутрь на пурпурный бархат. Затем закрыл, повернул ключик в замке и передал ларец охраннику.

– Я хочу отблагодарить вас, – принц жестом подал сигнал. Подошел второй охранник с подносом, на котором лежали деньги.

Морган взглянул на купюры и, повернувшись к принцу, улыбнулся.

– О, нет, Ваше Высочество. Ваша дружба – вот, что для меня имеет значение. Возвращая вам амулет – я хотел заслужить ваше доверие.

– Тебе не нужна денга? Хорошо. Проси, что хочешь. – Принц сделал широкий жест.

Морган улыбнулся:

– Что может пожелать такой маленький человек, как я? Только то, что позволит его бизнесу расти и развиваться.

Принц величественно откинулся на спинку кресла.

– Принц Абу Али Джалил всегда держит свое слово. Говори...

* * *

На следующий день перед отъездом Алексей встретился с Сэмом и передал ему значительную часть денег.

Сэм присвистнул, увидев сумму:

– Ни черта себе!

– Оплатишь долги семьи Гарри и постараешься вылечить сестру. И на жизнь останется.

Сэм спрятал деньги за пазухой. Алексей махнул проезжающему мимо извозчику, и тот остановил коляску рядом с ними.

– Белый, все-таки, почему ты нам помог?

Глебов пожал плечами и прежде чем сесть, сказал:

– Помог да помог, что из того... Прощай.

* * *

Когда Глебов садился в готовящийся к отплытию пароход, то на пристани он заметил двух японцев и Ламерье. Увидев Алексея, они стали пробираться через толпу в его сторону. Алексей осмотрелся, готовясь к отступлению, но в этот момент на пути преследователей оказались несколько парней в серых костюмах. Пару минут хватило на задержание, после чего японских шпионов отвели в сторону. Глебов видел, как обернувшийся Ламерье, которого уводили под руки, с ненавистью и злобой посмотрел на него.

Алексей поднялся на палубу. К нему подошел помощник капитана, поприветствовал и передал небольшой конверт.

– Это для вас. – Он вновь коснулся пальцами козырька и

направился встречать очередного гостя.

Глебов вскрыл конверт. На его ладонь выпал перстень.

Алексей вздохнул, развернул записку, хмыкнул.

«Впечатлена грандиозной игрой. Признаю мастера дела».

Алексей повертел перстень в руках:

– Эх, вы, миссис Макдауэлл...

_ 38

* * *

Сентябрь 1905 г. Англия, Лондон

Алексей первоначально не узнал человека, который разместился за столиком поблизости. Мужчина был в экстравагантном костюме, какие можно было наблюдать в журнале «Мужские моды»: клетчатом пиджаке, брюках-гольф с полосатыми гетрами, оранжевых ботинках на толстой каучуковой подошве. «Модник» снял со своих смоляных модно подстриженных волос кепку с кнопкой и большим козырьком, затем положил на стол трость с серебряным набалдашником. К нему подошел гарсон, что-то произнес, и мужчина на повышенных тонах ответил ему. Вот тогда Глебов узнал его. Отец Гапон! Да неужели?

Алексей откинулся на спинку диванчика и стал с любопытством рассматривать бывшего попа. Да, священника было не узнать. Какие метаморфозы!

Гапон явно ждал кого-то и этим кем-то оказался Пинхас

Рутенберг. Священник встретил гостя по-дружески: встал, хотел обнять, но Рутенберг лишь кивнул и устало плюхнулся на стул.

Алексей раскрыл меню, расположив его перед своим лицом, так, чтобы его не заметили, и стал читать по губам.

– Мы с тобой сейчас позавтракаем, – засуетился Гапон, жестом подзывая официанта, и сел на прежнее место. – Власть поговорим, а то мне тут не с кем словом перекинуться!

Рутенберг промолчал. Гапон продолжил говорить:

– Между прочим, я знал, что ты приедешь.

– Откуда? – удивился Рутенберг, оторвавшись от меню.

– А разве тебе не интересно знать про оружие? – Гапон явно был доволен собой.

Подошел гарсон, Рутенберг сделал заказ. Когда официант удалился, он спросил:

– Так что с оружием?

– «Джон Крафтон» вышел в Ла-Манш, где в море на него было перегружено оружие с другого судна. Теперь пароход отправился к берегам Финляндии. А оттуда – в Петербург, к рабочим.

– Откуда у тебя деньги на оружие, Георгий?

Гапон смутился, но быстро взял себя в руки.

– Ты же знаешь.

Рутенберг махнул рукой:

– Да, да, ты говорил, что спонсировали англичане и япон-

цы. Но все же, Георгий, скажи, где ты взял остальные деньги?
– Ты мне не веришь? – Гапон рассердился. – Петр, ты знал меня в разных обстоятельствах, мы с тобой через многое прошли. Поверь и сейчас, я делаю большое дело, и любые средства, где бы я их не взял, послужат нашему общему делу. Даже если ваши партийные выскочки-умники не верят этому.

Рутенберг усмехнулся:

– Ты сейчас о ком, о Валентине или о Павле Ивановиче?

Гапон встрепенулся:

– Да хоть бы и о них!

– Ну, ну, – с иронией пробурчал Рутенберг, чем еще больше обидел Гапона.

Их прервал гарсон, принесший заказ. После того как он, расставив блюда, удалился, они принялись за еду.

– Когда ты возвращаешься в Париж? – Гапон взглянул на друга.

– Завтра, – не отрываясь от еды, ответил Пинхас.

– Увидишься с Валентином и Павлом? Можешь не отвечать, знаю, что увидишься. Можешь передать им мои слова. Пусть знают, что я делаю.

Рутенберг промолчал. Когда они переключились на ничего не значащую беседу, Алексей расплатился и вышел на улицу.

На улицы Лондона уже опустился вечер. Город окутывал влажный промозглый туман. Алексей невольно поежился, вынул портсигар и закурил сигару.

Итак, опять все те же лица. Гапон, Рутенберг, «Валентин», то бишь Азеф, и Павел Иванович, он же Савинков. И все друг друга знают, что и следовало предполагать. Глебову вспомнилось его давнее видение – Рутенберг с группой рабочих надвигаются на испуганного Гапона, он кричит. Алексей передернулся. Швырнул недокуренную сигару в урну. Он намеревался вернуться в Россию через несколько дней, но Азеф и Савинков... Эти господа в неоплатном долгу перед ним – оба покушались на его жизнь.

На пороге ресторана возник Рутенберг. Алексей поглубже натянул шляпу. Благо туман был густой и маскировал все и вся кругом, так, что невозможно было что-либо разглядеть.

Рутенберг поежился, порылся в карманах, вынул пачку папирос, искал спички, но не найдя, чертыхнулся. Оглядевшись, он направился в сторону Алексея.

– Прошу прощения, у вас прикурить не найдется?

Глебов, не поднимая головы, чиркнул спичкой, прикрыв огонек ладонями, чтобы не погас. Рутенберг наклонился, чтобы прикурить, заслонил трепещущий огонек рукой. Его пальцы на мгновение коснулись ладони Алексея и...

Вспышкой пронеслось видение – Гапон болтается в петле, рабочие, сплевывая от презрения, расходятся, а Рутенберг смотрит на тело священника...

Пинхас отшатнулся от Алексея, всматриваясь в его лицо. Папироса выпала из его рук.

– Кто ты? – просипел он. – Кто?

Алексей приподнял голову, взглянул на него. Рутенберг отступил назад, затем развернулся и побежал прочь.

* * *

Возвратившись в гостиницу, Алексей стал паковать вещи с твердым намерением вернуться в Россию. Рутенберг сбежал, по всей видимости, напуганный видением, каким-то образом переданное ему от Алексея. Гнаться за ним не было смысла. Что ж, не судьба поквитаться с Азефом и Савинковым.

Сбросав вещи в чемодан, Глебов прошел к окну. Уставившись на затянутые густым туманом улицы, он задумчиво потер подбородок. Завтра утром он сядет в поезд и отправится в путь. Через несколько дней прибудет в Россию. Первым делом встретится со своим поверенным, а затем... Затем он должен увидеться с Лизой. Лиза...

Алексей устало прикрыл ладонью глаза. Лиза... Он так давно ее не видел. Прошло столько времени, а забыть ее ему не удалось. Что же ждет их дальше – примирение или развод? Впервые в жизни он одновременно и желал и страшился встречи. О том, что она может быть с другим, он не хотел и думать. Алексей сжал кулак и прижал его к плотно стиснутым губам, отгоняя от себя мысли о Шмите. Что ж, встреча

должна состояться. Рано или поздно она состоится...

* * *

Сентябрь 1905 г. Россия, Подмосковье

Революция продолжалась и шла по нарастающей. В Москве, как и в других городах, проходила усиленная подготовка к предстоящему вооруженному восстанию. На многих фабриках и заводах возникли боевые дружины. Дружина, созданная на фабрике Шмита, численно быстро росла. Ее руководством занимались Михаил Степанович Николаев – «профессиональный революционер», если так можно было сказать, и его заместители – артельщик Иван Васильевич Колокольчиков и заведующий оружейным складом столяр Николай Нифедович Лукьянов¹⁶¹. Рабочие фабрик Шмита, Мамонтова, «Трехгорки», завода Грачева собирались по субботам небольшими группами и выезжали за город, где проходили боевую подготовку. Инструктор обучал их стрелять, разбирать оружие и знакомил с тактикой уличных боев.

Вот и в этот раз, на желтеющей осенней поляне раздавались выстрелы, и Лиза, как большинство присутствующих, стреляла по мишеням.

– У вас неплохо стало получаться, – похвалил Николай Шмит, когда Лиза выбила семь мишеней из десяти.

Лиза опустила револьвер, поставила на предохранитель. Некоторое время не решаясь, что-то сказать, смотрела на

---

¹⁶¹ Прим. автора: участники революции 1905 – 1907 гг., члены РСДРП.

оружие.

– Я тут подумала... У меня есть довольно крупные денежные средства. Часть я хочу вложить в наше дело.

Николай присел на поваленное бревно. Лиза знала, что он делал все возможное, чтобы обеспечить оружием не только рабочих своей фабрики, но и рабочих других предприятий Москвы. И деньги, конечно же, были очень нужны – без жертвований нельзя было обойтись.

– Да, было бы неплохо... Только не забывайте, вам вскоре нужно будет содержать и воспитывать ребенка, – напомнил он осторожно.

Лиза невесело улыбнулась:

– Не беспокойтесь, о своем малыше я позабочусь. В бедность его я вгонять не собираюсь.

Николай некоторое время помолчал, прежде чем спросил:

– Лиза... Вы все еще надеетесь, что ваш супруг жив?

Лиза посмотрела перед собой на покрытую местами опавшими желтыми листьями поляну, нежно погладила живот.

– Да, он жив, – ответила она.

– Но откуда такая уверенность? – Шмит не смог сдержать раздражение.

Она посмотрела на него:

– Я просто знаю.

Николай вскочил на ноги, приблизился к ней, схватил за плечи:

– Лиза, да очнитесь же! Вы себя обманываете! Вы это по-

нимаете?!

– А вы понимаете, что делаете? – Лиза освободилась от его рук, краем глаза наблюдая, что действия Шмита привлекли внимание некоторых рабочих. – Разве так можно?

– Можно. Потому что, я люблю вас!

На некоторое время оба замолчали: Лиза от того, что ее поставили в неудобную ситуацию, Шмит – потому, что был расстроен.

– Вы так не должны говорить, – сделала замечание она.

– Но это так. Я люблю вас. И хочу, чтобы вы стали моей женой.

– Я не могу.

– Ваш муж погиб, Лиза, – упрямо напомнил он.

Лиза уставилась на свои слегка замаранные машинным маслом руки. Положила револьвер на пенек. Затем вытерла руки носовым платком.

– Лиза! – напомнил о себе Шмит.

– Даже, если это правда, – надтреснутым голосом произнесла она, – и мой муж... погиб... Я не смогу стать вашей женой.

– Но почему?!

– Потому что... я вижу в вас только друга, брата, но не боле.

Шмит побледнел:

– Я вам не верю, вы так говорите, потому что я вас рассердил!

– Да, вы меня расстроили и рассердили, поэтому мне проще стало сказать вам правду, столь неприятную для вас, – она взглянула ему прямо в глаза.

Шмит не нашелся, что ответить, в его глазах отразилась боль. Лиза отвернулась, Шмит резко развернулся и зашагал прочь.

* * *

Англия, Лондон

Поезд задерживался. Задерживался уже на час. Бледный начальник станции в который раз устало объяснял пассажирам, купившим билеты, что поезд задерживается по непредвиденным причинам, но скоро будет, извинялся и просил еще немного подождать.

Глебов вышел из душного здания, закинул чемодан на деревянную скамью и потянулся за портсигаром. Промозглый лондонский туман и начавшийся мелкий дождь пробирали до костей, плащ промок, а шляпа и подавно. Мимо сновали лондонцы с неизменно черными зонтами, раскрытыми над их головами. Алексею англичане казались бледными, что собственно не было удивительным, судя по погоде, которая постоянно заставляла его, когда он бывал в Англии – дождь, туман, хило светило солнце, такое же бледное, словно оно болело от такой погоды...

Глебов спрятался под козырек крыши от надоедливых капелек дождя. Если он пробудет в Лондоне еще немного, то

превратится в бледное измученное создание. Алексей усмехнулся своим мыслям. Да что за меланхоличное настроение?! В отличие от него большинство лондонцев, проходивших мимо, были в добром расположении духа, несмотря на пасмурную погоду.

Алексей забросил промокшую папиросу в мусорную корзину и, спрятав руки в карманах, оперся плечом о колонну. Наблюдая за дождем и задумавшись, он незаметно погрузился в воспоминание...

...Маленький провинциальный городок Верхнеудинск не мог похвастаться хорошими каменными тротуарами, а когда начинался дождь, грязь просто месилась под ногами прохожих. Алексей, хотя и был непритязательным, все же не жаловал дождливую погоду, тем более, когда «на улице впору ходить не людям, а лежать в грязи обленившимся от бесплатных, как сыр в мышеловке, харчей чушкам».

Подобное заявление супруга позабавило Лизу, она смеялась, подтрунивала над ним, а потом, приподняв подол юбок, ступила в эту грязь новенькими башмачками и лукаво посмотрела на мужа. Он протянул к ней руку, желая вернуть на тротуар, покрытый досками, но Лиза увернулась и со смехом стала пробираться на другую сторону улицы, где начинался городской сквер. Глебов крикнул, чтобы она вернулась, чертыхнулся и последовал за ней. Как назло небо прорвало, и разразился дождь.

Алексей нагнал жену уже в сквере, они вместе заскочи-

ли в беседку под навес. Он раздраженно посмотрел на свою запачканную обувь и брючины, перевел взгляд на грязные обувь и подол юбок жены, затем сердито посмотрел ей в глаза. Лизу его взгляд не смутил, не напугал – она хитро улыбалась, в глазах горел веселый огонек. Перестал хмуриться и Глебов, ее ребячество оказалось заразительным, его глаза вспыхнули, и на губах мелькнула ухмылка – впервые, после трагической гибели друга – Кости Абрамовича...

Лиза, ободренная его мимолетной улыбкой, осмотрелась по сторонам, затем сделала шаг навстречу, опустила руки на его плечи. Он с готовностью принял ее в объятия, их губы соприкоснулись, а потом еще, еще. Поцелуи, такие пьяняще сладкие, то игривые, то нежные, то страстные...

Несмотря на то, что они были уже женаты, кто-то все же насплетничал родителю Лизы про их поцелуи в общественном сквере, и им пришлось через несколько дней уехать, чего они, в принципе, давно желали, но их удерживал Лизин отец...

Глебов очнулся от воспоминаний – какой-то мужчина в спешке случайно задел его плечом. Алексей бросил сердитый взгляд на хама, который даже не извинился, и замер. Так это же Рутенберг!

Пинхас оглядывался по сторонам, в руке он держал чемоданчик. К перрону подошел поезд, Рутенберг стал пробираться к нужному вагону. Глебов подхватил свой чемодан и последовал за ним.

* * *

Россия, Москва

Вечером к дому адвоката Адриканиса подкатил ломовой извозчик¹⁶², который привез несколько ящиков с какими-то вещами.

– Кто прислал? – спросила Лиза, когда она и Катя вышли посмотреть на «посылку».

Извозчик пожал плечами:

– Ничего я не знаю, мне велено доставить сюда, я привез. Вот приедет с вокзала тот, кто меня нанял, он и объяснит.

Ящики извозчик и его помощник отнесли в подсобное помещение.

Вечером, так и не дождавшись, что кто-либо приедет и что-либо объяснит, Катя и Лиза вскрыли один из ящиков и ахнули: браунинги и маузеры!

Катя захлопнула ящик и взглянула на подругу.

– Нужно тщательно спрятать, – сказала Лиза, покусывая губы.

– Нам вдвоем не управиться. И как назло ни мужа, ни брата в городе нет!

– Лукьянов поможет.

Вернувшись в комнату, Лиза написала коротенькую записку и позвала прислугу.

---

¹⁶² Прим. автора: Ломовой извозчик занимался транспортировкой тяжелых грузов.

– Нужно доставить на фабрику заведующему фабричной библиотекой столяру Николаю Нифедовичу Лукьянову, – передавая записку, сказала она.

Через полчаса пришел Лукьянов. Убедившись, что все ящики с оружием, он нахмурился. Кому в голову могло прийти прислать оружие на дом к Андриканисам? Это было слишком опасно, если учесть, что шли обыски и совсем недавно жандармы были у Андриканисов и наведывались на днях к Николаю Шмиту.

– На фабрике есть небольшой тайный погребок, – сказал, наконец, Лукьянов. – Туда и отвезем. Но не сегодня. – Он посмотрел на встревоженных женщин. – Ночью подозрительно – остановят для досмотра. Сделаем завтра с утра.

Когда он ушел, Катя и Лиза встревожено посмотрели друг на друга. Что же делать? Ночью сон так и не пришел, и подруги просидели в гостиной, прислушиваясь к лаю собак и с тревогой выглядывая в окно.

К утру они задремали каждая в своем кресле, но мгновенно проснулись, заслышав шум на улице. Лиза подскочила к окну и увидела остановившуюся под окном телегу и спрыгивающего с нее Лукьянова. С ним прибыло еще двое рабочих. Они вогнали телегу во двор. Минут за десять сгрузили ящики в телегу.

– Нужно завалить чем-нибудь, – сказал Лукьянов. Лиза взглянула на Катю.

– Катя, пора менять мебель, – произнесла она. – Как ты

думаешь, Николай подарит тебе новую мебель со своей фабрики?

Спустя какое-то время рабочие уже вытаскивали из дома стол, диван, стулья, наваливая их на загруженные ящики с оружием.

Лукьянов сел в телегу, взяв вожжи. Из квартиры спустилась Лиза, уже успевшая переодеться в простенькую одежку – фабричная работница, да и только.

– Зачем вы? – укорил ее Лукьянов, когда она протянула ему руку, чтобы он помог ей забраться на телегу.

– Так надо.

Он нехотя помог ей. Лиза села рядом.

– Ну, с Богом, – промолвила Катя, перекрестив их напоследок.

– С Богом.

Лукьянов махнул вожжами, и лошадь потянула телегу со двора.

На полпути к фабрике дорогу преградили жандармы. Лиза крепко сжала грубую ткань юбки.

– Спокойно, – буркнул Лукьянов, когда жандарм махнул рукой, приказывая остановиться. Сердце Лизы замерло. Лукьянов напрягся, натянул вожжи.

– Т-пру!

Жандарм приблизился к телеге, окинул ее внимательным взглядом, затем посмотрел на Лукьянова.

– Что везете?

– Везем мебель для ремонта, – ответил рабочий, сконфуженно улыбаясь.

– Ну, ну, – жандарм кивнул своему подручному, и тот обошел телегу вокруг, осматривая, приподнимая легкую мебель. – Ну что там?

– Погодь... – Второй жандарм стал усиленно рыться.

– Что там...

Неожиданно Лиза громко вскрикнула, ухватилась за руку Лукьянова, согнулась пополам.

– Николай Нефедыч, началось, – выдавила она.

Лукьянов побледнел еще больше, жандарм уставился на Лизу.

– Чего она?

– Сноха моя... – голос его захрипел от волнения, – рожает видать...

Подошел второй жандарм, с недоверием посмотрел на Лизу и Лукьянова:

– А коли брешут?

Лиза вскрикнула, ухватилась за округлый живот, тяжело задышала, и захныкала:

– Батьку, воды отошли...

Жандармы и Лукьянов уставились под ноги Лизы, и глаза их округлились. Под ботинками женщины образовывалась небольшая лужица.

– И чего... теперь? – очнулся один из жандармов.

– Чего, чего! Пусть едут, будь оно неладно! – махнул ру-

кой первый жандарм, отходя в сторону.

– Благослови вас Бог, братцы! – Лукьянов ухватился за поводья и хлестнул лошадь. Лиза застонала, обоз тронулся с места и затрясся по каменной мостовой.

Телега мчалась по дороге, грозясь развалиться на следующей колдобине.

– Николай Нефедович, чуть помедленнее, – произнесла Лиза, крепче уцепившись за борт.

– Как вы? – с тревогой спросил он.

– Будет совсем хорошо, если вы не будете так гнать.

– Так вы того... не рожаете?

– Скажем так, до января нет. – Лиза засмеялась, вытягивая из-под юбок кожаный бурдюк¹⁶³. – Вода была отсюда!

Лукьянов рассмеялся и порывисто приобнял Лизу за плечи. Затем отпустил.

– Ну вы меня и напугали. А я уж было решил...

Он снова рассмеялся, закачал головой.

– Молодчина, девонька, ай да молодчина.

_ 39

* * *

Швейцария, Женева

---

¹⁶³ Бурдюк – кожаный мешок из цельной шкуры животного, предназначенный для хранения жидкостей. Бурдюки распространены в странах Востока, у некоторых народов Сибири и Средней Азии.

Рутенберг прибыл в Женеву. Алексей не прекращал за ним слежку. И вскоре его ожидания оправдались – Пинхас вывел его на Савинкова.

Рутенберг и Савинков встретились в одном из скверов города. Когда Пинхас сел рядом с ним на скамейку, Савинков, наблюдая за голубями, задал вопрос:

– Как обстоят дела?

– Этот напыщенный индюк профукал все дело: так хватал закупленным оружием направо и налево, что в результате, как мне стало известно, пароход с оружием был захвачен и потоплен!

– И?

– Оружие исчезло в неизвестном направлении.

Савинков поморщился, потер набалдашник своей трости.

– А что Азеф? – спросил Пинхас.

– А что Азеф?

– Ты веришь, что он предатель?

– Так ты уже знаешь про анонимку? – Савинков вздохнул, почертил тростью на земле. – Я говорил с Гоцем¹⁶⁴. Он тоже спросил, что я думаю о письме.

– И что?

– Что я думаю? Ничего.

---

¹⁶⁴ Михаил Рафаилович Гоц (Мойше Гоц) (1866, Москва – 1906, Берлин) – российский политический деятель. Народоволец с 1884 г. Один из организаторов партии эсеров, создатель устава «Боевой организации».

– А Татаров¹⁶⁵?

Савинков помолчал.

– Я знаю Татарова давно. Мне и в голову не может прийти, что он провокатор. Вполне возможно, что письмо полицейского происхождения и это их интрига.

– Но провокатор есть. Тому много подтверждений.

– По-моему, нужно расследовать дело. Татаров сейчас в Париже. Мы за него возьмемся... Татаров за последние шесть недель издержал на дела своего издательства более пяти тысяч рублей. Гоц считает, что ему неоткуда было взять таких денег: ни партийных, ни личных сумм у него нет. Тогда, откуда он взял деньги?

– Дело ясное, что дело темное, – изрек Пинхас. – Так что теперь, раз пароход не дошел до цели, мне все-таки ехать в Петербург или нет?

– Раз Азеф говорил ехать, значит, так надо, – ответил Савинков, – проследишь за Гапоном. Нельзя его выпускать из виду.

Рутенберг откинулся на спинку скамьи с выражением полнейшего неодобрения:

– Не нравится мне все это, Борис. Дело пахнет жареным.

– Революция – это вселенский водоворот, когда на поверхность поднимается всякий человеческий мусор, случайные

---

¹⁶⁵ Николай Юрьевич Татаров (псевдоним Костров) (1877, Варшава – 1906, Варшава) – политический деятель, член партии эсеров, агент охранного отделения. Журналист, издатель, переводчик польской литературы.

люди объявляют себя участниками революции... Твоя задача на данное время, Петр, следить за Гапоном...

* * *

Когда Рутенберг и Савинков распрощались, Глебов последовал за Савинковым. Савинков никуда не торопился, шел спокойной, размеренной походкой, а Алексей решил пока ограничиться слежкой.

Вскоре Савинков нанял коляску, Алексей последовал его примеру, и спустя пятнадцать минут они уже выехали за пределы города.

Савинков отпустил возничего и зашагал по тропинке в сторону леса, поднимаясь в гору все выше и выше. Глебов пошел за ним. Спустя какое-то время он нагнал его у склона – эсер в подзорную трубу наблюдал за кем-то внизу.

Обождая некоторое время, Алексей сделал шаг в его сторону, как вдруг услышал женский вопль, затем крик о помощи. Савинков не шелохнулся, продолжая наблюдать. Крик повторился. Эсер перевел трубу влево, видимо прослеживая чье-то перемещение, по всей видимости, ему стало не видно происходящее, он сложил трубу и зашагал по тропинке в гору.

Вновь раздался женский крик о помощи. Что же делать? Савинков удалялся, поднимаясь все выше и выше. Алексей свернул с тропы и кинулся на звуки голоса.

– Кто-нибудь! Прошу, помогите! Помогите!

Глебов не сразу заметил женщину, склонившуюся над обрывом. Ее практически было не видно сквозь кусты, но очередной приглушенный вопль о помощи привлек внимание Алексея. Он бросился к ней и сразу понял, в чем дело: хрупкая женщина, склонившись над обрывом, пыталась вытащить лысоватого мужчину, который мог сорваться вниз в любой момент.

Женщина повернула к Глебову запачканное заплаканное лицо, искаженное страхом, он быстро опустился рядом, одной рукой ухватился за ветви дерева, другую протянул мужчине.

– Держитесь!

Мужчина цепко ухватился за его руку, Алексей потянул его на себя, с трудом, но вытянул.

– Володя, Володенька! – плакала от облегчения женщина, глядя мужчину по плечу.

– Ну, ну, Наденька, успокойся, – произнес он, все еще пытаясь унять дрожь, затем взглянул на запыхавшегося Алексея.

– Чр-резмерно благодарен вам, – произнес он. – Вы мне жизнь спасли!

– Не стоит благодарности, – Алексей поднялся, отряхивая одежду. – Моя помощь более не нужна?

Женщина отрицательно покачала головой, Алексей на прощание кивнул, и быстро зашагал к тропинке, надеясь наперерез нагнать Савинкова.

Пробираться сквозь чащу леса было не так уж просто, но Глебову удалось выбраться на пригорок и тут он с огорчением заметил вдалеке силуэт Савинкова, забирающегося в повозку – догнать его уже не представлялась возможным.

Алексей чертыхнулся и, присев на каменную глыбу, стер пот со лба. Да уж, пришлось побегать!

Он скорее почувствовал, чем заметил, чье-то присутствие позади себя. В следующий момент тень метнулась в его сторону, Глебов успел увернуться – удар палкой пришелся по камню, на котором он сидел мгновение назад. Алексей повернулся к противнику лицом и с удивлением увидел перед собой Савинкова.

Тот вновь замахнулся палкой, Алексей откатился в сторону, затем вновь – мимо. Палка треснула и разлетелась пополам. Савинков откинул ее в сторону и бросился на Глебова, но тот, вовремя согнув ноги, сделал выпад и отбросил противника на несколько шагов назад. Савинков упал на спину, Алексей быстро поднялся, но противник тоже уже вскочил на ноги и бросился бежать.

Глебов последовал за ним. Через чащу, ломая хрупкие ветки, выскочили к водопаду. Шум воды перекрывал звук собственных шагов и тяжелого дыхания. Камни под ногами были скользкими, а угрожающая бездна, заполненная брызгами и пенящейся водой, была слишком близко.

Савинков оступися, ухватился за толстую ветку дерева, Глебов тоже поскользнулся, но удержался на ногах, кинулся

к Савинкову и поздно осознал свою ошибку: Савинков отпустил согнутую ветвь, она резко выпрямилась и стеганула Алексея по груди. Он потерял равновесие, взмахнул руками, немного успел повернуться корпусом, прежде чем упасть в бурлящий поток.

Вода мгновенно оглушила его, приняв в свои холодные объятия. Бурный поток подхватил его и понес за собой. При первом пороге Глебов сильно ударился плечом о каменный выступ, но боль заставила его прийти в себя, он стал бороться с течением, пытаясь грести к берегу. Попытка оказалась неудачной, второй порог оказался крутым, Алексей с головой ушел под воду, но не перестал бороться. Наконец, ему удалось зацепиться за поваленное дерево, какое-то время он цепко держался за его мертвые ветви, затем стал пробираться к берегу.

Оказавшись на берегу, Алексей рухнул лицом в землю. Началась рвота – легкие потребовали освобождения от попавшей в них воды. Отплевавшись, Глебов, вначале на карачках, затем, уже встав на покачивающиеся ослабевшие ноги, стал двигаться в сторону от водного потока. В мокрой одежде стало ужасно холодно, но останавливаться было нельзя. В данном случае движение означало жизнь.

Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем ему удалось выбраться на дорогу. К счастью на полянке он увидел людей и побрел в их сторону. Женщина первой заметила его, указала мужчине на Алексея, он обернулся, вскочил на ноги,

и легко преодолев пробежкой разделяющее их расстояние, вскоре оказался подле Алексея.

– Это вы! Что же с вами произошло? – Мужчина, перекинув его руку себе через плечо, подхватил Алексея за торс и повел к костру. Усадив вблизи огня, дал распоряжение женщине подать плед.

Алексей трясущимися руками стянул с себя верхнюю одежду, посмотрел на мужчину, который уже сбросил с себя штаны и пиджак и стоял перед ним в рубаше и подштанниках. Свою одежду он протянул Алексею:

– Надевайте.

– Спасибо, – пробормотал Глебов.

Женщина, передав мужчине плед, предусмотрительно отвернулась, давая Алексею возможность переодеться в сухую одежду, и занялась горячим чаем для него.

Вскоре Глебов был укутан в теплое одеяло, мужчина, натянув на себя пальто, с предприимчивой активностью соорудил из палок сушилку возле костра, на которую развесил мокрую одежду Алексея, женщина напоила Глебова горячим чаем с малиной, растерла ступни ног.

Постепенно Алексей стал приходить в себя и даже с интересом стал посматривать на своих новых знакомых. Редко когда можно было встретить столь активную пару, действующую слажено и обдуманно. Каждый будто знал, что должен делать в данный момент.

– Вы наш соотечественник? – поинтересовалась женщина,

видя, что Алексей оживился и наблюдает за ними.

– Я из России, – ответил он и представился, – Глебов. Алексей Петрович.

Мужчина с прищуром посмотрел на Алексея, заложив большие пальцы за нижнюю часть ворота пальто и оттопыривая его.

– Ульянов. Владимир Ильич. И супр-руга моя – Надежда Константиновна...

* * *

Новые знакомые обогрели, накормили и пригласили в гости. Алексей не отказался от приглашения, и вечером они сидели в гостиной у Ульяновых. Помимо них были мать Надежды Константиновны – Елизавета Васильевна, и некие Гусев и Лепешинский¹⁶⁶.

Хозяин дома о чем-то говорил с Гусевым и Лепешинским, женщины ненадолго удалились, а Алексей сквозь полудрему от навалившейся усталости наблюдал за ними.

У Ульянова была залысина со скудной растительностью на висках, редкая рыжеватая борода, но лет ему было эдак тридцать пять, не более. Крепко сколоченный, очень активный, с подвижными лицом и глазами. В его лице можно было различить монгольско-татарские черты, хотя, впрочем, лицо

---

¹⁶⁶ Прим. автора: П. Н. Лепешинский (1868 – 1944) – профессиональный революционер, член РСДРП, литератор. С. И. Гусев (настоящее имя Я. Д. Дабкин) (1874 – 1933) – российский революционер, большевистский партийный деятель.

как лицо – совершенно такое же, как у множества русских, проживающих вблизи средней и нижней Волги. . . Глаза темные, маленькие, но в них светился ум. Пока он беседовал, его лицо часто меняло выражение: то настороженная внимательность, то раздумье, то насмешка, порой презрение, непроницаемый холод и злость. Говоря или, точнее, споря с Гусевым, он делал большой шаг назад, одновременно запуская большие пальцы за борт жилетки около подмышек и держа руки сжатыми в кулаки. Затем делал небольшой, быстрый шаг вперед и, продолжая держать большие пальцы за бортами жилетки, растопыривал пальцы в разные стороны. При разговоре эта жестикуляция происходила постоянно, и словно гипнотизировала слушателя. Алексей моргнул, прогоняя сон.

Лепешинский присел рядом с ним и многозначительно заметил:

– Старик наш мудр, – при этом взгляд его потеплел, и всё лицо выразило обожание по отношению к Ульянову.

Алексей повел бровью:

– Старик?

Ульянов рассмеялся:

– Ах да, Лепешинский! Ты разбудил нашего гостя!

– Простите, я и в правду задремал, – покаялся Алексей.

– Это вы уж нас простите, мы увлеклись беседой тет-а-тет, позабыв о гостеприимстве.

– Как с той дамой, приехавшей от Калмыковой с визи-

том? – прокомментировал Гусев, садясь в кресло.

Ульянов повернулся и с нотками раздражения в голосе заметил:

– Та, что жаловалась всем, что я принял ее с «невероятной грубостью», почти «выгнал»? Она сидела у меня два часа, отняла от работы, а своими расспросами и разговорами довела до головной боли. И она еще жалуется.

– Она думала, Ильич, что ты за ней поухаживаешь.

– Ухажерством я занимался, когда был гимназистом, на это теперь нет ни времени, ни охоты. И за кем ухаживать? Эта дура – подлинный двойник «Матрены Семеновны», а с «Матреной Семеновной» я никаких дел иметь не желаю.

– Какая Матрена Семеновна? – с недоумением спросил Лепешинский и слегка смутился – на пороге возникла Надежда Константиновна, прошла к столу, положила на него шахматную доску.

– Матрена Семеновна Суханчикова из «Дыма» Тургенева, – объяснил с улыбкой Гусев, заметив конфуз знакомого.

– Стыдно, батенька, не знать Тургенева! – заметил Ульянов с неодобрением.

– Володя, не входи в раж, – тихонько сказала его жена, на мгновение положив руку на его локоть.

Он вновь заложил большие пальцы за жилетку, слегка отступив назад. И обратился к гостям:

– Может быть, партийку в шахматы?

– Э, нет, Ильич, нам с Лепешинским пора, – ответил за

двоих Гусев. – Позволь откланяться, дела. А вы, – он с улыбкой повернулся к Алексею, – если решитесь с ним сыграть – будьте осторожны, Ильич прекрасно просчитывает ходы и играет с ражем.

– Он любит с нами состязаться, – добавил шепотом Лепешинский, – и может сидеть за шахматами с утра до поздней ночи.

Когда они ушли, Глебов и Ульянов все же разыграли партию. Во время игры, а играл он действительно превосходно, Ульянов насвистывал сквозь зубы разные мелодии, а слух у него был хороший.

– Огромная любовь к пению? – спросил с улыбкой Глебов.

Ульянов поднял на него свои искрящиеся глаза:

– Десять, двадцать, сорок раз могу слушать «Sonate Pathétique» Бетховена¹⁶⁷ и каждый раз она меня захватывает и восхищает всё боле. – Он сделал довольно удачный ход конем.

Алексей потер подбородок, обдумывая свой ход.

– А вы, не увлечены пеньем?

– Нет, мне медведь на ухо наступил, – буркнул Глебов и передвинул ферзя на доске.

– Любите гулять на природе?

– Не так, как вы, – Алексей с интересом взглянул на Ульянова – неужели выясняет, что он делал в горах? Не доверяет?

---

¹⁶⁷ «Grande sonate pathétique» – «Большая патетическая соната», посвященная князю Карлу Лихновскому. Написана в 1798-1799 гг.

– Да, природа – одно из моих увлечений... Люблю любоваться этой красотой. – Ульянов сделал ход и посмотрел на Алексея. – А представьте, что десятки, сотни миллионов людей, кроме курной избы, зловонной фабрики, грязной улицы ничего во всю жизнь не видят и не увидят.

Глебов промолчал, обдумывая ход, а Ульянов после паузы продолжил:

– И непременно найдутся дур-рни, которые будут уверять, что народ по своей толстокожести, не способен понимать и ценить красоту природы. Дурни не понимают, что у людей, истомленных тяжелым, а иногда каторжным трудом – больше желания вдоволь выспаться, чем любоваться восходом солнца. В этом суть.

Он уставился на доску.

– Да, вы правы, – согласился Глебов.

– Не так давно, – продолжил Ульянов, – мы с Надеждой Константиновной взбирались на Салэв¹⁶⁸ встречать восход солнца. Компаньонами нам оказались двое рабочих, на вершине горы от нас отделившихся. Спускаясь с горы, мы их опять встретили и спрашиваем: не правда ли, восход солнца был очень красив? Они отвечают: «К сожалению, ничего не видали, весь день до этого работали, устали, в ожидании восхода солнца прилегли немного отдохнуть, да и проспали»... Часто вот говорят о воспоминаниях детства и их идеализации. Такое явление имеет место главным образом сре-

---

¹⁶⁸ Прим. автора: гора близ Женевы.

ди состоятельных классов общества. У меня, по-видимому, и у вас, сохраняются весьма приятные воспоминания о детстве. – Алексей кивнул. – Жили мы в тепле, голода не знали, были окружены всякими культурными заботами, книгами, музыкой, развлечениями, прогулками. Но ведь этого нельзя сказать о детях рабочих и крестьян. Какие приятные воспоминания о детстве может сохранить крестьянский мальчуган, которого чуть ли не в шесть лет заставляют нести тяжелую работу вроде полки?

– Согласен. – Глебов сделал ход.

Ульянов быстро переставил королеву:

– Шах. И мат!

Алексей посмотрел на расположение фигур:

– Да, несомненно. Поздравляю.

Он взглянул на часы:

– Довольно поздно. Позвольте откланяться.

– Нет, не позволю. Определенно решено – вы заночуете у нас. Наденька приготовила для вас комнату. Она ведь знает, что если уж сели за шахматы – то глядишь, игра пойдет и за полночь.

Глебов попытался возразить.

– И не возражайте. Ничего не хочу слушать. Вы сегодня мне жизнь спасли, а я не могу вам отплатить гостеприимством.

– Чувствую себя так – будто изменил ход истории – не мира, но хотя бы государства, – пошутил Глебов.

Ульянов громко рассмеялся, хотел было что-то сказать, но слова не шли, а на глаза выступили слезы. Смех его был столь же заразительным, что вошедшая Крупская, некоторое время постояв, тоже рассмеялась.

Улыбнулся и Глебов.

– Кто знает, может быть, вы и правы, – наконец произнес Ульянов. – Надежда Константиновна, как там комната?

– Готова.

Ульянов повернулся к Алексею:

– Не желаете еще партийку перед сном?

– Раз такое дело, и я остаюсь, почему же не отыгаться.

– Не бросайте слов на ветер.

* * *

Было еще раннее утро, когда Глебов проснувшись, открыл глаза и осмотрелся, не сразу вспомнив, где он. И удивляться тому не было причин – во сне ему привиделся Петербург и Лиза – и все это было как наяву. Алексей потер глаза, отгоняя ночное видение супруги, и взглянул на часы с кукушкой. Без десяти шесть. Он поискал взглядом свою одежду – она была аккуратно свешана на стуле – хозяйки дома почистили и погладили ее, пока он спал. Одевшись, Глебов спустился вниз.

Ульянов уже не спал, несмотря на то, что просидели они за шахматами за полночь, при том Глебов проиграл со счетом 2:1. В небольшой комнате – кабинете, полуголый, Улья-

нов проделывал разные гимнастические упражнения: то разводил и вращал руками, приседал, то сгибал корпус, касаясь пола пальцами вытянутых рук. Судя по подтянутой фигуре, он действительно был в хорошей форме.

– Доброе утро, – поприветствовал его Алексей. Ульянов обернулся, но продолжил упражняться:

– Доброе. Немного обождите, скоро я закончу.

Спустя несколько минут, Ульянов, натягивая рубаху, без обиняков разъяснил:

– Эту систему упражнений я сам себе установил уже много лет и выполняю каждый день. Не гимнастирую только, когда, работая ночью, чувствую себя утром усталым. В этом случае, как показал опыт, гимнастика не рассеивает усталость, а ее увеличивает. Да и вы, я вижу, тоже в прекрасной физической форме. Вчера вы так ловко вытянули меня из пропасти, а потом, попав в такую передрыгу с водопадом, так быстро оправились – все это говорит о том, что вы поддерживаете форму.

– Да, это так, – согласился Глебов. – Есть набор упражнений, которым меня в детстве обучил доктор Краевский¹⁶⁹.

– «Отец русской атлетики»? – удивился Ульянов. – Вы занимались в его атлетическом кружке? Вам несказанно по-

---

¹⁶⁹ Прим. автора: Развитие атлетики в России было неразрывно связано с деятельностью петербургского врача В. Ф. Краевского, основавшего в 1885 г. первый в России «Кружок любителей атлетики». Школу Краевского прошли известные всему миру атлеты В. А. Пытлясинский и Георг Гаккеншмидт («Русский лев») – неоднократный чемпион мира среди профессионалов.

везло.

– В то время я в большей степени наблюдал за тренировками атлетов и был мальчишкой на побегушках. Но доктор, видя мою настойчивость, многому меня научил.

– А вот я когда-то, в Казани, ходил специально в цирк, чтобы видеть атлетические номера. И потерял к ним «всякое уважение».

– О, кажется, я догадываюсь, о чем вы, – Алексей улыбнулся, вспомнив еще одни моменты из своего детства, – Случайно, не о дутых гирях атлетов в цирке?

– Именно об этом! Как-то, случайно побывав за кулисами, я обнаружил, что гири-то дутые, пустые и потому совсем нетяжелые. А вы почему узнали?

Алексей рассмеялся:

– До встречи с Краевским, а мне тогда было лет одиннадцать, я сбежал из дома и несколько недель прожил и проработал в бродячем цирке.

– Надо сказать, вы довольно неординарная личность!

– Нет, что вы. Я довольно простой человек.

– И чему же вас научил господин Краевский?

– Одной простой вещи, но весьма правильной. Владислав Францевич придавал большое значение развитию силы мышц спины и ног. Он говорил: «Бицепсы рук – дело второстепенное, накачать их особого труда не составляет. Спина и ноги – вот основа силы и залог победы». Тогда я мог раз сто – сто двадцать перепрыгнуть через стол.

– А не хотите ли, батенька, помериться силой? – Ульянов присел на стул и поставил руку локтем на поверхность стола, то сжимая, то разжимая пальцы.

– Борьба на руках?

– Борьба на руках.

– Согласен. – Алексей скинул пиджак и сел напротив. Закалат рукава, и приготовившись, они сцепили правые руки в замок. – Чья рука коснется поверхности, тот проиграл.

– На счет тр-ри. Р-раз, два, тр-ри...

Ульянов оказался сильным противником, но ни Алексей, ни Ульянов уступать не хотели. Как раз в это время на ступенях, ведущих на кухню, появилась Елизавета Васильевна.

Смотря на них и держа платок у рта, она, наконец, не выдержала и рассмеялась:

– Ребячичесь!

Ульянов отвлекся, его рука на мгновение дрогнула:

– Елизавета Васильевна, не мешайте нам. Мы занимаемся очень важными делами!

Елизавета Васильевна заулыбалась, закивала и тихонечко вышла. Еще немного и борьба окончилась – победой Алексея.

– Силен. – Ульянов потряс рукой.

– Признаете поражение или не против повторить?

– Не так опасно поражение, как опасна боязнь признать его. Здесь важно не недооценить, а переоценить свои силы. – Ульянов рассмеялся. – Так что, я признаю.

Вернулась Елизавета Васильевна, похвалилась зятем:

– Не правда ли, какой Владимир Ильич ловкий?

Глебов, по-доброму усмехнувшись, согласился.

– Володенька во всем ловкий. Он и не курит, не выносит алкоголя, заботится о своем здоровье. Он, к тому же, воплощение порядка и аккуратности. Бывает так, что оторвется пуговица, а он сам, не обращаясь к Наде, ее пришивает с особой аккуратностью...

– Елизавета Васильевна, – остановил ее словесную хвалюбу Ульянов. – Не пора ли пить чаю?

– Ах, что же я... пришла ведь вас позвать к чаю. У нас с Наденькой все готово...

* * *

Ульянов с женой проводили Глебова до вокзала, где он из камеры хранения забрал свой чемодан, и даже посадили его на поезд.

– Что ж, прощайте, – сказал Глебов, стоя на входе в вагон.

– Доведется – встретимся еще, – Ульянов хмурился. – Хотел бы я тоже поехать в Россию..., – он поправил кепку на голове, лицо его стало непроницаемым, – но не время.

Раздался свисток, а кондуктор попросил Алексея пройти в вагон.

– До свидания, господин Глебов, – крикнула Надежда Константиновна, махнув рукой.

Алексей помахал в ответ. Ильич поднял руку над головой.

Кондуктор закрыл дверь. Поезд тронулся. Алексей какое-то время постоял на месте, ощущая непонятные ему чувства – смесь сожаления, тревоги и ощущение того, что он что-то важное упустил из виду.

_ 40

* * *

Глава 4. На гребне революции

Октябрь 1905 г. Россия, Петербург

После пребывания за границей, где было относительно спокойно, и жизнь шла размеренно, приехав в Россию, Глебов мгновенно окунулся в сложившуюся гнетущую революционную атмосферу. Первой же сложностью оказалось добраться до Питера, так как железнодорожники бастовали и поезда не ходили. Из газет, купленных на улице у бойких мальчишек-продавцов, Алексей узнал очень много. Газетчики, и либеральные, и консервативные, переставшие бояться цензуры, трубили на разный манер о грязи, творившейся в стране, но голоса их были созвучны в одном – «долой подлое и бездарное правительство, бюрократию, существующий режим, доведший Россию до такого позора». Из газет стало известно, что образовавшиеся в последний год союзы инженеров, адвокатов, учителей, профессоров, фармацевтов, крестьянства, железнодорожных служащих, фабрики-

кантов, рабочих и прочих слоев населения были единодушны свалить существующий режим во что бы то ни стало, для чего многие, признав, что «цель оправдывает средства», не брезговали никакими методами.

Кроме открытой прессы, улицы заполнялись революционными листовками, прокламациями, программами, озвучивавшими более резко сложившееся положение в стране и призывавшими к немедленным действиям.

Революция в стране из подполья вырывалась наружу; император и правительство совершенно утратили авторитет и потеряли силу воздействия на происходящее. Черносотенцы под лозунгом защиты существующего строя творили беззаконие.

Смута увеличивалась не по дням, а по часам, революция угрожающе и пугающе выходила на улицы, увлекая все население. Высший класс был недоволен и ожесточен; молодежь не признавала никаких авторитетов, кроме крайне революционных и антигосударственных; профессора провозглашали: «довольно – нужно все перевернуть»; земские и городские деятели заявляли: «спасение – в конституции», а торгово-промышленный класс встал на их сторону и даже производил большие денежные пожертвования на освободительные движения, на революцию. Рабочие окончательно подпали под руководство революционеров и действовали наиболее активно там, где нужна была физическая сила. Крестьяне подняли вопрос о безземелии и об их утесненном положе-

нии. Войско было взволновано, начались вспышки непослушания, а в некоторых случаях и маленькие революционные выступления с оружием в руках, поэтому многие опасались возвращения армии с востока, которое должно было произойти после подписания мирного договора с Японией. Все инородцы, а в России инородцев больше одной трети всего населения, решили, что настал момент проводить свои мечты и желания: поляки требовали «автономию», евреи – «равноправие», и все без исключения желали устранения притеснений, в которых проходила вся их жизнь.

Было такое чувство, что вся Россия, накопившая с годами, веками, свое недовольство несправедливостью и беззаконием, наконец, изливала накопившееся в вопле «так дальше жить нельзя!».

Добравшись до Питера на почтовых, Глебов застал столицу бастующей. Фабрики были закрыты, рабочие проводили время в митингах и в хождениях по улицам, где к ним прирывали различного рода хулиганы и дебоширы.

Высшие учебные заведения, сначала служившие местом революционных митингов, были тоже закрыты, и большая часть студенчества пополнила ряды митингующих и шастающих по улицам столицы. Добираясь до дома на, с трудом нанятом, экипаже, Глебов смог воочию наблюдать, что движение в экипажах почти прекратилось, прекратилось освещение улиц, и появляться вечером на них стало небезопасно. Улицы пустовали, и лишь изредка пробегали неясные тени в

проулках и раздавались торопливые шаги, а порой и вопли несчастных жертв.

Последствия творившегося беспорядка и разрухи ждали и дома: отсутствовало водоснабжение, телефонная сеть бездействовала, а свет, пару раз мигнув, окончательно потух.

Судя по всему, государь с августейшим семейством, удалился из столицы, иначе их давно бы осадила во дворце толпа недовольных. К такому выводу пришел Алексей, зажигая керосиновую лампу и присаживаясь возле теплого камина с потрескивающими разгорающимися дровами.

Что ж, осталось лишь дожидаться утра, навестить поверенного, а потом... потом Алексей хотел увидеться с Лизой.

Лиза... Сколько же времени прошло! Он так устал быть без нее. Если бы можно было переступить через все – гордость, честь, предубеждения, – прийти и забрать ее из этого ада, увезти как можно дальше, где нет ни царя, ни революционеров, нет проблем...

Алексей горько усмехнулся, потешаясь над собой. Размечтался! Как говорят, «хорошо там, где нас нет»? Да и Лиза никогда не оставит своих революционных бредней, pardon, идей!

Глебов вздохнул, смотря на пламя. Да и ждет ли она его? Соломенная вдова¹⁷⁰. «Как там у Гёте?» – вдруг вспомнилось ему. Алексей потер лоб, припоминая, и пробормотал себе

---

¹⁷⁰ Прим. автора: Соломенной вдовой называли замужнюю женщину, временно оставшуюся без мужа или не живущую с ним.

ПОД НОС:

– «Прости Господь,
Мой муженек
Женою бедной пренебрег...
Соломенной вдовою вяну,
А САМ УПЛЫЛ ЗА ОКЕАНЫ».

Глебов насмешливо хмыкнул. Вот тебе и раз! Неужели он винит себя? Лиза... От нее бы бежать, да нету мочи: въелась под кожу, в кости, в мозг, в сердце, да и в печенку тоже! Нет мочи быть с ней, и нет сил быть без нее.

Глебов закрыл глаза и постучал себя по лбу крепко сжатым кулаком. «Дурак! Вот дурак! Говорил же Костик – друг, товарищ: «Не влюбляйся! А если уж угораздило – беги! Иначе пропадешь!» Дурак же был я – смеялся. И что теперь? Свободу потерял, когда женился, думал «всё под контролем», и ко всему прочему – просто погиб. М-да... А все равно не получается быть без нее...»

– Я – тебя – верну, – сказал он вслух. И сам себе поверил.

* * *

Завидев Алексея, вошедшего в контору, поверенный плюхнулся обратно на стул:

– Г-господин Г-глебов?! Вы... живы?!

– Как видите. – Алексей закрыл дверь и прошел к столу.

Поверенный, все еще не веря своим глазам, встал и пожал ему руку, при этом пальцы его дрожали и показались Алек-

сею холодными.

– Можете мне поверить, я не призрак, – усмехнулся Глебов, бросая шляпу на край стола. – Яков Вольфович, предложите же мне присесть.

– Ах, да... Конечно. Прошу вас...

Когда Алексей сел на стул, Рерих вновь плюхнулся на свое место и провел рукой по лбу.

– Простите меня великодушно, Алексей Петрович. Нам сообщили, что вы скончались. Ваше тело... простите, тело, которое считали вашим, похоронено на Ваганьковском кладбище.

Алексей усмехнулся:

– Вы все еще не верите, что я перед вами из плоти и крови?

– Конечно же, нет, верю. Но как так вышло, скажите?! Что за ужасные шутки!

– Это очень долго, да и скучно, объяснять. Давайте лучше обсудим, как обстоят мои финансовые дела.

Рерих невольно смутился:

– Мы думали, что вы умерли, и потому ваша супруга...

– Да, получила в наследство мое состояние, – с нетерпением закончил за него Глебов. – Меня больше интересует, насколько обстановка в стране повлияла на «мой карман»?

– Здесь я проделал огромный титанический труд, но уберег вас от больших потерь. Вы сможете убедиться в этом, просмотрев документы... – Рерих снял с полки тяжелый уве-

систый гроссбух и положил перед Алексеем.

– Прекрасно... – Глебов уткнулся в цифры и колонки.

– ... Но ваша супруга за текущий месяц потратила довольно внушительную сумму.

– Потратилась? Не страшно...

– Господин Глебов, я бы так не сказал! Вот, взгляните сюда, – немец раскрыл перед Глебовым страницу и указал расход, произведенный Лизой за последний месяц.

Глебов обомлел. Несколько мгновений просто смотрел на цифры перед глазами, затем медленно поднял взгляд на своего поверенного.

– Что это?

– Об этом я вам и говорю. Огромнейшие, невысказанные затраты! При том, нет приобретения – нет ни дома, ни конюшни и чего-либо другого, что могла бы купить на эти деньги ваша жена. Возможна благотворительность, но... Простите меня за резкость, я не в праве осуждать. Но я, как ваш поверенный уже немало лет, дал вашей супруге практический совет, когда она заговорила об этой сумме. Ваша супруга настояла на своем – она сказала, что не нуждается в советах и сказала держать свое мнение при себе. – Немец, возмущенный до глубины практичной и меркантильной немецкой души, плюхнулся на прежнее место.

– Так... – Алексей откинулся на спинку стула. – Расслабьтесь, все в порядке. Я с этим разберусь. – Он вздохнул. – Давайте обсудим, как поправить дела. Часть денег из России я

хочу перевести на счет в Швейцарский банк – так будет надежней.

Поверенный кивнул.

– Подготовьте все необходимые документы. Я уеду на несколько дней в Москву, а когда вернусь – мы с вами обсудим пару коммерческих задумок, пришедших мне в голову.

– Понятно. Я все сделаю.

– Прекрасно. А сейчас давайте займемся бухгалтерией. Скажите, как обстоят дела на скважине в Баку...

* * *

Уже стемнело, а на улице, как назло, ни одного извозчика. Алексей осмотрелся по сторонам и зашагал в сторону своего дома. Беседа с сыщиком, который занимался поиском Катарины и Павлика, вызвала лишь раздражение. Сыщик давно прекратил поиски женщины и ее сына, так как думал, что заказчик, то есть, господин Глебов, мертв. Алексей готов был выругаться вслух – полгода коту под хвост! Нужно самому заняться поисками, но только после того, как он вернет Лизу, чего бы это ему ни стоило. Завтра же с утра он отправится в Москву и...

Алексей обернулся. Возникло неприятное чувство, что за ним следят, но темнота улиц, освещенных лишь лунным светом, не позволяла разглядеть противника. Глебов шел, но был наготове. Прошло десять минут, а преследователь так себя и не проявил. Будто его и не было вовсе. Возможно,

просто нервы. Как никак на улицах пустынно и темно, мало ли что может показаться.

Нужно было сворачивать, и Алексей шагнул в темноту переулка. Шаги гулко отдавались по пустой улочке. До выхода из проулка осталось пара шагов. Но предчувствие опасности заставило Глебова остановиться.

Тень метнулась в его сторону очень быстро, Алексей сделал шаг назад, прежде чем стальное лезвие рассекло воздух рядом с его горлом. Следующий удар слева – Алексей уклонился от него – нападающий орудовал двумя кинжалами сразу решительно и быстро. Глебов попытался отбить повторный удар, но сталь острого, как бритва, клинка резанула грудь. Алексей прижался спиной к стене, ногой резко оттолкнул от себя нападающего, тот отлетел в сторону. Глебову хватило времени выхватить револьвер, но нападающий швырнул в него один из кинжалов. Алексей успел отклониться, кинжал звякнул о стену и упал. Нападающий бросился прочь, Глебов кинулся за ним, выскочил из проулка и... Справа, словно ниоткуда, перед Алексеем возник человек, Глебов инстинктивно отклонился назад, но резкая боль пронзила правый бок. Нападающий отступил и затем метнулся прочь. Шаги убегающих гулко отдавались по мостовой. Алексей пошатнулся, дотронулся до бока и почувствовал под ладонью теплую кровь, хлынувшую из раны. На мгновение он закрыл глаза, судорожно выдохнул, зажал рану и двинулся прочь от злополучного места.

* * *

Витте ужинал в кругу знакомых, во всех отношениях полезных людей. Ужин проходил по случаю его возвращения из-за границы и получения графского титула за достигнутые при подписании мира успехи. Празднество было в разгаре, гости его чествовали – кто искренне, а кто нет, но Витте, явно осознавая это, – испытывал огромное удовлетворение. Но его довольство, написанное на лице, исчезло, когда секретарь приблизился к нему и шепнул что-то на ухо. Витте нахмурился, кивнул, затем улыбнувшись, извинился перед гостями и последовал за секретарем.

Тот вежливо пропустил Витте вперед и открыл дверь кабинета. Завидев Глебова, Витте быстро закрыл за собой дверь и шагнул в его сторону.

Увидев мертвенно бледное лицо Алексея, он не удержался от встревоженного возгласа:

–Что с вами, друг мой?!

Алексей, прерывисто дыша, скинул плащ.

–Да вы ранены! На вас напали? Черт возьми! – выругался Витте. Выглянув в коридор, он позвал ждущего за дверью секретаря, и пояснив, что от него требуется, вновь закрыл дверь.

Приблизившись к Алексею, он осмотрел его рану. Вся рубашка была в крови, как и руки Алексея, а на ковре уже осталось несколько кровавых пятен, а также кровавые отпечатки

на столе, на который еще минуту назад опирался Алексей.

– Вы потеряли много крови, – констатировал Витте, хмурясь.

Глебов попытался усмехнуться:

– Уж простите, в таком состоянии решил зайти к вам на огонек. В ближайшей версте лишь ваши слуги, узнав меня, решились впустить... Люди, знаете ли, черствы к чужим злоключениям...

Витте кивнул:

– Вам нужно выпить.

Он плеснул виски в стакан и протянул Глебову. В дверь постучали. Витте прошел к двери, приоткрыл и, увидев перед собой секретаря с перевязочным материалом, впустил его.

Позади раздался глухой звук упавшего на ковер стакана. Витте обернулся. Алексей сидел на стуле в совершенно неестественной позе: голова запрокинута, одна рука лежит на животе, другая плетью повисла вниз, стакан валялся на полу, а виски лужицей разлито на дорогом ковре.

Секретарь быстро осмотрел Глебова, прощупал пульс.

– Что с ним? – спросил Витте.

– Потерял сознание. Пульс слабый. Он потерял очень много крови.

Витте вздохнул:

– Вы знаете, что делать.

– Не беспокойтесь, Сергей Юльевич. – Секретарь принял-

ся за дело.

Витте вышел и плотно закрыл дверь. Затем глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, осмотрел свой наряд – нет ли на нем крови, затем еще раз глубоко вздохнул и, как ни в чем не бывало, направился к гостям с беззаботной улыбкой на лице.

* * *

Москва

Лизу мучило. Тошнота наваливалась, заставляла страдать. Она безвольно опустилась на кушетку.

– Может быть, тебе помочь чем-нибудь? – участливо спросила Катя.

– Спасибо, ничего не надо, – ответила Лиза, шмыгнув носом. Она не могла объяснить подруге, что не только физическое недомогание заставляет ее страдать, а непонятное тревожное чувство, страх от того, что что-то произошло...

– Принесли телеграмму для тебя, – сообщила Катя, протягивая ей листок казенной бумаги.

Лиза вздрогнула от неожиданности и удивленно вскинула глаза, затем взяла листок и развернула. Руки ее задрожали, и она выронила телеграмму.

– Что случилось, Лиза?

По лицу Лизы бежали слезы. Она кивнула на телеграмму, Катя взяла ее и прочитала три потрясающих слова: «Ваш супруг жив».

– Он жив! Катя, он жив! Я же говорила тебе – он жив!

– Тогда... что же ты плачешь? Дуреха!

– Я... Я не знаю. Я так боялась, что что-то плохое произойдет, а тут такое...

– Так ты рада или нет, не пойму?

– Я безумно рада! Боже, я так рада! Я так рада! – Лиза повисла на шее у подруги.

– И что теперь?

– Что... Я поеду к нему!

– Нет. Стой. Никуда ты не поедешь. – Катя встала перед недоуменной подругой. – Пусть он за тобой приедет.

– Но...

– Никаких «но». Пусть он за тобой приедет. Ты ничего не будешь предпринимать. А я отправлю ему весточку, чтобы он как можно скорее надумал приехать. И если он примчится, то значит, он тебя все еще любит.

Лиза промолчала. Подруга была права – если Алексей в скором времени приедет, значит, он ее по-прежнему любит.

_ 41

* * *

Петербург

Очнувшись, Алексей не сразу понял, где он находится. Рана ныла, голова кружилась. Он с трудом разлепил глаза и, как мог, осмотрелся по сторонам. Госпиталь. Белые стены. Запах медикаментов и хлора. Алексей закрыл глаза, пытаюсь вспомнить, как он сюда попал. Последнее, что он помнил

достаточно хорошо, это приход к Витте. Потом он, по всей видимости, потерял сознание. Кто же совершил нападение? Было ли оно случайным, что вполне возможно – на улицах было беспокойно, или же враги заявили о себе? На эти вопросы не ответишь, если продолжать лежать на больничной койке.

Глебов открыл глаза, стал подниматься с постели, но резкая боль заставила его вновь лечь. Да уж, не стоит забывать о ране! Алексей на этот раз поднялся без резких движений. Взглянул на свой больничный халат с завязками сзади и направился к шкафу. Одежда, к счастью почищенная, была там. Натянув брюки, он попытался справиться с завязками за спиной, чтобы снять халат, но это оказалось совсем не просто. В ту самую минуту, когда он хотел стянуть халат через голову, на пороге возникла сестра милосердия, вскрикнула, выронила поднос с лекарствами, Глебов от неожиданности вздрогнул, ударился головой об угол дверцы шкафа, чертыхнулся и сгоряча рванул на себе халат.

– Господин Глебов, а вот портить казенное имущество вам никто право не давал, – услышал он знакомый голос и обернулся.

На пороге стоял Малышев, а позади него доктор, именно тот, что занимался лечением Алексея, когда он пострадал от взрыва. Значит, он находится в той же клинике, что и в прошлый раз?

– О, господин Малышев! Какими судьбами? – Алексей

скинул порванный халат. – Здравствуйте, доктор.

– Здравствуйте, господин Глебов, – доктор следил за пациентом, так и стоя за широкой спиной агента Департамента, который молча наблюдал за Алексеем.

– Прошу прощения, доктор, за «испорченное имущество». Включите его стоимость в расходы за лечение, – Алексей надел рубашку.

Доктор посмотрел на Малышева, но тот с прежней усмешкой на губах смотрел на Глебова.

– Несомненно, – произнес, нахмурившись, доктор и засунул руки в карманы своего накрахмаленного белого халата.

– Позвольте спросить, куда вы собрались? – наконец заинтересовался Малышев.

– Странный вопрос, господин Малышев, – в моем случае, главное не куда, а откуда. – Алексей накинул жилетку, застегнул манжеты рубашки.

– Вы неисправимы, господин Глебов! – не сдержался доктор и вновь посмотрел на агента. – Господин Малышев, раз вы ничего не предпринимаете, дайте хотя бы мне выполнить свою работу.

Доктор протиснулся вперед мимо посторонившегося в проходе Малышева и решительно подошел к пациенту.

– Будьте любезны, присядьте, господин Глебов. Я хочу осмотреть ваши раны.

– В этом нет необходимости. Я чувствую себя превосходно. Вы славно потрудились. – Алексей принялся за обувь,

отчего ему все же пришлось присесть на стул, так как голова вновь закружилась.

Доктор же не собирался уступить:

– Вы потеряли очень много крови, и если бы вас вовремя не привез господин Малышев, мы бы с вами сейчас не разговаривали. Вам стоит поберечься, господин Глебов, соблюдать режим, питаться вовремя и только здоровой пищей. И вам необходим совершенный покой, коей без особого пристрастия вы себе, естественно, не обеспечите!

– Покой нам только снится... – пробормотал Алексей рассеянно. Так его в клинику привез Малышев? Интересно. Алексей поднял голову и посмотрел на доктора с улыбкой:

– Но я обещаю, что учту ваши советы, доктор.

Малышев рассмеялся, проходя в палату и присаживаясь на свободный стул.

– О, что-то новенькое! В прошлый раз вы бунтовали и изрыгали проклятья так, что весь персонал пожелал вам скорейшего выздоровления и выписки. Сейчас вы стали более покладистым. И если дело стало так, то я, как и доктор, настаиваю на осмотре вашей раны.

– Поверьте, никто беспричинно не жаждет задерживать вас здесь, – заметил доктор, и, скорее всего, это обращение касалось не только Глебова. – Однако я давал клятву Гиппократу...

– Поэтому вы не отстанете от меня и не дадите спокойно поговорить с господином Малышевым?

– Нет. – Доктор был упрямым.

Алексей устало вздохнул и стал расстегивать рубашку:

– Хорошо.

Доктор окликнул помощницу, она тут же заглянула в палату, он сделал распоряжение и подошел к пациенту. Все эти маневры с переодеванием привели к тому, что повязки на торсе и плече Алексея окрасилась в красный цвет. Доктор осуждающе посмотрел на пациента поверх своих очков, и поджал губы, когда Алексей, пожав плечами, невольно поморщился.

К тому времени, когда сестричка принесла все необходимое для обработки раны и смены повязки, доктор сам разбинтовал раненого и принялся за осмотр. Малышев же, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди, расслабленно наблюдал за происходящим. Мнимая беззаботность? Алексей сквозь полуопущенные ресницы заметил напряженность и задумчивость в глазах агента Департамента.

– Ну как, доктор, я буду жить? – переключился Глебов на врача.

– Не мните, господин Глебов, себя оригиналом – таких пациентов, как вы, в моей тридцатилетней практике хватало. – Доктор даже не поднял головы. – К счастью, заражения, я не наблюдаю. Голова кружится?

– Да. Слегка.

– Что и следовало ожидать: вы потеряли много крови. Вам повезло – органы не были задеты. Хотя, если бы еще слег-

ка глубже, то, поверьте, мы бы с вами на этом свете уже не встретились.

Перед глазами Глебова мелькнуло воспоминание о холодных глазах убийцы, воткнувшего в него нож.

– Поверьте, доктор, я постарался сделать все от меня зависящее, чтобы не покинуть этот грешный мир.

– Я рекомендовал бы вам остаться в нашей клинике. – В голосе доктора послышалась непреклонность.

– Я так и знал, доктор! Вы из тех людей, про которых говорят «им палец в рот не клади – по локоть откусят». Вы рану мою осмотрели? Огромнейшее спасибо! Я хотел бы поскорее уйти. Дела, знаете ли, не ждут...

– Раз уходите, тогда наймите сиделку. И хорошенько заплатите этой героической женщине, которой придется вас слушать.

– Вы намекаете на мой несносный характер? – Алексей приподнял бровь. – Я разозлил вас, доктор?

– О, нет. Просто вы из тех людей, которым можно сказать «не плюй в колодец, из которого придется напиться».

Малышев рассмеялся:

– Доктор, обещаю, я сам найду господину Глебову сиделку. Глухую сиделку.

Глебов взглянул на Малышева, затем на доктора.

– Я бываю больным крайне редко, но и тогда при всем желании меня никто не может удержать на одном месте.

Доктор осмотрел глубокий порез на груди.

– Я пропишу вам дезинфицирующие и обезболивающие средства, которые нужно будет применять.

Алексей усмехнулся:

– Йод и опиумную настойку?

Доктор посмотрел на него поверх очков, но проигнорировал шутку больного.

– Вижу, вам не раз приходилась прибегать к таким средствам, – отозвался Малышев с усмешкой. – Бурная жизнь?

– Жизненный опыт.

Малышев хмыкнул.

– Если вы запустите раны, может начаться заражение. – Доктор подал знак помощнице. Женщина без слов принялась накладывать повязку на раны. – Позвольте откланяться, меня ждут другие пациенты.

– Благодарю вас, доктор, – произнес Алексей вслед уходящему врачу.

– О, не стоит благодарностей. Просто сделайте все возможное, чтобы больше сюда не попадать. Я хочу сказать, поберегите себя, господин Глебов. Прощайте.

– Зачем же вы так с доктором, господин Глебов? – спросил Малышев, вздохнув.

– А иначе наш уважаемый эскулап продержал бы меня в клинике не меньше недели. Уж поверьте, я не горю большим желанием валяться в кровати в какой-либо клинике. Увольте.

Женщина закончила перевязку:

– Все. Можете одеваться.

Затем вышла, прикрыв за собой дверь палаты.

Алексей натянул рубашку, стал застегивать пуговицы.

– Вот теперь, когда мы, наконец, остались одни, скажи мне, каким образом я вновь обязан тебе своим... спасением? – спросил он.

Малышев вздохнул:

– А ты просто не можешь сказать «спасибо»?

– Спасибо. Так как?

– Я был у Витте, когда ты пришел. Случайно заметил. А когда секретарю Витте понадобилась помощь, вызвался отвезти тебя в эту клинику. Я знаю доктора – он многим помог выкарабкаться с того света. И, кстати, приехал доктор в клинику среди ночи сразу же, как только я ему позвонил и сказал, что везу тебя туда. – Малышев усмехнулся. – Так что, у доктора ты ходишь в любимчиках.

– Да. Я скрашиваю ему серость будней. Он никогда не работал в цирке? Уж очень ему нравится заниматься моей дрессировкой.

– Не преувеличивай.

– Хорошо. Я пришлю доктору открытку с искренними извинениями и благодарностью, а в подарок самый дорогой стетоскоп¹⁷¹ инкрустированной работы. Пойдем отсюда. Белые стены вызывают у меня чувство, что я одной ногой уже

---

¹⁷¹ Стетоскоп – прибор для прослушивания шумов внутренних органов: лёгких, бронхов, сердца и пр.

на том свете.

Малышев рассмеялся:

– Честное слово, Глебов, я тут вдруг понял, что мне тебя не хватало...

* * *

В доме №47, выходящем на угол Невского и Владимирского проспектов, находился популярный ресторан купца Палкина. В отличие от других ресторанов, выполняющих постановление градоначальника Трепова об оформлении вывесок на красном или синем фоне, этот ресторан имел вывеску вызывающе белого цвета. Именно сюда пришли Малышев и Глебов.

– Здесь можно хорошо отдохнуть, – сказал Алексей, когда метрдотель провел их мимо общего зала в один из уютных кабинетов.

– И не только, – произнес Малышев, оценив предусмотрительность Глебова – в кабинете можно было поговорить без посторонних ушей и взглядов.

Как только Малышев и Глебов расположились на диванах, явились два официанта и застыли в ожидании, пока метрдотель воркующим голосом выяснял, что будут есть и пить господа. Сделали заказ: суп Ошпо, для Глебова, по настоянию Малышева, – консоме¹⁷² а-ля жиров, седло дикой козы а-ля гранд, салат, крепкое столовое французское вино.

---

¹⁷² Крепкий мясной бульон.

Метрдотель полушепотом отдал распоряжения официантам, и вскоре они вернулись с дополнительной сервировкой и закуской. Как только метрдотель, проверив, всё ли в порядке, удалился, Глебов отпустил и официантов.

Из зала раздавалась музыка – играли довольно неплохие музыканты. Алексей вынул портсигар, предложил закурить Малышеву, затем сам закурил.

Малышев заговорил первый:

– Я осмотрел то место, где на тебя напали.

– Да? Как же ты его нашел?

Малышев усмехнулся:

– На снегу остались капли твоей крови по всему пути, который ты прошел от места нападения до дома Витте.

Глебов неопределенно кивнул:

– И что скажешь?

– Ничего. Времена сейчас беспокойные. Бандиты распоясались, революционеры, террористы, черносотенцы творят, что вздумают. Могут запросто напасть на улице.

– Понятно. – Что-то Малышев юлит. – Ну а как же кинжал?

– Кинжал?

– Да, кинжал. Я выбил его из рук нападающего. Кинжал остался в проулке.

– Ты имеешь в виду вот этот нож? – Малышев вынул из внутреннего кармана замотанный в тряпку предмет и протянул Глебову. Алексей взял сверток, развернул. Обычный

самодельный нож. Глебов нахмурился на мгновение, затем положил предмет на край стола и посмотрел на Малышева.

– Так ты хочешь сказать, что на меня напали случайно?

– Я в этом уверен.

Алексей неопределенно кивнул. Некоторое время, молча покуривая папиросу, задумчиво покрутил нож. Тот, кто всадил ему нож в бок, унес орудие нападения с собой. Тот же, кто нападал на него в проулке, а Алексей был в этом убеждён, напал с кинжалом, а не с ножом – лезвие короче. Да и дорогая сталь, разрезавшая на нем одежду как бритва, ни в какое сравнение не идет с лезвием ножа, которым только впору курицу потрошить. И что-то было не так в нападении: было ощущение несогласованности действий нападающих, будто они действовали врозь... Алексей посмотрел на Малышева:

– Думаю, ты прав. – Он затушил папиросу о пепельницу, затем устало откинулся на спинку дивана. – Хочу тебя поблагодарить. Во-первых, за вчерашнюю помощь – тащить меня в бессознательном состоянии наверняка было не так легко.

– Ты уже благодарил. Не стоит...

– А во-вторых, за помощь в Портсмуте.

Малышев помолчал, слегка постукивая пальцем по столу.

– В Портсмуте?

– Напомнить? – Глебов сделал паузу, внимательно наблюдая, как реагирует его собеседник. Тот вновь застучал пальцем по столу. – Я говорю о том выстреле, который спас мне жизнь в Портсмутском лесу, когда Макфлай собирался меня

убить.

– Весьма интересно. Но не про меня. Я не был в Португалии.

Глебов с усмешкой покачал головой:

– Я видел тебя. Будешь отрицать?

Малышев молчал, затем убрал руку со стола и откинулся на спинку стула.

– Был то я или нет – нет никого значения. Можешь сказать слова благодарности мне и больше не возвращаться к этой теме.

– У тебя дела с Витте.

– У меня со многими дела. Работа такая.

– Что ты хочешь скрыть, Малышев?

– У меня много тайн. Ты про которую из них? – Малышев усмехнулся. – Послушай, Глебов, забудь про все дела, в которые ты тем или иным образом был втянут за последний год. Ты ведь понимаешь, о чем я? Живи спокойно, забудь. Дружеский тебе совет. Чем меньше знаешь, тем лучше спишь.

Алексей наклонился к Малышеву. Лицо его было серьезным.

– А кто даст гарантии, что меня оставят в покое?

– Что ты имеешь в виду? – Малышев насторожился.

– Лопухин, ты, затем Витте. Как только я с вами связался, моей жизни что-то или кто-то угрожает. Меня уже пытались убить Азеф, Макфлай, Савинков, вот теперь и это нападение.

– Если ты не будешь путаться под ногами, они сами уни-

чтожат друг друга. Поверь.

– Пояснишь?

Малышев помолчал, поджав губы и вновь постукивая пальцем по столу.

– Хорошо. Помнишь, мы говорили о Рачковском? – спросил он.

– Да. Азеф убеждал, что Рачковский заказал убийство Плеве и копал под Лопухина.

– Так вот, карьера Рачковского идет в гору – в начале августа его назначили вице-директором Департамента полиции.

– Звезда Рачковского взошла на небывалую высоту?! Он наверняка начал сводить счеты с теми служащими Департамента, которые были ставленниками Лопухина и Зубатова – виновников его позора?

– Не то слово. Но важно то, что Рачковский вызвал Азефа в Петербург. В Департаменте среди посвященных стали задумываться о действительной роли Азефа в революционном движении. Азеф же в панике, дабы снять с себя подозрения, выдал Савинкова и слил много других сведений.

– Савинков арестован?

– Нет. Савинкову на этот раз удалось ускользнуть от ареста. Но это дело времени: сезон охоты открыт. К тому же, ЦК эсеров через одного агента Департамента узнал про полицейские заслуги Азефа. Ему не отвертеться.

Алексей, вспомнив беседу Рутенберга и Савинкова, которую подслушал в Лондоне, покачал головой.

– Не работало. Поверь, Азеф выкрутился.

– Владеешь какими-то сведениями?

– Да так, услышать нечто довелось. Разговор Рутенберга и Савинкова. Азеф пользуется огромным доверием у эсеров. Они его не будут подозревать. Да и «козел отпущения» нашлся – некий Татаров.

Малышев, нахмурившись, помолчал.

– Скверный оборот, – наконец констатировал он.

– И кто же попытался разоблачить Азефа и Савинкова?

Не ты ли?

Малышев промолчал, хотя молчание сказало Глебову больше, чем какие-либо слова.

– Ты ведешь опасные игры, Малышев.

– И это говоришь мне ты?

Глебов помолчал, обдумывая услышанное. Рачковский и Азеф повязаны, и потому Рачковский его будет защищать до последнего или избавится от него навсегда, то есть уничтожит. И тех, кто копается в их грязном белье, пустит в расход. Таким образом, опасности подвергает себя не только Малышев, но и сам Алексей.

Глебов развел руками:

– Ты прав. Совершенно. Это не мое дело. Буду заниматься исключительно своими делами. – Алексей решил сменить тему. – И у меня как раз к тебе просьба.

– Что за просьба? – Малышев тоже решил уйти от опасной темы.

– Нужно найти одну женщину. Катарину Хмельницкую, певицу из ресторана. Как, поможешь?

– Постараюсь.

– Хорошо. – Алексей устало потер глаза. Затем отхлебнул немного вина. Есть совсем не хотелось, зато слабость валила с ног. Доктор был прав – не нужно пренебрегать здоровьем.

Как будто прочитав его мысли, Малышев произнес:

– Ты неважно выглядишь. Белый, как полотно. Тебе нужен отдых.

– Да. Устал что-то. Поеду-ка я домой, – Алексей поднялся. – Хочу на несколько дней смотаться в Москву, решить пару вопросов... Так что, будет что сообщить о Катарине Хмельницкой, извести.

Малышев кивнул. Они пожали друг другу руки и распрощались.

Конечно же, Малышев что-то не договаривает. И если так, то приставит к нему слежку. Стоит убедить Малышева в том, что он действительно уедет в Москву. Прости, дорогая моя Лиза, но не могу сейчас поехать за тобой – слишком опасно привозить тебя в столицу, когда есть реальная угроза отправиться с чей-то помощью на тот свет. Слишком уж погряз в этих политических интригах, тайных заговорах во круг. Возможно, есть некто, кто дергает за веревочки и двигает людьми, как марионетками. Но кто? Кто же хотел его убить на этот раз? Кому он перешел дорогу? Нужно в этом разобраться. Иначе нельзя...

Алексей проснулся от шума, который раздавался в гостиной, нехотя разлепил глаза. Прислуга? Зачем же поднимать шум, когда он спит?!

– Арина! – крикнул он. – Черт возьми, что за шум?!

Раздались шаги – дверь открылась и на пороге возникла незнакомая Алексею высокая крупная женщина.

– Доброе утро, господин Глебов, – сказала она, при этом на ее неприглядном лице не отразилось ни капли доброжелательности.

– Кто вы и что вам надо?

– Я фрау Фойт. Меня прислал господин Малышев. Я ваша сиделка.

Как же – сиделка! Надсмотрщица, а не сиделка!

– Черт возьми, мне не нужна сиделка! – не сдержался Алексей, садясь в кровати.

– Господин Глебов, меня поставили в известность о вашем Wesen...

– Wesen?

– Нраве, поведении, вашей природе. Пока я не буду уверена, что вам действительно не нужен квалифицированный присмотр, а я уже замечаю вашу бледность, темный синяки под глазами, и окровавленные повязки на вашем теле, – она ткнула пальцем и Алексей невольно взглянул на свой торс,

обмотанный марлевыми повязками, – я не уйду.

Глебов пару мгновений сверлил взглядом непрощенную «надсмотрщицу»: Подобная была у него в детстве – жесткая суровая армейская солдафонка, которая портила ему жизнь. Фрау Фойт смотрела на него с превосходством и холоднейшим терпением и молчала.

– Я голый, – сообщил он, пытаясь ее как-нибудь смутить, но фрау даже глазом не моргнула.

– Я знаю.

– Знаете?

– У вас был жар и бред. Вы тяжело спали, естественно раскидались, сбросили одеяло. Я вас укрыла. Я здесь уже несколько часов, да будет вам известно.

Глебов открыл рот, затем закрыл.

– Я вас увольняю! – наконец сказал он.

– Не вы меня нанимали, не вам увольнять.

Да, ее хладнокровию можно было позавидовать.

– Вас ничем не проймешь?

Она прошла к окну, раздернула шторы.

Алексей прищурился от ворвавшегося в комнату солнечного света. Сколько же сейчас времени?

– Сейчас два часа дня, – как будто прочитав его мысли, произнесла она. – Наденьте штаны. Затем я сделаю вам перевязку. Далее плотный сытный обед. А затем опять здоровый дневной сон.

– А если я не желаю одеваться и слушать ваши бредни, –

грубо ответил Алексей. Он действительно чувствовал себя неважно, иначе смог бы дать достойный отпор.

– Как вам угодно.

– Откуда, черт возьми, вы взялись?!

– Я уже говорила.

– Черт! – Алексей выбрался из постели, не стесняясь дамы, протопал в гардеробную, с раздражением подмечая, что сиделка даже не отвернулась.

Вернулся он в штанах, вынул из портсигара папиросу и осмотрелся в поисках спичек. Сиделка чиркнула спичкой и поднесла к папироске Алексея. Он хмуро взглянул на фрау, но подкурил. Затем сел на кровать.

– Вас приставил Малышев, так вы сказали.

– Меня нанял господин Малышев, – повторила она.

Алексей пару раз затыкнулся, смотря на сиделку. Малышев приставил ее, чтобы она за ним следила, докладывала о каждом его шаге. Что же с ней делать? Она ведь шагу не даст ступить. Ну и Малышев! Явно здесь не чисто. Что он хочет скрыть?

Глебов взглядом поискал, куда стряхнуть пепел с папиросы, и в этот раз женщина оказалась рядом, подставив ему пепельницу. При всей своей массивности она двигалась очень быстро и бесшумно. Ничего удивительного, что он не слышал, как она входила в комнату, когда он спал.

– Что вы стоите? Делайте мне перевязку.

Фрау Фойт поставила пепельницу на стол, взяла с тумбоч-

ки поднос с заготовленными заранее медикаментами и перевязочным материалом.

– Der Teufel ist nicht so schwarz, wie man ihn malt¹⁷³, – произнесла она.

– Что?

– Больные люди – капризные как дети, – ответила сиделка.

Перевязку делали практически молча. Затем фрау Фойт накормила его обедом. И Алексея снова стало клонить ко сну. Черт, неужели эта фрау напоила его снотворным?! Это была последняя мысль, прежде чем он погрузился в глубокий сон.

* * *

Проснулся Глебов поздним вечером. Фрау Фойт трогала своей жилистой холодной ладонью его лоб. Увидев, что он проснулся, она произнесла:

– Лежите. У вас жар. Сейчас я принесу лекарства.

Она ушла, а Алексей попытался встать, но перед глазами поплыли цветные пятна. Он закрыл глаза, а когда открыл, то вновь увидел перед собой сиделку, протягивающую ему стакан с водой и ложку с микстурой.

– Хотите меня отравить?

– Всего лишь сбить жар. Примите лекарство.

– Ну уж нет. Чем вы меня опоили за обедом? Снотворным?

---

¹⁷³ Чёрт не настолько чёрен, как его рисуют (нем.).

– Да. В вашем состоянии нужно больше спать.

– Уберите.

– Чем скорее вы выздоровеете, тем быстрее я вас покину.

Помедлив, Алексей все же открыл рот. Приняв лекарство, он вновь уснул. Но сон на этот раз был спокойным.

Следующее утро Глебов встретил довольно бодрым, отдохнувшим.

– Доброе утро. – Сиделка была уже тут как тут: вновь принесла поднос с медикаментами и перевязочным материалом.

Алексей молча согласился на перевязку, а когда она закончила, прошел в комнату, где переоделся.

– Вы собираетесь уйти, господин Глебов?

– Вас что-то удивляет?

– Вы должны поесть, прежде чем уйти.

– Хотите меня снова усыпить?

– Вовсе нет. Хотя это не помешало бы для вашего же блага.

– Лучше я останусь голодным, чем последую вашим советам.

Алексей развернулся и пошел к выходу.

Фрау преградила ему путь.

– Фрау Фойт, отойдите.

Она лишь сложила руки на груди – этакая глыба на его дороге.

«Умный в гору не пойдет – умный гору обойдет», – пролетело у Алексея в голове, и он улыбнулся.

– Чему вы улыбаетесь, господин Глебов? – с подозрением спросила она.

– Подумал о комичности ситуации, фрау Фойт, – ответил он, снимая шляпу и пальто. – Несите ваш завтрак.

Фрау недоверчиво прищурилась. Глебов же прошел в столовую, сел за стол:

– Так вы несете завтрак, фрау Фойт?

– Сию минуту, господин Глебов. Только схожу на кухню.

Она вышла, Алексей тут же встал из-за стола, бесшумно вышел в коридор квартиры и укрылся в комнате напротив. Вскоре в коридоре появилась фрау Фойт, которая проплыла с подносом в руках в столовую. Глебов в одно мгновение захлопнул дверь столовой комнаты и повернул ключ.

– Приятного вам аппетита и хорошего времяпровождения, фрау Фойт, – сказал он, с возмущением дергающей дверную ручку сиделке.

Входная дверь, как он и думал, была заперта. Под немецкую брань разгневанной фрау Глебов отмычкой вскрыл замок, надел пальто и шляпу и вышел из квартиры.

* * *

Первым делом Алексей побывал на почтамте – было дело, не требующее отлагательств. После выловил смышлёного парнишку из местной шпаны и нанял следить за Малышевым. Затем направился на Сенную площадь, где позади гауптвахты, между Конным и Спасским переулками в доме

№3 был знаменитый Малинник¹⁷⁴ Питера. Глебов практически здесь не бывал, да и бывал по большой необходимости, и вот такая необходимость вновь настала.

Верхний этаж над трактиром и три надворных флигеля – всё это, разделённое на четырнадцать квартир, было занято тринадцатую притонами самого непробудного пьянства и мрачного разврата. Главной публикой, задающей тут «форсу» и чувствующей себя в этом злочном месте словно рыба в воде, были мошенники средней руки и, по преимуществу, мазурики низшего разряда. Тут они кутили, сбывали «товар», вели совещания, обсуждали в маленьких кружках проекты и планы на какой-нибудь предстоящий выгодный клей¹⁷⁵, подвергали похвале или порицанию дела выгоревшие и невыгоревшие¹⁷⁶.

Глебов взялся за ручку, открыл дверь трактира и вошел внутрь. Смрад, удушливая прелость, тусклое освещение и сырость помещения дополнялись битой за ночь посудой, сломанной мебелью, окурками на полу и плевками, и лежащими в своей блевотине пропойцами.

Глебов переступил через одного из таких и с прищуром огляделся. Несколько злобных недоверчивых хмельных пар

---

¹⁷⁴ Малинник (жарг.) – это главное и общее место сборищ мазуриков (воров, жуликов), представляющее для таковой цели всевозможные удобства: трактир, ночлежку, бордель.

¹⁷⁵ Воровское дело (жарг.)

¹⁷⁶ Удачные или неудачные (жарг.)

глаз были устремлены на него. Алексей прошел к лестнице и неторопливо поднялся на верхний этаж.

По коридору, придерживаясь за стену, прошла полуголая путана с подбитым глазом и рассеченной губой, а из спальни, откуда она вышла, с бранью басил ее ночной приятель.

Четырнадцатая квартира – вот что нужно было Глебову. Он остановился и постучал в дверь: один длинный, два коротких стука.

Спустя какое-то время дверь распахнулась. На пороге стоял цыган в яркой жилетке и до блеска начищенных сапогах. В руках револьвер. Смерив Глебова самоуверенным взглядом, он хмыкнул:

– Проходи.

Глебов вошел. Дверь с шумом захлопнулась, а цыган встал за его спиной.

– Чё хотел?

Алексей снял шляпу, небрежно стряхнул с нее невидимую пыль:

– Жиган¹⁷⁷ нужен.

– Он всем нужен.

Глебов кинул шляпу на стол. В этой квартире, не в пример другим помещениям притона, как всегда было чисто и прибрано.

– Скажи, Лёха-Руль пришел, – сказал он, смотря исподло-

---

¹⁷⁷ Вор, урка, бандит; преступник и любитель женщин, имеющий принципы и живущий по понятиям (жарг.)

бья на цыгана.

Цыган некоторое время изучающе, с долей недоверия глядел на непрошенного гостя.

– Лёха-Рулъ говоришь? – произнес он, засовывая зубочистку в рот. Затем резко взмахнул пушкой. – А ну-ка, фразер¹⁷⁸, руки в гору! Варганку крутишь¹⁷⁹?!

Глебов смерил его холодным взглядом:

– Закрой хайло, баклан. Не то пожалеешь.

Столь душевную беседу прервал надтреснувший голос хозяина:

– Яха, не быкуй. Не по масти катишь¹⁸⁰.

Цыган опустил дуло револьвера, переминаясь с ноги на ногу, посмотрел на вошедшего жигана, затем на Глебова.

– Вальты накрыли¹⁸¹, – шмыгнув носом и утирая его рукой, сказал он и отступил в сторону.

Глебов хмуро цыкнул, взглянул на жигана:

– Давно не виделись, Костыль.

– Да, давненько. – Жиган кивнул на стул напротив стола, сам сел на другой. Глебов сел, сложил руки на стол, наклонился к жигану:

– Дело есть. Перетереть надо.

---

¹⁷⁸ Человек, пытающийся казаться опытным преступником, хотя не имеет отношения к криминалу (жарг.)

¹⁷⁹ Выдаешь себя за вора (жарг.)

¹⁸⁰ Не глупи. Неправильно оцениваешь место человека в воровском мире (жарг.)

¹⁸¹ Неточно оценил и расставил приоритеты (жарг.)

Костыль кинул взгляд на цыгана:

– Ты не при базаре¹⁸².

Цыган нехотя, но молча вышел. Когда он закрыл за собой дверь, жиган предложил Глебову закурить. Выпустив едкий дым папиросы, он изучающе посмотрел на затянувшегося папироской Алексея.

– Дошли слухи, что ты зашился и водишься с легавыми¹⁸³.

Глебов бросил на него суровый взгляд и процедил:

– Никогда не отчитывался и впредь не собираюсь.

Жиган помолчал. Подымив папиросой, спросил:

– По какому делу нарисовался?

– Должок за тобой.

Жиган хмыкнул:

– Костыль добро помнит. Балакай.

– На днях мне едва не подогнали деревянный макинтош¹⁸⁴. Слышал?

Жиган хмыкнул, кивнул:

– Ответку врубаешь¹⁸⁵?

– Людишки эти мне нужны.

– Не вопрос. – Жиган вмял окурок в пепельницу. – Послушай, Руль. Тут поговаривают, что гайка¹⁸⁶ воровская к тебе

---

¹⁸² Означает, что тот, кто влазит в разговор, не имеет к нему дела (жарг.)

¹⁸³ Попал в руки полиции и общаешься с работниками полиции (жарг.)

¹⁸⁴ На днях меня едва не убили (жарг.)

¹⁸⁵ Хочешь свести счеты? (жарг.)

¹⁸⁶ Гайка – перстень (жарг.)

перешла.

Алексей откинулся на спинку стула. С прищуром изучающе посмотрел на жигана:

– К чему клонишь?

– Если так, то фармазоны¹⁸⁷ заграничные признали тебя лучшим. Но ты ведь наш парень. Ломом подпоясанный¹⁸⁸. Масло в голове есть – мастер планов на выгодный клей. С десяток лет назад Сашку-Офицера¹⁸⁹ достойно заменил в делах. Сколько мы тогда лохов потрясли, а? – Костыль многозначительно на него посмотрел, призывая вспомнить.

Алексей и не забывал тот, хоть короткий, но мрачный период своей жизни: первые его «дела» были беспринципными, в его аферы попадали все без разбору, за что пришлось поплатиться – совесть была нечиста. Но он предпочел не отвечать, а Костыль тем временем продолжил:

– И как мазу ты за меня держал¹⁹⁰, век не забуду. Местечко для тебя теплое найдется. Покумекаешь на досуге?

– Не грузи, Костыль.

---

¹⁸⁷ Мошенники, аферисты (жарг.)

¹⁸⁸ Ты – мужик-кремень, волевой, сильный (жарг.)

¹⁸⁹ Прим. автора: Сашка-Офицер, Сашка-Руль – клички Александра Хомякова, сына отставного поручика, лучшего карманника Петербурга в начале 90-х годов XIX в. Организовал шайку карманников со штаб-квартирой в одном из питерских притонов. По утрам, после обязательного прочтения газеты «Тираж», Хомяков, как «рулевой», отдавал распоряжения – кому и где работать. Успехи команды Хомякова тревожили конкурентов, и в 1893 г. по наводке его арестовала полиция.

¹⁹⁰ Поддержал, заступился (жарг.)

–А ты подумай... – Жиган поднялся, поднялся и Алексей. – Как что узнаю, пришлю весточку с цыганом.

– Дело не терпит отлагательств. Так что, не тяни.

– Заметано.

На этом и распрощались.

* * *

Дверь квартиры Алексею открыла фрау Фойт, освобожденная, по всей видимости, прислугой Ариной. Она приняла у него пальто и шляпу, повесила на вешалку и напонила:

– Время перевязки, господин Глебов.

– Прекрасно. Готов вновь передать себя вашим заботам, – он усмехнулся.

Фрау Фойт не удосужилась ответить и прошла в комнату.

Через двадцать минут, после обработки раны и перевязки, он сидел в столовой комнате и уплетал приготовленный Ариной обед. Фрау, некоторое время постояв в дверях, вышла и прикрыла за собой дверь.

Алексей откинулся на спинку стула, задумчиво пережевывая пищу. Фойт вызывала у него непреодолимое неприятие. Эта фрау явно темнит. И чтобы выяснить, что к чему, нужно усыпить ее бдительность и проследить за ней.

Закончив обедать, Алексей вышел в коридор.

– Прошу меня не беспокоить, – сообщил он прислуге, так, чтобы слышала и сиделка, затем прошел в кабинет. Спустя какое-то время в кабинет все же настойчиво постучали. Это

была фрау Фойт.

– Что вам нужно? Я же сказал, меня не беспокоить!

– Я принесла вам лекарство, – ответила сиделка, в руках которой был поднос. На нем были блюдечко с двумя пилюлями и стакан воды.

Алексей раздраженно взял пилюли, закинул себе в рот, затем поднял стакан.

– Будьте здоровы, – сказал он, прежде чем залпом выпить воду. После с грохотом поставил стакан на поднос и захлопнул дверь перед самым носом сиделки.

Оказавшись один, Глебов выплюнул пилюли в ладонь и спрятал их под сидение кожаного кресла. Взяв газету, он сел читать, а спустя какое-то время его стало клонить ко сну.

Минут через пятнадцать в кабинет вновь постучали, но, так и не дождавшись ответа, открыли дверь. Фойт вначале заглянула, потом прошла внутрь. Встав перед Алексеем, она некоторое время смотрела на него, потом потрясла за плечо.

Он невнятно что-то пробормотал, но так и не проснулся. Фойт огляделась. Затем начала обыскивать его карманы. Ничего интересного не обнаружив, она принялась осматривать документы на столе, порылась в выдвижных ящиках. Ничего нового для себя не обнаружив, она покинула кабинет.

Немного выждав, Алексей встал и бесшумно ступая, прошел к двери. Отворив ее, он прислушался. Фрау Фойт куда-то собиралась. Надев пальто, она вышла из квартиры.

Алексей, наспех накинув пальто, последовал за ней. Фойт

спустилась по лестнице «черного» входа. Уже внизу он услышал ее голос.

– Er ist zurückgekehrt, – по-немецки сообщила она собеседнику. – Ich habe ihn durchgesucht, aber wo er war und was er tat, habe ich nicht erfahren. Sag dem Haupt, dass Malyshev begonnen hat, etwas zu verdächtigen. Er vertraut mir nicht wie zuvor. Das ist alles. Bis bald.¹⁹¹

Через пару мгновений, она стала подниматься наверх.

Глебов вернулся в квартиру. Позвал прислугу и отпустил ее домой, затем снял пальто и прошел в кабинет.

Пришла Фойт. Дождавшись ухода прислуги, Алексей вышел из кабинета.

Он обнаружил сиделку в гостиной возле буфета с рюмкой водки и графином в руках. Она выпила, не поморщившись, затем вернула графин и рюмку на полку. Вдруг почувствовав, что она в комнате не одна, фрау обернулась и вздрогнула – Алексей стоял совсем рядом и его вид не предвещал ничего хорошего.

– Пора поговорить, фрау Фойт, – сказал он...

_ 43

* * *

---

¹⁹¹ Он вернулся. Я обыскала его, но где он был и что делал, я не узнала. Передай хозяину, что Малышев стал что-то подозревать. Он не доверяет мне, как прежде. У меня всё. До встречи (нем.)

Москва

Власти не могли взять инициативу в свои руки, несмотря на то, что полиция проводила порой удачные операции по пресечению деятельности «революционных партий». Ревпартии имели договоренность о совместных действиях против правительства, умело проводили антигосударственную агитацию и готовили бунт. Активно действовали эсдеки согласно резолюции третьего съезда, гласившей «организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания».

События между тем нарастали. В октябре в крупных городах началась политическая стачка, в которой, наряду с рабочими, участвовали и представители интеллигенции. В начале октября прекратилось движение на Московской железной дороге, а в последующие дни была парализована значительная часть дорог в стране. В Первопрестольной¹⁹², как и многих других городах России, закрылись фабрики, не выходили газеты, почти не было электричества.

На фабрике Шмита началась регулярная подготовка к восстанию. Теоретические вопросы разбирали в помещении библиотеки, учебная стрельба проводилась в здании фабрики или в каменоломнях между Ваганьковским кладбищем, Москвой-рекой и железнодорожной линией Брестской доро-

---

¹⁹² Прим. автора: Почетный титул Москвы, который стали использовать после переноса Петром I в 1712 г. столицы русского государства из Москвы в Санкт-Петербург. Применяется для подчеркивания исторического старшинства Москвы, как города, в котором впервые появился престол русского царя.

ги; во дворе метали «бомбу», которой служила пятифунтовая ги́ря. Тактику уличных боев проводили в Лифортове или в Сокольниках.

Главным оружейником на фабрике стал столяр, большевик Василий Иванович Чадушкин. В длинном подвальном помещении машинного зала фабрики был устроен тир. После работы дружинники под руководством Николая Шмита учились стрелять: били по листку бумажной мишени, приколотой к стене.

В обязанности Лизы входило обеспечить медицинскую помощь, так как все понимали, что без жертв не обойтись. Вместе с доктором они занимались заготовкой медикаментов и подготовкой помещений для приема раненых. Доктор занимался обучением Лизы – она участвовала во всех операциях, проводимых врачом. Помимо всего, Лиза учила Катю и еще двух женщин – жен рабочих – оказывать первую медицинскую помощь...

Время шло, заполненное работой и партийными обязанностями, вот только Алексей так и не объявлялся. Выполняя все свои обязанности, Лиза ждала. Ждала, что муж приедет повидаться с ней. Но день проходил за днем, и она потеряла надежду.

Ее подавленное задумчивое состояние не осталось незамеченным для Николая и Кати.

– Что вас тревожит, Лиза? – спросил он ее, когда они оказались наедине в гостиной Кати.

– Я хочу съездить в Петербург, – ответила она, все для себя решив. Сдаваться она не собирается – если Глебов не делает первый шаг, то она сама его сделает.

– Железная дорога не работает из-за забастовок. А путешествовать в дилижансе долго, да сейчас и небезопасно – слишком беспокойное время, – сказал Шмит скованно. – Тем более, в вашем положении.

Лиза взглянула на свой округлившийся живот. Вот именно, о таком «положении» она и должна как можно быстрее сообщить мужу.

– Я все равно поеду.

Шмит помолчал:

– Тогда я буду вас сопровождать.

– Нет, не стоит.

– Если вы все для себя решили, Лиза, то я тоже все для себя решил. Вы не можете ехать одна. Я еще раз повторяю – это небезопасно. Я не позволю вам рисковать.

– Разве вы не понимаете? Я не хочу усложнять и так слишком сложные отношения с мужем вашим присутствием.

– Хорошо. Алексей Максимович обещался скоро навеститься к нам с супругой. Я думаю, он не откажет составить вам компанию. Вы согласны, Лиза?

Она молчала. Как плохо, что железная дорога не работает: ехать в поезде до Петербурга 22 часа, а в дилижансе четыре с половиной дня. Но она больше не может ждать...

– Лиза?

– Да?

Николай поджал губы:

– Вы хотя бы слышали, что я вам говорил?

– Да. Слышала. – Лиза вздохнула. – Не думайте, что я такая неблагоприятная. Я дожусь Алексея Максимовича. Он мне не откажет.

Но на следующий день доктор категорически воспротивился ее решению.

– Вы с ума сошли?!

– Но...

– Никаких «но»!

– Я беременна, а не больна.

– Хотите потерять ребенка? Поездка стоит того?

Лиза опустила голову, сникла.

Доктор вздохнул, похлопал ее по плечу:

– Ну, ну. Не печальтесь. Есть же такая замечательная вещь, как телеграф. Телеграфируйте в столицу – пусть ваш супруг приедет.

Лиза нервно потеревила ткань юбки. Ребенок лягнул ножкой. Лиза положила ладонь на живот – малыш успокоился. Затем вновь толкнулся.

– Наверное, вы правы, – произнесла она, поглаживая живот. Ребенок – важнее всего. Но у него должен быть отец.

Ближе к полудню Лиза ходила на почтамт, чтобы отправить телеграмму. Где поселился ее муж – она не зала, так что решила отправить сообщение в контору к его поверенному

господину Рериху. Долго пыталась подобрать нужные слова, писала, комкала бумажку и писала заново.

Наконец, телеграмма была отправлена. «Алеша, прошу, приезжай. Лиза».

* * *

Петербург

Фрау Фойт, крепко накрепко привязанная к стулу, с кляпом во рту, затравленно взирала на Глебова, который ставил пластинку в граммофон, а затем, покрутив ручку, опустил иглу. Зазвучал тенор Энрико Карузо, исполняющего арию Канио из оперы «Паяцы» Леанковалло.¹⁹³ Глебов прошел по комнате, помахивая рукой, словно дирижерской палочкой, взял стул, резко опустил на ножки, развернул спинкой в сторону фрау Фойт и сел на него верхом. Затем вынул из-за пояса револьвер, покрутил в руках.

– Весьма интересную игрушку я обнаружил в вашем ридикюле, фрау Фойт, – произнес Алексей и положил револьвер на край стола.

Облокотившись на спинку стула, он посмотрел на сиделку:

– Итак, фрау Фойт, сразу предупреждаю, если вы начнете орать, когда я вытащу кляп, я вам голову размозжу. Вам

---

¹⁹³ «Паяцы» – опера итальянского композитора Руджеро Леонкавалло. Премьера оперы состоялась в 1892 г. Частью оперы является популярная ария «Recitar/Vesti la giubba» («Пора выступать! Пора надеть костюм!») в исполнении итальянского оперного певца-тенора Энрико Карузо (1873 – 1921).

понятно?

Она кивнула. Глебов протянул руку и выдернул кляп. Фойт перевела дыхание.

– У меня астма, – сказала она, слегка задыхаясь.

– По мне, хоть грыжа. Кто вас прислал?

– Я вам уже говорила – господин Малышев.

– С кем вы разговаривали на лестнице?

– С сестрой.

– Не лгите! Так с кем?

– Господин Малышев просил меня сообщать ему о вашем здоровье.

– Что еще?

– Все, больше ничего.

Глебов покачал головой:

– Опять лжете. – Он закурил папиросу, повертел ее в руках. – Скажите, а это слишком больно, если огонек папироски затушить на коже человека? Например, об лицо... или шею... может, грудь? Где кожа более чувствительна, а? Есть возможность проверить...

– Нет, прошу вас! – Сиделка вздрогнула от ужаса. Неужели кто-то проделывал с ней эту пытку?

– Все только в ваших руках, фрау Фойт. – Глебов глубоко затянулся папироской, не сводя равнодушного взгляда с ее перекошенного ужасом лица. – Я даю вам право выбрать. Или вы мне все сами добровольно рассказываете, или же переносите невероятную боль и под пытками все также мне

расскажете.

– Я все расскажу. Расскажу, – дама стала задыхаться. Глебов холодным взглядом уставился на нее. – Меня нанял господин Малышев. Я работаю сиделкой...

Глебов недовольно качнул головой и протянул к щеке фрау тлеющую папироску.

– ... А еще я занимаюсь слезкой. Для полиции, если им нужно.

Алексей убрал папироску:

– Дальше.

– Господин Малышев поручил мне проследить за тем, чтобы вы какое-то время не выходили из дома. И если что, докладывать ему.

– Зачем ему это надо?

– Я не знаю. Я всего лишь выполняю распоряжения!

Глебов какое-то время смотрел на фрау Фойт. Она не договаривает, а пытаться ее всерьез у него не было намерений. Он встал, взял со стола револьвер, фрау Фойт вздрогнула и вся похолодела от страха. Алексей какое-то время постоял, смотря сверху вниз в ее перепуганные глаза, затем развязал веревку, удерживающую ее на стуле.

– Вставайте, фрау. – Он дернул ее за локоть, грубо потопрапливая. Затем втолкнул в кладовку. Вставив кляп ей в рот, прижал палец к своим губам.

– Сидите тихо, – сказал он, и, захлопнув дверь, закрыл ее на ключ.

Передвинув граммофон поближе к кладовке, Глебов вышел из комнаты. Кроме тенора Энрико Карузо «'O sole mio»¹⁹⁴ было не слышно ни звука.

Эта фрау – служанка не одного хозяина и очень многое скрывает. На кого же, помимо Малышева, она работает? Кто еще интересуется им? Алексей прошел в комнату, занимаемую фрау и тщательно обыскал. Напоследок осмотрел карманы ее пальто, прощупал его и под подкладкой обнаружил плотную бумажку. Не раздумывая, немного вспорол. На серой картонке было написано два ряда трехзначных цифр. Что же это? Алексей сунул картонку обратно под подкладку, повесил пальто на место. По поводу цифр у него возникло предположение, которое следовало проверить.

Он прошел в прихожую, надел пальто, взял шляпу и трость, и вышел из квартиры.

* * *

Ресторан «Вена» встретил своим гостеприимством, уютом и хорошей кухней. Однако насладиться всем этим у Глебова не было времени. Он прошел к барной стойке, заказал рюмку коньяка и спросил, есть ли у них телефон. Обслуживающий его официант указал на угловую стену, Алексей заплатил и прошел к телефонному аппарату. Когда в труб-

---

¹⁹⁴ «'O sole mio» (неаполит. «Моё солнце») – неаполитанская песня, написанная в 1898 г. Музыка Эдуардо ди Капуа, слова Джованни Капурро, в исполнении великого итальянского оперного певца-тенора Энрико Карузо.

ке раздался приятный голос телефонистки, он попросил набрать один из номеров, найденных им у Фойт, и вскоре услышал знакомый голос Малышева. Повесив трубку, он снова поднял ее, и попросил соединить с другим номером.

– Секретарь вице-директора Департамента полиции Рачковского слушает, – раздалось в трубке.

– Извините, я ошибся номером, – ответил Алексей и повесил трубку.

Итак, значит Рачковский. Дела еще хуже, чем он ожидал. Глебов взглянул на часы. Мальчишка, которого он нанял проследить за Малышевым, должен был ожидать его на улице.

Парнишка, действительно, уже ошивался напротив входа в ресторан. Алексей, осмотревшись по сторонам и примечая, нет ли слежки, перешел через дорогу, и подошел к нему. Тот быстро выложил нужную для него информацию: где и с кем проживает Малышев. Заплатив мальчишке, Глебов поймал возничего, забрался в подъехавшую коляску и назвал свой адрес. Возничий хлестанул лошадку, и экипаж покатиł в сторону его дома.

* * *

Вернувшись в свою квартиру, Алексей обнаружил, что дверь не закрыта на замок. Он вынул из-за пазухи револьвер. Осторожно ступая, вошел. Граммофон по-прежнему играл, хотя мелодии давно должны были быть проиграны. Глебов

осторожно приблизился к двери комнаты, в которой раздавался шорох. Слегка приоткрыл и тут же заметил тень стоявшего возле двери человека. Алексей со всей мощи навалился плечом, дверью сшибая противника с ног, на ходу наставил револьвер на поверженного.

– Эй, свои! – подняв руки, проорал лежащий на полу цыган.

– Свои, говоришь? – Алексей не убрал дуло револьвера от вора. – Какого черта ты у меня делаешь? – Глебов вдруг понял и ехидно усмехнулся. – Перстень воровской ищешь? Ну как, нашел?

– Да ты че, я того... – заюлил цыган, – меня того... Костыль прислал... весточку передать...

– А про перстень он сказал?

– Нет, ты че... – цыган даже не сообразил, что проболтался.

Глебов, держа под прицелом цыгана, обыскал его карманы, проверяя, не спер ли тот чего-нибудь.

– Эй! – завозникал вор, но замолчал, когда Глебов прижал дуло к его лбу.

– Можешь передать Костылю, что гайки воровской у меня нет. Если она ему так нужна, пусть поищет в Европе, – Алексей выпрямился. – Вставай.

Цыган поднялся на ноги, неуверенно взглянул на револьвер.

– Вольту¹⁹⁵ утери, а?

Алексей хмыкнул, засунул револьвер за пояс, сел на край стола.

– А теперь балакай, что передал для меня Костыль.

Цыган расслаблено выдохнул. Пригладил кучерявые волосы:

– Он сказал передать тебе, где ошиваются те парни, что ты ищешь. И сказал, что тебя ждет того... «суп-рис».

– Сюрприз, что ли? – Глебов хмыкнул.

– Во-во, он самый.

Алексей вдруг вспомнил про запертую Фойт, обернулся на открытую дверь кладовки.

– Мне и здесь сюрпризов хватает, – произнес он и повернулся к цыгану. – Ты куда дел мою сиделку?

– Кого? – удивился вполне искренне цыган. – Чего?! Когда я пришел, здесь никого не было. И дверь вскрывать-то не пришлось. Заходи, бери, что душе угодно.

– Ясно. – Алексей убрал грампластинку с граммофона. – Садись и рассказывай.

– Сесть я всегда успею, – осклабился цыган, но, поймав суровый взгляд Глебова, предпочел присесть на стул. Порывшись в кармане, он вынул бумажку и протянул ее Алексею. Карандашом корявым почерком были выведены имена и адреса тех двух типов, которые на него покушались.

---

¹⁹⁵ Вольту – оружие (жарг.)

Первый адресок, где проживал Иннокентий Луцин, привел Глебова в довольно неухоженную часть столицы, где в съемных комнатухах ютились служители богемы среднего пошиба, непризнанные писатели и поэты, проигравшиеся кутилы, студенты-смутьяны и разочаровавшиеся в жизни пьянчужки.

Алексей нашел нужный ему номер дома и хотел было уже направиться к одному из подъездов, однако резко остановился и укрылся за углом – из подъезда вышел Малышев. С мрачным видом сотрудник Департамента закурил папироску, некоторое время спустя из подъезда вышел околоточный¹⁹⁶ и протянул ему какой-то длинный предмет, завернутый в белую тряпицу. Малышев развернул, взглянул на предмет, затем вновь завернул и, засунув за полу пальто, зашагал прочь.

Спустя какое-то время, прибыла крытая повозка, предназначенная для транспортировки трупов. Околоточный вошел в подъезд, прибывшие жандармы с носилками поднялись за ним следом. Глебов, натянув поглубже шляпу и замотав шарф поверх воротника пальто, последовал за ними.

На одном из лестничных пролетов возле облупленной двери квартиры стояли несколько любопытных жильцов. Алексей пристроился к ним.

– Что случилось? – спросил он у одного мужичка, что сто-

---

¹⁹⁶ Околоточный – надзиратель полицейского участка – «околотка».

ял поближе.

– Жильца замочили, – сообщил он. – Уж несколько дней назад, а труп только-то обнаружили.

– А я-то думаю, что так в подъезде воняет, – ответил другой. – Как в прошлый раз, когда издохла кошка.

В дверном проеме появились жандармы с носилками.

– Расступитесь!

Толпа раздвинулась, давая им пройти. На носилках лежал труп, накрытый простыней, лишь только кисть руки оказалась не прикрытой. Когда его пронесли мимо, Алексей успел разглядеть незамысловатую татуировку на запястье. Внутри треугольника было изображено око...

* * *

Отправившись по второму адресу, где проживал некий Петр Горин, Глебов какое-то время понаблюдал за квартирой. По всей видимости, в квартире никого не было: ни шагов, не звуков за дверью. Алексей, предусмотрительно вынув револьвер, постучал и прислушался. Тишина. Глебов вынул отмычку и вскрыл замок. Осторожно вошел. Затем принялся за осмотр.

Небольшая дешевая квартирка с маленькими комнатками была жилищем холостяка, хотя наличие некоторых женских штучек, как румяна и духи, говорили о том, что женщина здесь бывает. Алексей открыл флакон и понюхал. Знакомый аромат. Ненавязчивый, холодный.

Он осмотрел полки комода, шкаф, но ничего примечательного не обнаружил. Хотя... Глебов с тщательностью осмотрел одежду. Нашел едва заметные коричневые пятна на рукаве. Он прикрыл глаза, и в голове пронеслись образы. Убийца заносит нож над жертвой, та пытается защищаться, но безуспешно – смертельный удар, и жертва, испуская дух, хватается за рукав пиджака убийцы. Рука соскальзывает, жертва падает на пол. А на руке – на запястье татуировка «всевидящее око»...

Глебов открыл глаза. Вернув все на прежнее место, он еще раз осмотрелся, и вышел из квартиры.

* * *

День близился к концу. Но у Алексея еще был один срочный визит – к Малышеву.

Дом, где проживал Малышев, был респектабельный: двухэтажный, аккуратненький, с белыми колоннами и покрытой черепицей крышей, а возле дома – ухоженные деревья, клумбы и газон.

Глебов постучал дверным молоточком, и вскоре ему открыл седовласый слуга. Он провел Алексея в гостиную и направился сообщить хозяину о визите гостя. Оставшись один, Глебов осмотрелся: выглянул в коридор, примечая расположение помещений, комнат, затем, отодвинув тяжелую штору, выглянул в окно. Когда же хотел приподнять щеколду на оконной раме, услышал за спиной рычание собаки. Оглянув-

шись, он увидел гончую, которая скалила на него зубы, а рядом с ней белокурую девочку-пятилетку в нарядном платьице, худенькой ручонкой держащую собаку за ошейник.

Она с любопытством смотрела на Глебова своими голубыми глазенками, обрамленными длинными ресничками.

– Bonsoir, mademoiselle¹⁹⁷, – сказал Алексей, вежливо улыбнувшись. Собака оскалилась еще больше. Шерсть на ее холке встала дыбом.

– Bonsoir, monsieur¹⁹⁸, – произнесла девочка, делая реверанс, но по-прежнему крепко держа пса за ошейник.

– У вас очень сердитая собака, мадмуазель, – заметил Алексей. Собака в доме создавала для него большие сложности.

– Его зовут Мафусаил. Он охраняет нас с мамой, когда папы нет дома, – ответила девочка и потянула собаку за ошейник.

В комнату вошла довольно милovidная молодая хрупкая женщина с такими же белокурыми локонами и большими голубыми глазами, что и у девочки.

– Здравствуйте. Вы наверно к Даниилу? – произнесла она приятным мелодичным голосом.

К Даниилу? Глебов как-то не задумывался, как же зовут Малышева.

– Да, – он вновь взглянул на собаку. – Прошу прощения,

---

¹⁹⁷ Добрый вечер, мадемуазель (фр.)

¹⁹⁸ Добрый день, месье (фр.)

хотя ваша собака вполне милое создание, но я немного чувствую себя скованно, когда она так на меня смотрит.

Женщина улыбнулась и, без барской манерности, сама, не прибегая к помощи слуг, вытолкала пса за дверь.

– Благодарю.

– Прошу вас, присаживайтесь.

Глебов сел в кресло. Девочка и мать – на краешек дивана. Спины прямые, руки на коленях. Алексей приветливо улыбнулся дамам. Они улыбнулись в ответ.

– Позвольте представиться. Глебов Алексей Петрович.

– Юлия Гавриилевна Малышева. Моя дочь – Елена.

– О, очень приятно, – Алексей вновь улыбнулся. Мать и дочь смотрели на него с любопытством, так что молчание затянулось.

– Мой супруг не радуется своим знакомыми, – пояснила женщина, посчитав, что они своим разглядыванием смущают Алексея. – У нас редко бывают гости.

Глебов огляделся:

– У вас довольно мило. Изыскано и уютно.

Женщина улыбнулась. Вместе с ней и дочь.

– Спасибо. Приятно слышать. Мы с Леночкой потратили много времени и сил, чтобы все было так, как мы хотели. Правда, девочка моя?

– Да, мамочка, правда. – Девочка кивнула. – А кем вы будете? Откуда вы знаете рара¹⁹⁹?

---

¹⁹⁹ Папа, отец (фр.)

– Откуда знаю? – Глебов улыбнулся. – Мы с ним работали вместе какое-то время.

– Так вы папин сослуживец! – Глаза девочки загорелись любопытством. – Скажите, а мой папа – герой?

Дверь в этот момент распахнулась, и на пороге возник Малышев. Он устремил взгляд на Алексея. В глазах недоверие, подозрительность и холод.

Глебов поднялся:

– Здравствуй, Даниил.

– Здравствуй. – Малышев кинул взгляд на жену и дочь, затем вновь посмотрел на Алексея. – Пойдем.

Глебов вежливо раскланялся с дамами и зашагал за агентом Департамента, по пути не упуская из внимания расположение комнат и других помещений дома.

Малышев провел его в свой кабинет и закрыл дверь.

– Как ты меня нашел? – спросил он. Ощетинился, как гончая перед прыжком. Ни дать, не взять – Мафусаил.

– Не кипятись. Тебя не сложно было найти. Разреши, я присяду. Рана напоминает о себе – чувствую постоянную слабость. – Глебов сел в кресло. – Скажем так, ты посчитал себя вправе лезть в мою личную жизнь и подsunул в мой дом шпионку. Я решил тоже нарушить субординацию и посмотреть, как и чем живешь ты.

Малышев сжал кулаки:

– Ты мне угрожаешь?

Глебов рассмеялся. Покачал головой:

– Эх... Расслабься. Просто хотел тебе сообщить, что твоя фрау Фойт сбежала.

Малышев нервно прошел к столу, закурил папиросу:

– Я в курсе. После того, как ты ее пытал. Так?

– Это слишком громко сказано. Пытал! – Глебов поморщился. – В ее услугах я не нуждаюсь. И, будь любезен, больше никого не присылай.

Малышев пару раз глубоко затянулся, выпустил струю дыма через ноздри, затем затушил окурочок и помахал рукой, разгоняя дым. Приоткрыл форточку.

– Малышев?

– Как хочешь, – ответил тот. Когда он обернулся, то был уже спокоен.

– Вот и ладненько. – Алексей улыбнулся. Почему же Малышев так разнервничался? В чем причина? Что-то скрывает или же опасается за свою семью?

– Я хотел узнать, – произнес он, – про Катарину Хмельницкую что-нибудь известно?

Малышев покачал головой:

– Нет.

В дверь тихонько постучали, затем она приоткрылась и на пороге возникла супруга Малышева. От сквозняка форточка громко хлопнула о раму, а Юлия Гавриловна, приняв себя, укоризненно посмотрела на мужа. Он проигнорировал ее взгляд, потянулся закрыть форточку на щеколду, но резко обернулся, когда услышал голос супруги:

– Вы отужинаете с нами, господин Глебов?

Малышев не успел возразить, Алексей его опередил:

– С большим удовольствием.

Малышев нахмурился, но промолчал.

За ужином Глебов развлекал «дам», глава семейства молча наблюдал за ними, а собака сидела рядом со своими хозяйками.

– Еще, о, пожалуйста, еще! – хлопая в ладошки, попросила девочка, когда Алексей изобразил парочку комических пародий. Юлия Гавриловна смеялась, Малышев был недоволен.

– Да, пожалуйста, Алексей Петрович! – попросила она.

– Извольте, – Алексей взглянул на Малышева, подбоченился, как он, покашлял в кулак, а затем произнес пару фраз солидным хрипловатым баритоном. Девочка и женщина замолчали, а затем с восторгом, смеясь, заплодировали.

– Как у вас получается?! Голос, как у рара! Папа, ты слышал?

Малышев откинулся на спинку стула, не сводя жесткого холодного взгляда с Алексея...

Когда пробило восемь, Глебов решил откланяться.

– Что ж, было очень приятно познакомиться с вами и провести столь необыкновенный, замечательный вечер, но мне пора... – он стал подниматься, но вдруг пошатнулся и рухнул обратно.

– Алексей Петрович? – встревожилась Юлия Гаврилов-

на.

– Все... все хорошо...

Юлия Гаврииловна взглянула на мужа.

– Я тебя отвезу, – сказал Малышев.

Глебов не отказался.

Малышев доставил его домой, дождался, когда в окнах квартиры Глебова загорится свет, и только затем отправился обратно.

Глебов же, убедившись, что Малышев уехал, вышел через черный ход, через дворы выбрался на соседнюю улочку, где его уже ждал извозчик...

_ 44

* * *

Алексей ждал. Ждал, когда весь дом погрузится в сон. Наконец, выбрав подходящий момент, он пробрался к дому. Ловко ухватившись за толстую ветвь дерева, Алексей подтянулся и стал забираться выше.

Взобравшись на дерево, Глебов прошелся до середины ветви, она угрожающе под ним заскрипела, когда он оттолкнулся и прыгнул к выступу с колонной. Ухватившись за колонну и стоя лишь носочками на выступе второго этажа, он перевел дыхание, и двинулся дальше к окну. Малышев так и не замкнул форточку на щеколду, поэтому открыть окно стало намного проще. Алексей просунул руку внутрь, про-

тиснулся в форточку и приподнял щеколды на оконной раме. Открыв створки, забрался в комнату. Закрыл.

Прислушиваясь к звукам в доме и привыкая к темноте, он некоторое время постоял на месте. Затем отдернул шторы и выпустил лунный свет, который тут же осветил помещение.

Первым делом, Алексей осмотрел рабочий стол Малышева. Разного рода бумаги, ничего значащего. Пара безделушек. Нижняя полка закрыта, но Глебов без труда вскрыл ее. На дне лежали два свертка, один из которых он уже видел – тот, что передал окольный Малышеву возле дома убитого.

В обоих свертках оказались совершенно одинаковые кинжалы. Вероятнее всего, второй все-таки был найден Малышевым на том месте, где на Алексея напал Луцин.

Глебов внимательно рассмотрел предметы. На рукоятках и лезвиях – знаки и надписи на латыни: «*Suum cuique*»²⁰⁰, «*Stat sua cuique dies*»²⁰¹. Алексей еще раз сосредоточено посмотрел на знаки, стараясь их запомнить. Затем положил ножи обратно так, как они лежали ранее, запер полку, и тут услышал быстрые приглушенные шаги в коридоре. Глебов взобрался на подоконник и задернул штору.

В кабинет вошел Малышев, держа в руках свечу. Он был одет так, будто куда-то собрался уходить. Пройдя к столу, он вынул ключ и вставил в скважину замка полки. Вынул кинжалы, завернул их в бархатную материю. Неожиданно со

---

²⁰⁰ Каждому свое (каждому по заслугам) (лат.).

²⁰¹ Для каждого придет его день (Из Вергилия) (лат.).

смутной тревогой посмотрел по сторонам. Алексей замер.

– Ваш экипаж готов, – сообщил слуга, возникнув на пороге.

– Хорошо. – Малышев засунул сверток за пазуху и вышел из кабинета. Повернул ключ в замочной скважине. Затем его шаги раздались в коридоре.

Глебов перевел дыхание. Выглянул в окно. «Проследить бы, куда направился в столь позднее время Малышев, прихватив кинжалы. Что же ты скрываешь от меня?»

* * *

Часы пробили девять. Алексей взглянул на них, дописал до конца послание, положил в конверт. Итак, три письма – три адресата. Игра началась. Он положил два письма на край стола, вызвал прислугу, наказал в срочном порядке доставить письма по указанным на них адресам.

Когда Арина ушла, Глебов открыл папку и вынул зарисовку с символами, сделанную им по памяти по возвращению с ночного «визита» в дом Малышева. Что значат эти символы, он разберется позже, если, конечно, выгорит дельце, которое он затеял. Алексей вернул рисунок на место, откинулся на спинку стула, сложив руки замком на затылке. Взглянул на третий конверт с посланием. Он очень рискует, затевая все это. Но другого выхода нет.

Глебов взглянул на часы. Девять тридцать. Пора. Он встал, прошел к шкафу, вынул оттуда приобретенную ранее

одежду и снаряжение сапожника. Переоделся: русская рубаха, жилетка, сверху зипун²⁰², поверх – фартук, широкие брюки заправил в сапоги, на голову натянул картуз. Затем, прихватив письмо, а также стульчик и ящик с инструментом, выглянул из квартиры. Убедившись, что на лестничной площадке никого нет, он вышел и по черному ходу, предназначенному для прислуги, спустился во двор...

...Прежде всего, Глебов подкинул письмо под дверь квартиры, где проживал Петр Горин – тот самый тип, который совершил на него покушение. Затем расположился у перекрестка улиц и стал наблюдать за домом.

Прошло несколько часов ожидания, в течение которых Глебов чинил обувь. Его очередной клиент стоял на одной ноге, Алексей сидел на табуретке и, держа в руке железную лапу с насаженным на нее ботинком, работал. Он вбил очередной гвоздь в каблук и тут краем глаза заметил, как из подъезда вышел сухощавый высокий мужчина, и, оглядевшись, зашагал по улице. Алексей узнал его. Он вогнал последний гвоздь в башмак, сунул клиенту и, получив оплату, быстро собрал свой скарб и последовал за ним.

Горин шел по улице, засунув руки в карманы и, иногда, оглядывался по сторонам. Алексей свернул в проулок, оставил там свою ношу, быстро скинул фартук. Осторожно выглянул: Горин на ходу запрыгнул в конку. Глебов нагнал ее,

---

²⁰² Зипун (полукафтан) – верхняя одежда у крестьян. Представляет собой кафтан без воротника, изготовленный из грубого самодельного сукна.

вскочил на подножку позади вагона и крепко ухватился за перекладину. Так и проехал пару остановок, пока Горин не сошел на нужной.

В конечном счете, Горин вошел в здание, где располагался Департамент полиции. Через полчаса он вышел и зашагал вдоль улицы, вновь сел в конку и вернулся домой. Алексей не отставал, следуя за ним и стараясь «не светиться».

Цыган ждал его возле дома, сидя на скамейке. Глебов прошел мимо. Яшка, поправляя картуз, подмигнул. И так, Костыль прислал цыгана. Дело пошло. У него еще есть несколько часов...

* * *

Вернувшись домой, Глебов переоделся. Прислуга принесла обед, доложила о том, что письма были переданы адресатам. Голос ее звучал смущенно, а лицо не могло скрыть тревогу. Помешивая ложкой горячий кофе, Алексей понаблюдал за ней.

– Что вас беспокоит, Арина?

Женщина обернулась, нерешительно помяла в руках полотенце:

– Нет, ничего.

– Я же вижу. – Алексей был настойчив. Нужно сразу выяснить что происходит, пока это не вылилось в неприятности.

– Я не вправе вмешиваться в дела хозяина. И не вправе задавать вопросы.

Глебов улыбнулся:

– А вы задайте. Я разрешаю. Присядьте.

Женщина потеревила в руках полотенце, присела на край стула.

– Я работаю на вас больше года, Алексей Петрович. И вы платите мне хорошее жалованье, очень хорошее жалованье. Я не могла нарадоваться своей работе – вы и Елизавета Николаевна – всегда были добры. Но... как только Елизавета Николаевна уехала, в вашей жизни стали происходить странные вещи, что меня пугает. Вот, к примеру, пожар на прежней квартире. Или ваша странная сиделка. А эти письма...

– Вы боитесь?

Она взглянула на него:

– Да, боюсь.

– Хотите получить расчет?

Женщина промолчала, снова стала неуверенно теревить полотенце.

Глебов вздохнул. Она права. Уже не в первый раз недоброжелатели проникали в его дом, не ровен час, решат убить его прямо в квартире. И как часто бывает в таких случаях, заодно пострадает и прислуга, если окажется помехой или ненужным свидетелем.

Арина была ответственной, выполняла огромный круг обязанностей по дому и, самое важное, не болтала о своем хозяине с другими – он проверял. Искать же новую прислугу – не было времени. Да и мало ли что могло произойти вско-

ре. Даже сегодня вечером...

– Хорошо, Арина. Возьмите неделю отдыха. Съездите в деревню к родным. Тем более в городе стало в последнее время небезопасно. – Он достал портмоне, вынул пару купюр, положил на стол. – Здесь ваше жалование за прошедшую неделю, а также за неделю вперед. Поезжайте. Когда вернетесь, мы с вами вновь поговорим.

Женщина поднялась, взяла деньги, в нерешительности подержала их в руках.

– А как же вы тут без прислуги?

– Не переживайте. Я справлюсь.

Когда она ушла, Алексей откинулся на спинку стула. Аппетит совершенно пропал. Он взглянул на часы. Пора.

На выходе из квартиры Арина перехватила его.

– Господин Глебов, вам телеграмма. Только что передали из конторы господина Рериха.

Алексей развернул листок. Сердце екнуло. «Алеша, прошу, приезжай. Лиза». Его пальцы дрогнули. Как же захотелось все бросить и поехать к ней! Но... он не имеет право так ею рисковать.

Алексей неторопливо сложил листок пополам, потом еще раз. Отдал телеграмму прислуге:

– Выбросьте. Нет. Лучше сожгите.

И поправив шляпу, сбежал вниз по лестнице.

Арина проводила его недоуменным взглядом, затем развернула листок и, беззвучно шевеля губами, прочла по сло-

гам. Затем вновь взглянула на лестницу, по которой только что спустился ее хозяин. Покачала головой и положила телеграмму в карман юбки.

* * *

Вечерело. Глебов внимательно посмотрел по сторонам. Цыган стоял за углом, рядом с ним – еще один молодчик: оба курили. Цыган первым заметил Глебова: их взгляды встретились. Цыган как бы невзначай коснулся своего правого уха. Значит, Горин в доме, один.

Алексей взглянул на карманные часы. Пора. Он посмотрел на цыгана, коснулся полы шляпы рукой. Цыган утер нос. Значит, они наготове и, если что пойдет не так, люди Костыля его прикроют.

Глебов нащупал за пазухой револьвер, затем вошел в подъезд с черного входа и поднялся к квартирке Горина. Достал револьвер, постучал. Горин открыл дверь и сразу узнал Алексея. Увидел револьвер в его руках.

Глебов кивнул ему в сторону комнат:

– Заходи.

Горин, соблюдая осторожность, отступил назад. Алексей вошел следом, быстро запер дверь. Держа под прицелом, указал в сторону гостиной.

Оказавшись в гостиной, Горин повернулся к Глебову. Некоторое время они смотрели друг на друга. Алексей заговорил первым:

– По взгляду вижу, помнишь меня.

Горин промолчал.

– Почему хотел убить меня?

– Хотел бы – убил бы.

– Тогда что же?

– Я выполнил лишь приказ.

– Чей?

– Думаю, ты знаешь.

– Хотелось бы услышать.

– Надо будет – услышишь.

– Я с тобой в игры играть не собираюсь. Может быть, мне тебя прикончить?

Алексей слишком поздно ощутил едва уловимый ненавязчивый холодный аромат духов.

– Опустит револьвер, – услышал он знакомый женский голос. При этом дуло револьвера прижалось к его затылку.

Глебов замер, нехотя поднял руки:

– Я всегда поражался вашей способностью передвигаться быстро и бесшумно, фрау Фойт.

Горин забрал у него оружие. Фрау Фойт отступила на шаг назад, Алексей повернулся к ней.

– Was werden wir machen? Werden wir ihn erschiesßen?²⁰³
– сказала Фойт Горину.

– Nein. Der Haupt hat gesagt, nicht zu berühren.²⁰⁴

---

²⁰³ Что будем делать? Застрелим его? (нем.)

²⁰⁴ Нет. Хозяин сказал, пока его не трогать (нем.).

– Kein Mensch, – она кивнула на Глебова, – kein Problem!²⁰⁵

– Ist es dir nicht schade? Du hast doch so viel Zeit verbraucht, um ihn zu heilen.²⁰⁶

Фойт фыркнула:

– Wie auch dir war es nicht schade, als du ihn mit dem Messer gestochen hast.²⁰⁷

– Позволю себе наглость и перебью вашу столь милую беседу по поводу меня, – произнес Алексей. Времени осталось мало, а ему так много нужно узнать!

Горин уставился на него своими холодными серыми глазами. Из такого слово не вытянешь!

– Сегодня ты получил анонимное письмо, так ведь?

Горин прищурился:

– Твоих рук дело?

– Что за письмо? – с подозрением спросила Фойт.

– Потом. – Горин вновь посмотрел на Глебова. – Что дальше?

– А дальше то, что ты забил тревогу и направился к своему хозяину, заказчику покушения на меня. И к вашему хозяину, фрау Фойт, не так ли?

– Ты следил за мной? – По голосу Горина нельзя было по-

---

²⁰⁵ Нет его – нет проблем (нем.)

²⁰⁶ А тебе не жаль? Ведь столько времени потратила, занимаясь его лечением (нем.)

²⁰⁷ Также как и тебе было не жаль, когда ты проткнул его ножом (нем.)

нять, какие эмоции он испытывает – настолько он был непроницаемый и отстраненный.

– Так и есть. Ваш хозяин – не последний человек в Департаменте полиции. И он дал приказ меня не трогать. По крайней мере, пока.

На лице Горина появилась кривая усмешка:

– А ты говорила, что он не понимает по-немецки.

Фойт смерила Глебова презрительным взглядом:

– Я тебе говорила, от него нужно ждать неприятностей!

Пристрели его, пока не произошло еще что-нибудь!

– Его нельзя убивать. Поняла? Дай револьвер! – Горин забрал оружие у Фойт.

Затем обратился к Алексею:

– Раз ты столько знаешь, зачем пришел ко мне?

Глебов снисходительно улыбнулся:

– Мне нужно имя.

– ?

– Имя твоего хозяина.

– Придет время – узнаешь. А может, и нет...

Алексей перебил его:

– Рачковский.

Фойт быстро взглянула на Горина, хотя тот и бровью не повел, услышав имя.

Алексей улыбнулся. Осуждающе поцокал:

– Нервишки слабоваты, фрау Фойт.

– Заткнись!

– Как грубо! Передо мной женщина или мужик в юбке.
Как ты с ней ладишь?

Фойт резко шагнула в сторону Глебова, но Горин удержал ее за руку.

– Я присмотрю за ним, а ты сообщи обо всем хозяину.
Поняла?

Фойт сжала кулаки:

– Поняла.

Она вышла из комнаты.

– Ответь мне на один вопрос, – произнес Алексей, когда он и Горин остались наедине, – Что ты знаешь про Лущина?

– Кого?

– Того парня, что напал на меня в проулке с кинжалами.

– А, – Горин поморщился.

– Так что?

Тот усмехнулся:

– Хочешь знать, кто он и почему хотел тебя убить?

– Но ты ведь знаешь это. Ты заставил его признаться, прежде чем заколол ножом.

Горин зло уставился на него:

– Я о нем ничего не знаю! Понятно?

Алексей смотрел на него – глаза Горина отражали опаску и тревогу и предупреждающе поблескивали. Кто же стоит за Лущиным, раз это пугает такого типа как Горин?

В этот миг раздался грохот, топот, в комнату ворвались люди с оружием, скрутили Горина. Ввели белую как полотно

Фойт. Следом вошел Малышев, взглянул на Горина, затем на Алексея. Глебов пожал плечами, насмешливо улыбнулся бывшей сиделке:

– С возвращением, фрау Фойт.

Она высоко вздернула подбородок.

Малышев взглянул на Горина:

– Так понимаю, разыскиваемый по подозрению в покушении на убийство?

Горин промолчал.

– Уведите.

Когда арестованных увели, Малышев посмотрел на сидящего на подлокотнике кресла Глебова.

– Ты рисковал, – сказал он.

– Вот если бы ты, получив мое послание, не пришел или пришел бы сюда один, то, да, рисковал, – последовал ответ.

– Думал, что я могу быть с ними заодно?

– Никогда ничего нельзя исключать, не правда ли?

Малышев помолчал.

– Я не знал, что Фойт работает не только на меня.

– Догадываешься, кто за ними стоит?

Малышев закурил, нервно выпустил струю дыма через ноздри.

Глебов невесело усмехнулся:

– Нет, не догадываешься, а точно знаешь.

Малышев кинул на него взгляд исподлобья. Стряхнул пепел прямо на потертый ковер.

– Азеф и Рачковский крепко повязаны. Думаю, что Азеф, увидев тебя в Петербурге, убедил Рачковского, что ты опасен, так как слишком много знаешь и суешь нос не в свои дела.

– Почему же я до сих пор жив?

– Предполагаю, что прежде чем покончить с тобой, Рачковский решил узнать, кто за тобой стоит. Слежка – дело затяжное, поэтому он решил форсировать события: наемник нанес тебе рану, и довольно профессионально, так как не отправил тебя на тот свет, а затем проследил за тобой. Так он узнал о твоём знакомстве с Витте.

– И что теперь?

– Мой тебе совет – уезжай, Глебов. Сегодня же. И как можно дальше.

– А разве тебе и Витте ничего не угрожает?

Малышев кинул хмурый взгляд на него:

– Опять лезешь не в свое дело, Глебов! Это не твоя забота. Уезжай.

_ 45

* * *

Алексей вышел на улицу. Перед ним остановилась коляска, и он увидел смуглое лицо цыгана и его напарника. Если бы Малышев, получив его послание, оказался бы на стороне Горина и Фойт, и пришел бы один, Алексею понадобилась

бы их помощь. К счастью, их услугами воспользоваться не пришлось.

Глебов засунул руки в карманы.

– Вы выполнили свою работу, – сказал он. – Передай Костылю, что теперь мы с ним в расчете.

Цыган ухмыльнулся, блеснув золотым зубом. Затем их коляска сорвалась с места и покатила по мостовой.

... Вернувшись домой, Алексей застал прислугу в слезах.

– Что случилось, Арина?

– Украли! – провыла она.

– Что украли?

– Ваш граммофон украли!

– Так, – Алексей выпрямился. Арина утерла нос краем накрахмаленного фартука.

– Ты видела, кто это сделал?

– Да! – Она, обливаясь новой волной слез, уткнулась лицом в подол фартука. – Ворвался цыган, угрожал оружием, потом закрыл меня в кладовке...

Глебов вздохнул. Эх, цыган, цыган!

– Успокойтесь. Все в порядке.

– А как же...

– Еще раз повторяю, все в порядке. Вы собрались в дорогу?

Женщина кивнула.

– Не тяните с отъездом.

Она испуганно уставилась на него.

– Не переживайте. Ничего не случилось. В ближайшее время ваши услуги мне не понадобятся.

– Вы уедете?

– Да, я уеду.

* * *

Сумерки прокрались в комнату, делая очертания предметов нечеткими, а их цвет тусклым, сероватым. Алексей отодвинул край шторы. Никаких сомнений – за ним была установлена слежка.

Алексей отошел от окна. Достал револьвер, проверил барабан, затем положил револьвер на край стола. Если решат убить его, то придут этой ночью.

Возможно, это последняя ночь в его жизни. Но ждать смерти он не собирается. И, прежде всего...

Он достал письменные принадлежности и сел за стол. Стал писать быстро, иногда прерываясь, а затем вновь возвращаясь к письму.

Прошло около часа, Алексей исписал не один лист бумаги и, наконец, поставил в конце размашистую подпись. Затем откинулся на спинку стула, смотря на испещренные каллиграфическим почерком листы бумаги. Он написал в письме все, что хотел бы сказать Лизе при встрече. Письмо – на тот случай, если встреча никогда не состоится.

Глебов запечатал его в конверт, оделся, засунул револьвер за пояс. Спустившись в холл, постучался в комнату швейца-

ра. Спустя какое-то время дверь приоткрылась, и на пороге возник седой мужчина с уставшим помятым лицом. Глебов протянул ему внушительную купюру, затем письмо.

– Это письмо нужно отправить по указанному адресу. Но дня через два.

Оживившийся при виде крупной купюры швейцар кивнул:

– Будет сделано, господин Глебов.

– И еще. – Алексей достал еще одну купюру. – На улице стоят некие господа. Отвлеките их на пару минут.

– Сию минуту, – мужчина ловко перехватил деньги и выскользнул из коморки.

Глебов со стороны наблюдал, как швейцар, выйдя на улицу, постучал в коморку дворника, они перекинулись парой слов и направились к месту, где укрылся от посторонних взглядов один из типов, следящих за Алексеем. Он отступил в сторону, пытаясь от них скрыться. Дворник пронзительно засвистел в свисток.

Воспользовавшись суматохой, Алексей проскользнул вдоль стены дома к ограде, ловко перебрался через нее и исчез в темноте спустившейся ночи.

* * *

Огни в клубе, игривая музыка, карточные столы, привлекающие внимание движения танцовщиц, табачный дым, пары алкоголя и захмелевшая толпа. Многолюдное место – то,

что надо.

Алексей, заказав выпивку, несколько минут понаблюдал за карточными столами. Выбрав один из них, он сел за игру.

Игра шла с переменным успехом – Глебов то выигрывал небольшие суммы, то проигрывал. Время тянулось тягостно долго. Но он был начеку. В какой-то момент Алексей заметил среди посетителей, стоящих близ стола, подозрительного типа. Несомненно, по его душу, решил он.

Карты вновь были розданы. Глебов раз за разом стал повышать ставки и выиграл довольно крупную сумму. Игра пошла по очередному кругу, и вновь он стал повышать ставки. Толпа наблюдавших переместилась к их столику. Все внимание было приковано к рисковому игроку. Выигрыш! Толпа загудела, обсуждая куш²⁰⁸ Алексея.

Раздали карты и снова ставки взлетели вверх. Толпа замерла в ожидании исхода. Оставшийся один на один с Глебовым чрезмерно азартный соперник не желал сдаваться. На кон было поставлено имение. Помещик ждал. Глаза его лихорадочно поблескивали, а пальцы рук подрагивали. Алексей с легкой ухмылкой на губах, с прищуром, смотрел на него. Толпа напряженно ждала его решения. Глебов поддержал ставку. Стали вскрывать карты. Помещик выложил карты на стол. Толпа одобрительно загудела.

– Неплохая комбинация, – сказал Алексей. Наклонился вперед и медленно, подогревая интерес толпы, выложил кар-

---

²⁰⁸ Куш – ставка, выигрыш в карточной игре.

ту за картой.

Наступила тишина. Помещик уставился на карты Алексея, не веря своим глазам. Глебов неторопливо закурил сигару. Толпа взревела. Игрок перевел остекленевший взгляд на Алексея и сорвался с места. Его стул упал, брякнув спинкой о пол. Толпа замолкла и, ахнув, расступилась, увидев в его руках револьвер.

– Мне не жить!

– Не делайте этого, – предупредил Глебов.

Но тот его будто не слышал. Поднял руку, навел револьвер на Алексея:

– И тебе тоже!

Прогремел выстрел. Глебов рухнул вместе со стулом на пол, его рубашка на груди окрасилась алым. Игрок перевел револьвер на себя и выстрелил...

– Убили!

– Нужно вызвать полицию!

Толпа запаниковала, засуетилась, стали быстро расходиться. Общаться с полицией никто не хотел.

Полиция прибыла довольно быстро. Прикрыли трупы простынями. Допросили служащих. Сгрузили убитых на носилки, вынесли на улицу, погрузили на телегу и повезли прочь.

...Преследователь Глебова все это время наблюдал со стороны. Ему ничего не пришлось делать. Все разрешилось само собой. Глебов убит – работа сделана.

* * *

Телега, трясясь и треща, катила по булыжной мостовой. Жандармы, сидевшие по краям телеги, хмуро смотрели друг на друга. Какое-то время ехали молча.

Светало. Телега свернула за угол и остановилась. Один из жандармов перебрался вглубь телеги и отдернул простыню с лица убитого. Наклонился, разглядывая его лицо.

– Ну, здравствуй, Глебов.

Алексей медленно открыл глаза. Усмехнулся:

– Рад видеть тебя, Гришка.

– Конечно же, рад. Едва успели. Сразу тронулись в путь, как только получили твое письмецо.

– Я ваш должник.

– Само собой.

– А что наш «злостный игрок»? – Алексей повернулся к «труп». – Антон! Спишь, что ли?!

Гришка слегка поддал мыском сапога под бок Антону. Тот охнул, сел, держась за бок:

– Ну, вы скоты!

– Храпа твоего еще не хватало, – Гришка осмотрелся по сторонам. Алексей перемахнул через бортик телеги.

– Что, подремать нельзя?! Я две ночи не спал! – Антон выкарабкался наружу вслед за Глебовым.

– Зато выглядел правдоподобно, – усмехнулся кучер. Второй жандарм хрипло рассмеялся.

– Расходимся, – дал распоряжение Алексей, надевая пальто. Шутки прекратились. Антон и Гришка быстро сменили верхнюю одежду, ненужную спрятали в соломе в телеге. Компания без лишних слов разделилась: Алексей, Антон и Гришка зашагали в одну сторону, а кучер с «жандармом» на телеге заколесили в противоположную.

* * *

– У тебя большие неприятности, – произнес Гришка.

Глебов кивнул. Они втроем сидели в одной из комнат в ресторане Палкина, вдали от посторонних глаз, а Алексей вкратце посвятил их в курс своих нынешних дел.

– Что собираешься предпринять? – Антон облокотился на стол.

– Лягу на дно. Нужно обождать пару дней. Все решится. А вам стоит как можно скорее покинуть Питер.

– Мы так и поступим. Но и ты... Поехали с нами, Глебов.

– Нет. Я не могу.

– Слушай, Глебов, если все дело в твоей бабе... – Антон замолчал под суровым взглядом Алексея, – Ах, да, пardon, не бабы, вы же люди иного круга...

Гриша остановил его, положив руку на его плечо. Антон, нахмурившись, откинулся на спинку стула, а Гриша посмотрел на Алексея:

– Мы с тобой съели не один пуд соли, друг. И если тебе нужна помощь – мы поможем.

– Я ценю это. И вы уже помогли.

– Алексей, Антон прав, тебе нужно поехать с нами.

– Я уже все сказал.

Антон хохотнул, кинул взгляд на Гришку:

– Ты думал, что он свою бабу на тебя променяет? Не видишь что ли, она его к юбке своей привязала.

Глебов раздраженно взглянул на Антона, затем на Григория:

– Я уже начинаю жалеть о том, что позвал вас.

Гришка вздохнул:

– Легавые скоро просекут, что ты жив. И тогда начнут на тебя охоту. И если дело только в твоей жене, то мы и здесь подсобим.

– Подсобите? – Алексей смерил их бесстрастным взглядом, усмехнулся. – Каким же образом?

Гриша замолчал, а Антон наклонился вперед, и, сложив руки на столе, сказал, глядя Глебову в глаза:

– Похитим и увезем, куда твоей душе угодно.

Бровь на лице Алексей произвольно поползла вверх:

– Спятил?

– Вполне серьезно.

Глебов взглянул на Гришку, но по выражению его лица понял, что тот с Антоном солидарен.

– М-да, – медленно произнес Алексей. – И как давно вы это придумали?

Затем заговорил очень спокойно, но сухо:

– Возможно, я попрошу вас это сделать. Когда-нибудь. Но не сейчас и не здесь. И мой вам совет, не рискуйте нашей многолетней дружбой, ради того, чтобы вернуть меня в общее дело. Вам ясно?

Лицо Антона покрылось красными пятнами:

– Иди к черту!

– И вам не хворать. Всего хорошего.– Глебов поднялся и зашагал к выходу.

– Алексей, стой! – Гришка догнал и остановил его. – Не кипятись! Мы же не чужие люди. Пойдем. Посидим, поговорим. Столько времени не виделись. – Он взглянул на Антона. – Антон, извинись.

– Еще чего! – огрызнулся тот, но под суровым взглядом Гришки, замялся и сердито буркнул: – Да ну вас! Я больше и слова не скажу!

– Вот и прекрасно. – Гришка добродушно посмотрел на Глебова. – Пойдем.

Они вернулись за стол. Глебов с растущим недоверием смотрел на приятелей: Антон все еще сердито пыхтел, а Гриша разливал горькую в рюмки.

– Давайте выпьем за крепкую мужскую дружбу, – предложил он.

Чокнулись, молча выпили.

– Вы должны сегодня же уехать, – сказал Алексей, ставя рюмку на стол. – Наверняка случаем в клубе уже заинтересовалась полиция. Когда поймут, что это дело рук не мест-

ных, начнут искать гастролёров.

– Во-во, и я о том же! – сказал Антон. – Тебя кинутся искать все, кому не лень!

– Не переживай, мы уедем, – ответил Гришка. – Только вот развлечёмся немного.

Он позвонил в колокольчик, явился официант, Гришка с ним пошептался, тот подобострастно кивнул, удалился. Через минуту в комнату вплыли три милovidные девицы. Алексей хмуро взглянул на Гришку, тот лишь с улыбкой пожал плечами.

Девицы составили им компанию, постарались разрядить обстановку. Глебов же становился все хмурнее, чем больше блондинка, сидящая с ним рядом, оказывала ему свое внимание и благосклонность. Ее рука легла ему на колено, затем медленно стала продвигаться по его бедру. Алексей перехватил ее руку, убрал. Отказался от очередной рюмки водки, встал.

– Я ухожу.

– Эй, Глебов, расслабься! Раньше ты не вел себя как монах. Или твоя жена сделала из тебя скопца²⁰⁹? – Антон заржал, как лошадь.

Алексей дал ему основательный подзатыльник. Зубоскал подскочил на ноги:

---

²⁰⁹ Скопцы («агнцы Божьи», «белые голуби») – последователи мистической секты духовных христиан, возводящей операцию оскопления (удаление половых желез) в степень богоугодного дела.

– Эй! Да я тебя...

– Лучше заткнись, – предупредил Глебов.

Гришка тот час вклинился между ними:

– Эй, остыли! Остыли, парни!

Он обернулся к девицам:

– Брысь отсюда!

Девушки сгребли купюры со стола и быстренько исчезли.

– Я тоже ухожу. – Алексей поправил галстук и манжеты.

– Остайся еще ненадолго. Прошу, присядь, друг.

Алексей пристально посмотрел на Гришку, затем прищурился и усмехнулся.

– Да что это я, в самом деле, ведь давно не виделись. Да и когда еще увидимся, – он хлопнул приятеля по плечу, затем протянул ему руку. – Без обид?

Гришка расплылся в улыбке, крепко пожал ее:

– Без обид, друг.

Глебов его по-братски обнял, снова похлопав по плечу. Взглянул на хмурого Антона, затем направился к столу и заявил:

– А вот он пусть извинится.

Антон мгновенно перевел взгляд на Алексея, ноздри его вздулись от негодования:

– Не в жизнь.

Алексей вальяжно сел на стул, закурил:

– Тогда я с ним пить не буду.

Гришка предостерегающе посмотрел на Антона. Тот засу-

нул руки в карманы:

– Антоха, на пару слов, – сказал он, отводя его в сторону. Они довольно бурно перешептывались какое-то время, повернувшись к Глебову спинами. Затем вернулись к столу.

– Мне как, перед тобой на колени пасть, барин, или пары слов хватит? – съязвил Антон.

Глебов усмехнулся:

– Пары слов хватит.

– Ну, извини.

– А давайте-ка выпьем, – предложил Гришка, раздавая разлитую по рюмкам горькую. – За наше партнерство и дружбу.

– За нас, – согласился Алексей, чокаясь с ними...

Через пятнадцать минут, захмелевший Глебов, ощущая невероятную усталость, вяло, заплетающимся языком заявил:

– Все. Я пас... Да и вам пора.

Гришка снисходительно улыбнулся:

– Да, пора.

– Если что, не держите на меня зла... Да и я не буду...

– Безмозглый идиот! – выругался Антон и взглянул на Гришку. – И что, мы так и позволим ему остаться в Питере?

Гришка усмехнулся. В этот момент Глебов рухнул на стол.

Антон уставился на него:

– Чего это он?

– Барбитурат²¹⁰. – Гришка, встал с места, усадил спящего Алексея на диван.

– Что это на тебя нашло? – Антон проскользнул к двери, осторожно осмотрелся.

Гришка развязал галстук на шее Алексея, расстегнул ворот его рубашки:

– Я подумал, что твоя идея-то не плоха.

– В смысле?

– В смысле похищения. Вот только, похитим не его жену, а самого Глебова.

– Ты псих! Да он нас порвет за это!

– Не бойсь. Когда мы привезем его кралю, он сменит свой гнев на милость. Помоги мне.

Они с двух сторон подхватили Глебова под плечи. Антон покачнулся под тяжестью ноши, вздохнул:

– Отступить некуда.

– Вывезем его из города от греха подальше. А там уж разберемся...

В общий зал вышли, изображая пьяных. Гришка щедро расплатился с подскочившим к ним официантом, во все горло потребовал подогнать извозчика. Антон, раскачиваясь с повисшим на его плече Алексеем, попытался распевать романс, потом шумно извинялся перед посетителями – как ни

---

²¹⁰ Барбитураты – группа лекарственных средств, оказывающих угнетающее влияние на центральную нервную систему. Ранее широко назначались в качестве успокаивающих и снотворных средств.

как время движется к полудню, а господа уж в дребедень набрались горькой. Какая наглость! Администратор быстренько предоставил им извоз. Их приветливо, бережно и аккуратно проводили к выходу. На пороге же столкнулись с некими господами, один из которых, завидев Антона и Алексея, с ужасом метнулся в сторону. Когда компания покинула ресторан, бледный господин посмотрел на своих приятелей ошарашенными глазами.

– Что с тобой? – спросил один из них.

– Так это... – он с шумом втянул воздух. – Вы разве не заметили?

– Что именно?

– Так это... те самые... Что сегодня друг друга постреляли в клубе...

Приятели рассмеялись:

– Тебе что, теперь они повсюду мерещатся? Пора, брат, полечить нервишки. Съезди на курорт на воды...

– Не то тебя водяра изведет.

– У тебя, приятель, белая горячка...

* * *

Во дворе их ждала карета – на козлах все те же кучер и «жандарм», но уже не в жандармских шинелях, а в ливреях²¹¹.

---

²¹¹ Ливрея – форменная одежда особого покроя и определённого цвета для лакеев, швейцаров, кучеров и иных слуг.

Троица забралась внутрь, дверца захлопнулась и карета заколесила по мостовой.

Антон устало зевнул, с завистью посмотрел на спящего безмятежным сном Глебова.

– Сколько он проспит?

– Часов шесть-десять, – ответил Гришка, выглядывая в окно. Столица казалась ему беспокойной и по-настоящему опасной. И дело было не только в полиции, но и в непредсказуемых донельзя участниках революционных беспорядков. Не ровен час...

Антон вновь зевнул:

– Раз Глебов спит, то и мне не грех прикорнуть немного. Три дня почти без сна, – он вновь зевнул, поудобнее устроился на сидении и натянул шляпу на глаза.

На выезде из города их остановили на заставе²¹² для проверки документов.

Документы были выправлены как положено, так что по данному поводу Гришка не переживал. Но если дело дойдет до осмотра кареты, то...

Экипаж стоял на дороге, ожидая своей очереди. Гришка выбрался наружу, перекинулся парой фраз с «кучером и лакеем», давая им распоряжение. Осмотрелся. Выкурил папироску и направился к посту. Переговорил с караульным офицером, предъявил документы, вернулся к экипажу. «Кучер и лакей» тихонько разговаривали, но увидев «хозяина»,

---

²¹² Застава – заградительный, сторожевой пункт на границах города.

умолкли.

Гришка открыл дверцу кареты, собираясь забраться внутрь, и... Глебов исчез!

– Антон! – рявкнул он на спящего приятеля, но тот не шевельнулся. Гришка грубо потряс его за плечо. Антон застонал, пробубнил что-то, но так и не проснулся.

– Черт! – выругался Гришка и осмотрелся по сторонам. Не было смысла кидаться в поиски – Глебова и след простыл.

Сверху с козлов наклонился кучер.

– Вы чего, ваше благородие?

Гришка в сердцах махнул рукой:

– А, растяпы! Глебова профукали!

– Чего? – не понял кучер. Его напарник тоже недоуменно уставился на Гришку.

Гришка не стал объяснять.

– Поехали уж, – сказал он, забираясь в карету.

Экипаж заколесил по дороге, преодолевая заставу с поднятым шлагбаумом, а Гришка хмуро уставился на спящего Антона, перебирая в голове последние события. Вот он подмешивает Глебову барбитурат, пока тот выясняет отношения с Антоном. Вот он не дает Глебову уйти, тот по приятельски хлопает его по плечу, обнимает, опять хлопает по плечу...

Гришка постучал кулаком по лбу. Вот дурак! Да Глебов же ловко обшмонал его карманы, проверил, что в них есть! Затем они как полные кретины повернулись к нему спиной,

чтобы он не прочел по губам, о чем они говорят. А тем временем Глебов подменил рюмки, переставив свою со снотворным Антону! И ведь точно рассчитал, что на уснувшего Антона никто не обратит внимание, так как тот не спал несколько суток!

Гришка вдруг всполошился, заглянул под сидения и быстро вытащил сумку, в которой лежал их общий куш от аферы в игровом клубе. Деньги были на месте – Глебов ничего не взял. Гришка закрыл сумку и вернул ее на прежнее место. И на том Глебову спасибо – ведь мог забрать деньги!

Усевшись на место, Гришка уставился на захрапевшего с присвистом Антона. Эх, авантюра с похищением Глебова не удалась. Жаль. А ведь хотелось помочь приятелю вернуться к прежней жизни. Не судьба. Ну, попытка – не пытка. Главное, чтобы Глебов не держал зла и понял их правильно. Гришка закрыл глаза. А ведь было время, когда они вместе – Гришка, Глебов, Костик Абрамович и Антон – проворачивали не хилые делишки! Теперь нет ни Абрамовича, ни Глебова, и нет прежней бравады и удачи...

* * *

Глебов ехал в почтово-пассажирском дилижансе, направляющимся в Петербург. Пассажирам, ехавшим рядом, не было дела до него – «мужчины без дорожного багажа», севшего в экипаж на заставе. Каждый был занят по-своему: кто спал, кто тихонько беседовал, кто жевал что-то из съестного.

Глебов же сидел между тучной женщиной и интеллигентным старикашкой в пенсне. Старик читал газету, женщина беседовала с соседкой напротив, обсуждая рецепт рыбного пирога. Алексей, натянув шляпу на глаза, казался спящим. На самом деле его обуревали тревожные мысли и чувства. Он был огорчен поступком приятелей. Когда-то работающая слаженно под его руководством команда, стала неуправляема. «Что на них нашло? Бог знает, что стоит за их помыслами, но все это, ой, как, не своевременно! Помимо всех остальных забот и напастей, свалились и эти!» – Алексей вздохнул. – «Я должен вернуться в Петербург. Если известно, кто стоял за наемником Гориным, то с фанатиком Луцином еще ничего не ясно. Что же кроется за покушением с ритуальными кинжалами, которое совершил Луцин? Луцин – пешка, кто-то заставил его совершить покушение, но кто?»

Судя по символам и латинским надписям на кинжалах, Луцин принадлежал к одной из тайных организаций, о которых Алексей слышал еще в период своей студенческой молодости. И кому же он перешел дорогу? Алексей чувствовал, что если он узнает этот секрет, то это знание станет ключиком к чему-то очень важному. Самое главное сейчас выиграть время. Иначе...

Рано утром Глебов был уже в Императорском Санкт-Петербургском университете: было необходимо найти профессора Платонова²¹³.

Профессор оказался в университете, несмотря на то, что всем было не до учения: студенты, охваченные революционными идеями, не желали учиться, а преподаватели – люди образованные и интеллигентные, каждый на свой манер, считали необходимым внести вклад в происходящее. Занятия не шли, тем более не так давно возле университета состоялось столкновение между студентами и полицией, что было чревато и грозило последствиями и для студентов, и для преподавателей, и для самого университета.

Алексей застал профессора в кабинете. Платонов кинул взгляд на постукавшего в дверь Глебова, продолжил перебирать документы, часть из которых перекладывал в саквояж.

– Здравствуйте, профессор. Я от Василия Ивановича, – Глебов протянул Платонову письмо – как и в ранние студенческие времена, он с ловкостью подделал письмо от сейчас уже бывшего ректора университета Сергеевича²¹⁴, лекции по истории права которого когда-то посещал.

---

²¹³ Сергей Фёдорович Платонов (1860, Чернигов – 1933, Самара) – русский историк и педагог. С 1890 г. профессор по кафедре русской истории; с 1900 по 1905 г. декан историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета.

²¹⁴ Василий Иванович Сергеевич (1832, Орел -1910, Москва) – русский историк права, тайный советник, профессор и ректор Императорского Санкт-Петербургского университета.

Профессор вновь взглянул на Глебова, взял письмо в руки, вскрыл, быстро прочел, затем посмотрел на непрошенного гостя.

– Прошу прощения, не знаю вашего имени...

– Алексей Петрович.

– Алексей Петрович, я глубоко уважаю Василия Ивановича – он мой наставник, мой учитель. Но, к сожалению, у меня очень мало времени. Так, что вас ко мне привело?

Глебов вынул из внутреннего кармана сложенные листки бумаги, развернул и положил их перед профессором на поверхность стола.

Платонов поправил на переносице очки и внимательно изучил нарисованные Алексеем по памяти знаки, прочитал надписи на латыни.

– Что вы можете сказать, профессор? Какой организации, тайному обществу они принадлежат?

Профессор вновь взглянул на рисунки, пожал плечами:

– Я не особо сведущ в данном вопросе. Лучше всего об этих символах вам мог бы рассказать профессор Московского университета Василий Осипович Ключевский²¹⁵ – его некоторое время интересовала данная тематика.

Алексей покачал головой:

---

²¹⁵ Василий Осипович Ключевский (1841, Воскресеновка, Пензенская губерния – 1911, Москва) – российский историк, профессор Московского университета; академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, председатель Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, тайный советник.

– К сожалению, дело не терпит отлагательства.

Профессор помолчал. Затем прошел к шкафу и стал быстро просматривать полки с книгами. Вынул одну из них, полистал, ткнул пальцем, показывая Глебову рисунки:

– Треугольник, с помещенным внутрь него оком – Лучезарная Дельта, иначе, всевидящее око – знак просвещенности и принципа сознания, символ осознания и внимания, которое каждый должен проявлять по отношению к миру. Звезда с пламенем на пересечении лучей – Пламенеющая звезда, знаменует жизненную силу и дух, наполняющий всю природу, а также ум, освещающий все дела и направляющий на верный путь. Изображение круга с точкой в центре это Солнце. Оно символизирует истину, мужество и правосудие. Все эти символы связаны с Орденом вольных каменщиков. Слышали о таких?

– Franc-maçonnerie²¹⁶?

Профессор кивнул:

– Франкмасонство или масонство – движение, возникшее в XVIII веке в виде закрытой организации. Масонство берёт своё начало с конца XVI – начала XVII века, предположительно, из цехов каменщиков. Масонство организовано в независимые Великие ложи, каждая из которых руководит собственной юрисдикцией и состоит из подчинённых ей лож. Некоторые Великие ложи признают друг друга, некоторые нет. Первая Великая Ложа сформировалась в Лондоне,

---

²¹⁶ Франкмасонство (фр.)

чуть позднее во Франции. Как правило, в одной стране существует только одна «Великая ложа» той или иной масонской юрисдикции. Масонство символически использует инструменты и орудия каменщичества и легенды о строительстве Храма Соломона, чтобы метафорически выразить свою систему морали.

– Вы можете сказать по символам, о какой масонской организации идет речь?

Профессор пожал плечами:

– Масонских знаков, по которым масоны в других странах опознают друг друга, в России не существовало... Но, судя по всему, до нынешнего времени? В России существовала целая сеть лож розенкрейцеров, традиционно связанная тайной и сильной внутренней дисциплиной с такими принципами, как «равный равному повелевает», «достойный достойнейшему повинуется». В 1822 году масонские ложи в России были официально закрыты высочайшим рескриптом императора Александра Павловича. Все же розенкрейцеры сумели просуществовать в России практически весь XIX век, несмотря на строгий запрет, возможно, и поныне.

– Чем занимаются организации?

– Хм... Их работа ведется в строгой тайне. Даже в самой организации нижестоящие в масонской иерархии не знают тайн вышестоящих. Рядовые масоны, выполняя приказания, не знают, от кого они исходят. Письменного делопроизводства и протоколов заседаний также не ведется.

– Вышестоящие масоны занимаются политической манипуляцией?

– Думаю, что так. Предполагаю, из всей сложившейся в нашей стране ситуации, что новые российские масоны находятся в постоянном контакте с революционными партиями и даже приглашают их представителей для поддержки своей противоправной деятельности.

Глебов задумался. Затем взглянул на профессора:

– Как становятся масонами?

– В масонство поступают не желающие, а те, которых масонство само себе вербует. Предложения делаются или лицам, имеющим хорошие средства, или тем, кто имеет влияние в политике и в обществе. Ложи тщательно избегают посвящения профанов, которые не могут вынести расходов общества. Масонство не пренебрегает торговцами, старшими мастерами фабричных заведений и даже мастерами, получающими хорошие оклады, но обыкновенный рабочий, приказчик, чиновник конторы и прочий мелкий люд не имеет доступа в ложи. Политические убеждения поступающих не играют роли, также как и их религия.

Профессор замолчал, видя, что Алексей задумался. Чем больше Платонов ему рассказывал о масонстве, тем больше Глебов ощущал тревогу. Что-то во всем, что с ним происходило, не так; присутствовал какой-то подвох, но Алексей не мог понять, какой. Лопухин втянул его в свои делишки, так как хотел знать, кто был причастен к убийству Плеве.

Но к убийству были причастны эсеры Азеф и Савинков. И как оказалось, за Азефом в этом убийстве стоял Рачковский. Затем возник Витте, и если уж быть с собой до конца честным, втянул его в решение своих проблем. Что было не так с перепиской Витте, которую Алексею пришлось выкрасть у Рузвельта? А ведь надо было вскрыть документы, когда они были в его руках! Что ж теперь сожалеть, теперь это так и останется тайной.

Алексей произвольно взял пешку с шахматной доски и повертел в руках. Сейчас нужно думать о том, что на него было совершенно два покушения. И если за первым стоял Рачковский, то кто же стоит за вторым? И раз за последнее время было столько попыток отправить его *Ad patres*²¹⁷, что или кто мешает им сделать это сейчас?

Профессор кашлянул, стараясь привлечь внимание посетителя.

Алексей взглянул на него:

– Простите, профессор, – он поставил пешку на шахматную доску.

– Позвольте, – профессор протянул руку и переставил пешку на доске, – Пешка хоть и младшая фигура в шахматах, но имеет важное стратегическое значение. Вы ее переставили и нарушили всю игру. А мне хотелось бы с профессором Гревсом партию доиграть. Когда-нибудь.

Алексей вновь взглянул на шахматную доску и перестав-

---

²¹⁷ «К праотцам», т. е. на тот свет (лат.)

ленную Платоновым фигуру, но в тот же миг их внимание привлек раздавшийся шум за окном. Глебов прошел к окну, выглянул наружу. На открытой площадке у входа в университет стояли жандармы, солдаты. Офицер, командующий отрядом, громогласно отдавал приказы. Распоряжением правительства университет был объявлен закрытым до осени следующего года.

Алексей кинул взгляд на Платонова, со смятением на лице смотревшего на происходящее:

– Сочувствую, профессор, но вам не скоро удастся довести игру до конца...

* * *

Покинув университет, Алексей решил побольше разузнать о Лущине: чем он занимался, с кем общался, встречался, где чаще всего бывал. Об этом ему могли поведать соседи Лущина, его сослуживцы, семья. Узнать удалось не особо много. Луцин был студентом, подрабатывал на жизнь переводами, жил один, с родными он порвал отношения, хотя родственники у него были довольно состоятельные люди. К нему захаживала разношерстная публика, однако в последнее время он стал довольно замкнутым и не общительным.

Таким образом, Алексей мало что узнал.

На улице Глебов совершенно случайно столкнулся со старым знакомым.

– Алексей Петрович! – окликнул его Пешков. – Здравствуйте!

Глебов обернулся:

– Здравствуйте, Алексей Максимович.

Он осмотрелся по сторонам.

– Как ваши дела? Как Елизавета Николаевна? Слышал, что тогда, 9 января, все обошлось, и вы ее нашли в здравии.

Глебов напряженно посмотрел на писателя:

– Да, так и есть, Алексей Максимович.

Пешков насупил брови:

– Да что с вами не так, друг мой? Что же вы хмуритесь?

Алексей вздохнул, грустно улыбнулся, похлопал Пешкова по плечу:

– Не берите на свой счет, Алексей Максимович. Это я так... Елизавета Николаевна сейчас в Москве, я в Петербурге. Но буду рад передать ей от вас благопожелания, если хотите.

Пешков рассмеялся:

– Если только вы поедете к супруге сегодня, друг мой! Я вот собираюсь в Первопрестольную. Могу сам передать весточку вашей супруге. Где она остановилась?

Глебов нахмурился:

– Остановилась? У Шмитов.

– Прекрасно. Николая и Екатерину я хорошо знаю. Славные молодые люди. Простые, открытые, без фальши.

На лице Алексея заходили желваки от напряжения, что не осталось незамеченным Пешковым.

– Простите, друг мой, я вас наверно задерживаю.

Глебов натянуто улыбнулся:

– Есть немного, Алексей Максимович. Вы уж не обессудьте, тороплюсь.

– Не смею задерживать.

Глебов откланялся и быстро зашагал по улице. Разговор о Лизе выбил его из колеи. Однако он ощутил и иное – за ним установилась слежка.

* * *

Следили за ним довольно профессионально, так что скрыться не удалось, хотя Алексей и сделал несколько попыток обхитрить следящих.

В конечном счете, Глебов решил, раз дело так пошло, не лучше ли подкрепиться в хорошем ресторане, а там будь что будет. От судьбы не уйдешь.

В ресторане Алексея провели за отдельный столик, благо посетителей оказалось не так много – революционные беспорядки в городе многих удерживали дома. Услужливо представили меню. Глебов сделал заказ, особо не вдаваясь в его содержание. Официант удалился, а Алексей откинулся на спинку стула и осмотрелся.

Играла музыка, певичка, только что вышедшая на сцену, затянула романс, четыре официанта с подносами сновали меж столиками. Глебову хорошо просматривался вход: в помещение вошли двое, осмотрелись, заметив Алексея, выбрали места – один у барной стойки, другой за столиком близ

входа. Кто же они такие, чьи люди?

Вскоре принесли заказ, и Глебов принялся за ужин. Спустя десять минут перед его столиком возникла фигура, Алексей поднял глаза.

Перед ним стоял Горин. Взгляд холодный, бесчувственный, лицо без каких-либо эмоций. Алексей откинулся на спинку стула, улыбнулся.

– Ба! Кого я вижу. – Его пальцы легли на рукоять револьвера.

– Без лишних движений, – бесстрастно предупредил Горин, для которого жест Алексея не остался незамеченным.

– И ты тоже. – Взгляд Глебова сделался жестким и предостерегающим.

Горин, не сводя взгляда с Алексея, отодвинул стул и сел напротив. Официант услужливо предстал перед столиком и предложил меню. Горин на него даже не посмотрел, лишь сказал:

– Стопку горькой.

Официант быстро удалился.

Горин молчал, Алексей тоже.

– Что дальше?

– Ждем.

– Чего именно?

– Решения.

Итак, Горин здесь и готов его убить – Алексей знал, что у наемника оружие наготове. Однако Горин ждал. Ждал ре-

шения, которое должен был принять Рачковский...

– Значит, время еще есть? Тогда я бы хотел закончить свой ужин.

Горин промолчал, а Алексей принялся нарочито медленно ужинать.

Официант принес стопку водки и поставил перед Гориным. Тот даже не шелохнулся.

Прошло еще десять минут. Алексей отложил вилку и нож, выпил вина. Пригубил салфеткой рот, кинул ее на край стола. Обманчиво вальяжно откинулся на спинку стула, не сводя взгляда с Горина. Напряжение росло.

И вот к их столику вновь вернулся официант. Положил перед Гориным листок бумаги.

– Просили передать, – смущенно произнес он, – «Нет».

На лице Горина пробежала едва заметная тень:

– Свободен.

Официанту повторять не пришлось – его как ветром сдуло.

Горин по-прежнему не сводил холодного взгляда с Алексея. Взял записку, принесенную официантом, протянул ему.

Алексей не сразу, но взял листок. Горин неторопливо поднял стопку водки, одним глотком опустошил, поставил на стол и без резких движений поднялся. Еще раз окинул взглядом Глебова, развернулся и зашагал к выходу. Двое других последовали его примеру.

Только теперь Алексей смог свободно вздохнуть. Послед-

ние двадцать минут он находился на грани между жизнью и смертью. На этот раз ему повезло.

Алексей развернул листок бумаги. На нем был указан адрес, номер комнаты и время.

* * *

По адресу, указанному в записке, находилась гостиница. Не солидная, да и не убогая – так, среднего уровня. Ухоженная, простенькая и, главное, укромная.

Глебов явился чуть раньше назначенного времени: пришлось заплатить извозчику вдвойне, чтобы он срочно доставил его в назначенное место. Алексею не пришлось об этом пожалеть: он увидел выходящего из гостиницы Витте, следом за ним вышел мужчина – Алексей узнал его – это был Рачковский. Мужчины обменялись вежливыми фразами на прощание, пожали друг друга руки и разошлись. Витте сел в ожидающий его экипаж и сразу же укатил прочь. Рачковский дал распоряжение подошедшему к нему мужчине, направился к карете. Ему услужливо приоткрыли дверцу, но прежде чем сесть, он повернул голову и посмотрел в сторону Алексея, затем забрался внутрь. Карета тронулась и тоже укатила прочь.

Итак, Рачковский уехал. Тогда, кто же ждет его внутри?

Алексей покинул переулок, в котором стоял, пересек улицу и вошел в здание. Портье за стойкой с услужливой улыбкой встретил посетителя. Глебов сказал, что его ждут, и на-

звал номер комнаты. Портье позвонил в колокольчик, явился коридорный, который и проводил его до нужного номера на втором этаже.

Коридорный постучал в дверь, раздались шаги, она открылась. Незнакомый Глебову мужчина взглянул на него, сунул коридорному чаевые, отступил в сторону, предоставляя Глебову возможность войти.

Алексей сделал шаг вперед. Мужчина же молча вышел и закрыл за собой дверь.

Глебов осмотрелся. Всего лишь еще одна закрытая дверь. Он подошел, взялся за ручку и, медленно повернув, распахнул дверь.

* * *

– Здравствуй, – первым прервал затянувшееся молчание Малышев. Глебов стоял напротив в нескольких шагах от него.

– Здравствуй. – Он снял шляпу.

– Присаживайся.

Алексей молча сел в кресло.

– Предполагаю, ты недоумеваешь, что я здесь делаю.

– Почему же, – Глебов устало усмехнулся, – следовало ожидать сюрприза: пять минут назад я видел выходящими из здания господ Витте и Рачковского, любезно распрощавшихся друг с другом.

– Хм..., – Малышев сел в кресло напротив. – Хочу ска-

зать, сложившуюся ситуацию удалось благополучно разрешить. И, надо признать, не без твоей помощи. То, что ты передал Горина и Фойт в мои руки, дало нам козыри. Рачковский счел лучшим не портить отношения с Витте.

Алексей предпочел промолчать.

– И по сему, так как он считает тебя человеком Витте, как и меня впрочем, ни он, ни Азеф, не будут предпринимать против тебя никаких действий, но только если ты... не вздумаешь перейти им дорогу.

Алексей потер подбородок, смотря в сторону, так что Малышев не мог видеть выражение ни его лица, ни глаз.

– Глебов?

– Да? – Алексей посмотрел на Малышева.

– Ничего не хочешь сказать?

Глебов пожал плечами:

– Нет.

Малышев помолчал.

– Что касается того, второго покушения – этот вопрос почти решен.

Глебов заинтересовался:

– Каким образом?

– Я провел частное расследование. Еще один твой неприятель – Савинков – не забыл такого? – решил от тебя избавиться. Он, как и Азеф, не мог использовать Боевую организацию эсеров в собственных целях для покушения, ведь ты не относишься к числу государственных лиц, на которых ве-

дет охоту БО. Тогда Савинков решил использовать Лущина – попавшего под его влияние фанатика одной из тайных групп, в которую входил и Савинков. Покушение не удалось. Лушин был убит. А Савинков исчез из поля зрения. Его ищут. Конечно, я не гарантирую, что на тебя не совершат вновь покушение, но думаю, что Савинкову уже не до тебя.

Алексей молчал. Затем усмехнулся:

– Мне стоит поблагодарить тебя?

– Когда мне понадобится услуга – я к тебе обращаюсь.

Глебов хмыкнул, кивнул и встал.

– Надеюсь, я свободен?

– Не смею задерживать. – Малышев поднялся. – Один только вопрос.

– Какой?

– Сколько ходов вперед ты просчитал, Глебов?

Алексей усмехнулся, надел шляпу.

– Не понимаю, о чем ты говоришь. Позвольте откланяться, господин Малышев.

Глебов слегка поклонился и вышел из комнаты.

Малышев проводил его задумчивым взглядом. С Глебовым нужно быть поосторожней.

* * *

На улице стемнело. Но в сравнении с предыдущими днями, Глебов ощутил покой, несмотря на то, что ночные улицы нынешнего Петербурга таили опасность.

Теперь Глебов мог вернуться в свою квартиру. А завтра утром отправиться в Москву. Подальше от политических заговоров, погрязших во лжи политиков, сотрудников и ищеек Департамента, тайных дел революционных и масонских организаций. Нужно уехать из России. На время. И забрать с собой жену. Похитить ее, если на то пошло. Но оставаться в России опасно. У Рачковского клеветы²¹⁸ и в Петербурге, и в Москве. Влияние его усиливается. Боевая организация через Азефа стала орудием, которым Рачковский пользуется для достижения личных целей. В Департаменте полиции мало кто догадывается о причастности Рачковского к темным делам и интригам. Этот «мастер сыска», лишенный совести и чести, не останавливается ни перед чем и прибегает к убийству как к средству укрепления собственной власти. К тому же, Рачковский стал пользоваться благоволением императора Николая. Одно это делает его всемогущим и страшным, даже для имперских верхов.

Что касается молчаливого Малышева – он та еще темная лошадка. Что, по сути, Алексей знает о нем? Практически ничего. Всегда холодно вежливый, Малышев держится несколько особняком даже среди сослуживцев. Ценим начальством. Дослужился до ответственного места в Департаменте полиции. Начатая Рачковским «чистка» в Департа-

---

²¹⁸ Клевет – приспешник, приверженец, не брезгающий ничем, чтобы угодить своему покровителю. До середины XIX в. употреблялось в значении «союзник», «единомышленник».

менте, поставила его дальнейшую службу под угрозу, так как Малышев был одним из «птенцов гнезда» Зубатова, которых теперь изгоняли из Департамента. Возможно, если бы не покровительство Витте, Малышеву, да и Алексею тоже, было бы несдобровать.

Рачковский и Витте договорились. Но почему? Позиции Витте в политике усиливаются и явно что-то вскоре должно произойти, что подтвердит догадки Алексея. Рачковскому выгоден союз с Витте. Что-то связывает и связывало Витте и Рачковского. Оба были в опале в период министерства Плеве, и оба пошли в рост после его смерти. Не в этом-то причина? Плеве многим попортил карьеру, тому же Зубатову. Так что смерти ему желали не только социал-революционеры, но и многие государственные чинуши.

Единственное, что следует сделать, держаться от них как можно дальше. Иначе, так получится, что с помпезными словами «на службе Отечеству» окажешься пешкой в чужой игре.

_ 47

* * *

Октябрь 1905 г. Москва

Это был не первый вечер, когда собрались в доме Плевако, где проживал Николай, для обсуждения партийный задач, поставленных ЦК РСДРП. В кабинете Николая нахо-

дился его ближайший друг Шанцер, Иван Карасев, Лиза. Обсуждали подготовку вооруженного выступления. Лиза взглянула на часы, зевнула. В кабинет вошла Катя, принесла на подносе чай и кое-какую еду. Поставила на стол. Вдруг с парадного кто-то позвонил. Все вздрогнули, переглянулись. В последнее время участились полицейские облавы и аресты по любому поводу. Катя сделала шаг к двери, но Николай ее остановил:

– Пожалуй, при данных обстоятельствах это должен сделать я, – сказал он напряженно.

– Мы перейдем на кухню, – произнес Шанцер, все молча согласились – на кухне имелся черный ход.

– Если что не так, я уроню одежную щетку с трюмо, – предупредил Николай и направился в переднюю, встречать непрошенных посетителей. Иван вынул из-за пояса браунинг и встал за дверью в коридоре.

Шанцер, Лиза и Катя перебрались на кухню и прикрыли дверь. Притаившись, стали напряженно вслушиваться в то, что происходило в коридоре. Открылась внешняя дверь, в передней раздались голоса – по всей видимости, вошло несколько человек. Катя и Лиза тревожно переглянулись. Катя приоткрыла дверь черного хода, но Николай все еще не подал сигнал. В передней стало шумно.

Лиза быстро прошла к окну и выглянула, но ничего подозрительного не обнаружила, и, обернувшись к Кате, кивнула. Катя сдернула с вешалки приготовленное для подобного

случая пальто и протянула Шанцеру – любой мог под видом рабочего покинуть их квартиру в случае необходимости. В кармане лежали заранее заготовленные документы. Шанцер надел пальто и прошел к черному входу, в коридоре раздались быстрые шаги, дверь распахнулась...

На пороге стоял Шмит и улыбался.

– Катенька, иди встречать дорогих гостей! – радостно сказал он, быстро ободряюще пожал руку Лизы. Шанцер облегченно выдохнул, повесил пальто на вешалку и последовал за Шмитами и Лизой в переднюю.

– Боже мой! Кого я вижу! – воскликнула Катя, устремляясь навстречу гостям. Лиза тоже обрадовалась, увидев Пешкова с женой Марией Федоровной²¹⁹ и господина Шаляпина²²⁰. Позади них стоял, пришедший с ними смущенный Лукьянов, рядом Карасев, придерживающий полу пиджака, чтобы не было видно выпирающего оружия.

Познакомившись и обменявшись приветствиями, шумная компания перебралась в гостевую комнату. Спустя какое-то время все уже сидели за столом около самовара.

---

²¹⁹ Мария Федоровна Андреева – актриса, гражданская жена Пешкова А. М. (М. Горького).

²²⁰ Фёдор Иванович Шаляпин (1873, Казань -1938, Париж) – русский оперный и камерный певец (высокий бас), в разное время солист Большого и Мариинского театров, театра Метрополитен Опера. Имел яркие вокальные данные и артистизм. Занимался живописью, графикой и скульптурой. В 1905 г. жертвовал сборы от своих выступлений рабочим. Порой его выступления с народными песнями («Дубинушка» и др.) превращались в политические демонстрации.

Пешков весело рассказывал, каким образом они забрели к ним в гости в столь поздний час.

– Уж простите нас за столь неожиданное нашествие! – говорил он. – Мы вот с Марией Федоровной решили навестить Федора Ивановича, потом все вместе отправились прогуляться по тенистым аллеям Новинского бульвара, которые Федор Иванович очень любит! Пока мы решали, идти к вам на фабрику или явиться на квартиру, нам повстречался Николай Нефедович!

– Ведите нас к нему! – повторил басисто свои слова Шаляпин.

Лукьянов смутился, кинув на шумную знаменитость взгляд.

– Николаю Нефедовичу пришлось проводить нас, – засмеялся Пешков. Затем поймал взгляд Лизы, по-доброму пожал ей руку и продолжил беседу. Лиза практически не слышала, о чем шел разговор: ей хотелось лишь одного, спросить у Алексея Максимовича виделся ли он с ее мужем...

Вечер вышел на славу. Удалось даже уговорить Лукьянова почитать стихи, которые, как оказалось, он сочинял. Его похвалили, Пешков посоветовал ему писать и дальше. Спел несколько песен Шаляпин. Песни Варламова²²¹, песнь ямщиков в исполнении Шаляпина тронули до глубины души, так,

---

²²¹ Александр Егорович Варламов (1801, Москва – 1848, Санкт-Петербург) – русский композитор, капельмейстер, певец, музыкальный критик. В историю русской музыки вошёл как автор романсов и песен. Основными жанрами для композитора были «русская песня» и лирический романс.

что некоторое время все молчали, а певец задумчиво смотрел в окно на Новинский бульвар. Затем он вновь запел такую близкую его душе «Дубинушку²²²»...

*...Но настала пора, и поднялся народ,
Разогнул он согбенную спину
И, стряхнув с плеч долой тяжкий гнет вековой,
На врагов своих поднял дубину.
Эх, дубинушка, ухнем,
Эй, зеленая, сама пойдет, сама пойдет,
Подернем да ухнем...
Так иди же вперед, мой великий народ,
Позабудь свое горе-кручину
И свободы святой гимном радостным пой
Дорогую, родную дубину...*

После этой песни долго молчали – эта была совершенно иная редакция песни, которая затронула умы и сердца и взволновала до глубины души... Шаляпин перебрался в кресло, таким образом показывая, что петь больше не будет.

Время приближалось к полуночи, и надо было расходиться. В прихожей Николай, все еще находящийся под впечатлением песен Шаляпина, шепнул Лукьянову:

– Эх, тетка, тетка! Вот на фабрике бы этот концерт, чтобы

---

²²² Прим. автора: Знаменитая революционная песня, созданная в 1860-х гг. на основе дополнения и авторской обработки народной песни В. И. Богдановым, а затем А. А. Ольхиным. Песня стала революционным символом конца XIX-начала XX в., и была особенно известна по её исполнению Ф. И. Шаляпиным. Существует ряд вариаций песни.

услышали все рабочие!

Пешков, расслышав его слова, улыбнулся:

– Там, пожалуй, ничего бы не вышло – нет инструмента!

– Наоборот, Алексей Максимович, там в сто раз лучше! – загорелся идеей Шмит. – Рядом в нашем особняке стоит концертный рояль Бехштейна²²³. А наши ребята в один миг принесли бы его в цех!

Шаляпин рассмеялся:

– Ну и отлично! Придется повторить концерт, если это так можно назвать!

Шанцер остался ночевать у Николая, а Лиза и Катя решили воспользоваться возможностью и вернуться в квартиру Андриканиса. Гостей и молодых женщин вызвались проводить до дома Карасев и Лукьянов.

Когда компания брела по ночным улицам, Пешков наконец-то улучил момент, чтобы обратиться к Лизе:

– Как вы поживаете, моя дорогая Елизавета Николаевна?

– Благодарю, неплохо, – ответила она.

– Мой друг, вы весь вечер хотели что-то мне сказать?

Лиза благодарно улыбнулась Пешкову.

– Да... Хотела.

– И что же? – подбодрил ее писатель.

– Вы ведь приехали из Петербурга?

---

²²³ Прим. автора: «Бехштейн» – немецкая компания, основанная Карлом Бехштейном в 1853 г. и по сей день занимающаяся производством и реализацией пианино и роялей.

Он кивнул.

– Скажите... Вы виделись с моим мужем?

– Да.

– Как он?

Пешков посмотрел на молодую женщину, обдумывая, что же ей сказать.

– Он угрюм и молчалив. У вас размолвка?

Лиза отвернулась, сдерживая навернувшиеся слезы:

– Хуже.

– Простите меня за мою бестактность.

– Ничего. – Лиза вздохнула.

– Любовь порой делает людей глупыми и ревнивыми, – сказал Алексей Максимович, поглаживая усы.

– Я слышу, вы про Алексея Петровича? – спросила Мария Федоровна, оставив разговор с Катей и Шаляпиным и беря супруга под руку. – Не судите его строго. Я думаю, что он вас очень любит. Вам следовало бы с ним объясниться.

– Мария Федоровна! – попытался осадить жену Пешков.

– А что? – возмутилась она. – Ей Богу, будто малые дети!

Послушайте меня, милочка, в наше время жизнь так скоротечна. Мы не можем с уверенностью сказать, что с нами будет завтра. Так есть ли смысл терять время?

Пешков крикнул в знак одобрения, пожал руку жены. Какое-то время шли молча, затем Пешков и его жена заговорили о своем, а Лиза задумчиво брела рядом.

* * *

Утро оказалось холодным и промозглым. Лиза поправила воротник, чтобы под него не задувало, и спрятала замершие ладони, просунув их в рукава пальто. На фабрике ждала работа – хотя доктор и говорил, что справится сам и что госпоже Глебовой в ее положении лучше сидеть дома, но Лиза-то знала – ему нужна помощница как никогда. Многие болели – заболели от холода, от голода, усталости, нищеты. Недовольство масс росло, несмотря на то, что правительство готово было пойти на уступки...

По дороге на фабрику Лиза почувствовала, что что-то случилось. У рабочих, что ей попадались на пути, был озабоченный, угрюмый вид, несколько раз она услышала, что говорят о Баумане²²⁴ и столкновении с черносотенцами.

Возле фабрики Лиза заметила Николаева среди группы рабочих и решительно зашагала к нему.

– Михаил Степанович, что случилось?

Николаев кивнул рабочим, они стали расходиться, а сам он повернулся к Лизе:

– Баумана убили. Черносотенцы.

– Но как?!

– На площади Старых Триумфальных ворот произошло столкновение рабочих с монархистами. Началась перестрелка. Сегодня будем собирать митинг. Предупредите Шмита.

---

²²⁴ Николай Эрнестович Бауман (1873, Казань -1905, Москва) – российский революционер, деятель большевистского крыла РСДРП.

Лиза кивнула.

Днем рабочих собрали на митинг. Николаев встал на импровизированную трибуну и сообщил о столкновении с черносотенцами и убийстве Баумана. Для большинства эта новость не была тайной. Николаев призвал рабочих принять участие в похоронах. В конце добавил, что они знают, чем они могут закончиться.

После митинга, когда рабочие стали расходиться, Шмит подошел к Лизе:

– Завтра вы с Катей останетесь дома.

– Об этом не может быть и речи, – категорично возразила Лиза. – Вы же понимаете, если начнется стрельба, понадобится моя помощь. Я неплохо разбираюсь в медицине.

– Лиза!

– Нет, Николай.

Он некоторое время молча смотрел на нее. Затем вынул из-за пояса браунинг, вложил в руки Лизы:

– Держите. Он заряжен.

Лиза хотела возразить, но он ее остановил:

– Лиза, они будут стрелять во всех без разбору. Я хочу, чтобы у вас была возможность выжить.

...На похороны Баумана собралось много рабочих. От Лефортова до Ваганьковского кладбища шли, взявшись за руки, чтобы никто не мог остановить процессию, сопровождающую гроб. Впереди шли Шанцер, Васильев-Южин²²⁵, Кара-

---

²²⁵ Михаил Иванович Васильев-Южин (1876, Пятигорск – 1937, Москва) –

сев, Николаев, Лиза, Николай, члены боевой дружины и многие другие. Всю дорогу мужчины сменяли друг друга, неся гроб Баумана.

Боевая дружина была наготове, ожидая нападение черносотенцев. До Ваганьковского кладбища добрались к концу дня, когда уже начало темнеть. Дружинники заняли посты у входа и вокруг могилы и зорко следили по сторонам.

Начался митинг. Выступали Шанцер, Васильев-Южин с призывом свергнуть самодержавие, бороться, как Бауман, за демократию и социализм...

С кладбища вышли, неся развернутые красные знамена. Николай приблизился к Лизе ближе:

– Будьте внимательнее, Лиза, – прошептал он.

Лиза ощутила тревогу. Неужели все-таки будут стрелять?

Возле университета на улице было слишком темно – кто-то разбил газовые фонари. Николай поймал руку Лизы и сжал. И тут со всюду засверкали выстрелы: из Александровского сада, из Манежа, с крыш домов. Шмит потянул Лизу прочь из толпы в сторону ближайшего укрытия. Дружинники открыли ответную пальбу, но вскоре выстрелы стихли. Рабочие подхватили раненных и убитых и укрылись в стенах университета. Николай не выпускал руку Лизы, пока они не оказались внутри.

революционер, член исполнительной комиссии Московского комитета РСДРП; участвовал в подготовке Декабрьского вооруженного восстания. Участник революции 1905 – 1907 гг.

Раненых отнесли в большую аудиторию, Лиза и другие женщина занялись перевязкой и уходом за пострадавшими в перестрелке. Большая часть мужчин взялась за сооружение баррикад возле университета. Боевая дружина рассредоточилась и заняла позиции.

Николай принес несколько столов, воды, скатерти под бинты. Помог расположить тяжелораненых на столах. Лиза взглядом его поблагодарила – ей действительно трудно было наклоняться, а оказать качественную помощь тяжелораненым могла только она.

Время шло. Ждали продолжения боя. Было тревожно. Некоторые раненые стонали, но Лиза для них сделала все, что могла.

Она прошла к окну и отогнула край тяжелой шторы. На улице горели костры. Рабочие укрылись за баррикадами и были наготове. На небе же безмятежно горели такие далекие звезды.

Лиза закрыла глаза, прижавшись головой к стене. Как же ей сейчас хотелось, чтобы Алексей был рядом. Укрыться в его надежных объятиях, почувствовать его тепло, услышать ласковый завораживающий голос мужа. Он бы смог ее успокоить, рассмешить, снять усталость, напряжение, тревогу. С ним так надежно... Лиза открыла глаза. Как же она не понимала раньше! Он всегда был для нее надежной опорой, поддержкой, частью ее самой, а она от этой важной части отказалась! Сколько в нем терпения и любви. О, Господи, одна

надежда, что все еще можно исправить и его вернуть!

... Ночь прошла спокойно, без происшествий. Утром с рассветом мимо проехали конные патрули казаков, но в конфликт с рабочими не вступили. К полудню было решено по-одиночке расходиться...

* * *

Уехать в Москву на следующий день Алексею не удалось. Пришлось улаживать некоторые денежные вопросы. Когда затруднения были разрешены, Алексей отправился в дорогу. Путь был дальний, так что времени хватило все обдумать. В Москву Глебов ехал с твердым намерением вернуть Лизу. И если так сложится, что она ему откажет, на этот случай у него был разработан план. Гришка и Антон подкинули неплохую идею. Глебов готов был похитить жену и вывести ее Швейцарию. Есть там пара-тройка ему знакомых укромных живописных мест, где он «поселится» с женой...

По прибытию в Москву, Алексей не стал селиться в гостинице и сразу же отправился на поиски жены по адресу, который передал ему адвокат.

Дверь открыла прислуга, он сообщил, что к госпоже Глебовой, женщина его впустила и попросила обождать. Услышав голос жены в соседней комнате, Алексей ждать не стал – сердце екнуло и припустило вскачь, – он направился к двери и распахнул ее.

Лиза сидела в библиотеке за столом. Как только дверь

распахнулась, она сразу же подняла глаза и насторожено посмотрела на вошедшего. Их взгляды встретились, и время будто замедлило бег. Глаза Лизы вспыхнули, расширились, Алексей сделал шаг навстречу и... тут увидел Шмита. Николай Шмит стоял возле книжного шкафа и хмуро смотрел на Алексея.

Благое настроение сразу пропало. Глаза Глебова сузились, он криво осклабился, высокомерно расправил плечи. Лиза, заметив изменившееся настроение супруга, смущено взглянула на Шмита, поднялась.

– Алексей...

Глебов сразу заметил ее выпирающий живот. Сердце разбилось на куски, в ушах зазвенело. Он зло взглянул ей в глаза, затем перевел взгляд на Шмита.

– Алексей!

– А ты время зря не теряла! – озлобленным тоном выплюнул он слова, повернувшись к жене. – Два месяца была вдовой, и такие изменения!

Лицо Лизы пошло красными пятнами.

– Как вы смеете! – вступился Шмит, но Лиза слабым жестом попросила его успокоиться.

– Алексей, я не могу разговаривать с тобой, пока ты говоришь со мной таким тоном...

– Я совершенно спокоен, моя дражайшая супруга! – Он сделал несколько шагов в ее сторону, уперся руками в стол. – Скажи, ради приличия ты немного подождать не могла, а?

Хотя какие приличия?! Виноват – сглупил, не дав тебе развод. Теперь же, что я получил? Жену, обрюхаченную любовником. Деньги тоже потратила на него?

– Так тебя волнуют только потраченные мною деньги? – На лице Лизы отразились боль и гнев.

Алексей зло усмехнулся:

– Возможно!

– И может быть, ты нарочно сделал так, чтобы я поверила в твою смерть? Ты нарочно подверг меня такому испытанию?

Глебов не преминул усугубить положение:

– Ты догадлива, моя дорогая!

Лиза наотмашь ударила его по лицу, и опустилась на стул, закрыв лицо руками.

– Вам лучше уйти! – Шмит вновь выступил вперед. – Вы ее не заслуживаете!

Глебов не помнил, как преодолел расстояние между ними и врезал Шмиту, что было сил, так что Николай отлетел в сторону на пару шагов.

– Что ты творишь?! – закричала Лиза на мужа, но он будто не слышал ее. Николай быстро поднялся на ноги и ринулся на Алексея. Занес кулак, но Глебов уклонился и ударил его под дыхло. Схватил за лацканы и врезал в лицо.

– Алексей, прекрати!

Но Глебова было не остановить. Он пару раз коленом ударил Шмита под дыхало, тот скрючился и скатился к его но-

гам. Алексей выпустил противника из рук, грубо оттолкнул. Его грудь высоко вздымалась, а кулаки непроизвольно сжимались и разжимались, пока он иступлённо смотрел на поверженного противника. Лишь спустя некоторое время он взглянул на Лизу. Глаза ее были заплаканными, большими, и напоминали два синих озера, лицо ее пылало, а его ярость явно ее напугала, ошеломила.

– Ты, ты... – она не нашла слов, чтобы выразить свои мысли и чувства, и лишь бережно прикрывала ладонями свой живот.

– Знаю, – ответил он свирепо, переведя взгляд от ее живота на лицо. – Черта с два ты получишь развод.

Он стремительно вышел из комнаты, и Лиза разрыдалась. Она подошла к Шмиту и присела рядом с ним на пол.

– Прости меня. Пожалуйста, прости, – прошептала она, видя как он стирает кровь со своего лица и шмыгает разбитым носом. Шмит не ответил. Лиза и не ждала его ответа. Сердце ее было разбито окончательно и бесповоротно.

* * *

Алексей напился. Умышленно, сознательно напился. Он никогда не напивался до такого состояния. Все плыло перед глазами, язык плохо слушался, но алкоголь не помог заглушить боль и отчаяние, и не помог забыть Лизу.

– Пре-е-датель-ница, – заплетающимся языком сказал он и залпом выпил очередную рюмку горькой. – Оф-ии-цант,

еще-е водки! и-и.. эх! – Глебов, упираясь локтем в барную стойку, схватился за голову.

– Господин Глебов, – окликнул его знакомый голос. Алексей с трудом поднял голову и увидел перед собой раскачивающийся образ Малышева.

– А! Кто к на-ам пожаловал! – протянул Алексей. Пьяно ослабилась. – Поди вон! – он отвернулся от Малышева.

Малышев же уходить не собирался: подвинул высокий стул, сел и залпом выпил предназначавшуюся Алексею рюмку водки.

Глебов недоуменно посмотрел на него:

– Ты-й е-ще з-десь?

Малышев посмотрел ему в глаза:

– Чем обязан столь немилой встречи?

Алексей фыркнул:

– Ес-ли бы не вы... с вашими гряз-ными иг-рами... у мя была б семья! – Глебов развел руками. – Щас у мен-ья ни-йчё нет!

Он отвернулся:

– Офи-ицант!

Официант услужливо вновь поставил перед Алексеем рюмку, но Малышев вновь первым перехватил ее и выпил.

– Нар-ываешься! – Алексей замахнулся на Малышева, но тот увернулся и в тот же момент подхватил Алексея, чтобы он не упал.

– Тпру, спокойно, – сказал он, усаживая Глебова на место.

– Откуда ты взялся?

– Да так, по служебным делам, – отмахнулся Малышев от вопроса. – Хочу предложить тебе компанию вместе вернуться в Петербург. Что скажешь?

– Я ни-икуда не поед-у, – Глебов отрицательно замотал головой, за которую затем схватился. – Официант, почему так шторм-ит? Мы чт-о, в море?

Официант взглянул на Малышева. Малышев махнул рукой, заставив его уйти. Затем встал, поставил Глебова на ноги – того же качало из стороны в сторону – и придерживая за лацкан пиджака, профессионально дал ему кулаком в челюсть. Глебов сразу отключился, сник, но Малышев удержал его, взвалил себе на плечо как тряпичную куклу и вынес из ресторанчика под пристальными недоумевающими взглядами посетителей.

_ 48

* * *

«...Алексей движется куда-то, его несет невидимая сила, несет по темному узкому коридору. Внезапно распахивается дверь, и он оказывается в черно-белой комнате. В ней пусто, лишь посередине стол, стул. На столе горит свеча. Ее огонек полыхает, колышется и гаснет – лишь тоненькая струйка дыма поднимается зигзагами вверх. Алексей приближается ближе. На столе разложены предметы, вместе выглядящие

бессмысленно: Библия, кинжал с всевидящим оком на рукояти, циркуль, молоток, черный шнур. Алексей оглядывается и видит, как на стенах появляются надписи. Он не успевает их прочесть, но слышит громкий голос Малышева: «Преступление не может остаться безнаказанным», «Совесть самый верный судья», «Без законного приказания месть – преступление». Комната кружит все быстрее и быстрее. Так, что перед глазами все плывет, голова трещит по швам, а желудок готов вывернуться на изнанку...»

Алексей проснулся. Голова болела, а перед глазами плясали цветные пятна. Безудержно мутило, а в горле пересохло так, что с трудом поворачивался язык. Алексей открыл глаза, и снова их закрыл – потолок комнаты плыл.

Пытаясь вспомнить, где он и как здесь оказался, но, так и не вспомнив, Глебов вновь открыл глаза. Это была его комната в Питере, без сомнения. Но как, черт возьми, он здесь оказался?! Ведь пил-то он в Москве!

Алексей вновь закрыл глаза и попытался вспомнить. Вот он входит в ресторан, садится за барную стойку... Вот он выпивает рюмку за рюмкой... Затем еще и еще... напивается до чертиков... Точно, до чертиков, так как вспомнился образ Малышева. Неужто тот его притащил в Питер? Как?!

Глебов попытался встать, но со стоном повалился на подушку. Отвратительно чувствовать себя беспомощным. Мозг работает, а тело не слушается. Так и умереть недолго! И некому даже стакан воды поднести...

Дверь комнаты открылась и на пороге возникла прислуга Арина.

– Вы проснулись, хозяин?

Он посмотрел на нее, как на спасительницу. Она вошла, держа в руках поднос.

– Что это? – спросил Алексей, наблюдая, как она ставит поднос, прикрытый салфеткой, на прикроватный столик.

– Чай с сахаром, – сообщила она, наливая в кружку черный чай и добавляя в него изрядное количество сахара.

– Мне сейчас не чай нужен, а что-нибудь ядерное...

– Никакого хмельного! – объявила она, так что Алексей растерялся.

– Я имел в виду рассол. Огуречный.

Горничная широко по-доброму улыбнулась.

– Господин, который вас привез, настоятельно рекомендовал отпаивать вас чаем с сахаром. А потом отправить прогуляться. Пешком. По морозу.

– Что за господин? – спросил Алексей, но чай отхлебнул. Жидкость приятно прокатилась по гортани и желудку.

– Он как-то приходил к вам, один раз.

Алексей поморщился. Ну, точно, Малышев.

– Он что-нибудь передавал?

– Нет, не передавал. Уложил вас и ушел.

– Как это мило с его стороны, – пробурчал Алексей, попивая чай. На большее сейчас не было сил, и он снова лег на подушку. В конце концов, куда ему торопиться? Если Ма-

лышев вновь хочет втянуть его в какую-нибудь авантюру, он даст о себе знать. Но, ой, как не хотелось вновь связываться с полицией! Как же он их недолюбливал и от них устал!

* * *

После полудня Алексей выбрался на прогулку. Пешая прогулка и свежий морозный воздух благотворно повлияли на его состояние. Почувствовал он себя на много лучше. Когда же Глебов решил вернуться домой, перед ним остановилась карета, и первой мыслью Алексея было предположение, что явился Малышев. Но тут же понял свою ошибку, когда дверца открылась, и выглянул Витте.

– Добрый вечер, Алексей Петрович!

– Добрый вечер.

– Составите мне компанию?

Алексей пожал плечами:

– Пожалуй.

Он забрался в карету и сел напротив Витте.

– Слышал, Его Величество пожаловал вам титул.

Витте усмехнулся:

– Так и есть, господин Глебов. Но злые языки не преминули приписать приставку к титулу. «Граф Полусахалинский». Думаю, еще долго мне в вину будут ставить потерю Южно-Сахалина. Бездари и сплетники! Еще, был награжден орденом Александра Невского и на средства казны мне прикупили виллу в Биаррице... А вы разве не в курсе последних

новостей?

– Каких?

Витте удивленно воззрился на Алексея:

– Вы Манифест читали?

– Манифест? Простите, Сергей Юльевич, я действительно не знаю, о чем вы. Последние дни... как-то выпали из моей жизни.

Витте улыбнулся, протянул ему газету:

– Тогда прочтите.

Глебов развернул газету. В ней цитировалось содержание основных статей Высочайшего Манифеста об усовершенствовании государственного порядка²²⁶. Алексей бегло прочел:

«Выражая свою скорбь по поводу «смут и волнений», охвативших государство, государь признает необходимым «Объединить деятельность высшего правительства», на обязанность которого он возлагает «выполнение непреклонной нашей воли: даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах неприкосновенности лич-

---

²²⁶ Прим. автора: Манифест об усовершенствовании государственного порядка (Октябрьский манифест) – законодательный акт Верховной власти Российской империи, обнародованный 17 (30) октября 1905 г. Был разработан С. Ю. Витте по поручению Николая II в связи с непрекращающейся «смуту». В октябре в Москве началась забастовка, которая охватила всю страну и переросла во Всероссийскую октябрьскую политическую стачку. 12—18 октября в различных отраслях промышленности бастовало свыше 2 млн. человек. Эта всеобщая забастовка и, прежде всего, забастовка железнодорожников, вынудили императора пойти на уступки.

ности, свободы, совести, слова, собраний и союзов; не оставившая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе... те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим развитие общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку; и установить, как неизблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей».

– И как вам мой манифест? Я принимал непосредственное участие в его составлении и продвижении.

– Демократично, – единственное, что нашелся сказать Алексей. Россия вступила на путь зрелого парламентаризма. Однако он предполагал, что Манифест вызовет растерянность власти на местах и не внесет скорого успокоения в массы. Если умеренно-либеральные круги примут созданное манифестом положение как исполнение их желаний, то левые круги, социал-демократы и эсеры, не будут удовлетворены и продолжат борьбу. С другой стороны, и правые круги не примут содержащиеся в Манифесте уступки революции...

– А еще меня назначили председателем Совета министров, то есть первым русским премьер-министром с предоставлением широких полномочий.

– А вы этого хотели? – осторожно поинтересовался Алек-

сей.

– Этого ли я хотел? Я хотел и хочу служить Отечеству! Манифест устанавливает политические права для подданных России: неприкосновенность личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. К выборам в парламент станут привлекаться слои населения, ранее лишенные избирательных прав. Государственная дума поменяет свое значение и приобретет черты развитого парламента. Закон не будет иметь силу без одобрения Государственной думы. Вот чего я хотел, и это все содержится в Манифесте 17 октября.

Глебов предпочел молчать. К чему какие-либо комментарии. Витте любит говорить и любит себя слушать. Как многие из политиков.

Тем временем Витте продолжил:

– Прием, сделанный мне в Америке, сделался известным в Петербурге и многим мешает хорошо спать. Знаете, что внушили Государю? Государю внушили, что я хочу быть президентом. Президентом всероссийской республики. Бред! А мы ведь с вами понимаем, что должность председателя Совета министров «расстрельная» и для карьеры безнадежная. Террористы отстреливают чиновников как дичь. У нас в России все, что ни делается, хотя, может быть, и хорошее, принимается или озлобленно, или критически, или равнодушно.

Алексей пожал плечами:

– Согласен.

Витте внимательно на него посмотрел:

– Вам нездоровится?

Глебов устало усмехнулся:

– Да, так и есть.

– Тогда, простите, Бога ради. Я не хотел вам досаждать.

Позвольте, я отвезу вас домой.

Алексей признательно улыбнулся:

– Да, покорнейше благодарю.

* * *

Витте доставил Алексея домой, но и здесь его не оставили в покое. Когда он вошел в квартиру, то застал в гостиной Малышева. При виде Алексея Малышев поднялся со стула и с ироничной улыбкой произнес:

– Рад видеть тебя в добром здравии.

Глебов изнеможенно опустился на диван. «Что им всем от меня надо?» Он опустил голову на спинку дивана и посмотрел на Малышева, который сел рядом.

– К чему такая забота обо мне?

Малышев посмотрел на него:

– Везде ищешь подвох?

– Только не надо говорить о проснувшемся альтруизме²²⁷!

Малышев помолчал. Затем с усмешкой покачал головой:

– Да нет! Скорее полнейшее безумие было с моей стороны тащить тебя на себе до вокзала, а затем еще и за компанию

---

²²⁷ Альтруизм – нравственный принцип бескорыстного служения людям; готовность жертвовать своими интересами ради них.

пьянствовать с тобой всю дорогу до Петербурга. За двенадцать часов, Глебов, я узнал о тебе, больше, чем за все время знакомства.

– Вот только не надо лезть в душу! – огрызнулся Алексей, обрывками припоминая их загул в поезде. Дни пьянства выпали из головы, а вот предательство жены ни на секунду забыть не удалось! – Малышев, тебя никто не просил везти меня в Петербург. Я вообще не собирался сюда возвращаться. Вы мне все уже осточертели!

Малышев хмыкнул. Вздыхнул:

– Вообще-то я по делу. Тебя еще интересуют сведения о Катарине Хмельницкой?

Глебов удручено провел рукой по волосам. В последнее время он занимался только своими делами и про поиск Катарину и ее сына и не вспоминал. В жизни бывают сложности, но слово держать всегда надо. А он обещал позаботиться о семье Кости Абрамовича, который жизни своей не пожалел ради друга.

Алексей посмотрел на Малышева:

– Бесспорно, интересуют.

Малышев протянул Глебову листок бумаги:

– Здесь адрес. Но хочу предупредить – тебя ждет неприятный сюрприз.

Глебов взглянул на адрес.

– Больше ничего не скажешь?

– Ты должен знать. Это Хмельницкая сдала тебя Лопухи-

ну.

– Я знаю.

– И ты все еще хочешь ей помочь?

– Костик, Катарина и я вместе прошли огонь и воду. Они были моей семьей. Как ты думаешь, хочу ли я помочь?

* * *

Как только Малышев ушел, Глебов сразу же отправился по адресу.

Дверь в квартиру оказалась не заперта. Алексей распахнул ее и увидел довольно значительную по численности разношерстную толпу: мужчины, женщины, богатые и бедные – эдак, человек пятьдесят.

Все чего-то ждали, кто-то тихонько перешептывался, кто-то застыл в задумчивой позе, кто-то нервно постукивал пальцами по поверхности спинки стула или отбивал дробь ногой. Словно были на приеме к высокопоставленному чиновнику.

– Простите, что происходит? – спросил Алексей у лысеющего мужчины, стоящего рядом.

Тот посмотрел на Глебова как на безумца.

– Ждем-с, – ответил он, приглаживая рукой и так чрезмерно зализанные волосы.

– Чего ждем-с?

– Когда Григорий Распутин примет, – ответил мужчина таким тоном, разве что не покрутил пальцем у виска.

– А, – Глебов понимающе кивнул, а потом вновь с улыбкой спросил: – А он кто?

Мужчина выпучил глаза:

– Вы разве не знаете?

– Нет.

– Распутин – человек Божий из Тобольской губернии.

Провидец, целитель.

Алексей скептически хмыкнул, обвел взглядом присутствующих:

– И что, здесь все больны?

– Ну, знаете-с! – Его насмешливый тон не укрылся от мужчины: он отошел от Алексея в сторону и отвернулся.

В этот миг дверь комнаты открылась, вышел мужчина и сказал:

– Прошу простить, но время приема закончилось. Григорий устал. Приходите завтра. С десяти до часу.

Толпа зароптала.

Дверь вновь открылась и на порог вышла женщина, по всей видимости, посетительница, а следом за ней мужчина, судя по всему, провидец, приема у которого все ждали.

Распутин внешне напоминал русского крестьянина. Крепыш среднего роста. Его светло-серые глаза сидели глубоко и одновременно и приковывали, и вызывали неприятное чувство. Взгляд пронизывал и немногие его выдерживали. Его длинные умасленные густые волосы ниспадали на плечи, что делало его похожим на монаха или священника.

Он поднял вверх руку, и все замолчали.

– Вы пришли все ко мне просить помощи. Приходите завтра. Я всем помогу.

Его голос был спокойным, убаюкивающим, таким, что люди стали постепенно расходиться. Глебов отодвинулся в сторону, чтобы пропустить уходящих.

Когда толпа разбрелась, Глебов последовал к комнате, в которую чуть ранее вошли Распутин и его секретарь.

– Что ты хочешь от меня, Арон²²⁸, что я могу сделать? – говорил Распутин.

– Недопустимо, чтобы разводились разговоры о княжнах, и эти разговоры дошли ИХ ушей, – возражал тот, – Ты должен понять, что перед столь важной встречей с Ними²²⁹, ты не должен быть замешан в грязи! Придержи свой темперамент.

– Убирайся к черту, – повысил голос Распутин. – Я ничего не сделал!

– Все происходит от того, что ты постоянно гоняешься за юбками, – продолжал спокойно его советник. – Оставь этих баб. Ты же не можешь пропустить мимо себя ни одной женщины.

– Разве я виноват? Я не насилую их. Они сами шляются

---

²²⁸ Арон Симхович (Симонович, Самуилович) Симанович (1872, Вильна – 1944, Освенцим) – российский купец 1-й гильдии, мемуарист, получивший известность как личный секретарь и советник Г. Распутина.

²²⁹ Прим. автора: Речь идет о встрече Григория Распутина с императором и его семьей.

ко мне. Я здоровый мужчина и не могу противостоять, когда ко мне приходит красивая женщина. Почему мне не брать их? Не я ищу их, они сами приходят ко мне.

– В твоих собственных интересах покончить с этим. Хотя бы временно.

Глебов постучал о дверной косяк, будто только что ступил на порог их квартиры. Мужчины резко замолчали и обернулись.

– Прием окончен, – сообщил быстро помощник Распутина.

– Я по другому вопросу, – Алексей прошел внутрь, – Я ищу Катарину Хмельницкую.

Секретарь взглянул на Распутина, тот же с заинтересованностью смотрел на посетителя.

– Ничем не можем вам помочь, – заявил секретарь.

Глебов посмотрел на Распутина, игнорируя ответ его помощника. Распутин усмехнулся, обнажив нездоровые черные зубы.

– Уйди, Арон, – сказал он.

Секретарь хотел возразить, но набрав больше воздуха, шумно выдохнул и зашагал к выходу.

– Нюра! – крикнул он, захлопывая дверь. – Почему парадная до сих пор открыта?!

– Ту женщину, которую ты ищешь, ты здесь не найдешь, – произнес Распутин.

– А вот мне достоверно известно, что Катарина Хмель-

ницкая находится здесь.

– Уходи. Тебе здесь не место.

Алексей напряжено смотрел на Распутина. Его взгляд, голос вызывали у него неприятное чувство – Распутин гипнотизировал, подчинял, желал управлять его волей. Его натура источала магнетизм, который как притягивал людей, так и отталкивал. Алексея он отталкивал. И ответы Распутина его не устраивали.

– Нет, так нет, – сказал Глебов, решив временно отступить. – Прощайте.

* * *

Алексей вышел на улицу, обдумывая, как поступить дальше. Единственное, что оставалось – это последить за домом Распутина, дожидаться его ухода и вновь вернуться.

Время шло, но ничего такого, что подтвердило бы нахождение Катарины в квартире Распутина, не произошло.

Вечерело. Становилось все холоднее. Голова раскалывалась. Туфли же, купленные в Лондоне, не выдерживали Петербургской промозглости и холода. Алексей постучал ногой об ногу, пытаясь хоть как-то согреться. На сегодня достаточно приключений, решил он, и зашагал по улице. На площади вновь был митинг, но не с той агрессией, что раньше – все же Манифест 17 октября дал результаты. Алексей шел сквозь толпу. Студенты, служащие, рабочие, солдаты...

Глебов неожиданно ощутил, что кто-то находится к нему

слишком близко. И тут, чья-то рука почти неощутимо проникла ему в карман...

Алексей схватил воришку за руку, он вскрикнул.

– Я тебе сейчас уши надеру! – пригрозил Глебов выворачивающемуся из его рук мальчишке. Драная поеденная молю шапка слетела с его головы, обнажив грязные белесые волосы.

– Отпусти, дядьку! – взвизгнул испуганно пацан.

– Пашка? – Алексей с сомнением уставился на чумазое лицо мальчишки. Мальчик взглянул на него своими светлыми голубыми глазами, и сердце Глебова рухнуло вниз. Он поздно осознал, что ослабил хватку: мальчишка вырвался и бросился бежать.

– Пашка, стой!

Глебов рванул за ним, но пробираться сквозь толпу, в которую нырнул худенький мальчик, ему было сложнее. В прежние времена в толпе бы нашлись те, кто остановил бы воришку. Но сейчас все были слишком заняты идеями революции, чтобы отвлекаться на такие мелочи.

– Пашка, стой! – еще раз крикнул Алексей, выбираясь из толпы и заметив, как мальчишка ловко зацепился за задок коляски. Мальчик оглянулся, но в этот момент коляска попала в рытвину, подскочила, он не удержался и грохнулся на дорогу, сильно приложившись головой о камень.

– Пашка! – внутри у Глебова похолодело. Он бросился к мальчишке. – Пашка!

Мальчик был без сознания. Алексей осторожно осмотрел его голову. Слава Богу, большая шишка, а не дыра в голове!

Глебов подхватил мальчика на руки. Благо заметил извозчика, махнул ему рукой. Нужно показать Пашку доктору. А потом уж все остальное...

* * *

Пока доктор осматривал ребенка, Алексей стоял рядом. Мальчишка со страхом и недоверием смотрел на мужчин.

– Ничего страшного, до свадьбы заживет, – сказал устало доктор, осмотрев ушиб на голове мальчишки и намазав зеленкой. Затем посмотрел на Глебова:

– Все в порядке.

Доктор оставил свои рекомендации по уходу и ушел. Глебов взглянул на мальчика, который смотрел на него как загнанный волчонок, готовый цапнуть за руку в любой момент. Рукава и брючины его одежды были коротковаты, и вся одежка висела на исхудавшем мальчишке. Первый делом нужно его накормить, затем отмыть, а потом можно будет и поговорить.

– Арина, – позвал Алексей прислугу. Женщина явилась по первому зову. – Ужин готов?

– Готов, Алексей Петрович. Подавать?

– Накройте на две персоны.

Женщина с неодобрением уставилась на грязного мальчишку. То, что он уже пачкал хозяйскую постель, вызывало

у нее недовольство.

– И еще. Вскипятите воду. Да побольше.

Женщина одобрительно кивнула:

– Хорошо, Алексей Петрович.

...Мальчишка сидел за столом, неуверенно вертя ложкой, и голодным взглядом наблюдал, как Глебов неторопливо ест на другом конце стола.

– Почему ты не ешь?

Пашка молчал. Алексей вздохнул. Мальчишка чурался его, как черт ладана. И ко всему прочему голова по-прежнему раскалывалась после встречи с Распутиным. Неплохо было бы выпить. Да вот только Арина нарочно не поставила спиртное на стол. Глебов встал и прошел к шкафу, где хранились разнообразные алкогольные напитки. Заперто. М-да...

Он обернулся на странный звук позади. Мальчишка с шумом выпил суп из тарелки и руками стал выедать гущину, быстро запихивая ее себе в рот. Увидев, что Глебов на него смотрит, он замер, медленно поставил тарелку на стол и утер рукавом губы и подбородок.

– Ешь. Не стесняйся.

Но мальчишка лишь больше ссутулился, опустив голову вниз.

Алексей подошел к столу, подвинул к Пашке тарелку со вторым.

– Котлета с вермишелью. Арина мастерица их готовить, – сказал он. Мальчик сглотнул слюну, смотря на еду.

– Можно? – не удержался он и взглянул на Алексея. – Я отработаю.

Глебов скрыл смущение. Ведь и он виноват в том, что сын его друга, стал бродяжкой и уличным воришкой.

– Договорились.

... Искупать мальчишку оказалось еще труднее, чем накормить. Он брыкался, сопротивлялся и не позволял Арине его раздеть. Алексею пришлось вмешаться.

– Что у вас здесь происходит? – спросил он с недовольством, явившись на шум.

– Он не желает раздеваться! – женщина развела руками, чем мальчуган не преминул воспользоваться. Он бросился от нее прочь, но мимо Алексея ему проскользнуть не удалось. Глебов поймал его за руку. Мальчишка вскрикнул и от страха прикрылся рукой, будто ждал, что Алексей его ударит.

– Пашка, – позвал Глебов мягко, чтобы успокоить мальчика. Тот неуверенно с опаской посмотрел на него.

Алексей присел на корточки:

– Почему ты не хочешь мыться?

Пашка молчал.

– Ты обещал отработать. Так вот, первым делом ты должен помыться. Понял?

Мальчишка отвернулся. Затем нехотя кивнул.

Алексей отпустил его плечо. Пашка вернулся к медной ванне, из которой поднимался пар, и стал расстёгивать пуго-

вицы на одежде.

– Отвернись, – буркнул мальчишка женщине, – отвернись!

– Еще чего! – возмутилась она. – Чтобы ты деру дал?

Алексей взглядом попросил женщину не спорить, и, удивившись, что все благополучно обошлось, вернулся в столовую комнату. Хотелось выпить, а для этого нужно было вскрыть шкафчик, так как Арина спрятала ключ. Может, просто пригрозить ей увольнением? Иначе, что, прислуга стала командовать в доме? Нет, пусть пока занимается мальчишкой. Глебов был не мастак в общении с детьми, и уходила масса сил, чтобы убедить Пашку послушаться. Да еще голова трещит.

Алексей скрутил проволочку и сунул ее в замочное отверстие шкафчика, но тут же вздрогнул от натужного вопля мальчишки.

Глебов чертыхнулся и вновь направился к ним.

– Да что у вас опять, черт возьми?

Женщина перекрестилась от его чертыханий. Мальчишка плюхнулся в воду.

Арина сгребла с пола грязную одежду, мальчик вновь завопил, забыв про страх перед мужчиной.

– Что ты вопишь? – Алексей встал над ним. Пашка поднял на него глаза. Плачет?

– Что случилось?

Арина пояснила:

– Я хотела забрать его одежду, чтобы постирать, а он не дает.

Алексей вновь посмотрел на Пашку:

– И что из того, что твою одежду стирают?

Мальчишка шмыгнул носом:

– А я что, голяком буду?

– Арина, принеси мою сорочку.

– Какую?

– Любую.

Женщина вышла, а Глебов вновь заговорил с ребенком:

– Завтра ты сможешь забрать свою одежду. Арина постирает и прогладит ее. Тебе все ясно?

Мальчишка нехотя кивнул, не смотря ему в глаза.

Глебов протянул ему полотенце.

– Вылазь.

Пашка послушно выбрался. Только теперь Алексей заметил на спине мальчишки полосы. Полосы от розог, которыми его пороли. Глебов завернул мальчика в полотенце, подождал, пока ребенок вытрется. Пришла Арина, Алексей отошел в сторону, позволив ей одеть парнишку.

Глебов вышел из ванной комнаты, вернулся в столовую, вскрыл шкафчик, налил коньяка.

Нужно поговорить с мальчиком. Узнать, что случилось и где его мать. Глебов прошел в гостевую спальню, где Арина постелила для Пашки, но мальчишка уже спал.

* * *

Алкоголь смог притупить и головную, и сердечную боль, но не избавил от ночного кошмара...

«Распутин гипнотизировал его своими темными глазами, и Алексей тонул в их черной бездне. И чем сильнее затягивала его их пучина, тем сильнее становилась головная боль. И вот беспроглядная мгла окружила его со всех сторон. Нет ни боли. Ни света. Ни звука. Невесомость. Смерть... Внезапный мощный импульс, толчок выбрасывает его из тугой мглы. Проблеск. Больше, ярче. Свет...»

...Алексей вздрогнул, резко проснулся. Шея и плечи болели, так как заснул он в кресле. Глебов потер шею, зевнул и посмотрел на кровать, где спал Пашка. Мальчишки не было! Алексей подкинуло с места. Неужели сбежал?

Он быстрым шагом вышел из комнаты, заглянул в некоторые помещения и пошел на шум. В одной из комнат он застал Пашку, уже одетого – по всей видимости, Арина рано утром принесла его выстиранную и проглаженную одежду. Мальчишка шарил в шкафах.

– И чем же ты занимаешься?

Пашка вздрогнул и обернулся на голос. Спрятал руку за спиной.

– Ничего мне не хочешь сказать?

Пашка исподлобья взглянул на Алексея, весь напрягся,

готовый в любое мгновение сорваться и сбежать. Глебов сел на стул. Что же делать в таких случаях? Мальчишка хотел его обворовать. И естественно, потом сбежать. Нужно что-то сделать, чтобы Пашка не пытался сбежать. А для этого нужно выявить причину. Пашка тихонько отодвигался к выходу.

– Я знал твоих родителей, – произнес Алексей, – Они были моими друзьями.

Пашка остановился.

– Ты мой крестник, Пашка. Я хочу помочь тебе и твоей маме.

Мальчик с недоверием и надеждой посмотрел Глебову в глаза:

– Правда?

– Правда.

Пашка бросился к Алексею и повис на его шее, крепко обхватив своими худенькими ручонками. Глебов растерялся, затем приобнял мальчишку рукой.

– Я тебя искал, – радостно произнес мальчик. – Сейчас. – Он выбежал из комнаты и вскоре вернулся с грязным измятым конвертом в руке. – Мама сказала отдать тебе.

Глебов взял конверт, вскрыл, развернул письмо. Почерк Катарины, но строчки неровные и слабо прописанные. Словно писал очень обессиленный или больной человек.

«Алексей!

Я больна. Как не старалась, но обмануть смерть я не могу. Ты крестный моего и Кости сына. Паша нуждается в

защите и опеке. Позаботься о нем. И прости, если что.

Катарина Хмельницкая»

Глебов посмотрел на мальчика, с надеждой смотревшего на него.

– А где твоя мама, Пашка?

– Мама у того черного дядьки. Она сказала, что он вылетит ее и что мы должны остаться в его доме.

Алексей присел перед мальчиком на корточки.

– Как зовут этого дядьку? Григорий Распутин, так?

Мальчик кивнул.

– Скажи, это он бил тебя?

Пашка молчал.

– Почему ты не живешь с мамой?

– Я сбежал. Но иногда я пробираюсь к ней. – Мальчик замялся. – Она не хочет уходить, а я хочу, чтобы она ушла со мной. Ты поможешь? Мама говорила, что если я буду слушаться тебя, ты мне будешь помогать.

Глебов не нашелся, что ответить. Пашка некоторое время сомневался, затем стал выгребать из своего кармана то, что успел украсть в квартире – деньги, запонки, кольца.

– Вот, забери. Я больше не буду. Только помоги мне вернуть маму! И я всегда, всегда буду слушаться тебя. Клянусь!

Алексей взглянул на украденные богатства. Странная штука – жизнь. Много лет назад Костик Абрамович говорил ему схожие слова: «Вот, забери. Только помоги мне спасти Катарину. Я всегда, всегда буду слушаться тебя. Клянусь!»

Глебов взглянул на Пашку.

– Не надо клясть, – ответил он мальчишке так же, как ответил и его отцу. Встал и добавил:

– Я помогу.

* * *

Прежде чем отправиться к Распутину, Алексей позвонил Малышеву.

– Я собираюсь вломиться в квартиру Григория Распутина и забрать Катарину, – сообщил он.

В трубке последовало молчание, затем Малышев произнес:

– У Распутина много высокопоставленных покровителей. Это плохая идея, Глебов.

– Тогда приезжай и останови меня, – ответил Алексей и повесил трубку. У него форы чуть более четверти часа...

...Глебов решительно вдавил кнопку звонка. Дверь открыла девушка, не снимая цепочки с замка.

– Мне нужна Катарина Хмельницкая.

Девушка испугано вытаращила глаза.

– Уходите! – Она хотела захлопнуть дверь, но Алексей вышиб ее плечом.

– Катарина! – крикнул он, проходя мимо перепуганно закричавшей женщины, и заглянул в первую из комнат. – Катарина!

Позади слышались тяжелые шаги, Глебов обернулся.

Перед ним стоял Распутин. Его темные глаза устремились на Алексея.

– Зачем ты здесь? – сказал он обволакивающим тоном.

– Я пришел за Катариной.

Распутин приблизился, не сводя взгляда с глаз Алексея:

– Ее здесь нет. И никогда не было, – произнес он окутывающим голосом. – Ты был моим врагом, но теперь ты больше не враг. Ступай домой. Я хочу остаться с моими здесь и отдохнуть.

Глебов сделал медленный шаг вперед, приблизившись к Распутину.

– Черта с два на меня подействует твой гипноз, – процедил он сквозь зубы.

Распутин с интересом посмотрел на Алексея.

– Где она?

– Так вот ты каков, Алексей Глебов, – произнес Распутин. – Позволишь заглянуть в твою душу, и я отдам тебе ее.

Алексей раздраженно схватил Распутина за плечо.

Яркая вспышка... «Распутин у императора и императрицы, он прикладывает руки к голове малолетнего наследника престола... Вокруг Распутина вьются толпы богатых знатных женщин, мужчин, боготворят его, целуют ему ноги... Распутин окружен кучкой озлобленных людей, они стреляют, еще и еще... Его подносят к краю моста, переваливают через бордюр, бросают, удар об лед... Холод...»

Алексей вздрогнул, отпустил руку Распутина.

Григорий был удручен:

– Я ничего не увидел. Уходи!

Алексей взглянул на настенные часы.

– Ты бил Пашку? – спросил он. – Да или нет?

Распутин надменно вздернул голову:

– Наказывал. За воровство.

Глебов врезал Распутину так, что тот отлетел к стене.

Алексей склонился над ним:

– Я видел твою смерть. Ты умрешь от того, что возомнишь себя Богом. Отдай Катарину.

Распутин выплюнул обломки зубов, рассмеялся.

– Она там. Забирай ее.

Алексей прошел в комнату, распахнул дверь. Катарина лежала на кровати, и была очень слаба. Ее кожа просвечивалась как бумага.

– Катарина, – Алексей опустился на колени, коснулся ее волос.

Женщина открыла глаза, с трудом понимая, кто перед ней.

– Опять сон? – обессиленно прошептала она.

– Нет. Я пришел за тобой.

По щеке женщины скатилась скупая слеза.

– Глебов, – прошептала она. – Ты пришел. Прости меня...

– Все в порядке, Катарина. Я хочу забрать тебя.

По щеке женщины сбежала очередная слеза:

– Я не знаю, где сын. Мне сказали, он сбежал... Найди его, найди моего сына...

– Я нашел. – Алексей бережно завернул женщину в покрывало и подхватил на руки. – Я с тобой. Все будет хорошо.

Глебов вынес женщину в прихожую. Вокруг Распутина уже стояли несколько мужчин и женщин, явившихся к нему на прием. Увидев Глебова, они ринулись в его сторону.

Алексей отступил на шаг назад. Придется воспользоваться револьвером.

Малышев возник перед ним вовремя, прикрыв его своей спиной.

– Полиция. Расступитесь! – он показал удостоверяющую бумагу, вытянув руку вперед.

Толпа зароптала:

– Он напал на Григория!

– Руки ему оторвать!

– Да они заодно!

Малышев убрал бумагу и тут же выхватил револьвер:

– Стоять, я сказал! Дальнейшие ваши действия буду расценивать как нападение на сотрудника Департамента полиции!

– Пустите их! – раздался голос Распутина. Его последователи обернулись.

– Но Григорий...

– Бог им судья. – Распутин прошел в их сторону, Малышев посторонился, и он приблизился к Алексею. Григорий посмотрел на больную женщину на его руках, коснулся рукой ее лба:

– Катарина, – позвал он, – Ты ведь понимаешь?

– Да... – ответила она. – Я хочу побыть с сыном.

Он убрал руку и посторонился. Алексей прошел к выходу первый, Малышев последовал за ним.

На улице их ждала коляска.

– Мог бы взять с собой парочку агентов, – заметил Глебов, когда извозчик повез их прочь.

Малышев с сарказмом взглянул на него, но промолчал.

– Но я благодарен тебе за то, что ты пришел.

Малышев взглянул на Катарину. Глаза женщины были закрыты, она слабо дышала. Он посмотрел на Алексея. Тот перехватил его взгляд и крепче прижал женщину к себе. Оба понимали, что дни ее сочтены.

* * *

Доктор, осмотревший Катарину, аккуратно прикрыл дверь комнаты и повернулся к Алексею.

– Что скажите?

– Сожалею, – доктор развел руками, – медицина здесь бессильна. Чудо уже то, что она прожила так долго.

– Сколько времени у нее осталось?

Доктор пожал плечами:

– Может быть, день, может быть неделя. Трудно сказать.

Доктор откланялся, и Алексей вернулся в комнату Катарины. Пашка лежал с краю, бережно обнимая руку матери, другой она перебирала его челку, гладила по щеке.

Мальчик что-то шептал ей, она слабо улыбалась...
Алексей вышел, прикрыв за собой дверь.

* * *

Ночью Катарина бредила. Алексей перенес спящего Пашку в его комнату, и всю ночь провел возле больной – поил настоями, протирал лицо и руки водой.

К утру бред прекратился, и Алексей некоторое время смог поспать.

...Снилось ясное голубое небо, цветущее поле... запах полевых цветов и меда... Он слышит залиvistый смех младенца, нежный шепот его матери... Они где-то там. Среди высоких колышущихся на ветру цветущих трав... Он идет к ним... Идет на звуки радости и счастья... Идет... Он приближается, осталось только раздвинуть высокие, по пояс колышущиеся травы...

Тяжелый кашель заставил Алексея проснуться.

– Прости, я разбудила тебя, – произнесла Катарина.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Да... Попить...

Глебов напоил женщину из стакана. Она измученно откинулась на подушки.

– Присядь, пожалуйста, – попросила она.

Алексей поставил стакан на прикроватную тумбочку и присел на край кровати.

– Спасибо тебе, – произнесла она. – Я должна сказать те-

бе... Меня изъедали боль и гнев от того, что я считала тебя виновным в гибели Кости... Когда же представилась возможность отомстить... и сломать тебе твою спокойную размеренную жизнь, я сделала это... Я сдала тебя полиции.

Глебов склонил голову, смотря на свои руки, обручальное кольцо.

– Мое предательство не принесло мне успокоения: долгие годы мы были друзьями, а я предала друга... Прости меня, если сможешь. Я знаю, ты можешь.

Ее слабая рука опустилась на его руки.

Алексея бережно сжал ее пальцы.

– Забудь. Я забыл.

– Как всегда, благороден. Ты обещал позаботиться о Паше. Ты сдержишь слово? Выполнишь последнюю просьбу мою и Кости?

– Да.

Женщина вздохнула, устало закрыла глаза:

– Хорошо.

* * *

Дни шли. Катарина, изъедаемая болезнью, не вставала с постели. Доктор, как и обещал, прислал опытную сиделку. Пашка крутился рядом с матерью, но она все чаще впадала в бессознательное состояние, бредила и тогда или Глебов, или Арина занимали чем-либо ребенка.

Алексея угнетало то, что происходило в его жизни: пре-

дательство жены, болезнь Катарины, беспокойство за Пашку. Обстановка в столице, да и вообще в стране, вызывали опасения и тревогу.

После 17 октября на улицах происходили стычки революционеров с войсками, полицией, черносотенцами, было убито несколько сотен человек. Совет рабочих объявил демонстративные похороны убитых рабочих, но правительство не допустило демонстраций.

Все же через несколько дней в Петербурге установилось относительное спокойствие, в отличие от других мест России, где происходили смуты и волнения. Но, как говорится, это было лишь затишьем перед бурей.

Как бы то ни было, жизнь шла своим чередом. В один из дней Глебов вызвал к себе домой поверенного – господина Рериха и с письменного согласия Катарины было оформлено опекуновство Глебова над Пашкой.

Оставшись наедине, они обговорили несколько финансовых вопросов, а перед уходом Рерих передал Алексею серый конверт, пришедший в контору на его имя. Алексей повертел конверт в руках, но вскрывать не торопился. Его угнетал еще один безотлагательный вопрос, который нужно было решить.

– Господин Глебов?

– Да?

– Позвольте откланяться.

– Да, конечно... Нет, постойте. – Алексей помолчал, не

смотря на поверенного. – Подготовьте документы, я даю же-
не развод.

Рерих приподнял бровь, кратко произнес:

– Да, конечно, – и вышел.

Алексей положил конверт на край стола, откинулся на спинку кресла, устало положил голову на ее жесткую обивку. Вот и все. Он решил. Если она хочет, пусть будет счастлива с этим чистоплюем-студентом.

* * *

Ноябрь 1905 г. Москва

В этот день Лиза осталось дома: ее задача была дожидаться посыльного и получить оружие. Лиза выглянула в окно. По улице проходили прохожие, проезжали повозки, но посыльный не появлялся.

Наконец она увидела в конце переулка Елену Кравченко. В руках женщины была большая коробка из-под торта, аккуратно перевязанная голубой лентой. Лиза медленно спустилась вниз, дождалась, когда в дверь позвонят. Открыла.

Женщина улыбнулась:

– Здравствуйте! Вам торт от Филиппова, как заказывали.

Лиза взяла коробку. И в тот же момент увидела мужчину, по ступенькам поднимающегося к ним.

Он официально вежливо улыбнулся, снял шапку:

– Здравствуйте, Елизавета Николаевна.

Кравченко кинула встревоженный взгляд на Лизу, но та

внешне сохранила спокойствие:

– Здравствуйте.

Лиза узнала помощника поверенного Алексея. Господин Юдич. Этот человек приносит ей дурные вести! Сердце екнуло, а малыш неожиданно толкнулся, так что Лиза невольно прижала ладонь к животу. Поверенный, посмотрев на ее живот, смутился.

– Мы можем с вами поговорить?

Лиза кивнула:

– Да, конечно. Проходите.

Лиза кинула взгляд на Елену Кравченко. Та попрощалась и ушла.

– Вы позволите вам помочь? – помощник поверенного кивнул на торт в руках Лизы.

– О, нет, не стоит, – натянуто улыбнулась она. – Мне не тяжело.

Лиза провела помощника поверенного в гостиную, поставила тортик на столик, не нужно, чтобы Юдич заметил под лентой толстую бечевку, и повернулась к нему.

– Мадам, я по поручению вашего, гм, супруга – господина Глебова, – он полез в свой портфель за документами. – Ознакомьтесь.

– Что это?

– Документы о разводе.

– О разводе? – Лиза не поверила в услышанное и растерянно взяла документы. – Но ведь это было больше полугода

назад!

– Если быть точным, семь месяцев назад.

Лиза посмотрела большими незащитными глазами на помощника поверенного.

– Я не хочу развода, – промолвила она.

– Ваш муж подписал документы. Его адвокат передает документы в патриаршество с прошением о расторжении брака. Я привез для вас экземпляр.

Юдич застегнул замок портфеля, а когда поднял голову, то увидел, как по щеке женщины пробежала невольная слеза.

– Госпожа Глебова, – произнес он благожелательно, Лиза моргнула, и по щекам пробежали очередные капли. Она перевела взгляд на него. – Господин Глебов готов выплачивать вам хорошее содержание. Пока вы вновь не выйдете замуж.

Лиза твердо отчеканила:

– Мне ничего не нужно. Так ему и передайте.

– Думаю, что в вашем положении деньги не будут лишними...

– Я сказала, мне ничего не нужно.

Юдич помолчал. Вздохнул, пробормотал:

– Имею честь, – и вышел.

* * *

Шмит пришел вечером. Увидев на столике так и не вскрытую коробку из-под торта, удивленно посмотрел на Лизу. Она сидела возле окна, плотно укутавшись в шаль.

– Вы сегодня рассеяны, – произнес он, доставая ножик и разрезая бечевку. Сняв картонную крышку, на дне коробки он увидел два револьвера. Открыв тайник в стене, положил их туда. Обернулся к Лизе. – Что с вами?

Лиза вздохнула, поднялась:

– Все в порядке, – и больше ничего не говоря, вышла из гостиной.

Шмит удивленно повел бровью, его взгляд упал на бумаги, лежащие на столе. Он взял их в руки, прочел. Не веря, бегло прочел еще раз. Бурная радость охватила его. Наконец-то!

Он быстро зашагал в сторону комнаты Лизы. Постучал:
– Лиза!

– Что вам нужно? – раздался усталый женский голос.

– Мне нужно поговорить с вами.

– Не сегодня. Я устала.

Шмит помолчал.

– Я приду завтра утром.

Ответа не последовало.

...Лиза проплакала всю ночь. Шмит пришел утром, немного взволнованный, но настроенный решительно. Приблизившись к Лизе, он сразу заметил и покрасневшие глаза, и темные круги под глазами, однако это его не остановило.

– Елизавета Николаевна, не буду юлить, я ждал подходящего момента долго. Вы знаете, вы мне не безразличны. Прошу оказать мне честь и принять мое предложение. Составьте мне счастье, будьте моей женой.

Его предложение застало Лизу врасплох, так как мысли ее были заняты сокрушительным поступком Алексея. Она долго смотрела на него, затем опустила глаза, понимая, что пауза затянулась.

– Николай Павлович, не принимайте скоропалительных решений.

– Вы прекрасно знаете, что мое решение продуманно и имеет под собой твердую основу.

Лиза молчала, но он терпеливо ждал ее ответа.

– Я не могу это сделать, – выговорила она.

– Почему же? Ваш развод состоится. Или вы думаете, я не приму вашего ребенка и не воспитаю его как собственного?

– Я не сомневаюсь в вашей широте душевной, Николай Павлович. Но я не хочу развод и не могу выйти за вас замуж.

Шмит смотрел на ее склоненную голову, затем отошел к окну.

– Это ваше окончательное решение?

– Да.

– Значит, вы его по-прежнему любите?!

Лиза промолчала.

– Он не любит вас, Лиза. Он хочет развода и не признает вашего ребенка, – жестко произнес он, – Он не думает о том, как развод в вашем положении отразится на вашей репутации. А о вас начнут судачить! Не только люди нашего круга, но и рабочие и их жены – они станут смотреть на вас косо, независимо от того, сколько вы для них сделали. Мало того,

вас будут обходить стороной. А вы подумали о своем ребенке? Как будут окружающие к нему относиться? Как собираетесь растить его? Что вы собираетесь делать?

Лиза закрыла лицо руками:

– Замолчите!

– Мое предложение в силе, Лиза. Вам только нужно дать согласие. Я готов пройти с вами рядом все трудности. Подумайте. Я буду ждать вашего решения, – Шмит развернулся и вышел из комнаты.

Лиза опустилась на краешек кресла. Малыш сердито толкнулся. Она положила руку на живот, погладила. Николай Шмит прав. И она должна найти выход из ситуации. Ради своего ребенка.

_ 50

* * *

Несколько дней подряд Лиза отправляла мужу телеграммы, но не на одну из них не пришло ответа. Она была в отчаянии. Алексей не любит ее? Он ее разлюбил? Столько времени прошло, он мог измениться! От таких мыслей становилось еще больней. Конечно же, она может отказаться от развода. Но спасет ли это их брак, ведь Алексей не хочет с нею быть. Он не хочет признавать ребенка, у малыша же должен быть отец. Тогда не лучше ли принять предложение Николая Шмита? И что, что нет любви. Как доказала жизнь, брак по любви – не значит счастливый брак. А Глебов? Лиза ста-

ла чувствовать к нему ненависть из-за нанесенной обиды и оскорбления. Раз он смог разлюбить ее, то и она его не простит...

Время безжалостно летело, не оставляя никаких шансов. Шел ноябрь – напряжение нарастало как в стране, так и в личной жизни, требуя какого-либо исхода. Наконец Лиза решилась. Выдался подходящий момент, нужно было передать Шмиту документы от Шанцера и Лиза пришла в его дом. Николая дома не оказалось, а прислуга известила, что скоро он вернется. Опасаясь, что ее решимость улетучится, Лиза решила дожидаться его прихода.

Время шло, а Николай все отсутствовал. Лиза взглянула на часы. Было довольно поздно. Она открыла тайник, положила в него документы, переданные Шанцером. И тут совершенно случайно увидела письмо, подписанное до боли знакомым почерком. Она взяла конверт в руки. Письмо на ее имя от Алексея. Рука задрожала. Откуда? Когда? Почему здесь?

Лиза вскрыла конверт и развернула письмо.

«Здравствуй, моя несравненная, неподражаемая Лиз!

Нет другой возможности, как только написать тебе письмецо. Не обессудь, буду краток, но предельно честен. Мы так давно не виделись с тобой, и я не представляю, что происходит в твоей жизни. От этого мне больно. Самый дорогой мне человек отделился от меня, а я так и не понял, почему, и ничего не смог сделать, чтобы вернуть тебя. Вре-

мя идет, а я день за днем мечтаю увидеть тебя. Увидеть твое милое лицо, заглянуть в глаза и услышать одно – хотя бы одно – слово «Люблю!». Ради такого я готов побороться со смертью, не то, что с судьбой!

Но нет. Сейчас я в Петербурге и пытаюсь разобраться с кучей неприятных дел, навалившихся на меня скопом. Если все разрешится – я приеду и, надеюсь, мы сможем сесть и поговорить. Если же я не объявлюсь, не обессудь. Заранее скажу, прости меня. Я тебя люблю. Люблю безумно, безотчетно. Хотел бы снова быть с тобою, однако одного моего желанья мало.

Твой навсегда. Алексей Глебов»

Лиза еще раз пробежала по строкам глазами. О, Боже! Она взглянула на дату. Датировано 12 октября. То есть написано до того скандала, что учинил Алексей. Но почему же она не видела этого письма?! Почему оно оказалось у Николая?!

Лиза услышала шаги и встала. Николай вошел в комнату с улыбкой, но увидев в ее руке письмо и открытый тайник, перестал улыбаться.

– Что все это значит? – Лиза пошла ему навстречу, показала письмо. – Каким образом письмо от моего мужа оказалось у вас?

Шмит не нашелся, что ответить.

– Не молчите!

– Не ждите от меня объяснений! – Он схватил ее за плечи. – Вы спрашиваете о том, на что сами можете ответить!

– Вы хотите, чтобы я была пристрастной?!

Шмит взбудоражено всматривался в ее глаза, будто желал в них что-то увидеть, помимо гнева и разочарования.

– Я забрал письмо у почтальона, когда приходил в ваш дом. И жалею лишь о том, что не сжег его. Тогда бы не было этого разговора!

Лиза скинула его руки со своих плеч, опустилась в кресло.

– О, Боже! Вы разрушили мой брак! – Она закрыла лицо руками.

– Разрушил?! Ваш брак давным-давно рухнул! Вы разве не заметили этого, Лиза? – Шмит горько рассмеялся.

Лиза встала, потянулась за ридикулем, собираясь уйти, но Шмит сделал отчаянный шаг к ней навстречу:

– Не уходите, Лиза! Я прошу вас! Мне без вас не жить!

– А мне нет жизни без моего мужа. Я его люблю. Если надо, я последую за ним на край света, лишь бы быть рядом с ним.

– Он вас бросил, вы забыли? – отчаяние в глазах Шмита заставило Лизу на миг закрыть глаза. И увидела Алексея. Его усмешку и искорки в глазах. Она вновь посмотрела на Николая:

– Он хочет отпустить меня. Потому что любит. И думает, что я несчастна с ним.

Шмит некоторое время смотрел на Лизу, внутри него шла

борьба, затем он без сил рухнул в кресло.

– Уходите, – потухшим голосом произнес он.

Лиза без промедления вышла. Она уже думала о том, как ей вернуть строптивного несносного мужа, возлюбленного, друга, без которого ей не жить и не быть счастливой...

* * *

Стряпчий поднял глаза от бумаг и взглянул на вошедшую посетительницу.

– Госпожа Глебова, – он встал из-за стола, вежливо придвинул ей стул. – Что привело вас ко мне?

– Я к вам по вопросу, не требующему отлагательств, – сказала она, опускаясь на стул. От внимательного стряпчего не утаилось старательно скрываемое ею волнение.

– Я вас слушаю.

– Я хочу не допустить развода.

– Но, позвольте, не развода ли вы хотели?

– Господин Юрский, взгляните на меня! – Лиза развела руками. – Разве вы не видите? Когда я семь месяцев назад хотела развода, я еще не знала, что беременна. Затем пришло это ужасное известие о гибели моего мужа. А когда он вернулся, он начал бракоразводный процесс. Мне нужна ваша помощь, господин Юрский!

– Так, – адвокат потер подбородок. – Почему же ваш муж, после стольких отказов от развода все же решился на него?

Лиза смутилась.

– Так что же?

– Он думает, что я жду ребенка от другого, – наконец, призналась она.

Адвокат помолчал.

– Раз я представляю ваши интересы, скажите правду, он прав?

Лиза задохнулась от возмущения:

– Я не изменяла своему мужу, если вы об этом!

– Простите. Я должен был спросить.

Лиза еще больше покраснела, но гордо вздернула подбородок.

– У нас были разногласия, – произнесла она, – но развестись я хотела, потому что думала, что бездетна. Я не желала такой участи для своего мужа.

Адвокат задумчиво потер подбородок:

– А вы пытались с ним об этом поговорить? Возможно, выслушав вас, ваши объяснения, он изменит свое решение.

– О, господин Юрский, если бы все было так просто! Я знаю его, он не будет меня слушать, – Лиза заломила пальцы, хорошо помня, как он ее встретил в Петербурге после того, как Шмит ее поцеловал. – Он не отвечает ни на мои письма, ни на телеграммы. Если уж он решил что-то, то его невозможно переубедить. Нужен другой путь.

– А от меня вы что хотите? – мягко поинтересовался адвокат. – Хотите сохранить брак формально?

– Прежде всего, я хочу сохранить свой брак перед Богом и людьми. Когда Алексей поймет, чего я желаю на самом деле, он вернется. – Голос ее дрогнул.

– Женщины! Как вы любите все усложнять.– Адвокат улыбнулся. – Я возьмусь за ваше дело. Как я прежде вам говорил, дела по расторжению брака решаются духовным ведомством. А отцы-протопопы будут склонны к сохранению брака и семьи, нежели к разводу. Однако здесь есть несколько «но». Во-первых, ваш муж при рассмотрении дела, возможно, будет решительно настроен на развод. Во-вторых, может не признать ребенка. В таком случае, дело затянется на неопределенный срок и, скорее всего, окончится не в вашу пользу. Однако за это время вы можете и переубедить супруга.

– Я готова.

Адвокат ободряюще улыбнулся:

– Тогда, за дело. Я лично съезжу в Петербург и поговорю с господином Глебовым о возможности примирения. Но не особо надейтесь на чудо.

Лиза слабо улыбнулась:

– Я буду молиться, чтобы Алексей услышал вас.

* * *

Петербург

Алексей очередной день ближе к вечеру прикладывался к спиртному, будь он просто дома, или же находясь в клубе

или в других, живущих ночной жизнью, заведениях. Причиной было не только предательство Лизы, от которого он никак не мог оправиться, но и то, что каждый раз при виде Катаринины он знал, что скоро она умрет. Видения мертвой женщины, лежащей на кровати в предрассветных сумерках, мучали его. Если раньше ему снились кошмары, и он старался не брать в голову, почему так происходит, и он видит чужие смерти, то теперь кошмары стали все чаще видеться ему наяву. Алексея видения не пугали, однако на фоне неприятных событий в его жизни, они вводили его в черную хандру, уныние и угнетенное душевное состояние.

Ближе к утру Глебов возвращался домой и засыпал, с бутылкой в руках, в одном из глубоких кресел в кабинете. Но и здесь кошмары настигали его.

Очередной день принес очередной тревожный сон. На этот раз Глебову снились Азеф, Рутенберг, Савинков. Они были здесь, в Петербурге, встречались на квартире инженера. За ними следили. Вышел Азеф, чуть позже Рутенберг и вот в стеклянных дверях парадной мелькнул силуэт Савинкова. Он заметил околоточного и двух филеров. Швейцар распахнул перед Савинковым дверь, пропустил его и встал позади. Арест! Как и говорил Малышев, Савинкова арестуют. Осталось протянуть руку, схватить его. «Никаких мер не принимать», – раздался голос, и филеры отступили. Савинков удалялся, удалялся...

– Дядя, дядя! – Алексея трясли за плечо. – Дядя!

Глебов с трудом разомкнул глаза, бутылка выскользнула из его рук и плюхнулась на ковер. Но не разлилась, оказалась пуста. Алексей перевел взгляд на Пашку, который его разбудил.

– Что? – спросил он хриплым голосом.

– Ты стонал. Я испугался.

– Я в порядке. – Глебов закрыл глаза.

– К вам дядька. Второй раз приходит. И ждет как час.

– Кто? Зачем рано?

– Время почти три.

Алексей нехотя разлепил глаза, взглянул на настольные часы. Без двадцати три. За окном светло. Он нахмурился, потер лицо:

– Позови Арину.

Мальчик пулей выбежал из комнаты.

В кабинет заглянула прислуга:

– Простите, мальчик вас разбудил, я не знала.

– Как его мама?

– Приходил доктор. Она плоха, редко приходит в себя.

Алексей промолчал. Затем с сердитыми нотками в голосе произнес:

– Арина, я просил тебя всем говорить, что я не принимаю.

Ты прогнала того, кто пришел?

– К вам поверенный вашей жены, – сообщила Арина. – И он не уходит.

– Кто? – Алексей не мог поверить своим ушам.

– Господин Юрский – поверенный Елизаветы Николаевны. Он так сказал.

Глебов взбеленился. Что еще ей надо?!

– Арина, гони его к чертовой матери! Поняла?!

Напуганная прислуга скрылась за дверь. Алексей вскопчил, прошелся из угла в угол как загнанный зверь. Немыслимо! Отправила адвоката! Он выглянул из окна. Юрский стоял на улице, оглядываясь по сторонам, затем поднял голову и посмотрел наверх, туда, где за окном стоял Глебов. Улыбнулся, коснувшись козырька шапки.

В дверь постучали, а Алексей вздрогнул.

– Войдите! – рявкнул он. На пороге вновь возникла Арина. – Что еще?

– Господин адвокат оставил вам документы, – ответила она.

– Какие еще документы?!

Арина положила на край стола толстый конверт и отступила в сторону. Глебов смотрел на него как на злого врага, затем сквозь зубы произнес:

– Брось в топку.

Та снова удивленно взглянула на хозяина:

– Так это ж документ, как можно?

– Брось в топку, Арина, – сказал он и быстрым шагом вышел из кабинета.

Арина бережно взяла в руки пухлый конверт и протерла краем фартука, словно он запылится.

– Как можно в топку? – пробурчала она. – Это же документ. А если что важного? А они: «В топку». Экий странный Алексей Петрович...

* * *

Алексей мерил коридор шагами. Пашка играл в гостиной, сидя на персидском ковре. Арина суежилась возле камина. А в спальне Катарины слышались тихие шаги сиделки. Алексей провел рукой по волосам. Его охватывали злость и отчаяние поочередно. Жизнь рушилась, как карточный домик. Катарина постепенно умирала. Пашка станет круглой сиротой. А Лиза... Лиза, узнав о его якобы смерти, быстро утешилась в объятиях мальчишки, сосунка! А он-то думал, что ее любовь крепка. И не смотря на размолвку и разлуку, она к нему вернется. Вот дурак! Но ничего, он вырвет ее из своего сердца. Пусть только она оставит его в покое. Она ему не нужна. Не надо ныть – лучше злиться. Очень сильно злиться, чтобы не лезли в душу. Оставили в покое...

Дверь спальни Катарины отворилась, и вышла сиделка с тазиком в руках. Когда она прошла мимо, Алексей в нерешительности остановился возле порога спальни, затем взялся за ручку, отворил дверь. В комнате пахло лекарствами, свет был приглушен плотно затянутыми шторами, а с постели раздавалось прерывистое дыхание Катарины. Глебов внутренне содрогнулся, но в комнату вошел.

– А я думала, ты уж не войдешь, – раздался слабый голос

Катарины.

– Прости. Я не хотел беспокоить, – Алексей сел на стул подле ее кровати.

– Скоро никто не сможет побеспокоить, – она попыталась улыбнуться. – Ты выглядишь отвратно. Пьешь?

– Пью.

– Не пей. Не надо. – Она закашлялась. – Паша где?

– В гостиной. Играет. Позвать?

– Нет, не надо. Не хочу, чтобы он помнил меня такой, –

Катарина закрыла глаза. – Мне осталось мало.

– Перестань. – Алексей коснулся ладонью ее головы. Она открыла глаза, а Алексей отнял руку.

– Нет, не надо. Не убирай.

Алексей снова погладил ее по волосам. Она закрыла глаза, вздохнула:

– Так хорошо... Твои руки забирают боль...

Они помолчали.

– Помнишь, когда-то я в тебя была влюблена.

Алексей промолчал. Он помнил. И помнил, сколько было от этого хлопот.

– Ты особенный. Был и сейчас такой.

– Да уж, я особенный, – усмехнулся Глебов. Катарина посмотрела на него:

– Да, особенный. Но Костик был для меня всем... Хорошо, что я вовремя поняла, что его теряю... А он мне снился во сне! Улыбался.

Она помолчала. Алексей погладил ее по голове как ребенка. Катарина всегда была красива, но он привык к ней относиться как к сестре. И не потому, что он не замечал ее красоты, а потому что придерживался правила «Найти верного друга сложнее, чем красивую женщину». Он выбрал дружбу Костика, и ни разу не пожалел. Возможно, он просто не был влюблен в Катарину...

– Скажи, Глебов, а ТАМ что-нибудь есть? Я с ним увижусь?

Алексей не знал, что ответить. Есть ли что-нибудь там? Как он может ответить? Рай и ад – есть, но они на земле...

– Прости меня, Глебов. За все прости, – Катарина вздохнула, умиротворенно закрыла глаза. – Ты – особенный. Ты простишь. Всегда прощаешь. Бог тебя любит...

Глебов слабо усмехнулся. Это он-то прощает? Это он-то у Бога в любимчиках?

Катарина спокойно задышала. Уснула спокойным за последнее время сном. Алексей бесшумно поднялся. «Любимчику Бога» так гадко на душе, что он отправляется очередной раз напиться. Чтобы забыться, хотя бы на время ...

* * *

Ресторанчик Палкина встретил теплом, огнями, музыкой, забористым алкоголем и хорошей закуской. Глебов в последнее время стал завсегдатаем ресторана и для него всегда был готов столик.

Но в этот раз Алексею представилась весьма неожиданная компания. В зале он столкнулся с посетителем, они оба вежливо извинились, но тут же друг друга узнали.

– Алексей Петрович!

– Господин Ульянов? Вы в Петербурге?

Мужчина улыбнулся. В его глазах плясали озорные огоньки.

– Весьма рад вас видеть. Вы один?

– Да... Присоединяйтесь. Для меня здесь всегда заготовлен свободный столик.

– Нет уж, вы пожалуйста к нам. У нас отдельная кабина. В зале слишком шумно, не поговорить. – Ульянов опомнился. – Позвольте представить. Воровский²³⁰. С Гусевым вы знакомы. Глебов Алексей Петрович.

– Да, слышан, – Воровский пожал руку Алексею.

Они прошли в отдельный кабинет. Все как положено: закуски, горячее, спиртное.

За столом говорили обо все и ни о чем. Тон задавал Ульянов, подкидывая темки. Сам он говорил мало – впрочем, как и Алексей – предпочитал слушать, но порой вставлял коронные свои фразы: «архидлинно, пусто, скучно», «болтовня», «ха-ха», еще раз «ха-ха» или же «вздор, ложь, клевета».

---

²³⁰ Вацлав Вацлавович Воровский (псевдонимы: Орловский, Шварц, Жозефина и др.) (1871, Москва -1923, Лозанна) – российский революционер, публицист, литературный критик. В 1894 г. вступил в РСДРП. В 1905 г. приехал из-за границы в Санкт-Петербург, сотрудничал в большевистских газетах и журналах, занимался закупкой оружия для боевых дружин.

Алексей тяготился. Ему было «скучно», разговоры – пустая «болтовня». На самом деле он чувствовал во всем недоговоренность, присутствующие господа вели беседу так, словно что-то им мешало. Точнее кто-то. И этим кто-то был никто иной, как Глебов. Да, Алексей чувствовал себя лишним. Откланяться, назвав любую правдоподобную причину, и уйти. Сходить в кабак напротив и выпить? Идея, по сути, не плоха, так он в принципе планировал провести вечер.

Глебов как раз обдумывал предлог для того, чтобы удалиться, когда господа завели беседу о литературе. Воровский перечислял произведения, имевшие некогда большой успех, а через некоторое время становившиеся настолько скучными, что кроме равнодушия ничего уже не вызывали. Он приводил в примеры некоторые вещи Жорж Санд, «Вертера» Гёте, «Бедную Лизу» Карамзина, «Знамение времени» Мордовцева и что-то другое. Алексей многозначительно взглянул на свои часы, кашлянул, чтобы чуть-чуть привлечь внимание. Но Ульянов, наблюдавший за ним последних несколько минут, неожиданно его спросил:

– А вы что скажете?

– О чем?

– О потерявших актуальность произведениях, конечно.

Алексей смотрел на Ульянова. Зачем тот его остановил?

Он слегка пожал плечами:

– Согласен, многие быстро устарели и надоели.

– А что вы скажете о романе Чернышевского «Что де-

лать?»

Гусев и Воровской в раз замолчали. Почему? Глебов усмехнулся:

– Читал. Давно. В конце восьмидесятых.

– И как?

Алексей вновь усмехнулся. Ульянов дотошно его пытал. Зачем?

– Ну-с?

Гусев предостерегающе подал знак Глебову, а он с едва скрываемой улыбкой ответил:

– Трудно представить себе что-либо более претенциозное. Большинство страниц романа написаны таким языком, что их читать невозможно.

Ульянов стремительно взметнулся так, что стул под ним закрипел. Скулы его покраснели. Гусев отчаянно стукнул себя по лбу. Глебов усмехнулся.

Ульянов же бросил Алексею:

– Как в голову может прийти чудовищная мысль назвать пр-ретенциозным и бездар-рным произведение Чернышевского!

Глебов пожал плечами:

– Может. Сюжет мелодраматичен. Любовная история, каких немало.

– А я заявляю: недопустимо называть пр-ретенциозным и бездарным роман «Что делать»! Он увлек многих. Увлек моего брата, он увлек меня. Он меня всего глубоко перепа-

хал! Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и пр-римитивно? Никогда! Когда вы читали «Что делать», господин Глебов? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло!

Алексей пожал плечами:

– Почему? Потому что, произведение не просто и подчёркнуто занимательное, авантюрное, а мелодраматическое начало романа должно было не только привлечь массы читателей, но и сбить с толку цензуру?

Ульянов быстро успокоился и сел на место, а Алексей продолжил:

– Да, конечно, внешний сюжет романа – любовная история, однако в нём революционно новые экономические, философские и социальные идеи. Поэтому-то вы считаете его большим и талантливым представителем социализма? – уточнил он с улыбкой.

Ульянов улыбнулся как пойманный за сладким мальчишка:

– Сам Маркс называл его великим русским писателем.

– Эту вещь Маркс, наверное, не читал, – едко заметил Глебов.

Глаза Ульянова блеснули.

– Откуда вам знать, что Маркс ее не читал?

Алексей рассмеялся.

– Вы смеетесь?

– Забавно, господин Ульянов. Вам всегда и во всем нужно

доказать свою правоту? Я пасую.

– Вы специально подначивали меня, – заметил тот. – За-
чем?

– А вы? Зачем? Устроили проверку?

Ульянов громко рассмеялся:

– Вы мне симпатичны! Что-то такое в вас, безусловно,
есть.

После очередной порции горячительного напитка и заку-
сок, Ульянов подкинул приятелям философскую темку. Гу-
сев и Воровский не прочь были поговорить и о философских
подходах. Между ними завязался спор. Тот и иной в своей
манере пытался доказать особенности диалектики и эклек-
тизма²³¹, на что, в конечном счете, Ульянов лишь фыркнул:

– Спор, который здесь происходит, производит впечатле-
ние, примерно, такого характера, как говорил мой один зна-
комый: «Два человека спрашивают друг у друга, что такое
стакан. Один говорит: «это стеклянный цилиндр, и это исти-
на». Второй говорит: «стакан, это – инструмент для питья,
это истина»!

Алексей повертел пустой стакан в руках:

– А вы как объясните? Разницу между эклектизмом и диа-
лектикой. – Он протянул Ульянову стакан, кивнул на него. –

---

²³¹ Диалектика – метод аргументации в философии, а также форма и способ рефлексивного теоретического мышления, исследующего противоречия, обнаруживаемые в мыслимом содержании этого мышления. Эклектизм – способ построения философской системы путём сочетания различных положений, заимствованных из других философских систем.

На примере того же самого стакана.

Глаза Ульянова азартно загорелись:

– Я отвечу. – Ульянов повертел стакан в руках, поставил на стол, внимательно изучая. – Стакан есть, бесспорно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья. Но стакан имеет не только эти два свойства или качества, а бесконечное количество других свойств и качеств, опосредованных со всем остальным миром. Стакан есть и тяжелый предмет, который может быть инструментом для бросания.

Глебов усмехнулся, а Ульянов задумчиво продолжил:

– Стакан может служить как пресс-папье... Как помещение для пойманного насекомого. Стакан может иметь ценность, как предмет с художественной резьбой или рисунком, совершенно независимо от того, годен ли он для питья, сделан ли он из стекла, является ли форма его цилиндрической или не совсем, и так далее и тому подобное.

Все внимательно слушали его слова: Глебов с интересом, Воровской с задумчивостью, Гусев хмурясь и недопонимая аллегорий. Ульянов же, задумавшись, замолчал.

– Далее, – заметил Глебов.

Ульянов посмотрел на него. Глаза его смеялись:

– Если мне нужен стакан сейчас, как инструмент для питья, то мне совершенно не важно знать, вполне ли цилиндрическая его форма и действительно ли он сделан из стекла. Но зато важно, чтобы в дне не было трещины или же чтобы нельзя было поранить себе губы. Если же мне нужен стакан

не для питья, а для такого употребления, для которого годен всякий стеклянный цилиндр, тогда для меня годится и стакан с трещиной в дне или даже вовсе без дна и тому подобное.

– Логично, – заметил Алексей, на что Гусев весело добавил:

– Но не понятно.

Ульянов засмеялся, утер слезы, выступившие на глаза, затем ответил:

– Невежество менее удалено от истины, чем предрассудок! – потом продолжил: – Логично, но логика формальная, которой ограничиваются в школах. Такая логика берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно, и стеклянный цилиндр и инструмент для питья, то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только.

– С эклектикой все понятно. А диалектика? – Глебов ждал ответа. Ему нравилось умения Ульянова философски рассуждать, доказывать, изъясняться. Давно ему не хватало таких собеседников!

Глаза Ульянова лукаво блеснули:

– Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить,

изучить все его стороны, все связи и опосредствования. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления. Это, во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует брать предмет в его развитии, изменении, «самодвижении», как говорил Гегель.

– А в отношении стакана?

– По отношению к стакану это не сразу ясно. Но и стакан не остается неизменным. В особенности меняется назначение стакана, употребление его, связь его с окружающим миром.

– А в-третьих?

– Есть в третьих, и в четвертых. Так, в-третьих, согласно диалектики, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-четвертых, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любит говорить, вслед за Гегелем, Плеханов... Я, разумеется, не исчерпал понятия диалектической логики. Но пока довольно и этого²³². Не правда ли, господа?

– Истина, – со смехом заметил Гусев. – Вацлав Вацлавович, разливай! Будем искать истину...

После говорили о политике, о войне, о революции, о на-

---

²³² Прим. автора: В. И. Ленин в своей работе «Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина».

шумевшем Манифесте, упомянули Витте.

Ульянов говорил о том, что больших слов нельзя бросать на ветер: честность в политике есть результат силы, лицемерие же – результат слабости. И для революции не хватает грамотной революционной теории. Без революционной теории не может быть и революционного движения. А идеи становятся силой, когда они овладевают массами. Война же есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации. Опасное в войне – это недооценить противника и успокоиться на том, что мы сильнее. Патриотизм – одно из наиболее глубоких чувств, закреплённых веками и тысячелетиями обособлённых отечеств, но не спасет от внутренних взрывов и роста недовольства масс, как это было и есть в России. А о Манифесте заметил, что уступка царя, действительно, величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы. Сейчас царю одинаково нужны и Витте, и Трепов: Витте, чтобы подманывать одних; Трепов, чтобы удерживать других; Витте – для обещаний, Трепов для дела; Витте истекает в потоках слов, Трепов истекает в потоках крови...

В тот самый момент, когда Глебов хотел вставить свое слово, к ним в кабинет вошел самый неподходящий и нежелательный человек на свете! Глебов сжал кулаки, лицо его окаменело.

Гусев тем временем встретил молодого человека, подвел к столу:

– Владимир Ильич, хочу тебе представить молодого человека, о котором говорил Шанцер. Николай Павлович Шмит...

_ 51

* * *

Глебову хватило сил цивилизованно разойтись: он встал из-за стола, распрощался с присутствующими, язвительно заметил Шмиту «Салют жене» и удалился. Ульянов проводил его, просил остаться, однако не стал настаивать, так как, скорее всего, догадался, что не все просто между Глебовым и Шмитом. На прощание протянул напряженному Алексею руку.

Глебов пожал и вздрогнул.

– Что с вами? – участливо спросил Ульянов, так Алексей все еще сжимал его ладонь.

Глебов странно взглянул на него, отпустил руку и неестественно хохотнул:

– Простите. Судя по всему, белая горячка.

– Батенька, бросайте это дело. Питие никому не помогало. Надеюсь, свидимся еще.

– Несомненно.

Алексей вышел. Не мог же он сказать, что увидел, пожав Ульянову руку! А видел он на Красной площади в Москве подобие египетской гробницы и толпы людей, вере-

ницей спускающихся посмотреть на забальзамированное тело в гробу... Глебов содрогнулся. Все, надо бросать пить! Кошмарные сны – куда ни шло, но видения наяву – явный признак белой горячки! С него хватит!

– Мне нужен доктор, – сказал Глебов самому себе, а извозчик, чья коляска остановилась подле него, услужливо произнес:

– Пожалуйте, садитесь.

* * *

Естественно, к доктору Глебов не поехал, а направился домой. Сказал его не беспокоить и закрылся в кабинете. Полночи мерил кабинет шагами.

– Белая горячка, белая горячка, – пару раз произнес он, – или я схожу с ума.

Прекрасно, все признаки на лицо – теперь он разговаривает сам с собой! А вскоре заговорит с умершими предками, стоящими подле его кровати. От этой мысли стало дурно.

– Арина! – крикнул он и только потом вспомнил, что наступила ночь. Неужели всех перебудил? Вот сволочь!

Алексей выглянул в коридор. Там, в темноте виднелось маленькое худое тельце в белом одеянии. Глебов вздрогнул, на миг прикрыл глаза. Открыл один глаз, второй. Да это ж Пашка!

– Что не спишь? – спросил он у него.

Пашка приблизился:

– Не спится. Можно я с тобою посижу?

Алексей потрепал его по белокурому загривку. На Кости-ка похож, чертяка!

– Заходи.

Мальчишке не надо было дважды повторять – он проворно шмыгнул в кабинет и с ногами взобрался в кресло.

Алексей притворил дверь, сел в кресло за столом.

– Дядя, а ты хорошо помнишь моего папу? – спросил мальчишка.

– Конечно, я хорошо его помню.

– Какой он?

Глебов вздохнул, представив Костю:

– Хороший друг. Верный компаньон. Талант. Артист от Бога. Шутник и балагур...

– А я на него хоть немножечко похож? – Мальчик, затаив дыхания, ждал ответа.

– Похож. И даже очень.

– Хорошо. – Мальчишка перебрался поближе. – А ты можешь мне рассказать о том, чем вы занимались?

– Рассказать, чем мы занимались? – Глебов усмехнулся.

– Да.

– Ну что ж, расскажу. Если и ты со мною будешь честным. Мальчик закивал головой.

– Скажи, друг-Пашка, я случайно того... не сбрендил? Я тебе не кажусь... ненормальным?

Мальчишка пристально с серьезным видом рассматривал

его лицо, крутя головой то влево, то вправо. Заглянул в глаза.

– Все в порядке. Если не считать того, что ты пьяный, – говоря это, Пашка улыбался.

Глебов улыбнулся в ответ:

– Спасибо. Ты меня успокоил. – Он протянул мальчишке руку, тот ее пожал. Его маленькая ладонь утонула в ладони Алексея. – И что же тебе рассказать?

– Расскажи, как ты познакомился с папой.

Алексей усмехнулся, вспомнив, где и как. В Польше. В тюрьме. Побитого Костика втолкнули в камеру, где на нарах уже «отдыхал» аферист Глебов. А потом был побег. Захватывающее было время! Да только говорить ли Пашке правду или нет?

– Дядя, рассказывай, я уже не маленький, – произнес серьезно Пашка.

– А ты умеешь хранить тайны?

– Зуб даю! – Мальчишка сделал характерное движение.

– Э-нет, давай-ка, парень, без этих штучек. Мы – свои люди, нам такой жаргон не нужен.

Мальчишка кивнул.

– Что же, слушай...

* * *

Утро Глебов встретил как всегда в кабинете, проснувшись, сидя за столом.

Опять сны! И что же снилось? Мерный стук колес. Ту-

дук, ту-дук, ту-дук... Он держит на руках ребенка. Ручонки – маленькие с малюсенькими пальчиками – выглядывают из-под неумело завернутой пеленки. Малыш спит. Черные реснички обрамляют слегка прозрачные веки, а темные волосики жиденькие, как пушок. Но от чего так жарко, так тепло на сердце?! Малыш кричит, ворочается, чмокает губами. А он боится шелохнуться. А сердце заполняют неведомые доселе трепет и любовь. Что это? Счастье? Безмерное всепоглощающее счастье и покой... Он медленно поворачивает голову и... яркий свет заставляет его проснуться.

Алексей открыл глаза. Вздохнул. Приснилось. По крайней мере, в этом сне он был счастлив.

В кабинет влетел радостный и шумный Пашка.

– Мама с постели встала! – сообщил он.

– Что?

– Пойдем!

Пашка схватил Глебова за руку и потащил за собой в гостиную. Алексей с каждым шагом замедлял ход. Так было в его кошмаре... Он идет, открывает дверь. За нею Катарина. Одета в красивое платье, волосы уложены в прическу. Пашка бежит к ней, берет за руку. Она поворачивается и смотрит на Алексея. Но будто его не видит. Она уже далеко. Очень далеко...

... Катарина умерла утром следующего дня. Ее неподвижное тело лежало на кровати, а волосы темным покрывалом разметались по подушке, обрамляя ее худое осунувше-

еся и бледное лицо. Пашка плакал навзрыд. Арина увела его прочь, пытаясь успокоить. Алексей стоял возле стены и смотрел на ее безжизненное тело. Он ничего не чувствовал со вчерашнего дня. Но было такое ощущение, что он в глубоком колодеце под толщей воды. Так было в детстве, когда он упал в колодец...

Сиделка что-то говорила, но он не слышал. Потом позднее осознал, что она просит его выйти.

...Арина организовала похороны. Катарину отпел католический священник и ее похоронили. Мирно, тихо. Пашка все время жался к Алексею, и тот поддерживал его за плечо. Чувство времени вернулось. Как и горечь утраты. На обратном пути Пашка еле волочил ноги. Алексей поднял его на руки и понес. Тот слабо обнял его за шею. Но не плакал. А Алексею мерещился Костик. Он на них смотрел. С пониманием и сожаленьем...

* * *

Через день после похорон явился Малышев. Он застал Глебова измотанным и уставшим.

Алексей рассеянно взглянул на протянутую Малышевым руку, и некоторое время просто смотрел на нее. Не то чтоб он не хотел ее пожать, просто в голову пришла бредовая мысль, не посетят ли его вновь видения. К примеру, как Малышев умрет...

– Глебов?

– Прости, – Алексей пожал протянутую руку. Облегченно вздохнул. Предложил Малышеву присесть.

Расположившись в кресле напротив, Малышев обеспокоенно поинтересовался:

– С тобой все в порядке?

– Просто устал.

Малышев кивнул:

– Мои соболезнования: слышал о похоронах... Что намерен делать?

Алексей взглянул на него, пожал плечами:

– Что делать? Заберу Пашку и уеду с ним за границу. Здесь меня ничего не держит.

– Ясно. – Малышев помолчал, рассматривая узор на ковре под ногами. Затем обронил:

– Савинков объявился.

Алексей взглянул на Малышева. Ему вдруг вспомнился недавний сон о Савинкове.

Малышев продолжил:

– В покушении на тебя не все так просто, как казалось.

– Что ты имеешь в виду?

– Савинков состоит в одной из масонских организаций.

Но он всего лишь пешка, которой умело управляют.

– И?

– Я еще не разобрался, что к чему. Но, думаю, за всеми неприятностями, в которые ты был втянут, кто-то стоит. Кому-то было выгодно твое участие в поиске убийц фон Плеве,

участие в разоблачении Азефа, поездке в Портсмут и другое. А потом стало выгоднее тебя устранить, чем оставить в живых. Ты стал мешать, и на тебя было совершено покушение. Если бы не стечение обстоятельств, приведшее к тому, что и Рачковский был втянут в события в твоей жизни, думаю, что эти или этот кто-то довел бы дело до конца.

Глебов поморщился:

– Как-то все замысловато, не находишь?

– Замысловато? Все слишком серьезно. В масонской организации состоят влиятельные люди, стремящиеся диктовать свои правила и устанавливать свои порядки во всем мире. Этих людей – небольшая группа, остальные – масса: фанатики и исполнители, занимающиеся грязной работой, но, по сути, совершенно ничего не знающие об истинных целях масонства. Еще есть эдакие «пешки», попавшие в круг их махинаций и не подозревающие, что ими управляют для достижения своих целей.

Глебов усмехнулся:

– Меня имеешь в виду?

– Боюсь, и себя тоже.

– И кто же этот таинственный кто-кто?

Малышев покачал головой:

– Савинков не знает ни лиц, ни фамилий тех, кто стоит по масонской иерархии выше. Таковы правила, и они помогают сохранить инкогнито в организации.

– И что – тупик?

– Была одна зацепка. Но я проверил. Сомневаюсь, что поможет...

– Какая зацепка?

– Савинков предполагает, где должен произойти очередной сбор для посвящения. Это должно произойти на окраине города в особняке графа Усурина. Однако точной даты сбора он не знает, да и особняк давно пустует... Знаешь, Глебов, тебе действительно стоит уехать и как можно дальше. Враг неизвестен и тем более он опасен.

Алексей задумчиво кивнул. Все это довольно странно. Кто же этот некто? Из сильных мира сего, амбициозных и стремящихся к власти, с которыми в последнее время он имел дело, он знает только Лопухина и Витте. Ах, да, и Рачковского. В столь беспокойное в стране время кто-то умело пользуется ситуацией, чтобы сосредоточить в своих руках власть, могущество, силу. Лопухин не в удел, он в опале. Однако и Витте тоже был до недавнего времени в немилости. Рачковский? Его роль тоже не ясна. Возможно ли, что кто-то из них не последний человек в масонской организации? Что гадать. Для начала стоит побывать в этом особняке...

* * *

Глебов стоял напротив небольшого особняка на окраине города, изучая обстановку. Казалось, что в особняке никто не проживает. За решетчатой оградой изредка появлялся сторож, расчищающий дорожки. Были две собаки. Возмож-

но, есть еще кто-то из слуг.

Алексей прошел вдоль ограды. Пробираясь окольными путями к дому – нет смысла: на глубоком снежном насте остались бы следы. Глебов вернулся к центральному входу. Убедившись, что никто его не остановит, он вошел внутрь. Перед домом – фонтан с облупленной фигуркой ангелочка. За особняком – садик с пристройками. Скорее всего, в каменной ограде за садом есть калитка – вглубь уходила протоптанная дорожка. И где-то там поскуливали запертые собаки.

Глебов поднялся по лестнице и вошел внутрь дома. В здании было холодно и пыльно. Алексей прошел дальше, поднялся по лестнице на второй этаж. Его шаги гулко отдавались в коридоре и пустых комнатах дома. Сумерки, прокрававшиеся внутрь, делали очертания предметов размытыми, а цвета – серыми.

Что он здесь ищет? Алексей спустился вниз. Он продвигался по помещениям, открывал двери, и шел дальше. Очувтившись в библиотеке, он окинул взглядом высокие полки с пыльными книгами.

М-да, нет смысла быть здесь. Что он ищет? Лучше уйти, пока кто-нибудь не заметил его и не вызвал полицию. Но что-то Глебова остановило. Что? В библиотеке было намного теплей, чем в других помещениях дома.

Он прошел к камину. Не топлено и довольно давно. Он снял перчатку, приложил руку к поверхности облицовочно-

го камня, провел по верхней части камина рукой, спустился ниже. Едва заметное тепло. Значит, тепло идет откуда-то снизу. С цокольного этажа? Бойлерная? Он не заметил над крышей дыма из трубы.

– Кто вы? И что вам надо? – услышал он позади суровый голос и оглянулся. На пороге стоял сторож, держа в руках ружье.

– Поосторожнее с оружием, – заметил Алексей. – Я не вор и не грабитель.

– Кто вы и что вам надо? – повторил сторож.

– Мне нравится особняк. И я давно заметил, что он пустует. Хочу приобрести. Кто хозяин?

Сторож засомневался.

– Кто хозяин, спрашиваю?

Сторож опустил ружье:

– Граф Усурин.

– Как его найти?

Сторож промолчал. Глебов вынул из портмоне купюру, взглянул на сторожа.

– Они здесь не живут, проживают за границей, – сторож взглянул на купюру, взял.

– А дом?

– Дом они сдают знакомым и друзьям.

– Я так понимаю, дом сейчас свободен?

Сторож вновь замаялся, и Алексей вынул еще одну ценную бумажку, тот с сомнением, но взял.

– Дом сдан.

– Кому?

– Господин не назвался. Лишь привез письмо от графа.

Но кучер называл его господин Лурье.

Алексей кивнул, направился к выходу.

– Подождите, я зажгу лампу, – произнес сторож. – Темнеет довольно быстро, в коридорах темно.

Сторож чиркнул спичкой, зажег керосиновую лампу, поднял на уровень плеча. Свет от лампы упал на одну из стен библиотеки, полностью закрытой книжными полками. Над книжной полкой над их головами были выбиты на лакированной доске всевидящее око в треугольнике, и между солнцем и луной надпись на латыни «Est modus in rebus²³³».

– Ваше благородие? – окликнул его сторож. Алексей перевел на него взгляд, усмехнулся:

– Идем.

* * *

По возвращению Глебова домой Арина сообщила, что приходил его поверенный, ждал долго, но, не дождавшись Алексея, ушел, оставив записку. Также приходил незнакомый молодой человек, не назвался, и, узнав, что хозяина нет дома, сразу ушел.

На письменном столе в кабинете Алексей увидел поднос с почтой. Записка от поверенного лежала сверху. Глебов раз-

---

²³³ Всему есть предел; все имеет свою меру (Гораций) (Лат.)

вернул, бегло прочел. Поверенный просил прийти к нему в контору по важному и срочному делу. Алексей отложил записку в сторону, просмотрел почту. Счета, несколько приглашений, и письмо в сером конверте без подписи, без адреса. Глебов им заинтересовался, вскрыл и прочитал:

«Я знаю, что вы были в особняке. Приходите завтра на кладбище в два по полудни к склепу Усуриных, я буду ждать вас»

* * *

Погодка выдалась холодной. Небо было пасмурным, дул промозглый ветер. Глебов поежился, поднял воротник пальто и вновь засунул руки в карманы. На дереве противно каркала ворона, сердитым глазом уставившись на Алексея, будто он был виноват и в холодной погоде, и в том, что нет при нем ни кусочка, чтобы ее покормить.

Глебов закурил папиросу и подошел поближе к склепу Усуриных, рассматривая фамильный герб, изображенный над входом. А ведь на нем есть элементы масонских знаков! Алексей наклонился поближе для того, чтобы разглядеть подробнее, и вдруг раздался резкий хлопок выстрела, мелкие осколки гранита полетели в стороны, один из них больно скользнул по щеке.

Глебов перед вторым выстрелом успел упасть навзничь и откатиться в сторону. Укрывшись за каменным надгробием, он достал револьвер и осторожно осмотрелся.

Никого. Лишь истошно каркая, кружилось в небе напуганное воронье...

* * *

Итак, снова покушение. Значит, он подобрался к кому-то очень близко. Сейчас не время бездействовать. Нужно определить противника. И действовать методами, которыми он хорошо владеет. Тут без таланта мошенника и вора не обойтись. Главное точно определить цель... Стоило бы проверить новоявленного председателя Совета министров господина Витте. Зная, насколько тот щепетилен к своим записям и перепискам, можно было предполагать, что если Витте связан с масонами, то среди его личных бумаг можно найти соответствующие доказательства.

Алексей, совсем недавно живший в его доме, хорошо знал расположение комнат, и даже предполагал, где у Витте есть тайники. К тому же Витте в доме уже некоторое время не проживал: в связи со своими новыми обязанностями он был приглашен в Зимний дворец. Поэтому Алексей решил, что не следует тянуть время и этой же ночью проникнуть в его дом...

* * *

Под покровом ночи Глебов проник в дом Витте. Вскрыл парочку тайников, просмотрел документы. Мемуары. Записи. Переписка. Ничего, что напрямую бы указало при-

частность Витте к масонам. Однако Глебова заинтересовало иное. Фотокарточки и негативы. На них Алексей был запечатлен в разных компаниях: с немецким агентом Швайгером, с японским агентом Ламерье и его подручными, с британским агентом Макфлаем... Довольно опасная подборка фотокарточек, если учесть, чем данные люди занимаются. Зачем Витте компромат на него? И кто его добыл? Алексей засунул фотокарточки во внутренний карман пальто. Нужно наведаться к тому, кто их сделал. К агенту Малышеву.

* * *

Глебов некоторое время наблюдал за домом Малышева, изучая обстановку, затем пробрался в дом. Слуги отдыхали в своей половине, а по коридору иногда прохаживал с лампадой дворецкий. Домочадцы спали.

Алексей, помня расположение комнат, без труда пробрался в кабинет. Плотно задернув шторы, он набросил на настольную лампу платок, включил ее и осмотрелся. Затем начал искать: осмотрел письменный стол, приподнимал картины на стене, осмотрел полки. Ничего. Словно подчистили перед его приходом...

Услышав приглушенные шаги в коридоре, Алексей выключил лампу и встал за дверь.

– Малышева в доме нету, – тихо сообщил в коридоре один. В его голосе чувствовалось раздражение.

– Я так просто отсюда не уйду! – ответил зло другой. – Он

мне за все ответит. Где спальня его жены?

– Дальше по коридору. Ты что собрался...

– За все нужно платить! Попользуемся его женой и пустим в расход. И перережем глотку его дочке.

Бандиты зашагали по коридору. Алексей приоткрыл дверь, оценивая ситуацию. Двое, к тому же вооружены. Вошли в спальню к Юлии Малышевой. Раздался приглушенный женский вскрик, затем лишь тихая возня. Глебов поморщился. Скверно.

Намотав на голову палантин и скрыв лицо, Алексей вынул револьвер, проверил барабан, взвел курок. Затем выглянул в коридор, и, убедившись, что безопасно, бесшумно прошел к спальне. Прислушался, затем резко открыл дверь, и выстрелил вначале в одного, затем в другого. Оба взвыли от боли, забыв о женщине, которую хотели изнасиловать. Вырвавшись из их рук, она истошно закричала. Алексей схватил ее за руку, стащил с постели. Один из бандитов потянулся за оружием – Глебов вновь выстрелил:

– Двинешься, и я тебя пристрелю!

Затем толкнул вырывающуюся женщину к выходу. – Вон пошла!

Юлия Малышева пулей вылетела в коридор.

– Оружие сюда, быстро!

Оба раненные бандиты под угрозой револьвером кинули к ногам Глебова оружие. Он поднял, вышел из спальни, запер дверь и бросился по коридору в кабинет. Навстречу

уже мчался с лаем Мафусаил, а на лестнице слышались шаги приближающейся прислуги. Зубы собаки лязгнули совсем рядом с рукой Алексея, оторвав кусок манжеты, но Глебов успел захлопнуть дверь. Распахнув окно, он прыгнул...

_ 52

* * *

Алексей вернулся домой лишь утром. Сторонний наблюдатель мог подумать, что он провел веселенькую ночь: кутил, пил, прелюбодействовал, и даже дрался, – так как видок у Глебова был потрепанный, помятый, пахло от него табаком, спиртным, и женским парфюмом.

В квартиру он ввалился, слегка покачиваясь из стороны в сторону, с полупустой бутылкой в руке, распахнутом пальто, галстук лентой свисал неровными концами на его шее.

Арина, завидев, в каком состоянии хозяин, тяжело вздохнула и принялась протирать с полу растаявший снег, что он нанес на обуви.

Глебов по привычке ввалился в свой кабинет, но здесь его уже ожидали. Малышев угрюмо смотрел на вошедшего, даже не поднявшись с дивана.

– Ба! Кого я вижу! – протянул Глебов, покачиваясь. Прощел, брякнул дном бутылки по столу, извинился по-французски «pardon» и плюхнулся в кожаное кресло. – Выпить хочешь?

Малышев проигнорировал его вопрос. Он встал, приблизился к Алексею. Обвел взглядом. Заметил свежий порез на щеке, обратил внимание на одежду, кисти рук. Затем посмотрел Глебову в глаза:

– В мой дом сегодня ночью ворвались бандиты.

– И ты здесь, чтобы мне это сообщить? – Глебов пьяно усмехнулся, затем сообразил: – Постой! Думаешь, что это я? – Он рассмеялся, осуждающе покачал головой.

Малышев засунул руки в карманы пальто:

– Нет, я так не думаю.

– Тогда что привело тебя ко мне в столь ранний час? – Глебов потянулся за бутылкой, но Малышев отставил ее в сторону:

– Мне нужна твоя помощь.

– Помощь? – Алексей вновь откинулся на спинку кресла и уставился на агента Департамента.

– Я и моя семья в опасности. В своем расследовании я подобрался к масонской организации очень близко. Как результат, вначале совершили попытку покушения на меня, затем явились в мой дом... – Он поморщился. – Если ты не сможешь мне добраться до них первыми, все плохо кончится не только для меня и моей семьи, но и для тебя.

Алексей вздохнул:

– Я не в состоянии понять, о чем ты...

– Глебов, все очень серьезно, – Малышев оперся руками о стол. – Я уверен, что и на тебя будет совершено покушение.

Алексей посмотрел на агента. Тот был мрачен и серьезен. Но Алексей после выстрелов на кладбище никому не доверял, в том числе и Малышеву.

– А от меня-то тебе что нужно? – вновь спросил он.

Малышев придвинул стул к столу и сел.

– Приехал новый владелец особняка Усуриных. Он устраивает бал-маскарад. Я уверен, что под прикрытием бала пройдет тайная встреча членов организации.

– Совершите облаву – и дело с концом, – заметил Глебов.

Малышев покачал головой:

– Облава ничего не даст. Останутся другие. Для того, чтобы полностью их ликвидировать, нужно найти списки Венерабля.

– Что еще за тип?

– Так называют члена организации, единственного, кто владеет сведениями о всех членах организации. Я практически уверен, что списки Венерабля по крайней мере в день бала будут находиться в особняке Усуриных. Но найти тайник сложно. Если только сам хозяин особняка не выдаст его местонахождение. Или же тайник найдет профессионал своего дела...

– Ты хочешь, чтобы я нашел тайник и выкрал документы?

– Только тебе под силу это сделать.

– Не льсти. Я не падох на лесть.

– Я тебе не льщу.

Алексей устало потер лоб:

– Я не спал всю ночь. Карты, женщины, вино... Отложим разговор на потом...

– Дай сейчас ответ, Глебов. Времени на потом не осталось. Алексей со стоном обреченного прикрыл глаза ладонью. Малышев настаивает. Он форсирует события. Вопрос, почему? Его объяснения вполне логичны, но Алексея грызли сомнения.

– Когда бал-маскарад?

– Через два дня. И я пойду с тобой.

Глебов взглянул на Малышева, его бровь изогнулась вверх, он усмехнулся:

– Неужели? Однако я еще не согласился.

– Нет, Глебов, ты согласился.

Алексей вздохнул:

– Что ж, поживем – увидим...

* * *

Когда Малышев ушел, Глебов взял чистый листок бумаги, написал записку и вызвал Арину.

Когда она явилась, Алексей передал ей письмо.

– Как только я уйду, срочно отправь посыльного по адресу. Письмо должно быть передано срочно. Срочно, поняла?

Арина закивала:

– Я поняла.

– Ступай. И приготовь мне кофе. И закуски. Да побыст-

рее, я спешу.

* * *

Алексей стоял напротив дома Витте и ждал. Витте появился по полудню, как только карета остановилась, он прытко выскочил из нее и быстро вошел в дом.

Немного выждав, Глебов вошел следом. Как только слуга открыл ему дверь, он бесцеремонно прошел внутрь и на ходу сказал:

– Не надо меня провожать, я знаю, где господин Витте.

– Господин Глебов, нельзя без доклада... – попытался остановить его слуга, но тщетно.

Алексей открыл двери кабинета. Витте рылся в тайнике, тщетно что-то ища.

– Что-то потеряли, господин Витте?

Витте резко обернулся:

– Вы!

Глебов усмехнулся:

– Вы удивлены моим приходом? – Он без приглашения опустился в кресло. – Вижу, вы получили мою записку.

Витте побагровел:

– Вы украли мою переписку!

Алексей поморщился:

– Я всего лишь взял то, что наивно передал вам в Портсмуте. Вы не оправдали мое доверие, господин Витте.

– Верните мне письма! Вы...

– Будьте осторожны в выражениях, господин Витте! – холодно заметил Глебов.

– Что вам надо? Денег? Говорите!

– Правду. Истинную правду. И не пытайтесь лукавить со мной, господин Витте, если я заподозрю вас во лжи, документы вы не получите. Вам понятно?

– Что же вы хотите знать?

Алексей вынул из внутреннего кармана фотокарточки. – Узнаете? Вы их заказали. И, как ни странно, на каждой я.

Витте побледнел. Опустился в кресло.

– Как вы хотели поступить с фотокарточками, господин Витте?

– Это... была страховка. На тот случай, если бы вы вышли из-под контроля, – нехотя признался Витте.

– Вы не договариваете.

Витте кинул взгляд на Алексея, отвернулся.

– Если бы вас раскрыли в Портсмуте, президент Рузвельт не должен был связать вас со мной.

– Он бы получил эти фотографии?

– Да... Некоторые из них. – Витте нервно дернул плечом. – Он должен был подумать, что вы работаете на японцев, и что они хотят перехватить инициативу в свои руки. Тогда бы он перестал бы их поддерживать, и чинить мне препятствия в переговорах... – Лицо Витте покрылось красными пятнами от нервного напряжения. – Но я был уверен, что этого не произойдет. Я всячески старался предотвратить ваш

провал! Мой человек следил за вами и защищал вас! Защищал по моему приказу! Как в Шербурге, так и в Остер-Бее!

– Да. А в случае провала должен был меня убрать.

Витте резко побледнел:

– С чего вы взяли...

– Пытаетесь мне солгать?

Витте промолчал.

– Я жду от вас правды, господин Витте.

Витте посмотрел на Алексея. Затем выпрямился, расправил плечи. Его взгляд изменился: стал таким, какой бывает только у тех, кого приперли к стенке и дальше незачем изворачиваться и лгать.

– Правду? Вы говорите, сказать правду? Зачем? – Губы Витте искривились наподобие усмешки. – Сказать ложь или сказать правду – это решительно все равно, лишь бы дело было сделано. Лишь бы император согласился на водочную монополию. Лишь бы Клемансо разрешил заем. Лишь бы Кокура уехал из Портсмута с разбитыми горшками. – Он невесело усмехнулся. – Лишь бы одурачить еврейских и христианских толстосумов-банкиров... Это ничего, что вскоре кто-то из них поймет, что их провели: дело будет сделано. А вы говорите, правду.

– А вы – мастер лжи.

– Все, что я делаю, я делаю на благо Отчизны.

Алексей улыбнулся:

– Мне ли не знать, что здесь присутствуют большая выгода

и огромное тщеславие, господин Витте? Я не осуждаю вас за ложь. Дело в другом: люди не имеют ни малейшей ценности для вас. Хорош тот, кто помогает графу Витте; худ тот, кто мешает или вредит; безразличен тот, кто не нужен.

– А меня разве ценят? Когда нужно чистить канавы, так посылают Витте, а когда предстоит работа почище или полегче, то всегда находятся другие охотники!

– Поэтому-то вы избавляетесь от своих врагов?

– Что вы имеете в виду?!

– Хотя бы смерть министра внутренних дел Плеве.

– К его смерти я не причастен!

– Опять лжете?

– Господин Глебов, да будет вам известно, что смерти Плеве желали многие.

– И вы в том числе. Это был масонский заговор? Вы ведь один из них.

– Это слухи! Грязная клевета грязной прессы. Черносо-тенной прессы, такой как «Русское Знамя» и «Московские Ведомости», дан наказ ежедневно уверять, что я изменник, масон, подкуплен жидами и прочая ахиня! И вы в это по-верили? Нонсенс!

– Однако вы знали о готовившемся покушении на Плеве.

– Хотите сделать меня причастным к его смерти? Зачем вам? Для чего вам знать?

– Не хотите сознаваться?

– Я не масон и в заговорах не участвовал, господин Гле-

бов. Предпочитаю ждать, когда такие, как Плеве, сами выроят себе могилу. Довольны? Всё. Я устал. Где моя переписка?

– Ответьте еще на один вопрос.

– Какой?

– Кто следил за мной?

– Разве вы еще не догадались?

– Я хочу услышать из ваших уст.

Витте залпом выпил. Затем произнес:

– Конечно же – господин Малышев.

– Слуга многих господ.

– Что?

– Нет, ничего. – Алексей поднялся.

– Господин Глебов, верните документы!

– Они в верхней полке вашего стола. – Алексей направился к выходу, а Витте бросился к столу. С трудом вставил ключ в замочную скважину, открыл полку, выворотил бумаги, достал связку писем.

Остановившись на пороге, Алексей наблюдал за ним.

– На будущее, господин Витте, – сказал он, когда Витте с облегчением пересчитал письма. – Не наживайте врага в моем лице. Более наши пути не пересекутся. Однако, ежели вы захотите как-то или чем-то мне навредить, я доберусь до вас. Нет такой двери, которая стала бы для меня преградой.

– Я буду рад больше с вами не встречаться.

– Прощайте. – Алексей с усмешкой закрыл за собой дверь.

* * *

Вечером, вернувшись домой, Алексей поужинал с Пашкой, некоторое время провел с ним, затем, когда Арина увела мальчика в спальню, чтобы уложить спать, он прошел в кабинет. Сел в излюбленное в последнее время кожаное кресло подле стола, закурил папироску.

Нужно было хорошенько все обдумать. Конечно же, Витте не все ему рассказал. Но у Алексея не осталось сомнений, Витте не причастен к заговору. Что-то здесь другое...

В дверь постучали, Глебов произнес «Войдите», и на пороге возникла Арина.

– К вам гость, – сообщила она.

– Кто?

– Он не представился. Он был здесь несколько дней назад, но вас так и не дождался.

Алексей нахмурился. Арина молча ждала его распоряжений. Он затушил папироску и распорядился:

– Зови.

Когда прислуга вышла, Глебов вынул из полки стола револьвер и положил на колено. Мало ли кто мог прийти.

Дверь открылась, и Арина впустила посетителя. На пороге возник Николай Шмит.

Алексей напряженно сжал рукоятку револьвера. Его глаза вспыхнули недобрым огнем.

– Что вам угодно в моем доме?

– Я пришел поговорить о Елизавете Николаевне, – после-

довал ответ. Судя по тону Шмита, визит к Глебову тоже не доставлял ему удовольствия.

Алексей взглянул на револьвер, нехотя разжал напряженные пальцы.

– Я дал жене, – он недобро усмехнулся, – развод. И хочу, чтобы меня оставили в покое.

– Я пришел к вам, потому что лучше девушки, чем Лиза не встречал. Она дорога мне. Она мне не безразлична.

– Вы хотите, чтобы я вас пристрелил?! – Алексей в запале навел дуло револьвера на Шмита. Николай побледнел, но не выказал страха.

Глаза Алексея зло сузились, но затем он горько рассмеялся, резко убрал револьвер, затем швырнул его в полку стола. – Убирайтесь!

Взяв папиросу, он чиркнул спичкой, желая подкурить, но спичка сломалась. Алексей чертыхнулся, повторил попытку.

– Я уйду, – произнес Шмит. – Считаю должным лишь сказать, Лиза несчастна. А я больше не могу видеть ее несчастной. Она вам не изменяла. И ребенок у нее будет от вас.

Алексей отшвырнул так и не раскуренную папиросу и разъяренно уставился на Шмита:

– Чего ты добиваешься, студентик? Чтобы я поверил твоей болтовне?

Шмидт злобно сузил глаза:

– Можешь не верить. Я буду даже рад, если ты уберешься из ее жизни! Только от этого она не станет счастливее...

– Шмит перевел дыхание. Качнул головой. Вздохнул. – Вы думали о том, что заставило ее подать на развод?

Глебов с грозным видом поднялся из-за стола:

– Ты испытываешь мое терпение, парень!

Шмит зло рассмеялся:

– Как я вас ненавижу, вы бы знали! – Он с отчаянием обреченного человека опустился на край дивана. – Я приехал в Петербург открыть вам глаза на правду, хотя не считаю вас достойным Лизы!

Глебов чертыхнулся, отвернулся от гостя и вновь взялся за папиросы. Шмит молчал, Алексей нервничал от непонятного ему разговора, не зная, что ожидать. Он закурил, глубоко затянулся, повернулся к Шмиту. Он ждал, но Шмит молчал.

– Что... что же заставило ее подать на развод? – наконец спросил он сам. Шмит исподлобья посмотрел на него. Глаза его были грустными и потухшими.

– В то кровавое воскресенье, 9 января, Лиза пострадала, ее ударил какой-то солдафон прикладом. По животу. И она потеряла ребенка.

– Что ты несешь? Какого ребенка? – рассердился Глебов.

– А вы и не знали, не так ли? Лиза и сама не догадывалась о беременности, пока не пострадала.

Алексей был обескуражен. Он опустился в кресло. «Она мне ничего не рассказала! Почему?»

Тем временем Шмит продолжил:

– Доктор сказал ей, что она не сможет иметь детей. А Лиза, зная, что вы хотите полноценную семью, решила дать вам свободу.

– Дать мне свободу?!

– Да, свободу. Позорный для женщины развод.

Алексей растерянно провел рукой по волосам. Да он бы никогда с ней не развелся! Он бы не оставил ее!

Его вдруг осенило. Он взглянул на Шмита:

– Но, Лиз беременна!

Шмит вздохнул:

– Доктор ошибся. Или Лиза его не правильно поняла. – Шмит поднялся. – Я хочу, чтобы Лиза была счастлива. И чтобы она была в безопасности. Так что, поторопитесь, если хотите ее вернуть. Как бы не было поздно.

Папироска, догоревшая в руках, больно обожгла пальцы. Алексей отшвырнул окурок.

– Что... хочешь сделать ей предложение? – раздражённо спросил он.

– Уже сделал. Она отказала. Дело в другом. Вы должны ее увезти. Как можно быстрее и как можно дальше.

Шмит ушел, а Алексей не знал, что и думать: слишком уж много мыслей роилось в его голове.

* * *

С утра Алексей решил навеститься к поверенному. Тот встретил его, как долгожданного гостя, но не знал, с чего на-

чать.

– Понимаете, Алексей Петрович, так сложились обстоятельства, уж не знаю как вам сказать... – начал издалека Рерих.

– Прекратите юлить, Яков Вольфович, говорите прямо, – прервал его Глебов.

– Да. Хорошо. Дело в том, что я не смог выполнить ваше поручение.

– Какое поручение?

– О разводе. Ваша супруга опротестовала ваше решение. Развод не состоялся. Вот так.

Алексей молчал. Затем качнул головой, хмыкнул, осторожно уточнил:

– Вы хотите сказать... я все еще женат на Лизе?

– Совершенно верно. Святейший Синод не дал разрешение на развод.

Алексей молчал. В его глазах загорелись огоньки, а на губах расцвела улыбка:

– Лучшей новости я не мог надеяться услышать!

Он поднялся. Удивленный поверенный тоже встал. Алексей протянул ему руку:

– Спасибо.

– Не за что, господин Глебов, – Рерих пожал протянутую руку. – Я тут не причем. Но я рад, что так сложилось.

– Вы себе представить не можете, как я рад!

* * *

Покидая контуру поверенного, Алексей был уверен, что тянуть с поездкой в Москву не стоит: нужно вернуться домой, собрать вещи, взять Пашку и...

Перед ним остановилась карета, дверца открылась, и незнакомец обратился к Алексею:

– Господин Глебов? Меня прислал за вами господин Малышев. Вот, прочтите.

Алексей взял протянутое посыльным письмо, вскрыл, пробежался глазами по тексту. Малышев просил его приехать, не откладывая встречу на потом. Глебов сел в карету...

...Заслышав шаги, Малышев поспешно убрал письмо в карман сюртука. Вежливо улыбнулся вошедшему Алексею, пожал руку. Предложил присесть.

– Чай, кофе? – поинтересовался он. Глебов ответил, что не против выпить чашечку горячего кофе.

Малышев позвонил в звонок, чтобы вызвать прислугу.

– Трудный день. Время близится к полудню, а я уже вымотан, – произнес он, скидывая сюртук. Затем повесил его на стул, развязал галстук. Сел на диван и откинулся на мягкую спинку.

– Где супруга с дочерью? – поинтересовался Алексей.

– Отправил к родственникам.

Глебов понимающе кивнул.

Подождали, однако, прислуга не явилась. Малышев смущенно улыбнулся, позвонил повторно, но с тем же результа-

ТОМ.

– Извини, я сейчас. – Он быстро встал и вышел.

Глебов немного обождал, прежде чем осмотреть карманы сюртука Малышева. Так и есть, во внутреннем кармане он обнаружил конверт, так поспешно спрятанный им. Конверт был без подписи, печать разломана, однако при желании можно было разобрать ее рисунок. Алексей нахмурился. Обернулся, чтобы убедиться, что Малышев не возвращается, затем вынул письмо. Текст содержал набор философских вопросов: «Какое ваше мнение о господствующей в государстве религии? Как понимать принцип вечного добра и зла? Какова истинная мораль природы? Какое отношение имеют к человеку бесплотные духи?» и другое.

Алексей посмотрел письмо на просвет, затем положил обратно и вернулся на прежнее место.

– Так о чем ты хотел со мной поговорить? – спросил он вернувшегося Малышева.

– О завтрашнем дне. – Малышев сел напротив Алексея. Вошла прислуга с подносом. Налила им кофе. Вышла.

– Ты переоцениваешь мои возможности. – Алексей сделал глоток горького напитка. – Вор и аферист – разные понятия.

Малышев одним махом осушил чашку, поставил ее на стол.

– Я видел тебя в деле. И мне нужна твоя помощь. А тебе – моя.

– Я бы предпочел уехать. Одолеть масонскую организа-

цию – невозможно. Снимешь одну голову, вырастут другие.

– Так ты отказываешься?

– Да.

– Понятно. – Малышев молчал, уставившись на пол. Провел по волосам рукой. – Тогда...

Взрыв за окном заставил оконные стекла задрожать. Малышев и Глебов вмиг оказались у окна. Карета, на которой приехал Алексей, раскуроченная взрывом, горела изнутри. Лошади же сорвались и мчались по дороге. Алексей и Малышев бросились во двор.

Кучер причитал у кареты, затем бросился за лошадьми. Помощник Малышева, что привез Алексея, сидел на ступеньках и держался за окровавленную голову.

– Ты в порядке? – Малышев тронул его за плечо. – Что случилось?

– Кто-то подложил бомбу...

– Ты же говорил, что проводил досмотр!

– Даниил Александрович, ничего не было... Клянусь...

Недавно подложили...

Алексей прошел к карете. Взрыв небольшой, но пассажиров бы изувечил. Заряд заложили неумело, раз он несвоевременно сработал...

Малышев, передав раненого на попечение домашней челяди²³⁴, подошел к Алексею.

– Что думаешь? – спросил он.

---

²³⁴ Слуги.

– Напрашивается только один вывод – покушение.

– Теперь ты осознаешь всю опасность? Кто-то знал, что я хотел предложить тебе поездку в дом Усуриных. Как результат – подложили бомбу.

Прислуга занялась тушением кареты, а господа отошли в сторону.

– Все еще считаешь нужным поехать к дому Усуриных? – поинтересовался Глебов.

– Попытка не пытка.

– Что ж, поехали...

_ 53

* * *

Алексей и Малышев некоторое время вели наблюдение за домом Усуриных.

– Тщательно охраняют, – наблюдая за выставленной охраной, сказал Малышев. – Сегодня в дом не проникнуть.

– Нас будут ждать и завтра, – произнес Алексей, прислонившись плечом к стволу дерева.

– Однако завтра здесь будет уйма приглашенных – ряженных для маскарада. Мы затеряемся в толпе. Маскарадные костюмы я приготовил.

– Тогда нам нужно создать видимость, что сегодня вечером мы покинули город. Это немного успокоит их бдительность. Встретимся в ресторане Палкина через два часа.

– Хорошо. Поехали. Я подброшу тебя до дома. ...

* * *

Оказавшись дома, Алексей прошел в кабинет, быстро настрочил письмо, вызвал к себе прислугу, вручил ей конверт.

– Арина, слушай меня очень внимательно. Сегодня ты пойдешь, как обычно, гулять с Павлом, однако сюда вы не вернетесь. Понятно?

– Нет... Не особо..., – Арина растерялась. – У вас опять что-то стряслось?

Глебов кивнул:

– Послушай. Ты отведешь Павлика к господину Пешкову. Вот, отдашь господину Пешкову это письмо, и сама останешься рядом с мальчиком. Сюда не приходи. Я сам за вами приеду. Однако если я не явлюсь через два дня, отвезешь Павла Елизавете Николаевне. Господин Пешков тебе поможет. И вот, еще, – он достал толстую пачку денег, – Держи, на расходы.

Арина нерешительно приняла деньги.

– Вы приедете за нами. Я буду молиться.

* * *

Через час Алексей встретился с Малышевым в ресторане Палкина. Через полчаса они были на вокзале и сели в поезд.

– Надеюсь, план сработает, – заметил Малышев, взглянув на Глебова, внимательно из окна осматривающего перрон.

– Надеюсь, – произнес Алексей рассеяно. Когда поезд тронулся, он взглянул на Малышева. – Твои люди охраняют нас?

– Да. Нас охраняют. Предполагаешь, что совершат очередное покушение?

– Нельзя недооценивать противника, – ответил Глебов.

Малышев кивнул.

– Согласен, надо быть на чеку... А где твой воспитанник? Я мог бы оставить человека для его защиты.

– Не стоит. О нем позаботятся.

Малышев искоса посмотрел на Алексея:

– Трудно оставаться спокойным, когда есть близкие тебе люди. Ведь рискуешь не только своей жизнью.

Алексей перевел взгляд на него:

– Ты сейчас о моей или о своей семье говоришь?

Малышев отвернулся:

– Отчасти и о своей.

– Для тебя работа на первом месте, – заметил Глебов, вновь поглядывая в окно.

Малышев промолчал.

В купе постучали, затем в него заглянул помощник Малышева. Кивнул.

Малышев повернулся к Глебову:

– Пора.

Они слажено собрались и вышли из купе, быстро прошли по коридору, перешли в следующий вагон. Вошли в купе, поезд подходил к станции, замедляя ход, раздался гудок, затем

поезд вовсе остановился. На соседней ветке стоял встречный поезд. Помощник Малышева выглянул в окно, быстро осмотрелся по сторонам, повернулся к Малышеву, кивнул, проворно открыл дверцу. Малышев и Глебов быстро сошли на перрон, и пересели в соседний поезд. Раздался гудок, их поезд тронулся и стал набирать ход...

* * *

В доме Усуриных играла музыка, ряженных в маскарадные костюмы гостей становилось все больше.

– Уверен, что Венерабль прибыл, – сообщил Малышев Алексею.

– Часть гостей исчезла из зала, – заметил Глебов.

– Скоро начнется тайное собрание.

– Дом большой, но где же они могут проводить ритуалы?

– Думаю, под домом есть подземелье. Однако нам нужно найти тайный проход в комнату, где временно хранят книгу Венерабля. Нам нужна только она.

– Пойдем. – Алексей направился наверх по лестнице. Малышев последовал за ним.

В библиотеке, куда они пришли, было тихо, лишь доносились приглушенные звуки музыки из другого конца дома.

Малышев прикрыл дверь:

– Что теперь?

– Смотри, – Алексей указал ему на надпись на полке.

– «Est modus in rebus», – прочел Малышев, – Изречение

Горация. «Всему есть предел».

– Или «Все имеет меру», – перевел по-своему Алексей. Он принялся осматривать корочки книг.

– Что ты ищешь?

– Книги... Думаю, что на них должны быть символы, – он ткнул пальцем на символы, что были изображены на перекладине. Поиск занял некоторое время. Наконец, Глебов и Малышев обнаружили два увесистых томика, на корочках, которых на одной было изображено солнце, на другой – луна.

Поиск третьей книги не дал результата. Алексей остановился и, уставившись на полки во всю стену, задумчиво взлохматил волосы.

– Где же она?

– Это не книга, – заметил Малышев, подходя к столу и беря пресс-папье.

На тяжелом предмете было изображено всевидящее око. – И что дальше?

– Дальше... – Алексей осмотрел полку с перекладиной, убрал с нее все предметы и положил на нее найденные книги и пресс-папье. Переставил, согласно изображенному на перекладине рисунку. Раздался глухой щелчок. Перекладина просела, но видимых изменений не произошло.

Малышев и Глебов обошли библиотеку, осматривая стены.

– Нашел, – сообщил Алексей, берясь за один из книжных шкафов. Шкаф легко поддался и открылся как дверца. За

ним находился узкий проход.

Малышев подхватил лампу, и они двинулись по коридору.

Где-то вдалеке слышались голоса. Алексей и Малышев замедлили шаги. Звуки голосов и ритуальных гимнов становились все громче. Приблизившись к стене с маленькими оконцами, Алексей выглянул наружу. Внизу, на два этажа ниже, был полуокруглый зал, в котором находилось человек пятьдесят в черных длинных балахонах с капюшонами. Судя по всему, на лицах их были одеты белые и черные маски. Часть храма, противоположная входу в него, была несколько возвышена, на ней находился на высоте еще трех ступеней трон Председателя и стол. На стене за троном висел «Священный треугольник», освещенный изнутри, правее от него – гобелен, изображающий «солнце», левее – «луну». Под ними полукругом были расположены скамьи для присутствующих. С правой и с левой стороны стояло по столу и креслу, а перед столом Председателя стоял треугольный стол – «Жертвенник».

В нижней части храма почти по всей длину тянулись скамьи, сзади них по стене были расположены колонны. У дверей храма сидели слева и справа у колонн «Наблюдающие», а перед дверью, спиной к ней, «Привратник» и его помощники.

Председатель ударил молотком по столу. За ним удары повторили масоны в балахонах с серебристой обшивкой, сидящие левее и правее от стола Председателя. Водворилась пол-

ная тишина. Привратник затворил двери.

– Удостоверьтесь, братья, закрыты ли двери и все ли собравшиеся – масоны.

В это время двое Наблюдающих прошли по рядам масонов, проверяя, нет ли среди них посторонних.

После удара молотка Наблюдающие скомандовали:

– К порядку, братья! Лицом на восток!

Присутствующие, встав, повернулись впол оборота лицом к Председателю и показали «жест порядка». Председатель видел всех, но каждый присутствующий не видел жеста своего соседа и поэтому, «не-масон» непременно был бы им замечен, потому что не сумел бы сделать правильно жеста. После проверки Председатель начал непонятный и мудреный ритуал:

– Ко мне, мои братья, по знаку!

Присутствующие показали знак.

– По ударам!

Присутствующие ударили в ладоши.

– По восклицанию!

– Гузе! Гузе! Гузе!

Звуки разлетелись эхом по помещению.

Когда наступила тишина, Председатель произнес:

– Во славу Великого Архитектора Вселенной, властью, мне данной Высшим Советом, ложа Учеников Масонов «Друзей чести и славы» объявляется мною открытой. Садитесь.

Все сели на скамьи. Секретарь стал читать отчет предыдущего заседания масонов.

Малышев тронул Алексея за плечо и кивком предложил двигаться вперед.

Коридорчик привел к одной единственной комнате. Алексей достал отмычки и принялся за замок.

– Поторопись, – с нотками нетерпения сказал Малышев.

Глебов кинул на него сердитый взгляд:

– Хочешь сам попробовать?

Так как Малышев промолчал, Глебов снова принялся за работу. Наконец, замок щелкнул, Алексей открыл дверь.

Комнатка оказалась небольшой, без окон. В ней было лишь одно высокое кресло и небольшой алтарь. Алексей осмотрел его: каменный алтарь имел тайник, но открыть его было невозможно.

– Здесь специальный замок, – сообщил он. Малышев взглянул на тайник. Отверстие замка было выполнено в форме символа, и никакой иной ключ не мог его открыть.

– Черт! – сорвалось с его губ.

– Тут небезопасно. Нужно уходить, – предупредил Глебов.

– Мы не можем просто так уйти!

– Хочешь, чтобы нас здесь застукали?

– Мы должны довести дело до конца.

– Без специального ключа замок не откроешь. Забудь.

Алексей направился к выходу, но остановился, услышав

звук взведенного курка.

– Ты никуда не пойдешь, – услышал он холодный голос Малышева и обернулся. По выражению лица агента Департамента можно было с уверенностью сказать – он не шутит. – Мне нужны эти списки. И ты не уйдешь отсюда, пока не достанешь их.

Глебов сухо усмехнулся:

– И что же заставит меня это сделать? Дуло револьвера?

– Если не дуло револьвера, то твоя привязанность к мальчишке. Как опекун ты же не допустишь, чтобы с ним что-нибудь случилось?

– Что ты хочешь сказать?

– Только то, что сейчас твой мальчишка находится в руках моих людей. Ты ведь отправил его со служанкой к Пешкову, не так ли?

– У меня были подозрения на твой счет, но я и не думал, что ты такая сволочь, – сказал сквозь зубы Глебов.

– Как тебе угодно, – ответил тот безразлично. – Сядь.

Алексей сел на стул.

– Если ты достанешь мне списки – я отдам приказ вернуть тебе мальчишку. Если нет – больше не увидишь его в живых. Думай и поживей. У нас мало времени.

– Нужен ключ.

– Думай, Глебов, думай.

Алексей кинул хмурый взгляд на Малышева, затем посмотрел на замок тайника. Замысловатое продолговатое от-

верстие. Алексей приблизил лампу и заглянул в замочную скважину.

– Ключ треугольной формы: у основания широкий, с острым углом на конце. Имеются по сторонам выпуклости... С одной стороны круг с острыми ответвлениями... наподобие лучей. С другой округлая форма...

– Нарисуй, – Малышев протянул Глебову блокнот и карандаш. Алексей нарисовал набросок и вернул Малышеву.

Тот некоторое время задумчиво разглядывал рисунок, затем сказал:

– Это один из двенадцати символов-амулетов, принадлежащих постоянным членам Ложи. Амулет Председателя...

– А ты слишком много знаешь о масонской Ложе, Малышев, – с долей сарказма заметил Алексей.

Малышев смерил его надменным взглядом:

– А тебе не стоит задавать ненужных вопросов. Выполни свою работу и все.

– И что ты предлагаешь сделать?

– То, что ты умеешь делать лучше всего. Укради.

– Украсть амулет? – язвительно переспросил Алексей и рассмеялся. – Ты предлагаешь мне спуститься к тем фанатикам и украсть при всех амулет?

Но Малышев был серьезен:

– Ты пойдешь со мной. Через полчаса начнется посвящение, на котором будут присутствовать двенадцать высших масонов Ложи. Я проведу тебя в ложу, а дальше ты будешь

действовать сам.

– А ты псих.

– Не больше, чем ты. Запоминай, – Малышев стал чертить на листке рисунок, – Ложа имеет удлиненную форму. В передней части ложи, прилегающей к выходу на улицу, расположены десять комнат: комната «брата сторожа», вестибюль, костюмерная, библиотека, архив, два «кабинета размышлений», две «комнаты страхов» и «перистиль»²³⁵. Эти комнаты отделяются от храма большой комнатой – «Pas-Perdu», где собираются масоны перед тем, как войти в храм. Тебе туда ни в коем случае нельзя. Иначе, уже не сможешь выйти. С правой стороны ложи, почти во всю ее длину идет галерея. Расположение комнат в ложе таково, что снаружи нельзя видеть, что в ней происходит. Тебе это на руку.

Малышев посмотрел на хмурого Глебова. Тот молчал, но сосредоточено смотрел на чертеж.

Малышев продолжил:

– Сегодня три заседания в Ложе. Одно идет сейчас. Заседание, называемое «Семейной работой», где участвуют только члены ложи, – члены других лож не допускаются и ожидают в других комнатах под наблюдением брата Служащего. Далее будет посвящение. «Лучших» будут повышать в звании. Третье собрание – общее массовое, где будут присутствовать и ученики. Между собраниями – время отдыха.

---

²³⁵ Перистиль – открытое пространство, как правило, двор, сад или площадь, окружённое с четырёх сторон крытой колоннадой.

Двенадцать высших масонов в это время уединяются в «кабинете размышлений». Твоя задача в нужный момент на выходе из кабинета незаметно снять с Председателя амулет.

– Как же я узнаю Председателя?

– Балахоны Совета избранных имеют серебристую кайму. У Председателя же имеется нашейная регалия, на поясе ключ-амулет.

Алексей молчал, поэтому, после небольшой паузы Малышев продолжил:

– Имей в виду, что выйти тем же путем тебе не удастся. Нужно пройти по коридору дальше и незаметно для других масонов укрыться в одной из комнат. Когда все соберутся в «Pas-Perdu», ты покинешь ложу. На выходе мой человек отвлечет Привратника. Ты вернешься сюда, откроешь тайник, достанешь документы. Передашь их моему человеку.

– Зачем все эти сложности? Ты же полицейский – устрой облаву и прикрой эту шайку-лейку одним махом, – заметил с сарказмом Глебов.

Малышев усмехнулся:

– А ты так и не понял, что полиция здесь вовсе не причем?

– Так все делается в личных целях? Что тебе до списков?

– Власть. Деньги. Разве мало?

– Нравится управлять?

– Не то слово.

– А ты не думал, что будет, если они тебя раскроют?

– Не забывай, Глебов, что ты рискуешь не только своей

жизнью.

– А ведь ты подстроил все эти покушения: стрельба на кладбище, взрыв кареты?

Малышев не ответил.

– Значит, точно ты.

– Я знаю все, что касается тебя и твоей семьи, – медленно произнес Малышев. – Предлагаю сделку. Когда ты выполнишь свою часть работы, взамен я сообщу тебе весьма важные для тебя сведения. Ты не пожалеешь о сотрудничестве.

– А не хочешь сказать сейчас? Зачем тянуть. Ты отправляешь меня в логово безумцев, будто не понимаешь всю опасность.

– Именно потому, что я понимаю всю опасность, я выбрал тебя. Никто другой не сможет, а ты сможешь.

– Не скажу, что польщен твоим выбором.

– Достаточно слов, Глебов. За работу.

* * *

Попасть профану в Ложу, не будучи обнаруженным, было невозможно. В этом Алексей убедился, когда они с Малышевым, в длинных балахонах с прикрытыми капюшонами головами и в масках, прошли по узкому коридору к входу в Ложу. По научению Малышева, прежде чем войти, Глебов выполнил тайные знаки, дал условные ответы на вопросы Привратника. Привратник их впустил.

Войдя в галерею, Малышев и Глебов разошлись по сторо-

нам. Помимо них в Ложе собралось уже тридцать-сорок таких же обезличенных нарядами людей.

Кто-то из них шепотом переговаривался, кто-то в задумчивости подпирал стены или же сидел на деревянных скамейках со спинками.

Алексей пробежался взглядом по помещению, вспоминая зарисовку комнат, что сделал Малышев, затем неторопливо направился к «кабинету размышлений». Не дойдя шагов десять, остановился возле стены и стал ждать. Прозвенел звонок. Спустя минуту из «кабинета размышления» стали выходить масоны в балахонах с серебристой каймой. Алексей заметил среди них Председателя и неторопливо двинулся им навстречу, однако окружающие его масоны стали расступаться, образуя свободный проход для двенадцати избранных «собратьев».

Алексей отступил в сторону, ближе к тому краю, где был Председатель. Все с почтением, положив руку себе на грудь, приветствовали группу, не сводя с них глаз. Председатель был уже так близко. Еще два шага и он пройдем рядом на расстоянии вытянутой руки. Однако все смотрят, не сводят глаз. Еще один шаг...

Грохот с противоположной стороны заставил многих вздрогнуть от неожиданности и обернуться. В дальнем углу кто-то задел столик и уронил канделябр, стоящий на нем. Две свечи выпали и покатались по ковру.

Процессия ушла дальше и скрылась за дверями храма.

* * *

Когда двери храма закрылись, часть масонов продвинулась в «Pas-Perdu», часть расселась на скамьях или же разбелась по комнатам до общего созыва.

Малышев прошел в «приготовительную комнату» и привратник закрыл за ним дверь, оставив его одного. В этой комнате с колоннами стояли стул, стол, на столе свеча. На стенах три прозаические надписи: «Преступление не может остаться безнаказанным», «Совесть самый верный судья», «Без законного приказания месть – преступление». Все как всегда – ничего не изменилось с прошлого раза, когда он проходил посвящение в Мастера.

Малышев присел на скамью, снял маску и стал ждать, когда его вызовут на посвящение в новое звание. Однако в данный момент его интересовало совсем иное. Когда он умышленно задел столик чтобы создать шум, Глебов передвинулся к Председателю. Он должен был успеть снять амулет с его пояса...

Малышев с тревогой поднял голову, почувствовав, что в помещении он не один.

– Что ты здесь делаешь? – злобно прошептал он, увидев Глебова, стоящего возле колонны.

– Тебя жду.

– Тебя не должно быть здесь. – Малышев поднялся с грозным видом.

– Я снял амулет. Но его не достаточно. – Глебов кинул амулет Малышеву. Тот поймал, осмотрел, взглянул на Алексея.

– Чего же не хватает?

– Еще одного амулета. Еще одного из двенадцати.

– Но теперь Совет избранных в храме! Через пару минут начнется посвящение...

– И ты должен быть там.

Малышев с подозрением посмотрел на Алексея, а он продолжил:

– Раз ты будешь там, сделай все сам. Достань вторую часть ключа.

Малышев молчал. Лицо его было хмурым. Он окинул Глебова взглядом с ног до головы, затем задумчиво обхватил подбородок рукой.

– Что-то мне не нравится твой взгляд, – с усмешкой едко заметил Алексей.

– Я вспомнил еще об одном твоём таланте, Глебов. Ты развлекал мою жену и дочь тем, что подражал моему голосу.

– Э, нет, постой...

– Ты пойдешь вместо меня. И найдешь вторую часть ключа.

– Нет, ты точно спятил.

– В балахоне и в масках мы все похожи. Запоминай, что нужно делать, и что нужно говорить...

* * *

Алексей стоял перед дверьми и ждал, когда их откроют и пригласят его войти. Ему было жарко: Малышев, дабы придать ему больших размеров надел на него поверх его одежды свой сюртук. Балахон же с объемным капюшоном и маска скрывали все остальное. Раздался звук рожка. Двери перед ним открылись, и Алексей шагнул вперед, затем окинул храм взглядом.

Председатель ударил молотком по столу. За ним удары повторили масоны Совета. Водворилась полная тишина.

Все двенадцать членов Совета избранных занимали свои места. На ком же нужный амулет – часть ключа, понять было нельзя.

Алексею дали знак приблизиться. Он направился к Председателю и остановился возле его стола, где были разложены кинжал, циркуль, Библия, молоток и черный шнур.

Председатель поднялся. Сквозь прорези в его маске смотрели холодные серые глаза.

– У тебя руки в крови и ты, должно быть, и есть убийца Хирама, – произнес он, и голос его в большом помещении храма прозвучал громко и звеняще. – Подойти к трону девятью шагами: три шага ученика, три шага работника и три шага мастера.

Глебов замер. Капля пота сбежала по его виску. Дойти до трона... Как же там показывал Малышев?

Алексей сделал первый шаг, затем второй, третий... На-

конец он оказался у трона. Пульс участился. Он опустился на колени, положил руку на Библию. На него смотрели и ждали. Алексей закрыл глаза. Глубоко вдохнул, медленно выдохнул и стал произносить клятву, подражая голосу Малышева.

– Клянусь, – его голос зазвенел по помещению, – не только не выдавать секретов своего нового звания, но и исполнять поручения общества, хотя бы это стоило мне последней капли крови.

Он перевел дыхание, затем продолжил:

– Обещаю мстить за поруганную правду, за преследуемую добродетель и за измену кого-либо из братьев масонов своему ордену.

Он замолчал. В зале стояла тишина. В следующий миг масоны выхватили кинжалы...

_ 54

* * *

– Гекам – Гекар²³⁶!

Председатель приблизился к Алексею. Глебов поднялся.

– Мой брат, соверши акт мести. Наказание за измену должно быть всегда прикрито мраком ночи. Иди, исполни твою работу, пользуясь мраком, и докажи, что ты достоин того выбора, который на тебя пал.

К Глебову приблизился Наблюдающий, завязал ему глаза,

---

²³⁶ Прим. автора: Гекам – «месть», Гекар – «он получил удар»(иврит).

и провел несколько раз вокруг зала, затем вывел из храма. Когда они остановились, сопровождающий разрешил ему снять повязку. Алексей в полутьме стоял перед гротом, в котором неподвижно сидел человек. Перед ним лишь мерцала длинная свеча.

– Это убийца Хирама, и ты должен отомстить. Убей этого человека, и голову его принести в храм.

Сопровождающий передал Алексею кинжал и отступил в сторону.

Глебов повертел оружие в руках. Что же делать? Он не собирается совершать убийство. Можно попытаться сейчас, пока они в помещении одни, совершить побег. Но выход-то один – через зал храма, в комнаты, где полно масонов, ожидающих окончания посвящения. Это верная погибель. Алексей не сводил взгляда с неподвижной фигуры человека в гроте... Минуточку! «Неподвижной»?!

Алексей сделал шаг вперед, затем еще... Конечно же, перед ним искусно сделанный манекен!

Алексей ударил его кинжалом, снял голову и вынес ее в общий зал. На свету он увидел, что на его балахоне и рукавах остались красные пятна наподобие крови.

– Ты с честью исполнил свой долг, – сказал Председатель, когда Алексей приблизился к нему. У Глебова забрали «голову» и отступили в сторону.

Председатель взял с подноса пару белых перчаток и протянул Алексею:

– Руки твои остались незапятнанными, потому что совесть тебя не может упрекнуть, – ты исполнил свой долг!

Алексей принял дар. Совет образовал круг.

– Брат, теперь тебе покажут знаки, прикосновения и прочие отличительные признаки твоего нового звания, – сообщил Привратник, – но прежде я помогу тебе ответить на вопросы Совета избранных. Пойдем.

Он повел Алексея по кругу. Итак, теперь он вблизи мог разглядеть их амулеты. Однако нужно быть осторожным и внимательным...

– Что заставило вас искать посвящения в новое звание? – спросил один из Двенадцати с амулетом в виде открытой книги.

Привратник шепнул Алексею ответ.

– Желание изучить искусство наказывать изменников, мстя за смерть Хирама, – повторил Алексей.

Они подошли к следующему – с амулетом в виде двух перьев и чернильницы.

– Как вы прошли на место мести? – спросил он Алексея.

– Темной дорогой, неизвестными путями, под покровом мрака ночи, – вновь повторил за своим подсказчиком Глеб.

– Кто вас провел? – спросил третий с амулетом в виде двух ключей.

– Неизвестный.

– Что это значит? – Четвертый имел амулет в форме косы

и песочных часов.

– То, что наказание клятвопреступника или ложного брата должно исполняться тайно, так чтобы исполнители мести не знали друг друга.

– Что вы сделали с телом убитого? – задал вопрос пятый с амулетом в виде свертка и печати.

– Я отрезал ему голову, чтобы доказать Соломону, что я исполнил акт мести.

– Какой смысл этой легенды? – шестой имел амулет в форме руки с кошельком.

– Что измена не должна остаться безнаказанной месть – это акт добродетели, раз она является приказанием свыше. Совесть масона остается нетронутой. Один Великий Архитектор Вселенной нам судья...

– Символически Хирам изображает человечество, три его убийцы – тиранию, религиозный фанатизм и невежество, – заговорил масон с амулетом в форме рога изобилия.

– Смысл посвящения в Девятое звание, приучить посвящаемого к мысли, что он имеет право и даже обязан совершить убийство, когда масонство изберет его мстителем, – произнес следующий с амулетом в форме двух линеек. – Мечь – от добродетели. Убийство должно быть под прикрытием мрака, сообщник не должен быть известен, убийство должно застать изменника врасплох.

– Политическая миссия девятого звания, – заговорил очередной с амулетом в форме уровня, – изыскание способов

избирать людей, на которых возлагать исполнение воли народа и управлять ими: иначе сказать – подчинить своему влиянию политиков, депутатов и прочих лиц во власти.

– В смысле религиозном статус девятого звания говорит, что все, что бесплодно, добровольно должно быть стерто с лица земли, – заговорил масон с амулетом в форме угольника. – Все это бесполезно для размножения и не должно существовать, а так как священники, монахи и монахини бесполезны в этом отношении для человечества, то они должны навсегда исчезнуть.

Сопровождающий Алексея масон с символом в форме булавы повернулся к Председателю:

– Высокочтимый, позволь объяснить новопосвященному знаки и жесты, соответствующие его новому положению?

– Сделай, брат.

Алексей повторил условные жесты и знаки вслед за сопровождающим.

Председатель ударил семь раз молотком по подложке и провозгласил:

– Братья, месть совершена. Совет избранных может разойтись. ...

... Алексей вышел в смежную комнату, где его стали поздравлять. Затем раздался сигнал и масоны стали проходить в храм для общего заседания.

* * *

Покуда все присутствующие устремились к входу в храм, Алексей потихоньку отступил в сторону. У него мало времени: скоро Совет заметит отсутствие амулетов и тогда...

Со стороны входа в храм раздался шум.

– Держите его, держите вора! – раздались громогласные возгласы.

Толпа растерянно загудела. Некоторые стали оборачиваться назад.

Совет пробирался к выходу из храма. Алексей был уже подле двери, однако дверь была заперта.

Ловушка. Толпа надвигалась. Он выхватил револьвер, скомандовал:

– Стоять!

Толпа оторопела. Никому не хотелось умирать.

В этот момент за дверью раздался шум, она распахнулась, и в помещение ворвался Малышев.

– Братья, среди нас чужак! – прокричал он на ходу. Глебов рванул его к себе, наставил дуло револьвера:

– Стоять, иначе получишь пулю в лоб!

Малышев поднял руки. Толпа растерянно смотрела на них. Что бандит, что его заложник имели почти одинаковые голоса.

Алексей, прикрываясь Малышевым, отступил к выходу, захлопнул дверь и повернул ключ.

Малышев перехватил у него револьвер, и они бросились бегом по коридору к выходу из Ложи. Дверь за спиной уже

пытались выломать, благо сделана она была добротно.

На выходе их ждали. Помощники Малышева вырубали привратников. Как только Малышев и Глебов выскочили за порог, они закрыли двери и заперли засов.

– Ждите у кареты, – скомандовал Малышев, затем махнул Глебову рукой, – пошли.

Они прошли в дом. Бал был в разгаре. Гости в маскарад-ных нарядах заполнили бальный зал, разгуливали по коридору. Появление мужчин в плащах не вызвало у них никакого подозрения – сегодня таких в маскарад-ных одеждах было много.

Алексей и Малышев поднялись в библиотеку, открыв тай-ный проход, бегом промчались по нему. Оказавшись в тай-ной комнате, Алексей скинул капюшон и маску, выложил на стол украденные амулеты. Стал подбирать к амулету Предсе-дателя подходящий. Наконец соединил его с одним из аму-летов – получился ключ. Вставил в отверстие тайника, нада-вил сверху. Раздался щелчок. Алексей повернул его налево, вновь щелчок, затем направо. Тайник открылся.

Малышев выхватил книгу с записями из тайника, открыл, быстро пролистал.

– Уходим! – поторопил его Алексей. Малышев захлопнул книгу, в мгновение навел дуло револьвера на Алексея:

– Нет!

– Нет? – Кровь в жилах похолодела от намерений Малы-шева.

– В мои планы не входит отпускать тебя, Глебов. Прости. Малышев нажал на курок...

Раздался щелчок. Осечка! Алексей сбил его с ног. Завязалась драка. Глебов оглушил его мощным ударом, Малышев неловко развернулся и, рухнув, ударился головой о стол.

Он лежал неподвижно. Прерывисто дыша, Алексей поднял револьвер и книгу. Стер с рассеченной губы кровь.

Отступил в сторону. Открыл книгу. Полистал.

Списки Венерабля содержали информацию о масонских ложах: указывались их названия, год основания, местопребывания и состав. В списках были члены царствовавшей фамилии, придворные чины, высшие государственные чины, почетные должностные лица, военные и гражданские чины, дипломатические чиновники, служащие по учебной, судебной, полицейской части, помещики, дворяне, предводители дворянства, священнослужители, профессора, ученые, врачи, писатели и лица других профессий и занятий.

Алексей захлопнул книгу. Да, опасная информация. Если хочется жить, то лучше ее не знать. Он кинул книгу на пол – она с глухим звуком бухнулась рядом с лежащим без сознания Малышевым, затем надел маску и капюшон и бросился по коридору прочь.

* * *

Покинув дом, Алексей осмотрелся по сторонам. Скорее всего, карета Малышева находится за садом у калитки, что

они обнаружили при прошлом визите. Глебов быстро зашагал в сторону сада. Прибавил шаг, двигаясь в темноте по скользкой запыленной снежком каменной дорожке, что вела к калитке.

Позади раздался лай собак, шум. Алексей обернулся: две собаки мчались вслед за ним. Алексей бросился бежать. Одна из собак, нагнав его, сделала рывок вперед. Глебов резко присел, и практически перехватив собаку на лету, переброшил через себя. Собака взвизгнула, раскатилась на скользкой каменной тропинке. Алексей выхватил револьвер, нацелился во вторую быстро приближающуюся псину. Однако, револьвер и на этот раз дал осечку. Еще рывок, и собака вцепится ему в горло...

Алексей приготовился к бою, но тут раздался глухой выстрел, затем второй. Обе собаки рухнули на землю.

Алексей обернулся. Возле калитки стоял помощник Малышева, в руках которого был револьвер с глушителем.

– Скорее!

Глебов вскочил на ноги, на ходу стряхнул снег, быстро забрался в услужливо открытую для него карету.

– К мальчишке! – скомандовал на ходу он голосом Малышева. Помощник Малышева забрался следом. Дверца захлопнулась, и карета помчалась по дороге.

* * *

Председатель и еще несколько масонов быстро двигались

по тайному коридору к комнате с тайником. Дверь была заперта.

– Ломайте! – скомандовал Председатель. Его помощники принялись исполнять. Прошло больше четверти часа, прежде чем дверь была открыта.

Масоны ворвались в помещение. На полу без сознания лежал Малышев, рядом с ним – книга. Председатель быстро поднял книгу, осмотрел, затем взглянул на Малышева.

– Что с ним?

– Он ранен, – сообщил один из масонов, – Истекает кровью.

Председатель подошел ближе.

На правом плече Малышева расплывалось пятно крови от огнестрельного ранения.

Малышева попытались привести в чувство, приподняли. Он застонал, открыл глаза.

– Где... Где они? – выговорил Малышев с трудом.

– Вор сбежал, – сказал Председатель, с прищуром наблюдая за ним.

Малышев вновь застонал:

– Я пытался задержать его, но он был не один...

– Что им было надо? Как он смог занять твое место в Ложе?

Малышев прикрыл глаза, поморщился от боли. Лицо его было бледным.

– Он истекает кровью, Высокочтимый. Нужен доктор, –

смиренно напомнил один из масонов.

– Он умрет, если не расскажет, – заявил Председатель. – Говори!

Малышев открыл глаза. Они лихорадочно блестели.

– Когда... когда я ожидал ритуала посвящения в Предварительной комнате, на меня напали... Позже один из братьев меня обнаружил и освободил... Он подтвердит... Я хотел предупредить вас, однако самозванец оказался ловок, взял меня в заложники. У входа его сообщник обезоружил Привратников...

Малышев закрыл глаза.

– Как они оказались здесь?

Малышев не ответил.

– Как они оказались здесь? – Председатель потрянул его за плечо.

Малышев дернулся от боли, пришел в себя.

– Они думали, что в тайнике хранятся сокровища нашего Ложа... Когда они поняли, что ошиблись, то переругались... Я попытался захватить оружие..., чтобы задержать их... Они меня подстрелили...

Малышев вновь закрыл глаза.

Председатель молчал.

– Высокочтимый, – еще раз попытался напомнить о докторе один из масонов.

Председатель не сдвинулся с места, не произнес ни слова. В помещении наступила гнетущая тишина.

Стоящий позади всех неприметный человек в темном одеянии выступил вперед. Жестом он приказал всем выйти.

Остановившись рядом с Председателем, он взглянул на лежащего на полу Малышева.

– Ты ведь знаешь – он нам нужен, – едва слышно произнес он.

– Я ему не верю. Мы найдем другого, – ответил непреклонно Председатель.

– У нас нет времени искать другого. Он имеет влияние на Витте, на Рачковского, на эсеров, и на многих других. Мне ли тебе объяснять. В свете происходящих событий он нам нужен, как никто другой... Наша книга здесь, она цела. Никого не заинтересовала. Мы должны рискнуть.

– Хорошо, – нехотя согласился Председатель, – как знаешь, но ты ставишь нас под угрозу...

– Не забывайся! – предостерег его таинственный незнакомец.

Председатель судорожно вздохнул, но благоразумно сбавил тон:

– Как пожелаешь, Великий.

– Он будет находиться под моим надзором. И если окажется, что он лгал, он заплатит как предатель.

Таинственный незнакомец развернулся и вышел. В комнату вернулись несколько масонов.

– Отвезите его к доктору, – отдал распоряжение Председатель, и вышел следом за «незнакомцем».

* * *

Помощник Малышева расположился напротив Алексея. Поначалу в темноте он не уловил различий, однако вскоре понял свою ошибку.

– Сиди спокойно, – предупредил его Глебов, – иначе я пристрелю тебя.

Помощник Малышева предусмотрительно вернулся на прежнее место.

– И где же господин Малышев? Вы убили его?

Алексей промолчал.

– Вы понимаете, что вам не уйти от наказания? Вы убили полицейского.

– И вы разделите его участь, если попытаетесь помешать мне. Отдайте мне мальчика, и я обещаю, я сохраню вам жизнь.

Карета подскочила на колдобине, хорошенько потряхнув пассажиров. Агент кинулся к Алексею, однако тот оказался проворней – увернулся в сторону и ударил его рукояткой револьвера в висок. Помощник Малышева обмяк, потеряв сознание.

Алексей прислушался. Возничий не обратил внимания на шум и продолжал управлять каретой.

Глебов усадил помощника Малышева на прежнее место, обыскал. Забрав оружие, прикрыл шляпой его голову. Затем вернулся на свое прежнее место.

Через несколько кварталов карета остановилась напротив небольшого дома.

Глебов стукнул в стену возничему. Тот приоткрыл оконце.

– Приведите мальчишку, – отдал приказ Алексей голосом Малышева. – Поторопитесь.

Возничий соскользнул с козлов на землю, зашагал в сторону дома.

Алексей наблюдал за всеми его действиями. Дверь дома открылась. На пороге возник мужчина, возничий передал ему приказ, тот молча выслушал, закрыл дверь. Возничий остался ждать возле входа.

Алексей кинул взгляд на помощника Малышева. Тот все еще был без сознания. Алексей проверил барабан револьвера, который у него изъял, щелкнул затвором.

Дверь дома вновь открылась, и мужчина вывел Пашку на порог. Возничий взял мальчика за плечо и повел в сторону кареты.

– Павел! Паша! – раздался девичий оклик из дома, и на крыльцо выскочила хрупкая белокурая девчонка. Дочь Малышева – Елена. Алексей был удивлен.

Мальчик остановился, девочка подскочила к нему, что-то произнесла, передала ему игрушку. Он смутился, она быстро чмокнула его в щеку и скрылась в доме.

Возничий повел Пашку к карете. Алексей приготовился... Неожиданно мальчишка поставил возничему подножку, тот

запнувшись, чуть было не рухнул на землю. Мальчик вывернулся из его рук и бросился бежать.

– Стой! Стой, паршивец! – заорал возничий и бросился за ним. Глебов выскочил из кареты и кинулся за ними.

– Пашка, стой! – прокричал он. Возничий обернулся, Алексей сбил его с ног, сгреб остановившегося мальчишку в охапку и потащил к карете.

– Нет! Арлекин! – закричал Пашка, выронивший куклу-марионетку:

Алексею пришлось вернуться, поднять игрушку. Он предусмотрительно навел дуло револьвера на возничего.

– Лежать! Лицом вниз! – скомандовал он. Благо возничий оказался трусоват и не стал лезть на рожон – выполнил все указания. Нужно было торопиться.

Глебов мигом домчался до кареты. Посадил мальчишку на козлы, забрался сам. Раздался выстрел – это на порог дома выскочил мужчина. Маленькая девочка с диким воплем повисла на его руке – не дала прицелиться и выстрелить еще раз.

– Держись! – скомандовал Глебов Пашке, и подстегнул лошадей вожжами. Карета дернулась и помчалась по улице.

Через пару кварталов Алексей и Пашка оставили карету в одном из проулков и скрылись дворами...

* * *

Комната, куда временно поселился Алексей с Пашкой, была маленькой, так что особо не развернуться, однако до-

вольно теплой за счет печи, занимавшей полностью одну из стен.

Пашка расположился на кровати и играл с Арлекином, дергая его за ниточки, Алексей же сидел на стуле подле стола и осматривал два револьвера, которые у него оказались после злоключений вчерашнего дня.

Первый револьвер, что достался ему от Малышева, был явно неисправен – он не выстрелил ни в первый раз, не во второй. С револьвером помощника Малышева все было в полном порядке.

Алексей еще раз повертел револьвер Малышева в руках, стал разбирать, чтобы выявить неполадку. Задумчиво хмурясь, он не сразу расслышал ребенка, обратившегося к нему.

– Дядя, помоги мне, – попросил Пашка, приблизившись к Алексею. Глебов оторвался от оружия и взглянул на мальчишку. Пашка держал марионетку в руках. Одна из ниток оторвалась от одной из перекладин, с помощью которых кукла управлялась.

– Нужно зацепить, – стал объяснять мальчишка Алексею, который повертел марионетку в руках.

Глебов прикрепил нить на место и передал куклу мальчишку.

Пашка расправил нити и ловко стал управлять куклой. Она шагала, поднимала руки, качала головой, подтанцовывала, раздавала поклоны.

Алексей некоторое время задумчиво наблюдал за мани-

пуляциями мальчишки.

– Славная игрушка.

– Это Арлекин.

– Да. Арлекин. Тебе его подарила та девочка?

Мальчик смутился:

– Да... Элен.

– Ясно.

Пашка занялся игрушкой, а Алексей вновь поглядел на неисправное оружие.

– *Facta sunt potentiora verbis*²³⁷, – задумчиво пробормотал он.

* * *

Бледный и обессиленный от потери крови после ранения, Малышев полулежал на диване с пышными подушками в изголовье, заботливо укутанный пледом. Домашние холили и лелеяли его, ни на минуту не оставляя в покое: его поили лекарствами, кормили из ложечки и это продолжалось бесконечно. В какой-то момент он просто заснул, и его жене и дочке не оставалось ничего иного, как заботливо подоткнуть вокруг него плед, приглушить свет и на цыпочках покинуть комнату.

Как только дверь за ними закрылась, Малышев открыл глаза, не делая резких движений, скинул с себя плед и осторожно встал. Рана давала о себе знать. Он осторожно под-

---

²³⁷ Поступки сильнее слов (лат.)

нялся и прошел в смежный с комнатой кабинет.

Расположившись за столом, он достал письменные принадлежности. Затем стал медленно писать:

«О членах масонско-оккультных кружков Санкт–Петербург в Департамент полиции. Товарищ начальника Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге Мальшиев Д. А.

30 ноября 1905 г.

По особому отделу

Совершенно секретно

По негласно собранным сведениям о лицах, упоминаемых в справке, приложенной к записке за №107017, в качестве членов масонско-оккультических кружков в С.-Петербурге, докладываю следующее:

1) Жерар Энкос (Анкос), известный под псевдонимом Папюс, как усматривается из записки Особого отдела за N 111851 и приложенного к ней совершенно секретного документа, является председателем Верховного Совета масонского ордена мартинистов, находящегося в Париже, и по делам ордена бывает в России наездами. Под именем названного общества, скрывается масонская организация, руководимая из-за границы упоминаемым в списках Венерабля неким Д. Соображения о принадлежности Русского Антропософического общества и его с.-петербургского отделения к всемирному масонству подтверждается. О составе учредителей и членов совета общества сведения собираются через

Отделение по охране общественной безопасности и порядка, но о характере названного общества сему отделению не сообщено до распоряжения Департамента полиции.

2) Лица с инициалами «Д», «П.Н.», «М.Н.» и «Н.Н.» – не выяснены.

3) Относительно вышестоящих чинов Департамента, имеющих тайное сношение с масонством, отмечаю необходимость информировать вас секретно при встрече».

Малышев устало откинулся на спинку кресла. Закрыв глаза, стараясь отдохнуть, чтобы продолжить работу. Однако в какой-то миг он напрягся, задержал дыхание, затем выдохнул. Открыл глаза и уставился в темный угол комнаты.

– Как долго ты здесь? – спросил он.

– Достаточно давно, – последовал ответ из сумрака. В углу раздалось едва уловимое движение, и Глебов направился к столу.

– Предполагалось, что ты уже далеко, – заметил Малышев. – Зря ты вернулся.

– Захотелось прояснить некоторые моменты.

– Нечего прояснять.

– Не скажи. – Алексей сел в кресло напротив.

Малышев сжал губы. Лицо его было серым: последствия ранения и напряжения последних дней.

– Нужно было тебя застрелить, – сказал он.

Глебов холодно улыбнулся:

– Ведь так и предполагалось, не так ли? – Он хмыкнул. –

Однако ты оказался сентиментален. Поначалу моего подопечного привез к своей жене и дочери. Не иначе как стал бы его опекуном после моей преждевременной кончины? Затем не смог выполнить приказ и устранить меня. Даже предпочел себя подстрелить. – Глебов вновь усмехнулся. – Благородно, ничего не скажешь.

Малышев сощурил глаза:

– Не поздно исполнить приказ.

– Валяй. – Глебов положил револьвер на край стола и подтолкнул к агенту. Тот самый револьвер, принадлежавший Малышеву. Малышев взглянул на оружие, затем на Алексея.

– Тебе так важно последнее слово оставить за собой, Глебов? Почему просто нельзя было уехать?

– И бегать всю жизнь?

– Мир большой – не грех его посмотреть.

– Как не крути, Россия – мой дом, – Алексей с сарказмом усмехнулся, – а ты хочешь, чтобы я уехал.

Раздраженный Малышев, выпрямился в кресле, и, поморщился от боли. Затем резким тоном спросил:

– От меня-то тебе что надо?

Глебов молчал. Малышев нервно закурил.

– Хочешь знать, почему я так поступил? – сказал он. – Так вот. Ты защитил мою супругу и дочь, когда в дом проникли бандиты. Невольно я стал твоим должником. Однако ты – вор и мошенник. Ты заслуживаешь наказание за свои преступления. Наказание, но не смерти. Я оставил за тобой вы-

бор: если ты остаешься, то оказываешься в тюрьме или тебя кончают где-нибудь в темном проулке. Или же ты уезжаешь и больше никогда здесь не появляешься, но остаешься свободным и живым. Выбирай.

В ответ Глебов рассмеялся – тихо, затем громче.

– Ты думаешь, я отступлю? – спросил он с насмешкой, пряча улыбку в кулак. – Малышев, неужели ты думаешь, что роль пешки по мне? Неужели ты думал, что я не захочу переиграть партию?

– Глебов, мой тебе совет, уезжай. Поезжай в Москву, заведи супругу, пока не поздно. И уезжай.

От упоминания о Лизе лицо Алексея на мгновение напряглось, но это не ускользнуло от внимательного агента Департамента, и он продолжил:

– В Москве вооруженное восстание. Туда направили Семеновский полк под командованием полковника Мина. Восстание подавят, революционеров не пожалеют. Хочешь, чтобы твоя супруга в очередной раз потеряла твоего ребенка или погибла?

Алексей сжал пальцы в кулак, но сдержался.

– Лиза взрослая девочка, без меня справится, – сказал он холодно.

Малышев усмехнулся:

– Ты меня хочешь обмануть?! А знаешь, пока мы работали с тобой, мне не раз приходилось делать так, чтобы вы не были вместе. Это бы помешало делу. Ты должен был оставать-

ся несвязанным обязательствами и привязанностями. Изъятие почты, давление на ваших поверенных, инсценировка встреч, которые вводили между вами разлад. Как думаешь, большое удовольствие было ехать за тобой в Москву и везти тебя обратно в Петербург? Я вез тебя, потому что ты был нужен мне здесь.

Алексей, опустив глаза, молчал. Малышев же ожидал его реакции на свое признание. Наконец Глебов взглянул на него. Глаза его недобро блеснули, однако болезненно-бледное лицо Малышева охладило его гневный порыв.

Глебов хмыкнул, выпрямился, расправил плечи.

– Как говорится, «*Amicus certus in re incerta cernitur*»²³⁸, – с расстановкой сказал он.

– Что ты этим хочешь сказать?

Глебов не успел ответить. Дверь комнаты приоткрылась и на пороге возникла тоненькая фигурка девочки.

– Рара?

Малышева метнул встревоженный взгляд на дочь, резко остановил ее:

– Элен!..

– Oh, bonjour, mademoiselle!²³⁹ – поприветствовал ее Глебов с доброжелательной улыбкой.

Лицо девочки просияло при виде Алексея.

---

²³⁸ Верный друг познается в беде (лат.)

²³⁹ О, здравствуйте, мадемуазель! (фр.)

– Bonjour, monsieur!²⁴⁰ – Она сделала реверанс и торопливо приблизилась к нему. – Как вы поживаете? Как поживает ваш крестник? – она кинула взгляд на отца. – Я рассказала *rara* как эти грязные громилы, которых он с нами оставил, чуть не убили его! Он в добром здравии?

Глебов нахмурился – девочка напонила об еще одной вине Малышева, однако нашел в себе силы ответить ребенку с доброй улыбкой:

– О, да, мадемуазель, он чувствует себя прекрасно. Однако скучает по вам.

Девочка зарделась.

– Иди к себе, дорогая, нам с господином нужно поговорить, – настойчиво прервал их разговор Малышев. – Иди.

Девочка послушно вышла и закрыла за собой дверь.

Алексей с холодной ухмылкой посмотрел на Малышева:

– Опасаешься меня?

Малышев сжал челюсти, так что заходили желваки.

– Мы по разные стороны, Глебов, – ответил он.

Алексей кивнул.

– По разные. И всегда будем, – согласился он. Затем встал. – Прощай...

_ 55

* * *

---

²⁴⁰ Здравствуйте, месье! (фр.)

Декабрь 1905 г. Москва

Занесенная сугробами Москва, с ее ставшими в последние дни безлюдными улицами, казалась вымершей. Вся жизнь города была парализована: стояли фабрики и заводы – рабочие объявили всеобщую забастовку и готовились к вооруженному восстанию, магазины были закрыты, по ночам не работало уличное освещение. На центральных площадях горели костры, у которых грелись солдаты, ожидая приказа, по улицам в темноте медленно проезжали дозорные кавалеристы. Городовые на перекрестках останавливали прохожих. По всему городу проверяли документы, проводили обыск, аресты.

К городу подтягивались войска. Вскоре на Страстной, Скобелевской и Триумфальной площадях, около Кремля и в районе вокзалов стали выстраиваться батареи.

Рабочие дружины совершали вылазки, нападая на городских и патрули – необходимо было добыть оружие, которого было недостаточно для начала восстания...

Вечером седьмого в Москве начались многолюдные митинги. Под одобрительные возгласы толпы звучали речи ораторов, призывающих к немедленному вооруженному выступлению. Полиция и войска применяли силу: окружив театр и сад «Аквариум», где проходил многолюдный митинг, в течение нескольких часов проводили обыски, аресты. На следующий день артиллерия обстреляла Фидлеровское училище...

Вечером 9 декабря появились первые баррикады: на площади Старых Триумфальных ворот, у «Аквариума», на Большой Садовой улице. В ночь на десятое рабочие Пресни забаррикадировали Большую Никитинскую улицу, дружинники фабрики Шмита построили баррикады на Садовой-Кудринской улице, со стороны полицейского участка на Нижне-Прудовой улице протянули проволочное ограждение.

При переходе всеобщей политической стачки в восстание на Пресне был создан штаб боевых дружин района. Главной опорой в работе штаба были рабочие фабрики Мамонтовых, фабрики Шмита, «Прохоровки», Брестских железнодорожных мастерских, Миусского трамвайного парка, типографии Кушнарева, ученики ремесленной школы Прохорова и городской школы Копейкина-Серебрякова. Штаб выработал план действий на Пресне: район был разделен на участки, были распределены дружины для их защиты, возведения баррикад, организованы вылазки.

Участок дружины фабрики Шмита находился в районе Горбатого моста. Так как дружина была вооружена и подготовлена лучше других, на нее были возложены самые ответственные задания.

...В один из таких тревожных дней Лиза вызвалась сопровождать Шмита к фабрике, ставшей местом укрытия дружины. От дома Плевако, где они с несколькими рабочими забрали провизию, двинулись одним из ближайших переулков

к Кудринской площади. Везде были полицейские и солдатские патрули, встречи с которыми нужно было избежать, поэтому пришлось спуститься по переулку вниз, перейти дол и, дождавшись, когда мимо проедет патруль, осторожно пройти с переулка к фабрике. Оказавшись у правой стороны ограды, Шмит вынул ключ и открыл небольшую малозаметную калитку. Пропустив всех вперед, он запер калитку, и их процессия по тропинке прошла к фабрике. Возле фабрики их встретили рабочие-дозорные, помогли внести мешки с провизией внутрь помещений.

На фабрике было непривычно тихо: не работали станки, не раздавались речи рабочих, не разносился запах свежеспиленной стружки, морилки и лака. В цехах было довольно холодно: из носа и рта шел пар. Лиза поежилась и прошла следом за Шмитом в дальние помещения, где было намного теплее: там дружинники отдыхали, ели, спали.

...В помещении штаба дружины состоялось очередное собрание. Николаев и Колокольчиков сообщили о боевых действиях за последние сутки. Обсудили план дальнейших действий.

– Наступает пора уличных боев, – произнес Николаев, – Нужно сделать так, чтобы на фабрике ни одна пуля нас не достала.

Шмит помолчал некоторое время, затем произнес:

– Можно использовать склады лесных материалов и нераспечатанные ящики со станками для укрепления забора

вдоль фабрики...

Лиза оставила их и направилась взглянуть на обустроенный в одном из цехов лазарет. После первых столкновений с полицией и войсками были раненые и пострадавшие, которым нужна была медицинская помощь. Лиза ничуть не сомневалась, что доктор Штерн справляется со своими обязанностями. Однако она огорчилась, застав его больным, еле волочащим ноги. У доктора была высокая температуры, его кидало то в жар, то трясло от холода, руки дрожали, но он продолжал оказывать помощь и уход своим «пациентам».

– Вам немедленно нужно лечь, – бескомпромиссно заявила Лиза.

На его лице возникла на мгновение подобие улыбки.

– Из вас вышел бы неплохой доктор, – произнес он. – Однако я...

– Из меня вышел бы прекрасный доктор. Хотя из ваших уст даже такой эпитет означает наивысшую оценку, – Лиза порылась в аптечках. – Какие и когда вы принимали лекарства?

Доктор нехотя назвал. Лиза кивнула, надломив ампулу, набрала жидкость в шприц.

– Я вколю вам жаропонижающее.

Доктор взглянул на ампулу, прежде чем подставил оголенный бок.

– Усиленное питание, покой, отдых и лежание, – сказала Лиза, однако доктор попытался подняться.

– Мои пациенты...

– Я останусь и присмотрю за ними. Доктор, если вы ляжете с воспалением легких, от вас вообще не будет толка. Вам нужно день другой отлежаться, принимать лекарства, а я позабочусь и о вас и о раненых.

Дыхание доктора было тяжелым. Он коснулся рукой лба. Голова раскалывалась, тело потряхивало от озноба.

– Хорошо, несколько дней, – согласился доктор...

Через час Шмит обнаружил Лизу в лазарете – она занималась осмотром и перевязкой раненых.

– Лиза, нам пора уходить, – напомнил он. – Где доктор Штерн?

– Доктор болен, – сообщила она. – Я останусь здесь на несколько дней.

– Вы с ума сошли! – воскликнул Николай. – В вашем положении...

– Я знаю, что делаю...

– Однако не осознаете всех последствий!

– Николай Павлович, перестаньте кричать на меня, – предостерегла его Лиза. – Как только доктору Штерну станет лучше, я вернусь. Надеюсь, вы не будете против, если в вашей квартире в доме Плевако мы устроим лазарет. Когда начнутся бои, очень многим понадобится помощь.

– Да, конечно... Все равно я не согласен с вашим решением остаться здесь, – ответил он. – Возможно, вам лучше сразу же начать подготовку лазарета в моей квартире, не от-

кладывая на потом...

– Сейчас моя помощь нужна здесь. Дружина уже совершила несколько вылазок и нападений на полицейские участки. Есть тяжелораненые, которым нужен постоянный пригляд. Сегодня дружина готовится к вылазке снова. Боюсь, без жертв не обойдется.

Шмит взял ее за руку, сжал ее пальцы.

– Лиза, будьте осторожны, – произнес он с мольбой. – Я никогда себе не прощу, если с вами что-нибудь случится...

* * *

В ближайшие дни пресненские дружинники не раз совершали нападения на полицейские участки, вступали в уличные бои с солдатами и казаками. Были раненые, и помощь Лизы Глебовой оказалась как раз кстати.

– Полицейский участок на Кудринской никак не взять, – сетовал Алешин²⁴¹, пока Лиза делала ему перевязку. Рана была небольшая: пуля скользом прошла по плечу.

– Так вас там ранило? – спросила Лиза, кивнув в сторону раны.

– Нет. Сегодня часть наших была направлена защищать баррикаду на Новинском бульваре, остальные двинулись на Арбатскую баррикаду. В Проточном переулке мы и столкну-

---

²⁴¹ Кузьма Васильевич Алешин – участник вооруженного восстания на Пресне в декабре 1905 г. Родился в 1885 г. в деревне Андреевское Искановской волости Тарусского уезда Калужской губернии.

лись с солдатами. Завязалась перестрелка. Отряд мы разбили, но и сами понесли потери... Когда на Арбатской баррикаде заняли позиции – появились казаки, стали стрелять...

– А, Васильич, ты здесь, – в перевязочную заглянул Лукьянов, – Здравствуйте, Елизавета Николаевна. Как закончите, дуйте в столовую. Там народу валом, оглянуться не успеете, как голодными оставят...

Вскоре выяснилось, что стало вовсе опасно выходить во двор фабрики: полиция, установив пулемет на каланчу Пресненской части, держала под обстрелом район. Колокольчиков и Капралов – лучшие пресненские стрелки – на чердаке фабрики часами караулили городских, стрелявших из пулемета. Вскоре от Николая Шмита принесли бинокль «Цейс»²⁴², поставили прицел.

12 декабря, в три часа дня, Пресня впервые подверглась сильной артиллерийской бомбардировке. Пришло известие, что на Арбате войсковые части разбирают баррикады. Отряд дружинников отправился туда. Лиза с тревогой ожидала их возвращения, понимая, что и в очередной раз без жертв не обойдется... К вечеру она узнала о гибели нескольких рабочих, которых она знала. Среди них был и парторг Иван Васильевич Карасев...

---

²⁴² Прим. автора: Бинокли, разработанные ученым Эрнстом Аббе и основателем фабрики оптических систем, инженером Карлом Цейсом, поступили в продажу в 1894 г. Они имели привлекательный дизайн и давали достаточно резкое изображение. В 1904 г. был изобретен первый призматический прицел модели «1» с двукратным увеличением.

Спустя некоторое время очевидцы боев рассказали, что происходило на улицах.

У начала Проточного переулка отправившиеся на Арбат дружинники заметили отряд солдат, движущийся со стороны Дорогомилова. Приготовились к бою. Николаев и Колокольчиков прошли вперед, зашли с тыла. Солдаты, обнаружив засаду, схватились за винтовки. Началась стрельба... С первых выстрелов Егоров²⁴³ был ранен в ногу, но, упав на колено, продолжал стрелять. Были ранены Седов и Румянцев. Свалились двое солдат, некоторые дружинники, солдаты подняли руки вверх, еще двое солдат упало, и стрельба стихла. Товарищи оттащили раненых к первому попавшемуся дому под укрытие.

Колокольчиков с частью дружинников остался в Проточном переулке, чтобы оказать помощь раненым, развести их по приемным пунктам, а сдавшихся в плен солдат и захваченные винтовки отправить в штаб на фабрику к Нефедьчу²⁴⁴.

Большая часть дружинников двинулась дальше – отбивать арбатские баррикады. Выйдя со Смоленского рынка, заметили на Арбате солдат, разбирающих баррикады. Заняв позицию у раскрытых ворот и на другой стороне улицы, открыли огонь. Солдаты, укрывшись за баррикадами, принялись

---

²⁴³ Ипат Иванович Егоров – член ВКП(б) с 1903 г., участник баррикадных боев на Красной Пресне, был ранен, вследствие потерял ногу.

²⁴⁴ Прим. автора: Лукьянов Н.Н.

стрелять в ответ. Карасев, стрелявший стоя, был убит наповал – пуля попала в голову. «Долой самодержавие! Бей гадов!» С остервенением дружинники стали наступать. Когда добрались до баррикад, увидели только кровь на снегу – солдаты отступили...

Тело Карасева доставили на фабрику, решив похоронить с почестями. Рабочие сделали дубовый гроб, обили его красной материей и поставили в конторе. Хоронить предполагали в саду при фабрике, но похороны откладывались, так как на фабрику начали стекаться остатки некоторых боевых дружин, разбитых в других районах Москвы.

Положение становилось очень серьезным: среди рабочих стали ходить слухи, что из ЦК партии пришло распоряжение восстание кончать...

На похороны попрощаться с Карасевым пришли Катя и Николай Шмит. Лиза встретила их у входа в контору. Подруги обнялись. Шмит снял шапку, безмолвно кивнул, поприветствовав тем самым Лизу. Она в ответ кивнула и провела их внутрь. В перевязочной горели керосиновые лампы, освещая помещение, посреди которого на обернутом красной материей станке стоял гроб с телом...

...Прощаться с товарищем, несмотря на осадное положение, пришло много дружинников. Многие пришли прямо после боя и держали оружие в руках. Первым выступил Михаил Степанович Николаев. Его пальто, крепко затянутое ремнем с висевшей на нем кобурой револьвера, было в

нескольких местах порвано и в пятнах крови. Выше голенища сапога сквозь рваные брюки виднелась белая каемка бинта. Как бы очнувшись, он поднял голову и начал говорить:

– Дорогие товарищи! Сегодня мы переживаем тяжелое горе – нет среди нас нашего дорого друга, боевого товарища и руководителя партийной организации, члена Московского большевистского комитета Вани Карасева!.. Здесь, в нашей крепости, среди баррикад, и окруженные врагами, мы клянемся тебе, друг, отомстить за тебя! Мы будем еще ожесточеннее драться за наше великое дело свободы, за которое ты отдал свою благородную жизнь!

...После выступили товарищи с Прохоровской мануфактуры, сахарного завода, фабрики Мамонтовых, Брестской железной дороги. Последним вышел Николай Шмит. Он молча приблизился к заколоченному гробу, положил руку на крышку, постоял, затем наклонился, поцеловал.

Лиза не сразу заметила тревожный взгляд Николаева, к которому подошел один из дружинников. Они о чем-то быстро переговорили, затем Николаев обратился ко всем, кто находился в цехе:

– Товарищи! Боевая тревога! Войска наступают к Пресненскому мосту и со стороны Девятинского переулка. Все по своим местам!

Цех быстро опустел. У гроба остались лишь Николаев, Николай Шмит, доктор, Лиза и Катя.

– Николай Павлович, вас выведут отсюда проходными

дворами к Москве-реке. Там пока тихо. Да хранит вас бог! – сказал второпях Николаев, собираясь уйти, однако Шмит задержал его, ухватив за плечо.

– Мы здесь клялись у гроба Ивана Васильевича, а теперь вы хотите сделать меня трусом и предателем? – заговорил он, едва сдерживая возмущение. – Разве при разгроме полицейского участка, когда мы захватили трофейное оружие, я не был дисциплинированным дружинником? Провожатый поведет лишь женщин, – он кивнул в сторону сестры и Лизы, поддерживающей за плечи убитую горем вдову Карасева, – Их помощь понадобится в доме Плевако. Мы обустроили там медицинский пункт.

– Да, Елизавета Николаевна, вам следует пойти, – вставил для убедительности доктор, – Я в полном порядке, благодаря вашей заботе.

– Ваша помощь будет там очень кстати. Считайте это приказом, – подчеркнуто строго сказал Николаев.

Лиза промолчала, хотя ей не нравилось, что они решили за нее. Однако не время было спорить, и она медленно кивнула.

Николаев передал оружие Шмиту, тот обнял сестру на прощание, поцеловал, остановился подле Лизы. Она все же ободряюще улыбнулась ему, понимая, что возможно и не увидит его боле. Шмит на мгновение сжал ее локоть, затем зашагал следом за Николаевым.

* * *

Во дворе дома Плевако стоял шум. Жильцы, задрав головы кверху, роптали, проявляя негодование. На крыше рабочие по просьбе Лизы устанавливали флаг Красного креста, сама же она стояла внизу и игнорировала недовольство некоторых жильцов во главе с хозяином дома.

– Что же это делается! – кричал он. – Я не давал вам право! Вы ставите под угрозу весь мой дом, моих жильцов! Когда придут солдаты...

Лиза обернулась к нему:

– Это всего лишь флаг Красного Креста, а не Красное знамя. Наш человеческий долг оказывать помощь.

– Помощь? Оказывайте помощь, однако не привлекайте внимание к дому!

Лиза отвернулась от него и вновь посмотрела наверх. Рабочие, установив белое полотнище с красным крестом, уже спускались вниз.

– Это немыслимо! – воскликнул хозяин дома, однако вдруг оставил Лизу в покое и шагнул в сторону.

– А, наконец-то! Николай Павлович!

Лиза обернулась и увидела Николая Шмита, вошедшего во двор. Она облегченно вздохнула: уже прошло два дня с того момента, как они расстались на фабрике и о нем не было новостей. Его сестра не находила себе места.

Тем временем Плевако, тыкая пальцем вверх, пытался разъяснить Николаю ситуацию.

– Ради бога, уберите этот флаг!

Шмит устало взглянул наверх, туда, куда указывал хозяин дома, затем посмотрел на Лизу, и, вновь посмотрев на Плевако, пожал плечами.

– Вы погубите себя и меня!

– Можете всю вину возложить на меня, – ответил Шмит.

– Эх! – Плевако в сердцах махнул рукой и зашагал прочь.

Николай подошел к Лизе.

– Как продвигаются дела? – спросил он, разглядывая ее уставшее серьезное лицо.

– Много раненых. Благо в доме живет хирург – Чупров Иван Михайлович. Он так много делает для нас.

Шмит кивнул, полез в карман, вынул свернутый помятый лист бумаги.

– Вот, Михаил Степанович²⁴⁵, передал, – он протянул Лизе листовку.

Она развернула и пробежалась по тексту глазами. Российская социал-демократическая рабочая партия призывала рабочих отомстить за пролитую кровь рабочих и показать силу пролетарских масс и ужаснуть правительство и капиталистов. «Долой самодержавие! Да здравствует стачка! Да здравствует вооруженное восстание измученного народа!» – такими словами заканчивалось воззвание московского комитета РСДРП.

---

²⁴⁵ Прим. автора: М. С. Николаев, начальник боевой дружины фабрики Шмита на Пресне.

Лиза свернула лист бумаги и посмотрела на Шмита. Он был печален и хмур.

– Лиза, мне так хочется оградить вас и сестру от опасности. Однако пока вы находитесь здесь, вы подвергаетесь серьезной угрозе. Через день-два в Москву прибудет подкрепление для подавления восстания и тогда...

– И тогда мы подумаем, что делать дальше, – ответила Лиза.

* * *

К моменту прибытия Семеновского полка из Петербурга вооруженное восстание в Москве, за исключением Пресни, в основном было подавлено. Попытки семеновцев взять Пресню с ходу оказались безуспешными. Начались ожесточенные бои. Драгуны подтягивали к Пресне артиллерию. Раздались первые артиллерийские выстрелы и на улицах запылали пожары. Черный дым закрывал небо, снег таял, расплавленный огнем и, растекаясь по улицам, превращался в грязный скользкий лед. Из домов выбегали обезумевшие старики, женщины, дети, попадая под перекрестный обстрел.

Вечером шестнадцатого в квартире Шмита появился Литвин-Седой²⁴⁶.

---

²⁴⁶ Зиновий Яковлевич Литвин-Седой (Звулон Янкевич Литвин) (псевдонимы – Седой, Виллонен, Иголкин, Быстров) (1879, Коломна – 1947, Москва) – российский революционер, участник вооруженного восстания на Пресне, начальник штаба пресненских боевых дружин. Автор воспоминаний о декабрьском вооруженном восстании 1905 г.

– Московский комитет партии принял решение прекратить восстание, – сообщил он. – Вот, возьмите, – он протянул Лизе листовку, – нужно срочно размножить воззвание. В каждой дружине должны знать решение штаба.

Лиза прочла текст: «...Пресня окопалась. Ей одной выпало на долю еще стоять лицом к врагу. Вся она покрыта баррикадами и минирована фугасами. Это единственный уголок на всем земном шаре, где царствует рабочий класс... Пресня – крепость... Мы начали – мы кончаем. ...Будущее – за рабочим классом...»

Лиза передала листок Кате.

– Хорошо, мы сделаем, – ответила Катя. – Когда нужно?

– Сейчас.

– Сейчас? – Она с сомнением посмотрела на Лизу.

– Я и Вера²⁴⁷ – мы поможем тебе, – ответила она.

Женщины немедленно взялись за дело – заработал гектограф²⁴⁸.

Седой очень спешил, и женщины успели распечатать лишь экземпляров сорок.

Перевязав бечевкой листовки, он направился к выходу, однако, обернулся и, взглянув на гектограф, сказал:

– А вот эту штуку надо немедленно унести отсюда!

---

²⁴⁷ Прим. автора: Вера Чернявская. Оказывала медицинскую помощь дружинникам в лазарете, устроенный в доме Плевако.

²⁴⁸ Гектограф – тип копировального аппарата. Применялся для быстрого тиражирования материалов невысокого качества.

Гектограф сунули в мешок. Вера накинула полушубок и шаль, однако, Лиза остановила ее.

– Подожди, одной на улице не безопасно. Я пойду с тобой. – Она быстро оделась.

– Лиза, ты куда? – окликнула ее у выхода Катя. – На улице небезопасно...

– Я скоро, – коротко ответила она и последовала за Верой. Женщины вышли на улицу. Временно наступило затишье: не раздавались выстрелы, не гремели артиллерийские залпы, не раздавались топот копыт и крики.

Лиза и Вера быстро зашагали по улице, однако без происшествий не обошлось – на переулке их игриво окликнул офицер:

– Эй, девушки, постойте... Куда бежите?

Пройдя квартал, женщины разошлись в разные стороны – Вера свернула к деревянному дому, а Лиза как могла, быстро пошла вдоль улицы.

Найдя нужный дом с вывеской на первом этаже «Поверенный», она постучала. Очень долго дверь не открывали, однако, наконец, когда она уже потеряла надежду, что кто-то есть в доме, за дверью раздались шаги. На двери приоткрылось оконце, показалось сморщенное лицо прислуги, она признала Лизу, и открыла.

Поверенный был весьма удивлен, увидев госпожу Глебову на пороге своего кабинета.

– Госпожа Глебова, вы? Каким образом? На улице небез-

опасно, вы...

– Прошу прощения, что перебиваю вас, однако у меня очень мало времени.

– Прошу, проходите, – поверенный пропустил ее в кабинет, – присаживайтесь.

Лиза опустилась на стул.

– Я должна знать, господин Юрский, есть ли какие-нибудь известия от моего супруга?

– Сожалею, но нет.

Лиза опустила голову.

– О, прошу вас, не расстраивайтесь. Все обязательно наладится, – попытался приободрить ее поверенный. – Просто в данных обстоятельствах из-за того, что творится в городе, я ничего не могу предпринять.

Лиза посмотрела на него. Взгляд ее был уставший, безразличный, и этот взгляд еще более встревожил поверенного.

– Ничего страшного, господин Юрский. У меня будет к вам всего лишь одна просьба, – она вынула из кармана конверт, – не знаю, как все сложится. Это письмо моему мужу... Передайте ему... Обязательно. Как бы не сложилось...

Поверенный открыл рот, но не найдя ни одного подходящего слова, закрыл.

Лиза положила письмо на стол и поднялась. Затем пораздумав, медленно сняла обручальное кольцо с пальца и положила на письмо.

– Передадите?

Поверенный растерянно посмотрел на нее:

– Конечно...

– Что же, мне пора... Прощайте.

_ 56

* * *

Лиза возвращалась в дом Плевако, однако, в мыслях она была далеко, поэтому и не заметила, как добрела до одной из шмитовских баррикад.

– Елизавета Николаевна! – Кто-то ухватил ее за рукав пальто и оттащил к стене дома. – Опасно!

Молодой парнишка – рабочий фабрики – осуждающе, повзрослому, смотрел на нее.

Лиза осмотрелась по сторонам. Рабочие находились на баррикаде и, пользуясь временным затишьем, укрепляли ее. Некоторые жители соседних домов – женщины и старики – помогали.

Неожиданно в проулке появились мальчишки и на бегу в разнобой загалдели:

– Казаки! Казаки едут!

Жильцы мигом скрылись в домах, дружинники по укрытиям.

Лиза и парнишка-рабочий пробрались на баррикаду.

В наступившей тишине все отчетливее раздавался ритмичный цокот копыт лошадей. Вдруг все стихло: казаки

остановились за углом, спешили, построились, взяв винтовки на руку и стали строем приближаться к баррикаде. Казалось, прошла вечность. От этого прозвучавший первый выстрел резанул ухо, а за ним последовал гвалт выстрелов с обеих сторон. Лиза склонилась ниже и зажала уши руками. Пули бились о баррикаду, летели щепки от пробитой мебели и досок. Пара пуль просвистела совсем рядом. Кто-то рядом вскрикнул и упал. Лиза обернулась. Рабочий с непониманием взирал на рану в животе. Лиза пробралась к нему, потянула за ноги, чтобы убрать с места обстрела.

– Я помогу, – сказала она, расстёгивая его тулуп. Оттянув рубашку, взглянула на рану. Затем вынула из ридикюля перевязочный материал, наложила на рану. Запахнула тулуп. Огляделась по сторонам.

Стрельба стихла. На помощь к Лизе устремились двое рабочих.

– Нужны носилки, – сообщила она и кивнула в сторону шифоньерной двери, валявшейся поблизости.

– Осторожнее, – сказала она, когда рабочие стали перекладывать товарища на импровизированные носилки. – Нужно срочно к доктору. По возможности, накройте раненого чем-нибудь теплым.

– Сделаем, Елизавета Николаевна, – сказал один из рабочих. Они унесли раненого. Лиза огляделась и направилась к следующему раненому, который сидел на земле, прижавшись спиной к ящику.

– Как вы? – Лиза посмотрела в его посеревшее от боли лицо.

Дружинник взглянул на нее, криво усмехнулся:

– Могло бы быть и хуже.

– Разрешите? – Лиза указала на рану на плече.

– Да...

Лиза поверх одежды прощупала его руку. Обратила внимание на цвет крови. Затем быстро смастерила из бинта и палки жгут и наложила выше раны.

И тут раздался крик:

– Братья, тикайте! Пушки!

Дружинники бросились прочь, уводя и унося раненых. Лиза помогла подняться мужчине и как можно быстрее повела его прочь. И тут раздался первый залп. Ударивший близ баррикады снаряд взметнул в воздух обломки и осыпал ими улицу. Секундная задержка и опять залп. Лиза вздрогнула, когда волна мелких обломков настигла их. Один из дружинников подхватил раненого с другой стороны и помог Лизе довести его до проулка.

Переведя дух, Лиза обернулась. Еще раненый, настигнутый осколками, лежал на земле лицом вниз. Лиза повернула в его сторону – нужно помочь и тут очередной снаряд ударил совсем рядом...

Все стихло. То, что осталось от баррикады, местами пылало, черный дым клубился и поднимался вверх. Лиза подобралась к лежащему на земле мужчине. Убит. Струйка кро-

ви из пробитого виска стекала по его лицу.

Лиза огляделась по сторонам. Ни одного человека. Ни одной живой души. Она осталась совершенно одна среди обломков, пожара и дыма. Лиза поднялась. Наступившая тишина усугубляла чувство, что это конец. Все. Последние бастионы революции сегодня-завтра рухнут. Все обречены.

Ее взгляд упал на красное знамя, режущее наверху баррикады среди дыма, огня и наступающих сумерек. Лиза шагнула в его сторону. Так хотелось дотянуться до него, достать, спасти. Спасти символ революции, пролитой крови товарищей – борцов за свободу...

Лиза как могла, пробиравась наверх, осознавая, что времени осталось совсем мало. Вот сейчас казаки построятся в ряд и двинутся в сторону баррикады, чтобы добить тех, кто не скрылся...

Она поскользнулась и чуть не упала. Снова поднялась, посмотрела на знамя и сделала очередной шаг вперед. Осталось забраться наверх и тогда...

Человек появился словно неоткуда. Вынырнул по ту сторону баррикады из дыма и сгущающихся сумерек уходящего дня. Двигался он ловко и без промедлений. Преодолев высоту баррикады, на ходу подхватил знамя и стал быстро спускаться к Лизе. Лиза вздрогнула и замерла. На мгновение закрыла глаза, а когда открыла, то увидела перед собой Алексея.

Она покачнулась, однако он поддержал ее. Без слов взял

за руку и повел прочь с баррикады, помогая спуститься.

Оказавшись в проулке, Алексей остановился, поставил древко знамени к стене, сунул руку в карман, порылся. Затем вновь взял Лизу за руку и ловко надел кольцо на ее палец:

– Никогда не снимай его, – произнес он непреклонно.

– Не сниму.

Только теперь Глебов взглянул ей в глаза. Ее взгляд сказал ему все, что он хотел сейчас знать. Сердце замерло, а потом понеслось галопом. Алексей в одно мгновение приблизился к ней, его губы порывисто коснулись ее полуоткрытых губ.

Глаза Лизы засветились, она улыбнулась, однако опомнившись, повела мужа по проулку. Нужно было уйти как можно дальше от места боя. Оказавшись на безопасном расстоянии, Алексей вновь посмотрел в глаза жены, и хотел было что-то сказать, когда увидел мчащихся к ним двух рабочих.

– Елизавета Николаевна! Вы здесь! – выдохнул один из них, пытаясь отдышаться. – Нужна ваша помощь. Очень много раненых. Доктор не справляется.

– Да, да, конечно. – Лиза взглянула на Алексея. Он подбадривающе сжал ее пальцы.

– И еще. Николая Павловича арестовали.

– Арестовали? Когда?

– Около часу назад.

Лиза вновь посмотрела на Алексея. Он передал знамя одному из рабочих, кивком указал жене идти вперед и после-

довал за ней.

* * *

Дверь квартиры открыл Андриканис. Он впустил Лизу, взглянул на Глебова. Расстроенная Катя Шмит кинулась навстречу Лизе, однако, завидев Алексея, резко остановилась. Ее заплаканное лицо стало каменным и отчужденным.

– Николая арестовали, – сообщила она.

– Мне очень жаль. – Лиза протянула к ней руку, однако подруга смерила ее холодным взглядом.

– Всех больных перенесли в квартиру доктора Чупрова, – столь же холодно дополнила она.

– Ясно. – Лиза взглянула на мужа.

– Вам лучше уйти, – попросил Андриканис. – Она расстроена...

Лиза взглянула на подругу, но та отвернулась.

– Пойдем, – позвал Алексей.

Лиза молча вышла, Глебов последовал за ней.

...Раненых действительно оказалось очень много. Здесь были не только раненые дружинники, но и попавшие под обстрел местные жители. Были здесь старики, женщины, дети. Доктор занимался более сложными случаями, Лиза же оказывала первую помощь всем остальным, Алексей помогал переносить раненых...

День близился к концу: на улице затихли выстрелы. Раненых больше не приносили. Доктор Чупров отправил Лизу

отдохнуть в одной из комнат, она не стала отказываться, так как действительно устала. Не увидев поблизости мужа, Лиза прошла в дальнюю комнату. Устало посмотрела в окно, гадая, где же он. У них не было времени даже перекинуться парой слов, не то, что поговорить. А сказать друг другу нужно было очень много.

Дверь скрипнула, Лиза обернулась и увидела на пороге комнаты Алексея с охапкой дров. Взгляды их встретились, согревая души. Глебов прошел к камину, положил дрова на пол. Затем взял со стула плед, подошел к Лизе, бережно укутал ее.

– Ты пришел, – прошептала она.

– Да, я пришел, – ответил он тихо.

Лиза нежно коснулась ладошкой его щеки.

– Лиз, – Алексей запечатлел долгий поцелуй на ее ладони, – моя Лиз...

– Как же ты нашел меня? – Она прильнула к нему. Его объятия согрели ее.

– Мы с тобой разминулись у поверенного всего на четверть часа... Боже! Я чуть с ума не сошел, когда понял, что ты оказалась под обстрелом! Зачем ты так рискуешь?!

Он отстранился, чтобы посмотреть ей в глаза. На его лице были и гнев, и страх, и мука одновременно.

– Алеша...

– Я умру без тебя, понимаешь?

Глаза Лизы наполнились слезами. Он стиснул ее в своих

объятиях, затем испугавшись, что сделает ей больно, ослабил их, и покрыл быстрыми поцелуями ее лицо. – Прости меня. За все прости...

– Мне не за что тебя прощать...

Он припал к ее губам.

Когда отпустил, Лиза вздохнула и тихо рассмеялась:

– Хорошо. Я тебя прощаю.

Алексей посмотрел на насмешницу, остро осознавая, как же ему ее не хватало! И почему он думал, что сможет прожить без нее?! Это невозможно: она его половинка – лучшая половинка... Алексей вновь наклонился к ее губам и запечатлел на них долгий горячий нежный поцелуй.

– Я люблю тебя, Лиз. Буду любить тебя всегда, – прошептал он.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– И я тебе обещаю.

Они крепко обнялись, радуясь, что снова вместе. И на этот раз навсегда.

Неожиданно Глебов почувствовал легкий толчок в тугом плотном животе жены. Он слегка отстранился от Лизы и изумленно уставился на нее. Она улыбнулась, взяла его ладонь и приложила к своему животу. Ребенок притих, но неожиданно вновь толкнулся.

Лицо Алексея изменилось: удивление, растерянность, восторг.

– Ножка?

– Скорее всего, да, ножка. – Лиза засмеялась.

Алексей бережно и нежно погладил ее живот, и ребенок успокоился.

– Малыш сердился, а сейчас меня простил, – смущенно улыбаясь, произнес он.

– На тебя нельзя долго сердиться. – Она погладила его по лицу. – Мне так много нужно тебе сказать...

– Мне тоже. Твое письмо... Оно...

Лиза смутилась:

– Где оно?

Алексей похлопал по карману, усмехнулся:

– Я поставлю его в рамочку.

– Зачем? Нет!

– Да. Пусть наши дети и все, кто будет приходить к нам, видят, как ты меня безумно любишь.

Лиза закрыла лицо руками. Алексей аккуратно отвел ее руки в сторону. Лицо Лизы было красным от смущения.

– Ты – тщеславен, – сказала она. Алексей погладил большими пальцами ее щеки, подбородок:

– Нет. Я просто горжусь такой женой.

– Как же мне тебя не хватало! – прошептала Лиза. – Не оставляй меня больше, никогда.

– Не оставлю, – ответил он.

Внезапный залп оглушил и заставил задребезжать стекла. Затем второй, третий... Алексей отодвинул штору и они вы-

глянули в окно. Залпы не прекращались.

– Что? – вцепившись в плечо Алексея, спросила Лиза.

Глебов прижал ее к себе.

– Пресню бомбят, – ответил он. – С трех сторон.

Лиза и сама уже это видела. В темноте разгорался пожар.

Она вздрогнула.

– Фабрика горит, – вымолвила она. Лиза представила как горят склады дорогих сортов лесопильных материалов – пылающие штабеля красного дерева, карельской березы и дуба, горят ящики с новым, еще не распечатанным оборудованием... Загорались отдельные фабричные корпуса, орудийные снаряды разрывали их стены...

Фабрика пылала. Огонь разгорался с невероятной силой, языки пламени высоко вздымались в темное небо. Алексей крепко прижал к себе дрожащую Лизу. Фабрика Шмита – последний бастион революции – пал, уничтоженный залпами орудий и пожаром...

– Обними меня покрепче, – попросила она, чувствуя, как к горлу подступает ком, а на глаза наворачиваются слезы.

– Не плачь, – прошептал он.

– Это конец, – вымолвила Лиза.

Глебов хмурился, вглядываясь в пламя. Языки пламени отражались в его глазах, но сам он был словно где-то далеко... Алексей глубоко вздохнул и отвел взгляд в сторону:

– Нет. Это только начало...

* * *

Эпилог

Февраль 1906 года

Вагон мерно постукивал колесами. Лиза сидела возле окна, задумчиво уставившись на заснеженный пейзаж, мелькавший за окном движущегося поезда. Алексей прикрыл глаза. В последнее время ему очень редко удавалось поспать – слишком много забот навалилось сразу, столько дел требовало немедленного разрешения. Однако одно оставалось важным и имело по-настоящему для него значение – Лиза, его Лиза – жена, возлюбленная, мать его будущего ребенка, частица его самого – его сердце, была с ним...

Алексей сам не заметил, как погрузился в сон под мерный стук колес. Ту-дук, ту-дук, ту-дук... Сознание уносилось прочь, в промозглый холод зимней ночи...

«...Холод пронизывал Азефа до костей, не спасала даже толстая меховая шуба, которая была на нем надета. Он шел по мостовой, а ноги местами скользили на припорошенном снегом льду. Азеф опасно оглядывался, нутром ощущая опасность. Ничего не видно – слишком темно. Одинок горящий фонарь над домом поскрипывал, раскачиваясь на ветру. Азеф быстро свернул в глухой переулок, и тут же услышал быстрые шаги кинувшихся за ним преследователей. Он бросился прочь, его схватили, рванули за воротник шубы. Азеф вскрикнул, стал падать назад и с ужасом ощутил удар в спину. Острие ножа прошло сквозь мех и кожу толстой тя-

желой шубы, и боль пронзила тело. Азеф упал. Нападавшие скрылись. Шло время. Азеф вздрогнул, придя в себя, и открыл глаза...»

Алексей вздрогнул и открыл глаза. Пашка, резко свесив руку с верхней полки, забормотал и заворочался во сне. Лиза встала, бережно вернула руку ребенка на прежнее место, заботливо накрыла мальчика покрывалом.

Алексей улыбнулся, закрыл глаза, прислушиваясь к мерному стуку колес. «Ту-дук, ту-дук, ту-дук, ту-дук...»

«...В комнате двое. Гапон и Рутенберг. Они разговаривают. Гапон самодоволен и развязен, Рутенберг напряжен, нехотя продолжает разговор. Он проходит к двери, отворяет и в комнату один за другим входят люди. Обманутые и преданные Гапоном рабочие.

Гапон медленно встает, страх искажает его лицо, рабочие приближаются к нему, хватают. «Мартын! Мартын!» – Гапон попытался вырваться, ища поддержки и спасения у Рутенберга. Но Рутенберг молча наблюдает, как рабочие волокут предателя мимо в соседнюю комнату. Казнить... Гапону дают последнее слово. Он падает на колени, рыдает, просит пощадить. Но ему нет прощения. Ему накидывают петлю на шею, волокут в прихожую, закидывают веревку на крюк, вбитый в стену над вешалкой... Гапон сопротивляется, пытается вырваться, отчаянно кричит. Его зажимают, несколько пар рук натягивают веревку... Гапон пытается ослабить затянувшийся узел, хрипит, болтая в воздухе ногами. Лицо

его багровеет, глаза закатываются, он ослабевает и затихает...»

...Алексей вздрогнул. Вагон тряхнуло. Поезд остановился на одной из станций. По перрону ходили солдаты. В коридоре прошли пассажиры, одна из дам рассмеялась, проходя мимо, и Алексей уловил едва ощутимый запах сирени. Духи... Аромат весны... Поезд тронулся, потихоньку набирая скорость...

«... Витте стоял перед окном и смотрел на сад. Весна брала свое. Деревья покачивались под порывами легкого апрельского ветерка. Однако Витте трудно было дышать. Он открыл настежь окно, и свежий воздух ворвался внутрь, заколыхав занавески.

Витте судорожно вдохнул, сжал пальцы в кулак, прошел к столу и принялся за письмо: «Ваше Императорское Величество. Я чувствую себя от всеобщей травли разбитым и настолько нервным, что я не буду в состоянии сохранять то хладнокровие, которое потребно в положении председателя совета министров... Я имею честь просить Ваше Императорское Величество, освободить меня от обязанностей председателя совета министров до открытия Государственной Думы...»

«...Малышев стоял в большом просторном кабинете перед человеком в мундире, сидящем за столом.

– Итак, господин Малышев, вы проделали большую работу, – произнес холодный голос. – Однако вы не устранили

Глебова и тем самым сильно рисковали всем планом.

– Вы позволили мне по ходу дела вносить корректировки в наш план, – ответил Малышев, оставаясь в постройке «смирно». – Я счел полезным сохранить ему жизнь, так как дальнейшее развитие дела предполагает воспользоваться его услугами.

– Вы придаете большее значение данному человеку, чем представляли его для нас. Возможно, есть что-то, о чем вы не говорите?

– Нет. Я представил вам полную информацию о Глебове.

– Что же, победителей не судят. Однако за последствия вы несете полную ответственность.

– Да.

– Идите.

...Малышев шел по коридору Департамента, отвечая вежливым кивком на приветствия со стороны сослуживцев. Зайдя в свой кабинет, он аккуратно закрыл за собой дверь и прошел к столу.

В дверь постучали, затем она слегка приоткрылась. На пороге возник секретарь. Обсудив с ним пару неотложных вопросов, Малышев, спокойно дождавшись, когда секретарь закроет дверь, повернулся к сейфу. Набрав шифр, открыл дверцу и вынул несколько папок.

Некоторое время Малышев задумчиво смотрел на серые картонные папки с надписью «Особо секретно». В делах, относящихся к масонам, уже насчитывалось более тысячи ли-

стов машинописных и рукописных документов. Борьба полиции с масонством набирала ход, однако парализовалась из-за «засоренности» масонами правительственных учреждений. Многие сведения, получаемые полицией агентурно, становились известны лидерам вольнокаменщиков, сводя на нет все труды. Нужно быть особенно осторожным...

Малышев медленно открыл одну из папок и вынул из нее несколько листков – отдельный доклад, где говорилось о Глебове и его роли во всем этом деле. Некоторое время Малышев стоял на месте, затем опустил листы в мусорную корзину и, чиркнув спичкой коробок, поджег. Бумага задымилась и, вспыхнув, разгорелась...»

* * *

– Алеша! – услышал Глебов сквозь туман голос Лизы. Он вздохнул, открыл глаза, затем вновь закрыл. Перед глазами все еще плясали огоньки догорающей бумаги и плавящихся под пламенем буковок на них.

Жена нежно погладила его по волосам.

Глебов поморгал, окончательно избавляясь от остатков сна, и посмотрел на Лизу. Лицо ее было бледным. Сегодня ей нездоровилось, и она куталась в шаль.

– Видения? – Она погладила его по щеке.

– Да. – Алексей вздохнул, губами прижался к ее ладони.

– Бурцев сел в поезд, – сообщила она.

Глебов еще раз прижался губами к ее ладони и, подняв-

шись, направился к двери. На выходе он обернулся:

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – ответила она, пытаясь улыбнуться. – Просто знобит.

– Точно?

– Точно.

– Я скоро вернусь. – Он развернулся и вышел.

Пройдя несколько вагонов, Глебов остановился возле одной из дверей купе и постучал.

– Да? – раздался удивленный вопрос. Алексей открыл дверь.

Убедившись, что в вагоне те, кто ему нужен – случайные попутчики Бурцев и Лопухин – со словами «Вы позволите?» он вошел и закрыл дверь. Лопухин его сразу узнал.

– Не стоит, Алексей Александрович, – сказал он, заметив, что бывший директор Департамента полиции потянулся к оружию, – вы ведь знаете, я не убийца.

Алексей сел на один с ним диванчик и посмотрел на Бурцева²⁴⁹. Тот был удивлен, озадачен и смотрел на непрошеного гостя.

– А вы – Владимир Львович Бурцев, публицист, редактор журнала, не так ли?

---

²⁴⁹ Владимир Львович Бурцев (1862, Форт-Александровский, Закаспийская область – 1942, Париж) – русский публицист и издатель, дворянин Уфимской губернии, заслуживший за свои разоблачения секретных сотрудников Департамента полиции – «провокаторов царской охранки» – прозвище «Шерлок Холмс русской революции».

– Да. Что, собственно, происходит?!

– Господа, мой рассказ будет интересен вам обоим, – сказал он. – Прошу только не упоминать меня в случае, если вы изъявите желание обнародовать полученную информацию.

Бурцев взглянул на Лопухина, затем вновь на Глебова, кивнул, но видя, что этого мало, нетерпеливо произнес:

– Да, даю слово.

– Даю слово чести, – раздраженно сказал хмурый Лопухин.

Алексей усмехнулся уголками губ.

– Позвольте? – Он потянулся к портсигару на столе. Бурцев кивнул:

– Да, конечно.

Глебов закурил, затянулся папиросой, откинулся на спинку дивана.

– Итак... Все началось с того времени, когда господин Лопухин решил использовать меня в своих личных интересах...

Попутчики ни разу его не перебили. Глебов рассказал им невероятную историю об интригах Рачковского, о предательствах Азефа, коварных планах Витте, о заговоре масонов, о террористах Савинкове и Швейцере, о покушениях... Рассказ был долгим.

Когда Глебов закончил, в купе стояла полная тишина. Алексей встал.

– Позвольте, – окликнул его Бурцев, который был шоки-

рован услышанным, – но доказательства?

– Доказательства? Думаю, господин Лопухин, как бывший директор Департамента, может дать вам какую-то часть доказательств. Не так ли?

Алексей повернулся к Лопухину. Тот отвел взгляд в сторону. Глебов иронично усмехнулся:

– Хотя... сведения, полученные от него, не стоят даже содержимого в вашем портсигаре. Что ж, господин Лопухин, вы выполнил сполна работу, которую вы мне навязали. Вижу, вы шокированы не меньше, чем ваш попутчик, господин Бурцев.

– Если все это правда... – Лопухин посмотрел на Глебова.

– Все это – правда.

Лопухин снял пенсне и нервно стал протирать стекла носовым платком.

– Господин Бурцев, – Алексей на прощание кивнул головой и вышел.

Когда Глебов вышел и закрыл дверь, Бурцев посмотрел на Лопухина.

– Вы знаете, кто это был? Можно ли ему верить?

Лопухин взглянул на своего попутчика.

– Мы можем верить или не верить, – ответил он нервно. –

Или поверить в то, во что захотим поверить...

– А доказательства?

– Доказательства? Я бы посоветовал вам, господин Бурцев, забыть большую часть того, что вы сейчас услышали.

– Но позвольте...

– Позвольте мне. Я удручен услышанным. – Лопухин откинулся на спинку дивана. – Мне нужно поразмыслить. – Он закрыл глаза.

Бурцев потянулся за портсигаром. Открыв крышку, он увидел ключ с небольшой свернутой трубочкой запиской, подкинутые, по всей видимости, странным незнакомцем. Взглянув на Лопухина, Бурцев неторопливо достал папиросу и, закурив, убрал портсигар в карман.

– А вот ключик и записку отдайте мне, – услышал он голос Лопухина. Бурцев взглянул на попутчика. Лопухин смотрел прямо на него и его взгляд не предвещал ничего хорошего. – Отдайте. Ну же.

Бурцев нехотя вынул портсигар из кармана и, положив на стол, подтолкнул в сторону Лопухина. Тот неторопливо взял его в руки, открыл, развернул записку, затем чиркнул спичку и сжег бумажку с указанием места, а ключ положил себе в карман.

– Забудьте обо всем. Когда придет время, я сам найду вас и представлю нужные доказательства, – сказал он. – И кстати, мы подъезжаем к станции. Вам пора выходить. Да и мне тоже.

* * *

Глебов наблюдал, как господа, покинув вагон, высадились на перроне. Бурцев удручено посмотрел на поезд. Взгляд Ло-

пухина был хмурым. Он также взглянул на поезд, обратился к Бурцеву, и, дождавшись, когда поезд тронется, направился к зданию вокзала.

Алексей закурил папироску. Последнюю. Он пообещал, что бросит курить. Глубоко затянулся и выпустил ноздрями дым. Итак, Лопухин захватил наживку. За последний месяц Алексей потратил немало сил и времени на сбор доказательств, которые хранились в почтовом отделении близ станции, на которой они сейчас останавливались. С Лопухина все началось, на нем и закончится. Лопухин давно жаждет реванша, поэтому не упустит возможности расправиться с противниками и вернуться в политику. Хотя... Глебов не был уверен, что Лопухину это удастся. Уж очень опасными были противники, и малочисленны были союзники у бывшего директора Департамента полиции. По крайней мере, стравив друг с другом своих недругов, Глебов мог быть уверен, что в борьбе они, если и не уничтожат, то ослабят друг друга. Ему лишь остается лечь на дно. Уехать как можно дальше. Пора кончать с играми, нужно посвятить себя близким: жене и детям. В конце концов, ничего нет дороже семьи, а у него она есть.

Алексей выкинул окурок в окно и вернулся в купе. Лиза полулежа расположилась на диванчике. Лицо ее было серым, на висках выступили капельки пота.

– Как? – спросила она.

– Все хорошо. – Алексей присел рядом с ней, дотронулся

до вспотевшего лба жены. – Ты выглядишь неважно.

– Я знаю. – Лиза поморщилась от боли.

– Что? Схватки? Давно?

– Да-а, – Лиза застонала.

Алексей мгновенно выглянул в коридор, крикнул проводника, маячившего в конце вагона:

– Доктор? Доктор есть?

– Да откуда ж? – Проводник пожал плечами, через плечо Алексея заметил в купе полулежащую женщину.

– Алеша, – окликнула Лиза, и Глебов обернулся. С полки свесился Пашка и смотрел на них во все глаза удивленно и ошарашенно.

– Ну-ка, иди сюда, – как можно спокойнее сказал Алексей, подхватил мальчишку на руки и опустил на пол. Посмотрел на проводника:

– Присмотрите за ребенком, – он вмиг вынул купюру и вложил ее в руку проводника, – найдите доктора. И скорее.

Он взглянул на Пашку:

– Эй, друг, ты должен пойти с дядькой. Он покажет тебе, где работает и чем занимается.

– Тетя Лиза больна? – Мальчишка был напуган. Алексей тоже, но постарался этого не показать.

Он посмотрел на жену:

– Тетя Лиза решила сделать нам сюрприз. И, кажется, ей это удалось.

Проводник, смущенно улыбаясь, увел мальчика. Прикрыв

дверь, Алексей подошел к жене, подложил подушки под ее голову и удобней уложил на диванчик.

– Я не дождусь доктора, – тяжело дыша, сказала Лиза, после приступа боли.

– Родная, скажи, что я должен сделать? – спросил как можно спокойней Алексей, поглаживая ее по щеке.

– Скажи, пусть принесут горячую воду, чистую простынь, полотенца, ножницы, йод, спирт или водку... – Лиза застонала.

Алексей сглотнул, сжал кулаки, затем стащил с жены обувь и чулки. Потом скинул пиджак и выглянул в коридор. По всей видимости, проводник поднял целый переполох: в коридор из своих купе выглядывали пассажиры.

– Если среди вас есть доктор или кто-то, кто принимал роды, прошу оказать помощь, – громко произнес Глебов. – Остальных я попрошу не мешать и вернуться в свои купе. Пожалуйста.

По тому, как быстро опустел коридор, стало ясно, что помощи ждать не следует.

Через минуту вернулся запыхавшийся проводник и сообщил, что докторов среди пассажиров поезда нет. Алексей провел рукой по лицу, глубоко вздохнул, затем сказал проводнику, что необходимо принести. Подумав, попросил и нашатырь. Проводник кивнув, сразу исчез из виду.

Алексей вернулся к жене. Она вела себя стоически.

– Не переживай. Я присутствовала на родах... – Она вновь

громко застонала.

Алексей молча ждал, но потому, как сжались его челюсти и выступили капельки пота на висках, можно было понять, что он чрезмерно напряжен.

– Что я должен делать? – спросил он, садясь рядом.

– Помоги раздеться.

– Это всегда, пожалуйста, – попытался пошутить он, однако Лизе было не до шуток.

– Что дальше? – выполнив ее просьбу, спросил он.

– Схватки... они стали чаще. Потом начнутся потуги. Ты должен будешь помочь мне лечь на спину. Когда появится головка... Надеюсь, это будет головка... придержи головку ребенка. Если будет необходимо, уберешь с шейки пуповину. Освободишь ротик и носик от слизи... – Лиза вновь застонала.

В купе постучались. Глебов приоткрыл дверь и, увидев проводника, принесшего все необходимое, вышел в коридор и закрыл дверь.

Первым делом Алексей выудил бутылку нашатыря, вскрыл, сунул под нос проводнику, затем нюхнул сам, забрал поднос из его рук.

– Вода где?

– Сейчас будет. – Проводник исчез также быстро, как и появился.

Алексей вернулся в купе, поставил поднос на стол, развернул плед и закрепил его на верхней полке, сделав ширму

для жены. Затем подстелил под Лизу простынь.

Явился проводник, принес воду.

– Когда станция? – спросил Алексей, оглядываясь на стонущую за ширмой жену.

– Не скоро. И вряд ли вы найдете там доктора – деревня захудалая. А никакая повитуха в поезд не сядет. И высадятся негде.

– Понятно. – Алексей сжал от напряжения челюсти. И зачем он согласился, пойдя у Лизы на поводу? Она ведь уверяла, что роды начнутся через неделю! – Если вы поможете мне решить эти трудности, я очень щедро вас вознагражу.

Он закрыл дверь, поставил ведро с водой близ кровати. Добавил красные кристаллики марганца, размешал воду, намочил по просьбе Лизы полотенце и протянул ей.

Лиза крепилась, но ужасно боялась. Все же она попросила Алексея на некоторое время отвернуться, что он и сделал.

Алексей вскрыл бутылку водки, хлебнул, затем полил на руки и сел на соседнюю полку. Время тянулось неумолимо долго. Схватки стали чаще и продолжительней. Алексей несколько раз утирал пот с лица и груди жены. Ее взгляд порой становился злым, будто она винила его за боль и страдания, которые ей сейчас приходилось терпеть. Но Лиза ни разу не произнесла обвинений в его сторону, а Алексей старался больше не смотреть ей в глаза.

Когда начались потуги, он сел возле ног жены, приподнял подол нижней юбки. Как же он будет принимать роды?!

– Ну что там? – простонала Лиза.

Алексей неопределенно повел плечами, и все же волей неволей, заглянул под юбки. Его охватывал тихий ужас...

– Алексей!

– Не пойму... – сглотнув, сказал он. – Головка показалась! – Пальцы предательски задрожали, а голос дрогнул. – Что дальше?

Лиза не ответила, тужась, закричала...

Алексей на миг зажмурился, затем подхватил показавшуюся головку. Что-то пошло не так! Головка была покрыта пленкой, мешающей ребенку дышать. Руки Алексея затряслись. Он с замершим сердцем надорвал пузырь...

Когда маленькое склизкое раскрасневшееся тельце оказалось в его руках, сердце Алексея припустило вскачь.

– Сын!

С невероятным напряжением сунув палец ребенку в ротик, он осторожно устранил слизь, затем перевернул ребенка, пальцами постучал по спинке. Малыш заорал. Алексей приподнял его, во все глаза смотря на его сморщенное маленькое личико, сердце его екнуло и вновь припустило вскачь. Он взглянул на заплаканное от облегчения измученное лицо жены и уже ничего не мог сказать...

* * *

Лиза проснулась. Поезд по-прежнему мчался по дороге, стуча колесами по рельсам. Пашка спал на верхней полке,

свесив худую длинную руку вниз. Алексей же сидел на нижней, держа завернутого в свою чистую рубашку сына, и задумчиво смотрел в окно. Лиза улыбнулась. Ее семья!

Будто почувствовав, что жена за ним наблюдает, Алексей медленно повернул голову в ее сторону. Улыбнулся. Затем аккуратно, бережно держа ребенка, перебрался к ней.

– Спит? – Она коснулась ручки малыша.

– Спит, – влюблено смотря на жену, ответил Алексей.

Лиза улыбнулась:

– А я боялась.

– Чего?

– Что после такого ты разлюбишь меня, – к себе, поцеловал в ладонь. – Это было... самое потрясающее приключение в моей жизни. Большого потрясения я в жизни не испытывал!

Лиза тихонько засмеялась, а Алексей продолжил с улыбкой:

– Но в следующий раз пригласим заранее доктора, хорошо? Второй раз подобного потрясения я не переживу.

Лиза вновь засмеялась, наклонила его голову к себе и поцеловала в губы.

Некоторое время они молча смотрели на спящего ребенка. Чудо их любви. Лиза перевела нежный взгляд на Алексея:

– А ты плакал.

– Когда?! – Глебов удивленно посмотрел на нее. Она влюблено смотрела в его глаза.

– Когда наш сын впервые закричал.

– Правда? – Алексей улыбнулся.

– Правда. И тогда я еще раз в тебя влюбилась.

– А я в тебя, – признался он. Затем нежно поцеловал жену в губы. – Родная моя...

– Мой муж...

– Да?

– Ты решил, где мы будем жить?

– Мы вместе это решим. – Глебов помолчал, нежно провел ладонью по ее волосам, заглянул в глаза. – Любовь моя, мой дом – там, где ты...